

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ – 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
К ЮБИЛЕЮ
А. И. КУЗНЕЦОВОЙ

Издательство Московского университета

УДК 811
ББК 81.2
Л59

*Под общей редакцией чл. корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика
Составители: Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин*

Рецензенты:

д.ф.н. проф. *Д. М. Насилов*,
д.ф.н. доц. *А. В. Архипов*

Лингвистический беспредел – 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Под общей редакцией чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 435 с.

ISBN 978-5-19-010876-7

Сборник статей посвящается 80-летию д.ф.н., проф. Ариадны Ивановны Кузнецовой. Тематика вошедших в сборник статей коллег и учеников юбиляра отражает круг ее интересов. Большая часть касается проблем уралистики, освещаются также вопросы общего и русского языкознания.

Сборник представляет интерес для финно-угроведов, русистов и специалистов в различных областях лингвистики.

УДК 811
ББК 81.2

ISBN 978-5-19-010876-7

© Коллектив авторов, 2013
© Филологический факультет МГУ
имени М.В.Ломоносова, 2013

От авторов и составителей

Десять лет промчались с момента выхода «Лингвистического беспредела», сборника к 70-летию Ариадны Ивановны Кузнецовой. Что изменилось? Уменьшилось количество статей по русистике настолько, что они теперь не могут составить специальный раздел. Увеличилось количество статей по уралистике, и в настоящем сборнике мы решили разделить «Самоедологию» и «Финно-угристику». Заметно больше авторов обратилось к проблемам самодийских языков, что представляется естественным, поскольку вклад юбиляра именно в эту область трудно переоценить. Появилась работа по смежной дисциплине – физической антропологии. Выделился раздел «Площадка молодняка», в который вошли статьи младшего поколения учеников Ариадны Ивановны, студентов ОТиПЛа; и эти работы выполнены на материале финно-угорских языков.

Но главное осталось неизменным. Сборник по-прежнему отражает тематическое разнообразие вошедших в него статей, что, в свою очередь, является следствием широты интересов юбиляра. Авторы по-прежнему объединяет глубочайшее уважение и искренняя любовь к Ариадне Ивановне. Неизменными остались все прекрасные качества юбиляра, неизменным осталось все, о чем мы писали в предисловии десять лет назад.

Желаем Ариадне Ивановне новых творческих успехов!

Раздел 1. Уралистика: Самоедология

А. В. Дыбо (Москва)

Пратюркский и прасамодийский – контактная лексика¹

Изучение тюрко-самодийских языковых контактов имеет длинную историю. Здесь мы по соображениям места ограничиваемся позднейшими работами.

Что касается самодийских заимствований в пратюркском, последний по времени обзор с оценкой достоверности и возможного времени заимствования см. в Хелимский 2000, 301–312. Мы можем заметить по этому поводу следующее: Е. А. Хелимский оценивает как надежные или «приемлемые» самодийские заимствования в пратюркский и общетюркский восемь этимологий: 1. ПСам. **kaətjə* ‘ель’ > ПТ **kadī* ‘сосна’; 2. ПСам. **ki*, **kilz* ‘соболь’ > ПТ **kɪl* ‘соболь’; 3. ПСам. **tjɪtɛŋ* ‘сибирский кедр’ > ОТ **tīt* ‘лиственница’; 4. ПСам. **koəjə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’; 5. ПСам. **käsa* ‘кора’ > ОТ **kās* ‘кора’; 6. ПСам. **kacu* ‘метель’ > ОТ **kād* ‘метель, непогода, буря’; 7. ПСам. **talä-* ‘воровать’ > ПТ **iāla-* ‘грабить’; 8. ПСам. **üətz* (? **üitz*) ‘вечер’ > ПТ **jüdi* / **jüde* > чув. *šěr*, *šör* ‘ночь’. Глоттохронологическая датировка распада прасамодийского – вторая половина I тысячелетия до н.э. (программа STARLING дает 340 г. до н.э. для распада на северную и южную группы, распад этих групп – I–II вв. н.э.)², что, в

¹ Работа выполнялась при поддержке проекта программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект Ранние контакты языков урало-алтайской общности.

² Генеалогическое древо самодийских языков к настоящему времени в основном восстанавливается в двух видах. 1. Традиционная точка зрения – первое разделение на северную и южную группы, затем северная группа распадается на нганасанский, энецкий и ненецкий (причем нганасанский то ли отпадает несколько раньше остальных, то ли подвергся сильному воздействию не-уральского субстрата), южная группа распадается сначала (довольно рано) на селькупский и саяно-самодийские, затем саяно-самодийские распадается между собой. 2. Классификация, предложенная Е.А. Хелимским: первый распад – на четыре ветви, северную, селькупскую, камасинско-койбальскую и маторскую (матор-тайги-карагасскую), см. Хелимский 2000, 22. Глоттохронологический подсчет (самодийские лексико-статистические списки собраны Е.А. Хелимским (Хелимский 1982, 129–133), дополнены Ю.В. Норманской и частично доработаны на предмет отсева заимствований при под-

общем, согласуется с возможностью заимствования в пратюркский из прасамодийского (предположительная локализация применительно к I тыс. до н.э. – восточная часть Обь–Иртышья – Хелимский 2000, 17) или праюжносамодийского. Последующие разработки алтайского родства, впрочем, не подтверждают этих заимствований, поскольку все эти основы получили довольно убедительные алтайские этимологии. Ср. в EDAL: 1. Палт. **ke(n)da* ‘вид хвойного дерева’: ПТ **Kađi* ‘сосна’, ПТМ **kende-* ‘туя’; 2. Палт. **k'jūla* ‘соболь, белка’: ПТ **kīl* ‘соболь’, ПМонг. **kulgana* ‘мышь’, ПТМ **xulu-kī* ‘белка’; 3. Палт. **čākte* ‘сосна, лиственница’: ПТ **Tīt* ‘лиственница’, ПТМ **ž agda* ‘сосна’; 4. Палт. **kadV* ‘скала, гора’: ПТ **K(i)aja* (?) ‘скала’, ПМонг. **kada* ‘скала’, ПТМ **kada* ‘скала’; 5. Палт. **k'jòše-* ‘скрести, брить’: ПТ **Kas* ‘кора; обдирать’, ПМонг. **kisu-* ‘скрести, брить’, ПТМ **xuši/*kuši* ‘нож’, ПЯп. **kusa/*kəsà-i* ‘экзема’; 6. Палт. **k'ědò* ‘ветер, туман’: ПТ **Kad* ‘ненастье, буря’, ПМонг. **küden* ‘туман’, ПТМ **xedün* ‘ветер’, ПЯп. **kəti* ‘восточный ветер’; 7. Палт. **i'āla-* ‘грабить, похищать’: ПТ **iāla-* ‘грабить’, ПМонг. **tala-* ‘грабить’, ср.-кор. *tār'ái-* ‘соблазнять, заманивать’, ПЯп. **iárá-s-* ‘соблазнять, обманывать’); 8. Предположение о заимствовании в пратюркский или прабулгарский **jüdi* / **jüde*, давший чув. *šěr, šör* ‘ночь’, из прамарийского **jūt* (**jūd-*) ‘ночь’ или ПСам. **üätz* (? **üitz*) ‘вечер’ (из ПУр. **jütz* ‘вечер, ночь’ UEW 99), по-видимому, излишне. Чув. *šěr, šör* ‘ночь’ совершенно закономерно возводится к ПТ **jir*, др.-тюрк. *jir* ‘левая сторона, север’ – и фонетически, и семантически, ср. чув. *šěr jenni* ‘северная сторона, север’.

Вот, однако, те случаи, когда самодийское заимствование с формальной точки зрения представляется все же более вероятным, чем алтайская этимология. 4. ПСам. **koəǰə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’. Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУр. **kad'a* > венг. *hegy* ‘верхушка, гора’), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития Палт. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*. 5. ПСам. **käsa* ‘кора’ > ОТ **kās* ‘кора’ (др.-уйг. *qas, qasuq*, крх.-уйг. *qas, qasuq* (МК), хал. *q oās*). Тюркское слово по семантике несколько выбивается из алтайской этимологии. К тому же в тюркском можно выделить два корня: именной **kās* ‘кора’, с первичной долготой, отразившейся в халаджском, и глагольный **kas-* ‘обдирать’. Краткость последнего отражается в наличии фарингализации в тоф. *qa š-* ‘лузгать орехи’ (см. ЭСТЯ 1997, 328, также 330–331); чув. *xisma* (рефлекс производного **kas-mak* ‘поскребки, корка’) указывает на закрытый **a*; этот второй корень и следует объединять с приведенными алтайскими параллелями. Самодийское слово имеет счете нами) демонстрирует дерево, идентичное традиционному. Мы в дальнейших выкладках стараемся учитывать обе возможности.

нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(n)ćkz* ‘кора’) и может считаться источником др.-тюрк. и халадж.

Случай 1. ПСам. **kaətiə* ‘ель’ > ПТ **Kadi* ‘сосна’ и 3. ПСам. **titeŋ* ‘сибирский кедр’ > ОТ **Titi* ‘лиственница’, кроме противоречащего гипотезе о заимствовании факта наличия алтайских этимологий у тюркских слов, хотя и парных, но фонетически и семантически вполне правильных, оба предполагают одну и ту же семантическую (и культурную) странность. При принятии гипотезы о самодийском заимствовании оказывается, что тюрки почему-то, приобретая название ранее неизвестного им дерева (ср. Терентьев 1999, с. 180: «То, что в тюркских языках это слово стало значить “сосна”, не должно смущать нас, ибо... пратюрки, обитая в степной зоне, не были хорошо осведомлены о породах хвойных деревьев»), заимствовали для него название совсем другого дерева. Что касается географии распространения обсуждаемых деревьев, то кедр засвидетельствован на южных склонах Монгольского Алтая (это – крайняя южная граница его распространения, ср.: Мурзаев 1966, 216)³, лиственница же распространена гораздо дальше на восток и юг, в частности, на Тянь-Шане и в Ордосе, т. е. гораздо ближе к предполагаемым местам обитания пратюрков – и скорее всего была им хорошо известна, как и сосна, и ель; в таких обстоятельствах заимствование названия кедра для обозначения лиственницы или ели для обозначения сосны маловероятно.

³ Вызывает недоумение ссылка Е.А. Хелимского (Хелимский 2000, 15) на Хотинский 1977 в связи с утверждением о том, что по палинологическим данным кедр *Pinus sibirica* в период VI – середины I тыс. до н.э. был широко распространен в Западной Сибири, а в Восточной Сибири был представлен в основном в виде кедрового стланика. Из книги Н.А. Хотинского ясно, во-первых, что у рода *Pinus* можно различать по пыльце два подрода, *Diploxylon* и *Gaploxylon*. К первому из них относится, в частности, сосна, ко второму – кедр и кедровый стланик; соответственно, для севера Восточной Сибири (в районе Якутска), где в течение суббореального и субатлантического периодов (как раз указанный интервал времени) увеличивается содержание пыльцы *Gaploxylon* по сравнению с пыльцой лиственницы, можно сделать вывод о снижении верхней границы леса вследствие похолодания. На диаграммах из южной части Восточной Сибири (Енисейский кряж, 108, рис. 35; 110, рис. 36, и Забайкалье, 113, рис. 37) показано существенное наличие пыльцы кедра внутри лесных формаций со времени 9700 лет назад, а в случае Забайкалья, где ледник сходил позднее – со времени 4200 лет назад, т. е. 2200 лет до н.э., заведомо до возможной встречи тюрков и самодийцев. Ср. также данные по Монгольскому Алтаю (Савина 1986, 148): бореальный период (10–8 тыс. лет назад) – господствуют кедрово-лиственничные редкостойные леса, атлантический (8–5 тыс. лет назад) – лиственничные и кедрово-лиственничные леса, суббореальный (5 тыс. – 2100 лет назад) – максимальная облесенность, лиственничные леса в Центральном Хангае с кедром, в Северо-Восточном Хангае с сосной.

Что касается случая 2 (ПСам. **ki*, **kilz* ‘соболь’ > ПТ **kīl* ‘соболь’) то самодийское слово не имеет хорошей уральской этимологии (ср. новую этимологию для ПФУ **kad’wz* ‘самка’, обычно сопоставляемого с ПСам. **ki*: ПСам. **kejmä* ‘самка’ (Janh. 66), значительно более приемлемую фонетически и семантически – Aikio 2002). Согласно зоологическим данным, соболь обитает в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, но в Западную Сибирь ареал его распространения заходит довольно относительно (см. карту 75 в Млекопитающие СССР, 137: небольшая территория севернее среднего течения Оби), в то время как бассейны Енисея и Лены захватывает полностью и даже заходит южнее их истоков⁴. В общем, гораздо более вероятно заимствование в прасамодийский из пратюркского (с последующим общесамодийским переходом **-l* > **-j* на конце слога).

Таким образом, приходится отказаться от гипотезы о заимствовании из прасамодийского в пратюркский наименований основных «таежных реалий». Надо сказать, что в связи с этим гораздо более сомнительно выглядят и рассмотренные выше случаи 1 и 3 – при отсутствии массивированного заимствования из прасамодийского в пратюркский культурной лексики маловероятно заимствование таких слов, как «кора» и «скала» (из которых первое даже входит в 100-словный список Сводеша, по определению мало проницаемый)⁵. Можно, конечно, предположить, что название коры заимствовалось именно как культурное слово, характерное для таежного хозяйства (например, как материал для изготовления корьевого чума).

⁴ Ср. возможность реконструкции праалтайского названия соболя: ПАлт. **balu*, ПМонг. **bulagan*, ПТМ **bali-*, ПЯп. **puruki* (Ozawa 314–315; EDAL; ср. Miller 1996).

⁵ Несомненно при этом наличие значительного числа относительно новых самодизмов в сибирскотюркских языках, некоторые из которых также рассмотрены в статье Е. А. Хелимского. Не можем не отметить здесь, что продолжаем настаивать на оспариваемой в этой статье нашей этимологии сев.-алт. *kām* ‘горсть’ как заимствовании из староселькупского; альтернативная этимология Н.А. Баскакова – от сев.-алт. *kav-* ‘хватать’ – не проходит по фонетическим критериям. Дело в том, что алт. *kav-*, *kab-* восходит к ПТ **kap-* ‘хватать’ (др.-тюрк., крх.-уйг. *qap-*, туркм. *Gap* – EDT 580; ЭСТЯ 1997, 264–265), и обычное для галт. озвончение интервокального **-p-* никогда не доходит до выпадения, ср.: **k(i)āpak* ‘веко/лоб’: лебед. *kabak*; **cīp* ‘ветка’: лебед., туба *čybyk*; **dāpan* ‘ступня’: лебед. *taban*, *tavan*; **jip-ek* ‘нитка, шелк’: лебед., туба *jibek*; **dēpō* ‘холм, темя’: лебед. *tōbō*, *tōvō*; **čapak* ‘мелкая речная рыба’: лебед. *čabaq*; **sap-ak* ‘стебель’: лебед. *sabaq*. Все случаи выпадения связаны с ПТ **-b-*: **debe* ‘верблюду’: лебед. *tō*, туба *tō*; **tabyrğa* ‘кабарга’: лебед. *tōrgy*; **aburt* ‘внутренняя полость рта’: лебед. *örtom*; **ebür(d)ek* ‘утка’: лебед. *örtök*; **tobur-* ‘шишка; бутон’: лебед. *tōržyq*; **kuba/*koba* ‘желтоватый, сероватый’: лебед. *kuba*, *kuwa*, туба *kuva*, *kū*; **gūbeč* ‘сковородка; глиняный горшок’: лебед. *kōč*, туба *kōš*; **jubut-* ‘глотать’: туба *dut-*. Следовательно, лебед., туба *kām* никак не может восходить к **kap-im*.

Еще одно схождение между самодийским и пратюркским нуждается в комментарии. Это ПСам. **weńz* ‘мясной или рыбный суп, бульон’ (Janh. 174; Hel. 665; нганас. *bé'a*, *быэ*, энец. *bue* ‘Fischsuppe’, ненец. лесн. *β̄jji*, *β̄ēd'd'i*, селькуп. *keni*, *k'eni*, *kei* ‘Fischsuppe’, камас. *mijä*, *миџе*, *mí*, *məj*, койб. *мыя* ‘кашица’, *ми* ‘уха’, матор. *мэе* ‘уха’) и ОТ **bün* (**büjn?*) ‘мясной суп, похлебка, рыбный навар’ (як. *min* ‘суп, бульон’, тув., тоф., хак., шор. *mün* ‘суп, бульон, уха’, др.-уйг. (мед.) *mün* ‘бульон’, (юрид.) *mün aš* ‘пропитание’ [«я буду давать пропитание в течение 7 дней»], крх.-уйг. *mün* ‘суп, бульон’ (у ягма – с лапшой), огуз., сувар., кыпч. *bün*, ср.-уйг. *mün* (IM), ст.-кыпч. *mijn* (Houts.), галт., туба, куманд. *mün*, лебед. *mün*, *min* ‘бульон’ ДТС 352; EDT 347; ЭСТЯ 2003, 89–90; ТССДА 130). Вопреки Хелимский 2000, 306, версия о китайском происхождении обоих слов в связи с синокор. *mjen* ‘суп’ (Ram. SKE 147; Joki LS 229) этимологических перспектив как раз не имеет, поскольку синокор. *mjen* означает ‘лапша’ и восходит к кит. 麵, совр. *mìàn*, др.-кит. *mēns*, класс. кит. *mēnh*, ЗХ, ВХ *mīānh*, ПДК *mīēn*, ср.-кит. *mīen* ‘мука; тесто; лапша’. Довольно странно было бы ожидать, что для названия мясного бульона, блюда, типичного для охотничьих и скотоводческих культур, заимствуется иноязычное название теста. По-видимому, прототип самодийской и тюркской форм следует искать в палеоазиатском субстрате, ср. явно общую для трех предположительно родственных палеоазиатских групп форму: нивх. **bāńəy* (амур. *pəńx* (*v-*, *b-*), *pəńx*, сахал. *pəńx* – НивхСл. 47), чук.-камч. **ьрə́ŋə* ‘суп, бульон’ (чук. **ьра-ŋə*, ительм. **рнеŋə-n* – Мудрак ЭСЧКЯ 38), юкаг. **рúŋ-* ‘суп, вариться’ (тундр. *рúŋə-ŋ*, *рúŋé-* – Крейн. Мат. 74). Конечно, направление заимствования (из палеоазиатского [из какой ветви?] в самодийский, оттуда в общетюркский? в пратюркский, оттуда в самодийский? из палеоазиатского независимо в обе ветви?) пока совершенно неясно. Самодийская форма больше всего напоминает пранивхскую; в принципе самодийская форма могла послужить и источником общетюркской формы. Ср. возможное заимствование из самод. в пранивхский: ПНивх. **Bās*, -**vъc* ‘железо’, амур. *vac* ‘железо’, *vəcx* ‘наконечник копья, стрелы’, *vəc-u-* (*p-*, *b-*) ‘ковать’, сахал. *wat* ‘железо’, *vəc-u-d* ‘ковать’ из ПСам. **weśä* ‘железо’ Janh. 175 (< ПУр. **waške* ‘медь’).

Последнее по времени обсуждение предполагаемых заимствований из пратюркского в прасамодийский опубликовано, по-видимому, В. А. Терентьевым (Терентьев 1999, 182–194). Из рассмотренных им 80 этимологий, для которых он предполагает разную степень достоверности, ниже приводятся те, которые достоверны семантически и фонетически и в какой-то мере отвечают критерию культурной обу-

словленности. К ним добавлены еще несколько этимологий из списка А. Рона-Таша (Róna-Tas Infl. 743–745) и параллели, найденные Ю. В. Норманской при работе коллектива авторов над увеличением прасамодийского этимологического корпуса в рамках проекта РГНФ 08–04–00133а.

1. ОТ **jama-* ‘латать, штопать’ (як. *samā-*, долган. *hamā-*, тув. *čama-*, хак. *nama-*, шор. *naba-*, сюг., крх.-уйг. *jama-* (МК), ср.-кыпч. *jama-* (Ettuh.), узб., н.-уйг., тур., гаг., аз., туркм., салар., татар., башк., караим., кум. *jama-*, кбалк. *zama-*, ног. *jama-*, казах., ккалп. *žama-*, кирг. *žama-*, галт. *jama-*, *đama-*, см. VEWT 184; EDT 934–935; ЭСТЯ 1989, 108; Stachowski 94; тюрк. > монг. *žama-*, калм. *zama-* KWb 466). < ПАлт. **němè* ‘латать, штопать’ (? ПМонг. **nem-* ‘покрывать (попоной)’, ПТМ **neme-* / **nama-* ‘латать, штопать’, ПЯп. **nəti* ‘кипарисовая кора, используемая для предотвращения течи в лодке’ – VGAS 68; EDAL; TMN IV, 194). Предположительно заимствовано в ПСам. **jemhá-* ‘латать’ (Janh. 42; без селькупского; нганас. аог. sg. I. obj. *jemhi’ema*; энец. аог. sg. I. obj. *jéniabo*, дер. *jéni’e* ‘заплата’; ненец. тундр. *emñась, jemhá-*, камас. prs. sg. I. *nemr-*), без уральской этимологии.

2. ОТ **jas-* ‘строить, устраивать’ (тув., хак., шор. *čaza-*, чаг. *jas-* (Pav. С.; Абуш.), узб., н.-уйг., тур., туркм., салар., караим., кум., татар. *jas-*, башк. *jaha-*, ног. *jas-*, казах., ккалп. *žasa-*, кирг. *žasa-*, галт. *jaza-*, *đaza-* VEWT 191; ЭСТЯ 1989, 150–152. Чтение этого глагола в надписи Кюль-тегина, видимо, ошибочно, см. EDT 974; тюрк. > монг. *žasa-* id. – KWb 468; Doerfer MT 61; TMN IV 92–96; EDT; Щербак 1997, 204) < ПАлт. **dasa-* ‘управлять, регулировать’ (? ПМонг. **das-* ‘привыкать’, ПТМ **dasa-* ‘править, управлять’, ср.-кор. *tàs-* ‘управлять, упорядочивать, исправлять’ Lee 1958, 107 (ПТМ – кор.), EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **jesəj-* ‘ставить чум’ – Терентьев 1999, 188 (**jese-*, нен. тундр. *jese-* ‘покрыть чум’ – селькуп. *česj-* ‘ставить чум’), без уральской этимологии.

3. ОТ **Каруј* (?) ‘шмель’ (др.-уйг. *qabuј* (Suv. – ДТС 399), узб. *qə wə ɣ-ari* ‘шершень’; < ПАлт. **k’ap’u* ‘кусающее насекомое’, (?) ПМонг. **kubilža-gana* ‘клещ’, ПТМ **xarina(bu)* ‘оса, пчела’ – Цинциус 1984, 85; Дыбо 1996, 9). Предположительно заимствовано в ПСам. **кери* ‘Wespe’ (без селькупского; энец. *kubo* ‘Времсе’, ненец. тундр. *хэб, хэб*, ненец. лесн. *кїёр, кїётр*, камас. *khôb*, койб. *коть*, матор. *кеҗе* ‘Viene’ – Janh. 65–66, Hel. 476), без уральской этимологии.

4. ПТ **bālik* ‘рыба’ (чув. *polь*, як. *balik*, тув., тоф. *baliq*, хак. *pa-lix*, шор. *paliq* (P), др.-уйг. *baliq*, крх.-уйг. *baliq* (МК), чаг. *baliq*, *balıq* (MA; Pav. С.; Бор. Бад.), узб. *baliq*, н.-уйг. *beliq*, туркм. *bāliq*, галт. *baliq*; см. EDT 335; ЭСТЯ 1978, 59–60; СИГТЯ 2000, 177; Федотов I

443. < ПАлт. **pāli* ‘вид рыбы’, ПМонг. **bilayu*, ПТМ **palu*, ср.-кор. (?) **par-*, ПЯп. **pírámái* EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **pājkz* ‘юкола, балык, вобла’ (только энец. тундр. *paŋi*, ненец. тундр. *пэхэ* ‘балык крупной рыбы, осетра, юкола’, без уральской этимологии) – Терентьев 1999, 182 (< **pālkz*); судя по отпадению конечного велярного в чув., не подтверждается по крайней мере в интерпретации О. А. Мудрака (СИГТЯ 2006, 49–55) идея В. А. Терентьева о наличии конечного гласного в пратюркском (но, в конце концов, возможно заимствование из определенной формы, т. е. формы принадлежности 3-го лица). Культурно-исторически заимствование возможно как название продукта – предмета торговли.

5. (?) Огузо-карлуко-кыпч. **baɫmak* ‘вид обуви’ (крх.-уйг. *bašmaq* (МК – огуз.), *bašaŋ* (МК – чигиль), *bašmaq* (ИМ) ‘башмак, туфля’, чаг. *bašmaq* (Sangl.; МА), узб. хорезм. *baš-liŋ* ‘каблу́к сапога’; ст.-кыпч. *bašmak* ‘туфли без задников’ (ССум.), тур. *bašmak*, *pašmak* ‘обувь, сандалия, башмак’, аз. *bašmaG*, туркм. *bašmaq* ‘туфли без задников’, *pašmaq* ‘верблюжье копыто’, кум. *bašmaq* ‘туфли без задников’, кбалк. *bašmaq* ‘поношенные туфли, ботинки’, татар. *bašmaq* (> чув. *pušmaq* ‘ботинки, туфли’), башк. *bašmaq* ‘башмак, ступня, туфли без оборок’, ног., ккалп. *bašmaq*, кирг. *bašmaq-ta-* ‘поставить новые головки, наложить союзки (на обувь)’, галт. *bašmaq* ‘башмак’ (не из рус.?); см. EDT 382–383; ЭСТЯ 1978, 93–95; ОСНЯ III 69; TMN II 293–294). Вопреки Дёрферу, вряд ли возможно образование от **baša-* ‘резать, делать зарубки’: последнее производно от **bālc̣* ‘рана’ с долгим гласным, а здесь рефлексов долготы нет. Об алтайских связях см. ОСНЯ III; EDAL. По предположению В. А. Терентьева, заимствовано в ПСам. **pājma* ‘сапог, обувь’ (Janh. 118; нганас. *faeti*, *хуайму*, энец. *fě*, ненец. тундр. *нива*, ненец. лесн. *p’jēttođ*, камас. *peiimà*, *h’ātà*, койб. *нема*, матор. *хúма*, тайги *hímmat*; из ненецкого заимств. в коми зырян. *pit* ‘меховые сапоги’ – Wichmann 180). В свете отмеченных Е. А. Хелимским возможных заимствований в амурские тунгусо-маньчжурские языки из прасамодийского (Хелимский 2000, 281) ср. орок. *pěto-ni* ‘голенище; штанина’ (ССТМЯ 2, 36), которое по вокализму (в первом слоге – рефлекс дифтонга) не может относиться, вопреки EDAL, к ПТМ **petiči* ‘меховая обувь’ (эвенк. *hetčurē*, *otčurē* ‘низкие унты из оленьих камысов’, негид. *хетčира* ‘обувь из оленьей шкуры’, солон. *хоčоро* ‘сапоги’, орох. *хеbbире* ‘летняя обувь из лосиной замши’, маньчж. *foži* ‘меховые чулки’, *foto(či)* ‘валяные шерстяные чулки; унты, надеваемые на сапоги в холода’, чжурчж. *fom-či* (Мудрак Чж. 556) ‘чулки’ (ССТМЯ 2, 365–366; эвенк. > як., долган. *ötčürä*, рус. сиб. *atčurí* (pl.) Аникин 86).

Гипотеза Терентьева фонетически удовлетворительна, хотя семантически не идеальна. С другой стороны, самодийское слово считают заимствованным из пратюркского прототипа др.-тюрк. **ojma*, крх.-уйг. *ojma* ‘войлок, из которого делают сапоги’ МК, чаг. *ojma* ‘сумка из кожи или шкуры’ (Sangl.; EDT 273). Начальное **p*- восстанавливают для этого пратюркского состояния из-за монг. **hojimu-su* ‘чулки’ (ср.-монг. *kojimusun* НУ 23, *h[ojimāsun* ИМ, *imasūn* Leid.), которое считают либо также заимствованием из ПТ (ср.: Щербак 1997, 161), либо его алтайским соответствием (тогда восстанавливают Палт. **p'ojme* ‘штаны, чулки’ (точнее «чехол для конечностей»), сравнивая еще ПЯп. **pəmuta* ‘кожаный нарукавник для стрельбы из лука’ – см. EDAL; или, скорее, ПЯп. к ПТМ **pətiči*, Палт. **p'ətičV?*). Такое заимствование кажется нам менее вероятным по фонетическим причинам: во-первых, ожидалась бы передача ПТ **o* как ПСам. **o* (или, если ожидать упреждения под влиянием следующего *j*, **ö*) – см. ниже; во-вторых, кажется, что Палт. **p'* должно было дать **h-* еще в пра-тюрко-монгольском состоянии, т. е. гораздо ранее тюрко-самодийских контактов.

6. ПТ **kan* ‘правитель’ (чув. *xin*; як. *xan*; орхон., др.-уйг. *qan*, крх.-уйг. *xan*; чаг. *xan*; ст.-кыпч. *qan / xan*; узб. *xon*; тур. *han*, аз. *xan*; ктат., кбалк., кум., татар., башк., ног., ккалп. *xan*; казах., ккалп., ног. *qan*, кирг. *qan, xan*, алт. *xan*. Формы на *x-* в средневековых и современных узбекском, огузском и кыпчакских языках можно расценивать как новое персидское или обратное монгольское заимствования. Некоторые современные языки форму *xan* заимствовали, по-видимому, вторично из русского языка. О соотношении с ПТ **kagan* ‘то же’ см. Дыбо 2007, с. 120). Предположительно заимствовано в ПСам. **kāŋ* id. (Joki LS 192; Терентьев 1999, 185; камас. *qoŋ*, койб. *kon*, карагас. *kok*, селькуп. *koŋ*, ненец. лесн. *kāŋ, kāk*).

7. (?) ОТ **dal* ‘ветка, ива’ (як. *talax*, долган. *talak*, тув., хак., шор. *tal*, др.-уйг. *tal*, крх.-уйг. *tal* (QB; МК), тур., аз. *dal*, туркм. *tal*, салар. *dāl*, галт. *tal*, см. EDT 489; VEWT 457; ЭСТЯ 1980, 130–131; СИГТЯ 2000, 125–126. < Палт. **čālū* ‘вид лиственного дерева’, (?) ПМонг. **daldawu* ‘липа’, ПТМ **žali-hta* ‘ива, боярышник’, ср.-кор. *čür-ki* ‘прут’, ПЯп. **tūrū* ‘лоза’ – АПиПЯЯ 13, 77, 288; Дыбо 1996, 10; EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **ta(ə)j* ‘ветвь, сук’ (Hel. 349; только южн.: селькуп. тазов. *tō*, матор. *май*), без уральской этимологии.

8. ПТ **bat-* ‘погружаться, тонуть, заходить (о солнце)’ (чув. *pot-*, як. *bat-*, тув., тоф. *ba't-*, хак., шор. *pat-*, др.-уйг., крх.-уйг. *bat-* (МК), туркм., галт. *bat-*; см. EDT 298; VEWT 65; ЭСТЯ 1978, 78–80; TMN II 230–231; Федотов I 455). Предположительно заимствовано в ПСам. **pət-* id. (Janh. 115; нганас. *hódīrsj* ‘füredni’, *коу хотэдемы* ‘закат солн-

ца', энец. *кая' покуто* 'закат солнца', ненец. тундр. *пáдириць* 'погружаться, купаться', *пáдэ* 'закат солнца', ненец. лесн. *раçēL š* 'to swim', селькуп. *patqo* 'погружаться; попасть, залезть; спуститься (о солнце)', камас. prs. sg. I. *p'ol'am* 'sich baden, schwimmen; fließen'), без уральской этимологии.

9. ПТ **(h)ejkiř* 'близнецы' (чув. *jəGər*; тув. *ijis*, караг. *ihis-kiži* Castr., хакас. *əkas*, шор. *igis*, крх.-уйг. *ikkiz* (МК), чагат. *ikkiz*, ст.-кыпч. *ikkiz* (Et-Tuhf.), *jikiz* (Houts.); тур., гаг. *ikiz*, тур. диал. *ekiz*, эрз. *ekiz*, аз. *äkiz*, туркм. *ekiz*, кар., кбалк., кум. *egiz*, тат. *igez*, башк. *igeđ*, ног., казах., ккалп. *egiz*; алт. *egis*. ЭСТЯ 1974, 252, EDT 119. Произв. от ПТ **(h)ejki '2'*: як. *ikki* два, чув. *ikkə*, хал. *äkki* и др., см. ЭСТЯ 1974, 337–338). Предположительно заимствовано в ПСам. **jekə* 'близнец' (Janh. 34) (**jəkə*; обсуждение реконструкции гласного см.: Терентьев 1999, 184; нганас. *jáka*, энец. *jého*, ненец. тундр. *jaxə*, *яха*), ненец. лесн. *d'axal'l'əz*, селькуп. *t'āya*). Ср. позднее тюркское заимствование в маторский *igiz* (Helimsky 337). Потеря при заимствовании конечного согласного, скорее, не обусловлена фонетически (ср. «сто» и «жир»), а может объясняться тем, что в пратюркском *-ř* еще функционировал как показатель парной множественности, ср. СИГТЯ 2006, 228–229.

10. (?) ПТ **(h)ējke-* 'пилить, точить' (чув. *jaGa* 'гладкий', *jəGew* 'напильник' (с сокращением в старом трехсложном слове?); якут. *igī* 'напильник', тув. *eje-*, *eje* 'напильник', крх.-уйг. *ige-* (МК); тур. *eje* 'напильник', тур. диал. *ige*, аз. *ājā* 'напильник' (неясно расширение; следствие сокращения?), туркм. *īge id.*, кар., кбалк., кум. *egew* 'напильник', тат., башк. *igä-*, ног., казах., ккалп., кирг. *ege-*; алт. *ege-*. ЭСТЯ 1974, 326, EDT 101) предположительно заимствовано в ПСам. **jika-* 'точить, пилить' (только энец. тундр. *d'iyit'e*, ненец. тундр. *ихи-* 'потереть, втереть краску, точить' – Терентьев 1999, 184, для ненец. возможно заимствование из сев.-тунг. *hiki-* 'тереть, растирать' – ССТМЯ 2, 323; соответственно, реконструкция самодийского гласного ненадежна, м. б. **e*); ср., впрочем, ПЕН. **ʔ iGV* (~ -ʔ-, -χ-) 'точить' (кет., юг. *i:³*) – см. ниже.

11. ОТ **bEkre* 'вид осетровой рыбы' (чаг. *bekre* (P), узб. *bekre* (диал.), туркм. *bekre*, *bekire* (диал.) 'осетр', башк. *bikre* 'осетр', диал. 'белуга', казах. *bekire* 'вид красной рыбы', ккалп. *bekire* 'осетр' – VEWT 68; ЭСТЯ 1978, 108; внешняя этимология: ПАлт. **bek'ú* 'вид рыбы', монг. **bekir* 'стерлядь' (халха, калм.; скорее всего, тюркизм: стерлядь не водится восточнее Западной Сибири); ПТМ **beKe*, ср.-кор. *rok*, ПЯп. **punku* 'морской бычок' Martin 244). Предположительно заимствовано в ПСам. **wekänä* / **wekzɜz* 'осетр' (нганас. *bakuni*, энец. *béhana*, *behena*, юрак. *behannä*, *béhanna*, ненец. тундр. *exəna*, ненец.

лесн. *β'ixə̀nno*, селькуп. *k'uīən, qeqīər, kīəyər* – Janh. 174; Хелимский 2000, 303), не имеющее внешней этимологии. О колебании *-n/-r-* в самодийском слове см. Хелимский 2000, 303; замена псевдосuffixа при адаптации заимствования? Возможно, впрочем, и иное направление заимствования, но иного внешнего источника для самодийского найти пока не удастся⁶. Относительно культурно-исторических оснований см. № 4.

12. ПТ **jōk* 'нет', **jōk-ad-* (отыменной глагол), **jōk-a-l-* (рефлексив отыменного глагола) 'потеряться, исчезнуть' (др.-тюрк. *joqad-* 'погибнуть', крх.-уйг. чаг. *jokal-* 'исчезнуть, погибнуть' – EDT 900, 902; чув. *śuxal-* 'пропадать, исчезать', галт. *дьогол-* 'исчезнуть, потеряться', куманд. *чогал-* 'потеряться, исчезнуть, погибнуть', бараб. *йогал-* 'потеряться, скрыться с глаз', сиб.-тат. *jugal-t-, juga-t-* 'потерять' – ЭСТЯ 1989, 212). Предположительно заимствовано в ПСам. **jokā-* (? **jok-*) 'sich verirren' (нганас. аог. sg. 1. *jukú'am*, prt. *jugusuam, d'ukud'a*, der. аог. sg. 1. obj. *jukara'áma* 'irre führen'? аог. sg. 3. *дүку"о* 'потерять'; энец. аог. sg. 1. *johuaro', johuado'*, der. аог. sg. 1. obj. *johořabo, johorábo* 'irre führen', *дэ́тъ* 'потерять'; ненец. тундр. *ёхось, јухō*; аог. sg. 3. *юху*, der. *ёхорась* 'запрягать', *ёць* 'потерять'; ненец. лесн. *јохōś*, der. аог. sg. 1. obj. *јохораһям* 'ich führte ihn irre'; матор. sg. 1. *тчёксыганемь* 'заблуждаюсь' – Janh. 46), без уральской этимологии.

13. ? ПТю > ОТ **doku-* 'ткать', **doku-та* 'ткань' ЭСТЯ 1980, 253/254. Ср. ПСС **tokV* 'ткань, подкладка' (ненец. *тохо''(с)* 'ткань'; нган. *tugy* 'подкладка').

14. (Кажется, еще не предлагавшаяся этимология). ПТ **dōrt* 'четыре' (чув. *tv"vadъ*, як., долган. *tüört*, тув. *dōrt*, хак., шор. *tōrt*, сюг. *dürt, türt*, др.-уйг. *tōrt*, крх.-уйг. *tōrt* (МК), чаг. *tōrt* (Бор. Бад.; Пав. С.), узб. *tōrt*, н.-уйг. *tō(r)t*, тур., гаг. *dōrt*, аз. *dōrd*, туркм. *dōrt*, караим., кум. *dōrt*, кбалк. *tōrt*, татар., башк. *dürt*, ног. *dōrt*, казах., ккалп., кирг. *tōrt*, галт. *tōrt*; см. EDT 534; VEWT 495; ЭСТЯ 1980, 284–286). Возможно, заимствовано в ПСам. **te²tā* (? **tettā*) 'vier' (нганас. *t'áta, četā*; энец. *teto*, юрак. *memmi*, ненец. тундр. *mem*, ненец. лесн. *tšiet*, селькуп. *tetti, tett*, камас. *t'ē'dā*, койб. *tätde, thæta, tháta*, матор. *тяйде, дейме*, тайги *дэйде*, карагас. *deite, deittetut* '40' – Janh. 159); уральской этимологии нет.

15. ОТ **junt* 'лошадь, кобыла' (як. *sono-yos* 'молодой конь' [*< *jondagač*], сюг. *jut, jot*, др.-тюрк. *junt* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *junt* (МК), ст.-кыпч. *junt* (Ettuh.), *junad* (АН), тур. *jont*; см. EDT 946; VEWT 211; ЭСТЯ 1989, 253–254; TMN IV 199–200. Из ПАлт. **zūnti* 'самка (?) копытного', ПМонг. **sūnde-sū* 'самка лося', (?) ПТМ **sōŋ-da-* 'оленинок' – EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **juntz* 'ло-
⁶Ср., впрочем, ПЧук. **weqna* 'навага' Мудрак ЭСЧКЯ, 261.

шадь' (Janh. 49; Sinor 1965, 312; Хелимский 2000, 306) (нганас. *junta*, энец. *дюдда*, юрак. *йүда*, ненец. тундр. *juunnə*, селькуп. *čuntī*, *kyndā*, койб. *ině*, аб. *nunda*, матор. *nonda*, тайги *njundä*, карагас. *нюнда*).

16. ПТ **jūr* 'сто' (чув. *śəʷr*, як. *sūs*, долган. *hūs*, тув., хак., шор. *čüs*, сюг. *juz*, *jöz*, др.-тюрк. *jüz* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *jüz* (МК), туркм., халадж. *jüz*, галт. *jüs*, *düs*; см. EDT 983; VEWT 213; ЭСТЯ 1989, 260; СИГТЯ 2000, 574). Предположительно заимствовано в ПСам. **jür* 'сто' (Janh. 50; нганас. *jir*, энец. *ju*', юрак. *юрь*, ненец. тундр. *юр*'', ненец. лесн. *jur*, камас. *джюрь*, тайги *djur*, карагас. *dchur*, матор. *čür* – Hel. 240), ср. Хелимский 2000, 289. Ср. позднее заимствование из сибирских тюркских языков: камас.-матор. *t'us* (Joki LS 362).

17. ПТ **ūr* 'жир' (чув. *jor-var* 'мясо-молочная пища' (*jor* = др.-тюрк. *qazu* 'нутряной жир'), як. *üskäl* 'толстый', тув. *üs*, тоф. *üs* 'жир, масло'; хак. *üs* 'сало, масло'; крх.-уйг. *üz* 'жир'; галт. *üs* 'жир' (вытопленный или на коже); туба, куу, куманд. *üs*, см. EDT 278–279; VEWT 523; Федотов П 491; СИГТЯ 2000, 454–455). Долгота восстанавливается по чув. *va-*. Предположительно заимствовано в ПСам. **jür* id. (Janh. 50), см. подробно Helimski–Stachowski 1995, 42–43 («The suggested etymology raises doubts mainly from the “Wörter und Sachen” viewpoint... Phonetically, however, the comparison creates little or no problems»).

18. ПТ **kijn* 'ножны' (чув. *jənə*, диал. *ənə*, як. *kīn*, тув., хак. *xin*, шор., сюг. *qin* (ЯЖУ), крх.-уйг. *qin* (МК; QB), чаг. *qin* (Pav. С.), узб. *qin*, хорезм. диал. *qijn*, н.-уйг. *qin*, тур., гаг. *kīn*, аз. *Gin*, туркм. *Gīn*, караим., кум., кбалк., татар., башк., ног., казах., ккалп., кирг., галт. *qin* – VEWT 264; EDT 630–631; Егоров 79; СИГТЯ 2000, 571; ЭСТЯ 2000, 217–218; из ПАлт. **k'ijūni* 'ножны, чехол', ПМонг. **kuj*, ПТМ **xunži* 'деревянный колчан; сосуд из бересты' – ССТМЯ 2, 273; Владимирцов 174; EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **ken* (Janh. 67; Joki LS 287–288; нганас. *sej*; энец. *sen*; ненец. тундр. *ce*', произв. *va šēnt'iē* 'das Messer in die Scheide stecken'; ненец. лесн. *šēj*; селькуп. *šän*, тазов. *šen* (ОСЯ 38), южн. *nánd-зань* (Григ. 36); камас. *šēn*, *səń*; койб. *сэнь*), без уральской этимологии. Г. Дёрфер резко возражал против сопоставления самод. слова с тюркским, указывая, что переход *k > š* происходит в самодийских языках только перед гласными переднего ряда, а тюрк. слово содержит определенно задний гласный (TMN III 577); однако прасамодийская форма ведь и впрямь содержит передний гласный, а примеры упередненной адаптации тюркских заднерядных гласных мы уже видели выше, поэтому возражение Дёрфера можно считать несостоятельным. Для тюркского (и монгольского) слова предполагалось китайское происхождение (Sinor JA 1939, 578): 櫃, в Раннюю Чжоу также 匱, совр. *guì*, др.-кит. *gruts* (~-js), класс. кит. *grwə́c*, ЗХ, ВХ *grwə́s*, 14

РПДК *gwíś*, СПДК *gwíj*, ППДК, ср.-кит. *gwi* 'сундук; шкаф; комод; сейф; прилавок, стойка' (БКРС № 1325; Karlgren 0540 h); это слово, как мы видим, не означает «ножны», при том что в китайском есть еще по крайней мере четыре слова со значением «ножны» (см. базу данных), такой выбор источника заимствования выглядит странно; алтайская этимология предпочтительнее.

19. ПТ **Kił* 'зима' (чув. *xəl*, як. *kis*, *kihín*, долган. *kihín*, тув. *qi'š*, хак. *xis*, шор., сюг. *qis*, др.-тюрк. *qiš* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *qiš* (МК), чаг. *qiš* (АН; Пав. С.) узб., н.-уйг. *qiš*, халадж. *qiš*, тур., гаг. *kiš*, аз., туркм. *Giš*, караим., кум., кбалк., татар., башк. *qiš*, ног., казах., ккалп. *qis*, кирг. *qiš*, галт. *qiš* – EDT 670; VEWT 268; TMN III 479; СИГТЯ 2000, 75–76; ЭСТЯ 2000, 253–254; Stachowski 167–168; из ПАлт. **gil'o* 'холодный', см. EDAL). Предположительно заимствовано в ПЮСам. **ke* 'зима', селькуп. *kə* (тазов.), *кэть* (южн.), камас. *k'e*, койб. *koa*, матор. *köhö* (< **ke-rua* «зима-год») – ОСЯ 26; Григ. 24; Hel. Mat. 523; Joki LS 175; см. Róna-Tas Infl. 743. Фонетически это возможно (с регулярной потерей конечного латерала при заимствовании в самодийский, ср. «соболь»). По-видимому, следует отказаться от гипотезы о заимствовании из самод. (селькупского) в кетский. Кетское название зимы имеет енисейскую этимологию: Пен. **gəte* 'зима', кет. *k̄t̄i'*; *k̄t̄ə'*; южн. *k̄t̄*, сым. *k̄t̄*, кот. *k̄ēti*, г. *k̄ēti*, pl. *k̄ētaŋ*, *k̄ētān*; *ketě* (Старостин 1995, 227). Для енисейского слова предложена северокавказская параллель. Возможно, южноселькупская форма заимствована из кетского?

20. ОТ **Kīr* 'серый, седой' (тув. *kir*, хак. *xir*, крх.-уйг. *qir*; тур. *kir*, аз. *Gir*, туркм. *Gīr* – VEWT 265; TMN III 567; ЭСТЯ 2000, 229–230). Возможно, заимствовано в ПСам. **kīr* 'седой, светлый, белый' (ненец. тундр. *χīr* 'седой', камас. *k'ər* 'серый', матор. *kur* 'белый', тайги *kur* 'светлый', *kyrr* 'белый' – Joki LS 183; **прасамодийский характер заимствования** приходится предполагать из-за наличия возможного рефлекса в сев.-самод.).

Сюда же, как было указано выше, можно отнести и прасамодийское название соболя.

21. ПТ **kīl* 'соболь' (чув. *k̄w̄š*, як., долган. *kīs*, тув. *kiš*, др.-тюрк. *kiš* (орхон.), крх.-уйг. *kiš* (МК; QB), чаг. *kiš* (МА; Пав. С.; Sangl.), узб. *kiš*, кум. *kiš*, татар., башк. *keš*, ног. *kis*, *kiš*, казах. *kis*, кирг. *kiš* – VEWT 272; TMN III 664–665; EDT 752; Щербак 1961, 143; ЭСТЯ 1997, 77–78; СИГТЯ 2000, 162–163; об алтайских связях см. выше). Может быть заимствовано в ПСам. **ki*, **kilz* 'соболь' – Janh. 69; Хелимский 2000, 302 (энец. дерив. *sini*, селькуп. *šī*, матор. *ki*; камас. *šili*, койб. *ssillae*).

22. ПТ **jā(j)* 'лук' (чув. *śu*; як. *sā* 'ружье', долган. *hā*, *sā*; тув. *ča*; тоф. *ča*; хак. *čāžax* (dimin.); шор. *nan*, *jan-čak* 'маленький лук' = *ča-žaq*;

др.-уйг. *ja*; крх.-уйг. *ja* (МК); чаг. *jaj* (Ettuhf.), *ja* (Houts.); узб. *jaj* 'лук, дуга'; уйг. *ja*; тур. *jaj*, гаг. *jaj*, *jajī*; аз. *jaj*; турк. *jāj*; кар. *jaj*, балк. *žaja* 'лук, стрела', кум. *žaja*; тат. *jeje*, *žeje*; баш. *jājā*, *jan*; ног. *jaj*; каз. *žaj*; ккалп. *žaj*; кирг. *žaj*, *žā* 'лук, дуга'; алт. *d'ā* 'стрела' – VEWT 186, EDT 869, TMN 4, 121–122, ЭСТЯ 4, 75, СИГТЯ 1997, 570, Федотов 1996, 2, 274). Ср. ПСам. **jācā* 'стрелять' (Janhunen 1977: 34), **jāca-* (Hel: 232 № 209); нен. т. *йда(сь)* 'застрелить, пристрелить, подбить; расстрелять, обстрелять', *јада̄* (О), *яданана* (тайм.) 'самострел', нен. лесн. *jettāṣ* (лям.); энец. *еда-* 'стрелять', *iduto-* 'стрелять из лука', *јадапа*, *јадапа* 'лук-самострел'; *jerabo* (Ch, Aor 1 Sg) 'стрелял'; сельк. *пушканьса-чадътэть* (*puškansä čattät(i)*) (таз.) 'застрелить ружьем', *cattygo* (таз.) 'бросить; выстрелить; застрелить', *cattyraltygo* [Caus.] (таз.) 'застрелить с использованием самострела', **тяччэгу (кет.) 'настрелять (много зверя)**', **чадэлгу** (об. Ч), **чажэлгу** (тым.) 'пострелять (зверя); настрелять', **чарэгу** (тым.) 'выстрелить', **чатчузу** (об. Ч), **чатчэгу** (об. Ш) 'бросить; посеять; выстрелить; достать', *чāчузу*, *чачэгу* (об. Ш, Ч), *чаччыгу* (об. Ч, тым.), *чачэку* (вас.) 'бросить; принести; посеять; вытащить; вывести (птенцов)', *чачэшыгу* (об. Ч, тым.) 'носить; выносить; стрелять', *чāчāнжузу* (тым.) 'стрелять; отстреливать', *чегузу* (вас.) 'стрелять', *чендықо* (вас.) 'стрелять', *чечузу* (об. Ч) 'застрелить', *чэгу* (об. Ч) 'выстрелить', *чэгузу* (об. Ч) 'стрелять периодически', *чёндыгу* (об. Ч, вас.) 'стрелять', *чюндгу* (тым.) 'кидать; стрелять', *чюңықо* (ел.) 'стрелять', *чяжузу* (об. С), *чяжэгу* (об. Ч), *чятчузу* (об. Ч), *чятчэгу* (об. С, кет.) 'бросить; посеять; забросить (сеть); выстрелить; застрелить', *чярыңгузу* (об. Ч) 'стрелять периодически', *чятчэгу* (об. С, Ч, кет.), *чяччузу* (об. Ч), *чячыгу* (кет.), *чячэгу* (вас.) 'поставить; бросить; выстрелить; вынести', *чяччузу* (об. Ч) 'поставить; бросить; выстрелить', *чячыгу* (кет.) 'поставить; бросить; выстрелить', *чячэкузу* (вас.) 'бросать периодически; стрелять; пускать (стрелы)', *чячэшыпузу* (об. Ч, вас.) 'бросать; стрелять; пускать стрелы; убивать (молнией)', *чячегу* (кет., вас.) 'бросить; выстрелить'; МТК **čidā-* 'стрелять': мат. *тчидйямь* 'пускаю стрелу, стреляю', *крыждйямь* 'в цель попадаю' (*кры* - 'цель') (Hel., 232 № 209); кам. *d'žī^{pl}əll'əm*, *d'ždā'l'əm*, *t'šī^{pl}l'əm*, *t'ī^{pl}lim*, *d'ī^{pl}l'əm*, *t'šī^{pl}l'əm* 'отпускать (тетиву); стрелять' (Donner 1944, 16): -*cā-* – суффикс, образующий в ПСам. глаголы от существительных ср. ПСам. **sar-cā* 'доить', Helimski 1997, 335 < ПУ **sā/erV-* 'молоко'). См. Дыбо, Норманская 2010.

23. Ср. еще прасамодийское слово **kāps/šā* 'Zauberlöffel' (шаманская ложка для окроплений) – Janh. 54 (ненец. тундр. *пён-гāбць*, ненец. лесн. *кафт'ś*, селькуп. *k'ap'šj*, камас. *t'əBsin*). Это слово совершенно определено напоминает ПИран. **karīci-*, др.-перс. глосса *капiθη*, зор. 16

пехл. *karič*, арм. *karič* ‘мера’, согд. *krč* ‘мера объема, ковш’, **karič-aka* ‘ложка, черпак’, согд. ‘*δρυ κρῆκυ* ‘три ложки’, тадж., перс. *kafč* ‘ложка, черпак’, сангл. *kāfč*, ишк. *kōfč* ‘ковш’ (из тадж.), вахан. *karč* ‘деревянная ложка для похлебки’, мундж. *kafčia*, язг. *kēbž* ‘ложка’, осет. *kæxč / kæxčæ* ‘большая неглубокая деревянная чаша, миска’ (Аб. I 591–592; ЭСВЯ 205; Bailey 52). Из согд. или, скорее, перс. локальное заимствование в крх.-уйг. *kevči* (МК) ‘кашгарская мера веса, используемая у уйгуров, 10 ритлей’ (т. е. около 4–5 кг) – EDT 688. Вопреки Стеблин-Каменскому и Бейли, вряд ли иранское слово послужило источником ПТ **Kamič* ‘черпак’ (як. *xamias*, *xomios*, *xamijax*, долган. *komiios*, тув. *ximiš*, хак. *xamis*, др.-уйг. *qamič*, крх.-уйг. *qamič* (МК), чаг. *qamič* (ИМ), н.-уйг. *qemič*, волжско-булг. (?) *xumži* (< **katča(h)*), Мудрак, Заметки, 86) – EDT 626; VEWT 229; ЭСТЯ 1997, 248–249; из ПАлт. **kám[u]ča* ‘вид сосуда, черпак’, ПМонг. **kumž ija* ‘мерка’, ПТМ **kamiču* ‘чуман’, ПЯп. **kámású* ‘мешок’ – SKE 94; ССТМЯ 1, 370; Мудрак 1994, 184; Doerfer MT 240; EDAL), несмотря даже на точное соответствие значения: замена *p > t* нехарактерна для адаптации иноязычной лексики в тюркские языки. Сомнительно со стороны семантики также заимствование из этого иранского слова в ОТ **kār-čuk* ‘мешочек, кошелек’, см. ЭСТЯ 1997, 267⁷.

Поскольку вопрос об иранских заимствованиях в прасамодийском весьма спорен, естественно предположить здесь тюркское посредство (при условии что иранизм затем закрепился в самодийском, но выпал из пратюркского). С другой стороны, нельзя полностью исключить, что самодийское слово является адаптацией ПТ **Kamič*: в словаре Янхунена нет случаев, для которых восстанавливался бы кластер **ms* или **mš*.

Примечание

По-видимому, нуждаются в комментарии следующие не принятые нами предполагаемые заимствования из пратюркского в самодийский.

1. По семантическим причинам сомнительна возможность заимствования ненец. *to* ‘одеяло’ из тюрк. **dōn* ‘халат’; камас. *ton* ‘шуба’, как правильно указывает В. А. Терентьев, скорее всего, позднее заимствование из какого-то сибирскотюркского языка.

2. ПТ **kar-* ‘хватать’ > ПСам. **kəri-* ‘вырывать’ – но ср. Пур. **karrV* (ОСНЯ I, 314), общеностратический корень, так что гипотеза о заимствовании излишня; сопоставление тюркских «ножниц» (**karti*) и ПСам. «кастрировать» (**kārtō*) настолько семантически далеко (как правильно

⁷Хак. саг. *kōpček* ‘ковшик’ – скорее всего, русское заимствование; ср., однако, ниже ПТ **gübeč*.

указывают все его сторонники, кастрация оленей в культурах Севера производится зубами, а не ножницами), что не заслуживает обсуждения.

3. ПТ **kalbuk* > **kašuk* ‘ложка’ > ПСам. **käjwā* ‘лопата, совок, весло’ Janh. 63 (нганас., ненец., камас.). Ср. нормальную уральскую этимологию самодийского слова: ПУр. **kojwa* ‘graben, schöpfen’ (UEW 170–171).

4. ПТ **Kugu* ‘лебедь’ > ПСам. **kukə* (Janh. 76–77: нен. тундр. (?), МТК – Hel. 300); кажется маловероятной интерпретация ПТ **-g-* как ПС **-k-*; скорее следует предполагать заимствование из ТМ **kūku* /**xūku* ССТМЯ 1, 426–427; 2, 336.

5. ОТ **kōdeč* (VEWT 286) ‘сосуд’ не существует; соответствующие формы разделяются по трем разным этимологиям.

а) **küzeč* ‘кувшин для воды’, ср. др.-уйг. буд. и делов. (санскр. *varcakumbhikā*: *batyglygtaqy küzeč* ‘кувшин, принадлежащий к помещению *batyglyg*; кувшин из отхожего места?’⁸ – EDT 302), крх.-уйг. *küzeč*, аргу *küdeč* ‘глиняный кувшин для воды’ (МК) – EDT 757; VEWT 312. Возводится однозначно к н.-перс. *kūza* (с тюркским уменьшит. суффиксом), откуда также ряд новых тюркских форм, например: туркм. *küjze* ‘кувшин для воды, крынка для молока’, узб. *koza* ‘большой кувшин для воды, медный или глиняный’; перс. слово возводят к авест. *hawza-* (Horn № 872; Barth. 531; Цаболов КЭС I 574).

б) **gūbeč* ‘небольшая глиняная посуда, в основном для варки пищи’⁹: ср.-тюрк. хорезм. *kūveč* ‘горшок для варки пищи’ (EDT 688), тур., гаг. *gūveč* ‘глиняный неглубокий горшок для варки пищи, большая глиняная миска, глиняная сковородка; блюдо, приготавливаемое в таком горшке’, аз. *gūvēj* ‘глиняный кухонный горшок’, туркм. *göweč* ‘ювелирные тигли’, узб. диал. *köväs* ‘глиняный горшок для молока’¹⁰, лебед., туба *kōš* ‘чугунок, неболь-

⁸ *batyg-lyg* – по-видимому окказиональный перевод, производное от *batyg* ‘болото, грязь’ (перевод санскр. *varcas*) с суф. *Nominis loci*; еще в одном тексте в списке частей дома *jylkyka atlyk, kišike batyglyk* ‘конюшня для скота, *batyglyk* для людей’ (ТТ VI, буддийская сутра).

⁹ Вряд ли сюда же относится МК *kūveč* ‘тип удил’.

¹⁰ Эта узб. форма явно входит в контаминационное гнездо названий посуды: а) **kūp* ‘большой глиняный кувшин для хранения жидкостей в охлажденном виде’ – специфическое культурное слово, в тюркских языках – совершенно не обязательно иранского происхождения. В перс. аналогичная сущность называется *хот*, пехл. *xumb*, авест. *xumba-* Horn № 493. Н.-перс. *kūb*, на которое ссылается VEWT 309, в словарях в этом значении отсутствует, есть *kūbe* ‘кровососная банка’ (Гаф. II 672, кл. перс. *kūb* ‘кубок, чаша, пиала’, ср. араб. *kūb* ‘стакан’ и пр., входящее в группу названий посуды для питья, кубков (слав. *kubъ*, лат. *cuppa*, греч. *κοπέλλον* с микенск., см. Frisk 1, 51), широко распространенных по Евразии, но плохо соответствующих между собой фонетически, см. ЭСТЯ 1997, 143 и цит. лит. Тюрк. слово представлено с МК и позднедр.-уйг.; в новых языках – тур., гаг., аз., караим., казах. диал. (в Туркмении), н.-уйг.; б) **kūpi* ‘большой цилиндрический деревянный или кожаный сосуд для сбивания масла или хранения кумыса, маслобойка’ – общетюрк., заим. в венг. *körpő*, см. ЭСТЯ 1997, 145–146; основания для предположений

шой чугу́н, чулым. (кюэр.) *küäs* ‘горшок’, як. *küös* ‘горшок для варки; пища, поставленная вариться’ (ЭСТЯ 1980, 53–54; VEWT 151, 286). Слово имеет алтайскую этимологию: Палт. **giube-* ‘готовить на огне’, ТМ **güb-* ‘коптить, вылить, очаг’ (ССТМЯ 1, 147, 165), кор. **küb-* ‘печь, жарить’, яп. **küjü-r-* ‘дымиться, пахнуть’ – JLTT 703 (EDAL).

в) К третьей этимологии принадлежат сиб.-тюрк.: хак. *ködes* ‘глиняный горшок, чугунок’, шор. *ködeš id.*, сюг. *kodiš* ‘очаг’ (< **götič*), восходящие к **göteč*, которое может иметь алт. этимологию: ТМ **kota-* ‘посуда, чашка, миска’ (ССТМЯ 1, 418). Соответственно, становится менее вероятным заимствование в ПСам. **kit’ä* > нганас. *kita* ‘черпак’, энец. лесн. *kide* ‘сосуд, похожий на корыто’, ненец. тундр. *хыдя* ‘чашка, миска’; возможно, ПСам. из ПТМ?

6. ОТ **jar-ik* ‘трещина, расселина, ущелье’ – ЭСТЯ 1989, 136–137 (галт., туба *дыарык* ‘трещина, щель, разрез’, куманд. *чарык id.*, лебед. *йарык* ‘ущелье, расселина’, хак. *чарых* ‘трещина, щель, разрез’, шор. *чарык* ‘щель’, тув. *чарык* ‘щель, трещина, скважина; сторона; яр’, тоф. *чарык* ‘сторона, край; распадок на склоне горы’) > ПЮСам. **järVk* ‘развилка’ > селькуп. *č̄ər̄ik* ‘развилка, приток’ (Терентьев 1999, 184), тазов. *c̄ər̄, c̄ər̄ik* ‘приток’ (ОСЯ 48), южн. *чорь* ‘коса на берегу’, *чоры c̄ənan̄d̄* ‘устье реки’ (Григ. 217). Тюркское слово, вопреки Терентьеву, означает не развилку, только ущелье; селькупское встречается и без *-ik*; все это вызывает сомнения в предположенном заимствовании.

7. ОТ **Küren* ‘хорёк, ласка’ > селькуп. *kury*, камас. *kürö* ‘горностай’. Не оправдано предположение Терентьева о более раннем значении ‘горностай’ в тюркских языках, поскольку венг. заимствование из булг. *göreny*, тоже значит ‘хорёк’, а в ПТ восстанавливается другое слово для горностая – **iars* (см. СИГТЯ 2000, 163); фонетически селькупская и камасинская формы плохо возводятся к ПСам. состоянию, но отдельное заимствование из тюрк. невозможно (ожидалась бы *z*-форма). Из монг. **kürene* ‘хорёк’? Почему не сравнить венг. непосредственно с самод.? Ср. также гипотезу Йоки (Joki LS 218) о связи с сиб.-тюрк. *körük* ‘бурундук’ – семантически неубедительно (к тюрк. ср. нивх. *k’uŋŋi, k’uŋŋaj* ‘бурундук’ НивхСл 26, 57; *-zr-* объясняет сибирско-тюркскую вторичную долготу).

8. ОТ **kīn* (***kūjn*?) ‘пупок, пуповина, центр’ (як. *kīn*, тув., тоф. *xīn*, хак. *kən*, др.-уйг. *kīn* ‘утроба, vagina; мускус’, крх.-уйг. *kin* (QB; MK)¹¹, галт. о заимствовании отсутствуют. Ср. узб. литер. *kūva* ‘глиняный кувшин для воды’, *kūva-ča* уменьш. ‘кувшинчик’ при *kuv* ‘маслобойка’.

¹¹ Чтение *kūn* (МК) восходит к изданию Брокельмана и не подтверждается позднейшими изданиями Махмуда Кашгарского. Ни Клосон (EDT), ни Dankoff–Kelly I 268 не читают на этом месте «вав»; не видно его и в фототипическом издании «Дивана». Ошибка Брокельмана может быть связана (кроме отвлечения на соседние слова в МК) с представлением об алтайских этимологических связях слова (в монг., действительно, *ü*), что повысило ценность такой формы и в глазах Йоки; определенное влияние могли иметь и более новые рефлексы суффиксальной формы типа Houts. *künd(i)k*, тур. диал. *gündük, künük*, где, однако, огуленность первого

kin – VEWT 271; EDT 725, 729; ЭСТЯ 1997, 68–69; СИГТЯ 2000, 279–280; из Палт. **k'jūlnu* ‘пупок’, ПМонг. **kōjil-sū*, ПТМ **xulju*- KWb 234; Дыбо 1996, 6; СИГТЯ 2000, 280; EDAL) > ПСам. **kūn* ‘пупок’ (Hel. 572; Janh. 79; Joki LS 283–284: нганас. *kīŋ*, энец. *šū*’, ненец. тундр. *сю*, лесн. *šunŋ*, селькуп. *šōŋ*, камас. *šāŋ*, койб. *сань*, матор. *куйма*). Гипотеза о заимствовании из предполагаемого пратюркского состояния фонетически не идеальна (хотя возможна). Ср., однако, ПФУ **kuŋV* ‘Bauch’ (коми *kīŋem*, *kīŋem* ‘Bauch’, ханты *kōŋ*, *χōŋ*, венг. *joh*, *juh*, *éh*, *ih* ‘das Innere, Bauch, Magen’, (ст.-венг.) *iunhum*, *yonhan* (**ju-χunV*) ‘Herz, Sinn, Leber, Lende’, UEW 208): почему не считать самод. слово рефлексом уральского прототипа этого финно-угорского слова, с сохранением более раннего значения в самодийском? Что касается семантики, ср. хотя бы кит. 脛 *pí* ‘бычий желудок’, ср.-кит. *biej* ‘пупок’ (Karlgren 0566 f–g).

9. От **jam* ‘почтовая станция’, поздний др.-уйг. *jam* (китайско-уйгурский словарь XIV в.), тур. *jam*, татар. *jam* (из рус.?), чаг. *jam* (Абуш.; Sangl.). VEWT 183; EDT 933. Из ср.-тюрк. заимствовано в рус. *ям* id. Тюрк. > ср.-монг. *žam* id., п.-монг. *žam* ‘дорога, путь’ (вряд ли наоборот; см. Щербак 1997, 195). Вопреки TMN IV 110–118, **фонетически невозможно** заимствование из кит. 站, ср.-кит. *t'ém*. Самая ранняя фиксация – видимо, заимствованное из тюрк. сяньбийское 咸, совр. *xián*, др.-кит. *grēm* (~-ī-), ПДК *giēm* (Karlgren 0671 a–d). Предполагается заимствование из ПТ > ПСам. **jam*- (ненец. *jamda*- ‘ехать караваном’; Róna-Tas Infl. 744). В действительности ненецкая форма имеет уральскую этимологию: ПУр. **jomV*- ‘gehen, sich auf den Weg machen’, манси *jām*- ~ *jam*-, *jōm*-, *jōm*- ‘gehen’, венг. *indul*- ‘sich in Bewegung setzen, in Gang kommen’ (UEW 100).

10. ПТ **bāñr* ‘железа, шрам, язва’ (см. выше) > ПСам. **mâr* ‘железа’ (Janh. 87) (ненец. *mar?* ‘Drüse’, селькуп. *mâr* ‘Masurholz’, камас. *mor* ‘Stuteneuter’, *mar* ‘Euter’). По-видимому, ПСам. форма восходит к ПУр. **mOrV* ‘Knollen, Knorren (in den Muskeln, im Baum)’, саам. *mairre* (gen. *maire*) ‘зоб’, марийск. *wopš-mâr ra* (Szil.) ‘in einem wachsenden Baum ausgehöhlter Bienenstock’, ханты *mâr* ‘Maserknorren der Birke (Weide); Knorren, Maserknorren, Beule, Pustel’, *kiš-mâr* ‘Ringel, Streifen im Maserholz’, *mâr* ‘Knoten (in den Halsmuskeln, am Schenkelansatz)’ UEW 293.

11. ПТ **dar(g)a*- ‘расчесывать; бороновать, разгребать граблями’, **dar(g)a-k* ‘гребень; борона, грабли’ (ЭСТЯ 1980, 147–149), вопреки Róna-Tas Infl. 744 и Stachowski GJV 55 вряд ли стоит мыслить в качестве источника ПСам. **târ* ‘волосы’. Возведение тюркского глагола к гипотетическому **tar* ‘волосы’ **семантически достаточно нагянуто и покоится на Рамstedтовском сопоставлении** его с калм. *tar* (KWb 380) ‘Haar, Haarsorte (die verschieden Langen

слога вызвана влиянием гласного в суффиксе *-dUk*. Таким образом, реконструкция огубленного гласного для пратюркского, в общем, лишена оснований (хотя в принципе, при предположении таутосиллабического сочетания с *j*, возможна).

und verschieden gefärbten Haare im Pelzwerk sind verschiedene *tar*'), *tarfē* 'равномерно окрашенная, с красивой, гладкой шерстью' (например, здоровая, откормленная лошадь). Уже по примерам в КВб видно, что в действительности слово значит «сорт». Ср.: *tar nīlxə* 'подходить по сорту', *tar nīlsn gujr*; *tarfē gujr* 'мука хорошего качества, без комков и отрубей' («сортовая»). Данные других монгольских языков этому толкованию не противоречат: в халха *tar* 'нрав, характер, качество; ость меха' (примеры: «подбирать» и «быть подбираемым» о мехе) – БАМРС III 191; п.-монг. *tar* (Kow. 1663) 'ость на меху', *tar nīlelčex* 'мех подобран', ордос. *t'ar* 'сила, бодрость', *Dart'ā* 'сильный, бодрый, богатый', *t'ar sāli* 'удой от скотины, уже восстановившей силы после зимних и весенних лишений' (DO 646). Другая предлагаемая алтайская параллель – ср.-кор. *thərak* 'волосы', 'волосяная веревка' (SKE 282) – с тем же успехом может относиться к ПАлт. **t'ēli*: ПТ **tēl* 'струна, проволока', ПЯп. **tūrū* 'тетива'.

Вопрос о датировке соответствующих тюрко-самодийских отношений решается пока совершенно неоднозначно. Достаточно достоверные самодийские заимствования могут быть оценены как заимствования в общетюркский, т. е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние. Распад прасамодийского, как уже упоминалось, специалисты датируют последними веками до нашей эры (связывая его со вторжением сюнну во II в. до н.э. – Хелимский 2000, 22). Глоттохронологическая датировка распада – середина IV в. до н.э.; видимо, следует относиться к расхождению как к допустимой погрешности. Что касается фонетики, здесь мы видим специфическое отношение к тюркским **ř* и **λ*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты (отпадение конечнослогового **λ* скорее следует связывать не с его пратюркским качеством, а с регулярным переходом ПУр. **l* в первой позиции кластера в самод. *j*, как и в заимствованном слове **pəjkz* 'балык'). ПТ **h*- получает в самодийском (в надежных случаях) нулевое отражение. Довольно единообразно отражается тюркский вокализм; различное отражение ПТ **a* связано с открытостью (**e*, **e̞*) и закрытостью (**a*, перед **j* – **ä*, **ə̞*) слога; различия в отражении ПТ **i*, возможно, связаны с разным качеством конечного согласного и наличием **-j*- в основе. Самодийские заимствования единообразно отражают взрывные как глухие и не отражают различий по долготе гласных.

Интересно, впрочем, отражение в прасамодийском начальных тюркских губных согласных. В нашем корпусе три таких случая с отражением в самодийском **p*- и один случай с ПСам. **w*-:

1) ПТ **bālik* 'рыба' (ПАлт. **pāli* 'вид рыбы') - ПСам. **pājkz* 'юкола, балык, вобла';

ПТ **balmak* 'вид обуви' (ПАлт. **palga* 'нога') - ПСам. **pājma* 'сапог, обувь';

ПТ **bat-* 'погружаться, тонуть, заходить (о солнце)' (ПАлт. **pa'it'a'* 'попадать, получать') - ПСам. **pāt-* id.

2) ПТ **bEkre* 'вид осетровой рыбы' (ПАлт. **bek'ú* 'вид рыбы') - ПСам. **wekānā / *wekzrz* 'осетр'.

При работе над увеличением самодийского этимологического корпуса Ю. В. Норманская обнаружила еще два потенциальных тюркизма в прасамодийском или ранне-самодийском:

Нган. *horə* 'лицо' < ПСам. **pārV* – возможно, < ПТю **burun* 'нос, передняя часть' (ПАлт. **p/hiro* 'клюв, нос');

Сельк. *qulyo* 'провисший над водой лед' (Быконя), *ulqa, qoqqa*: < **(w)ulkV*, возможно, из раннего сиб.-тюрк.: тел. *nylyz* 'наледь' (замерзшая в несколько пластов вода)); як. *bulūs* (**bulu-gač*) 'лёдник' (ледяной погреб) и 'родник' (*булуус уута* 'родниковая вода'), тув. *buluq* 'наледь, кромка льда', тоф. *bulaq* 'наледь у родника' Рас. Фил; это – сибирские параллели к ПТ **bulok* 'источник, родник' ЭСТЯ 1978, 257–258 (ср. мат. *buluk* 'лед' из тув.) ПТ < ПАлт. **būlo* 'мочить, бить ключом'.

С добавлением этих двух примеров становится возможным предположение (хотя и самого предварительного характера) о том, что ранние самодийские заимствования из тюркского различали пратюркское **p-* (< ПАлт. **p-*, ПСам. **p-*) и пратюркское **b-* (< ПАлт. **b-*, ПСам. **w-*). О маргинальном характере отражения этого пратюркского противопоставления в огузских языках и в булгаризмах в венгерском языке см. Дыбо 2007, с. 25–28.

Показателен набор культурных заимствований в прасамодийский из пратюркского: одежда ('ботинки', 'латать'); жилище ('ставить чум'); оружие ('ножны ножа', 'стрелять из лука'); ритуальная утварь ('шаманская ложка для окроплений'). Кроме того, это название домашней лошади и несколько числительных. Таким образом, это в первую очередь технологическая, цивилизационная лексика. Другие слова – такие, как название рыбы, щуки, соболя, – по-видимому, относятся к предметам торговли или обмена со стороны самодийцев.

Литература

- Аникин – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва: Новосибирск, 2000.
АПиПЯЯ – Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
БКРС – Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М., 1983.
Владимирцов – Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.

- Григ. – Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработка и издание Е. Хелимского. Hamburg, 2007.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дыбо 1996 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Дыбо, Норманская 2010 – Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Прасамодийская лексика материальной культуры // Тезисы Третьей международной конференции по самодийским языкам. Новосибирск, 2010. С. 71–85.
- Крейн. Мат. – Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Млекопитающие СССР – Флинт В. Е., Чугунов Ю. Д., Смирин В. М. Млекопитающие СССР. М., 1970.
- Мудрак Чж. – Мудрак О. А. К вопросу о чжурчженской фонетике // Языки Азии и Африки: Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
- Мудрак ЭСЧКЯ – Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2000.
- Мурзаев 1966 – Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
- НивхСл – Савельева В. Н., Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь. М., 1970.
- ОСНЯ – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. I: Введение. Сравнительный словарь. *b–k*. М., 1971; II: Сравнительный словарь. *l–n*. М., 1976; III: Сравнительный словарь. *p–q*. М., 1984.
- ОСЯ – Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3. М.: МГУ, 2002.
- Савина 1986 – Савина Л. Н. Таежные леса Северной Азии в голоцене. Новосибирск: Наука, 1986.
- СИГТЯ 2000 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М.: Наука, 2006.
- Старостин 1995 – Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.
- Терентьев 1999 – Терентьев В. А. Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // *Aikakauskirja*. JSOu 88. 1999. P. 173–200.
- ТССДА – Толковый словарь северных диалектов алтайского языка / Ред. Н. Дьяим. Горноалтайск, 2004.
- Федотов – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Хелимский 1982 – Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
- Хелимский 2000 – Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хотинский 1977 – Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Цинциус 1984 – Алтайские этимологии. Л., 1984.
- Щербак 1997 – Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- ЭСТЯ 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- ЭСТЯ 1980 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980.

- ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севор-тян, Л. С. Левитская. М., 1989.
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997.
- ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М., 2003.
- Aikio 2002 – *Aikio A.* New and Old Samoyed Etymologies // FUF. 57: 9–57. 2002.
- Doerfer MT – *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985.
- EDAL – *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Hel. – *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.
- Helimski–Stachowski 1995 – *Helimski E., Stachowski M.* Turco-Samoiedica // *Folia Orientalia* 31, 1995. P. 39–52.
- Janh. – *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Joki LS = Joki 1952 – *Joki A. J.* Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103).
- Karlgren – *Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.
- KWb – *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Lee 1958 – *Ki-Moon Lee.* A Comparative Study of Manchu and Korean // UAJ. XXX, 1958.
- Martin – *Martin S. E.* Lexical Evidence Relating Korean to Japanese // *Language*. Vol. 42, № 2, 1966.
- Miller 1996 – *Miller R. A.* Languages and History. Japanese, Korean, and Altaic. Bangkok: White Orchid Press. 1996.
- Ozawa – *Ozawa Shigeo.* Kodai nihongo to chūsei mongorugo. Tokyo, 1968.
- Pav. C. – *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.
- Ram. SKE – *Ramstedt G. J.* Studies in Korean Etymologie. Helsinki, 1949.
- Róna-Tas Infl. – *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // *The Uralic Languages*. Leiden, 1988.
- Sinor JA 1939 – *Sinor D.* *A propos de la biographie ouigure de Hiuan Tsang* // *JA*. 1939. P. 543–590.
- Stachowski – *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.
- TMN – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.
- VEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- VGAS – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- Wichmann – *Wichmann Y.* Samojedisches Lehnwort im Syrjanischen // FUF. Bd. II. H. 3. S. 165–183.

Сложные лексические единицы в самодийских языках

Анализ лексики самодийских языков позволяет говорить о семантической структуре, свойственной не только отдельным словам, но и группам слов. Во всех самодийских, а так же и финноугорских языках много сложных комплексов, имеющих семантическое единство, выводимое (а иногда и не выводимое) из составляющих его частей. Общеизвестно, что понятие, которое в одном языке обозначается одним простым (не составным) словом, в другом может обозначаться выражением из нескольких слов. Например, простому слову кольцо (русское) соответствует в самодийском сочетание двух слов 'рука железо' и наоборот простому самодийскому *коопя* соответствует русское сочетание 'женское металлическое украшение'. При детальном анализе лексики выясняется, что эти сложные комплексы можно привести в систему, т. е. разбить на различные типы, модели, структуры и т. д.

В литературе нет четких критериев для отделения сложных слов от словосочетаний. Не установлены единые принципы словосложения и единые критерии классификации сложных слов даже для таких языков, как индоевропейские. Но даже те выработанные общие признаки цельноформленности слова, предлагаемые для индоевропейских языков (семантическое единство комплекса, его идеоматичность, невозможность вставления морфем между компонентами, слитность написания, единство ударения), не совсем годятся для самодийских языков. Универсальных критериев для классификации сложных слов не найдено и каждый исследователь практически вырабатывает их для себя на материале того языка, с которым он работает. Среди многообразия сложных комплексов самодийских языков можно отметить несколько типов структур, обладающих разными степенями спаянности в одно целое. Нами выделяется четыре типа структур:

1. полуаффиксный тип образования
2. словосложение
3. словосочетание
4. сложные комплексы, передающие отношение части к целому.

Эта классификация прослеживается по всем самодийским языкам. Для определенности мы будем приводить примеры из энецкой лексики.

Рассмотрим каждую структуру отдельно. Возьмем ряд обще-самодийских слов: *сари сэй* «дождевка», *сыра сэй* «снежинка», *ту сэй* «искринка», *чирь сэй* «искринка», *кари сэй* «чешуйка» и т. д. Проанализируем первое слово из этого ряда *сари сэй* «дождевка». Оно

состоит из двух значимых в языке слов *сари* «дождь» и *сэй* «глаз». Можно сказать *сыри тыса* «капля дождя», *бунки сэй* «глаз собаки», *сэй кади* «глазная болезнь» и т. д., т. е. менять значимые слова перед и после слова *сэй* и получать различные словосочетания с этим словом. Но в рассмотренном выше ряду слов слово *сэй* утратило свое основное значение. Оно регулярно повторяется в соответствующем семантическом ряду в одном и том же употреблении – для обозначения сингулятивов, т. е. употребление этого слова в данном ряду дает нам представление о выделении одной частицы из однородной массы частиц. Таким образом в этих примерах данное слово выступает не как самостоятельное, а как суффиксальный элемент, т. е. оно приобрело функцию словообразовательного маркера. Тем самым слова этой структуры можно рассматривать состоящими из корня, или разных корней и суффикса. Слово *сэй* «глаз» в данной ситуации подверглось полной десемантизации.

В полуаффиксном типе словообразования выделяются целые серии плуаффиксов, для которых релевантен параметр регулярной повторяемости. Эти полусуффиксы образуют единые семантические ряды, выступая везде в этих образованиях с единым значением. Самыми продуктивными являются девять разрядов полусуффиксов для образования существительных.

1. полусуффиксы для образования сингулятивов. Здесь участвуют два полусуффикса *сэй* «глаз», *пусуй* «крошка»;

2. полусуффиксы с диминутивным значением со словом *не* «ребенок»: *бунки не* «щенок», *богля не* «медвежонок», *каса не* «сын», *нэ не* «дочь»;

3. полусуффиксы с различием по полу со словами *каса* «мужчина» и *нэ* «женщина», *кора* «самец»: *богля кора* «самец медведь», *богля нэ* «медведица», *бунки кора* «кобель», *бунки нэ* «сука», *камер каса* «покойник», *камер нэ* «покойница»;

4. полусуффикс со словом энчи человек: *магута энчи* «бедняк», *мирчуа энчи* «богач», *онэй энчи* «энец», *нэ энчи* «девочка»;

5. термины для обозначения емкости со словом *баи*, которое отдельно в языке вообще не употребляется: *шару баи* «кисет», *пазор баи* «портфель», *сы баи* «солонка», *сахар баи* «сахарница»;

6. полусуффикс для обозначения проемов, отверстий со словом *се* «дыра»: *на се* «рот», *ко се* «ухо», *пуя се* «ноздря», *но се* «дверь», *сама се* «дымоход»;

7. термин пространственного расположения предмета со словом *уб* «конец»: *но уб* «носок», *няңу уб* «подбородок», *уй уб* «сосок», *ко уб* «мочка»;

8. термины границы двух объектов со словом *бар* «край»: *сэй бар* «веко», *биз бар* «берег», *салаба бар* «кромка льда», *одду бар* «борт», *на бар* «губы», *сэз бар* «опушка (на шапке)»;

9. термины, обозначающие верхнюю часть объекта, со словом *эба* «голова»: *кочи эба* «кочка», *соси эба* «холм», *камоз эба* «крыша», *ня эба* «верхушка», *дяра эба* «лысина», *кая эба* «зенит, полдень».

Следует заметить, что во всех этих конструкциях полусуффиксальный элемент стоит справа от корня, как это и положено по законам самодийской морфологии, где аффиксы всегда располагаются по линейной цепочке справа от корня, а префиксы в самодийских языках отсутствуют.

В самодийских языках функционируют так же сложные глагольные образования. Новое значение возникает при соположении двух глагольных инфинитивов, один из которых становится аффиксальным. Например, глаголы *тось* «прийти» и *канись* «уйти» в нижеприведенном списке выполняют аффиксальную роль, указывая на приближение или удаление соответственно. На русский язык такие комплексы удобно переводить глаголами с приставками: *нэбичь тось* «прибежать» (бежа прийти), *тодычь тось* «приползти (ползая прийти)», *тонытагусь тось* «пригонять (гоня прийти)», *мэсись тось* «прикочевать», *котыдь тось* «приплыть»; *нэбичь канись* «убежать (бежа уйти)», *тодычь канись* «уползти (ползая уйти)», *танытагусь канись* «угонять», *мэсись канись* «откочевать», *котыдь канись* «уплыть». В энецком языке удалось выделить семь таких глаголов: *тось* «прийти», *канись* «уйти», *озидь* «выйти», *чусь* «войти», *каась* «спуститься», *тодась* «взобратся», *мотась* «пересечь, перейти». Поскольку инфинитив в самодийских языках совпадает с одной из форм деепричастий, то эти сложные комплексы можно трактовать как сочетание деепричастия с инфинитивом: плывя прийти – приплыть, плывя уйти – уплыть и т. д.

Теперь рассмотрим образование сложных слов. Они представляют собой значительно более широкую и разнообразную совокупность по сравнению со словами полусуффиксального типа. Это единицы языка, созданные путем сложения двух слов, но хорошо, как правило, членимые: *ни сама* «сова (ночь птица)», *дя мя* «землянка (земля дом)», *кирба би* «брага (хлеб вода)», *сэй басы* «очки (глаз железо)», *ту одду* «пароход (огонь лодка)», *дя сама* «крот (земля зверь)», *кайя бэси* «сдача (остаток деньги/железо)».

Между компонентами возникают атрибутивные отношения, где первый является определением ко второму: *пуя паг* «переносица (нос колода, носовая колода, колода носа)», *эззе бинэ* «вожки (езда веревка, ездовая веревка, веревка для езды)», *кора камоз* «коровник (корова дом, коровий

дом, дом коровы)», *сэй тор* «ресница (глаз шерсть, глазная шерсть, шерсть глаза)», *сэй коил* «слезы (глаз брызги, глазные брызги, брызги глаз)».

В тех случаях, когда в языке имеется морфологически выраженный генетив и генетивная основа, то определяющее слово стоит в генетиве: нганасанский язык – *дюту* «рука» (номинативная основа), *дюзю* «руки» (генетивная основа); *дюзю баса* «кольцо (железо руки)», селькупский язык – *тупу* «рука» (ном. основа), *тупикэсу* «кольцо», но энецкий язык – *уза* «рука» (ном. основа), *уза бэси* «кольцо», ненецкий язык – *нуда* «рука» (ном. основа), *нуда еси* «кольцо».

Такие образования предполагают семантическую целостность, т. е. служат для выражения одного понятия. Порядок следования компонентов строго фиксированный, от его перестановки меняется смысл передаваемого сообщения: *ко бэси* «серьги», *бэси ко* «железное ухо».

Таким образом сложное слово можно определить исходя из самодийских языков как объединение двух слов, способных функционировать как одна единица, обладающая семантическим единством и цельнооформленностью. Целостное значение сложного слова отличается от простой суммы его частей широтой и обобщенностью: *ту+дя* «родинка (огонь+место)», *коу+дери* «полдень (солнце+середина)», *кора ози* «клюква (журавль ягода)» и т. д. Под семантической цельнооформленностью понимается лексическое единство сложного слова, соответствующее определенному предмету или явлению действительности. Грамматическая цельнооформленность проявляется в закреплённом местоположении компонентов.

В результате сложения основ могут происходить фонетические изменения, иногда наблюдается семантическое выветривание одного из компонентов, заменяется этимология. Так в энецком слове *кочи эба* «кочка» слово *кочи* независимо в языке не функционирует. В слове *позсэй* «звезда» можно выделить значащий компонент *сэй* «глаз», но слово *поз* отдельно в языке не встречается. Носители языка это слово не членят.

Третий вид сложных комплексов – словосочетания. Трудно отличить словосочетание от сложных слов. Основное различие между ними заключается в меньшей семантической спаянности словосочетаний по сравнению со сложными словами, для которых спаянность граничит с идеоматичностью. Морфология образования сложных слов и словосочетаний примерно одна и та же. Встречаются словосочетания: имя существительное + имя существительное, где первое является определением ко второму: *то дери* «летний день (лето день)», *каса кодду* «мужская нарта (мужчина нарта)», *оса буй* «мясной суп (мясо суп)», *сэй тыса* «глазные капли (глаз капли)» – и сочетания имя при-

лагательное + имя существительное: *сылейгу тузуку* «белый гриб», *сылейгу эба* «блондин (белая голова)», *кэми батую* «короткохвостый (короткий хвост)», *ползеда эба* «брюнет (черная голова)», *сойза по* «хороший год», *боку тэ* «плохой олень», *сойза каты* «красивая девушка», *касуй кирба* «сухой хлеб».

Обязательным дифференциальным признаком для словосочетания и для сложного слова является смысловая цельность, при этом сложное слово характеризуется воспроизводимостью – повторяемостью, а словосочетание всякий раз создается заново. В словосочетании смысловая цельность складывается как сумма его частей, а смысл сложного слова к сумме его частей, как правило, не сводится. В некоторых случаях ни один из компонентов сложного слова сам по себе не имеет отдельного выражения и не выражает отдельного понятия, но все сложное слово имеет одно только значение и выражает только одно понятие, в то время как каждый из членов свободного словосочетания имеет свое отдельное значение.

Среди словосочетаний широко распространены словосочетания, передающие отношение части к целому. Их широкая распространенность позволяет говорить о них как об отдельном классе сложных слов. Стержневым в них является общее понятие некоего целого, связанного с его частями. Эти сложные комплексы характеризуются стержневым словом, которое стоит первым в словосочетании, во всех сочетаниях повторяется и является определяющим к словам следующим за ним. Определяемые слова обозначают детали этого целого. Рассмотрим сложные слова этого типа, образующиеся с участием слова *кодду* «нарты»: *кодду дэсу* «задняя часть полозьев нарты», *кодду лата* «сиденье нарты», *кодду наруту* «перекладина, соединяющая копылья нарты под сиденьем», *кодду чо* «копылья нарты», *кодду пуя* «головка полоза», *кодду сочи* «перекладина, соединяющая головки полозьев нарты», *код пэхэ* «передняя часть нарты между боковыми перекладинами», *код сэва* «покрышка нарты», *кодду пере* «продольная перекладина», *кодду муу* «изгиб полоза нарты» и т. д.

Аналогичные ряды отношения части к целому можно продемонстрировать со словом *мя* «чум», *бьяк* «шея», *сэй* «глаз», *пухуза* «туловище» и т. д.

Таким образом, в самодийских языках функционирует три основных типа сложных слов. Это слова, где вторая часть имеет суффиксальный характер, сложные слова жесткой спайки, имеющие значение идиомы и относительно свободные словосочетания.

Л. А. Ильина (Новосибирск)

**Идентичность генетической структуры
глагольной категории засвидетельствованности
в самодийских и юкагирских языках¹**

1. Введение

Предлагаемая статья посвящена обоснованию существенного типологического сходства глагольных категориальных парадигм засвидетельствованности (эвиденциальности) в диахронии самодийских и юкагирских языков. В контексте методологии и логики данного сопоставительного исследования это существенное диахронно-типологическое сходство интерпретируется как идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках. Понятие общенаучной системно-генетической методологии “генетическая структура” осмысливается в нашем исследовании как социокультурный детерминант грамматикализации в языках эвиденциальной семантики и происхождения глагольной категории засвидетельствованности (далее – ГКЗ). Более конкретно генетическую структуру ГКЗ самодийских и юкагирских языков мы раскрываем как с древности присущую традиционным культурам самодийцев и юкагиров коммуникативно-ментальную оппозицию видимого и невидимого, которая обусловила в диахронии грамматикализацию семантической зоны эвиденциальности в глагольных системах, а в документированной синхронии параметрично отразилась ядерными категориальными оппозициями глагольных граммем прямой (непосредственной) / косвенной (опосредованной) засвидетельствованности. На документированных срезах самодийских языков (северносамодийских и селькупского) прослеживаются, по меньшей мере, три основных варианта этой центральной категориальной оппозиции ГКЗ. Мы недавно пришли к выводу, что все эти три варианта оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности глубинно ориентированы на разграничение видимых и невидимых ситуаций, репрезентированных в языковых сообщениях, но реализуют данную ориентацию параметрично – с существенно различной отчетливостью и последовательностью. Типологически сходная система ядерных эвиденциальных оппозиций реконструируется и в юкагирских языках [Ильина 2009; 2010б]. Параметричность отражения коммуникативно-ментальной оппозиции видимого / не видимого ядерными эвиденциальными оппозициями дает, на наш взгляд, ключ к раскрытию гене-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Глагольная категория засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках: общее и особенное”, проект № 08-04-00414а

зиса и основных этапов эволюции ГКЗ в самодийских и юкагирских языках, а возможно, – вообще в языках с глубоко исконной ГКЗ.

2. Лингво-типологический контекст исследования

Результаты современных исследований распространенности глагольной категории засвидетельствованности (эвиденциальности) в языках мира, ее общих и особенных черт в разных языках и языковых ареалах дают основание для выдвижения и верификации ряда научно значимых гипотез.

Языки, имеющие развитую ГКЗ с оппозицией глагольных граммем, указывающих на прямую (непосредственную) / косвенную (опосредованную) засвидетельствованность наличных и прошлых ситуаций, отраженных в языковых сообщениях, типологически существенно отличаются от языков, не имеющих ГКЗ, и должны быть выделены в типологическую языковую общность, репрезентирующую особый языковой «тип» (в терминологии Э. Косериу) или «супертип» (в терминологии П. В. Дурст-Андерсена) [*Coseriu* 1971; Дурст-Андерсен 1995].

Одна из ряда существенных типологических особенностей таких языков – неразвитость в них эвиденциально нейтрального индикатива, аналогичного индикативу ведущих европейских языков [*Ильина* 2005; 2006:100–108]. Индикатив, выражающий реальность как “простую” или “объективную” ее констатацию, традиционно считался языковой универсалией [ЛЭС 1990: 321]. Однако классики самодистики и юкагироведения отмечали у индикативных “форм времени” (“аориста”, “претерита”, “настояще-прошедшего времени”) семантику прямой засвидетельствованности, в том числе – зрительной, опираясь не только на языковой материал, но и на метаязыковые комментарии информантов [*Прокофьев* 1936:158; *Крейнович* 1982:139–143].

Есть серьезные основания полагать, что в языках, имеющих развитую ГКЗ, неразвитость эвиденциально нейтрального индикатива типологически закономерно сопряжена с неразвитостью глагольной категории абсолютного грамматического времени [*Ильина* 2006]. Поэтому представляется, что именно для таких языков адекватен термин В. А. Плунгяна «атемпоральные системы» [*Плунгян* 2006:10].

Существенная специфика языков данного «типа» или «супертипа» реализуется как в особенностях организации грамматических систем, так и в особенностях их эволюции. Поэтому она значительно полнее и отчетливее проявляется в языках с древней, глубоко исконной ГКЗ, нежели в языках с ГКЗ относительно позднего контактного происхождения. Следовательно, для выявления и раскрытия этой типологической специфики требуется обоснованный выбор в качестве объектов исследования языков, в которых ГКЗ име-

ет древнее происхождение и долговременно развивалась на исконной основе. Предполагается, что это в первую очередь ряд языков коренных этносов Северной Азии, Северной и Южной Америки.

Наличие ГКЗ – один из наиболее универсальных структурных признаков языков коренных этносов Северной Азии. Он типологически объединяет различные генетические языковые общности, становление и / или долговременное историческое развитие которых связано с северно-азиатским языковым ареалом, в том числе отдаленно родственные самодийскую и юкагирскую языковые общности. Поэтому правомерно предполагать, что северно-азиатский языковой ареал мог быть древним центром генезиса ГКЗ и ее распространения в языках смежных ареалов вследствие исторических миграционных процессов и языковых контактов.

Заслуживает особого внимания и требует объяснения то, что среди языков Северной Азии, имеющих ГКЗ, и вообще среди многочисленных языков «евразийского эвиденциального пояса» только в самодийских языках была обнаружена субкатегория чувственной засвидетельствованности с оппозицией глагольных граммем, указывающих на зрительное/не зрительное (слух, осязание, обоняние) восприятие реальной ситуации, репрезентированной в языковом сообщении [Ильина 2006]. Наличие подобной оппозиции в ряде индейских языков Северной и Южной Америки позволяет предполагать, что это не инновационная, а очень древняя эвиденциальная оппозиция, присущая в диахронии языкам с глубоко исконной ГКЗ, но на документированных срезах эксплицитно сохраненная в Евразии лишь самодийскими языками [Ильина 2006:115–117; 2010а; 2010б].

Верификация изложенных гипотез в идеале предполагает широкое сопоставительное исследование ГКЗ и сопряженных с ней структурных признаков в языках северно-азиатского ареала и смежных языковых ареалов в предметах синхронической и диахронической типологии. Проведенный в обоих этих предметах лингвистической типологии анализ общих и особенных черт ГКЗ самодийских и юкагирских языков мы рассматриваем как важный промежуточный этап такого широкого сопоставительно-типологического исследования.

В данной статье представлены основные, наиболее научно значимые результаты теоретической и фактологической верификации исходной рабочей гипотезы. Предполагалось типологическое сходство ГКЗ самодийских и юкагирских языков в диахронии, нарушенное в процессе эволюции ГКЗ в связи с утратой юкагирскими языками субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией граммем, указывающих на зрительное/не зрительное чувственное восприятие ситуации.

3. Методология и логика исследования

Диахронно-типологический подход к исследованию эволюции языка и его грамматикализованных, следовательно – системных составляющих, мы трактуем как лингвистический вариант общенаучного системно-генетического подхода к исследованию развивающихся системных объектов. Поэтому выделенные в научной парадигме системно-генетического подхода три взаимосвязанные структуры развивающихся систем – компонентную, функциональную и генетическую – мы проецируем в предмете диахронической типологии на язык в целом и на его грамматические категории, в том числе – на ГКЗ.

Из научных парадигм общего языкознания оптимальны для концептуального синтеза с общенаучной парадигмой системно-генетического подхода постсоссюровские теории речевой деятельности, наиболее развернуто представленные в общелингвистических концепциях Л. В. Щербы, Р. О. Якобсона и Э. Косериу [*Щерба* 1974; *Якобсон* 1985; *Косериу* 1963]. Эти концепции существенно сходны и мы их рассматриваем как взаимодополняющие. Недостаточная конкретизация в них аспекта языковой эволюции, соотносимого с общенаучным понятием «генетическая структура», компенсируется в определенной мере рядом более конкретных лингво-типологических и социолингвистических концепций, базирующихся на общелингвистической теории речевой деятельности. Мы в наибольшей степени учитывали социолингвистическую концепцию В. А. Аврорина, контенсивную типологию Г. А. Климова и ментально-грамматическое обоснование П. В. Дурст-Андерсеном закономерного существования в панхронии языков мира трех языковых «супертипов», в которых процесс грамматикализации направлен на разные семантические зоны [*Аврорин* 1975; *Климов* 1977; 1983; *Дурст-Андерсен* 1995].

В нашей системно-генетической концептуальной модели ГКЗ три взаимосвязанные структуры развивающихся систем – компонентная, функциональная и генетическая – транспозированы с общенаучного уровня на общелингвистический уровень посредством выработанной Э. Косериу «тетратомической» («четырёхсторонней», «четырёхуровневой») модели языка: речь – норма – система – тип. При этом содержание понятия «тип» осмыслено в соответствии с содержанием введенного П. В. Дурст-Андерсоном понятия «супертип», эксплицировано как теоретико-лингвистический аналог общенаучного понятия «генетическая структура» и конкретизировано как детерминант генезиса, воспроизводства и зволюции ГКЗ. В контексте этой синтезированной теоретико-методологической парадигмы концептуально смоделирована ГКЗ как реально функционирующая в межиндивидуальном

речевом общении, экстралингвистически детерминированная и закономерно эволюционирующая система, включающая четыре уровня, существенно различающихся по степени устойчивости в диахронии:

1) **эвиденциальные высказывания**, в которых синтаксическую роль сказуемого выполняют категориальные формы засвидетельствованности – двусторонние носители (манифестанты) эвиденциальных граммем, в том числе невербальные знаки, включенные в вербальный речевой контекст (это уровень «речи», наиболее открытый, адаптивный и мобильный уровень языка и ГКЗ);

2) **три органично взаимосвязанные категориальные структуры ГКЗ:**

а) **компонентную структуру** – количественный состав и формальные признаки двусторонних носителей (манифестантов) каждой отдельной эвиденциальной граммеы, включенной во внутрикатегориальные парадигматические отношения ГКЗ (это уровень «нормы», относительно стабильный уровень языка и ГКЗ, закрепленный узальной социальной традицией, но гораздо менее устойчивый в диахронии, чем «система» и «тип»);

б) **функциональную структуру** – внутрикатегориальные парадигматические отношения взаимоотнопротиповпоставления и взаимоотноэквивалентности эвиденциальных граммем (это уровень «системы», исключительно устойчивый в пределах данного «типа» («супертипа») уровень языка и ГКЗ);

в) **генетическую структуру** – экстралингвистически (социокультурно) детерминированную коммуникативно-ментальную доминанту, грамматикализовавшуюся в системе диахронически первичных эвиденциальных оппозиций и обусловившую: грамматикализацию семантической зоны эвиденциальности и генезис ГКЗ; эволюцию ГКЗ от диахронически первичного состояния к развитому состоянию, в котором генетическая структура отражена базисным ядром граммем и оппозиций ГКЗ; непрерывное и долговременное воспроизводство функциональной структуры ГКЗ при закономерной смене ее компонентной структуры, т. е. двусторонних носителей (манифестантов) эвиденциальных граммем (это уровень «типа» («супертипа»), наиболее устойчивый в диахронии уровень языка и ГКЗ).

На уровне «речи» у категориальных форм ГКЗ, выполняющих синтаксическую роль сказуемого эвиденциальных высказываний, неизбежно происходят контекстуальные семантические сдвиги. Эти формы закономерно манифестируют в контекстах не только базовые значения эвиденциальных граммем (как правило, идентичные или близкие их диахронически первичным значениям), но также вторич-

ные и переносные контекстуальные значения. Переносные значения семантически существенно отдаляются от базового значения данной эвиденциальной граммемы и вступают в отношения эквивалентности (грамматико-семантической синонимии) с другими граммемами ГКЗ и / или с инокатегориальными глагольными граммемами. Вследствие этого в диахронии языков с глубоко исконной ГКЗ закономерно и многократно происходят внутрикатегориальные и межкатегориальные транспозиции форм, исходно манифестировавших базовые значения определенных эвиденциальных грамем. Иначе говоря, двусторонние носители (манифестанты) эвиденциальных грамем закономерно меняют свои «означаемые» в диахронической перспективе. С утратой исходных базовых значений нарастает факультативность употребления таких манифестантов, что может завершиться их полной элиминацией. Например, документирован процесс элиминации формы аудитива в тазовском диалекте селькупского языка [Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 242].

Главное в том, что до тех пор пока сохраняется генетическая структура ГКЗ, т. е. глубинная коммуникативно-ментальная доминанта – детерминант генезиса и воспроизводства ГКЗ, грамматикализованный в ее ядерной категориальной парадигме, все отмеченные эволюционные процессы не приводят к сколько-нибудь существенным внутрикатегориальным изменениям ГКЗ. Изменения происходят только на уровне «нормы» – компонентной структуры ГКЗ, но не затрагивают уровня «системы» – функциональной структуры ГКЗ, а тем более – уровня «типа» («супертипа»). Система эвиденциальных грамем и их внутрикатегориальных оппозиций, особенно базисного ядра, закономерно воспроизводится в новых манифестантах сохраняющихся грамем ГКЗ.

Поэтому, во-первых, эвиденциальную глагольную грамему в базовом значении мы определяем в предмете диахронической типологии как долговременную в диахронии грамматико-семантическую константу со сменяющимися манифестантами. Во-вторых, центральную категориальную оппозицию прямой / косвенной засвидетельствованности, эксплицитно реализующуюся только в противопоставлениях базовых значений эвиденциальных грамем, мы трактуем как отражение генетической структуры ГКЗ в функциональной структуре ГКЗ и как индикатор доминирующего в языке «типа» («супертипа»). В-третьих, три основных варианта реализации этой центральной категориальной оппозиции, выделенные в общесамодийской (прасамодийской) категориальной парадигме ГКЗ, мы рассматриваем как ядерную в синхронии и исключительно древнюю в диахронии систему эвиденциальных оппозиций, типологически закономерную в диахронии для всех языков с глубоко исконной ГКЗ и особенно высоковероятную в диахронии для

языков, генетически связанных с самодийскими языками, в том числе для юкагирских языков, родственных самодийским языкам в рамках «раннеуральской» («урало-юкагирской») генетической языковой общности [см.: Хелимский 2005; Николаева 2005].

Методология и логика исследования определили его методику, которая предусматривала: 1) сопоставление эволюционно-типологической модели ядерной общесамодийской (прасамодийской) категориальной парадигмы ГКЗ с весьма информативными описаниями ГКЗ юкагирских языков в работах В. И. Иохельсона и Е. А. Крейновича; 2) выявление и обоснование «пустых клеток» в общеюкагирской категориальной парадигме ГКЗ; 3) заполнение этих «пустых клеток» посредством доказательного установления на материале документированных срезов юкагирских языков следов прошлого существования эвиденциальных граммем и оппозиций, типологически близких общесамодийским (прасамодийским) эвиденциальным граммемам и оппозициям.

4. Сходство ядерных эвиденциальных оппозиций в самодийских и юкагирских языках

Ниже представлена эволюционно-типологическая модель ядерной общесамодийской (прасамодийской) категориальной парадигмы ГКЗ. Мы предполагаем, что эта модель отразила три диахронически ранние стадии грамматикализации генетической структуры ГКЗ – древней коммуникативно-ментальной доминанты, базирующейся на оппозиции видимого и невидимого.

Эволюционно-типологическая модель ядерной общесамодийской (прасамодийской) категориальной парадигмы ГКЗ

	С. Подсистема (субкатегория) прямой засвидетельствованности	Д. Подсистема (субкатегория) косвенной засвидетельствованности
А. Подсистема (субкатегория) чувственной засвидетельствованности реальной ситуации	АС Уровень “системы” – граммема с базовым значением “отчетливое зрительное восприятие ситуации” Уровень “нормы” – сменяющиеся манифестанты граммемы АС	АД Уровень “системы” – граммема аудитива с базовым значением “слуховое восприятие невидимой ситуации” Уровень “нормы” – сменяющиеся манифестанты граммемы АД
В. Подсистема (субкатегория) ментально-вербальной засвидетельствованности сообщаемой информации	ВС Уровень “системы” – граммема с базовым значением “личная отчётливая память” Уровень “нормы” – сменяющиеся манифестанты граммы ВС.	ВД Уровень “системы” – граммема медиатива, совмещающая значения пересказа и инференции Уровень “нормы” – сменяющиеся манифестанты граммемы ВД

Символом ↔ обозначены три основных варианта реализации центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности: АС/АД; АС/ВД; ВС/ВД. Важно, что все три варианта реализации центральной категориальной оппозиции ГКЗ грамматически противопоставляют в системе глагола самодийских языков (и прасамодийского языка) видимые и невидимые реальные ситуации, репрезентированные в эвиденциальных высказываниях. Причем они противопоставляют такие ситуации с существенно разной степенью отчетливости и последовательности: с наибольшей степенью – оппозиция чувственных граммем АС/АД, а с наименьшей степенью – оппозиция «нечувственных» граммем ВС/ВД. Мы сейчас трактуем этот феномен в соответствии с методологией и логикой данного исследования как отражение в документированной синхронии самодийских языков (и в прасамодийском языке) трех древних этапов генезиса и эволюции эвиденциальных высказываний и ГКЗ в глубокой диахронии.

Промежуточное положение (между оппозициями АС/АД и ВС/ВД) занимает по критерию «степень отчетливости и последовательности противопоставления видимых и невидимых ситуаций» оппозиция граммем АС/ВД. В ней противопоставлены чувственная граммема прямой засвидетельствованности с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» (АС) и «нечувственная» (ментально-вербальная) граммема косвенной засвидетельствованности, совмещающая значения пересказа (цитатива, ренарратива) и инферентности (ВД). С позиций современной культуры эти совмещенные значения представляются существенно различными. Но в традиционных культурах, обслуживаемых бесписьменными языками, они были существенно сходны. Важные коммуникативные функции в таких культурах выполняли разнообразные невербальные знаки, в том числе – сакральные. При указании на эти невербальные знаковые источники информации пересказывательная и инферентная семантика оказывалась нечленимой и говорить о ее совмещенности или комуляции можно лишь условно. Отметим, что в относительно поздней диахронии селькупского и нганасанского языков прослеживается тенденция несомещенного выражения значений пересказа и инферентности разными формальными манифестантами. Но в селькупских диалектах данная тенденция привела к конкуренции двух и более глагольных форм, совмещающих эти значения, и замене их прежних манифестантов новыми.

На документированных срезах обоих сохранившихся юкагирских языков – колымского и тундренного – отчетливо представлена оппозиция двух эвиденциальных глагольных граммем, инвариантно указывающих на прямую (непосредственную) / (косвенную (опосредован-

ную) засвидетельствованность сообщаемой информации. Глагольные формы – носители (манифестанты) этих двух эвиденциальных граммем имеют в обоих юкагирских языках одинаковые показатели: форма прямой засвидетельствованности – нулевой показатель = \emptyset =, а форма косвенной засвидетельствованности – показатель =л'э(л)=. Данные общеюкагирские формы были выделены (под иными и разными терминами) В. И. Иохельсоном и Е. А. Крейновичем и информативно описаны, в том числе во взаимном противопоставлении [*Иохельсон* 1934:174; *Крейнович* 1982:139–144]. Анализ этих описаний и языкового материала позволил сделать следующие выводы:

1. Общешюкагирская форма прямой засвидетельствованности с показателем = \emptyset = указывает в базовом значении (эксплицитно реализующимся при употреблении форм в 3 л.) на отчетливое зрительное восприятие ситуации, а употребляясь в 1 л. – на полную контролируемость говорящим собственных действий. Она является близким грамматико-семантическим и коммуникативно-функциональным аналогом самодийских форм прямой засвидетельствованности – носителей общесамодийской (и прасамодийской) граммемы АС, имеющей такие же базовые и вторичные значения.

2. Общешюкагирская форма косвенной засвидетельствованности с показателем =л'э(л)= совмещенно выражает пересказывательное и инферентное значения. Коммулятивно с этими совмещенными значениями, особенно с инферентным, она может выражать миративное значение, а употребляясь в 1 л., указывает на неконтролируемость собственных действий. Главное в том, что форма на =л'э(л)= реализует ряд древних коммуникативных функций. Это единственная глагольная форма, выполняющая роль сказуемого фольклорных зачинов, следовательно, служащая предикатом всего целостного фольклорного произведения и в частности, указывающая, что сказитель не является прямым непосредственным свидетелем рассказываемого. Она типично указывала на невербальные знаковые источники информации, к которым относились и следы зверей – объектов охоты, а также на сакральные источники – разнообразные сверхъестественные «откровения». Поэтому она была высокочастотной в шаманских камланиях, в частности, манифестировала шаманские выводы о неизвестных прошлых ситуациях. Общешюкагирская форма косвенной засвидетельствованности с показателем =л'э(л)= является полным грамматико-семантическим и коммуникативно-функциональным аналогом самодийских форм косвенной засвидетельствованности – носителей общесамодийской (и прасамодийской) граммемы медиатива – ВД. Мы пока не нашли никаких семантических и коммуникативных различий между общесамодийской

дийской (прасамодийской) и общеюкагирской (праюкагирской) граммемами медиатива.

3. Единственный выделенный в юкагирских языках вариант реализации центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности – противопоставление чувственной граммемы с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» и «нечувственной» (ментально-вербальной) граммемы медиатива – является типологическим аналогом общесамодийской оппозиции АС / ВД. Подчеркнем, что эта оппозиция в самодийских языках генетически (диахронически) вторична по критерию «степень отчетливости и последовательности противопоставления видимых и невидимых ситуаций», обусловленному генетической структурой ГКЗ и диахроническими этапами ее грамматикализации в ядерной категориальной парадигме ГКЗ.

Наличие на документированных срезах юкагирских языков чувственной эвиденциальной граммемы с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» предполагает по парадигме ГКЗ противопоставленную чувственную эвиденциальную граммему, указывающую на незрительное восприятие ситуации. Это синхронно-типологическое обоснование «пустой клетки» в общеюкагирской парадигме ГКЗ.

Наличие на документированных срезах юкагирских языков генетически (диахронически) вторичного варианта центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности предполагает существование в синхронии либо диахронии юкагирских языков генетически (диахронически) первичного варианта, типологически соответствующего общесамодийской оппозиции чувственных эвиденциальных граммем АС / АД. Это диахронно-типологическое обоснование отмеченной «пустой клетки» в общеюкагирской парадигме ГКЗ.

Высокововероятно, что бывшие манифестанты юкагирской граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности сохранились на документированных срезах, манифестируя другие глагольные граммемы, например – эвиденциальную граммему медиатива или какую-то из модальных граммем. Но оказалось, что в архаичном юкагирском фольклоре, сохраненном преимущественно колымскими юкагирами и записанном В. И. Иохельсоном в конце XIX в., функционировала граммема незрительной чувственной засвидетельствованности с базовым значением «слуховое восприятие невидимой ситуации», т. е. типологически подобная общесамодийской граммеме аудитива – АД.

Носитель (манифестант) юкагирской граммемы аудитива – аналитическая глагольная бивербальная конструкция (БВК). Основной (знаменательный) компонент БВК – инфинитная форма (ИФ) с финалью =(л)лй̆. Ее возможно трактовать либо как имя действия в инструментальном падеже, либо, скорее, как деепричастие. Служебный компо-

нент БВК *mod*= (*məd*) – показатель аудитива восходит к основе глагола слухового восприятия *modi*=(*mədi*) ‘быть слышным’.

Ниже самодийский и юкагирский аудитив представлены и сопоставлены в системах ядерных граммем и оппозиций ГКЗ этих языков, т. е. в моделях генетических структур ГКЗ, которые типологически идентичны.

	С. Подсистема (субкатегория) прямой засвидетельствованности	Д. Подсистема (субкатегория) косвенной засвидетельствованности
А. Подсистема (субкатегория) чувственной засвидетельствованности реальной ситуации	АС Граммема с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации». Носители граммемы: сельк. «индикативная» форма «аориста» с показ. = ŋ = (=n=, =j=, =Ø=) нен. «индикативная» форма «аориста» или «неопределенного вр.» с показ. = ŋa = или =Ø= юк. «индикативная» форма «аориста» или «настояще-прошед. вр.» или «очевидности» с показ. =Ø=	АД Граммема аудитива с базовым значением «слуховое восприятие невидимой ситуации». Носители граммемы: сельк. синтетическая форма с показ. = kun(V) = нен. синтетическая форма с показ. = won(o) ≠/ mon(o) = юк. аналитическая форма (БВК) ИФ на =(l)lä + mod =(mäd), восходит к modi = (mädi) ‘быть слышным’
В. Подсистема (субкатегория) ментально-вербальной засвидетельствованности сообщаемой информации	ВС Граммема с базовым значением «личная отчетливая память». Носители граммемы: сельк. «индикативная» форма «прошед. вр.» с показ. = s(V) = (=sVŋ/n=) нен. «индикативная» форма «прошед.вр.» с показ. = ŋa ≠/Ø=...=š юк. форма с показ. =Ø= (семантика ВС совмещена с семантикой АС)	ВД Граммема медиатива, совмещающая значения пересказа и инференции. Носители граммемы: сельк. форма «повеств. пр.вр.» с показ. = (m)p = нен. форма «неочевидности» с показ. = wb ≠/ mb = юк. форма «evidential mood» (Иохельсон) или «неочевидности» (Крейнович) с показ. = ʔel

Символом ↔ обозначены три основных варианта реализации центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности: АС / АД; АС / ВД; ВС / ВД. Оппозиция АС / АД образует в сопоставляемых языках типологически сходные субкатегории чувственной засвидетельствованности. В них противопоставлены граммемы с одинаковыми в этих языках базовыми значениями: «отчетливое зрительное восприятие ситуации» (АС) и «слуховое восприятие невидимой ситуации» (АД).

Чрезвычайно существенно, что оппозиция АС / АД грамматикализовала в системе глагола самодийских и юкагирских языков фундаментальную бинарную оппозицию древнего («первобытного», «мифологического») типа мышления – оппозицию видимого и невидимого. Это указывает на глубокую древность происхождения и в самодийских, и в юкагирских языках оппозиции глагольных граммем зрительной / не зрительной чувственной засвидетельствованности.

Примеры реализации самодийским и юкагирским аудитивом одинаковых архаичных и древних синтаксических и коммуникативных функций.

*4. Употребление самодийских и юкагирских
речевых глаголов в аудитивной форме при введении
цитируемой речи невидимого говорящего*

(1) **нен.** Пихи-пихиня тарем' *ма=монон=да*: “Яхадей тыни хось ямын” [Терещенко 1990: 60].

‘Снаружи (вне чума) так **сказал=слышно=3 л.ед.ч.**: “Важенок найти не могу”.’

(2) **юк.к.** Пáбáгí *мóлло мóдiч*: “Ämä, пон чомóн lúnäi, шáшпáд-áhil тонк”. Аníцáġа пúдáт мóдiм, тúдá пáбá-ацúгáлá мóдiм [Иохельсон 1900: 159; 2005: 189].

‘Старшая сестра **говоря=слышна**: “Мама, сильно задымило, дверь закрой”.’

‘Сквернослов снаружи (вне урасы) слышал, слова своей старшей сестры слышал.’

2. Употребление самодийского и юкагирского аудитива в типологически идентичных эвиденциальных модус-диктумных полипредикативных конструкциях (ППК) архаичного типа. В них указание на слуховой источник информации реализуется дублированно – лексическим значением сказуемого модусной части и грамматическим значением сказуемого диктумной части.

(3) **сельк.** (JomBa)... niġcik *унДьġġить*: qur tap *paġit̄=kunæ* [Прокофьев 1935: 104].

‘Йомпа (фольклорный герой)... так **слышит**: человек что-то **рубит=слышно=3 л.ед.ч. суб. спр.**’

(4) **нен.** ...vaäsakoh *jinsilie*: niernjāna jien *mūno=mōn=do*’.

...Alte lauscht: In der Richtung nach vorn **hörte man die Laute** von Bogensehen [Castren, Lehtisalo 1940:258].

Букв. ‘...старик **слушает (прислушивается)**: впереди тетивы (луков) **звучат=слышно=3 л.мн.ч.**’

(5) **юк.к.** Контекст. На спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав крики девушки, приходит на помощь и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Módim – tínātah márxil *órnǎllǎ módič, jǔom* – paí čánma *xódoi*, túďǎ jondóčǎgǎlǎ túďǎ-budǎ áтахун нугónǎ *móim*. Tǎtlǎt *órnǎi* [*Иохельсон* 1900: 139; 2005: 169].

‘Слышит: та (ранее названная) девушка (*márxil*) **крича-слышна, видит**: молодая женщина (*naí*) на спине **лежит (это видно)**, свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно)**, в таком положении находясь, **кричит (это видно)**’.

3. Употребление самодийского и юкагирского аудитива в шаманских камланиях.

(6) **нен.** Контекст. Шаман, камлая, обращается к своему вызванному и прибывшему духу-помощнику, который невидим.

śiw(ǎ)m_tōta χānawǎi! tāχав'ǎδ(ǎ) *tō=wanōn=t*

Siebenflügler Habicht! Dennoch **hörte man dich kommen** [*Lehtisalo* 1947: 471].

‘Семикрылый ястреб! Все-таки ты **пришел=слышно=2 л.ед.ч.**’

(7) **нен.** Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

śiǎδ(ǎ) b'ēi jirikow(ǎ) nǎni' tafem' *mā=monōn=ta*: “śǎmt(ǎ)χǎде χога namna!”

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: “Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!” [*Lehtisalo* 1947: 71].

‘Мой великанский предок (букв. дед) так **сказал=слышно=3 л.ед.ч.**: “Дымящий бычок двухлеток!”’

(8) **юк.к.** Контекст. Шаман, камлая, цитирует предсказание своего духа-помощника, который невидим (устаами шамана вещает вселившийся в него невидимый дух).

(Алма) jǎlǎjǎnt *móllǎ módič*: “Opóčǎlǎ tǎn Ōnmunlahǎn ágǔcuhiǎi, táhпуги агǔрпǎhiǎi” [*Иохельсон* 1900: 99; 2005: 130].

‘(Шаман), камлая, **говоря-слышен**: “Позже этим местом на Колыму кочевать будут, мучиться будут”’.

5. Заключение

Результаты диахронно-типологического сопоставительного исследования глагольной категории засвидетельствованности (ГКЗ) самодийских и юкагирских языков, особенно доказательство типологической идентичности генетических структур ГКЗ сопоставляемых языков, дают основание для выдвижения ряда научно значимых и потенциально верифицируемых гипотез. В глубокой древности, в эпоху

абсолютного доминирования первобытного мышления в варианте, реконструируемом для северно-азиатских культур, в Северной Азии существовал языковой союз, в контактирующих языках которого распространилась общая грамматическая изоглосса – грамматикализованная эвиденциальность, детерминировавшая их особый языковой «тип» («супертип»). Данная изоглосса грамматикализовала в глагольных (вернее – в предикативных) системах контактирующих языков фундаментальную бинарную оппозицию первобытного мышления – оппозицию видимого и невидимого – тесно сопряженную с чувственными (сенсорными, перцептивными) источниками сведений о реальных ситуациях – зрительными и не зрительными (слух, обоняние, осязание).

Оппозиция видимого и невидимого стала глубинной коммуникативно-ментальной доминантой языков, сформировавшегося «типа» («супертипа»). Она должна была целносистемно отразиться на всех семантизированных уровнях языковой структуры, особенно, – в дейктических системах. Но главное в том, что коммуникативно-ментальная оппозиция видимого / не видимого обусловила генезис, воспроизводство и эволюцию ГКЗ, став генетической структурой этой категории глагола и первоначально грамматикализовавшись в системе чувственных (сенсорных, перцептивных) оппозиций эвиденциальных граммем, указывающих на зрительные / не зрительные (слух, обоняние, осязание) источники информации.

Мы предполагаем, что гипотетический древний северно-азиатский языковой союз был общим для диахронически глубоких языковых «предков» уральских, юкагирских, алтайских языков и ряда других генетических языковых общностей северно-азиатского происхождения с глубоко исконной ГКЗ, в том числе исторически локализовавшихся в Северной и Южной Америке. Конечно, наличие в северно-азиатских языках и в языках индейцев Северной и Южной Америки глубоко исконной ГКЗ, в том числе – с диахронически первичной эвиденциальной оппозицией, указывающей на зрительное / не зрительное чувственное восприятие ситуации, можно объяснять не древними генетическими и ареально-контактными связями, а только детерминацией общими социокультурными условиями. Но общность таких социокультурных условий в диахронии северно-азиатских и америндских языков, имеющих глубоко исконную ГКЗ, трудно теоретически представить в абстракции от древних ареально-контактных межкультурных и межязыковых связей, которые должны были быть долговременными, интенсивными и локализованными в Северной Азии.

Литература

- Авrorин В. А.* 1975. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука.
- Дурст-Андерсен П. В.* 1995. Ментальная грамматика и лингвистические супер-типы // В Я. №6. С. 30–42.
- Ильина Л. А.* 2005. Глагольная категория засвидетельствованности и проблема универсальной семантики индикатива // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН. №4. С. 13–16.
- Ильина Л. А.* 2006. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск. С. 79–119.
- Ильина Л. А.* 2007. Приоритет российского языкознания в открытии глагольной категории эвиденциальности и научная значимость ее первых описаний // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН. №4. С. 3–6.
- Ильина Л. А.* 2009. Общие черты глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН. № 4. С. 57–60.
- Ильина Л. А.* 2010а. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы 3-ей международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 26–28 октября. С. 99–106.
- Ильина Л. А.* 2010б. Глагольные граммемы и оппозиции чувственной засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках. (в печати).
- Иохельсон В. И.* 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч.1. Спб.
- Иохельсон В. И.* 1934. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.-Л. С.149–180.
- Иохельсон В. И.* 2005. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в колымском округе. Якутск: Бичик.
- Климов Г. А.* 1977. Типология языков активного строя. М.: Наука.
- Климов Г. А.* 1983. Принципы контенсивной типологии. М.: Наука.
- Козинцева Н. А.* 1994. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. № 3. – С. 92–104.
- Косериу Э.* 1963. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 111. М.: Изд-во иностранной литературы. С. 143–343.
- Крейнович Е. А.* 1958. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Крейнович Е. А.* 1979. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки. М.Ч.П. С. 348–368.
- Крейнович Е. А.* 1982. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е.В.* 1980. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ.
- Курилов Г. Н.* 2001. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука.
- Леви-Строс К.* 1983. Структурная антропология. М.: Наука.
- Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. М.: Советская энциклопедия.

- Николаева И. А.* 2005. Юкагирский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. М.: Наука. Т. III. С. 449–507.
- Плунгян В. А.* 2006. Категория времени в предложении: к ареальной типологии глагольных систем // Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Центральной Азии: Тезисы докл. Междун. линг. симп. 27–30 июня 2006. Томск. С. 9–10.
- Прокофьев Г. Н.* 1935. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР.
- Прокофьев Г. Н.* 1936. Самоучитель ненэцкого языка. М.-Л.: Госучпедгиз.
- Терещенко Н. М.* 1947. Очерк грамматики ненэцкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Госучпедгиз.
- Терещенко Н. М.* 1990. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука.
- Хелимский Е. А.* 2005. Уральские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств. М.: Наука. Т. III. С. 254–258.
- Щерба Л. В.* 1974. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой 2007. // Институт лингвистических исследований РАН. Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука.
- Якобсон Р. О.* 1772. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. С. 95–113.
- Якобсон Р.* 1985. Избранные работы. М.: Прогресс. С. 306–330; 369–441.
- Johelson W.* 1905. Essay on the grammar of the Yukaghir language // American Anthropologist. Vol., 7, №2.
- Castren M. A., Lehtisalo T.* 1940. Samoedische Volksdichtung Helsinki.
- Coseriu E.* Synchronie, Diachronie und Typologie 1971. // Sprache, Strukturen und Funktionen / Hrsg. von E. Coseriu. Tübingen.
- Lehtisalo T.* 1947. Yuraksamoedische Volksdichtung. Helsinki.

Условные обозначения

нен. – ненецкий язык; **сельк.** – селькупский язык; **юк. к.** – юкагирский колымский язык.

С. И. Буркова (Новосибирск)

К вопросу о «вопросительной» форме *-sǎ* в ненецком языке

В статье обсуждаются функционально-семантические свойства аффикса *-sǎ/-zǎ/-cǎ/-śǎ/-še* (т), *-sǎ/-šǎ¹* (л)². Он употребляется в составе словоформы финитного глагола в ненецком языке и традиционно интерпретируется как морфологическое средство выражения иллокутивной функции вопроса. Однако особенности поведения данного показателя в высказывании дают основания для пересмотра указанной интерпретации. Материалом для исследования послужила сплошная выборка из фольклорных и бытовых текстов на тундровом и лесном диалектах ненецкого языка, а также анкетные материалы, собранные нами во время экспедиций к тундровым (2006, 2007 гг.) и лесным (2001, 2002, 2003, 2004 гг.) ненцам.

Введение

По своему происхождению форма *-sǎ*, предположительно, является показателем прошедшего времени, занимавшем в словоформе позицию перед лично-числовым аффиксом. В северносамодийских ненецком и энецком языках он позднее был вытеснен современным показателем претерита *-ś*, находящимся в постпозиции к лично-числовому аффиксу [Серебрянников 1964: 105–108; Mikola 2004: 115–116]. Прежний аффикс прошедшего времени *-sǎ* сохранился в ненецком и лесном диалекте энецкого языка, а его исходная семантика эволюционировала, как традиционно считается в литературе по самодийским языкам, в сторону интеррогативности. Так, в работах П. Хайду, Г. Н. Прокофьева, Г. Д. Вербова и Т. Салминена форма *-sǎ* в ненецком языке интерпретируется как показатель вопросительного наклонения. Кроме того, отмечается, что он употребляется только по отношению к ситуациям с референцией к прошлому [Прокофьев 1937: 44; Вербов 1973: 99; Hajdú 1988: 18; Salminen 1997: 98; Mikola 2004: 116]. Несколько иной подход представлен в работах Н. М. Терещенко и в учебном пособии «Ненецкий язык»: аффикс *-sǎ* тоже рассматривается как морфологическое средство поддержания иллокутивной функции вопроса в прошедшем времени, однако трактуется не как показатель самостоятельного наклонения, а как одна из модальных форм, примыкающих по своим функциям к наклонениям, но показателями последних не являющихся [Терещенко 1973а: 92, 1973б, 1993а: 336; Куприянова и др. 1985: 211].

¹ В дальнейшем для удобства изложения данная форма обозначается по ее базовому алломорфу: *-sǎ*.

² (т) – тундровый диалект, (л) – лесной диалект.

Таким образом, исследователи сходятся в том, что основной функцией формы *-sǎ* является выражение вопроса, и что она употребляется только по отношению к ситуациям в прошедшем времени, однако по-разному интерпретируют ее грамматический статус³.

По нашим собственным наблюдениям, форма *-sǎ* может употребляться не только в интеррогативных контекстах, а кодируемые ею ситуации не обязательно относятся к временному плану прошедшего, и далее мы попытаемся это продемонстрировать.

1. Функционирование формы *-sǎ* в вопросительных высказываниях

1.1. Временная референция ситуаций, кодируемых формой *-sǎ*

Как отмечалось выше, традиционно считается, что аффикс *-sǎ* употребляется только в вопросах с референцией к прошлому. По сути, во всех имеющихся толкованиях семантики рассматриваемой формы, независимо от того, как ее интерпретируют исследователи – как показатель вопросительного наклонения или просто как вопросительный аффикс, речь скорее идет о специализированном показателе прошедшего времени, употребляющемся только в вопросительных предложениях. Ср., например: «Форма вопросительного наклонения <...> всегда используется в значении прошедшего времени» [*Прокофьев* 1937: 44]; «Форма вопросительного наклонения одновременно является по своему содержанию и формой прошедшего времени» [*Вербов* 1973: 99]. При этом временная семантика аффикса *-sǎ* обычно рассматривается как полный аналог семантики претерита *-ś*. По-видимому, последняя точка зрения обусловлена тем, что показатель претерита *-ś* в вопросах о ситуациях, предшествующих моменту речи, не употребляется.

Здесь следует пояснить, что в повествовательных предложениях в ненецком языке ситуация с референцией к прошлому может кодироваться либо показателем претерита (прошедшего времени) *-ś*, либо аориста (неопределенного времени), морфологически не маркируемого. Это обусловлено тем, что ситуация, обозначенная аористом, в зависимости от аспектуальной характеристики глагольной основы, может совпадать с моментом речи или предшествовать ему. Однако ситуация с референцией к прошлому, кодируемая аористом, так или иначе остается актуальной для настоящего, включающего момент речи, тогда как формы претерита однозначно указывают на то, что описываемая ситуация не связана с планом настоящего.

³Примерно так же различаются подходы исследователей и к интерпретации аналогичного показателя в энецком языке, см., например, [Терещенко 1993б: 347; Künnap 1999: 27; Сорокина 2010: 331].

Наш собственный анализ функционирования формы *-să* показывает, что она может кодировать ситуации, принадлежащие к разным временным планам, и, соответственно, вряд ли возможно говорить о том, что по своей временной семантике она является аналогом претерита *-ś*.

Во-первых, ситуациям с референцией к прошлому, обозначаемым аффиксом *-să* в вопросах, в повествовательных высказываниях могут соответствовать как формы претерита, так и формы аориста. Об этом свидетельствуют контексты вопросительных предложений. Ср., например, вопросно-ответные высказывания (1–4), где и вопрос, и ответ относятся к одному и тому же временному плану. При этом в ответах в (1) и (2) используются формы претерита, а в (3) и (4) – формы аориста. Ср. также условное предложение (5), в протазисе которого употреблена форма аориста, а в аподозисе – аффикс *-să*. Если согласиться с тем, что временная семантика аффикса *-să* соответствует претериту, то получается, что ситуация в аподозисе предшествует ситуации в протазисе, однако это противоречит действительной семантике данного предложения.

(1т) нися-на' саля-да ханяңы **ңэ-са-Ø**
 отец-GEN/Sg-POSS/1Pl мыс-NOM/Sg-POSS/3Sg который **бып-сă-SUBJ/3Sg**⁴
 нися-н-д саля-хава ня-та
 отец-GEN/Sg-POSS/2Sg мыс-CL товарищ-GEN/Pl-POSS/3Sg
 маханий **саля-Ø-сь**
 правый **мыс-SUBJ/3Sg-PAST**
 '– Который мыс был нашего отца? – Мыс твоего отца-то был правее других мысов' [Э-65: 77]⁵.

(2т) сёмя сит хибя **хонра-са-Ø** варңэ-тя сими
 кукуша тебя кто **предупредить-сă-SUBJ/3Sg** ворона-DIM меня
хонра-Ø-сь
 предупредить-SUBJ/3Sg-PAST
 '– Кукуша, кто это тебя надумил? – Вороночка меня надумила' [Ф-01: 152].

⁴Поскольку вопрос о семантике рассматриваемого показателя будет обсуждаться далее, в глоссах мы не присваиваем ему терминологического имени, а обозначаем его по его базовому алломорфу: *-să*.

⁵Значительную часть анализируемого материала составляют примеры, изначально записанные в практической орфографии. Это фразы из опубликованных текстов, авторы или составители которых, как правило, стремились отразить особенности произношения того или иного говора, и примеры, записанные информантами ненецкого языка, которые также старались передать, насколько это было возможно, особенности собственного произношения. Транслитерация их в какую-либо систему транскрипции повлекла бы за собой неизбежные дополнительные искажения. В связи с этим при цитировании примеров из опубликованных источников или примеров, записанных самими информантами, полностью сохраняется их оригинальное написание. Морфемы в глоссах приводятся в том виде, в котором они представлены в исходном тексте.

- (3т) намгэ тарем сит **мэ-са-Ø**
 что так тебя **взять-să-SUBJ/3Sg**
 Нюдя-Нохо-ми тарем си”ми **мэ-Ø**
 Младший-Нохо-NOM/Sg:POSS/1Sg так меня **взять-SUBJ/3Sg**
 ‘– Кто тебя так отделал? – Младший-Нохо так меня отделал’ [Ф-01: 264].
- (4т) и-та-м-ди **мэ-са-ди**
 водаDEST-ACC/Sg-POSS/2Du **взять-să-SUBJ/2Du**
 и-кава-д-ми **ханя-ни мы**
 вода-CL-DEST-POSS/1Du **как.не-SUBJ/1Du** **взять**
 ‘– Воды принесли? – Воды, конечно, принесли’ [Т-10].
- (5л) ѣор р^{ht} **ñi-l** **řilas** ѣаміе?
 раз ты **NEG-OBJ/2Sg** смочь:CONNЕG почему
 р^hǰa-m-t **ñi-ǰa-n** ѣajpta-?
 жена-ACC/Sg-POSS/2Sg **NEG-să-SUBJ/2/Sg** послать-CONNЕG
 ‘Раз ты не смог [прийти], почему жену не послал?’ [АЗО]
 Во-вторых, кодируемая аффиксом -să ситуация не обязательно относится к временному плану прошедшего. Достаточно частотны⁶ вопросы с данным показателем и по отношению к ситуациям, совпадающим с моментом речи, см. (6–10).
- (6т) хибя-ң **нэ-са-н**
 кто-GEN/Sg **быть-să-SUBJ/2Sg**
 ‘(Царь его спрашивает:) – Кто ты? (Отвечает: – Я Дурак-[Сын]-Богатого-Удачливого-Кутца)’ [Ф-01: 194].
- (7т) поjabŕ t’iki ѣamgi jigi **ѣе-să-Ø**
 ноябрь тот какой месяц **быть-să-SUBJ/3Sg**
 ‘– А ноябрь – это какой месяц (т. е. какому месяцу соответствует в ненецком языке)? (А! Нюдя пэвдей!)’ [ЛЕТ]
- (8т) Ямал-’ ню я-т хо-бця-н’
 Ямал-GEN/Sg ребенок место-GEN/Pl:POSS/2Sg найти-VN_{dest}-DAT/Sg
харва-са-ну-в’
хотеть-să-SUBJ/2Sg-CL
 ‘– Сын Ямала, хочешь ли ты в свою землю? (– Если отпустишь, как не захочу в свою землю)’ [Э-65: 409].
- (9л) чики намэт **нэ-са-Ø** маня” талшама”
 тот зачем **быть-să-SUBJ/3Sg** мы:Pl такой-POSS/1Pl
 дику-Ø
 отсутствовать-SUBJ/3Sg
 ‘(Туда смотрят: на старухиной попе дорожка имеется.) –
 А зачем это? У нас такого нет’ [Т-03].

⁶См. табл. 1 в конце данной статьи.

(10л) ɲami t'oiʃkãna ńeʃa ʋata-mãna ma-t
 что во.время ненецкий слово-PROLAT/Sg сказать-SUBJ/1Sg
 ɲame-ɲ **me-sã-n**
 что-GEN/Sg **находиться-sã-SUBJ/2Sg**
 'Через некоторое время спрашиваю по-ненецки: «Кто там?»' [АПЯ]

1.2. Обязательна ли форма -sã в вопросах с референцией к прошлому?

В ряде работ по ненецкому языку подчеркивается, что употребление показателя -sã является обязательным в вопросительном предложении в прошедшем времени. Ср., например: «Если (в вопросительном предложении – С. Б.) сказуемое стоит в прошедшем времени, вопросительный суффикс -са (-за, -ца) ставится обязательно» [Куприянова и др. 1985: 211]. По нашим наблюдениям, рассматриваемая форма далеко не всегда присутствует в вопросах о ситуациях в прошлом, в том числе и о таких ситуациях, которым в повествовательных контекстах соответствуют ситуации, кодируемые претеритом.

В специальных вопросах основным средством выражения вопросительности являются вопросительные местоимения или вопросительные глаголы типа хã(“)манзь 'что сказать'. Аффикс -sã в таких предложениях употребляется не всегда, и при этом вряд ли можно связать его присутствие или отсутствие с временной референцией ситуации в вопросе. Ср., например, два предложения (11, 12) из одного и того же текста с идентичной временной отнесенностью ситуаций и идентичной предметной областью вопроса. В первом случае глагол включает в свой состав аффикс -sã, а во втором – нет. Ср. также аналогичные пары примеров (13–16). В (13, 14) временной контекст идентичных ситуаций в вопросах один и тот же: говорящий обращается к человеку, который только что пришел. При этом показатель -sã присутствует только в (13). В (15, 16) ответные высказывания на один и тот же вопрос «что сказал?» оформлены показателем претерита, что свидетельствует и об одинаковой временной отнесенности ситуаций в вопросе, однако аффикс -sã присутствует только в (15).

(11т) ха-си-ко **амгэ** сит **хо-са-Ø**
 ухо-DEPR-DIM **что** тебя **найти-sã-SUBJ/3Sg**
 'Пришли его друзья. – Что случилось с нашим Безухим? Может, он заболел?' – Безухий, что с тобой случилось (букв.: что тебя нашло)?' [П-03: 172]

(12т) пыа-си-ко нгани' **амгэ** сит **хо-Ø**
 нос-DEPR-DIM а **что** тебя **найти-SUBJ/3Sg**
 'Друзья пришли, смотрят: Безносый заболел.) – Безносый, что с тобой случилось?' [П-03: 174]

- (13т) хане-на хасава намгэ **то-са-н**
 охотиться-PR_{cont} мужчина зачем **прийти-са-SUBJ/2Sg**
 ‘Мужчина-охотник, зачем ты пришел?’ [Я-01: 110]
- (14т) Пухутя-’ Нью туюкон’ намгэ **то-н**
 Старуха-GEN/Sg Ребенок сюда зачем **прийти-SUBJ/2Sg**
 ‘Ребенок-Старухи, зачем ты сюда пришел?’ [Ф-01: 128]
- (15т) пыдар **хаман-са-н** мань **ватор-на-дам-ть**
 ты **что.сказать-сә-SUBJ/2Sg** я **обещать-на-SUBJ/1Sg-PAST**
 ‘Что ты [царю] сказал? – Я пообещал [привести Коня-с-Золотым-Обличьем]’ [Ф-01: 194].
- (16т) парацода-р **ха”ма-Ø**
 царь-NOM/Sg:POSS/2Sg **что.сказать-SUBJ/3Sg**
 цопой пи-’ тыха’ си”ива-м’ нэва-та хэхэ’
 один **ночь-GEN/Sg** **через** **семь-ACC/Sg** **голова-ACC/POSS/3Sg** **священный**
 мяд-м’ серта-Ø **табэда-Ø-сь**
 чум-ACC/Sg сделать-CONV **приказать-SUBJ/3Sg-PAST**
 ‘Что сказал царь? – Велел за одну ночь сделать семиглавую церковь’ [Я-01: 54].

В альтернативных вопросах аффикс *-сә* практически не употребляется. В нашем материале имеется лишь единичный пример с вопросительным предложением данного типа, причем выступающим во вторичной функции, т. е. не являющимся запросом об информации, см. (17). Основным средством выражения альтернативного вопроса в ненецком языке выступают два однородных сказуемых, выраженных условной формой глагола, которая достаточно часто используется в независимой предикации для выражения эпистемической модальности, см. (18).

- (17т) пон’ **яд-са-м’** хэв’ **яд-са-м’**
 долго **шагать-сә-SUBJ/1Sg** коротко **шагать-сә-SUBJ/1Sg**
 мара-ри-м’ хана-м’
 песчаный.берег-CL-ACC/Sg **пересекать-SUBJ/1Sg**
 ‘(Вот я пошел по берегу моря.) Долго ли я шел, коротко ли я шел, иду по берегу. (Так шагая, я дошел до кучи бревен) [Э-65: 321].
- (18т) **сапада-б’-ну-в’** **пубта-б’-ну-в’**
 застать-COND-1Sg-CL опоздать-COND-1Sg-CL
 ‘(В этом чуме должен быть человек.) Застал [я его] или опоздал?’ [Э-65: 63]

Н. М. Терещенко отмечала, что во всех самодийских языках, кроме нганасанского, вопросительное значение предложений может передаваться при помощи одной лишь интонации, но при этом в ненецком и энецком языках – только в неопределенном и будущем времени

[Терещенко 1973а: 90, 1973б: 195]. На основании этого можно было бы предположить, что, если аффикс *-sǎ* действительно является морфологическим средством выражения вопроса, то в общих вопросах в прошедшем времени, где вопросительность не поддерживается никакими другими средствами (вопросительными словами, показателями эпистемической модальности или интонацией), аффикс *-sǎ* обязателен, поскольку является единственным средством экспликации иллюкутивной функции вопроса. Однако в ненецком языке возможны общие вопросы с референцией к прошлому как с аффиксом *-sǎ*, так и без него. При этом присутствие данного показателя в общих вопросах в прошедшем времени не зависит от того, соответствует или не соответствует временная референция ситуации в вопросе такой, которая в повествовательных контекстах кодируется претеритом. Так, в (19, 20) представлены вопросы об однотипной ситуации, результат которой ожидается на момент речи. Однако в (19) в составе словоформы глагола *сэда́сь* ‘сшить’ аффикс *-sǎ* присутствует, а в (20) – нет. См. также примеры (21, 22), контексты которых указывают на то, что временная референция ситуации в вопросе соответствует претериту, в то время как словоформа финитного глагола в вопросительном предложении не имеет в своем составе показателя *-sǎ*.

Хотя интонация в самодийских языках до сих пор является практически не изученной, а анализируемый нами материал в основном извлечен из письменных источников, предварительно можно высказать предположение, что в примерах (20–22) функцию выражения вопроса выполняет именно интонация. Другими словами, вопреки приведенному выше наблюдению Н. М. Терещенко, интонация в ненецком языке может служить средством выражения вопроса и по отношению к ситуациям с референцией к прошлому.

(19т) тон-дья-ми сэд-са-р
 паница-DEST-ACC/Sg:POSS/1Sg **сшить-сǎ-OBJ/2Sg**
 ‘(– Сошьешь мне такую парку, какой я накрываюсь ночью. Если будешь работать быстро, то хватит двух дней. <...> Вечером третьего дня мужчина вошел в чум и спросил у девушки.) – Ты сшила мне парку?’ [ЯЛ-01: 14]

(20т) ченча-д-ми сэда-н
 колчан-DEST-ACC/Sg:POSS/1Sg **сшить-SUBJ/2Sg**
 ‘(– Пошей мне колчан. <...> Настал вечер и братья вернулись с охоты. Младший первым вошел в чум и спросил.) – Пошла ли ты мне колчан?’ [ЯЛ-01: 28]

(21т) пухуча навна-ни сэв-ни таня-ва мальнгана
 старуха прежде-POSS/1Sg плаз-GEN/Sg:POSS/1Sg иметься-VN_{conc} во.время

мань ми-вы-ми хан-ми
 я сделать-PR_{пр}-ACC/Sg:POSS/1Sg нарта-ACC/Sg:POSS/1Sg
 мэ-п-на-нт хасава сит
 использовать-COND-CL-2Sg мужчина тебя
хамса-сяты-Ø вэсако ненэся
любить-НАВ-SUBJ/3Sg старик действительно
тарчя-Ø-сь
такой-SUBJ/3Sg-PAST

‘– Жена, раньше, когда я был с глазами и когда ты ездила на нарте, сделанной мною, разве я тебя не любил (букв.: муж тебя любил)? – Конечно, очень любил’ [ЯЛ-01: 76].

(22л) кыни-хина ла’та-мпой тяха татя-Ø
 ближний-LOC/Sg широкий-QUAL река имеется-SUBJ/3Sg
 намы-мана **мата-на-л**
 что-PROLAT/Sg **пересечь-на-OBJ/2Sg**
 мани’ тяха-’ пон ни-т ку-’
 я река-GEN/Sg всегда NEG-SUBJ/1Sg найти-CONNEG
 намы тя’па тя’ку-у-ти **татя-на-щи’** мани’ тыпди
 какой тонкий река:DIM-DIM-DIM **импэсна-SUBJ/3Sg-PAST** я просто
ха’ам-на-ма-ш

перепрыгнуть-на-OBJ/1Sg-PAST

‘– Тут недалеко – крупная река, как ты ее пересекла? – Большой реки я не видела. Была какая-то тонкая речка, я ее перепрыгнула’ [В-04: 117].

1.3. Вторичные функции вопросительных предложений с формой -sǎ

Как известно, иллюкутивный потенциал вопросительных предложений позволяет им выступать не только в своей первичной функции – побуждении адресата сообщить информацию, но и в различных вторичных функциях, т. е. речевых актах других типов: вежливого побуждения к действию; выражения эмоциональной реакции; обозначения темы последующих высказываний; риторического вопроса и т. д. Для предложений с формой -sǎ, имеющих референцию к прошлому такими функциями чаще всего являются выражение эмоциональной, как правило, негативной, реакции говорящего (23–25) или эмфатического несогласия с собеседником (26). Реже – акцентирование развиваемой далее темы (27) или риторический вопрос (28).

(23т) няна’ ядэ-р-на-ва-ци’-нэ’ **хазер’ ни-се-на’**
 очень идти-REP-на-SUBJ/1PI-PAST-CL **как NEG-sǎ-OBJ/1PI**
 манэс-’
увидеть-CONNEG

*(Что раньше не усмотрели, у него, оказывается, были две авки.)
Ведь мы долго ходили среди оленей, как мы их не заметили?'* [Э-65: 401]

(24т) намгэ тю'уняку' ни-се-да' сыр'
почему вверх NEG-să-SUBJ/2Pl смотреть-CONNeg
'(Очень вы плохие.) Зачем не смотрели вверх? (Упустили человека)' [Э-65: 73].

(25л) памі куһар χiñil-să-č?
что куда смотреть-să-SUBJ/2Du
'(Ох, мать мою вы убили!) Куда вы смотрели?' [ПИК]

(26т) сяха' чани' еся'' лабтэйм' хо-са-ни'
когда а железо-GEN/Pl ящик-ACC/Sg найти-să-SUBJ/1Du
'(Ну, что же ты врешь!) Когда это мы находили ящик с деньгами?' [Я-01: 135]

(27т) χăšer? jil'e-să-m?
как жить-să-SUBJ/1Sg
'(Расскажу, наверное, о своей жизни.) Как я жил? (Когда при оленях я находился, дети когда были маленькие, мы кочевали)'. [ЛЕТ]

(28т) ханя-м' ехра-'' ся' манэ-ца-м'
как.не-SUBJ/1Sg не.знать-CONNeg когда видеть-să-SUBJ/1Sg
'(- Ты разве не знаешь меня?) – Конечно, не знаю, когда я тебя видел?' [Э-65: 328].

Для вопросительных предложений с формой -să с референцией к настоящему вторичной функцией является, как правило, эмоциональная реакция говорящего: удивление (29) или неодобрение (30, 31).

(29т) намгэ-да нэ-са-Ø
что-POSS/3Sg быть-să-SUBJ/3Sg
'(Мужчина вышел на улицу.) Что же это? (Ему навстречу идет будто чудище: наверху у него торчат два отростка, внизу торчат четыре отростка)' [Я-01: 16].

(30т) тюку хытер нэ-да Ню-ми нэ-са
этот как быть-PR_{cont} Ребенок-POSS/1Sg быть-să-SUBJ/3Sg
Ню таро-да юнгу-Ø-нню
Ребенок польза-POSS/3Sg отсутствовать-SUBJ/3Sg-CL
'Что за Сын у нас? Что толку от такого Сына?' [Ф-01: 108].

(31л) намэ-хэ вэн-та-т пюл-са-н
какой-DAT/Pl собака-DEST-ACC/Pl:POSS/2Sg искать-să-SUBJ/2Sg
'(Вот нгылика уже около нарты, схватился за край, да так, что часть ее у него в руках осталась. А Лэхэ говорит:) – Какого черта тебе нужно? (Где половина нарты?)' [Т-03].

2. Функционирование формы *-sǎ*
в повествовательных высказываниях

Достаточно часто⁷ аффикс *-sǎ* используется в высказываниях, которые по своим коммуникативным функциям являются не вопросами, а сообщениями и при этом не могут трактоваться как вопросительные предложения, выступающие в какой-то вторичной функции. Вторичные функции вопросительных предложений реализуются тогда, когда обстоятельства речевого акта в той или иной степени отклоняются от прототипического вопроса и, соответственно, нарушаются те или иные условия успешности речевого акта вопроса. Однако, как отмечает И. М. Кобозева, выступая во вторичных функциях, вопросительные предложения все же остаются до определенной степени вопросами [Кобозева 1988]. Как можно видеть, в приводимых ниже примерах (32–34), не соблюдается ни одно из условий успешности акта вопроса, но при этом соблюдаются практически все условия акта сообщения⁸.

(32т) *ɲarka jiji-mi ne-sabej maneʔ-ʋa-s*
большой дед-ACC/Sg:POSS/1Sg женщина-PROPR видеть-OBJ/1Sg:PAST
ɲaxǎɣ ɲu-da mane-sǎ-dma ɲarka-č
три ребенок-ACC/Sg:POSS/3Sg видеть-sǎ-SUBJ/1Sg:CL большой-
SUBJ/3PL:PAST

‘Старшего моего деда с женой я видел. Я и трех сыновей его видел. Большие они были’. [ЛИЕТ].

(33т) *xǎna xǎ-ʋa-m teneʋa-ʋy nǎ-b-ni ɲaxakuɲ*
куда уйти-VN_{сопс}-ACC/Sg знать-PR_{ит} быть-COND-1Sg давний
ɲia-na manʒnod ni-sǎ-ʋ ɲia-ɲɲu
день-LOC/Sg я:CL NEG-sǎ-OBJ/1Sg начать-FUT

‘Если бы я знал, куда идти, я бы давно пошел, (а сейчас, посмотри на меня, я уже стар)’ [Ф-01: 96].

(34л) *tǎja kǎɲia-ɲi-ɲa-Ø kǎɲia-ɲa-ɲi-ɲa-Ø*
затем болеть-NEG-sǎ-SUBJ/3Sg болеть-NEG-sǎ-SUBJ/3Sg

⁷ См. табл. 1 в конце данной статьи.

⁸ Ср., например, условия успешности речевых актов вопроса и сообщения, приводимые в [Падучева 2001]. Условия успешности акта вопроса: 1. Предварительные условия: а) говорящий (Г) не знает ответа; б) ни для Г, ни для слушающего (С) не очевидно, что С сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен; в) Г считает, что С знает ответ. 2. Условие искренности: Г хочет иметь информацию. 3. Назначение: данный акт рассматривается как попытка Г получить информацию от С. Условия успешности акта сообщения: 1. Предварительные условия: а) Г имеет основания считать Р истинным; б) Для Г не очевидно, что С знает, что Р. 2. Условие искренности: Г считает, что Р. 3. Назначение: а) данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении дел; б) утверждение вводится в общее поле зрения Г и С [Ук. соч.: 25].

кукэхана нючеэ щипча-Ø йикум-кади-на-Ø
 однажды ребенок освободиться-CONV исчезнуть-SNG-на-SUBJ/3Sg
 '(Лето прожили, снежок выпал, сын заболел.) Так он, видимо,
 болел, болел, и вот уже однажды сын умер' [К-05: 241].

В повествовательных высказываниях аффикс *-sā* может употребляться в индикативе (в обоих диалектах) (32), выступать в качестве одного из компонентов показателя конъюнктива (в тундровом диалекте) (33), или в составе формы пробабилитива (в лесном диалекте) (34). Рассмотрим все три случая употребления рассматриваемого показателя по отдельности.

2.1. Функционирование формы *-sā* в индикативе

Ситуация, кодируемая аффиксом *-sā* в составе словоформы финитного глагола в индикативе, может иметь референцию к прошлому (актуальному) (35) или неактуальному (36) для момента речи или настоящему (37).

В повествовательных предложениях с аффиксом *-sā* форма глагола, как правило, включает в свой состав показателя, общую функцию которых можно условно обозначить как актуализацию нового знания у адресата сообщения.

Так, в утвердительном предложении сказуемое, выраженное синтетической формой глагола, включает в свой состав модальную энклитику *-та(?)*/*-ба(?)* (т), *-та(?)* (л)⁹, см. примеры (35, 36).

(35т) Няхар” Сяд Тэта Няхар” Тэта Вай Си”ив
 Три Сядэй Богатый Три Богатый Вай Семь
 Паритя-ва” нобт **нэсо-са-”-ма**
 Пырерка-NOM/Sg:POSS/1Pl вместе **встать.чумом-sā-SUBJ/3Pl-CL**
 '(За завтраком он сказал:) – Три Сядэя, Три Богатых Вая и Семь
 Пырерка объединились в одно стойбище. (Если уведут наших оленей
 за море, навсегда уйдут)' [В-10: 348].

(36т) Нядонги тэта ню сит тамна сене навна-ни
 Нядонги богатый ребенок тебя еще прежний **давно-POSS/1Sg**
иле-бте-са-да”ма Ю Мандо-нд сит
 хада-”ма-хад
жить-CAUS-sā-SUBJ/1Sg:CL Десять Мандо-GEN/Sg:POSS/2Sg
 тебя убить-VN_{prev}-ABL/Sg
 'Сын богача Нядонги, я ведь тебя еще тогда оживил, когда тебя
 Десять Мандо убили' [Т-10].

⁹ Клитики в ненецком языке, как и в других самодийских языках, практически не исследованы. Предварительно можно говорить о том, что энклитика *-та(?)* близка по семантике русской частице *ведь* в том смысле, что обычно используется в аргументирующей функции, вводя информацию, известную и очевидную для говорящего, но не обязательно известную, по мнению говорящего, адресату (об аналогичной функции частицы *ведь* см., например, [Николаева 2005: 72; Левонтина 2005; Кобозева, Орлова 2008]). Например: (т) Та ма!ḡāna ḡor junguβej?ma – (И всегда было дымно в чуме.) В то время печек ведь не было [ЛЕТ].

В случае, когда в предложении выражается отрицание, вспомогательный отрицательный глагол включает в свой состав проклитику *βi-*(т), *βi-*(л)¹⁰, см. примеры (37, 38).

(37т) нябако-хова-р **ву-нь-ся-дм** **на**
 сестра-CL-POSS/2Sg **CL-NEG-să-SUBJ/1Sg** **быть**
 Няхар Нохо-ʔ Папа-мʔ
 Три Нохо-GEN/Sg Младшая.сестра-ACC/Sg
 нюбе-ли-са-дама
 называться-CL-să-SUBJ/1Sg:CL

'(Сиротка, ты ведь не знаешь.) Я ведь не сестра тебе. <...> Меня ведь звали Младшей Сестрой Трех Нохо' [В-10: 326].

(38л) číkə-χāma-m majʔ ʃan roŋ ŋajβa-ma-maʔ
 тот-CL-ACC/Sg мы:Du сколько год-GEN/Sg работать-VN-1Pl
βi-ni-fto-să-jʔ **kamata-ʔ**
 CL-NEG-HAB-să-SUBJ/1Du понимать-CONNeg

'Этого-то, сколько лет мы [так] работали, мы ведь [с сестрой] не понимали'. (Мы были еще маленькие)' [ААК].

В том случае, когда в предложении с аффиксом *-să* выражается утверждение, функцию актуализации нового знания у адресата сообщения может выполнять и отрицательный глагол. Дело в том, что глагол *ni-* в обоих диалектах ненецкого языка может выражать не только отрицание, но и эмфатическое утверждение (подробнее об этом см. [Щербакова 1954: 204 и далее; Буркова 2008]). При этом отрицательный глагол присоединяет энклитику *-β(?)/-m(?)* (т), *-β(?)*¹¹. Часто ме-

¹⁰ Проклитика *βi-*(т), *βi-*(л) близка по своей семантике к энклитике *-ma(?)* с тем отличием, что употребляется только в составе словоформы отрицательного глагола при выражении эмфатического отрицания. Например: (л) *Maŋ tajʔmāna číkí jeŋ βiŋim kamatiŋpuʔ, βiŋiʃtut man: maŋ kiŋimtaʃ βajmāna tʔiŋaχān* – 'В то время я ведь этого не понимала, не думала, что мерзну, что плохо живу' [ААК].

¹¹ Энклитика *-β(?)/-m(?)* употребляется в повествовательных предложениях с семантикой эмфатического утверждения в составе сказуемого, выраженного аналитической отрицательной конструкцией, а также в общих и альтернативных вопросах в составе сказуемого, выраженного финитным глаголом, условной формой глагола или именем. По нашему мнению, энклитика *β(?)/-m(?)* является одним из способов контрастного выделения конституирующего коммуникативного компонента высказывания. Эффект контраста строится на том, что семантика *-β(?)/-m(?)* включает две разнонаправленные составляющие: указание на ожидания говорящего по поводу эпистемической установки адресата на данный конституирующий компонент и указание на собственную эпистемическую установку говорящего. Это, как нам кажется, объясняет использование показателя *-β(?)/-m(?)* именно в указанных выше контекстах. Ср., однако, несколько иную точку зрения на общий с ненецкой энклитикой *-β(?)/-m(?)* по происхождению и имеющий схожую функциональную дистрибуцию показатель в лесном диалекте энецкого языка [Шлуинский 2010].

няется и обычный порядок следования частей конструкции: отрицательный глагол помещается не до, а после знаменательного глагола¹² (39–41), хотя возможно и сохранение исходного порядка (42, 43).

(39т) Ябтако Худя-нди **хада-ни-ся-ва-в**
 Ябтако Худя-ACC/Sg:POSS/2Du **убить-NEG-să-OBJ/1Sg-CL**
 ‘(Не ждите больше Ябтако Худя!) Убила я Ябтако Худя!’ [Т-10]

(40т) Пангдѐ Ерв тэри ву-ни-ся-ни ту-”
 Пангдѐ Хозяин просто CL-NEG-ca-SUBJ/1Du прийпи-CONNNEG
 Недко-н-д Ню-н-д е”эмня ту-”
 Дочка-GEN/Sg-POSS/2Sg Ребенок-GEN/Sg-POSS/2Sg для
прийти-CONNNEG
ни-ся-ни”-им
 NEG-să-SUBJ/1Du-CL

‘Хозяин-Пангдѐ, мы ведь не просто так пришли. За твоей Дочкой ведь мы пришли’ [Ф-01: 238].

(41л) Пыва-л ханл-ко-ң ниң видя-хана
 Пыв-NOM/Sg:POSS/2Sg пень-DIM-GEN/Sg к веревка-LOC/Sg
 пы’та-м-та шад ни-ша-та-в
 он-ACC/Sg-POSS/3Sg **привязать NEG-să-OBJ/3Sg-CL**
 ‘(Удуть его тоже не смог Старик Шесамы.) Ведь Пыв веревкой
себя привязал к пеньку’ [Т-03].

(42л) чике маня-т **ни-ша-т** **ца-’ав** шет
 тот я-POSS/2Sg **NEG-să-SUBJ/1Sg быть-CL** тебя
 нюльшмя’ко-Ø падид-на-та-ш
 шутить-CONV заниматься-на-SUBJ/1Sg-PAST
 ‘(Когда очнулась – муж ее оживляет, говорит: «Зачем ты
 побежала?» Жена посмотрела по сторонам, сказала: «Испугалась.
 Зверя видела». Муж ее отвечает:.) «Это ведь я был. Над тобой
пошутил»’ [Т-03].

(43л) ку’няна ята-л-са-н ма-ла-Ø-ма
 где идти-REP-ca-SUBJ/2Sg сказать-PRF-SUBJ/3Sg-CL
 мани” нэ-ля-Ø канья-щ **ни-ща-т**
 я быть-CL-CONV охотиться-CONV **NEG-să-SUBJ/1Sg**
яты-ла-ав
идти-REP-CL

‘(Где ты ездил?) – говорит. «Я же ведь на охоту ездил» [К-05: 257].

¹² Инвертированные отрицательные конструкции, выражающие эмфатическое утверждение, по-видимому, постепенно стягиваются, превращаясь в синтетический показатель. В речи носителей часто наблюдается утрата гортанного смычного (формального показателя коннегатива) между основами знаменательного и отрицательно-глаголов, нередко носители пишут указанную форму слитно, см. (39).

2.2. Аффикс *-sǎ* в составе показателя конъюнктива
в тундровом диалекте ненецкого языка

В тундровом диалекте ненецкого языка аффикс *-sǎ* может входить в состав показателя конъюнктива – наклонения, выражающего контрфактическое значение. Основным показателем конъюнктива является «аномальное» сочетание аффиксов будущего и прошедшего времени, см. (44). Факту сочетания аффиксов (но не граммем!) будущего и прошедшего времени в словоформе одного из косвенных наклонений можно найти следующее объяснение. Две граммемы одной категории по определению не могут сочетаться между собой в пределах словоформы, поскольку являются носителями взаимоисключающих значений. Однако «аномальность» сочетания их показателей вполне может служить в языке удобным и экономным способом выражения некоторого третьего значения, принадлежащего другой грамматической категории – в данном случае значения ирреальной модальности. Этому может способствовать и то, что ирреальная ситуация, обозначенная конъюнктивом, имеет недифференцированную временную локализацию.

(44т) ха-вы нэ-б-то' лы-до'
умереть-PR_{prt} быть-COND-3PI кость-NOM/PI:POSS/3PI
тания-нгу-Ø-ць
иметься-FUT-SUBJ/3PI:PAST

'Если бы они умерли, остались бы их кости' [Я-01: 96].

Иногда в формах конъюнктива аффикс претерита замещается аффиксом *-sǎ* (45).

(45т) Пухутя-р Леска-я-м-да
Старуха-NOM/Sg:POSS/2Sg Лепешка-AUG-ACC/Sg-POSS/3Sg
ни-ся-да-в **няма-нгу** вар-хада-нта
NEG-sǎ-OBJ/3Sg-CL **схватить-FUT** край-ABL/Sg-POSS/3Sg
Леска-я пиняку тахаю-'' нид
Лепешка-AUG наружу завалинка-GEN/PI с

'Твоя-Старуха хотела Лепешку взять (букв.: схватила бы), но Лепешка скатилась с завалинки' [Ф-01: 142].

То, что аффикс *-sǎ* в составе показателя конъюнктива способен замещать аффикс *-ś*, в общем-то, не удивительно, поскольку в прошлом он сам функционировал как аффикс прошедшего времени. Однако возникает вопрос, с чем связана такая замена, является ли она факультативной или же обусловлена какими-то обстоятельствами?

Возможность употребления аффикса *-sǎ* в составе формы конъюнктива отмечала еще Н. М. Терещенко и полагала, что такое сочетание имеет место только в вопросительных предложениях: «в ненецком языке при помощи вопросительного суффикса *-c* в сочетании с показателями будущего времени передается вопросительное значение сослагательности» [Терещенко 1973а: 92]. По нашим данным, конъюнк-

ктив с аффиксом *-să* употребляется не только в вопросительных высказываниях¹³, см. (46), но и, причем гораздо чаще, в высказываниях, представляющих собой эмфатическое утверждение, см. (47–49). Как видим, во всех повествовательных предложениях используются те же средства актуализации нового знания у адресата сообщения, что и в соответствующих предложениях с аффиксом *-să* в индикативе: отрицательный глагол с энклитикой *-β(ʔ)/-m(ʔ)* (т), *-β(ʔ)* (л), см. (47, 48), энклитика *-ma(ʔ)/-βa(ʔ)* (т), *-ma(ʔ)* (л), см. (49).

(46т) пина-Ø сит хансер **мэ-нго-са-дм'**
 бояться-CONV тебя как **взять-FUT-să-SUBJ/1Sg**
 '(– Я тебя боялась.) – Зря, что бы я с тобой сделал?' [П-03: 214]

(47т) теда ябто-д нахана
 сейчас гусь-ACC/Pl:POSS/2Sg давно
мэ-нгу-”ни-ся-ди-м
выполнить-FUT-CONNeg-NEG-să-SUBJ/2Du-CL
 '(Говорила же я, возьми ее себе в помощницы,) сейчас бы гусей
 разделили' [Г-10].

(48т) мара” нуда-еся-м хана-вы
 хорошо.что рука-железо-ACC/Sg унести-PR_{рг}
 нэ-ни-Ø-в тарем-кав тале-нгу-ни-ся-да-в
 быть-NEG-SUBJ/3Sg-CL так-CL украсть-FUT-NEG-să-OBJ/3Sg-CL
 '(Он хотел украсть твою Дочь.) Хорошо, что на кольцо
 позарился, не то бы украл ее' [Ф-01: 202].

(49т) вэнеко-ни пуна си”ми
 собака-GEN/Sg:POSS/1Sg после меня
хада-нго-са-на-ва
убить-FUT-să-SUBJ/2Sg-CL
 '(Ты чуть не убила мою собаку;) после моей собаки ты, наверное,
 меня бы убила. (Оказывается, невозможно жить с тобой по-
 человечески)' [Я-01: 35].

Можно было бы предположить, что аффикс *-să* в составе конъюнктива используется в более архаичных текстах, т. е. таких, где он в большей степени сохраняет следы своей прежней временной семантики. Однако в нашем материале имеются примеры с указанным вариантом формы конъюнктива не только из фольклорных, но и из современных бытовых текстов, причем в одном предложении могут употребляться две разных формы конъюнктива – с аффиксом *-să* и с аффиксом претерита *-s*, см. (50). Вряд ли выбор носителем той или иной формы является случайным, скорее он обусловлен прагматическими факторами, речь о которых пойдет в заключительном разделе данной статьи.

¹³ Как правило, это вопросительные предложения, выступающие во вторичной функции риторического вопроса.

(50т) пакал-та-ни-се-ми-ма теда
 закрыть-FUT-NEG-să-OBJ/1Du-CL сейчас
 ни-ми-сь мэ-т
 NEG-OBJ/1Du-PAST использовать-FUT
 '(Некому о нас заботиться, поэтому мы просили себе жилье.
 <...>) Мы бы его закрыли [на замок], сейчас бы не пользовались' [Л-09].

2.2. Аффикс -să в составе формы пробабилитива
 в лесном диалекте ненецкого языка

В лесном диалекте ненецкого языка аффикс -să употребляется в аналитической форме пробабилитива – наклонения, выражающего предположение говорящего о ситуации на основании каких-либо ее косвенных признаков. В качестве показателя пробабилитива в данном диалекте используется инвертированная отрицательная конструкция¹⁴. Как было показано в п. 2.1. настоящей статьи, инвертированная отрицательная конструкция в обоих диалектах может выражать и эмфатическое утверждение. Однако в функции утверждения в лесном диалекте она обязательно включает в свой состав энклитику -β(?), тогда как в конструкции, выступающей в функции пробабилитива, энклитика -β(?) не употребляется.

В пробабилитиве показатель -să регулярно используется в тех случаях, когда описываемая ситуация относится к прошедшему временному плану. В данном контексте он, как можно увидеть, противопоставлен показателям аориста и будущего времени. Ср. предложения (51, 52) с референцией к прошлому, в которых используется аффикс -să, (53) с референцией к настоящему, в котором используется аорист, и (54) с референцией к будущему, в котором используется показатель будущего времени. Таким образом, в формах пробабилитива в лесном диалекте ненецкого языка аффикс -să функционирует как показатель прошедшего времени, специализированный именно для данного наклонения.

(51л) ŋa-xaʔo-jʔ tāmna ŋuša-χaŋ ŋi-ʔ
 брат-Du-POSS/1Sg еще маленький-Du быть-CONNNEG
 ŋi-ʔa-χaŋ plan tāmna ŋi-χiŋ-ʃ mes
 NEG-să-SUBJ/3Du план еще NEG-SUBJ/3Du-PAST взять
 'Братья [в то время], видимо, были еще молодыми – план [в колхозе] им еще не давали (букв.: еще не брали они)' [ААК].

(52л) kíŋa-ŋ kíŋa-ŋ ŋana-j ŋe-p-ta kaŋiʔn
 кто-GEN/Sg кто-GEN/Sg с-POSS/1Sg быть-COND-3Sg сам:1Sg
 me-ʔ ŋi-ʔa-t
 находится-CONNNEG NEG-să-SUBJ/1Sg
 'Кто... кто же [тогда] со мной был? Одна я, наверное, была' [ИЛА].

¹⁴ Инвертированные отрицательные конструкции с семантикой пробабилитива, как и соответствующие конструкции, выражающие утверждение, по-видимому, постепенно превращаются в синтетический показатель, см. сноску 12.

(53л) maña? t'eçeła-ŋa-ma? be^hko-ta řul-? ŋi-ta
 мы:PI не.знать-на-SUBJ/1PI муж-POSS/3Sg **искать-CONN** **NEG-OBJ/3Sg**
 '(А мать ей ответила:) «Мы не знаем, [где она,] наверное, мужа себе ищет»' [ААК].

(54л) ceřa-i kunna tu-t-? ci-III
 отец-NOM/Sg/POSS/2Sg возможно **прійти-FUT-CONN** **NEG-SUBJ/3Sg**
 '(Я все ждала, что мать скажет:) «Наверное, отец твой придет»' [ААК].

Заклучение

В данном описании мы попытались продемонстрировать, что форму *-să* вряд ли возможно рассматривать как показатель иллокутивной функции вопроса или же как специализированный показатель прошедшего времени в вопросительных предложениях. Во-первых, употребление аффикса *-să* не является обязательным в вопросительных предложениях в прошедшем времени. При этом ситуация, кодируемая данной формой в вопросах, не обязательно имеет референцию к прошлому: достаточно частотны вопросы по отношению к ситуациям, время которых совпадает с моментом речи. Во-вторых, аффикс *-să* часто используется не в вопросительных, а в повествовательных контекстах, причем таких, которые не могут рассматриваться как реализации каких-либо вторичных функций вопросительных предложений, см. табл. 1.

Таблица 1. Функционирование аффикса *-să* в высказываниях (В % от общего количества примеров в сплошной выборке по каждому диалекту.)

Диалект	Вопрос			Сообщение			
	раньше момента речи	момент речи	недифференцированная временная локализация	индикатив		конъюнктив	пробабилитив
				раньше момента речи	момент речи		
(т)	48	14	1	26	2	9	–
(л)	15	20	–	11	–	–	54

Возникает вопрос, каковы же функции рассматриваемой формы в вопросах и сообщениях? По мнению Дж. Байби, когда в языке возникают новые временные и аспектуальные показатели, они прежде всего используются в асертивных предложениях и постепенно берут на себя функции прежде существовавших показателей. При этом неасертивным контекстам свойственна тенденция к грамматическому консерватизму, т. е. к сохранению более старого синтаксиса и морфологии. Поэтому старые, вытесненные новыми, показатели в неасертивных контекстах могут сохраняться. Так как эти контексты имеют модальную окраску, выступающие в них индикативные формы со временем сами начинают ассоциироваться с модальной семантикой [Bybee et al. 1994: 230–231].

По нашему мнению, первую стадию процесса эволюции более архаичных показателей, описанного Дж. Байби, демонстрирует функционирование аффикса *-sǎ* в формах пробабилитива в лесном диалекте ненецкого языка: в них рассматриваемый показатель полностью сохраняет свою исходную временную семантику, но сфера его употребления во временной функции ограничена указанным контекстом. В принципе, можно допустить, что когда-то форма *-sǎ* точно так же была вытеснена и в интеррогативные контексты, где функционировала как специализированный временной показатель, а впоследствии – и как показатель иллокутивной функции вопроса, т. е. перешла во вторую стадию указанного процесса.

Однако употребление аффикса *-sǎ* в современном ненецком языке в вопросах и сообщениях (в индикативе или в составе показателя конъюнктива), демонстрирует, как нам кажется, результат его дальнейшей функционально-семантической эволюции. По-видимому, «память» *-sǎ* о своем прошлом отчасти еще сохраняется и в данных контекстах. Это проявляется и в том, что рассматриваемый аффикс все же чаще кодирует ситуации с референцией к прошлому (см. табл. 1); и в запрете на его употребление по отношению к ситуациям в будущем; и в его способности замещать аффикс претерита *-ś* в формах конъюнктива; а также и то, что в тундровом диалекте он чаще употребляется в вопросительных высказываниях по сравнению с речевыми актами других типов (см. табл. 1). Однако функции формы *-sǎ* в указанных типах высказываний явно уже не соотносятся с выражением временной локализации описываемой ситуации или иллокутивной функции вопроса. Эти функции вполне могли развиваться на базе функции вопроса, но они шире. В вопросах говорящий побуждает адресата сообщить информацию, тогда как функции формы *-sǎ*, по нашему мнению, связаны с восполнением информации, недостающей для адекватной интерпретации ситуации как говорящим, так и адресатом. В качестве примера ближайшего (но не полного!) семантического аналога формы *-sǎ* можно привести русскую частицу *же*.

К сожалению, ввиду ограниченности объема статьи мы не имеем возможности приводить крупные фрагменты текстов, однако большинство дискурсивных функций формы *-sǎ* можно увидеть даже на материале контекстов представленных выше примеров. Так, в повествовательных высказываниях (и с индикативом, и с конъюнктивом) говорящий чаще всего использует показатель *-sǎ*, вводя фрагмент, являющийся аргументирующим по отношению к другому фрагменту дискурса, предшествующему или, реже, последующему. Реже – для возврата к прерванному фрагменту дискурса.

В вопросительных высказываниях форма *-sǎ* используется, как правило, в качестве средства дополнительного «давления» на собеседника при побуждении сообщить его информацию, другими словами – эмфатического вопроса. Данная функция, как нам кажется, объясняет и соответствующие вторичные функции вопросительных предложений с *-sǎ* – выражение эмоциональной реакции удивления или неодобрения, в том числе и в автовопросах. Реже вопросительные высказывания с формой *-sǎ* используются для маркирования начала нового фрагмента или возврата к прерванному фрагменту дискурса.

Литература

- Буркова С. И. 2008. Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 6 (58). Уральские языки Севера Сибири. – Салехард. – С. 104–138.
- Вербов Г. Д. 1973. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. – Новосибирск. – С. 3–190.
- Кобозева И. М. 1988. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). – М. – С. 39–46.
- Кобозева И. М., Орлова С. В. 2008. Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица **JA** в сопоставлении с ее переводными эквивалентами ВЕДЬ и ЖЕ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). – М. – С. 199–205.
- Куприянова З. Н., Бармич М. Я., Хомич Л. В. 1985. Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ. Изд. 4-е., перераб. – Л.: Просвещение.
- Левонтина И. 2005. Об одной загадке частицы ВЕДЬ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). – М.
- Николаева Т. М. 2005. Функции частиц в высказывании. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС.
- Падучева Е. В. 2001. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты местоимений). 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС.
- Прокофьев Г. Н. 1937. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. – М.-Л. – С. 5–52.
- Серебрянников Б. А. 1964. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. – М.: Наука.
- Сорокина И. П. 2010. Энецкий язык. – СПб.: Наука.
- Терещенко Н. М. 1993а. Ненецкий язык // Языки мира: Уральские языки. – М., 1993. – С. 326–343.
- Терещенко Н. М. 1993б. Энецкий язык // Языки мира: Уральские языки. – М., 1993. – С. 343–349.
- Терещенко Н. М. 1973а. Синтаксис самодийских языков. – Л.: Наука.
- Терещенко Н. М. 1973б. Структурные особенности вопросительных и восклицательных предложений в самодийских языках // Советское финно-угроведение. Вып. XX. – № 4. – С. 195–202.

- Шлуинский А. Б. 2010. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка //Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.). – Новосибирск. – С. 279–291.
- Щербакова А. М. 1954. Формы отрицания в ненецком языке // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 101. – Л. – С. 181–231.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. The Evolution of Grammar. – Chicago & London: The University Chicago Press.
- Künnap A. 1999. Enets. Languages of the World/Materials 186. – München; Newcastle: LINCUM Europa.
- Mikola T. 2004. Studien zur Geschichte der Samojedischen Sprachen. Studia Uralo-Altaica 45. – Szeged.
- Salminen T. 1997. Tundra Nenets Inflection. Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 227. – Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy.

Условные обозначения

Текстовые источники:

- В-10 – *Вануйто Э. Б., Вануйто В. М., Буркова С. И.* Няхар” Хэхо” то” Вэра”: текст на тазовском говоре тундрового диалекта ненецкого языка // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.). – Новосибирск. – С. 292–353.
- В-04 – *Вэлла Ю.* Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004.
- К-05 – *Кошкарева Н. Б.* Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. – Новосибирск: Любава, 2005.
- Л-09 – Тексты на тазовском говоре тундрового диалекта ненецкого языка, записанные и расшифрованные Р. И. Лаптандер в п. Антипаюта Тазовского района ЯНАО.
- П-03 – *Пушкарева Е. Т.* Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. – М.: Мысль, 2003.
- Т-10 – Тексты на ямальском говоре тундрового диалекта ненецкого языка, записанные и расшифрованные Л. Тайбери в п. Сеяха Ямальского района ЯНАО.
- Т-03 – *Турутина П. Г.* Нешаң вантлат, шотпялс: Легенды и сказки лесных ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках / Сост. В. В. Шилова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003.
- Ф-01 – *Пушкарева Е. Т., Хомич Л. В.* (сост.) Фольклор ненцев. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Э-65 – *Куприянова З. Н.* (сост.) Эпические песни ненцев. – М.: Наука, 1965.
- ЯЛ-01 – *Лабанаускас К. И.* (сост.) Ямидхы” лаханаку”: Ненецкая фольклорная хрестоматия. – М.: Русская литература, 2001.
- Я-01 – *Янгасова Н. М.* (сост.) Ненэщие” лаханако”, сюдбабц”, ярабц” / Под ред. М. Я. Бармич. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001.

Сокращения имен информантов:

- ААК (л) – Айваседа Айты Кольчевна, п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.
АЗО (л) – Айпина Зоя Осевна, п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.
АЛП (л) – Айваседа Лидия Пандятовна, п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.
АПЯ (л) – Айваседа Павел Янчевич, п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.
ИЛА (л) – Иуси Людмила Аулевна, п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.
ЛЕТ (т) – Лапгандер Егор Тимофеевич, п. Лаборовая Приуральского района ЯНАО.
ПИК (л) – Пяк Ирина Кайлевна, стойбище Ваенто, Пуровский р-н Ямало-Ненецкого АО.

Грамматические значения в глоссах:

ABL – аблатив; ACC – аккузатив; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CL – клитика; COND – условная форма глагола; CONNEG – коннегатив; CONV – деепричастие; DAT – датив; DEPR – именной аффикс со значением необладания; DEST – дестинативный аффикс; DIM – диминутив; Du – двойственное число; EVmir – миратив; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабигуалис; LOC – локатив; NEG – отрицательный глагол; NOM – номинатив; OBJ – объектное спряжение; PROPR – именной аффикс обладания; PRcont – континуативное причастие; PRprf – перфектное причастие; PAST – прошедшее время; Pl – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; PROB – пробабилитив; PROLAT – пролатив; REP – глагольный аффикс множественного действия; QUAL – именной аффикс со значением относительно высокой степени проявления признака; Sg – единственное число; SNG – глагольный аффикс однократного действия; SUBJ – субъектное спряжение; VNdest – отглагольное имя предназначенности к действию; VNconc – имя одновременного действия; VNprev – имя предшествующего действия.

Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии¹

В этой статье мы рассмотрим некоторые аспекты глагольного словоизменения (и частично словообразования) селькупского и нганасанского языков, для которых можно предполагать либо общее происхождение, либо параллельное развитие.

1. Селькупский оптатив – нганасанский дубитатив *-läi

Хорошо известна и описана в литературе (см. прежде всего [ОчСЯ: 245–246] и [Н. Г. Кузнецова 1988]) селькупская форма оптатива с показателем *-l(ä)*, который в северном диалекте используется в следующих четырех типах употреблений: а) для выражения пожелания – т. е. собственно оптатива; б) в качестве императива 1-го лица мн. ч.; в) как так называемый «императив 1-го лица ед. ч.», т. е. выражение намерения говорящего, а также для обещаний; г) в императивных (они же «делиберативные») вопросах, т. е. вопросах о разрешении, просьбах о совете и пр.; д) факультативно в аподозисе условных конструкций, причем, насколько можно судить, только в форме 1-го лица:

- (1) Tat tər-ijm iki čäi-lä-l (sä).
ты он-Асс Proh встретить-Opt-2Sg.o Part
'Пусть в будущем ты его не встретишь'.
- (2) Qəl-l-ijmij.
пойти-Opt-1Pl
'Пойдемте'.
- (3) Qonta-llē-lä-k.
спать-Inch-Opt-1Sg.s
'Вздремну-ка я'.
- (4) Qarčä muntik sä koŋaltij-lä-p.
позже всё Part рассказать-Opt-1Sg.o
'Я потом все расскажу'.
- (5) Näq-qij-l-ijmij?
курить-Semel-Opt-1Pl
'Нам можно покурить?'
- (6) Tat čäŋki-mmä-ntij mat iki wəšij-lä-k
ты отсутствовать-Cond-2Sg я Proh встать-Opt-1Sg.s
'Если тебя не будет, я не встану'.

В южных диалектах формы на *-l(ä)* имеют те же употребления, что и в тазовском, а также некоторые другие: ж) некатегорического

¹ Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00371а.

императива; з) долженствования; и) эпистемической возможности [Н. Г. Кузнецова 1988: 191–192]:

(7) loʔa tūβa ńeβa-nn, madi-ni: ūdi-le-l mazip
лиса прийти заяц-III просить-Praes.3Sg пустить-Opt-2Sg.s я.Асс
on-enʒi-ni!
сам-2Sg-Dat

‘Лиса пришла к зайцу, просит: «Пусти меня к себе (жить)!»’

(8) tat meʃp-le-l načalna-p kanduk čenč-a aβe-l.
ты делать-Opt-2Sg.s этот-Асс как говорить-Praes мать-2Sg
‘Ты должен делать то, что говорит мать твоя’.

(9) mat kana-m one-kj-n ij-a-p, moʃ biʔ,
я собака-Асс сам-1Sg-Dat взять-Praes-1Sg.o может быть
tādu-le-ze.

поправиться-Opt-Part

‘я собаку к себе взял, может быть, поправится’.

Как пишет Н. Г. Кузнецова, такая «транспозиция оптатива в сферу употребления индикатива в тымском диалекте и среднеобских говорах носит устойчивый характер».

В литературе принято мнение о родстве селькупского оптатива с показателями будущего времени в камасинском языке (см. [Künnap 1978: 140]). Это кажется вполне вероятным; проблема лишь в этимологическом разграничении камасинских аффиксов будущего и настоящего времени, внешне очень сходных (см. о камасинском [Klumpp 2005: 41–42]).

Мы полагаем, что селькупский оптатив можно связать с нганасанской формой дубитатива на *-li*, ср. примеры:

(10) Liŋkabtüüm-kü-mi. Ku-dʔü-mi ńa-mtu ɲətə-li.
играть.в.прятки-Imp-1Du.s кто-Contr-1Du товарищ-Асс3Sg найти-Dubit
‘Давай играть в прятки. Кто из нас (первым) найдет другого’.

(11) Вуэдү-мә maa-li toliʒi-li.
слово-1Sg что-Dubit быть.лживым-Dubit
‘(Посмотрим) мое слово будет ли лживым’.

(12) Əmәniә kәpiʔ-nә dʔadikü-mәnu ʃirkә-ɲi-riʔ, maabalә i-ʔi.
этот хорей-Gen1Sg напротив-ProI копать-Imp-2Pls что-то быть-Dubit
‘Где хорей у меня воткнулся, там копайте, что-то там будет’.

(13) Нојма-ʔüʔ ńetә-li-riәiʔ!
бокарь-АссPl.2Pl намочить-Dubit-2Pl.o.Excl
‘Бокари не замочите!’.

Как видно, основное значение суффикса *-li* – это эпистемическая возможность, неуверенность, снятая утвердительность (см. о последнем понятии [Weinreich 1970: 173] и ряд работ Е. В. Падучевой, например,

[Падучева 2005]). Одно из наиболее частых его употреблений – это превентивное (точнее, апрехенсивное по терминологии [Добрушина 2006]), то есть если глагол, стоящий в дубитативе, означает нежелательное действие, то высказывание приобретает значение предупреждения².

Мы полагаем, что нганасанский дубитатив и селькупский оптатив возникли из одного источника – прасамодийского показателя *-IV (вероятно, *-lä). Его первоначальным значением была неуверенность, эпистемическая возможность, не-утверждение истинности предиката³. Судя по современным языкам, наклонение на *-IV относилось скорее к будущему времени (для настоящего/прошедшего времени в сходном значении использовались эвиденциальные формы). Значение «снятой утвердительности» осталось у потомков формы на *-IV в таких употреблениях, как примеры (9), (11), (12). В селькупском языке, таким образом, подобные употребления – не инновация, а, напротив, архаизм.

В дальнейшем употребления форм со значением ‘может быть, P’ разошлись. В селькупском языке у них появилась коннотация желательности (‘может быть, P’ → ‘хорошо бы P’), а в нганасанском языке – нежелательности (‘может быть, P’ → ‘осторожно, может произойти P’); см. [А. И. Кузнецова 2010] об энантиосемии в ряде уральских языков, в том числе в селькупском.

2. Эвиденциальные формы

В нганасанском языке есть три эвиденциальных показателя, имеющих общий элемент -h^ua: это инференциалис -h^uatu (со значением ‘по-видимому, P’), утвердительный ренарратив -h^uaŋhi (‘говорят, P’) и вопросительный ренарратив -h^ua (‘меня послали спросить, верно ли P’ либо ‘верно ли, что, как говорят, P?’). Как видно, вопросительная форма ренарратива оказывается морфологически более простой, чем утвердительная форма. В другой работе [Гусев 2006] мы предположили, что именно -h^ua (ПС *-pe, энецкое -bi) и было исходным суффиксом эвиденциальных форм, который в большинстве контекстов был вытеснен расширенными вариантами -h^uaŋhi и -h^uatu и остался только в вопросительных употреблениях. Однако происхождение элементов -ŋhi и -tu оставалось неизвестным, хотя их праформы восстанавливаются достаточно однозначно: как *-tra и *-ta соответственно.

Приходится признать, что частично ответ уже тогда лежал на поверхности и просто не был нами замечен. В словаре ко II тому «Очерков по селькупскому языку» (с. 131) приводится частица *totpa* ‘говорят, слышать’ – этимологически повествовательное прошедшее время на

²По этому употреблению в ряде работ данная форма называется прохибитивом [Хелимский 1994: 219].

³Разумеется, отсутствие утверждения истинности не следует путать со значением ирреальных форм типа русского условного наклонения был бы, в которых утверждается ложность предиката.

-*tra*⁴ от основы *тон-* ‘говорить’, утраченной в самостоятельном употреблении в тазовском диалекте, но хорошо известной в других самодийских языках и в диалектах селькупского (см. [Alatalo 2004: 781]). В селькупском языке эта частица может употребляться с латентивом – наклонением, выражающим, в частности, эвиденциальные значения, ср. [ОчСЯ I: 248]:

(14) Араму томра қўты-нты.
отец-1Sg говорят болеть-Præs
'Мой отец, говорят, болен'.

Таким образом, и в нганасанском языке эта частица могла употребляться с эвиденциальными формами на **-pɛ*. Поэтому вполне вероятно и семантически, и фонетически возведение суффикса *-ŋhi* к сочетанию *-h^aa* (старонган. **-fa*) с частицей **томра* > старонган. **tumfu* со стяжением **-fa tumfu* > **-famfu* > совр. нган. *-h^aaŋhi*. Это стяжение должно было произойти сначала в 3 лице ед. ч. субъектного спряжения, в котором окончание нулевое. После того, как комплекс *-h^aaŋhi* начал осознаваться как единый суффикс, личные окончания в других лицах и числах стали присоединяться не после *-h^aa*, а после *-ŋhi*. Также вторая часть нового суффикса втянулась в общую систему сингармонизма и чередования ступеней согласных.

Менее очевидно происхождение элемента *-tu* в суффиксе инференциалиса *-h^aatu*, однако предположительно можно указать на селькупские же частицы *mita* ‘будто’ [ОчСЯ: 134], ‘да, вроде так (частица подтверждения)’ [ССС] либо *miti* ‘вроде, будто; как, словно’ [ОчСЯ: 130; СССР]. Вторая, *miti*, возможно, лучше подходит по значению для показателя инференциальности, однако пока неизвестна их этимология и более ранний фонетический облик (в частности – к какому гласному восходит конечное *-i* в *miti*), трудно сказать что-то более определенное.

3. Причастия настоящего времени на **-nta* и противопоставление предельных и неопредельных глаголов

Для всех ныне живых самодийских языков засвидетельствовано семантическое противопоставление предельных и неопредельных глаголов, восходящее, очевидно, и на прауральский уровень. Однако только в нганасанском и селькупском языках это противопоставление морфологизовано. В северном диалекте селькупского языка ситуация вкратце такова [ОчСЯ: 209–210].

Форма «настоящего времени» на *-ŋa* у предельных глаголов интерпретируется как относящаяся к моменту, непосредственно предшествующему моменту речи: *tɛ-ŋu-tu* ‘он сделал’ (объектное спряжение). Для обозначения действия, происходящего в момент речи, использу-

⁴ Либо – форма дуратива [ОчСЯ: 220].

ется форма, восходящая к сочетанию деепричастия на *-lä* от соответствующего имперфективного глагола с глаголом *oryšqo* ‘стараться’:

(15) *mē-ty-l-oryñ-ñy-ty*

делать-Impf-Conv-стараться-Praes-3Sg.o
‘он делает’

Кроме того, предельные глаголы не образуют причастия настоящего времени на *-(n)tyl'*: формы **mētyl'* или **mēntył'* не существует.

У неопределенных глаголов форма на *-ηа* интерпретируется как собственно настоящее время, конструкции на *-l-oryñ-* не существует, зато имеются причастия настоящего времени [ОчСЯ: 209–210].

В нганасанском языке общесамодейская форма настоящего времени на **-ηа* не сохранилась. Предельные и неопределенные глаголы различаются тем, что первые образуют только перфект на *-ʔə* (см. о нем в следующем разделе), а вторые имеют только настоящее время на *-ntu*. И у тех, и других имеется форма причастия на *-ntuə*, этимологически соответствующая северноселькупской *-ntył'*.

В нганасанском глаголе ряд форм восходит к старым причастиям, вытеснившим финитные формы. Этот процесс, очевидно, начался благодаря тому, что показатели субъектного спряжения глагола идентичны так называемым предикативным суффиксам имен – см. [А. И. Кузнецова 2007] о категории вербальной репрезентации в уральских языках. В частности, нганасанское настоящее время на *-ntu* восходит к той же самой форме причастия – ПС **-nta*. (Северноселькупское *-ntył'* и нган. *-ntuə* представляют собой тот же показатель, осложненный адъективным суффиксом **-jə*: **-ntajə*.) Таким образом, и в нганасанском языке был период, когда предельные глаголы не образовывали причастий настоящего времени – будущих форм презенса. В противном случае трудно объяснить, почему формы на **-nta* закрепились в значении презенса у неопределенных глаголов, но полностью исчезли у предельных.

Было бы соблазнительно видеть в этом древнюю изоглоссу, однако данные М. А. Кастрена показывают, что еще в XIX веке предельные глаголы имели в тазовском диалекте форму причастия, ср., например, *tjaadendel-gom* ‘человек, разжегший огонь’ – совр. **čəty-ntył' qum* [CL: 220]⁵. В южных и центральных диалектах этого ограничения на образование причастий нет [Н. Г. Кузнецова 1995]. Поэтому здесь следует говорить скорее об общей тенденции, реализовавшейся независимо в двух давно разошедшихся языках.

Зато причастие настоящего времени и в селькупском, и в нганасанском языках имеет примечательную формальную особенность: при

⁵Надо, правда, признать, что данных по северноселькупской грамматике у Кастрена существенно меньше, чем по южным диалектам, предельные и неопределенные глаголы специально не различаются, и причастия настоящего времени от предельных глаголов представлены на деле всего несколькими формами.

основах на *-r* его начальные согласные отпадают. В нганасанском это правило распространяется и на суффикс настоящего времени, который восходит к этому же причастию. Ср. сельк. *ūr-yl'* (*ūr-* + *-ntyl'*) 'плавающий', *sōntyr-yl'* (*sōntyr-* + *-ntyl'*) 'играющий'; нган. *sanir-ū* (*sanir-* + *-ntu*) 'играет', *sanir-ūə* (*sanir-* + *-ntuə*) 'играющий', *biṭṭir-ṭ* 'пьет', *biṭṭir-ṭə* 'пьющий'. Это правило не является фонетическим: сочетания основ на *-r* с суффиксами на *-t* или *-nt-* вполне возможны и дают *-rt-* в обоих языках (см., например, [ОчСЯ: 166]). Насколько известно, в родственных языках аналогичного правила нет.

4. Селькупская интенсивно-перфектная совершаемость и нганасанский перфект

Как было сказано в предыдущем разделе, глаголы в нганасанском языке делятся на два класса: неопределенные образуют настоящее время на *-ntu*, а предельные – перфект на *-ʔə*. Источник первой формы очевиден – это старое причастие настоящего времени. Что же касается происхождения перфекта, то оно остается неясным.

Гортанная смычка суффикса *-ʔə*, как и любая интервокальная смычка в нганасанском языке, морфологически закрывает предшествующий слог, т. е. согласная предшествующего слога, если это позволяют прочие условия, оказывается в слабой ступени: *kəŋhi-* 'вывернуть' – *kəmbi-ʔə* 'он вывернул', *tətu-* 'принести' – *təda-ʔə*, *kəʔ-* 'привязать' – *kədu-ʔə*. Последний гласный основы перед этим суффиксом чередуется так же, как перед суффиксами, имеющими этимологический начальный *j-* (или теми, в которых есть основания его предполагать), ср. примеры выше и *koŋhu* 'волна' – *komba-tū* (< *komba-jtū*) 'его волны', *maʔ* 'чум' – *maḍu-tū* 'его чумы', а также чередование *i* – *a* в *d'alī* 'день' – *d'ala-tū* и *koni-* 'пойти' – *kona-ʔə*. Эти факты позволяют возводить показатель перфекта к последовательности *-jCə*.

Можно предположить, что показатель нганасанского перфекта связан с селькупским суффиксом интенсивно-перфектной совершаемости *-ε̄* (фонетически [-ε̄i-]), который образует настоящее время на *-j-* или *-ŋ-*: *wəṣṣε-ja-p* ~ *wəṣṣε-ŋa-p* 'я поднял' [ОчСЯ: 223–224, 236]. В этом случае гласный *-ε-* этого суффикса этимологически – модифицированный конечный гласный основы или соединительный гласный, появляющийся после консонантной основы перед суффиксом, начинающимся на согласный звук⁶. О его значении говорится, что он подчеркивает «законченность действия, полноту (а иногда также быстроту и интенсивность) его осуществления» (Там же). Хотя интенсивно-перфектные глаголы «часто представляют собой фактически видовые пары к про-

⁶Мы не касаемся здесь происхождения второго варианта этого же суффикса – *-ε̄l̄č̄i-*, используемого при многосложных основах. А. И. Кузнецова [2008: 109] считает его сочетанием двух синонимичных формантов: *-ε̄l̄-* + *-č̄i-*.

изводящему глаголу несовершенного вида», из приводимых примеров видно, что присоединение этого суффикса к основам совершенного вида (т. е. предельным) также очень типично.

Можно думать – во всяком случае, в отсутствие лучших гипотез, – что нганасанское *-ʔ* восходит к сочетанию *-j-ŋə-*, где вторая часть – это вариант общесамодийского показателя настоящего времени, а первая – бывший «интенсивно-перфектный» суффикс, который стал присоединяться ко всем предельным глаголам, утратил свое усилительное значение и превратился просто в показатель перфекта.

Литература

- Вейнрейх У. 1970. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V: **Языковые универсалии**. М.: Прогресс. С. 163–249 (перевод работы: Weinreich U. On the semantic structure of language // Greenberg J. (ed.). *Universals of Language*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963. P. 114–171).
- Гусев В. Ю. 2006. О сохранении архаичных форм в неассертивных контекстах: материал самодийских языков // Проблемы типологии и общей лингвистики: Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. СПб. С. 41–45.
- Добрушина Н. Р. 2006. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. № 2.
- Кузнецова А. И. 2007. Категория вербальной репрезентации в уральских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию со дня рождения К. Е. Майтинской: Тезисы. М., 2007. С. 120–126.
- Кузнецова А. И. 2008. Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения // Исследования по глагольной деривации / Под. ред. В. А. Плуныяна, С. Г. Татевосова. С. 102–113.
- Кузнецова А. И. 2010. Явление энантиосемии в уральских языках (на примере коми, ненецкого, селькупского языков) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 135–143.
- Кузнецова Н. Г. 1988. Эволюция опатива в диалектах селькупского языка // СФУ. № 3. С. 189–194.
- Кузнецова Н. Г. 1995. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск.
- ОчСЯ – Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980. Очерки по селькупскому языку. М.
- Падучева Е. В. 2005. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2 (10). С. 17–42.
- ССС – Хелимский Е. А. Северноселькупский словарь (<http://www.uni-hamburg.de/ifuu/helinski.html>).
- Хелимский Е. А. 1994. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. М. С. 190–221.
- CL – Castrén M. A., Lehtisalo T. 1960. *Samojedische Sprachmaterialen*. Helsinki.

О. В. Ханина (Лейпциг), А. Б. Шлуинский (Москва)

**Ядерные падежи существительных в энецком языке:
в поисках адекватного описания¹**

Выставлять статью на суд Ариадны Ивановны страшновато. Ведь заранее знаешь, что адресат иронически покачает головой и улыбнется – и если не скажет, что, может быть, всё это не стоило и писать, то уж точно подумает. И тем не менее, мы рискнем: слишком уж хочется поздравить Ариадну Ивановну с юбилеем, тем более что, как нам с неизбежностью начинает казаться всё больше и больше, вся наша нынешняя самоедологическая деятельность была бы невозможна без выучки Ариадны Ивановны на самых разных этапах и в самой разной форме. У Ариадны Ивановны мы впервые учились работать с конкретным лингвистическим материалом – когда она преподавала нам старославянский язык на первом семестре первого курса (совершенно неожиданно: «Андрей идет склонять *петуха*», – а Андрей, конечно же, ничего не знает и строит формы из каких-то очень примерных общих соображений; как после этого не запомнишь, что материал надо знать). Ариадне Ивановне мы обязаны нашим первым близким знакомством с уральским материалом – в рамках спецкурсов по имени и глаголу в уральских языках (кажется, именно на зачете по одному из них нами была впервые услышана ее излюбленная сентенция: «Пять минут позора, а зачет на всю жизнь»). Ариадна Ивановна высказывала неизменно дружелюбную, но и неизменно убийственную критику всех наших наивных и претенциозных научных построений (Олеся всю жизнь будет помнить, как на конференции в Казани Ариадна Ивановна сказала ей, что с таким материалом – элицитированными ненецкими предложениями типа *Вася ест булочку* – вообще не имеет смысла работать; право Ариадны Ивановны стала очевидной не сразу, но зато

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

Фактическим материалом послужили современные естественные тексты, записанные авторами, М.А.Овсянниковой, Н.М.Стойновой, С.А.Трубецким в 2005–2010 гг. в пос. Потапово, пос. Воронцово и Тухардской тундре; архивные естественные тексты, записанные в 1960-1990-х гг., записи которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д.С.Болиной, О.Э.Добжанской, И.П.Сорокиной, А.Ю.Урманчиевой; элицитированные данные, полученные в 2008-2011 г. Авторы приносят глубокую благодарность всем своим консультантам-переводчикам.

Все приводимые нами неоднословные примеры без ссылок на источник взяты из естественных текстов; элицитированные примеры сопровождаются пометой (elic.).

очевидной насколько!). Ариадна Ивановна благословила нашу первую энецкую поездку, снабдив нас базовой литературой (ксерокопии, сделанные тогда с ее личных книг, так и сопровождают каждого из нас с тех пор постоянно).

Ариадна Ивановна! Мы знаем, что задача, которую мы ставим перед собой в этой статье, – распутать сюжет, который, с одной стороны, выглядит совсем уж простым (всего-то, казалось бы: есть ли в энецком языке у существительного родительный падеж? а винительный?), а с другой стороны, весьма запутан в имеющейся (совсем небольшой!) литературе – покажется Вам амбициозной, а наше решение – в лучшем случае спорным. Но предложить его – единственный способ, во-первых, услышать от Вас, что же в нашем решении не так, а во-вторых, выяснить: если не так, как предлагаем мы, то как же тогда?

1. Введение в проблему и обзор литературы

Как известно, падежная система энецкого языка, как и других северно-самодийских языков, естественно делится на две группы падежных форм²: ядерные падежи (именительный и какие-то еще) и локативные падежи (дательный, местный, отложительный и продольный). Помимо интуитивно ясных, но логически не всегда безупречных семантических оснований для данного противопоставления (ядерные падежи используются для базовых синтаксических позиций имени, локативные – для более периферийных), в энецком языке речь идет об очевидном морфологическом различии. Так, притяжательные формы локативных падежей образуются при помощи присоединения притяжательных показателей к показателям падежа (в (1) представлена притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя местного падежа единственного числа), а притяжательные формы ядерных падежей – непосредственно прибавлением притяжательных показателей к основе существительного, за счет чего выбор алломорфа притяжательности оказывается единственным способом выражения ядерного падежа (в (2) представлена притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя именительного падежа единственного числа, а в (3) – притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя «родительного» / «винительного» падежа единственного числа).

²Зная острую нелюбовь Ариадны Ивановны к нагромождению терминов, вводимых в разные годы разными исследователями для одного и того же, в данной работе мы намеренно используем как можно более простой терминологический аппарат. И обсуждаемая нами описательная проблема не сводится к терминам, и, как нам хотелось бы надеяться, наше решение тоже не сводится к терминам.

ния (в особенности применительно к предназначительным формам), так и их количество. Задачу настоящей работы мы видим в том, чтобы предложить описание системы ядерных падежей, которое выглядело бы как можно более простым и адекватным и при этом учитывало бы все имеющиеся факты.

Начнем с цитат из двух работ, к которым неизбежно обратится всякий, у кого вызовет интерес грамматическая система энецкого языка. В кратком, но исключительно насыщенном очерке энецкой грамматики, написанном Н. М. Терещенко, сказано: «Винительный падеж не имеет четкого падежного показателя. М. А. Кастрен ставил знак равенства между винительным и родительным падежами, а Г. Н. Прокофьев – между винительным и именительным» [Терещенко 1966: 443]; и тем не менее, всё описание Н. М. Терещенко строится на выделении отдельных друг от друга именительного, винительного и родительного падежей. В единственной подробной энецкой грамматике И. П. Сорокиной читаем: «К субъектно-объектным падежам в энецком языке относятся именительный (номинатив) и бенефактив-партитив (назначительно-парциальный)» [Сорокина 2010: 61]; И. П. Сорокина, таким образом, не упоминает родительный и винительный падежи вовсе, а ниже [Сорокина 2010: 99–110] приводит определенные аргументы в пользу невыделения этих падежных форм в энецком языке. Очевидно, что перед нами сложный случай, требующий более детального изучения как точек зрения исследователей, так и собственно материала.

Рассмотрим сведения о ядерных падежах существительных в энецком языке, представленные в литературе, в хронологическом порядке.

В первой по времени работе [Castrén 1854], в том числе и по аналогии с другими самодийскими языками, в энецком языке выделяются три ядерных падежа: именительный, родительный и винительный – при этом, в интерпретации М. А. Кастрена, для непритяжательных форм родительный и винительный падежи всегда совпадают [Castrén 1854: 169–178], а у притяжательных форм винительный падеж совпадает с именительным или родительным в зависимости от числа существительного и от лица обладателя: во множественном и двойственном числе винительный падеж всегда совпадает с именительным, а в единственном числе – с именительным для 1 лица обладателя и с родительным для 2–3 лица обладателя [Castrén 1854: 293–304]. Собственно притяжательные аффиксы существительных различают две серии – «первую», которая всегда используется для именительного падежа, и «вторую», которая всегда используется для родительного падежа [Castrén 1854: 293]; для винительного падежа, таким образом, совпадение с именительным или родительным имеет место посредством выбора, в зависимости от указанных условий, притяжательного аффикса из «первой» или «второй» серии. Применительно к предназначительным формам М. А. Кастрен выделяет только два падежа – именительный и

родительный, в зависимости от выбора притяжательного показателя «первой» или «второй» серии.

В очерке [*Прокофьев* 1937] у энецких существительных выделяется три ядерных падежа: именительный, родительный и винительный. Для притяжательных форм множественного числа существительного делается прямое утверждение о том, что винительный падеж совпадает с именительным, а все прочие совпадения могут быть выведены только из приводимых автором показателей. Применительно к предназначительным формам Г. Н. Прокофьев также выделяет три падежа – именительный, винительный и назначительный [*Прокофьев* 1937: 84], без обсуждения совпадения каких-либо форм.

Как можно видеть, процитированное выше утверждение Н. М. Терещенко о том, как интерпретируется система энецких ядерных падежей в работах ее предшественников, не вполне точно: ни в каком случае речь не идет о полном совпадении винительного падежа с каким-либо другим. Непосредственно в [*Терещенко* 1966] также выделяются три ядерных падежа: основной, родительный и винительный. Применительно к непритяжательным формам Н. М. Терещенко сообщает, что винительный падеж не имеет собственного маркирования и может совпадать как с именительным, так и с родительным – в зависимости от определенности прямого объекта, выражаемого существительным [*Терещенко* 1966: 443]. В остальном Н. М. Терещенко описывает систему энецкого языка так же, как Г. Н. Прокофьев. Так, применительно к притяжательным формам множественного числа существительного Н. М. Терещенко прямо говорит о совпадении винительного падежа с именительным, но совпадение у притяжательных форм единственного числа винительного падежа частично с именительным, а частично с родительным никак не комментируется – и, видимо, тем самым считается случайным. Как и Г. Н. Прокофьев, у предназначительных форм Н. М. Терещенко выделяет три падежа: основной, винительный и назначительный, замечая по поводу последнего, что «в назначительном [падеже прибавляются] лично-притяжательные суффиксы для родительного падежа» [*Терещенко* 1966: 445]. Практически полностью описание Н. М. Терещенко повторяет описание падежной системы существительных в [*Künnap* 1999] и кратком очерке энецкой грамматики [*Лабанаускас* 2002].

Выходит, что при ближайшем рассмотрении все обсуждавшиеся выше описания не так значительно отличаются друг от друга, как кажется при первом впечатлении. Во всех случаях и для непритяжательных форм, и для притяжательных форм, и для предназначительных форм (в последнем случае – за исключением [*Castrén* 1854]) речь идет о системе из трех ядерных падежей – именительного, винитель-

основами (существительных II класса в терминологии [Терещенко 1966]): в именительном падеже единственного числа у них используется основа, оканчивающаяся на /ʔ/ (первая основа в терминологии [Терещенко 1966]) (7a), а в «родительном» (7b) и факультативно «винительном» (7c) падежах единственного числа – более полная основа (вторая основа в терминологии [Терещенко 1966]); у существительных с нечередующимися основами (существительных I класса в терминологии [Терещенко 1966]) во всех случаях используется единственная основа, ср. (8a-c).

- (7) a. **mɛʔ** b. **mɛz** dʲi
 Л чум чум покрышка_чума
 ‘чум’ ‘покрышка чума’ (elic.)
 c. ɔnɛj **mɛz** mɔkta-ʃ ɲuz-ʔ tara-ʔ
 энецкий чум поставить-CVB шест-PL надо-CONN
 nʲi-mʔ
 NEG-3PL.S.CONT

‘Чум чтобы поставить, нужны шесты’.

- (8) a. **te** b. **te** koba
 Л олень олень шкура
 ‘олень’ ‘шкура оленя’ (elic.)
 c. **te** koburu-da-ʔ
 олень ободрать-FUT-3PL.S

‘Оленя они обдерут’.

Второй случай, зафиксированный в литературе начиная с [Castrén 1854: 174], но, по-видимому, не сохранившийся в современных системах обоих энецких диалектов⁶, представляет собой косвенная основа множественного числа у ряда существительных; последние по времени данные, в которых зафиксировано данное различие основ именительного и неименительного падежей множественного числа существительных, приводятся в [Терещенко 1966: 443] (с последующим воспроизведением в [Терещенко 1973: 179]): Л **дяха**” *dʲaxa-ʔ* ‘река-PL’ (именительный падеж) vs. **дяху**” *dʲaxu-ʔ* ‘река-PL’ (родительный / винительный падеж).

После поясняющего экскурса в морфологию обсуждаемых форм перейдем к обсуждению точки зрения И. П. Сорокиной, автора единственной подробной грамматики энецкого языка. Кратко сформулированная еще в [Сорокина 1986] и [Сорокина 2005: 474], а впоследствии подробно изложенная в [Сорокина 2010: 61–111, 122–139], данная трактовка принципиально отличается от всех рассматривавшихся выше описаний с тремя ядерными падежами. И. П. Сорокина строит

⁶Наши данные по лесному диалекту здесь совпадают с данными, приводимыми в краткой статье [Сигл 2008].

описание таким образом, что все обсуждавшиеся нами морфологические возможности вообще выводятся за пределы падежной парадигмы, и как следствие, оказывается возможным, напротив, включить в состав падежной парадигмы предназначительные формы и описывать их как единственный ядерный падеж («назначительно-парциальный»), помимо именительного. Морфологические различия в непритяжательных формах И. П. Сорокина рассматривает как свободные варианты; напомним, что эти различия в современном состоянии лесного диалекта сводятся к противопоставлению двух основ у существительных с чередованиями, продемонстрированному в (7a-b)). Морфологические различия в притяжательных формах, связанные с выбором алломорфа притяжательного показателя, И. П. Сорокина рассматривает за пределами падежной системы, выделяя прямой, объектный и косвенный «ряды» показателей притяжательности [Сорокина 2010: 124–125], фактически соответствующие именительному, винительному и родительному падежам притяжательных форм, выделяемым в других работах. Описательное решение И. П. Сорокиной, безусловно, выглядит «экстремальным», хотя в первую очередь и сугубо терминологически (вопреки многовековой традиции морфологические различия, связанные с различием субъектной, объектной и приименной синтаксических позиций не называются падежными), но весьма интересно. Во-первых, обсуждавшееся нами выше морфологическое различие между ядерными и локативными падежами естественно приводит к интерпретации тех и других как отдельных, никак не связанных друг с другом категорий (с чем содержательно мы готовы согласиться, хотя и предпочли бы использовать более привычную терминологическую пару «ядерные падежи» vs. «локативные падежи», а не «ряды» vs. «падежи»). Во-вторых, нетривиальным кажется сам факт, что неожиданно выясняется, что морфологическая система энецкого существительного, разные исследователи которого выделяли в нем родительный и винительный падежи, может быть описана и без этих падежей. Заметим, однако, что, по крайней мере для притяжательных и предназначительных форм, описание И. П. Сорокиной в реальности близко традиционному: «ряды» в ее описании, как мы уже сказали, являются, главным образом, терминологической заменой ядерным падежам, а их количество и дистрибуция остаются прежними.

Ниже мы рассматриваем некоторые дополнительные факты, касающиеся употребления обсуждавшихся непритяжательных, притяжательных и предназначительных форм, и предлагаем собственную трактовку системы ядерных падежей энецкого существительного.

2. Дополнительные факты об употреблении ядерных падежей

Обсуждавшиеся факты не исчерпывают употребления имеющихся форм ядерных падежей – в первую очередь, притяжательных и предназначительных. Неверно, что, пользуясь данными, приведенными в Таблице 1, и посылкой о том, что именительным падежом оформляется подлежащее, винительным – прямое дополнение, а родительным – именная группа, зависящая от другого имени или от послелога, мы можем всегда предсказать притяжательную или предназначительную форму существительного во всех названных контекстах. Если для подлежащего и приемного или припослеложного зависимого этой информации действительно достаточно, то правила выбора формы прямого дополнения устроены сложнее.

Сравнительно широко обсуждается в литературе фактор императива 2 лица, прямое дополнение при котором стоит в именительном падеже (на материале самодийских языков в [Wickman 1955: 93–95], [Терещенко 1967: 290], [Терещенко 1973: 177–178], [Терещенко 1974: 236], [Comrie 1975], [Сигл 2008: 7–8], на материале других уральских языков (в первую очередь финского) в [Wickman 1955: 13], [Moreau 1971], [Timberlake 1975], [Comrie 1975], в типологической перспективе в [Гусев 2005: 175–177], [Malchukov & de Hoop 2011]). Для притяжательных форм именительный падеж в данном контексте является, вероятно, единственно возможным (9). Предназначительные формы допускают как именительный падеж (10), так и «винительный», совпадающий с «родительным», (11):

(9) tʃiki nezi-ku-r ʃee-xuru-d i-z mis
Л этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG кто-EVEN-DAT NEG-2SG.IMP дать.CONN
'Этого своего теленочка никому не давай!'

(10) sira-zo-r tʃulu-ʔ ani
Л снег-DEST.SG-NOM.SG.2SG откопать-2SG.S.IMP и
me-to-r toni mɔkta-ʔ
чум-DEST.SG-2SG.NOM.SG там поставить-2SG.S.IMP
'Снег откопай и поставь там чум'.

(11) tʃaj-zo-d tidis,
Л чай-DEST.SG-OBL.SG.2SG купить.2SG.S.IMP
kirba-zo-d tidis
хлеб-DEST.SG-OBL.SG.2SG купить.2SG.S.IMP
'Чаю себе купи, хлеба себе купи'.

В позиции прямого дополнения засвидетельствованы так же предназначительные формы, трактуемые традиционным описанием как формы «родительного» («назначительного») падежа, который никак не ожидается в этой синтаксической позиции. Такие употребления не отмечены в литературе⁷, но фактически представлены в обоих энецких диалектах (12)-(13). Следовательно, в рамках традиционного описания, для прямо-

⁷Но упоминаются в докладе [Siegl 2008].

го дополнения в определенных контекстных условиях в принципе могут быть использованы формы всех трех ядерных падежей.

(12) vedrə mu-zo-niʔ, tʃiri-zo-niʔ
 Л ведро PLC-DEST.SG-OBL.SG.1SG икра-DEST.SG-OBL.SG.1SG
 ru-niʔ-riʔ
 положить-CONJ-2DU.S/SOsg
 ‘Ведро этого, икры мне положите’.

(13) modi kane-bu-niʔ sɔua a-zaraxa
 Т я пойти-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший быть-SUPP.3SG.S
 re-zo-niʔ kuusa-a
 дерево-DEST.SG-OBL.SG.1SG принести-NMLZ
 ‘Кажется, хорошо бы мне пойти дрова привезти’.

Наконец, представлены значительно более маргинальные случаи неожиданного падежного оформления прямого дополнения – использование именительного падежа вне обсуждавшегося выше фактора императива⁸

(14) tʃiki kasa-da nen ... tʃiki bize-ku-ziʔ
 Т этот товарищ-OBL.SG.3SG с этот вода-DIM-NOM.PL.3DU
 ɔ-da-ziʔ
 съест-FUT-3DU.SOpl
 ‘С этим его товарищем они выпьют эту свою водочку’.

Описание выбора одного из ядерных падежей для оформления прямого дополнения, таким образом, оказывается довольно сложным, причем не всегда имеющим типологические параллели: если выбор именительного падежа при императиве встречается в других языках мира, то использование в этом синтаксическом контексте «родительного» падежа выглядит более чем неожиданно.

3. Описание с двумя ядерными падежами

Обратим теперь внимание на следующий факт, казалось бы, находящийся на поверхности, но никогда не отмечавшийся в обобщенном виде в литературе по энецкому языку: во всех представленных случаях мы имеем выбор из двух, а не трех форм ядерных падежей, а трехпадежная система возникает исключительно за счет идиосинкратического распределения этих двух форм между тремя падежами, фигурирующими в описаниях. Это верно для непритяжательных форм – и в случае использования (в современном варианте – только факультативно в тундровом диалекте) морфологического показателя «родительного падежа» -ʔ, и в случае сохраняющегося в обоих диалектах различения ядерных падежей единственного числа при помощи двух различных основ у существительных с чередованиями, и в случае ныне утраченного в

⁸ На материале других самодийских языков (преимущественно ненецкого) некоторые дополнительные факторы для использования притяжательных форм именительного падежа в функции прямого дополнения называются в [Терещенко 1973: 178–181], ср. обсуждение в [Күннар 2009]. Но непосредственно в энецком языке примеры типа (14) остаются предметом дальнейшего исследования.

обоих диалектах различения ядерных падежей множественного числа, также при помощи двух различных основ. Это верно для притяжательных и предзначительных форм, ядерные падежи которых различаются выбором притяжательных показателей: в Таблице 1 ни для одной лично-числовой формы ни для одного из чисел существительного не различаются одновременно и именительный, и винительный, и родительный (для предзначительных форм – «назначительный») падежи. Далее, во всех случаях либо совпадают все три ядерных падежа, либо имеются ясно противопоставленные друг другу формы именительного и «родительного» (для предзначительных форм – «назначительного») падежей, а «винительный» падеж всегда совпадает либо с тем, либо с другим – иными словами, если использовать распространенный в российской лингвистике термин из [Зализняк 1973], «винительный» падеж в традиционном описании энецких ядерных падежей существительного является морфологически несамостоятельным, потому что всегда совпадает либо с именительным, либо с «родительным».

Зададимся вопросом: возможно ли описание рассматриваемого фрагмента энецкой падежной системы без введения морфологически несамостоятельной единицы и будет ли такое описание более естественным и адекватным, чем принятое ранее с ней? По нашему мнению, ответ на этот вопрос положительный: мы предлагаем описывать систему энецких ядерных падежей как двучленную, т. е. состоящую из именительного и косвенного падежа. Если на первую часть вопроса положительный ответ более или менее самоочевиден⁹, то адекватность такого решения требует обоснования, которое предлагается ниже.

Для ясности сформулируем еще раз организацию системы энецких ядерных падежей существительных, как мы ее видим в предлагаемом нами описании. Энецкие существительные имеют два ядерных падежа: именительный и косвенный. В непритяжательных формах единственного числа в лесном диалекте у существительных без чередований ядерные падежи не различаются, а в тундровом диалекте факультативно различаются при помощи показателя косвенного падежа *-ʔ*; у существительных с чередованиями ядерные падежи единственного числа различаются выбором основы. В Таблице 2 для иллюстрации приводятся фрагменты парадигм существительного без чередований *Л te T tea* ‘олень’ и существительного с чередованиями *Л meʔ T meʔ* ‘чум’ для обоих диалектов.

Таблица 2. Фрагменты парадигм единственного числа существительных *Л te T tea* ‘олень’ и *Л meʔ T meʔ* ‘чум’ (лесной и тундровый диалекты).

⁹Ср. общую формулировку, предложенную в той же работе [Зализняк 1973]: «Одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций)» [Зализняк 2002 (1973): 629]. Но за скобками этой – с очевидностью верной – формулировки остается наиболее интересная, как нам кажется, сторона дела: какое из этих описаний будет интуитивно более естественным.

	Л te T tea ‘олень’		Л me? T me? ‘чум’	
	Л	Т	Л	Т
им. ед.	te олень	tea олень	me? чум	me? чум
косв. ед.	te олень	tea, tea-? олень, олень-OBL.SG	mez(u) чум	mez(o), mez(o)-? чум, чум-OBL.SG

В непритяжательных формах множественного числа в современном состоянии обоих диалектов ядерные падежи не различаются, а в ранее различались выбором основы у некоторых существительных; в Таблице 3 для иллюстрации приводится фрагмент парадигмы существительного Л современное *dʰaxa*, ранее *dʰaxa* ‘река’ в современном варианте лесного диалекта и более раннем, зафиксированном в [Терещенко 1966].

Таблица 3. Фрагмент парадигмы множественного числа существительного Л современное *dʰaxa*, ранее *dʰaxa* ‘река’ (лесной диалект в современном и более раннем состоянии).

	Л (современное состояние)	Л (данные [Терещенко 1966: 443])
им. мн.	dʰaxa-? река-PL	dʰaxa-? река-PL
косв. мн.	dʰaxa-? река-PL	dʰaxu-? река-PL

В притяжательных и предназначительных формах ядерные падежи различаются выбором притяжательного показателя; в Таблице 4 приводится наша интерпретация данных, представленных в Таблице 1; в Таблице 5 для иллюстрации приводится фрагмент парадигмы существительного Л *busi* ‘старик, муж’ – притяжательные и предназначительные формы ядерных падежей единственного и множественного числа для 1 и 2 лица единственного числа обладателя.

Таблица 4. Притяжательные показатели энецкого языка (лесной диалект).

	ед. ч. существительного		дв. и мн. ч. существительного	
	им.	косв.	им.	косв.
1 ед.	-jʔ, -b	-nʔ	-nʔ	
2 ед.	-r	-d	-z	-t
3 ед.	-za	-da	-za	-da, -ta
1 дв.	-jʔ, -biʔ	-nʔ	-nʔ	
2 дв.	-riʔ	-diʔ	-ziʔ	-diʔ, -tʃiʔ
3 дв.	-ziʔ	-diʔ	-ziʔ	-diʔ, -tʃiʔ
1 мн.	-aʔ, -baʔ	-naʔ	-naʔ	
2 мн.	-raʔ	-daʔ	-zaʔ	-daʔ, -taʔ
3 мн.	-zuʔ	-duʔ	-zuʔ	-duʔ, -tuʔ

Таблица 5. Фрагменты парадигмы существительного Л busi 'старик, муж' (лесной диалект).

	1 л. ед. ч. притяж.	1 л. ед. ч. предназн.
им. ед.	busi-jʔ старик-NOM.SG.1SG	busi-zo-jʔ старик-DEST.SG-NOM.SG.1SG
косв. ед.	busi-nʔ старик-OBL.SG.1SG	busi-zo-nʔ старик-DEST.SG-OBL.SG.1SG
им. мн.	busi-nʔ старик-PL.1SG	busi-zi-nʔ старик-DEST.PL-PL.1SG
косв. мн.	busi-nʔ старик-PL.1SG	busi-zi-nʔ старик-DEST.PL-PL.1SG
	2 л. ед. ч. посс.	2 л. ед. ч. предназн.
им. ед.	busi-ɾ старик-NOM.SG.2SG	busi-zo-ɾ старик-DEST.SG-NOM.SG.2SG
косв. ед.	busi-d старик-OBL.SG.2SG	busi-zo-d старик-DEST.SG-OBL.SG.2SG
им. мн.	busi-z старик-NOM.PL.2SG	busi-zi-z старик-DEST.PL-NOM.PL.2SG
косв. мн.	busi-t старик-OBL.PL.2SG	busi-zi-t старик-DEST.PL-OBL.PL.2SG

В сформулированной нами системе из двух ядерных падежей их дистрибуция описывается следующим образом. Подлежащее всегда стоит в именительном падеже, для синтаксически неприоритетных позиций, обслуживаемых ядерными падежами (приименная именная группа, припослеложная именная группа, обстоятельство со значением функции), всегда используется косвенный падеж, а для прямого дополнения используются и именительный, и косвенный падежи в зависимости от ряда факторов (часть из которых еще ждет своего детального исследования).

Описание, в рамках которого все особенности распределения ядерных падежей сводятся к выбору для прямого дополнения именительного или единственного другого возможного в этой позиции падежа, ставит энецкий язык в один ряд со множеством других языков, для которых засвидетельствована возможность подобной дистрибуции. Соответствующая проблематика получила в современной типологической литературе название «дифференцированного маркирования объекта» (чтобы не загромождать работу обширной библиографией, назовем только две ссылки [Lazard 2001] и [de Swart 2007]). И хотя дистрибуция энецких именительного и косвенного падежей определенно не сводится к какому-либо одному семантическому параметру из называвшихся в литературе (например, к наиболее часто упоминаемым определенности или одушевленности), само по себе это кажется скорее поводом для дискуссии в рамках общей типологии данной проблематики, чем для отказа от предлагаемой нами интерпретации.

Рассмотрим теперь все обсуждавшиеся факторы дистрибуции форм, используемых для прямого дополнения, в свете двухпадежного описания.

Прежде всего, всё становится на свои места в случае непритяжательных форм, о которых уже известно, что прямое дополнение может иметь обе возможных ядерно-падежных формы и что, по предварительным данным [Терещенко 1966: 443], [Терещенко 1973: 179], это связано с его определенностью¹⁰. Более того, формулировка Н. М. Терещенко [Терещенко 1966: 443], состоящая в том, что, в зависимости от определенности прямого дополнения, винительный падеж может совпадать с основным (именительным) или с родительным, в любом случае вряд ли может быть признана удачной, т.к. она подразумевает, что фактически энецкое существительное имеет два различных винительных падежа. Приравнивание в непритяжательных формах винительного падежа только к родительному, которое мы находим у М. А. Кастрена [Castrén 1854: 169–178], описательно более корректно, но фактически оно и означает, что в непритяжательных формах мы имеем дело с системой из двух ядерных падежей.

Наиболее нетривиальным следствием нашей двучленной интерпретации ядерных падежей оказывается распределение именительного и косвенного падежей в зависимости от числа существительного и от лица обладателя в притяжательных и предназначительных формах (это распределение можно интерпретировать как своеобразную «плату» за отказ от третьего ядерного падежа). Так, мы говорим, что при отсутствии других факторов в единственном числе существительного прямое дополнение оформляется именительным падежом в случае притяжательной или предназначительной формы с обладателем 1 лица, а косвенным падежом – в случае притяжательной или предназна-

¹⁰ Отметим, однако, что более точное распределение именительного и косвенного падежей требует дальнейшего исследования. С одной стороны, приводимые Н.М.Терещенко пары примеров немногочисленны (и, очевидно, взяты не из естественных текстов). С другой стороны, согласно ее данным, распределение именительного и косвенного падежей в позиции прямого дополнения прямо противоположно общетипологической тенденции. В обширной типологической литературе показано, что если определенность является одним из факторов для выбора падежа прямого дополнения, то неопределенное прямое дополнение оформляется именительным падежом, а определенное – неименительным. Н.М.Терещенко применительно к энецкому языку пишет буквально следующее: «Имя, совпадающее по своей форме с формой основного падежа, служит для характеристики определенности прямого дополнения, а имя в форме, совпадающей с формой родительного падежа, такого значения не имеет» [Терещенко 1973: 179]; ср. также приводимые ею примеры:

(i) a. baʔ mɔdeɛ-zʔ (баʔ модэзʔ)
загон (NOM) видеть-1SG.S

‘Вижу загон (уже известный)’.

b. baz-ʔ mɔdeɛ-zʔ (базʔ модэзʔ)
загон-OBL.SG видеть-1SG.S

‘Вижу загон (впервые)’. [Терещенко 1973: 179]

чительной формы с обладателем 2–3 лица (например, в (15) мы видим именительный падеж в случае обладателя 1 лица единственного числа, а в (16) – косвенный падеж в случае обладателя 3 лица единственного числа). Во множественном и в двойственном числе существительного прямое дополнение всегда оформляется именительным падежом (например, в (17) мы видим именительный падеж в случае обладателя 3 лица единственного числа).

(15) mɔdi-ta-r kasa-jʔ, tʃiki
 Л увидетьь-FUT-2SG.SOsg мужчина-NOM.SG.1SG этот
 nʲe-kutʃa-ku-jʔ
 ребенок-DIM2-DIM-NOM.SG.1SG
 ‘Увидишь моего товарища, этого моего ребеночка’.

(16) nʲe-kutʃa-da anʲ ... mɛ-koni-da kaji-bi-za
 Л ребенок-DIM2-OBL.SG.3SG и чум-LOC.SG-3SG оставить-PRF-3SG.SOsg
 ‘А своего ребенка... она оставила дома’.

(17) bu anʲ nʲi-za seŋ-i-za
 Л он(а) и ребенок-NOM.PL.3SG жалеть-SOpl-3SG.SOpl
 ‘Она тоже своих детей жалеет’.

В настоящей работе мы не пытаемся объяснить именно такое распределение, но хотели бы отметить, что наша трактовка отличается от большинства предыдущих эксплицитным признанием существования этого распределения как такового. В литературе же по энецкому языку тот факт, что в единственном числе мы имеем дело не с полностью хаотическим совпадением, а с противопоставлением 1 лицо обладателя vs. 2–3 лицо обладателя, в явном виде отмечен только в [Castrén 1854: 293], в то время как для множественного числа «совпадение именительного падежа с винительным» отмечается во всех описательных работах.

Фактор императива 2 лица, влияющего на выбор именительного падежа для прямого дополнения, проиллюстрированный выше в (9)–(10), а также неизученные другие факторы, благодаря которым мы сталкиваемся с примерами типа (14), равно естественно описываются и в рамках трехчленной, и в рамках двучленной системы ядерных падежей.

Наконец, примеры с дестинативными формами типа (12)–(13), как нам кажется, значительно более естественно описываются в одном ряду с другими случаями выбора между именительным и косвенным падежами, чем в рамках традиционного описания, где мы были бы вынуждены говорить об использовании родительного падежа в контексте прямого дополнения. За счет примеров (12)–(13) в рамках описания с тремя ядерными падежами оказывается, что для синтаксической позиции прямого дополнения возможно использование всех трех ядерных падежей, и, таким образом, введение дополнительного морфологически несамостоятельного винительного падежа в описание вовсе не снимает необходимость описания распределения ядерных падежей в функции прямого дополнения, а напротив, вынуждает описывать дис-

трибунцию трех, а не двух различных форм. Кроме того, поскольку примеры типа (12)–(13) засвидетельствованы только с предназначительными формами, в рамках описания с тремя ядерными падежами требуется специальное объяснение того, что использование родительного падежа для прямого дополнения невозможно у непредназначительных форм. Это тем более существенно, что, как показывает материал естественных текстов, выбор косвенного падежа вместо ожидаемого из других факторов именительного не случаен, а обусловлен дополнительными, действующими только в случае предназначительных форм, факторами. В лесном диалекте не ожидаемая исходя из более общего фактора числа существительного и лица обладателя форма косвенного падежа возможна, хотя и не обязательна, только в нерелексивных бенефактивных контекстах (в случае референциального несовпадения субъекта и реципиента), как в предложениях типа (18), но не типа (19) (см. подробнее [Ханина, Шлуинский 2010]). В тундровом диалекте та же форма, по всей видимости, возможна, хотя и не обязательна, только для специфического (то есть с известным говорящему референтом) предназначительного прямого дополнения, как в предложениях типа (20), но не типа (21):

- (18) kədu-ku-zo-**nʲ?** təzə
 Л сани-DIM-DEST.SG-OBL.SG.1SG принести.3SG.S
 'Он саночки мне дал'.
- (19) pɛ-kutʃa-zo-**jʲ?** ɛu məkta-da-zʲ
 Л дерево-DIM2-DEST.SG-NOM.SG.1SG сюда поставить-FUT-1SG.S
 'Палочку себе я сюда поставлю'.
- (20) tətʃikəxəz kasa-zo-**nʲ?** mua-zəʔ
 Т потом мужчина-DEST.SG-OBL.SG.1SG PLC-1SG.S
 'Потом я замуж вышла'.
- (21) ne-zo-**jʲ?** piə-lə-bu-nʲiʔ
 Т женщина-DEST.SG-NOM.SG.1SG искать-INCH-CVB.COND-OBL.SG.1SG
 'Если я жену себе найду'.

Таким образом, в рамках описания с двумя ядерными падежами, факты, связанные с их дистрибуцией в позиции прямого дополнения, описываются либо более естественно, либо так же естественно, как и в рамках традиционного описания с тремя ядерными падежами.

Кроме того, за пределами оформления прямого дополнения, обратим внимание на еще две детали, которые в рамках нашего описания выглядят значительно более естественными. Во-первых, формальное сходство между приименными и припослеложными притяжательными формами, с одной стороны (типа формы, представленной в примере (3)), и предназначительными формами в синтаксическом контексте обстоятельства функции, с другой стороны (типа формы, представленной в примере (5)), несколько не удивительно, если мы говорим о косвенном ядерном падеже, который употребляется во всех неприори-

тетных синтаксических контекстах, и необъяснимо, если в первом случае мы говорим о «родительном», а во втором – о «назначительном» падеже. Во-вторых, вполне закономерно, что в притяжательных формах локативных падежей (типа формы, представленной в примере (1)) используются притяжательные показатели для косвенного, а не именительного падежа; традиционное же описание, гласящее в той или иной форме, что «к формам местных падежей во всех числах добавляются лично-притяжательные суффиксы родительного падежа» [Терещенко 1966: 444], не дает интуитивно очевидного объяснения.

4. Заключительные замечания

Итак, в настоящей работе было предложено описание системы ядерных падежей существительных в энецком языке как включающей два элемента – именительный и косвенный падежи, – в противопоставление описанию той же системы как включающей три элемента – именительный, винительный и родительный / назначительный падежи, – представленной в работах предыдущих исследователей. Мы надеемся, что нам удалось показать, что устранение из описания винительного падежа, который всегда совпадал бы либо с именительным, либо с родительным, не только делает описание более экономным, но и позволяет описывать многие факты более интуитивно естественным образом.

В заключение хотелось бы сделать две оговорки и одно наблюдение.

Первая оговорка состоит в том, что в рамках данной работы мы говорили о ядерных падежах только существительных (и морфологически тождественных им вопросительных местоимений и производных от них), но не о ядерных падежах личных местоимений. Система и дистрибуция ядерных падежей личных местоимений устроены иначе – в частности, в контексте прямого дополнения у личного местоимения всегда используется одна и та же форма, ср. в примере (22) форму личного местоимения 1 лица единственного числа *modⁱ* ‘я’ в позиции прямого дополнения при императиве 2 лица:

(22) *fij?* *i-z* *ɔ-ʔ*
 Л я.ACC NEG-2SG.IMP съесть-CONN
 ‘*Меня не ешь!*’

Вторая оговорка необходима в связи с тем, что мы рассматривали систему энецких ядерных падежей исключительно в синхронном аспекте. Наше описание применимо к энецкой падежной системе как представленной в речи современных носителей обоих диалектов, так и зафиксированной более 150 лет назад М. А. Кастреном, но не подразумевает сопоставления с системами других самодийских языков, в которых винительный и родительный падежи морфологически противопоставлены друг другу и именительному падежу.

Наконец, хочется закончить следующим наблюдением: решение, принятое нами для энецкого языка, по сути, близко к наиболее типичному описательному решению для родственных прибалтийско-финских языков, имеющих сходную ситуацию с ядерными падежами (например, систематически все прибалтийско-финские языки описываются как не имеющие винительного падежа в [Елисеев и др. (ред.) 1993]). Более того, среди имеющихся описаний энецкой падежной системы содержательно ближе всех к предлагаемому нами анализу находится самое первое описание энецкого языка [Castrén 1854]. В парадигмах М. А. Кастрена у непритяжательных форм существительных фактически представлены две строки для именительного vs. неименительного ядерных падежей, у предзначительных форм – видимо, на чисто морфологических основаниях – выделяются только два падежа, именительный и родительный; в парадигмах притяжательных форм представлены именительный, родительный и винительный падежи, но в предваряющем их тексте в явном виде указаны все формальные совпадения в их системе – т. е., фактически, показана морфологическая несамоостоятельность винительного падежа, а о сериях притяжательных показателей, различающих ядерные падежи у притяжательных форм, сказано, что их две (а не три). Таким образом, наше описание можно рассматривать как незначительное уточнение описания М.А.Кастрена, остающееся к тому же в рамках традиционной уралистики (ср. описания прибалтийско-финских языков), а не как глубокую полемику с традицией.

Кстати, тому, что всё новое – это хорошо забытое старое, нас тоже научила именно Ариадна Ивановна.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ABL – аблатив, ACC – винительный падеж, CONJ – конъюнктив, CONN – коннегатив, CONT – «контрастная» серия лично-числовых окончаний, CVB – деепричастие / инфинитив, CVB.COND – деепричастие условия, DAT – датив, DEB – дебитив, DEST – предзначительные (дестинативные) формы, DIM – диминутив, DU – дв. число, EVEN – ‘даже’, FOC – фокусный показатель, FUT – будущее время, IMP – императив, INC – инцептив, INCH – инхоятив, LOC – местный падеж, NEG – отрицательный глагол, NMLZ – имя действия, NOM – именительный падеж, OBL – косвенный падеж, PL – мн. число, PLC – словозаместитель, PRF – перфект, PST – серия лично-числовых окончаний прошедшего времени, S – субъектное спряжение, SG – ед. число, SOpl – субъектно-объектное спряжение для объекта мн. числа, SOsg – субъектно-объектное спряжение для объекта ед. числа, SUPP – предположительное наклонение

Литература

- Гусев В. Ю. 2005. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.
 Елисеев Ю. С., Майтинская К. Е., Романова О. И. (ред.). 1993. Языки мира: Уральские языки. М.: Наука.

- Зализняк А. А.* 1973. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука. С. 53–88.
Цит. по: *Зализняк, А. А.* 2002. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ. М.: Языки славянской культуры. С. 613–647.
- Лабанаускас К. И.* 2002. Родное слово: энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб.: Просвещение.
- Прокофьев Г. Н.* 1937. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Учпедгиз. С. 75–90.
- Сигл Ф.* 2008. Изменения в языке лесных энцев // Кошкарева Н.Б. (ред.). Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа, №6 (58). Уральские языки севера Сибири. Салехард. С. 3–12.
- Сорокина И. П.* 1986. Категория притяжательности в энецком языке // Языки народов севера Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск. С. 61–75.
- Сорокина И. П.* 2005. Энецкий язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. III. М.: Наука. С. 470–479.
- Сорокина И. П.* 2010. Энецкий язык. СПб.: Наука.
- Терещенко Н. М.* 1966. Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука. С. 438–457.
- Терещенко Н. М.* 1967. Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения (на материале самодийских языков) // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Ленинград: Наука. С. 289–297.
- Терещенко Н. М.* 1973. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука.
- Терещенко Н. М.* 1974. Особенности употребления падежных форм в самодийских языках // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука. С. 233–242.
- Ханина О. В., Шлуинский, А.Б.* 2010. Дестинативные формы в энецком языке (на материале лесного диалекта) // Материалы 3-й международной конференции по самодистике. Новосибирск: Любава. С. 247–260.
- Castrén M. Alexander.* 1854. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Comrie Bernard.* 1975. Subjects and direct objects in Uralic languages: a functional explanation of case-marking systems // Études Finno-Ougriennes XII. P. 5–17.
- de Swart, Peter.* 2007. Cross-linguistic variation in object marking. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University.
- Künnap, Ago.* 1999. Enets. München: Lincom.
- Künnap, Ago.* 2009. Use of the nominative of Samoyedic substantives as instances of object and attribute // Linguistica Uralica XLV, 2. P. 119–126.
- Lazard, Gilbert.* Le marquage differential d'objet // Haspelmath, Martin, et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P.873–885.
- Malchukov, Andrej L., & Helen de Hoop.* 2011. Tense, aspect, and mood based differential case marking // Lingua 121 (1). P.35–47.
- Moreau, Jean-Luc.* 1971. La corrélation du sujet et de l'objet en finnois // Études Finno-Ougriennes VIII. P. 193–202.
- Siegl, Florian.* 2008. Applicative on NP – evidence from Northern Samoyedic. Paper presented at the 23rd Scandinavian Conference of Linguistics in Uppsala.
- Timberlake, Alan.* 1975. The nominative object in Finnish // Lingua 35. P. 201–230.
- Wickman, Bo.* 1955. The form of the object in the Uralic languages. Uppsala – Wiesbaden: A.-B. Lundequistska Bokhandeln & Otto Harrassowitz.

Possessive Constructions in Nganasan

1. Introduction

When investigating possessive constructions of a language, one has to differentiate between two main construction types, namely the so-called adnominal possessive construction and the predicative possessive construction. In this article, I will give an overview of both types.

Although a great number of researchers have studied the possessive constructions of the Uralic languages (see e.g. Kangasmaa-Minn 1984, 1993, Bartens 1991, Inaba 1998, Winkler 2003, Honti 2004, 2007, Kozmács 2006 etc.), we still cannot say that from a typological point of view the topic has been worked out in detail. Naturally, this will also not be possible within the framework of this article, either.

Two main points are generally discussed when regarding the typology of possession, a semantic and a formal one, namely the structure of the construction. If the construction is investigated based on its semantics, then the determining criterion is the character of the relation between possessor and possessed. **With this regard, three subgroups can be established: a) inalienable possession:** In this case the possessed NP is an inalienable entity of the possessor, e.g. body-part (*my head*), kinship (*my mother*) relation? b) alienable possession and temporary, i.e. transient possession.

In the inalienable possessive construction, the relation between possessor and possessed is temporally constant [+time stable], but the possessor has no control over it [-control]. This relation marks e.g. kinships and the relationship between the part and the whole. In the alienable possessive construction as well, the relation between possessor and possessed NP is temporally constant, but it can be controlled by the possessor. Therefore, it can be described as [+time stable] and [+control]. Nganasan does not formally differentiate between alienable and inalienable possessive relations. In my opinion, temporary possession is only a subgroup of alienable possession. In this type, the question is not only whether the possessor possesses something. The presumption is that in the moment of the speech act, the possessed, i.e. the object possessed by the possessor, is with the possessor. The essential information of the sentence does not refer to the fact of possession but to the location of the possessed.

The formal categorisation is based on which construction the language uses for coding possession. Based on that, the following two groups can be differentiated: predicative and adnominal possession. Both constructions can be further divided into subtypes, according to their elements and how they are coded. First I will present the Nganasan adnominal constructions and then turn to the predicative constructions.

2. Adnominal possession

A possessive noun phrase in Nganasan is composed of a possessor and a possessed. In adnominal possession constructions, the possessor always precedes the possessum. The relationship between the modifier (the possessor) and the head (the possessed noun) is encoded by possessive suffixes on the head and/or a Genitive case suffix appearing on the possessor. The structure is head final, i.e. the possessor precedes the possessed. The possessor is a noun or a pronoun. Following structure of the possessive noun phrase is possible:

(pronoun)–POSSESSOR noun_{Gen+(possessive suffix)}–head noun_{(case suffix)+(possessive suffix)}

There is no possessive pronoun comparable to English *my*, *your* etc. in Nganasan. Personal pronouns can function as possessive pronouns in the sentence. If the possessor is expressed by a pronoun, it can be omitted because a possessive suffix (Px) refers to it on the head noun. In this case the possessive suffix acts as construction marker. The possessed cannot be a pronoun in Nganasan. The construction looks like this:

(pronoun) + head noun_{(Case)Px}

- (1) (mənə) d'esi-mə
 (1SG) father-1SG_{Px}
 'my father' (ChND 2008)¹

If the possessor is a noun, it must be in the Genitive case. The head noun can take a possessive suffix even in this case, but it is only optional. The possessor can also take a possessive suffix, which may refer to another possessive relation (as in sentence 2). This type belongs – depending on the construction – to the dependent-marking or to the double-marking type. The sentences below illustrate the most common construction, namely the double-marking type.

(pronoun) – possessor noun_{GEN+(Px)} – head noun_{(CASE SUFFIX)+(Px)}

(pronoun)–POSSESSOR noun_{GEN+Px}–head noun_{Px}

- (2) (tənə) d'esi-tə ban-tu
 (2SG) father-GEN.2SG_{Px} dog-3SG_{Px}
 'your father's dog' (ChND 2008)

POSSESSOR noun_{GEN}–head noun_{Px}

- (3) d'ed'i ban-tu
 father.GEN dog-3SG_{Px}
 'father's dog' (ChND 2008)

(pronoun)–POSSESSOR noun_{GEN+Px}–head noun_{PROL+Px}

- (4) (mənə) d'esi-nə ma-tənu-ntu
 (1SG) father-GEN.1SG_{Px} tent-LOC-OBL.3SG_{Px}
 'In my father's tent.' (ChND 2008)

¹In the case of data from my own collection, the family name of the informant and the year of the collection are indicated.

As mentioned above, the so-called dependent-marking type can also be found in Nganasan. In this type, the possessor is in the genitive case, but the possessed NP is without possessive suffix.

- POSSESSOR noun_{GEN+Px} –head noun_{PROL}
- (5) *nemi-nə* *səð'əə-mənu*
 mother-GEN.1SG_{Px} way-PROL
 'on my mother's way' (KNT 1996)

If another premodifier appears before the possessor, it must also be in the Genitive case.

- (6) *hunsəi-ʔ* *maðu-ʔ* *ban-əʔ*
 other-GEN.PLtent-GEN.PL dog_N-PL
 'the dogs of other tents' (KNT 1996)

In Nganasan, the construction's semantics have no influence on the form of the construction. Thus, the types presented above can be used in the case of alienable as well as inalienable possession.

3. Predicative possession

It is characteristic for possession expressed through a predicative construction that the sentence obligatorily includes a verbal predicate. This group can be further divided into sub-groups. In Nganasan appear the so-called transitive constructions (have-possessive), and a construction that is essentially based on an existential construction.

3.1. Have-Possession

In these constructions, the sentential predicate is a transitive verb (*hon-si* 'to have'), which expresses the fact of possession. The grammatical subject of the sentence is the possessor NP, while the possessed NP is the sentential object, standing in the accusative. This is a rather rarely used construction in Nganasan. When using this type, the speaker emphasizes the existence of the possession. The possessed NP does not have to take on a possessive personal ending. The verb has to agree with the subject, i.e. the possessor, in number and person.

- (7) *nuə* *sani-(j)* *hon-ti*
 child toy-(PL.ACC) have-Co.3SG
 'The child has /had toys.' (KTT 2008)
- (8) *bənsə-gəj* *ni-j* *hon-ti-gəj*
 all-DU woman-PL.ACC have-Co-3DU
 'Both have wives.' (KTT 2008)

An overt possessor is not obligatory, since the personal verbal ending already refers to person. Thus, if the possessor can be referred to by a pronoun, it is usually not overt.

- (9) *nakür-ə* *kuəð'ümu* *nuə* *hon-ti*
 three-EP.ACC man.ACC child.ACC have-Co.3SG

'(S)he has three sons.' (KTT 2008)

Perhaps the least common way to negate possession is the negation of the *habeo* verb. In this case, the negative element is the negative auxiliary used in standard negation, followed by the verb *honsi* in the connegative form. The auxiliary takes on the tense and mood markers. This type occurs almost exclusively in the past tense only, but even there it is rare. This does not mean that this construction could not be used in the present tense; however, in negated sentences the intransitive structure is much more common. The sentences below illustrate a construction in the past and present tenses respectively.

(10) $\acute{n}u\acute{o}$ $\acute{n}i$ - $si\acute{o}$ $sani$ - j hon - \acute{o} - $?$
 child NEG_{AUX}-PST.3SG toy-PL.ACC have-EP-CN
 'The child did not have any toys.' (KTT 2008)

(11) $m\acute{o}n\acute{o}$ $n\acute{i}$ $\acute{n}i$ - ndi - m hon - \acute{o} - $?$
 1SG woman.ACC NEG_{AUX}-CO-1SG have-EP-CN
 'I do not have a wife.' (ChND 2008)

The verb *ηυδασα* 'to own' also expresses possession. In this case as well, the possession is an NP standing in the accusative. This verb can be used to express an inalienable possessive relation. The relation between the possessor and the possessed NP is stable in time and the possessor controls the relation, i.e. [+stable time] and [+control] features can be associated with this relation. The possessor functions as the Subject, the possessed NP is the direct object in the accusative. This structure emphasizes the existence of the possessive relation. Such sentences are considerably rarer than the previous type.

(12) $m\acute{o}n\acute{o}$ $s\acute{a}d'$ $\acute{a}\acute{a}$ - m - $t\acute{i}?$ $\eta\upsilon\delta\acute{a}$ - tu - m
 1SG road-ACC-2PL_{Px} own-CO-1SG
 'I own your road.' (Kosterkina – Helimski 1994: 102)

3.2. Existential construction

In this type, possession is expressed by a sentence that, regarding its structure, looks like an existential sentence. The sentential predicate is a verb, which is normally the predicate of existential sentences, i.e. a verb with the meaning 'to be', 'to exist', 'to be there'. In Nganasan only the existential verb (*təi-*) can be used in existential sentences, not the BE verb (*ij-*).

In this construction the possessor does not necessarily have a subject function in the sentence, but can also have another role. It is characteristic for a part of the Uralic languages that the possessor is marked with a locational (e.g. lative, dative, locative, adessive etc.) or genitive case. Thus, the majority of the Uralic languages belong to the so-called oblique possessive group. There are two possibilities for encoding the possessor in Nganasan: the possessor NP is construed in nominative or in locative form.

3.2.1. Nominative Possessive

In this construction the possessor NP is construed in nominative form, while the possessed NP has to agree in number and person with the possessor by means of a possessive personal ending. In case the possessor is referred to by a 3rd Person pronoun and the possessions are listed, then the pronoun does not have to be overt, since the personal ending on the possession already refers to it.

- (13) mənə təbtə baarbə-mə təi-čü
 1SG also landlord -1SG_{px} exist-Co.3SG
 'I also have a landlord.' (KNT 1996: Mou_djamezi)

- (14) ni-ti təi-s'üə, s'iti kuəd'umu núə-đi təi-s'üə-gəj
 woman-3SG_{px} EX-PST.3SG two man child-3SG_{px} EX-PST-3DU
 'He had a wife and two sons.' (ChND 2008)

It frequently occurs that there is no existential verb in the sentence, and the personal possessive suffix alone expresses the possessive relation

- (15) ńenača?a kəburuda-rəku hodür-tü
 large pan-S_{IM} pattern-3SG_{px}
 'It has a pattern similar to a large pan.' (KNT 1996: Meu_djamezi)

The nominative possessive sentence type can be negated by the negative existential verb *d'angujs'a* or the negative existential particle *d'əŋku*. In the present tense, generally *d'əŋku* is more common, which can only agree with the subject in number. The particle *d'əŋku* is not capable of taking on any tense or mood markers, therefore, in the past and future tenses as well as moods, only the verbal construction can be used. In the case of the negative existential verb, the latter must agree in both number and person with the sentential subject, i.e. the possession. The two sentences below clearly show that this construction cannot be regarded as a genitive possessive, since in that case the possessive suffix on the possessor would not stand in the nominative, but the NP would have to take on the genitive variant.

- (16) mənə d'esi-mə kúmaa-đu d'əŋku
 1SG father-1SG_{px} knife-3SG_{px} NEG.EX.3SG_{vx}
 'My father does not have a knife.' (KTT 2008)

- (17) mənə núə-mə d'əŋguj-ču-? sani-ču
 1SG child-1SG_{px} NEG.EX-Co-3PL toy-PL.3SG_{px}
 'My child does not have any toys.' (KES 2008)

- (18) mənə núə-mə d'əŋguj-s'üə-? sańi-?
 1SG child-1SG_{px} NEG.EX-PST-3PL toy-PL
 'My child did not have any toys.' (KTT 2008)

If the speaker wants to pose a negated question in the present tense, he or she normally uses the simple negative particle, which regularly takes the position at the beginning of the sentence (see sentence below). If the negative verb is used, it does not obligatorily start the sentence.

- (19) d'aŋku-? tənə kola-čə
 NEG.EX-PL you fish-PL.2SG
 'You don't have a fish?' (TNK 2008)

The existential verb in Nganasan cannot be negated. There are example sentences, however, where the negated form of the existential verb follows the standard negative verb. Typically for this construction, the standard negative verb is always in the interrogatory mood. This sentence type does not express negation, but emphasized affirmation.

- (20) ŋəjbuə-tuə təndə d'aðikü? ŋi-ŋi təibə-?
 work-PTPRS this.Gen PP_{dat} YOU NEG_{Aux}-INTER.3SG exist-EP-CN
 'That's what the workers are for!' (ChND 2008)

Apart from the negative existential verb, negation can also be expressed by means of a caritive/abessive formative suffix. In this case two structures can be differentiated. The NP with the caritive/abessive suffix can stand either with an affirmative form, or with the negative existential verb. The latter likely originates from the convergence of the nominative possessive presented above and the caritive/abessive construction. It is difficult to decide what kind of difference in meaning there is between the two constructions, some consultants no longer distinguish between the two forms.

Noun_{CAR} + BE Verb

The object (or even being) not possessed by the subject takes on the caritive suffix. The existential verb is conjugated accordingly and the possession is actually the adverbial complement of the sentence. The sentential subject, i.e. the possessor is unmarked.

Possessor	Possessum	Copula	
(21) mənə	ŋuə-ga'ŋi /	kŋiga-kal'i	i-ču-m
1SG	child-CAR	book-CAR	be-Co-1SG
- 'I have no children /no books.' (KTT 2008)

As demonstrated by the sentence above, this construction can be used for both alienable and inalienable possession. In this sentence type the speaker does not emphasise what the possession is, but rather the present state of the possessor, namely that he or she does not have the given object at the given time. As mentioned before, in this sentence type, the possession is the adverbial complement of the sentence.

Noun_{CAR} + Negative Existential Verb

In this sentence type, the possession takes on the caritive ending; however, it is not accompanied by the existential verb, but by the negative existential verb or the negative particle. The possession never takes on a possessive personal ending. The result is a doubly negated sentence without having an affirmative meaning. The negative existential verb must agree with the possession. As shown by the following example sentence, this construction can be used for expressing both alienable and inalienable

possession. According to the consultants, with this sentence type the speakers emphasize that they do not own anything at all.

- (22) mənə d'əŋgu-m núə-gal'i / k'niga-kal'i
 1SG NEG.EX_{PTCL}-1SG_{VX} child-CAR book-CAR
 'I have no children / no books.' (KTT 2008)

3.2.2. Locative Possessive

This type is not at all common in Nganasan, I could find only a few examples for this construction in my database. Based on the meaning of the sentences we can assume that this type is above all used for temporal possession. Furthermore, it is striking that this construction is only used in interrogative sentences.

In this construction, the possessor is expressed by a postpositional structure, since in Nganasan, personal pronouns cannot take on case suffixes. The pronoun is followed by the postpositions *nanu* 'at' or *nagətə* 'from' having the appropriate possessive personal ending. The possessive suffix refers to the sentential subject. The sentential predicate in the affirmative sentence is the existential verb, while in the negative sentence it is the negative existential verb or the negative particle. The possessed NP does not have to take on a possessive personal suffix. The negative existential verb or the particle is used for negating the construction.

- (23) tənə na-nu-ntə təi-ŋu hoðür
 2SG PP-ADV.LOC-2SG_{PX} exist-INTER.3SG letter
 'Do you have a letter?' (KTT 2008)

- (24) tənə na-gətə /na-nu-ntə d'əŋku(u) /d'əŋuj-ŋu hoðür
 2SG PP-ADV.EL /PP-ADV.LOC-2SG_{PX} NEG.EX_{PTCL} /NEG.EX-INTER.3SG letter
 'You don't have a letter?' (KTT 2008)

3.2.3. Verbalization

In Nganasan, there is a verbal formative suffix (-ʔə), which can express possession. A verb formed with this suffix expresses the meaning that the executor of the action owns the object named by the action, and that he or she possibly even executes the action with this object. If the primary word is a numeral, then the suffixed verb expresses the number of the possessor's possessions. These constructions can be replaced by constructions of the type *honsi* + possession. However, this type cannot be used for the designation of family members. Since the usage of this construction is semantically rather limited, I would only to a certain extent regard this type as being a possessive construction. Inasmuch as it is considered as being one, even then it is only capable of expressing temporal possession. This construction can be negated by the standard negation element.

- (1) kūmau-ʔə-sa basu-tu
 knife-PROP-INF hunt-Co.3SG
 '(S)he hunts with a knife.' (ChND 2008)

(1) taluə d'esi-mə tubiði-tə-d'iədə
 other.day father-1SG_{px} gun-PROP-3SG

'Yesterday my father had a gun with him.' (Tereshchenko 1979: 258)

Summing up, we can say that several constructions can be used in Nganasan. The most prevalent types are the nominative possessive and the *habeo* constructions. The type where the possessor is expressed by a locational NP is very rare. Verbalization is similarly scarce and of restricted use.

References

- Bartens, Raija 1991: Die positive und negative Existentiale in den finnisch-ugrischen Sprache // Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge 14, 58–97.
- Honti, László 2007: A birtoklás kifejezésének eszközei az uráli nyelvekben szinkrón és diakrón szempontból // Nyelvtudományi Közlemények 104, 7–56.
- Inaba, Nobufumi 1998: Suomalais-ugrilaisten kielten omistusrakenteesta: typologinen ja geneettinen näkökulma // In Pajunen, Anneli (ed.): Kieliopillistumisesta, analogiasta ja typologiasta, SKS, Helsinki, 144–181.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1984: On the Possessive Construction in Finno-Ugric // Nyelvtudományi Közlemények 86, 118–123.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1993: Suomalais-ugrilaiset omistussuhteet // In Saarinen, Sirkka – Jorma Luutonen – Eeva Herrala (ed.): Syyteemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14. 5. 1993. Turun yliopiston Suomalaisen ja Yleisen kieleitieteen laitoksen julkaisuja 42, Turku, 46–54.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2001: “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic Languages // In Dahl, Östen – Maria Koptjevskaja-Tamm (eds.): *The Circum-Baltic languages*, Amsterdam: Benjamins, volume. 2, 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria. 2003. Possessive noun phrases in the languages of Europe // In Plank, Frans (ed.) *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 621–722.
- Kozmács, István 2006: A birtokos személyragozás és a birtokos szerkezet // In Sipőcz Katalin (ed.): *Uralisztika*. JGYTF, Szeged, 41–64.
- Nichols, Johanna, Bickel, Balthasar 2008: Locus of Marking in Possessive Noun Phrases // In Haspelmath, Martin & Dryer, Matthew S. & Gil, David & Comrie, Bernard (eds.): *The World Atlas of Language Structures Online*. Munich: Max Planck Digital Library, chapter 24. Available online at <http://wals.info/feature/24> [20.02. 2011]
- Nichols, Johanna 1986: Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // *Language* 62, 56–119
- Sebestyén, Irén. 1957, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, // *Acta Linguistica Hungarica* 7, 1–4.
- Stassen, Leon 1997: *Intransitive Predication*. Clarendon Press, Oxford.
- Stassen, Leon 2001: Predicative Possession // In Haspelmath, Martin – Ekkehard König – Wulf Oesterreicher – Wolfgang Raible (eds.): *Language Typology and Language Universals*, v. 2. Berlin, de Gruyter, 954–960.
- Stassen, Leon 2009: *Predicative Possession*, OUP, Oxford – New York.
- Tereshchenko, N. M. Терещенко Н. М. 1979: Нганасанский язык. Наука, Ленинград.
- Winkler, Eberhard 2003: Az uráli nyelvek *habeo*-szerkezetének történetéhez // *Folia Uralica Debreciensia* 10, 195–207.

Следы говорки на Таймыре: образец фольклорного текста¹

Летом 2009 года мы с моим мужем А. М. Певновым работали в Дудинке с Курумаку Федоровичем Туглаковым – восьмидесятичетырехлетним стариком, носителем нганасанского и энецкого языков. Мы записывали от него фольклорные тексты на тундровом диалекте энецкого языка и их пересказ по-русски. Оказалось, что в русском языке нашего пожилого информанта весьма часто встречались грамматические конструкции так называемой «говорки» – использовавшегося на Таймыре пиджина на русской лексической основе. Впервые говорка была описана Е. А. Хелимским в 1987 году, см. более полный вариант описания в [Хелимский 2000]. Поскольку Курумаку Федорович является, вероятно, одним из последних носителей этого своеобразнейшего идиома, записанные от него «русские» переводы фольклорных текстов сами по себе являются интересным лингвистическим материалом. По материалам записанных от него текстов мною была подготовлена статья [Урманчиева 2011].

Ниже приводится один из записанных от К. Ф. Туглакова текстов (нганасанская легенда о шамане по имени *Hotariä*), если и не представляющих говорку в ее абсолютно чистом виде, то, во всяком случае, насыщенных значительным количеством грамматических конструкций, характерных для данного пиджина. В предлагаемой ниже записи мы не стремились к точной передаче фонетики – не в последнюю очередь из-за того, что в силу возраста артикуляция Курумаку Федоровича была не слишком хороша, и в его произношении сложно отделить характерные для говорки фонетические преобразования русских слов от присутствующих именно ему индивидуальных артикуляторных особенностей.

Поскольку в данном случае записывалась спонтанная речь, синтаксис ее отличается известным своеобразием – «предложение» такого текста часто растет, как снежный ком, за счет постепенно прибавляющихся уточняющих синтагм. Ниже при записи используются стандартные знаки препинания – точка, запятая, многоточие, но иногда дополнительно границы между такими синтагмами, которым в наших аудиозаписях соответствуют паузы, отмечаются знаком /. После текста на говорке дается перевод этого текста на русский язык.

Текст на говорке

1. Тут эта каска... не каска это, человек. 2. Это один тарик рассказывал / много старик собрались погода места. 3. Я там то же знал... / лусал / я же молодой был сапсем / там играл на улице туда. 4. Я же знаю это тарик / де-то я тогда большой был / перед бойны. 5. Тут арасказ это.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Последние фольклорные записи на языках четырех самых малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока».

6. Раньше тарой беремя / ну олени караулить / тундра люди ходит / тут се.

7. Чё тут рыба-то нету эта. 8. И рыба не попадает озера места, сапсем плохой погода стал. 9. Тарой беремя. 10. Селой года такой ничево нету, ни курпаска ни / озеро долбить и озеро рыба не попадает. 11. Летом река-да и рыба нету стал, мало стал, маленько только попадает. 12. Тогда тут был двадцать меря куча чум / то бремя. 13. Куча народ эта / ну двадцать / окол двадцати, ну / тут например / тут каздой семья это / ну он так он больше людей, ну. 14. Тот бремя тут это / тундра копьё де оленей когда раньше убивали / копьё место раньше охотились мы. 15. Тогда урузьё не было, ну. 16. Урузьё-да не был, и только / ну луком треляли тогда, то бремя – тот тарик говорил. 17. О, тут теперя чё-то долго будет / тут рыба / ну сетаки мало ловит. 18. Гусь убивает. 19. Самодельной сети делаит эта / на гуся ловить линной. 20. Ну так как-то дошли тут / Пясины или какой-то река / ага, Пясины. 21. Ну, тут таперя тут / то бремя досел, дикий плавать биремя. 22. Тут тада усол / тут какой-то точка тут сели. 23. Ну он тут теперя оленя дозидал тут эти / ну куча много тут двадцать меря чум / такой народ / чум. 24. Ну чё-то долго будет тут тарики много там. 25. Сентябрь месяц начинали дойти, ну конце август, конце август де-та. 26. Погода такой хоросый да / мотрим никакой оленя нет / песком туда ходит, де олень, да олени дорога даже нету. 27. Ходит там искать олень. 28. Уу – тарик говорит – чё будем делать это, наберно коро обратно или куда аргисыть будем, щас коро зима будет. 29. Давай у нас эта саман есть тут – куча козяин говорит. 30. Я прошу, может поможет? / я не знаю / она молодой. 31. Ну давай. 32. Тот тарик-та усёл. 33. Дома чё-то кусал наберно, или ково-то тут охотился тозе наберна / тот молодой-то. 34. Лежит / сидит. 35. Шьёт эта жена. 36. Два мальчик девочка / два ребят / тот тороны играет чево-та. 37. Оо, тарик присол – жена места говорит эта. 38. Саман-то сапсем молодой люди. 39. Ээй-да, тарик, ну чё сидис, говорит, давай эта / ну топи печка или чё-нибудь нету-у? Пускай корми / тарик-то грех-то так просто тут / домой идти, корми, чё дать чё там у тебя есть мозет? 40. Ну тут чё-то говорят тарик кусал. 41. Ну чё, как дела у вас, тарики? 42. Чево-нибудь тут, какой-то бесь (< вещь) хотя ты принес наберна, чё-то хотел говорить наберна. 43. Ооо, мы же щас тозе сапсем дикий нету тут искал-да там. 44. Никакой дикий тут, песком ходят люди за рекой. 45. Не плавать дикий, не будет наберна, не знаю другой дорога усёл или какой. 46. Мы хотим тебя просить шаманить. 47. Уу, я не знаю, сам не знаю саман, не саман – говорит молодой-та, симиёца. 48. Ну не знаю мотри, подумайте тут я сам тозе не пробовал / помочь людей или как. 49. Ну сам думай серабно, соображай, народ-то говори / тарой люди. 50. Пускай хоть ну попробовать буду, сам-то нигде не попробовал ничего. 51. Саман не саман я. 52. Ну завтра саманить будем, – говорит, – маленько. 53. Уу, теперя тут какой-то бубен-та есть, сё есть,

костюм-та саманский. 54. Тут-то саманить начинал эта / утро / завтра день. 55. Саманил – ооу, чё-то долго будит, тут саманил, ну, саманил говорит – ооу, ну ладно, да, чё делать будем, близко олень нету. 55. Давай меня за рекой тут ветка место таскай. 56. Меня саманский одезда одевать буду. 57. Бубен-то пускай дома будет. 58. Потом я эта / обратно воротить буду, я сам буду плавать / как олень. 59. Там эсли плавать буду, пускай девять ветка / девять хороший мастер люди / девять человек копьё / копьём пускай меня колоть будет, убить будет пускай, не жалей. 60. Эсли не саман я – умру / эсли правда саман, я не умру. 61. Как олень меня колоть девять раз. 62. Не жалейте меня, говорит. 63. Жалеть будет меня никакой талан не дам – чё дам, я не саман, напрасно чё буду бас оманывать. 64. Оо, чё-то щас за рекой увезли / ну саманил-та маленько. 65. За рекой увезли... а, тут говорил тут – три такой делай, потом меня не залей, тут голова-то так резай, как олень се сапсем резай меня голова / не бойся, мясо-то так тозе / рука-то раздевай, костюм-то пусть тут баляйца. 66. Ну собака только так ну бесай только, не пусти / се чум это люди, зенсин, чево. 67. Ну че-то долго будет тут плавал / тут девять человек сразу кололи его, саман-то. 68. Сапсем бода-то се кропь стал. 69. Потом берёвка место тасили / берег / это саман. 70. Потом тут чё такое да три такой палочка поставили, голова-то резали, как олень пороли, киска-то туда другой места. 71. Как олень токобада тут се мясо-то резали / тарики. 72. Се ребята молодой, се гоняли – ууй, не мотрите чево там эта, говорят. 73. Оу, тут только он думал... – ай, тут-та маленько забыл / тут говорил эта – комолой басенка будет, плавать будет / два телёнка. 74. Тут сразу он придёт меня как кончатъ будете делать. 75. Тут-та се убивай, се чум места дели. 76. Теперя кура-та хоросенько сусы, это меня надо будет. 76. Тут сидеть постеля будет се камусами тут. 77. Саманить постеля будет, сидеть / телянку эта кура месте телянку месте. 78. Ууу, теперя чё, ну так чё-то делал он чё долго... 79. Саман-та так кололи-да тут дебять челобек девять раз. 80. Берег полозили, так резали сё он чё как говорил. 81. Сея-то так полозили, горла-то. 82. Оо мотрел чё-то пугали, бечером стал, какой давно присол оказывает близко телянку и комолой басенка. 83. Это убили, чё долго будет, потом / тут-то теперя сё чум места делили мяся-та, се, кура-та сусили, тут саман-та тут бек баляйца там берег. 84. Оо, теперя утром рана / день, сонца-та канесна бидна, тут рана свитаит... 85. Оо, сараза тут за рекой пряма берег-то сапсем олени много стал. 86. Сапсем плавай он сё / пряма река резаит такой олень, откуда быстро появился? 87. Чё-то долго будет тут копьё место три дня кололи. 88. Оо, сопсем берег место так баляйца тут убиенный олень. 89. Теперя каску-то, да тот бирема место тут эта, саман чум досол. 90. Тут баба ночью стал, утром. 91. Сапсем – уу, чё такой, бродиб люди пит тут. 92. Оо – мотрел, музик-то тут парку-то лезит. 93. Оо, тоза тут поднялся, тавал / зена тавать бириэмя, симиёца. 94. Ну спа-ал, хоросо?

95. Оо, я говорит плакал, думал умер сапсем / бродяб не сплю говорит вот присол будто ты. 96. Не-ет, я присол, я не умер. 97. Я не умер. 98. Чё, как это соседи эти-то? 99. Оу, там олень плаваит, сапсем много олень, откуда он присол? – зена говорит. 100. Ну я принес мозет быть, или бог так дал. 101. Ну теперя тут / ещё там три куча тут, недалеко ещё куча, дальше ещё тот тороны ещё. 102. Тут три куча сапсем много олени убивали се, эта. 103. Ну чё-то долго будет теперя тут / опять / ну, коко день, ну коко бремя / тут эта река-то замерз / они се мяса, мяса-та сапсем полно / он потом теперя аргисили / саманить-то это кончал. 104. Саман тозе много мяса дают. 105. Теперя тут... аргисить мозно конесна, олень присол, се конесна санки, се готовляли, потом себремя зимой аргисили. 106. Ну три года он нормально идёт, он сопсем олень много стал там зимой-да, и курописка много сякой такой / три года он сапсем нормальна зили. 107. Третий год теперя / опять такой год стал какой. 108. Сапсем это беднай стали тут. 109. Себремя тут саман месте ходит. 110. Третий год теперя говорит эта / опять такой он сапсем голодали-да чево, никакой промысла нету. 111. Озеро рыбачить – озеро рыба нету. 112. Тут теперя / то бремя / конесна привыкали – сё-таки саман тот раз нам помогал, надо ещё застабить... просить саманить. 113. Ну просим, ну пускай – говорит-то этот тарик-то, хосяин. 114. Маленько так-то олени есть – вообще не попадаит ничё эта. 115. Ууу, тарик присол тогда эта саман чум. 116. Ээй, тарик, опять чё-то говорка есть, наберна? 117. Ну чай пей-да чево кусай-да. 118. Ну рассказы чё вам надо, может какой-то нада чё-то? 119. Тот молодой-та смиеца / саман-то. 120. Оо, опять чё-то у нас сапсем погод-то плохо стал почему так, интересно? 121. Ну конесно такой будет, ну / я зе не бог. 122. Я бас помог только эта дал один. 123. Серабно так обратно забернулса. 124. Я бас мозет помогал только / себремя мозет такой год будет. 125. Ну чё хотели? 126. Оу, мы хотим ещё мозет талан просить тебя. 127. Ну давай тогда, ну попробую, – говорит. 128. Ну теперя это маленько саманить будем / севодня – севодня ты это утром присол. 129. Ну маленько саманил это саман-то, говорит – тут недалеко это лес край / там есть эта, много озеро. 130. Тот озеро середина край место это / тут ямнай озеро есть. 131. Тут озеро места стоять будем, там лес близко. 132. Тут озеро места / край тут / недерзаной, новой / даром не так новой, ну / новой нюк раньсэ бывало тут запасной эти / тарой люди. 133. Такой нюк, нюк места новой чум делать озеро край / новой сестовой чум. 134. Хоросо делай сапсем. 135. Тоб ветер не ломал это сырой дрова надо хороший быбирать такой / ну такой чум делай. 136. Ну тут места я, говорит, саманить буду. 137. Ну аргисить будем севодня / завтра. 138. Ну, чё-то аргисили. 139. Чево-то долго рассказывать буду тут озеро / тут озеро край, тут говорит ямной озеро такой. 140. Тут тояли. 141. Теперя торой день тут теперя новой чум делал дрова так руби-или, такой. 142. Уу, тут теперя тут се закрыли новой нюк места, сапсем

крепко делали хоросенько. 143. Ну, там меня саманить буду, говорит, пойдём туда, старики, зрелой люди. 144. Ну, чё-то долго будет, тут саманил. 145. Тут саманил. 146. Теперя, говорит, эта озера середина / самой выбирай глубокой де есть, тут место прорубь, большой прорубь делайте, говорят. 147. Так я эта, прорубь места я утону, меня толкайте. 148. Тут се костюм саманский одевать буду тут. 149. Бубен то... бубен-то тут чум места пускай стоит. 150. Костэль только дерзать будем железной и эта, лечок-та – эта бубен ударить такой. 151. Ээ, тут места я, утонуть буду тут озеро места, меня толкайте, не бойся берёвка не надо, ничё не надо, так просто меня... ну сам утону, только меня помоги прорубь места пускать. 152. Май месяц... селой год-то эта, бада буду лезать / селой зима. 153. Май месяц / когда телянку родить биремя, это озеро край опять стояй. 154. Тот чум-то новой пусть стоит. 155. Тогда, то бремя прорубь делай / три прорубь. 156. Потом три уда / три ремень места тут три уда пусти / мастер есть / пускай самодельной уда пусти. 157. Тут уда места я попаду / когда-нибудь эсли живой буду. 158. Но осторожно только делайти / тобы не плохо делал, тобы нормально я бысел, хороните тут меня хоросенько. 159. Саман саманил, чё-то друзья рассказал, теперя тут прорубь места пустили. 160. Бубен-то тут бесали чум места. 161. Уу, как долго будет, теперя тут... аа, тут неправильно сказал, нуу, уда делали, ага. 162. Уу, когда-то тут / два дезурнай человек делая полозили / тоб никто туда прорубь не усол. 163. Оо, теперя тут / два дезурнай тут ходит. 164. Ну конесно, тепло эта, май месяц. 165. Теперя говорит, ну давай зайдём / эта какой-нить дом, домой зайдём. 166. Сапсем устали, сон-то опять эта...спать хотим-да чево, чай попьём-да чево. 167. Два дезурнай-та тут / чум засол. 168. Уу, какой-то крайный чум места один худой люди присол, парень. 169. Так-то большой. 170. Голова-то ненормальной, эта чокнутой какой-та. 171. Уу, какой это говорили? тут это говорят удочка поставил, давай-ка я посмотрю. 172. Пряма эта музик-та туда бегом... конесна май месяц прорубь-то не замерзает / озеро. 173. Ууй, там досол, там никово не ходит, ещё спят. 174. Давай я порберю, говорит. 175. Два прорубь это уда так ремень / тянил, поднял – пустой ничё нету будто. 176. Один которой крайной / прорубь / тут ремень тянил, тянил так. 177. Уу, чё такое, сапсем тяжёлой. 178. Тяжелой будто, маленько чё-то себелит будто. 179. Тут тянил это / дурак-то. 180. Потом присол / бода-то берку хочет / чё-то большой, чё-то присол, прям дерзит, так дерзит тень. 181. Оо – человек присол, какой-то саманский костюм одевает, сапку саманский / се рога есть или какой-та. 182. Уда токобада тут это кусаит. 184. Оо, теперя она се дикой шерсти, се это заяц, куропаска, гусь / такой шерсти полно прямо это се, каждой железа место тут / се путал эти такой шерсти, откуда это бода нис такой шерсти попал? 185. Оо, пугался это люди-то прямо. 186. Крикнул да тут бода / беревка-то пустил, обратно утонул тут. 187. Ой, тут бремя место там / чум сторона два

дезурной-та бегом идёт, присол. 188. Ээй, тут-та малёнька тут сякой серсти, чево-то тут берег места / бода места плаваит тут. 189. Ээ, чё делаис, чё, чё нашёл? 190. Ооу, ябол пустил я бода. 191. Пугал какой-то тут не знаю покойник или чево ли там. 192. Ябол присол это / се серсти, такой. 193. Ээ, бил бил, бедь ну какой чёрт этот. 194. Чё-то там говорит бода нис эта, песню поёт, саманит. 195. Ээ, не убивайте, говорит, эта / он не биноват. 196. То меня это, бог места такой я, я / сильной, сто ли, или какой, это бог виноват, меня быгирать не дает. 197. Он такой загадка меня попали тут да, тобы не победил эта / де богатство бог я / меня так получился, чё делать. 198. Сякой сети. 199. Не убейте, говорит, этот дурак-то / он серабно ничё бы польза не будет. 200. Вон тебя пять рыба у вас / там бросил. 201. Теперь это перёд / такой плохой год не будет. 202. Себремя нормально будет чичас. 203. Се промысла много будет, рыба много будет, когда человек, земля селовек будет. 204. Себремя такой плохой год не будет. 205. Сётаки так быграл я эта. 206. Там пять рыба лезит прям пять / ну чир ли, какой, или сиг, такой больсой / ну озеро места есё себелица, себелица / пять рыба. 207. Говорит, это бас талан, бас даю. 208. Вот дикай будет, олень будет, рыба будет, сё будет. 209. Саман-то утонул, три дня он бода место говорят песни поёт, селый три день / бода нис. 210. Себремя говорит – ээй, тот худенькой люди биноват – не биноват, это бог меня так быграл. 211. Ну, талан-то брал я, говорит. 212. Бас се олени будет, чево будет. 213. Се рыба будет, дикой будет убивать. 214. Се промысла у вас тут / себремя так конца жизни останеса. 215. Ну, тут теперя тут шаман-та конец-та только. 216. Кончал-да это. 217. Теперь бек утонул. 217. Тут саман озеро есть, это я дазе наю, де пуринский это голова, де агапа, там место / он рядом друг другу ближе / там озеро есть, шаман озеро / туда утонул. 218. Она знает, се люди знает, тарики. < – Это нганасанский шаман был? > 219. – Нганасанский саман. 220. Это как ево, Дюходо родня или чево ли. 221. Ево ябол-то себремя говорит эта. 222. Чичас Тубяку-да так говорит, это дядя нас, тарой дядя. 223. Тут озеро есть де этот пуритинской озеро. 224. И этот Агапа там один река делил как ево / какой-то / d'ureseta эта называли. 225. Тут голова озеро есть тут / саман озеро. 226. Тут два саман / там покойник есть тут места. 227. Другой-то это бог, богосын, богосын это / богомать тут дабно был говорят саман. 228. Бого сенился и сына родился саман, такой таруха был говорят / то время / после этой или после какой / я не знаю. 229. Бога самус бысел плохой год. 230. Тут эта се люди болели больсой болезнь. 231. Богомать-то тут саман была девочка. 232. Холостой дебуська он / молодой сапсем. 233. Бога тут самус бысел. 234. Тозе такой интересна. 235. Себремя они говорят Тубяку-да. 236. Тозе Демниме ево брат тозе рассказывал тут это я лусал / богомать. 237. Да тут два сына родил богом. 238. Тут озеро край тарый сын покойник лезит. 239. Тозе больсой саман был, говорят тарик. 240. Это дабно... я-то... кто бидать был, я не знаю. 241. Саман озеро там покойник два

покойник есть. 242. Саман озеро это Хоторе?о turka?а. 243. Хоторе имя-то был эта. 244. Сяс просто говорят – Саман озеро.

Перевод на русский

1. Вот, сказка... это не сказка, а история про реального человека. 2. Это один старик рассказывал, много стариков тогда собралось на улице. 3. И я это тоже узнал... услышал, я же тогда совсем маленький был, играл там на улице. 4. Я же этого старика (? этих стариков) знаю, я тогда довольно большой был, перед войной. 5. Вот этот рассказ.

6. Раньше, в старое время, все люди ходили в тундру, выслеживали оленей. 7. Что-то рыбы нет. 8. И рыба не попадает в озеро, совсем плохой год настал. 9. В старое время это было. 10. И так целый год, ничего нет, куропаток нет, лед на озере долбишь, <чтобы рыбу поймать> – и рыба в озере не попадает. 11. Летом и в реке рыбы не стало, мало стало, совсем немного попадает. 12. Тогда, в то время, тут было около двадцати чумов. 13. Стойбище, около двадцати <чумов>, в каждой семье несколько человек. 14. В то время, когда оленей в тундре убивали копьем – раньше мы с копьями охотились. 15. Ну, ружей тогда не было. 16. И ружей не было, только из луков стреляли в то время – так тот старик говорил. 17. Ну, что долго рассказывать – рыба все-таки понемножку ловится. 18. Гусей убивают. 19. Самодельные сети делают на линных гусей. 20. Ну, как-то дошли тут до Пясины, или до какой-то другой реки... ага, до Пясины. 21. Дошли в то время, когда наступает пора диким оленям переходить вплавь реку. 22. Ушли в то время, остановились на какой-то <охотничьей> точке. 23. Ну, и стали они ждать оленей – стойбище большое, около двадцати чумов – эти вот люди <стали ждать>. 24. Ну, что долго рассказывать... стариков у них много. 25. Сентябрь месяц наступил – ну, конец августа, конец августа где-то. 26. И погода такая хорошая, но смотрим – оленей совсем нет, люди ходят туда, где олени бывают, но даже следов оленьих нет. 27. Ходят люди искать оленей. 28. «Уу, – старик говорит, – что будем делать? Наверное, скоро обратно, или куда-то еще, откочевать придется, скоро зима. 29. У нас шаман есть, давайте <попросим его>», – говорит хозяин стойбища. 30. «Я попрошу, может, он нам поможет? Я не знаю, <что получится,> он молодой. 31. Ну, давай <попробую>».

32. Тот старик пошел <к шаману>. 33. Тот молодой <шаман> или дома что-то ел, наверное, а, может, охотился на кого-то. 34. Лежит ли, сидит ли. 35. Жена его шьет. 36. Двое детей, мальчик и девочка, неподалеку играют.

37. – Оо, старик пришел, – жене говорит шаман. 38. Шаман этот – совсем молодой человек.

39. – Э-эй, – старик говорит – что ты сидишь, давай печку топи, что-нибудь <= какая-то еда> есть у тебя? Угости чем-нибудь, грех старика, не угостив, домой отпустить, что-нибудь угостить найдется у тебя?

40. Ну, что-то, говорят, старик поел.

41. – Ну что, как дела у вас, старики? 42. Наверное, ты какую-то вещь принес, что-то, наверное, сказать хочешь?

43. – Оо, дикого-то сейчас у нас совсем нету, и тут, и там искали. 44. Дикого тут совсем нет, люди ходят за рекой, <ищут>. 45. Не плавает дикий², не будет, наверное, плавать, не знаю, что случилось, может, в другое место ушел. 46. Мы хотим тебя попросить шаманить.

47. – Уу, я не знаю, сам не знаю, шаман я, не шаман», – говорит молодой, смеётся. 48. – Не знаю я, смотрите сами, подумайте, я-то не пробовал <пока> людям помогать или что-то подобное делать.

49. – Ну, сам-то ты всё равно подумай, реши, скажешь тогда людям, старикам.

50. – Ну, ладно, попробую, так-то я до сих пор ещё не пробовал. 51. Не знаю, шаман я, не шаман. 52. Ну, завтра, говорит, маленько пошаманим.

53. Ну, значит, и бубен у него есть, всё, что надо есть, и костюм шаманский. 54. Шаманить начал на следующее утро. 55. Шаманил – ну, что долго рассказывать, шаманил, шаманил, говорит:

– Близо дикого нет, что делать будем? 55. Перевезите меня в ветке за реку. 56. Я надену шаманский костюм. 57. Бубен пускай дома останется. 58. Потом я обратно вернусь, я сам поплыву, как олень. 59. Когда поплыву, пускай девять искусных охотников в девяти ветках <поплыв,> меня копьями колоть будут, пусть убьют меня, не жалеют. 60. Если я не шаман, я умру, а если я настоящий шаман – не умру. 61. Как оленя, ударьте меня копьем девять раз. 62. Не жалейте меня, – говорит. 63. – Если вы меня жалеть будете, никакой удачи я для вас не добуду, что я дам, если я не шаман окажусь, зачем мне напрасно вас обманывать.

64. Вот, за реку его увезли, пошаманил он немножко. 65. За реку увезли... а, он еще сказал:

– Три таких (рогатинки) сделайте, потом, не жалея, голову мне отрежьте, совсем отрежьте мне голову, как оленю, не бойтесь, и тело так же разделайте, руки – только разденьте, костюм пусть тут лежит. 66. Только собак привяжите, пусть никто собак не спускает, ни женщины, никто из стойбища.

67. Ну, что долго рассказывать, поплыл он <обратно через реку>, девять человек сразу его, шамана-то, копьями били. 68. Вся вода кровью окрасилась. 69. Потом верёвкой на берег вытащили шамана. 70. Потом, как говорил, три таких палочки поставили, голову отреза-

²Имеется в виду традиционный способ охоты на дикого оленя – так называемая поколка, во время которой оленей, большими стадами переправляющихся через реки, бьют с лодок.

ли, как оленя, освежевали, кишки в сторону бросили. 71. Как оленя, тушу всю разделали старики. 72. Молодых ребят всех отогнали: «У-уй, не смотрите, чего там,» – говорят.

73. Оу, тут он подумал... – ай, забыл немножко рассказать – <шаман> говорил:

– Комолоя важенка поплывет <через реку> с двумя оленятами. 74. Сразу появится, как только меня убьёте. 75. Всех их убейте, мясо разделите между жителями всех чумов. 76. Потом шкуры хорошенько высушите, они мне понадобятся. 76. Постель из них сделать для того, чтобы сидеть – целиком, с камусами <шкуры>. 77. Чтобы шаманить, постель будет <из шкур, со шкурами телят> вместе.

78. Ну, что долго рассказывать... Шаману девять человек девять раз копьём удары нанесли. 80. На берегу положили, освежевали, <сделали> всё, как он сказал. 81. Шею-то так положили, горло перерезали. 82. Вечером <старик> смотрит – оказывается, уже подошли близко комолоя важенка с телятами. 83. Ну, что долго рассказывать, убили их, мясо между жителями всех чумов разделили, шкуры высушили; а шаман-то всё лежит <убитый> на берегу. 84. Оо, потом утром рано – светло, солнце-то, конечно, видно, светает рано в это время... 85. Оо, сразу за рекой, прямо на берегу оленей совсем много стало. 86. Всюду плавают они, прямо через реку плывут – такие вот олени, и откуда они так неожиданно появились? 87. Ну, что долго рассказывать, три дня <через реку плывущих оленей> оленей копьём кололи. 88. Оо, повсюду на берегу лежат убитые олени. 89. Потом повествование дошло до чума шамана. 90. Жена его ночью, утром встала. 91. Совсем <удивилась> – уу, что такое, вроде бы человек здесь спит. 92. Оо – смотрит, парка мужа тут лежит. 93. Оо, тоже встал, когда жена вставать пора было, смеётся.

94. – Хорошо спала?

95. – Оо, я, – говорит, – плакала, думала, умер ты; а вроде бы не сплю я – говорит, – вот, пришел ты как будто бы.

96. – Не-ет, я пришёл, я не умер. 97. Я не умер. 98. Что, как у соседей-то?

99. – Оу, там олени плавают < = вплавь через реку переправляются>, очень много оленей, откуда они взялись? –жена говорит.

100. – Ну, может, я раздобыл, или бог их послал нам.

101. В том месте всего три стойбища было, одно неподалёку, подальше, в той стороне, еще одно. 102. Жители этих трёх стойбищ добыли очень много оленей. 103. Ну, что долго рассказывать; через некоторое время река замерзла; мяса-то у них стало очень много, они откочевали; шаман закончил камлать. 104. Шаману тоже много мяса дали. 105. Ну, теперь, конечно, кочевать стало можно, раз олень пришёл <и они много мяса заготовили>, санки приготовили, всё <для кочевки> приготовили и всю зиму кочевали. 106. Ну, три года всё было нормаль-

но, и оленей много стало зимой, и куропаток, и другой добычи, три года совсем хорошо жили. 107. На третий год – опять тяжелые времена настали. 108. Совсем обеднели. 109. Шаман все время с ними кочует. 110. На третий год опять сильно голодали, никакого промысла не было. 111. На озеро рыбачить – и в озере рыбы нет. 112. Ну, тогда – они, конечно, помнили – в прошлый раз шаман нам всё-таки помог, надо еще попросить его пошаманить. 113. «Давайте попросим,» – говорит старик, хозяин стойбища. 114. Только немного оленей есть, а так – не попадаете вообще никакой добычи. 115. Старик пришёл в чум шамана.

116. – Э-эй, старик, опять, наверное, у тебя какой-то разговор <ко мне> есть? 117. Ну, выпей чаю, съешь что-нибудь. 118. Ну, расскажи, что вам надо, может, надо вам что-нибудь?

119. Тот молодой-то смеётся, шаман-то.

120. – Оо, опять почему-то для нас совсем плохое время настало, почему так, интересно?

121. – Ну конечно, так будет, я же не бог. 122. Я вам только однажды помог. 123. Всё равно всё стало по-прежнему. 124. Я вам, может, только однажды помог, может, теперь всегда такое <плохое> время будет. 125. Ну, что вы хотели <у меня попросить>?

126. – Оу, мы хотим, может быть, еще охотничьей удачи попросить у тебя.

127. – Ну, давай тогда, попробую, – говорит. 128. – Теперь немного пошаманим сегодня же – сегодня-то ты утром пришёл.

129. Ну, немного пошаманил шаман, говорит:

– Тут недалеко, возле леса, много озёр есть. 130. Среди тех озёр есть озеро с высокими крутыми берегами. 131. На этом озере станем стойбищем, там лес близко. 132. На этом озере... возле него... неиспользованные, новые – ну, пусть не совсем новые – запасные нюки, раньше у людей такие бывали... 133. Из таких нюков новый чум сделайте у озера, шестовой чум. 134. Как следует сделайте. 135. Чтобы ветер не сломал, надо выбрать хорошие сырые палки <для шестов>. 136. Там я, – говорит, – шаманить буду. 137. Перекочуем сегодня, завтра.

138. Ну, что, перекочевали. 139. Что долго рассказывать, у края озера – там такое озеро было, с крутыми высокими берегами. 140. Там чумы поставили. 141. На второй день новый чум сделали, деревья подходящие срубили. 142. Уу, потом сплошь покрыли новыми нюками, очень крепкий чум сделали, как следует.

143. – Ну, я там шаманить буду, – говорит, – пойдёмте туда, старики, взрослые люди.

144. Ну, что долго рассказывать, шаманил. 145. Шаманил там.

146. – Теперь, – говорит, – посреди этого озера, выберите, где самое глубокое место, там прорубь, большую прорубь сделайте. 147. Я в этой проруби утону, меня опустите в неё. 148. Полный костюм шаманский надену. 149. Бубен пусть в чуме останется. 150. Костыль только возьмем и личок – которым в бубен бьют. 151. Ээ, тут я утону в озере,

меня утопите, не бойтесь, верёвки не надо, ничего не надо, так просто меня... ну, сам утону, только мне помогите, в прорубь опустите. 152. В мае... целый год я в воде буду лежать, целую зиму. 153. В мае, когда настанет время оленятам родиться, опять возле этого озера стойбищем станьте. 154. А тот новый чум пусть <так и > стоит. 155. <Когда придёте>, в то время три проруби сделайте. 156. Потом три удочки, три ременных удочки – мастера-то есть ведь – три самодельных удочки <в эти проруби> опустите. 157. На эти удочки я попадусь когда-нибудь, если в живых останусь. 158. Но только осторожно сделайте <это>, чтобы не навредить, чтобы я нормально мог выбраться, берегите меня, как следует.

159. Шаман пошаманил, что-то товарищам своим рассказал, потом они его в прорубь опустили. 160. Бубен привязали в чуме. 161. Уу, что долго рассказывать... потом... аа, тут неправильно сказал, ну-у, удочки сделали, ага. 162. Уу, потом тут двоих дежурных поставили, чтобы никто в прорубь не провалился. 163. Вот, два дежурных там ходят. 164. Ну, конечно, тепло, май месяц.

165. Потом <один дежурный> говорит:

– Давай зайдём в какой-нибудь чум, домой зайдём. 166. Устали очень, и спать как-то хочется, и чаю хоть попьём, что ли.

167. Вот, значит, двое дежурных в чум зашли. 168. Уу, из какого-то крайнего чума один дурной человек пришел, парень. 169. Так-то большой. 170. Рассудком скорбный, чокнутый какой-то.

171. – Уу, что это <люди> говорили? Тут, говорят, удочки поставлены – дай-ка я посмотрю.

172. Как побежал этот парень туда бегом... конечно, май месяц, прорубь-то не замерзает на озере. 173. У-уй, дошёл туда, там нет никого, ещё спят. 174. «Дай-ка я проверю <удочки>», – говорит. 175. Из двух прорубей ремни удочек вытянул, поднял – пустые, вроде бы нет ничего. 176. Один ремень, который в крайней проруби был, потянул.

177. – Уу, что такое, очень тяжёлый. 178. Вроде бы тяжёлый, вроде бы немножко шевелится что-то.

179. Тянет дурак этот <третью удочку>. 180. Потом появилось... что-то вот-вот вынырнет... что-то большое, что-то появилось, так <дурак на удочке держит>, что-то виднеется. 181. Оо – человек появился, шаманский костюм на нем надет, шапка шаманская, с рогами, всё как положено. 182. Как удочку <ремень> во рту держит. 184. Оо, на нем полно шерсти дикого оленя, заячьей шерсти, перьев куропаток, гусей – такой шерсти полно, на всех железных подвесках прицеплена такая шерсть, откуда это под водой такая шерсть? 185. Оо, испугался этот человек. 186. Вскрикнул и в воду обратно веревку отпустил, утонул тот. 187. Ой, в то время со стороны чумов два дежурных бегом бегут, прибежали. 188. Э-эй, тут немного разных шерстинок, чего-то такого, у берега в воде плавают.

189. – Ээ, что делаешь, что, что ты нашёл?

190. – Ооу, дьявола я в воду отпустил. 191. Напугал меня кто-то, не знаю, покойник ли, или что-то другое. 192. Дьявол появился, весь в шерсти – такой был.

193. Ээ, били его, били, вот ведь чёрт какой <этот дурак>. 194. Что-то говорит из-под воды, песню поёт, шаманит.

195. – Ээ, не убивайте, – говорит, – он не виноват. 196. Это я – по сравнению с богом слишком сильным, что ли, оказался, поэтому бог меня не отпускает, победить его не позволяет. 197. Вот так он меня заколдовал (?), чтобы я не победил, бог всего богатства так со мной поступил, что теперь поделаешь. 198. Всякие сети <на меня накинул>. 199. Не убивайте, – говорит, – этого дурака, всё равно, если бы он не вмешался, лучше бы не было. 200. Вон там пять рыб для вас я бросил. 201. Больше такого плохого года уже не случится. 202. Впредь всё хорошо будет. 203. Добычи много будет, рыбы много будет, пока люди на земле живут. 204. Больше никогда такого плохого года не будет. 205. Всё-таки я этого добился.

206. Пять рыб лежит, то ли чиры, то ли сиги, большие рыбины, в озере ещё шевелятся пять рыб.

207. Говорит:

– Это ваша охотничья удача, я вам её даю. 208. Теперь дикий олень будет, рыба будет, всё будет.

209. Шаман утонул; три дня, говорят, он в воде пел, три дня подряд под водой <пел>.

210. Всё время повторяет:

– Э-эй, тот малохолный не виноват, это бог меня победил. 211. Ну, охотничью удачу-то я добыл, – говорит. 212. – У вас олени будут, всё, что надо, будет. 213. Рыбы полно будет, дикого оленя будете промышлять. 214. Всякая добыча у вас до конца жизни будет.

215. Ну, тут шаман-то помер. 216. Исчез. 217. Совсем утонул. 217. Тут есть Шаман-озеро, даже я знаю, где это, где Пуринская голова, где Агапа, там, где они сходятся, озеро есть, Шаман-озеро³, там он утонул. 218. Все люди знают, все старики. < – Это нганасанский шаман был?> 219. – Нганасанский шаман. 220. Какой-то родственник Дюходо⁴. 221. <??> 222. Сейчас и Тубяку говорит: «Это

³ Судя по данному К. Ф. Туглаковым описанию, Шаман озеро, о котором идет речь в данной легенде (на Таймыре есть еще как минимум два озера с подобным названием) находится между Пуринским озером (оно представляет собой фактически систему из нескольких озёр) и протекающей южнее от него рекой Агапой. Ближе всего, примерно на 10 км, Агапа подходит к Пуринским озерам, если двигаться от них строго на юг – где-то здесь и находится Шаман-озеро. Неясно, что К. Ф. Туглаков называет «Пуринской головой» – возможно, это южное, расположенное ближе всего к Агапе озеро в системе Пуринских озёр.

⁴ Данная легенда связана с конкретным нганасанским шаманом по имени Хотарыз, который был родственником другого шамана – Дюходо (о Дюходо

дядя наш, старый дядя». 223. Там это озеро, возле Пуринского озера. 224. Там от Агапы одна река отделяется, D'ureseta (?) называется. 225. Тут, у головы <Пуринского> озера, и есть Шаман-озеро. 226. Там два шамана-покойника лежат. 227. Второй шаман – это сын бога; говорят, давно была тут мать бога, шаманка. 228. За бога замуж вышла и сына шамана родила, такая старуха, рассказывают, была в то время, когда, не знаю я. 229. За бога замуж вышла, когда плохой год был. 230. Тогда была эпидемия, все болели. 231. Мать бога тогда девочкой была. 232. Незамужняя девушка, молодая совсем. 233. За бога замуж вышла. 234. Тоже интересная история. 235. Её часто Тубяку рассказывает. 236. И Демнине, его брат, тоже рассказывал, я слушал про мать бога. 237. Два сына у нее родилось от бога. 238. У берега в том озере старший сын, покойник лежит. 239. Тоже, говорят старики, он сильный шаман был. 240. Это давно было, кто это видел, я не знаю. 241. В Шаман-озере два покойника лежат. 242. Шаман-озеро <иначе> называется Хотогіә turkaʔa. 243. Хотогіә имя его было. 244. Сейчас просто говорят – Шаман озеро.

Литература

- Грачева 1983 – *Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: «Наука».
- Попов 1884 – *Попов А. А.* Нганасаны: социальное устройство и верования. Л.: «Наука».
- Костеркина, Хелимский 1994 – *Костеркина Н. Т., Хелимский Е. А.* Малые камлания большого шамана // Е. А. Хелимский (ред). Таймырский этнолингвистический сборник. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Урманчиева 2010 – *Урманчиева А. Ю.* Говорка: пример структурно смешанного языка // *E. Protassova A., Mustajoki N. Vakhtin (eds.) Инструментарий лингвистики: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian.* Helsinki: Yliopistopaino, 2010. Стр. 188 – 209.
- Хелимский 1987 – *Хелимский Е. А.* Русский говорка место казать будем (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания. Москва, стр. 84–93.
- Хелимский 2000 – *Хелимский Е. А.* Говорка – Таймырский пиджин на русской лексической основе. // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, Уралистика. Лекции и статьи. М.: «Языки русской культуры», стр. 378–395.

писал А. А. Попов, см. [Попов 1984]), ниже К. Ф. Туглаков упоминает двух сыновей Дюходо, Тубяку и Демнине Костеркиных, которые также были шаманами. Камлания Тубяку опубликованы в [Костеркина, Хелимский 1994], в этих камланиях Хотарыэ фигурирует как основной дух-помощник Тубяку. Хотарыэ упоминается и Г. Н. Грачевой [Грачева 1983: 134] как один из пяти шаманов-предков в династии Костеркиных.

Селькупский богатырский эпос: современная запись¹

Сбор и публикация текстов, в том числе и фольклорных текстов – обязательная составляющая документации языка. Ариадна Ивановна Кузнецова занимается документацией и описанием селькупского языка уже более 40 лет². Предлагаемые заметки о современных записях селькупского героического эпоса – скромная дань уважения юбиляру от одного из тех, кого она в давние времена «втянула» в это увлекательное занятие.

Самая полная версия селькупского богатырского эпоса о жизни и подвигах героя Ичи и о его антиподе великане Пюонэ-Кэсы дошла до нас в изложении финского лингвиста и этнографа Кая Доннера, работавшего в Западной Сибири перед первой мировой войной (1911–1914 гг.). Во время своей поездки в верховье р. Кеть К. Доннер записал от своих селькупских информантов изложение цикла сюжетов об Иче. К сожалению, по-селькупски на Кети им был записан только один текст, большая часть сюжетов была зафиксирована им по-шведски (см. статью Ярмо Алатало [1997], написанную по экспедиционным архивам К. Доннера).

С тех пор лингвистам и этнографам удалось записать многочисленные разрозненные фрагменты того, что К. Доннер назвал селькупским эпосом – цикл сказок о селькупском герое-трикстере Иче.

Кроме этого цикла в селькупском фольклоре существуют героические легенды, рассказывающие о войнах с соседними народами, но в отличие от цикла об Иче в легендах отсутствуют сверхъестественные существа (великаны-людоеды, ведьмы, черти и т. д.).

Летом 2002 г. в поселке Красноселькуп от Владимира Кузьмича Аксандакова (1957–2003) были записаны три текста, каждый из которых представляет собой сказание о селькупских богатырях и их подвигах, совершаемых в бесконечной борьбе с завоевателями-ненцами (традиционными врагами героических преданий северных селькупов) и со всевозможной нечистой силой (змеями, чертями, ведьмами). Наличие среди врагов героев нечистой силы не позволяет отнести эти тексты к военным легендам, скорее мы имеем дело с богатырским эпосом. Продолжительность каждого из записанных текстов примерно 30 минут.

Тексты выстраиваются в фиксированную последовательность. В каждом тексте свой главный герой: в первом это Тэмты-Йечик (*Tämtv-Ječyk* 'Купец Ича')³, единственный сын своих родителей, во

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование селькупского фольклора», грант РГНФ 10-01-64403 а/Г

² Результаты этой стороны деятельности Ариадны Ивановны, отражены, например, в [Очерки 1980; 1993; 2002; Мифология 2004; 2010; Кузнецова 2007].

³ Перевод имени героя сделан самим рассказчиком.

втором – Пюна-Кэса (*Püna-Käsa* ‘Камень-Железо’), младший из троих живущих с родителями сыновей, в третьем – одинокий парень-сирота Хозяин-Тощего-Быка (*Amnal'-Lošyl'-Qoptyn-Nüšy*). Каждый следующий текст, помимо собственного героя, впускает в себя героя предыдущего текста, и герой этот становится другом и соратником главного героя. Последний текст соединяет всех трех героев, и они все вместе ведут борьбу за освобождение селькупской земли от врагов-ненцев и нечистой силы.

В популярном среди северных селькупов сказочном сюжете об Иче и купце в результате серии собственных хитроумных уловок Ича сам становится купцом, так что имя *Тэмты-Йечик* не представляется чем-то совершенно неожиданным. Имена героев двух других текстов встречаются в более ранних записях селькупского фольклора: Пюна-Кэса – это либо богатырь, гибнущий от удара стрелы, попавшей в место, где разошлись две половинки его доспеха (запись Л. А. Варковицкая 1941 г. на Баихе (Архив Л. А. Варковицкой⁴), а также запись автора 1999 г. в поселке Фарково), либо великан-людоед (запись автора 2000 г. в Пуровской Тольке⁵; в южно-селькупской фольклорной традиции Пюна-Кэса (Пюнэ-Гусэ) выступает как антипод Ичи [Мифология 2004: 252–254]); Хозяин-Тощего-Быка – один из трех братьев-шаманов, воюющих с шаманом по имени Старик-с-Железными-Косами (запись Г. Н. Прокофьева 1925 г. в поселке Яновстан (Архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых⁶)).

Приведем зачины рассматриваемых текстов:

(1) *Ukoī ilympa iralīru, imaqotasuqāqī ilympōtyt wərqy kyt pōrōqyt. Pelykytyl' ijaty eppynta. Qərympōtyt Təmtu-Ječyk* ‘В давние времена жил старик, со старухой они жили в верховьях большой реки. У них был единственный сын. Звали его Тэмты-Йечик’;

(2) *Ilympa ira imaqotantysa. Nəqyr ijaty eppynty. Ilympōt sāqqōt kyt pōrōt* ‘Жил старик со своей старухой. У него было трое сыновей. Они жили в густолесье в верховьях реки’;

(3) *Amnal'-Lošyl'-Qoptyn-Nüšy ilympa, pelykytyl' il'maty tja, ni əsyty, ni ətyty cānympa. Pelykəl ilympa kyt čontōt* ‘Хозяин тощего быка жил, одинокий молодой парень, ни отца, ни матери у него не было. Один он жил в среднем течении реки’.

У каждого героя есть свои атрибуты. Тэмты-Йечик повсюду носит с собой семисаженный хорей (*sel'čy tī čomByl' narapo*) и чугунное-каменное бревно⁷ (*sāqqāZyl'-pūl' tīntu*). Стоит отметить, что эти тяжелые предметы используются скорее как гантели для тренировки муску-

⁴ Описание архива см. [Күзнецова, Хелимский 1992].

⁵ Опубликовано в [Казакевич 2002].

⁶ Описание архива см. [Казакевич 2010].

⁷ Такими бревнами (только конечно же деревянными) отгораживают в чуме место для костра от остального пространства.

лов, чем в качестве оружия: перед тем, как сразиться с врагом, Тэмты-Йечик, как правило, втыкает в землю хорей, откладывает в сторону бревно и бьется с врагом врукопашную:

(4) *Tэмты Ječyk narapomty ılla na loqoryntyty, säqqəZyl' tınnymty tättonty na pintyty tıña qumty orqyllä tättı cıty qättınty* 'Тэмты-Йечик семисаженный хорей в землю вот воткнул, чугунное бревно на землю положил, этого человека ударил'.

Атрибуты богатыря Пюна-Кэса – это нарта, собственноручно сделанная им из неошкуренной лиственницы, березовый ствол с необрубленными сучками вместо хорей и три хилых оленчика, которые по виду годятся только на корм собакам:

(5) *Na tıña kanan apso wərytyl' nəqyr torıal'a, namytım na orqyltyty* 'Вот эти, (которых) держат на корм собакам, три олененка, этих вот поймал'.

Наконец, атрибут Хозяина-Тощего-Быка – этот самый тощий бык (*amnal-lošyl'-qopty*), обладающий огромной силой и выносливостью и помогающий своему хозяину выигрывать битвы со злом:

Тексты построены примерно по одной схеме: после зачина следует уход героя из дома, иногда предваряемый вещим сном и/или выбором соответствующего снаряжения и транспорта для будущих подвигов, путешествие (движение куда глаза глядят или куда указывает вещей сон), перемежающееся встречами с униженными и оскорбленными, нуждающимися в помощи и защите, с одной стороны, и поединками с оскорбителями – лютыми врагами селькупов и всего рода человеческого, с другой (разумеется, все поединки завершаются победой героя). Кроме того, во время путешествия герой встречается с единомышленниками и соратниками по борьбе с мировым злом. Каждый из текстов заканчивается победой героя и его соратников над врагами и установлением справедливого миропорядка, однако итоги двух первых текстов (например, утверждение Тэмты-Йечиком границы селькупской территории), носят промежуточный характер (как явствует из историй Пюна-Кэсы и Хозяина-Тощего-Быка, граница продолжает нарушаться врагом); окончательную победу над врагами и свадьбы героев-богатырей мы видим только в конце последней истории нашего мини-сериала.

Главные враги селькупских богатырей в текстах В. К. Аксандакова – это традиционные враги героических легенд северных селькупов ненцы (*qälyt*). Обычно герои бьются с тремя ненецкими братьями (*qälyl' nəqyr čopasyt*), а также с чертовыми братьями (*lošyt čopasyt*), тремя змеями (*nəqyr šıı*), старухой (впоследствии оказавшейся ведьмой) (*imaqota, imampytyl' imaqota*).

Исходно рассказчик собирался продемонстрировать свое знание традиционных текстов и умение их исполнять, для него было важно, чтобы его рассказы получились достаточно продолжительными. Возможно, поэтому все три текста изобилуют лексическими и семан-

тическими повторами, описание одних и тех же ситуации переходят из текста в текст, меняются только имена действующих лиц.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания фрагмент первого текста, рассказывающий о встрече героя цикла с богатырями «старой волны»: Стариком Нёмаль-Поркы (*Nomal'-porqy-ira* 'Старик Заячья Парка') и Бальной (*Palna*). Бальна – герой кетского сказочного цикла, заимствованного селькупами. Имя богатыря *Balna* по-кетски значит 'черемуха'; Оно было дано герою потому, что в сражениях с врагом он использовал в качестве оружия свой черемуховый посох. Интересно здесь то, что заимствованный фольклорный персонаж предстает у рассказчика абсолютно освоенным (и присвоенным) селькупской традицией, превратившимся в «ветхозаветного» селькупского богатыря.

По сути, счастливый конец наступает только к концу третьей истории:

(6) *Na ilyqolammyntā. Pūnakāsa tīna onty imanty iṅyty, a na imanty ŋiṅkar Təmty-Ječykinṅk miṅyty. A Təmty-Ječyк pōsy kupa ŋiṅkamty Amnal-Lōsyt'-Qoptyn-Nūšytkin miṅyty.* 'Вот жить стали. Пюна-Кэса этот себе жену взял, а этой жены сестру дал Тэмты-Йечики. А Тэмты-Йечик самую младшую сестру Хозяину Тощего Быка дал.'

В текстах чувствуется солидное влияние русской эпической традиции: богатыри-змееборцы, изгнание иноземцев-захватчиков, возможно, постоянные троекратные повторы, хотя здесь дело не в числе три самом по себе, а в необычайной частотности этого числа и его явном преобладании над более характерном для селькупских фольклорных текстов числом семь.

Однако при явном влиянии фольклорных традиций соседей на содержание текстов, рассказаны они замечательным селькупским языком с нередуцированной (по сравнению с 1970 годами [Очерки 1980]) именной и глагольной морфологией (сохраняют набор значений практически всех именных и глагольных грамматических категорий).

Тексты изобилуют устойчивыми фольклорными формулами, используемыми при описании однотипных событий, идиоматическими выражениями и синонимическими рядами – всего этого сегодня не встретишь в повседневной селькупской речи. (Впрочем, следует признать, что само словосочетание «повседневная селькупская речь» сегодня уже почти не имеет денотата).

Приведем примеры фольклорных формул.

В описании битва:

(7) *Tīna qumty orqylla, təttyč čīty qättynty – šē-kāl* (язык.SG-PRIV), *šē-ty* (язык-SG.NOM-POSS.3SG) *čūṅk-a* (отсутствовать-3SG.SBJ) 'Схватил он этого человека и ударил его о землю – **без языка** (без способности говорить, то есть мертвый), **без уха** (без способности слышать, то есть мертвый)' (этот человек остался)

(8) *Qättyṅyty – šē-kāl* (язык.SG-PRIV), *qō-kāl* (ухо.SG-PRIV) 'Он ударил – без языка, без уха'

В описании совета и реакции на совет:

(9a) Təmty-Ječyk, yku (NEG) qən-äš (пойти-IMPER.2SG.SBJ)!
Qurma-qänty (смерть.SG- POSS.2SG.ILL) **tulač-čənn-anty!** (дойти-
FUT-2SG.SBJ)

‘Тэмты-Йечик, не ходи! До смерти своей дойдешь (погибнешь)!’

(9б) Čā, mat (1SG.GEN) **qurma-m** (смерть.SG.NOM-POSS.1SG tar
(еще) **aš** (NEG) **ukyny** (впереди) **ε-η-a** (быть-PRS-3SG.SBJ) ‘Нет, моя
смерть пока еще не впереди (не передо мной)!’

Рассматриваемый материал лишний раз подтверждает, что фольклорные тексты «держат» язык, даже когда он уже практически перестает использоваться в живом общении.

Литература

- Алатало Я.* Путешествия Кая Дннера по Кети в 1912 г. // Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию образованию Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 131–144.
- Казакевич О. А.* Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2002. С. 483–497.
- Казакевич О. А.* Архив Е. Д. и Г. Н. Прокофьевых: **самодийские языковые материалы** // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2010. С. 257–278.
- Кузнецова А. И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетия (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25, № 1.
- Мифология – *Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В.* Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. Томск, 2004. Английский перевод: Tuchkova, Natalya A., Kuznetsova, Ariadna I., Kazakevich, Olga A., Kim-Malony, Aleksandra A., Glushkov Sergei V., Baidak, Aleksandra V. Encyclopaedia of Uralic Mythologies 4: Selkup Mythology. (Translated from the Russian edition). Budapest: Akademiai Kiado; Helsinki: Finnish Literature Society, 2010
- Очерки – *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Ч. 1, 2, 3 / Под. Ред. А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980, 1993, 2002.
- Donner K.* A Samoyed Epic // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 30 (26). Helsinki, 1913–1918. Русский перевод: *Доннер К.* Самоедский эпос // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. 3. Вып. 1 (Перепечатано в кн. Земля Верхнекетская: борник научно-популярных очерков к 60-летию образованию Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 145–162).

М. Д. Люблинская (С-Петербург)

Параллели «сельских поэм» Вергилия в ненецкой литературе

0. Сопоставление таких далеких во времени и пространстве поэтических традиций как античная буколическая и авторская ненецкая 60–90х годов показывает сходство приемов и образов в творчестве этих эпох, то есть, единство поэтического мировосприятия схожих процессов во внешнем мире. Это мировосприятие не зависимо от стадии развития общества и положения поэта в нем. В обоих случаях прославляется единение человека и природы через «натуральный» труд, и не важно, это труд земледельцев и пастухов овец или рыбаков и охотников.

1. В «Сельских поэмах» Вергилий поет о труде земледельца и пастуха, с которым был знаком не по наслышке: хоть он и не был крестьянином, но был хозяином земельного надела, о чем говорит в «Буколиках». Конкретно определяются в поэме и обязанности пастуха:

*Пастуху полагается, Титир,
Тучных овец пасты и петь негромкие песни...
Сельский стану напев сочинять на тонкой тростинке...
Но уже вечер велит овец загонять по овчарням
И поголовье считать...*

[Вергилий 2006: 32]

Буколические пастухи живут в единстве с Природой, благодарят ее, просят о помощи в своем труде:

*Дремы приют, мурава, источники, скрытые мохом,
Вы, земляничники, их осенившие редкою тенью,
В солнцестоянье стада защитите, лето подходит
Знойное... [Там же: 35]
Столько же дела нам здесь до зимнего холода, сколько
Лютым волкам до скота иль до берега бурным потокам*

[Там же: 36]

А. Э. Вормс в своих воспоминаниях «Беседа с Л. Н. Толстым о Вергилии» отмечает, что по мнению Льва Николаевича Вергилий одухотворяет свои поэмы почти не звучавшими раньше нравственными идеалами, что «на всей концепции «Георгик» и на множестве детальных черт «Сельских поэм» вообще лежит печать глубокого патриотического подъема, сознание всей ответственности выступления поэта как поборника возрождения трудового земледелия». Такая точка зрения потом была принята всеми античными литературоведами [Вормс 2003]:

*Трижды блаженны – когда б они счастье свое сознавали! –
Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им справедливо земля доставляет нетрудную пищу.*

[Вергилий 2006: 93]

Современное литературоведение логично объясняет возникновение буколического жанра античности как художественное противоположение «шумной жизни развивающихся больших городов и идеальной спокойной и простой сельской жизни» [Дератани, Тимофеева 1965]. Тем значимее видятся несомненные соответствия «Сельских поэм» и произведений ненецких поэтов П. А. Явтысого, А. И. Пичкова, В. Н. Ледкова, творчество которых начинается с 60-х годов XX века.

2. Ненецкая авторская литература в целом и в частности гораздо меньше известна широкому кругу исследователей, поэтому необходим краткий рассказ о ее возникновении и развитии до 60-х годов.

2.1. Ненецкая литература является результатом исторического воспитания «новой советской творческой интеллигенции». Научный подход к изучению и пропаганде языков Севера, Сибири и Дальнего Востока был заявлен властью большевиков: в 1922 г. было принято решение о создании письменности для народностей Севера, для чего была образована специальная комиссия из представителей Наркомата национальностей, Наркомпроса, Академии наук, крупнейших языковедов и этнографов. В 1925 г. формируется специальный правительственный орган – Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), на который было возложено осуществление мероприятий по экономическому и культурному развитию малых народов Севера. В 1926 году по инициативе Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз-Тана на северном факультете Ленинградского института востоковедения начали преподавать национальные языки (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан и В. И. Иохельсон входили в группу народовольцев, отбывавших ссылку на Дальнем Востоке и изучавших там языки местных народов: В. Г. Богораз-Тан – чукотский, ительменский и ламутский (эвенский), Л. Я. Штернберг – гильяцкий (нивхский), айнский и, отчасти, голдский (нанайский), В. И. Иохельсон изучал корякский, юкагирский, алеутский языки). Уже до открытия Северного факультета выпускники факультета этнографии Географического института (основанного в 1921 году Л. Я. Штернбергом) работали по направлению Комитета Севера учителями и секретарями сельсоветов в северных районах, изучали местные языки. В 1930 г. в Ленинграде был создан Институт народов Севера (ИНС) и при нем Научно-исследовательская ассоциация. Окончательный проект алфавита для северных языков был утвержден 23 февраля 1931 г. Всесоюзным Комитетом Нового Алфавита

при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР и Коллегией Народного Комиссариата Просвещения СССР. Таким образом был создан инструмент для развития литературы (авторских письменных высокохудожественных текстов) на языках северных народностей. В январе 1932 г. на I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера были обсуждены вопросы создания северных литературных языков, вопросы алфавита, очередные задачи культурного строительства на Крайнем Севере и программы для национальных школ, был принят проект создания литературных языков для 14 северных народностей, численность которых превышала 1000 человек. В мае 1932 г. организовался Специальный Комитет нового алфавита народов Севера, а позже – окружные и районные комитеты на местах. Новым алфавитом были отпечатаны и изданы учебники на ненецком языке, например, букварь [*Jadej wada* 1934], произведения фольклора [*Nenəcaḥ wadakuḥ* 1935] и, естественно, книги идеологического содержания [*Aḍkor* 1933]. Но социально-политическая обстановка внутри и вокруг СССР требовала идеологического единства государства, в том числе единого алфавита на территории страны. Поэтому 11 февраля 1937 г. письменность малых народов Севера была переведена на русскую основу. [Названия организаций и даты приведены по данным сайтов «Лингвистический энциклопедический словарь»; «Г. М. Василевич»; «Процесс становления письменности...».]

Ненцы ценили художественное слово. Фольклор наполнен красочными образами, неожиданными сравнениями. Исторически ненцы были подготовлены к созданию письменных текстов на родном языке, благодаря христианизации, переводам Священного писания, функционированию церковных школ (первые писатели – ученый А. П. Пырерка и общественный деятель И. Ф. Ного – непосредственно начали свое образование в приходской школе). Авторская проза появляется стремительно.

В начале 1934 г. в рабочем поселке Нарьян-Мар создается литературная группа «Заполярье», которая в 1935 году, к пятой годовщине округа, выпускает сборник произведений нарьян-марских авторов с одноименным названием «Заполярье». Об этой небольшой книжке тепло отозвались газета «Правда», журнал «Литературная учеба» и журнал областного отделения Союза писателей «Звезда Севера» [сайт «Литературная карта Архангельской области»]. Отзывы, скорее, относились к идеологическому содержанию сборника. Оценки же литературных достоинств этих произведений были невысоки, на что указывает в своей статье Е. Toulouze [*Toulouze* 2004: 220], цитируя. Это не удивительно, потому что многие авторы были новичками в литературном деле, ненцы писали на неродном языке, не опираясь на художественную традицию. И все-таки, оформление литератур-

ного объединения и печатного органа для начинающих литераторов было несомненным достижением в создании «собственной литературы» в Ненецком округе. Тем более важным является появление хорошей авторской прозы на ненецком языке, опубликованной всего через два года: повестей Н. С. Вылка «На острове» (1937), «Марья» (1938). Их редакция и литературный перевод на русский язык были выполнены Г. Д. Вербовым. В первых же строках находит продолжение красота и неожиданность сравнений ненецкого фольклора.

(1) ⁽¹⁾Иба-нда сей-хад мерця минхаль-й', яника-ко мерця.

тепло-*gen.px/3sg* сердце-*abl.sg* ветер пойти-3/3sg мягкий-*dim* ветер.

С юга ветер подул, тихий ветерок.

(2) Мерця минхаль-ць, ене-на тир-'нэзм-да сея-н' мюсель-яд'.

ветер пойти-*inf* чертить-*prtpr* облако-*pl* север-*gen.px/3sg*. сердце-*dat.sg*. двинуться-3/3pl

Подул ветер, и слоистые облака тронулись к северу.

(3) Нгамгэда нгэвна тири' мюсел-кава, итя нгабтеня-р пудангана ям' вуни нга, хыркари мерця-хад нгод пыда нгод нгарка-да хамб-да, хамб-да илавы.

когда облако-*gen.pl*. двинуться-*emph* вода-*gen.px/3sg*. горечь-*px/2sg*.

позади море *neg.emph*. быть

всякий ветер-*abl.sg*. также он также большой-*nom.px/3sg*. волна-*nom.*

px/3sg. волна-*nom.px/3sg*

оживить-1/3sg.

Раз уж облака тронулись, океан тоже не дремлет:

(4) Та нгамгэда нгэвна итя нгабтеня-р нгарка-да хамб-да нгэзм-да сея-н танабюл-вы-да.

Тогда вода горечь-*px/2sg* большой-*px/3sg* волна-*nom.px/3sg* север-

px/3sg сердце-*dat.sg* погнать-*prf-2|3sg*

поднял он под ветер свои большие волны и погнал их на север.

(5) Мал' нгэзм-да сея-н мюсе': тир' мирна' нгэзм-до' сея-н, и-хид

мерець итя нгабтеня нгарка хамба', хамба' мюсе' нгэзм-до' сея-н.

все север-*px/3sg* сердце-*dat.sg* кочевать-3/3sg облако-*nom.pl* идти-1/3pl

север-*px/3sg.pl*. сердце-*dat.sg*

мысль-*abl.sg* быстрый-*inf* вода горечь большой волна-*pl* кочевать-

1/3pl север-*px/3sg.pl*. сердце-*dat.sg*

Все двинулось к северу: облака несутся к северу: быстрее мысли

идут к северу большие океанские волны.

(6) Вэсэ пятабтё хор-та' нгартти' иня-хана подера-да-раха хамба-ко-ко' нгарка хою' нгар'.

старый пыхтеть олень-*px/3pl.sg*. морской-заяц-*gen.sg*. ремень-*loc.sg*

запрячь-*prtpr-sim* волна-*dim-dim* большой гора-*gen.pl*

величина-1/3pl

Волны величиною с гору подобны запыхавшимся оленям,

запряженным в упряжь из тюленых ремней.

[Вылка 1938: 5; орфография первоисточника].

Традиционное фольклорное виденье образа Ленина как *сюдбя* (сказочного великана) проходит сквозь художественное творчество ненцев (и других народов), например, в автобиографической повести А. П. Пырерка «Младший сын Вэдо», написанной в 1937 г. [Пырерка 1959], или в «Сказе о добром великане» – произведении из репертуара ансамбля «Северное сияние» при Нарьян-Марском доме творчества в 1962 году [Явтысьий 2009: 110].

Несомненно, 'художественной школой' ненецких писателей были переводы классической русской и советской литературы, которая выполнялись для популяризации культуры в довоенное и послевоенное время.

Ненецкую авторскую литературу пытается анализировать Е. Тулуз в своих статьях в сборнике «Ненецкая литература» [Тулуз 2003] и в журнале JSFOu 90 [Toulouze 2004]. В первой статье исследовательница считает, что «на жизнь литератора нашего времени мало влияет связь с прошлым» [Тулуз 2003: 17], а во второй говорит, что миссионерские школы не преуспели в распространении грамотности среди автохтонного населения, отчего делает вывод: воспитание литературной культуры проводилось до срока, без должной подготовки, его можно расценить как неудачу [Toulouze 2004: 223]. Исследовательница не предполагает преемственности между первой (и последующей) художественной литературой и удивительно ярким, емким фольклором, полным неожиданными образами.

Послевоенный расцвет литературы на ненецком, и других языках Севера, Сибири и Дальнего Востока начинается с конца 50-х годов. Этому способствовало совпадение нескольких факторов: в стране началась политическая «оттепель», и выросло грамотное поколение, закончившее общеобразовательную школу, а во многих первых школах на Севере преподавание вели энтузиасты, свято уверенные в необходимости просвещения народов Севера. В нашем случае в Ленинград для продолжения учебы на подготовительные курсы при факультете народов Крайнего Севера (8, 9 и 10 классы), которые тогда действовали при Педагогическом институте им. А. И. Герцена, был направлен талантливый ненец, ставший поэтом тундры, Василий Николаевич Ледков. Несколькоми годами позднее другого будущего поэта, Прокопия Андреевича Явтысого, на эти курсы послал директор школы А. А. Торков [Явтысьий 2009] (Прокопий Андреевич впоследствии дарит своему школьному директору один цветок из «Венка сонетов» [Явтысьий 1994]). После окончания подготовительного отделения курсанты (так их называли) получали далее специальность учителя по выбранному предмету. Еще один будущий поэт, Алексей Ильич Пичков, был направлен в Ленинград после Нарьян-Марского педучилища. Студенты ФНКС становились учителями род-

ных языков. П. А. Явтысый выбрал естественный факультет. Второе его образование – преподаватель физического воспитания.

Очень многие поэты и прозаики северяне (в то время почти все) получили образование в Ленинграде на этом факультете. В те годы на ФНКС работал исследователь творчества эвенков М. Г. Воскобойников, который «воспитывал» национальных писателей (устное сообщение д.ф.н., проф. А. Н. Жуковой, преподававшей там). Успехом его деятельности можно считать слова мансийского писателя Ювана Шесталова, которые цитирует сам М. Г. Воскобойников в статье «Голоса литераторов Севера» [Воскобойников 1967 : 175], и которые можно отнести к студентам-поэтам всех национальностей: «... в Ленинграде, далеко от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа». Все выпускники этих лет – уже билингвы, владеют двумя языками, и творчество их почти всегда двуязычно. П. А. Явтысый пишет стихи на ненецком языке. Книга его воспоминаний «Семь кочевий к горизонту» [Явтысый 2009] написана по-русски и включает переводы его стихов. Стихи на ненецком языке публиковались в газете Нярьяна-Вындер, в нескольких сборниках. Оригиналы некоторых стихов могут быть найдены только в семейном архиве. Стихи и проза А. И. Пичкова, в основном, созданы на русском языке; кроме русского, он владел ненецким и коми языками. На ненецкий язык часть стихов Алексея Ильича перевел В. Н. Ледков. Был составлен двуязычный сборник [Пичков 2000]. Сам Василий Николаевич большинство своих стихов и прозу писал на ненецком языке, переводил русских и советских классиков, перевел на ненецкий язык «Калевалу». Произведения всех трех писателей наполнены образами и сравнениями, которые могут прочувствовать полностью те, кто вырос в тундре, знают труд пастухов и рыбаков.

3. При внешних различиях деятельности писателей–северян и Вергилия, различии оленеводов, рыбаков и римских землепашцев, пастухов – в поэзии ненцев также звучит призыв к непрестанной работе на своей земле, не отступая перед трудностями и превратностями. Гордостью за свою землю, за свой труд наполнены стихи:

(2) *Первый луч поднял оленей,
Через лес рогов пробился.
На проталинке весенней
Оленёночек родился!..
Встал малыш, дрожа, с подстилки,
Шаг шагнул...
И ножки сами,
Сами ножки-хворостинки
Побежали в стадо к маме!* [Ледков 2003: 3]

(3) *Снасть нехитрая – лосиный
Туго скрученный ремень.*

На собачьих твердых спинах
 Скачет солнце целый день.
 На упряжке пролетаю,
 Всё подвластно мне в пути...
 Кто же в марте не мечтает
 Солнце людям подвезти! [Пичков 2008: 85]

(4) ⁽¹⁾ Пусть будет так...

⁽²⁾ Пусть будет буйный ветер,

⁽³⁾ и море в гребни оцетинит вал.

⁽⁴⁾ И ты однажды встретишь на рассвете

⁽⁵⁾ шторма, каких ни разу не встречал.

⁽⁶⁾ Пусть карбас твой уносит в бездну моря

⁽⁷⁾ и в облака швыряет сгоряча.

⁽⁸⁾ Но в сети к нам запутаются зори,

⁽⁹⁾ волна в бессилье скатится с плеча.

⁽¹⁾Тарем' ят' нэ-я... ⁽²⁾ Выварць мерця то-я,
 так быть-*imp.3sg.* Завывать-*inf* ветер придти-*imp.3sg.*

⁽³⁾ ям-л хамб-та сямб-хат макабта илым-д».

Море-*px/sg.2* волна-*px/sg.3* спина-*abl.pl* поставить
 подняться-*3/3pl.*

⁽⁴⁾ Цопой хувы-' няд тебнгу-' ма понгоя-д,
 Один утро-*gen.* от встретить-*NVpst* шторм-*acc.px/pl.2sg.*

⁽⁵⁾ тамна сяхарт' нивы-д манэпавы-д.

Еще никогда *neg-2/2sg.pl.* видеть-*2/2sg.pl.*

⁽⁶⁾ И"и-л нано-м-д ямд хэн' моюпангу-ва,
 вода-*px2sg.* лодка-*acc.sg/px.2sg.* море-*gen.sg.* в.
 сторону бросать-*NV*

⁽⁷⁾ ядимзь, тире-т но" ня' лабопангу-0.

Стать.горячим-*inf* облако-*gen.pl.* также
 по.направлению обвалить-*1/3sg.*

⁽⁸⁾ Ялэмд" понган', харто' пэбтарангуд-"ма,
 Рассвет-*acc.sg/px.3pl.* сеть-*dat.sg,* они.сами
 запутаться-*NVpst*

⁽⁹⁾ хамби-д пэда-сь марць' нид хэлкадаңгу-".

Волна-*acc.sg./px.3sg.* устать-*inf.* плечо-*gen.sg.* с
 возвратиться-*3/3sg.*

[Пичков 2000], перевод на ненецкий В. Н. Ледкова, орфография
 сборника.

П. А. Явтысый славит не только физическую, но и творческую работу:

Радость – творчества сестра.

...Коль печален ты с утра,

если сердца боль остра,

и ты зябнешь у костра,

*то найди слова для песни.
И с той песнею воскресни!*

[Явтысый 2009: 86] (перевод. В. Гордеева)

Исторический период, на который пришлось становление северян как поэтов, заложил в них непреходящий оптимизм, твердую уверенность в разумном развитии человека. Присущая «Сельским поэмам» печать глубокого патриотического подъема, сознание всей ответственности выступления поэта как поборника возрождения «традиционного» труда, воспетого Вергилием, открыто заявлена в стихах ненецких авторов.

П. А. Явтысый обращается к молодежи:

*...Молюсь,
Чтоб по заветным вехам
вам отыскать пути домой,
чтоб каждый вновь стал «человеком» (ненец – ‘человек’ –М. Л.)
И принял опыт вековой...*

[Явтысый 2009: 167] (Перевод В. Гордеева)

*Сижу, пока не рассвело,
Чтобы слова для песен отыскать,
Чтобы рыбак держал свое весло,
Так, чтобы птицей к карбасу взлетать,
И чтоб пастух спокойно стадо пас,
Чтобы костер его пылал, не гас,
И чтобы песня ладилась для всех
И обещала радость и успех.*

[Пичков 2008: 329]

Воспевание единства с природой в традиционном труде пришло к ненецким поэтам не как подражание античным образцам (на ФНКС не преподавали античную поэзию в широком объеме), но как видение мира, сложившееся под влиянием разных событий того времени, в которое они жили, конкретного исторического периода развития и их родного, ненецкого народа, ненецкого языка, традиционного хозяйства, и всей страны.

Конечно, творчество таких разных во времени и в пространстве авторов как римский аристократ Вергилий, владелец земельного надела близ Мантуи, родившийся за 70 лет до н.э., и ненцев, родившихся в тундре почти в середине XX века должно все же отличаться. Творчество Вергилия, особенно в «Георгиках», обращения к природе, носят назидательный характер, тогда как в стихах ненецких писателей природа – олени, собаки, стойбище – неотъемлемая часть существования человека, стихи их наполнены аллюзиями тундры.

*И я как бы вновь
сердцем понял тогда
как дорого мне и любимо все тут:*

*и эти кочевья,
и эти стада,
и в тундре студеной
веселье и труд.*

[Явтысый 2009: 152], (перевод В. Гордеева)

Формирование и воплощение в ненецкой поэзии соответствующего античного «буколического» подхода (противопоставление традиционной и нарождающейся урбанистической культур) показывает как единство ощущения согласия творческого человека с природой, так и схожесть поэтической формы выражения этого согласия и стремления сохранить его независимо от места, времени и напластования культурных традиций.

Эта статья была написана в результате неоценимой помощи вдовы и дочери П. А. Явтысого – Лили и Ларисы, предоставивших ряд изданий стихов поэта; Зои Степановны Ивакелевой, сотрудника отдела Севера Ненецкой центральной библиотеки им. А. И. Пичкова, помогавшей ориентироваться в книгах и газетных подшивках; моих коллег в разных городах, с которыми мы обсуждали процессы становления авторской литературы на Севере – всем приношу искреннюю благодарность.

Условные обозначения поверхностных грамматических показателей

- 1, 2, 3* – лицо деятеля или обладателя (посессора)
- 1/, 2/, 3/* – типы спряжения
- abl* – аблатив (отложительный падеж)
- car* – caritív (лишительный падеж)
- cl* – клитика
- cntr* – контрастивный показатель
- dim* – диминутив (уменьшительный показатель)
- dat* – датив (дательно-направительный падеж)
- emph* – эмфатив (усилительная форма или конструкция)
- fut* – будущее время
- gen* – генетив (относительная форма имени)
- inf* – неопределенная форма глагола
- loc* – локатив (местный падеж)
- neg.v* – отрицательный глагол
- NV* – отглагольное имя
- nom* – номинатив (немаркированный падеж)
- prtpr* – particip present (причастие настоящего времени)
- px/sg.3pl.* – притяжательный тип склонения, субъект 3 лицо ед.ч. объект мн.ч.;
- px/sg.2pl.* – если число объекта не указано, значит нет поверхностного маркера этого значения.

Использованная литература

- Ađkor J. 1933. Oqtabr revolučija ǰarm ǰana jileǰa tanzahaǰ ǰamgəm tasa? / ǰenəǰa wadawna N. **Pyerka padnaǰ; G. Prokofjew manəsarǰadaǰ. (Что дала октябрь-**ская революция народам, живущим на Севере? / На ненецком языке написала Н. Пырерка, редактировал Г. Прокофьев). L.: Lenpartizdat.
- Jadeǰ wada (Новое слово). 1934. G. Prokofjew padadaǰ. M.–L.: Učpedgiz.
- Nenəǰaǰ wadakuǰ. (Ненецкие сказки). 1935. L.: Ogiz – Detgiz
- Toulouze E. 2004. The beginning of and literacy and literature among the Tundra Nenets // JSFOu 90. Helsinki. 2004. P. 215–229.
- Вормс А. Э. 2003. Беседа с Л. Н. Толстым о Вергилии / публикация и биогр. справка И. В. Егорова и Н. И. Шлёнской // Яснополянский сборник – 2002. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна». С. 228–235.
- Воскобойников М. Г. 1967. Голоса литераторов Севера. (Заметки о литературах малых народов Крайнего Севера) // Просвещение на Крайнем Севере. Л.: ЛО Просвещение. С. 173–184.
- Вылка Н. С. 1938. Марья. I пеля / Г. Д. Вербов манэсарнгадаś, луца вадавна пададаś. Л.: Гослитиздат. (I часть. / Редакция, перевод на русский язык и примечания Г. Д. Вербова).
- Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. 1965. Греческая литература // Хрестоматия по античной литературе. В 2-х томах. Том 1. М.: Просвещение.
- Пичков А. И. 2000. Куда бегут мои олени / перевод на ненецкий язык В. Н. Ледкова. С-Пб.: ЛО Просвещение.
- Пичков А. И. 2008. Сыновья метелей. Нарьян-Мар.
- Публий Вергилий Марон. 2006. Буколики. Георгики: сб. пер. с лат. С. Шервинского. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига.
- Тулуз Е. 2003. Между прошлым и будущим // Ненецкая литература. Москва: Литературная Россия. С. 17 – 23.
- Ледков В. Н. 2003. В кн. Чупров А. В. Творческая исповедь Василия Ледкова / Аргиш человеческих судеб. Нарьян-Мар. с. 3–11.
- Явтысь П. А. 1994. Авенир Авенирович Торков – Няръяна Маркы ненэцие” школа–интернат’ серм пэртясь (– делал дело Нарьян-Марской ненецкой школы-интерната) // Няръяна вындер (Красный тундровик) № 172 от 03.11.94.
- Явтысь П. А. 2000. Няхар” янди́ро’ тале (Тайны трех миров) / перевод. В. Гордеева. Нарьян-Мар.
- Явтысь П. А. 2009. Семь кочевий к горизонту. Книга 1. Нарьян-Мар.

Электронные ресурсы

- Глафира Макарьевна Василевич (биография) – http://tvsh2004.narod.ru/lcp/vasilevich_gm.html
- Лингвистический энциклопедический словарь – <http://genling.ru>.
- Литературная карта Архангельской области – <http://writers.aonb.ru/map/nao/zapol.htm>
- Чумак Е. Г. Процесс становления письменности и разработки учебников на родных языках в Ханты-Мансийском округе в 20–50-е гг. XX века. – http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a6/c194-199-chumak.htm

Параметрические особенности ненецкого словаря

Последнее время основным делом жизни А. И. Кузнецовой является уралистика, а любимой темой в ней – самодийские языки, среди которых особенно много внимания и сил А. И. Кузнецова посвятила селькупскому языку. Однако на сегодняшний день единственным самодийским языком, лексика которого представлена в достаточно полном словаре, является ненецкий. Это обстоятельство и вынуждает нас обратиться к анализу ненецкой лексики в надежде, что этот анализ окажется уместным вкладом в сборник, посвященный юбилею А. И. Кузнецовой.

Источником нашего исследования является Ненецко-русский словарь Н. М. Терещенко [Терещенко 1965а]. К сожалению, электронная база данных, созданная на базе этого словаря с участием студентов ОТиПЛа Воронежского госуниверситета, пока ещё далека от совершенства и не в полной мере отражает содержание словаря. Наши усилия устранить этот недостаток дали лишь частичный эффект. В итоге база содержит около 20000 слов, тогда как словарь-источник содержит около 22000 слов. Недостача 10% слов, конечно, существенна, но, как хотелось бы надеяться, не настолько, чтобы результаты анализа нашей базы следовало бы признать неинформативными.

Исходной целью нашего анализа было выделение параметрического ядра ненецкой лексики по методике В. Т. Титова [Титов 2002, 2004]. Следует отметить, что параметрический анализ лексики, предложенный В. Т. Титовым, является фактически перенесением идей параметрического анализа морфем, предложенного в А. И. Кузнецовой в её докторской диссертации [Кузнецова 1986], с морфемного на лексико-семантический уровень.

Поскольку полученные нами результаты парадигматической стратификации ненецкой лексики представляются неудовлетворительными, мы ограничимся стратификацией ненецкой лексики по трем параметрам: длине, многозначности и синтагматической активности.

1. Распределение ненецкой лексики по длине

Самый технологичный способ определения длины слов – в буквах. Для ненецкого языка, письменность которого ориентирована на «особенности русского правописания» [Терещенко 1965b: 861], этот способ чреват искажением языковой реальности, что особенно нежелательно для самых важных в языке – коротких слов. С целью приближения количества букв к количеству звуков предприняты следующие пре-

образования письменного облика ненецких слов, превращающие их написание в практическую транскрипцию, единственное назначение которой сделать количество букв равным количеству звуков.

В связи с этим удаляется буква Ъ, обозначающая мягкость предшествующего согласного, а в начале слова осуществляются следующие замены: Я > ЙА, Ю > ЙУ, Ё > ЙО, Е > ЙЕ, И > ЙИ. Также удаляются скобки и прочие символы, не связанные с передачей звуков за исключением Ъ, выполняющего разделительную функцию. Например, ненецкое слово *евАльѳте(сь)* записывается как *йевАльѳтес*, потому что в начальной позиции Е обозначает два звука [ЙЭ], а диграфу ЪЕ в середине слова также соответствует 2 звука: [ЙЭ], тогда как диграфу СЬ соответствует один звук [С']. Тем самым обеспечивается приближение числа букв к числу звуков, что позволяет, подсчитывая длину слова в символах, судить о его длине в звуках.

Распределение ненецких слов по длине представлено на Рис. 1.

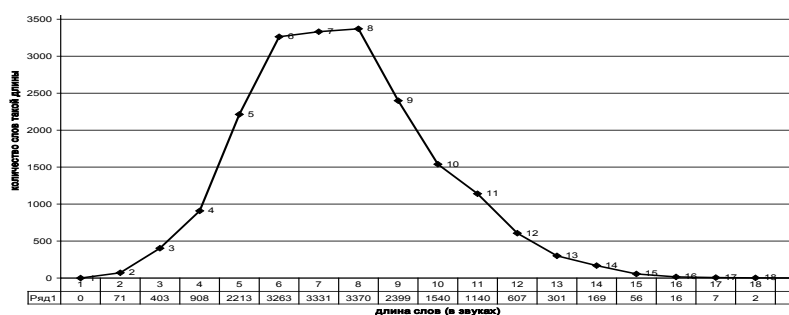

Рис. 1. Распределение ненецких слов по длине в словаре Н. М. Терещенко.

Как следует из Рис. 1, типичная длина ненецкого слова располагается в интервале 6–8 звуков. Незначительно преобладают слова длиной в 8 звуков.

Наибольший интерес представляют слова минимальной длины (2–4 звука), поскольку это корневые слова, составляющие ядро лексики.

Следует отметить, что среди этих слов заимствований из русского языка (или через русский язык) сравнительно мало: *бант* – бант; *баня* – баня; *бинт* – бинт; *винт* – винт; *враг* – враг; *герб* – герб; *каша* – каша; *кино* – кино; *клуб* – клуб; *май* – май; *март* – март; *метр* – метр; *меч* – мяч, сшитый из оленьей шкуры; *перо* – перо; *печь* – печь, печка; *пила* – пила; *план* – план; *плат* – платок, шаль; *порт* – порт; *рубель* – рубль; *сад* – сад; *семья* – семья; *сёрт* – черт; *солк* – шелк; *союз* – союз; *тус* – туз; *указ* – указ; *флаг* – флаг; *хорб* – короб; *цех* – цех; *час* – час; *шаль* – шаль.

Двузвучными словами ненецкого языка являются следующие полнзначные слова: **ас** – овца; **я** – земля, суша, материк; **я** – мука; **е** – сосна; **и** – ум, разум; **ё** – желудок хищной рыбы; **ю** – узел; **ю** – запор для ловли рыбы, заездка, запруда; **ко** – амбар, сарай; **лы** – кость; **ма** – молоко; **ми** – сразу, разом; **мы** – еда, что-либо съестное; **мю** – перекочевка (расстояние от одной стоянки до другой), протяженность пути; **не** – женщина; **нё** – входное отверстие чума, 2) дверь; **ни** – ремень; **ню** – дитя, ребенок; **ня** – брат; **ңа** – бог подземного мира (по ненецким поверьям самое могущественное божество); **ңо** – остров; **ңо** – краска (преимущественно сурик); **ңу** – шест, жердь (для чума); **ңэ** – нога (человека); **ни** – ночь; **ни** – пространство вне помещения; улица; **но** – год (делится на две части; **ну** – та часть ножа, скребка т. п., которая вставляется в рукоятку; **ну** – часть женской шапки ниже затылка; **ну** – подстилка из тонкой шкуры (которая подкладывается на доску под выделяемые изделия); **нэ** – камень; **нэ** – стекло; **ня** – дерево; **са** – волокно (напр. каната, веревки, ниток); **се** – смола; **сё** – горло; **си** – отверстие, дыра, брешь; **сы** – быть скаредным, скопидомом; **та** – мена, обмен; **ти** – направление, по которому легче разделить, разбить что-л. на части (напр. направление, по которому раскалываются дрова, разделяются жилы); **ти** – поперечный шест над очагом; **то** – похожий на кого-что-л., как и кто-что-л., вроде кого-чего-л.; **ту** – огонь; **ты** – олень (домашний); **тю** – рукав; **ха** – ухо; **хо** – береза; **ху** – ложка; **ху** – утро; **ху** – шкура овцы, овчина; **хэ** – водоворот.

Структура всех корневых слов за исключением одного (**ас** ‘овца’) – CV. Слово-исключение является, по-видимому, культурным словом алтайского происхождения. Ср. чув. **аӕ** ‘мясо’ [СИГТЯЛ-2001:455].

Трёхзвучными словами ненецкого языка являются следующие полнзначные слова: **апы** – медведь иносказ.; **бот** – бот (небольшое моторное судно); **вад** – загон из нарт, куда загоняют ездовых оленей, чтобы поймать нужных; **вӕе** – один (из парных членов тела человека или животного); **вай** – злой, злонамеренный, недобрый, лихой; **вӕк** – край; **вал** – завешание; **вар** – край чего-л.; **вӕр** – грязь; **вась** – сказать; **вӕц** – свыше, сверх чего-л.; **ваць** – загородить, обнести забором, изгородью; **ваць** – ободрать, содрать (березовую кору); **выд** – настойчивость, упорство; **вык** – настойчивое выпрашивание чего-л.; **вын** – бечевка, на которую надевается и при помощи которой выпускается стрела; **вэ'** – плохо; **вэс** – край, конец; **ед** – котел; **ен** – конопля; **ен** – тетива (лука); **ёр** – глубина, глубь; **ёр** – забава; **ес** – больно; **есь** – пасти оленей (ночью), караулить, стеречь; **есь** – понадеяться на кого-что-л.; **ець** – пнуть ногой; **ец** – насквозь; **ёць** – потерять, утерять; **ёць** – проглотить целиком (о хищной рыбе); **ея** – нюк (верхняя зимняя покрывка чума мехом наружу); **ид** – писк (мышь, горностая и т. п.); **ид** – вода; **ий** – зять, муж

дочери или младшей сестры; **ик** – шея; **ир** – рядом, напротив; **ӣць** – окантовать, обшить что-л.; **лйб** – осколок, обломок; **лаб** – звук, издаваемый при колыхании чего-л.; **лйд** – торс (верхняя часть туловища человека от пояса до шеи); **лад** – удар; **лай** – предмет, который используют для метания (напр. аркан, топор); **лйк** – быстрый, скорый; **лар** – ларь; **лив** – мягкий пушистый осенний снег; **лук** – глухарь; **лус** – кривой, искривленный, вывернутый; **лэё** – пламя; **лэк** – лентяй, ленивец; **ляб** – маленькая модель чума (3 палочки, покрытые лоскутами старой шкуры – оставляется на том месте, где умер кто-л. из взрослых людей); **ляр** – ерш (рыба); **мйд** – переправа; **мад** – лай (собаки, лисицы, песца); **мал** – конец; **мал** – закрытый, замкнутый со всех сторон; **ман** – хлеб иносказ.; **мар** – самец дикого оленя; **мйсь** – кончить, окончить, закончить, завершить что-л.; **мас** – пространство на груди до пояса между верхней и нижней одеждой или между одеждой и телом (используется вместо карманов); **меч** – мяч, сшитый из оленьей шкуры; **мея** – невестка, сноха (жена сына, жена младшего брата, жена младшего брата мужа); **мин** – движение, бег; **мир** – мир (не война); **мир** – товар; **мӣр** – фигура, форма; **мись** – сделать, построить, соорудить, изготовить, смастерить; **мись** – сделать таким, каким нужно, придать надлежащий вид (напр. шерсти, рогам животных); **мись** – стать таким, каким нужно, принять надлежащий вид (напр. о шерсти, о рогах животных); **миць** – дать, выдать; **мось** – бросить, кинуть; **муё** – разлив после дождя или после таяния снега; **мун** – кусок; **мур** – выемка стопы; **мыд** – печень, макса; **мын** – брюшная часть (рыбы), тешка; **мэсь** – взять, захватить кого-что-л.; **мюй** – нутро; **мяв** – мед; **мяд** – чум; **цаи** – далекий, отдаленный, дальний; **ца̄р** – рычание (собаки); **ца̄р** – величина; **на̄ць** – выделать шкуру; **цац** – молодой, юный (о человеке); **ня̄я** – шкура для выделки; **нён** – одна из вертикальных палок, которые прибиваются к гробу по углам; **нер** – белок (яйца); **нер** – раньше, прежде; **нёр** – один из двух (олений, людей), которые постоянно находятся вместе; **нес** – муж и жена, супруги; **нея̄** – тетка, младшая сестра матери; **не̄я** – налим; **ний** – верхний, находящийся сверху; **нин** – продольная перекладина (у нарты); **нир** – весенний затвердевший снег на поверхности льда; **нир** – рукоятка, черенок; **нись** – освободиться, спастись; **ниць** – отелиться; **ноб** – один, одна, одно; **ной** – сукно; **нусь** – стоять; **нусь** – стоить; **ный** – ручной, смиренный (о животном), не пугливый; **нын** – лук (оружие); **цэв** – сват, занимающийся сватовством; **нэсь** – быть открытым, раскрытым, запахнутым; **нэсь** – открыть, раскрыть, отворить; **нэсь** – открыться, раскрыться, отвориться; **цэсь** – быть; **нюл** – тина; **нюць** – потянуть, потащить; **нюць** – считать своим ребенком; **няк** – нерпа; **няк** – нерпичьи пимы; **нян** – хлеб; **няр** – говорить наперекор; **няс** – родственники; **няц** – трахоматозный; **пыд** – сзади;

пый – задний; **пый** – тяж, при помощи которого олень, везущий грузовую нарту, присоединяется к задку идущей впереди нарты; **пыр** – ржавчина; **пыць** – подуть; **пыць** – затечь (о ноге, руке); **пйд** – заход, закат; **пйй** – кривой; **пйл** – тайм, веха, наклоненная в ту сторону, куда надо ехать; **пад** – мешок; **пад** – палка с просверленными отверстиями и крюком на конце, служащая для подвешивания над огнем котлов и чайников; **пан** – нижний край (напр. нюка); **пат** – чехол (для ружья); **пев** – место, где река вытекает из озера; **пед** – блюдце; **печ** – печь, печка; **пи'** – ночью; **пий** – ночной; **пин** – страх, боязнь, испуг; **пир** – высота, вышина; **пир** – камбиальный слой березы; **пись** – свариться; **пис** – покрывало из шкур или сукна для женских нарт; **под** – дорога по лесной просеке, над которой деревья соединяются своими вершинами; **пой** – верховное божество. тайм., миф.; **пос** – дуновение; **поць** – считать (какой-л. отрезок времени) за год; **пуд** – то, что придает равновесие, устойчивость чему-л. (напр. позвоночный столб, сердцевина дерева); **пуй** – личинка жука; **пук** – мясистая часть ноги (птицы или животного); **пул** – мост; **пун** – вера; **пус** – лоскут, клоч, кусок (шкур, материи); **пуць** – использовать в качестве подстилки при выделке шкур; **пыв** – свежий, сухой (о ветре, погоде); **пыд** – туловище; **пык** – тесный, узкий (об одежде); **пЫлр** – окрик, относящийся к собаке, чтобы она погнала оленей; **пэв** – тьма, темнота; **пэсь** – начать заниматься чем-л., приняться за что-л.; **пэць** – иметь камень; **пюсь** – искать; **пйй** – колчан; **пйк** – название одной из родовых групп лесных ненцев; **пйсь** – начать; **пйсь** – стрелять (напр. в медведя) иносказ; **пйат** – звук тяжелого дыхания (после быстрого бега или во время жары); **рат** – сковородка; **сйб** – заряд (патрона); **сйл** – пеня; **сйл** – плата, платеж, уплата, выкуп; **сйц** – сильно; **саб** – густой осадок, который остается после вытапливания жира из рыбьих кишок и голов (им смазывают мездру и ровдугу шкур, чтобы они лучше выделялись и не рвались при обработке); **сал** – отрезок времени, в который что-либо происходит; **сан** – бульканье, плеск (рыбы в воде); **се'** – чехол, футляр, покрывка; **сед** – смола (дерева); **сей** – сердце; **сел** – невестки, жены братьев (по отношению друг к другу); **сел** – цель, мишень; **сен** – карман; **сен** – узенькая металлическая цепочка (служит для украшения); **сер** – дело; **сёр** – самое глубокое место в море (которое мыслится как бездонное); **сёсь** – быть временно оставленным на обычных путях кочевий (о вещах, которые не нужны для данного периода времени); **сёсь** – оставить временно на обычных путях кочевий (вещи, которые не нужны для данного периода времени); **сид** – маленькая певчая птичка, которая кладет яйца два раза в год; **сид** – в далекое место, неизвестно куда; **сид** – предвестник чего-л. дурного (напр. болезни, смерти); **сид** – вроде, наподобие, нечто вроде... (о неважном предмете, который употребляется за неимением хорошего);

сий – дырявый; *сир* – пепел; *сИсь* – черный жук; *сиць* – продырявить; *сось* – быть слышным, слышаться; *соць* – вычерпать что-л.; *суд* – суд; *сьв* – зима; *сэв* – глаз; *сэд* – плотная глинистая почва, удерживающая на своей поверхности воду; *сэд* – вкось, вкривь, криво, наискось; *сюд* – свист; *сюн* – пар; *сюр* – вращение; *сюсь* – подавиться, поперхнуться; *сяв* – чешуя рыбы; *сяд* – лицо; *сяд* – горный кряж; *сяй* – чай; *сял* – степень запутанности веревки; *сян* – две плоские костяшки, скрепленные ремнем на узде оленьей упряжки; *сяр* – табак; *сяр* – кожа (под волосами); *та'* – впору (напр. об одежде); *таб* – песок; *тав* – закупорка; *тад* – потом, затем; *таё* – берестяная подстилка в люльке; *тай* – таймень (рыба); *тай* – лоб; *тась* – целый, весь; *тем* – подвязка (пимов); *тер* – содержимое чего-л.; *тет* – четыре; *тид* – зависть; *тид* – поперечный шест над очагом (таких, шестов в чуме всегда два, между нами укрепляется крюк для подвешивания котлов и чайников, на них, вешают для просушки одежду и употребляют их вместо полки); *тир* – наточиваемая поверхность ножа; *тир* – облако; *тись* – сидеть (напр. на нарте, в лодке, в поезде, на пароходе); *тись* – сесть (напр. на нарту, в лодку, в поезд, на пароход); *тись* – причесать, расчесать (волосы); *тись* – полететь, улететь; *тод* – рвота; *тось* – соболю; *туць* – гореть – об огне; *тэць* – вытереться, утереться; *тэць* – иметь оленей; *тэць* – собрать ягоды; *тэць* – стечь, натечь, набежать (о жидкости); *тюр* – хорей (длинный шест, при помощи которого понукают оленей в упряжке); *тюсь* – войти, зайти куда-л., к кому-л., во что-л.; *тюсь* – угощение во время свадьбы; *тюсь* – вежа; *тюць* – иметь рукава, быть с рукавами; *тюць* – поставить, расставить вежи (на дороге); *хал* – жадный (на еду), прожорливый, ненасытный; *хал* – туманность, пар, туман; *хал* – верхний слой почвы с перегноем на возвышенном месте около обрыва или реки; *хан* – нарта, сани; *хан* – шест, на который вешается голова животного, приносимого в жертву; *хар* – нож; *хась* – умереть, погибнуть, пропасть; *хой* – гора; *хор* – печь; *хор* – бочка; *хось* – найти, отыскать, разыскать; *хоць* – сходить за кем-чем-л.; *хун* – длина дороги; *хуць* – отогнать кого-л. (напр. защищаясь); *хый* – окрестный, близлежащий, находящийся поблизости; *хыр* – седина; *хэб* – оса; *хэв* – сторона; *хэд* – вредный, злой; *хэсь* – сделаться, стать кем-чем-л., каким-л.; *шар* – табак; *юд* – десять; *юн* – известие, весть, новость; *юн* – протока; *юр* – жир; *юр* – столетний; *юсь* – перегородить реку запором (см. *ю*); *юць* – разрубить на куски (мясо, рыбу и т. п.); *яб* – счастье, удача; *яй* – мясистая часть груди (птиц, животных); *як* – то, чего добились, стоя над душой; *ял* – ревность; *ял* – без примеси, без добавления чего-л.; *ял* – месть за причиненную обиду, оскорбление со стороны шамана, духа; *яр* – плач, звуки плача; *ясь* – расколоть кость (чтобы вынуть мозг); *ясь* – головня; *ясь* – волосинка, шерстинка; *яць* – пользоваться землей.

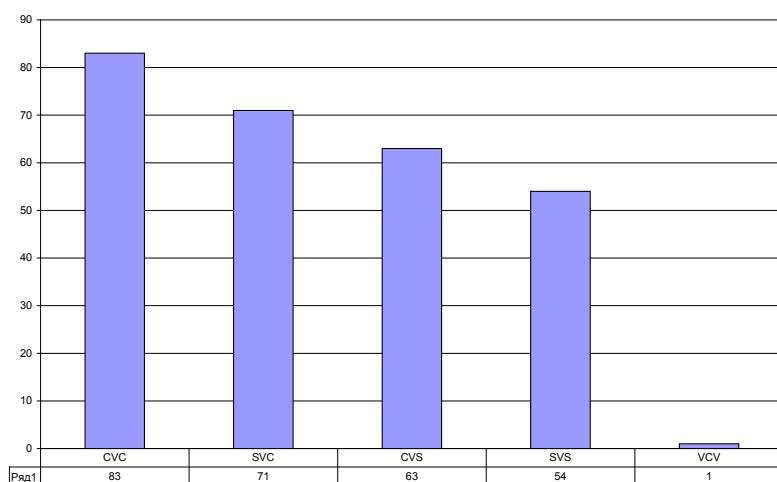

Рис.2. Структура трёхзвучных корневых слов ненецкого языка (С – консонант, S – сонант, V – вокал).

таңз, таңы, таңэ, таңя, тара, таро, тасо, тато, тебт, тёңз, теңя, тёхо, техэ, тибя, тидю, тимз, тирць, тоба, това, то'ң, тора, тукэ, туңи, туриць, туху, тыма, тыңа, тыңз, тыра, тыриць, тэмг, тэңз, тэрв, тэта, тюва, тюмю, тюңд, тюңя, тяриць, хабт, хабя, хава, хавы, хада, хадё, хады, хало, халы, халя, хама, хамд, ханё, ханз, хара, харв, харе, хари, хаса, хаси, хато, хило, хоба, холм, хора, хоре, хорць, хоця, хув', хувы, хумб, хунт, хуры, хуса, хусо, хуты, хутю, хуця, хыдя, хыри, хэ'н, хэбт, хэв', хэва, хэдо, хэңг, хэнё, хэнз, хэхэ, юдэ, юмб, юмз, юңз, юно, юра, юре, юху, яба, ябе, яв', ява, яде, якэ, яле, ялм, ялэ, яля, ямб, ямд, ямз, я'н, яна, янз, яну, яңы, яра, яриць, яриць.

Структура четырёхзвучных слова представлена на Рис.3.

Среди четырёхзвучных корневых слов ненецкого языка преобладают двусложные слова структуры CV-CV (66%). На втором месте – односложные слова структуры CVCC (33%). Крайне редки двусложные слова структуры V-CVC (1%). Таких слов всего три: *абэй* – абэй (сильный злой дух); *акар* – порода собак; *идесь* – вздумать, задумать, надумать, собраться (что-л. сделать).

Соотношение данных структур представлено на Рис. 4.

Максимальную длину имеют слова: 17 *мэ'цэймдайбтембй(сь)* *длит.* приукрашивать, принаряжать; *ңэ'ртамбайбтембй(сь)* *б.-з., длит.* подпаивать.; *ңамгэхэртасялворнь* *мн.* становится неимущим; *разоряться*; *ңамгэхэртасялмде(сь)* лишить имущества, обобрать, разорить; *нямдхорця'лмдембй(сь)* *длит. по гл. нямдхорця'лмде(сь)*; 18

ңатенйвасялмдембй(сь) *длит.* истощать чъё-л. терпение; 19 **какагар-какагар-гарлы** подражание крику гагары перед жаркой погодой.

2. Синтагматическая стратификация ненецкой лексики

Параметрический анализ В. Т. Титова предполагает оценку синтагматической активности слов по количеству фразеологизмов с их участием. Применительно к словарю-источнику более уместной представляется оценка синтагматической активности слова по количеству иллюстративных речений с данным словом, выполняющим роль синтагматического веса слова на массиве словаря. Предполагается, что чем больше синтагматическая активность слова, тем больше иллюстративных речений даётся при нем в словарной статье и наоборот.

По количеству речений слова в словаре-источнике распределяются следующим образом (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение слов по количеству иллюстративных речений

ФС	Слов	Накопл.	С-вес
206	1	1	0.99995
94	1	2	0.99990
85	1	3	0.99985
73	1	4	0.99980
55	1	5	0.99975
47	2	7	0.99965
45	1	8	0.99960
44	1	9	0.99955
40	2	11	0.99944
39	1	12	0.99939
38	1	13	0.99934
37	1	14	0.99929
36	1	15	0.99924
34	1	16	0.99919
33	2	18	0.99909
31	1	19	0.99904
30	2	21	0.99894
29	2	23	0.99884
28	1	24	0.99879
26	3	27	0.99864
ФС	Слов	Накопл.	С-вес

23	2	31	0.99843
22	4	35	0.99823
25	2	29	0.99854
21	1	36	0.99818
20	5	41	0.99793
19	4	45	0.99773
18	2	47	0.99763
17	6	53	0.99732
16	9	62	0.99687
15	9	71	0.99641
14	18	89	0.99551
13	17	106	0.99465
12	12	118	0.99404
11	17	135	0.99318
10	23	158	0.99202
9	43	201	0.98985
8	66	267	0.98652
7	72	339	0.98288
6	117	456	0.97697
5	204	660	0.96667
4	369	1029	0.94803
3	836	1865	0.90581
2	1967	3832	0.80647
1	7078	10910	0.44902
0	8891	19801	0.00000

Приведём слова с максимальной синтагматической активностью (до 10 речений включительно; с указанием числа речений): 206 **и** ум, разум; 94 **сэв** глаз; 85 **и”(д)** вода; 55 **я** земля, суша, материк; 47 **цэва** голова; 47 **сей** сердце; 45 **инд”(д)** дыхание; 44 **вада** слово (звуковое выражение понятия о предмете); 40 **яля** день; 40 **пя** дерево; 39 **цуда** рука; 38 **пяя** нос; 37 **мерця** ветер; 36 **мэ’ць** держать, иметь у себя, владеть кем-чем-л.; 34 **пэръць** делать что-л., заниматься чем-л.; 33 **сер”** дело; 33 **хан** нарта, сани; 31 **ирий** луна, месяц (светило); 30 **сёнзя** нутро; 29 **ха** ухо; 28 **цэ** нога (человека); 26 **поңгй** невод, сеть; 26 **сйй** чай; 25 **маха** спина (человека, животного); 23 **лы** кость; 23 **ха”ма(сь)** сойти, спуститься, слезть откуда-л.; 22 **сюрмбй(сь)** бежать (о человеке); 22 **еся** железо; 22 **ту** огонь; 22 **мя”(д)** чум; 21 **ся”(д)** лицо; 20 **по** год (делится на две части); 20 **нум’** небо; 20 **мю** перекочевка (расстояние от одной стоянки до другой); 20 **лабце(сь)** прилипнуть, прильнуть,

пристать к чему-л.; 19 **вѣта** лишний, излишний, свободный; 19 **по'(н)** промежуток (в пространственном и временном значении) перерыв; 19 **ябта** тонкий, узкий; 18 **падар"** бумага; 18 **ѣльць'(н)** время, пора, срок; 17 **ня** брат; сестра; 17 **мэсь** взять, захватить кого-что-л.; 17 **хара** изгиб, извилина; 17 **ед** котел; 17 **пѣны** одежда; 16 **не** женщина; 16 **хал** метель, пурга, вьюга; 16 **едѣй** новый; 16 **ты** олень (домашний); 16 **си** отверстие, дыра, брешь; проем; 16 **иба** теплый; 16 **нямю** язык (орган в полости рта); 15 **царка** большой, крупный; рослый; 15 **нѣбя** игла, иголка; 15 **ханѣрць** легко и свободно двигаться, бежать (об оленях, о судне); 15 **хось** найти, отыскать, разыскать; 15 **вато** обещание; 15 **цацекы** ребенок; 15 **хэбидя** святой, священный; 15 **мы'(н)** сытость; 14 **ямнарырць** бродить; 14 **цухуд** верхняя губа; 14 **сармик** волк; 14 **пир** высота, вышина; 14 **сѣ** горло; 14 **ябто** гусь; 14 **илена** живущий; 14 **иле(сь)** жить, проживать, обитать где-л.; водиться (о животных); 14 **пый** задний; 14 **пэ** камень; 14 **юно** лошадь, конь; 14 **пи** ночь; 14 **ѣць** потерять, утратить; 14 **тальбя** скала; 14 **сыра** снег; 14 **хувы** утренний; 13 **ненэй** настоящий, подлинный; 13 **есер"** парус; 13 **ненэся** правда; 13 **иня** ремень; 13 **тахарумдаца(сь)** смешиваться, становиться смешанным, неоднородным; 13 **цворць** соединяться, объединяться, сливаться; включаться; вливаться; 13 **мэ'та** употребляемый; 13 **тарта** шерсть; 13 **вацг** яма, впадина; ложбина; овраг; ров; 12 **цэбт** волосы; 12 **хой** гора, хребет; 12 **вэ'я** кровь; 12 **та"цюй** плотный, жесткий; густой, крутой; 12 **неры** предыдущий, прежний; 12 **тоцдайбте(сь)** прикрыть чем-л.; 12 **мада(сь)** разрезать, срезать, отрезать, перерезать, вырезать; разрубить, срубить, отрубить, перерубить; распилить; 12 **сѣць** сильно; 11 **нѣ** входное отверстие чума; 11 **мѣр"(д)** город; 11 **ендя** горячий; 11 **хун** длина, протяженность; 11 **ямб** длинный; 11 **му'(н)** звук; 11 **вар** край чего-л.; 11 **пэ'дара** лес; 11 **нюдя** маленький, малый; 11 **лѣбце(сь)** наложить что-л. на что-л., приложить что-л. к чему-л. наклеить, наклеить что-л. на что-л.; 11 **нянь** хлеб; 10 **лѣк** быстрый, скорый; 10 **сѣцѣ** взор, взгляд; 10 **ѣря** глубокий; 10 **еся** деньги; 10 **мал** закрытый, замкнутый со всех сторон; цельный, сплошной; 10 **пэртя** занимающийся выполнением какой-л. работы; 10 **минзь** идти, двигаться, передвигаться; 10 **юн** известие, весть, новость; 10 **цѣворта** кушающий; тот, который ест; 2. едок; 10 **салаба** лед; 10 **цѣмза** мясо; 10 **нерте(сь)** обогнать, опередить кого-что-л.; 10 **еремзь** попасть, попасться куда-л., во что-л., подо что-л.; 10 **нема** сон (состояние); 10 **мѣнзѣхал"** спуск (ружья) спусковая пружина (ловушки); 10 **ибѣй** талый; 10 **хоба** шкура, шкурка (животного).

Остальную лексику приведём без значений: **9** – *цэсь, ѣндер", ню, саре, е"э'й, сехэры, еся'мзь, вары, сѣ'р", тиртицзь, лѣбцецгѣ(сь), хаѣ(сь), тэри, лацгѣхал"(д), хэв, сяр, енд"(д), мир", мо"на(сь), хубта, ерв, сава, ик, цѣдиберць*; **8** – *тидютя(сь), хылтая(сь), талморта(сь),*

лабя, яв', хамадярна(сь), миць, ялумд''(д), ңая, ёльце(сь), вано, хан-зота, хамдаба(сь), яңго, нярава, хасава, ялумзь, хад', несэй, хар, ңуя'мламб'ава, хае(сь), нися', хальмер, ив'ер', лека(сь), паңо, нерде-ня, халя, сибяко, хэсь, с'та, таламб'а(сь), вэ''(н), вэсако, тыбелць, ной, тубка, ңум', манэць, лад'а(сь), сяк'аць, ңамдта(сь), мацеда(сь), таркабтамб'а(сь), се'(н), лата; 7 – в'ярк, восток, вэ''(с), едець, едя,

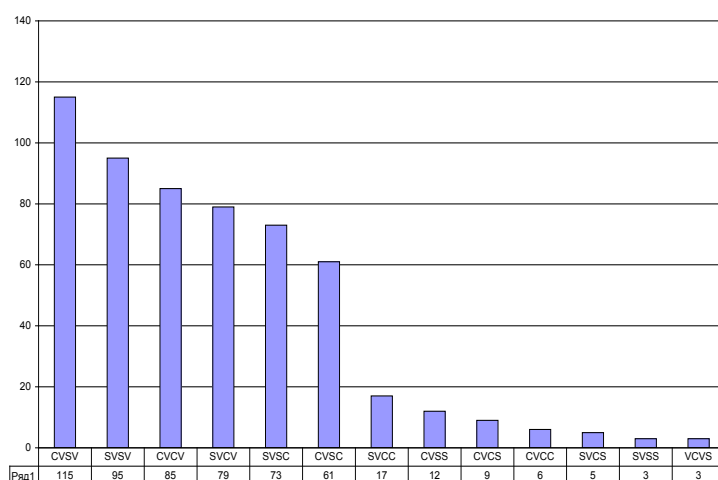

Рис.3. Структура четырёхзвучных корневых слов ненецкого языка (С – консонант, S – сонант, V – вокал).

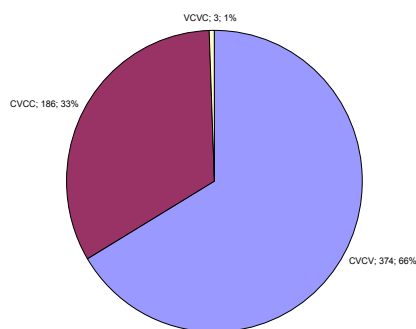

Рис.4. Соотношение структур четырёхзвучных корневых слов ненецкого языка (С – неслоговой звук, V – слоговой звук).

екар", ёмзя'(н), есе(сь), ламба", лата, лахана(сь), майдърць, мани', ма-
 нэсармы, мэ'не(сь), мэ'сы"(д), мэ'сь, нймдă(сь), џа"ленй(сь), џавър,
 џамдыця'ва, џанзер, џарворць, џоберё, џодя, џока, нохо, нюкця, ня"ъв,
 пыня', пайкльць, павэй, пере(сь), пухуця, пэвсюмбы, себя, сий, сырэй,
 сэр", сюртяв, тамна, тарка, таяха"ла(сь), теңя, туңи, тэра(сь),
 хабарпа(сь), хабця'(н), хада, хамада(сь), харад, холмрамбă(сь), хуб-
 та, хуримбă(сь), ядембада, ядэрць, яңня, яңго(сь); **Б** – воворць,
 ёльцерпă(сь), еңгăлĕ(сь), ензара(сь), есь, есьмде(сь), лăбцебте(сь),
 лабадяв, лакадă(сь), латă(сь), мăльяр", мăнряв, мал, марюй, машина,
 мерета, мин, минда, мэ'ва, мэ'ё, мяди"мялабтамбă(сь), џрбтацавэй,
 џамдă(сь), џате(сь), џахат, нёда(сь), нензел"(д), неновна, ненэй, нерад,
 нёрцюна, џохола(сь), џуця'да, нюм', ня'кэпă(сь), ня'яльць, няк, пайкль(сь),
 пайриденя, падвы, пили", пирта, пэвдя, пэсьдă(сь), сйбе, сйна(сь),
 сйрпя, савйк, сакадă(сь), седа, сертрев', сидер", сось, сыхыбта(сь),
 сядоць, сян, сянако, тйлă(сь), та, таңа, тарлмбава, тедта(сь), тер,
 тёръя(сь), тилебте(сь), тылыба(сь), тырцолабта(сь), ха"авра(сь),
 ха"морць, халворта(сь), халцана(сь), хамдаць, хамдпа(сь), ханаць,
 ханюй, харва(сь), хасабарць, хора, хумбанзи", хэхэ, юда(сь), юр",
 я, ябтик, явэнзь, ядара(сь), яде, яңо"(с), яр; **5** – вйделць, вабта(сь),
 вадă(сь), вомда(сь), вомзь, вэня', е, ё'(н), ёбта(сь), едĕй, ентĕ(сь),
 епă(сь), ёрка, еркар, ерцена(сь), есерць, есь, есяда(сь), ётя, ехэра-
 на, ея, запад, ил'(н), иле(сь), илева, лăб, лăд, лабас, лабта, лабцă(сь),
 ладбă(сь), лайкуць, латра(сь), лахамзь, ле"мă(сь), лекаңгă(сь), лембйак,
 леска, лыдабтара(сь), лэтра(сь), лядо(сь), лямбамзь, майдърпă(сь),
 мйкода, мйндал"(д), мйнзабта(сь), мйрнйна, мйтаңгă(сь), маланзь,
 масă(сь), молор", мось, мядолабтамбă(сь), на"волць, џабта(сь),
 џаби, џаво", џавонасялмде(сь), џадимде(сь), џамзасялăмзь, џамзь,
 џарка"я, џасрĕ, џатебя, џацă(сь), невхы, ненэць'(н), нибта, џобнзер',
 џобпирсумдамбă(сь), нуебте(сь), нумгы, џыльцă(сь), џылы, џэдторць,
 џэрĕй, џэртамба(сь), џэр'со(н)', ня"мя(сь), нявэй", нядĕ(сь), нямд,
 нйрхала(сь), нйтай(сь), пйдлă(сь), пйй, пйллă(сь), пйль"(д), пйра(сь),
 пйрм, пйрхалць, пан, пена(сь), пи'ся, пирия, план, пойда, пэ, пэбта(сь),
 пэбта(сь), пядă(сь), пйңгуй, сахамзь, саюв, сенз, сеп, серкă", сехэ,
 сидян', синё, сисё, сияк, сую, сыңгрĕ, сэлць, сэр'рако, сюр'(н), сюр-
 ня, табада(сь), тай, тара(сь), техэ, тлюй, тысья, тыямдамбă(сь),
 тэ, тэңз, тяңрик, тяхабта(сь), ха"мола(сь), хабт, хабцянзяда, ха-
 бэй, хадкэ(сь), хадкэпя(сь), хаер"(д), хайде(сь), хайна(сь), хайхалць,
 хамда(сь), хамдумзь, хана(сь), хане(сь), ханер", ханзе(сь), ханзося(сь),
 ханзпа(сь), ханий, хасалць, хасерць, хась, хо, холма(сь), хыдя, хынра(сь),
 хэвды, хэмзялмдембă(сь), хэскабтада, юсңако, ядабта(сь), ядэлава,
 ялма(сь), яльңеда(сь), ян"на; **4** – вй"лĕй, вйдри', вйерă(сь), вйерта(сь),
 вйрңэ, ва"ъв, ваңголабта(сь), ваңгота, варе", васоць, ватося'да, вэ'ль,

вэ'ңго, вэ'та(сь), вэ'хэрй(сь), е"э'лрота, едемзъ, едте(сь), едте(сь), ёльцебй(сь), ёльцева, ембдяр", еңгйле(сь), еңга, енелйва, енядйрць, ёр, ереберць, еркар, еся, ехэна, ибедорць, ибця'(сь), илй(сь), иле, ихи(сь), класс, комсомолец, лабадо(сь), лабаңгй(сь), лабара(сь), лабпй(сь), лабтэй, лабцйрць, ламдик, ланомзъ, лахаворць, лембя, лемз, лимбика, лимбя, лохомзъ, лохорта, лус, лымбйд, лэ"мор", лэтра"мй, лэхэрй(сь), мйдарй(сь), мйшкарць, мйирць, мйлибте(сь), мйрць, мйси", мйй'бцо, ма"ла(сь), манзъ, маномбй(сь), маноңобць'(н), мантырць, манъёрць, махада(сь), мая'(н), менюй, мерё, молмумданй(сь), молорпэй, муцйзмъ, мы, мэ'йра(сь), мэ'нева, нймдорць, на"мада(сь), навла(сь), навосана, навохэй, надиво"ма, намгэри, намдё(сь), намдёда, намзелтаня, намзилтй(сь), намня'лада, намя, нанинзер', нармбэй, натевлембй(сь), небя, нермбэрць, нерцйрць, ни, ний, ноба", нобңгэв', нокаркавна, нонер", нудахы, нуйнй(сь), ныда(сь), нйдпй(сь), ныкйльць, ныхы, нэдо"ла(сь), нэдхалңгй(сь), нэ'сы, нэся'(н), нэ'хэбта(сь), нэ'хэдй(сь), нюдерць, нюлйртй(сь), нютй(сь), ня"мяна, ня'лкарй(сь), ня'мголтй(сь), ня'мдайда(сь), ня'нд, нява, няйда(сь), нялода(сь), нянз, нянзй'(сь), няр"лахана(сь), няравэй, пй"мя, пйдириць, пйңг, пйриде(сь), пйрм, пйрпй(сь), павэ, падй(сь), падар", паднй(сь), пайды, панй(сь), панда(сь), панта, пахй'(н), пед, пеля, пенё(сь), пи"(с), пива", пидя, пионер", пирйць, пись'(н), поезд, поёлта(сь), поёмзъ, посабта(сь), почта, пубта(сь), пудабта(сь), пудабта(сь), пудабтё(сь), пудана, пудёко, пулы, пун, пуромзъ, пырдайри', нэрабц, родина, сйвумзъ, сйңговоць, сйпда(сь), са, савлюй, сад, сайнорма, салмра(сь), сельбя, сентябрь, сера, сероць, сертабй(сь), сибй(сь), сидйць, сидяңг, сиеса, синзъ, сися'да, соены, сохо, сырць, сэр", сэр'ромзъ, сюдбя, сюрлабта(сь), сюрте(сь), сюрхале(сь), сюрць, сябылй(сь), сякйлтй(сь), сярбй(сь), сятаний, сятокуць, сяхабтё(сь), таб"ла(сь), табйць, табцй(сь), тале"ма, талкадёй, таңалць, тахарув, теба(сь), тёбси", тёңда(сь), теңдер", терва, тидхале(сь), то"лас, тондй(сь), тырабэй, тэва, тэса(сь), тэця'(ң), тэя(сь), тую'уй, тюла(сь), туюхула(сь), тяңёхортувңа, ха"ябтара(сь), хава(сь), хадабтё(сь), хадахалць, хаделерць, хаёда, хаена, хайхала(сь), халмаде(сь), халта(сь), хама, хамба, хамзеда(сь), хамзна, ханзуворць, ханзъ, хантанва, харей, харимбй(сь), хаса(сь), хасер", хахаялтембй(сь), хибяри, хобаси(сь), холка(сь), холкабта(сь), хомбй(сь), худамзъ, хумб, хуңгарць, хутена(сь), хый, хына(сь), хынтамбй(сь), хынхала(сь), хэ"ларць, хэ"энтэда(сь), хэвня', хэвсяда, хэдембэй, хэнарта(сь), цётка, ю, юңуй, юра(сь), юрка(сь), я"(с), я"авкабтада, ябе, яебтамба(сь), яебтяр", якэ, ял, ялкадарць, ялмы, яломзъ, янаць, яндахат, янимдаңгода, яңор"(д), ята"мй.

3. Эпидигматическая стратификация ненецкой лексики

Показателем эпидигматической активности слова является количество значений, выделяемых у слов в словаре. Наибольший вред такой оценке слов в словаре приносят дефиниции типа «в разн. знач.», ибо они указывают лишь на то, что значений более одного. К счастью, таких дефиниций в словаре-источнике всего 9. Распределение ненецких слов по числу значений в словаре-источнике представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Распределение ненецких слов по числу значений

Знач.	Слов	Накопл.
9	2	2
8	5	7
7	9	16
6	20	36
5	61	97
4	248	345
3	967	1312
2	3464	4776
1	15193	19969

К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет привести все значения многозначных слов, поэтому мы приводим слова, имеющие в словаре-источнике от 9 до 4 значений включительно, только с первым значением: **9** – *в́то* обещание; *л̄бцеңг̄й(сь)* липнуть, прилипнуть, лнуть, приставать к кому-чему-л.; **8** – *л̄бцеңй(сь)* липнуть, прилипнуть, лнуть, приставать к кому-чему-л.; *п̄рц̄ь* делать что-л., заниматься чем-л.; *х̄я”морц̄ь* падать; я земля, суша, материк; **7** – *еңг̄л̄е(сь)* тянуться, простираться (о местности); *иле(сь)* жить, проживать, обитать где-л.; *ири* дед, бабушка (отец отца или матери); *ңя* брат; *сыхыбт̄й(сь)* круто повернуть (чтобы затем легче было вытащить); *х̄я”а̄вр̄й(сь)* спустить, переместить вниз что-л.; *х̄я”а̄вр̄йм̄б̄й(сь)* спускать, перемещать вниз что-л.; *х̄я”а̄вр̄яңго(сь)* спускать, перемещать вниз; *х̄я”м̄й(сь)* сойти, спуститься, слезть откуда-л.; **6** – *еден̄й(сь)* оказываться на одной линии с чем-л.; *едець* оказаться на одной линии с чем-л.; *илебте(сь)* оживить кого-л. (напр. новорожденного ребенка, когда он родится бездыханным); *илебтем̄б̄й(сь)* оживлять кого-л. (напр. новорожденного ребенка, когда он родится бездыханным); *л̄бцебте(сь)* наложить что-л. на что-л., приложить что-л. к чему-л.; *ңа̄диберц̄ь* являться, появляться; *ңа̄димд̄яңй(сь)* являться, появляться; *пеңдел̄й(сь)* начать лопаться (о пузыре); *пеңдерц̄ь* лопаться (о пузыре); *сер”* в разн. знач. дело; *сыхыбт̄йм̄б̄й(сь)* круто повертывать (чтобы затем легче было вытащить); *сыхымл̄й(сь)* повернуть (чтобы затем лег-

че было вытащить); *хӱ* "ӱврӱмбӱвӱ" перемещение вниз; *хӱ* "ӱврӱңговӱ" перемещение вниз; *хӱ* "молӱ(сь)" начать сходить, спускаться, слезать откуда-л.; *хӱ* "мотӱ(сь)" падать; *хӱдӱ* бабушка; **5** – *вӱдӱ* слово (звуковое выражение понятия о предмете); *вӱдрырць* ходить, обнюхивая землю в поисках пищи (о животном); *вӱңгорць* покрыться ямами, впадинами; *вэ* "(с)" край, конец; *ӱльце(сь)* кончить, закончить, завершить что-л.; *ӱльцебӱ(сь)* кончать, заканчивать, завершать что-л.; *ӱльцеңго(сь)* кончать, заканчивать, завершать; *ӱльць(н)* время, пора, срок; *еңгӱле(сь)* потянуть, потащить (за собой что-л. длинное, тянущееся); *еңгӱлембӱ(сь)* тянуть, тащить (за собой что-л. длинное, тянущееся); *ибцьхӱворць* становиться горьким; *ибцьхӱмдӱңӱ(сь)* становиться горьким; *ибцьхӱмзь* стать горьким; *иңд* "(д)" дыхание; *лӱбць(сь)* шлепнуть, пришлепнуть; *лӱбцьӱртӱ(сь)* быть утрамбованным; *лӱбцьбӱ(сь)* шлепать, ударять плашмя (напр. ладонью, лопатой); *лӱбце(сь)* наложить что-л. на что-л., приложить что-л. к чему-л.; *лӱбцебӱ(сь)* накладывать что-л. на что-л., прикладывать что-л. к чему-л.; *лӱдӱ(сь)* ударить, стукнуть кого-что-л.; *лӱдбӱ(сь)* ударять, стучать; *лӱтӱ(сь)* расширяться; *лӱтӱңгӱ(сь)* расширяться; *лӱмбӱмзь* взмахнуть крыльями (о птице); *лӱмворць* взмахивать крыльями (о птице); *ңӱ* "волць(сь)" толкать, сталкивать (напр. лодку в воду); *ңӱ* "волць" толкнуть, столкнуть (напр. лодку в воду); *ңӱдо* деверь, младший брат мужа; *ңӱйдӱ(сь)* расплескать, разбрызгать; *ңӱйдӱмбӱ(сь)* расплескивать, разбрызгивать; *пӱдилӱ(сь)* начать нырять; *пӱдирць* нырять; *пӱкӱлңгӱ(сь)* закрываться, запираются, замыкаться; *пӱкӱлтӱңӱ(сь)* закрываться, запираются, замыкаться; *пӱкӱлць* закрыться, запереться, замкнуться; *пӱлопӱ(сь)* запутывать, смешивать что-л. (напр. нитки); *пӱлоць* запутать, спутать, смешать что-л. (напр. нитки); *пере(сь)* поспевать, успевать за кем-чем-л., держаться наравне с кем-чем-л., не отставать от кого-чего-л.; *пья* нос; *пӱэбтӱңгӱ(сь)* заворачиваться, закатываться во что-л.; *сӱтӱ* сильный, крепкий; *сӱ* горло; *сэв* глаз; *тӱлкӱдӱ(сь)* закрыться, захлопнуться с шумом; *тӱлкӱдтӱ(сь)* закрыть; *па* "хлопнуть с шумом"; *тӱркӱбтӱ(сь)* за-, под-, прицепить; *тӱркӱбтӱмбӱ(сь)* цеплять, подцеплять, прицеплять; *тэвӱ(сь)* дойти, добраться до чего-л.; *тэворць* доходить, добираться, доезжать до чего-л.; *тэңз* род, племя; *тэрӱңзӱ(сь)* выбирать, отбирать; *тяхӱбтӱ(сь)* просрочить, пропустить установленный срок; *тяхӱбтӱмбӱ(сь)* просрочивать, пропускать установленный срок; *хӱе(сь)* оставить, покинуть, кинуть, бросить; *хӱебӱ(сь)* оставлять, покидать, бросать; *хӱевы* оставленный, брошенный, кинутый, покинутый; *ябтӱ* тонкий, узкий; *яңӱць* укоротить, сократить, сделать короче что-л.; *яңо* "(с)" слой; *яңпӱ(сь)* укорачивать, сокращать, делать что-л. короче.

Слова с 4 значениями даются без дефиниций: *вӱ* "лӱ(сь)", *вӱ* "лӱбӱ(сь)", *вӱ* "лӱбӱвӱ", *вӱ* "лӱвы", *вӱбтӱ(сь)*, *вӱбтӱбӱ(сь)*, *вӱбтӱ(сь)*, *вӱделць*,

вѣртѣ(сь), вѣртѣмбѣ(сь), вѣгортѣ(сь), вѣтоси", вѣтосѣ(сь), вѣтосѣдѣ, вомдѣ(сь), вомдѣбѣ(сь), вомдѣбѣвѣ, вѣ'ль, вѣ'гѣрѣ(сь), вѣ'гѣрѣмбѣ(сь), вѣ'рдѣ(сь), вѣ'ркѣдѣ(сь), вѣ'ркѣдѣрѣ, вѣтѣ(сь), вѣвѣ(сь), вѣвѣмбѣ(сь), еңгѣлюрѣ, еңтѣ(сь), еңдѣ(сь), еңдѣмбѣ(сь), еңдѣңгѣ(сь), еңдѣрѣ, ерѣнѣ, ерѣ(сь), ертѣ(сь), ертѣбѣ(н), ертѣрѣ, ехѣборѣ, ибѣикѣ, ибѣхѣмдѣ(сь), ибѣя(сь), ибѣядѣ, ибѣя, ибѣялмдѣ(сь), ибѣялмдѣмбѣ(сь), иңя, ихѣ(сь), ихѣбѣ(сь), лѣбѣнѣ(сь), лѣд, лѣдорпѣ(сь), лѣбѣрѣ(сь), лѣбѣрѣнѣ(сь), лѣбѣрѣ, лѣбѣ(сь), лѣд, лѣдорпѣ(сь), лѣдорѣ, лѣкѣдѣ(сь), лѣкѣдѣрѣ, лѣнѣрѣ(сь), лѣнѣнѣ(сь), лѣнѣнѣнѣ, лѣбѣрѣнѣ(сь), лѣдурѣ, лѣмбѣ(сь), лѣмбѣнѣ(сь), лѣрѣ, мѣдѣбѣ(сь), мѣдѣвѣ, мѣдѣрѣ(сь), мѣдѣрѣнѣ(сь), мѣлнѣ(сь), мѣлнѣлѣ, мѣдѣлнѣ(сь), мѣдѣлнѣ, мѣнѣбѣ(сь), мѣнѣбѣмбѣ(сь), мѣнѣрѣ(сь), мѣнѣрѣрѣ, мѣнѣсѣрѣ, мѣнѣрѣ, мѣрѣбѣ(сь), мѣтыр", мѣпѣ(сь), мѣрѣлѣ(сь), мѣцѣ, мѣ"нѣ(сь), мѣнѣнѣ(сь), мѣ'сѣ"(д), мѣнѣ, нѣ"вольѣбѣ(сь), нѣнѣрѣ(н), нѣнѣкѣ, нѣнѣдѣ, нѣкѣлпѣ(сь), нѣкѣлѣ, нѣдѣбѣ(сь), нѣдѣбѣмбѣ(сь), нѣю, нѣ"ѣмбѣ(сь), нѣлѣрѣ(сь), нѣлѣгол"(д), нѣбѣ, нѣбѣкѣ, нѣлѣтѣ(сь), нѣлѣтѣмбѣ(сь), нѣлѣтѣнѣ(сь), нѣрѣхѣлѣмбѣ(сь), пѣдѣ(сь), пѣдѣнѣ(сь), пѣдѣнѣ(сь), пѣдѣй, пѣнѣ, пѣрѣхѣлпѣ(сь), пѣрѣхѣлѣ, пѣнѣдѣ(сь), пѣнѣдѣрѣ, пѣнѣдѣнѣ(сь), пѣ(н), пѣд, пѣдѣ(сь), пѣдѣбѣ(сь), пѣнѣя(сь), пѣнѣядѣ, пѣсѣбѣ(сь), пѣсѣбѣмбѣ(сь), пѣсѣрѣ, пѣ"лѣрѣ(сь), пѣлѣдѣ(сь), пѣпѣ(сь), пѣбѣ(сь), пѣбѣбѣ(сь), пѣбѣтѣ(сь), пѣ, сѣ"е(сь), сѣ"еңѣ, сѣбѣколпѣ(сь), сѣбѣколпѣнѣ, сѣкѣдѣ(сь), сѣнѣбѣ(сь), сѣнѣбѣмбѣ(сь), сѣнѣрѣ, сѣхѣмзѣ, сѣцѣ, сѣл, сѣцѣ, сѣлмрѣмбѣ(сь), сѣрѣомдѣ(сь), сѣрѣомдѣнѣ(сь), сѣрѣомзѣ, сѣхѣ, сѣрѣхѣлѣ(сь), сѣрѣхѣлѣмбѣ(сь), сѣрѣ(сь), сѣрѣй(сь), сѣрѣбѣ(сь), сѣрѣвѣ, сѣрѣдѣ, тѣб"лѣ(сь), тѣб"лѣмбѣ(сь), тѣбѣдѣ(сь), тѣбѣдѣвѣ, тѣбѣдѣмбѣ(сь), тѣбѣкѣ, тѣбѣкѣдѣ, тѣбѣкѣсѣ(сь), тѣбѣтомдѣ(сь), тѣбѣтомдѣмбѣ(сь), тѣбѣтомдѣнѣ(сь), тѣбѣтомзѣ, тѣбѣцѣ(сь), тѣбѣцѣрѣ, тѣдѣ(сь), тѣдѣвѣ, тѣлѣкѣдѣмбѣ(сь), тѣнѣнѣ(сь), тѣнѣнѣворѣ, тѣнѣнѣмдѣнѣ(сь), тѣнѣнѣмзѣ, тѣрѣкѣ(сь), тѣрѣкѣнѣ(сь), тѣрѣкѣнѣнѣ(сь), тѣрѣ, тѣдѣбѣ(н), тѣеңнѣ, тѣеңнѣнѣ(сь), тѣеңнѣнѣ(сь), тѣвѣтѣ(сь), тѣмбѣр"(д), хѣ, хѣбѣрпѣ(сь), хѣбѣрѣ, хѣдѣбѣ(сь), хѣдѣбѣмбѣ(сь), хѣлѣвѣртѣ(сь), хѣлѣвѣртѣнѣ, хѣлѣмнѣнѣ(сь), хѣлѣцѣмлѣ(сь), хѣлѣцѣмлѣмбѣ(сь), хѣлѣцѣнѣ(сь), хѣмдѣйѣ, хѣмдѣпѣ(сь), хѣнѣзѣсѣя(сь), хѣнѣзѣсѣядѣ, хѣнѣзѣсѣялѣмзѣ, хѣнѣзѣ, хѣрдѣ(сь), хѣрдѣмбѣ(сь), хѣсѣрѣнѣнѣ(сь), хѣсѣрѣ, хѣнѣгѣртѣ(сь), хѣнѣгѣрѣ, хѣтѣнѣнѣ(сь), хѣнѣрѣ(сь), хѣнѣрѣмбѣ(сь), хѣвѣтѣ(сь), хѣвѣтѣмбѣ(сь), юдѣ(сь), юдѣбѣ(сь), юдѣдѣ(сь), юнѣ(сь), юнѣлѣ, юсѣ, юцѣнѣ(сь), янѣмзѣ, ядѣбѣ(сь), ядѣтѣмбѣ(сь), ядѣрѣ, ядѣбѣмбѣ(сь), ялѣ, ялѣм(сь), ялѣмвѣ, ялѣмнѣнѣ(сь), ялѣмортѣнѣнѣ(сь), ялѣмзѣ, янѣнѣ, янѣворѣ, янѣмдѣнѣнѣ(сь).

Параметрический анализ лексики предполагает также парадигматическую стратификацию лексики – выявление синонимических рядов и стратификацию их по количеству лексем в синонимическом

ряде. К сожалению, наш опыт выявления ненецких синонимов трудно признать удачным. Тем самым выделение параметрического ядра ненецкой лексики откладывается до появления словаря синонимов ненецкого языка или хотя бы до появления удовлетворительных материалов к такому словарю.

Представленные в статье данные могут быть использованы в преподавании ненецкого языка, при составлении учебников и учебно-методических пособий, в курсе ненецкой лексикологии, а также при сравнительно-историческом и типологическом изучении ненецкой лексики.

Литература

- Кузнецова А. И.* 1988 Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики: на материале русского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук, М.
- СИГТЯЛ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. – М.
- Терещенко Н. М.* 1965а Ненецко-русский словарь. Около 22 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. – М.
- Терещенко Н. М.* 1965b Краткий грамматический очерк ненецкого языка // Н. М. Терещенко Ненецко-русский словарь. Около 22 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. – М., С.858- 942.
- Титов В. Т.* 2002 Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж
- Титов В. Т.* 2004 Частная квантитативная лексикология романских языков. Воронеж.

Угорские и самодийские народы: сравнительная антропологическая характеристика

Наиболее ранние научные сведения о физических особенностях угорско-самодийских популяций Западной Сибири и Крайнего Севера Европы относятся к последней четверти XIX – началу XX вв. Публикация Н. Ю. Зографа [1878] – одна из первых в России антропологических работ, описывающих облик ныне живущего населения, – содержит не только среднюю цифровую характеристику, но и портреты канинских самоедов, этой ближайшей к саамскому ареалу группы европейских тундровых ненцев. В 1870–1880-е гг. получены первые материалы, которые на основе измерений описывали остяков и вогулов разных территориальных групп, положено начало систематическому сбору краниологических коллекций и фотоматериалов (Л. Н. Гондатти, И. П. Силинич, И. С. Поляков, Н. М. Малиев, С. М. Чугунов, Д. Т. Янович). На раннем этапе изучения антропологии уралоязычных народов Западной Сибири заметную роль сыграли иностранные ученые. О. Финш и А. Брэм в 1876 г. привезли в Германию серию из 19 остяцких и самоедских черепов, которую изучил Р. Вирхов. Массовое обследование провел в 1880-е гг. итальянец С. Соммье, чьи материалы долго были наиболее авторитетными для зарубежных ученых. Венгерские ученые К. Папай и Я. Янко провели широкие полевые исследования среди обских угров, самоедов и зырян, а 30 черепов юганских хантов хранятся в музейной коллекции Венгрии. Финский этнограф и лингвист К. Доннер впервые получил сведения по антропологии нарымских селькупов [Дрёмов, Багаиёв 1998]. В конце XIX в. И. Деникер [1902; *Deniker* 1889, 1900] разработал одну из первых и самых удачных расовых классификаций современного человека, в основу которой положил географические вариации только биологических маркеров. Этот автор выделил особую таксономическую единицу в Зауралье «угорский тип»; правомерность этого вывода была доказана всеми последующими исследованиями обских угров. Серьезным продолжением дореволюционного периода в изучении уральских народов нижней Оби стала экспедиция С. И. Руденко в 1909–1910 гг., результаты которой анализировались в этноисторическом контексте [Руденко 1914].

Основные сведения, составляющие фактическую базу современных представлений физических антропологов о внутри- и межэтнических соотношениях, расовых подразделениях, особенностях лингвистических, историко-культурных или территориальных объединений в угорско-самодийском мире, получены отечественными исследовате-

лями в советское время. Данный период характеризовался развитием теории научного расового анализа, существенным расширением методической базы и фронта исследовательских работ в Западной Сибири и сопредельных территориях, существенным увеличением числа краудиологических коллекций по территориальным группам хантов, южных селькупов и тюркских народов, а также по древнему населению от неолита до средневековья, подробным изучением антропологии венгров. Эти работы прочно связаны с именами многих ученых – А. И. Ярхо [1934, 1947], С. А. Шлугер [1940], Н. Н. Чебоксаров [1951; Чебоксаров, Трофимова 1941], Т. А. Трофимова [1947], Г. Ф. Дебец [1947, 1948, 1951], В. В. Бунак [1938, 1956, 1980], М. Г. Левин [1958, 1960]; В. П. Алексеев [1974, 1979], А. А. Зубов [1973, 1974], Г. Л. Хить [1983], А. Г. Козинцев [1988], Н. С. Розов [1956, 1961], И. М. Золотарёва [1962, 1974], В. А. Дрёмов [1984], Г. М. Давыдова [1986, 1989], Т. А. Тот [1974], К. Ю. Марк [Mark, 1970], Ю. Д. Беневоленская [1987]; И. И. Гохман [1963; Кетский сб. 1982], Г. А. Аксянова [1976, 1979, 1990], А. И. Дубов [1987].

Несколько обобщающих исследований увидели свет уже в постсоветское время [Нганасаны... 1992; Материалы к антропологии... 1992; Очерки культурогенеза... 1998; Антропология совр. финно-угорских народов 2000; Этнография и антропология Ямала 2003; Антропология коми 2005; Давыдова 1997; Дубов 1992, 1998, 2003; Аксянова 1997, 2003, 2004, 2010; Беневоленская 1992, 1995; Багашёв 2000, 2002, 2003; Золотарёва 1997; Моисеев 1998, 1999; Моисеев, Козинцев 1998; Перевозчиков, 1994, 1998; Хить и др. 1996; Халдеева 1997; Спицын 2006].

Исследования в области этнической/исторической антропологии проводятся с учетом ряда методологических установок:

1. любые расовые общности историчны, что определяется их ареальностью в географическом и временном пространстве; расы/типы любого таксономического уровня отражают внутривидовую дифференциацию современного человечества в качестве подвидов и более мелких подразделений вида *Homo sapiens*, они выделяются учеными в результате анализа вариаций нормальной изменчивости только биологических особенностей изучаемых групп;
2. единицы антропологических классификаций обычно не имеют четких географических границ, особенно в пределах близких вариантов; определяющую роль в процессе их формирования играют длительность и интенсивность межгрупповых биологических контактов; для современного человечества характерна постепенность расовых переходов в популяционной структуре автохтонного населения;

3. социальные феномены с изолирующим потенциалом ведут к антропологической дифференциации человеческих общностей (например, этнографических, этнических, конфессиональных групп); массовые миграции и межрасовые брачные контакты могут привести к полной или частичной смене антропологического состава региона в течение одного-двух поколений;
4. изучаемая группа описывается в антропологии средними статистическими параметрами **выборки** по унифицированным методикам; это соответствует популяционной концепции расы и вероятностной таксономической оценке антропологического типа населения, способствует накоплению сопоставимых материалов, выявлению основных тенденций во внутри- и межгрупповой изменчивости признаков;
5. этнолокальные антропологические выборки формируются из моноэтнического, в основном сельского населения, по принципу случайности в рамках половозрастных критериев, определяемых используемой методикой;
6. классификации, основанные на комплексе расоводиагностических признаков, созданы по данным о мужских выборках без учета потомков национально-смешанных браков. Женские выборки дают обычно более однородную картину межгрупповых соотношений, что вызвано как биологическим фактором (большая консервативность женского организма), так и, существенно, традициями преимущественного перехода женщин в чужую группу;
7. межгрупповые соотношения выявляются в настоящее время на многомерной статистической основе, причем результаты разных систем признаков не всегда дают идентичную картину дифференциации групп (вследствие несовпадения выборок, разной генетической природы систем антропологических маркеров и длительности межгрупповой изоляции);
8. при метисации формируются в среднем промежуточные комплексы между родительскими популяциями, внутри которых отдельные признаки могут образовывать мозаичные расовые комбинации на европеоидно-монголоидной шкале оценки;
9. между процессами расогенеза, культурогенеза и глоттогенеза существует только историческая сопряженность; в последние столетия направление расогенетических процессов определяется прежде всего динамикой численности разных групп населения, характером межэтнических и межрасовых взаимодействий, а не биологической адаптацией популяций;
10. антропологические сведения являются маркерами исторических процессов, отражая расовый состав населения регионов в разные

эпохи, направление миграций населения, преимущественные биологические контакты между группами, смену или ассимиляцию аборигенного населения.

В угро-самодийской антропологической тематике многие положения сейчас убедительно доказаны массовыми материалами полевых исследований:

- **уральская языковая** семья в расовом отношении очень гетерогенна; она включает широкий спектр вариантов, представляющих европеоидно-монголоидный градиент изменчивости «запад-восток»: североевропеоидные типы (балтийские финны), своеобразный лапоноидный тип (саамы), восточноевропейские варианты европеоидов с уральским расовым компонентом (поволжско-приуральские финны), средневропейский тип (дунайские угры), переходные расовые типы (обские угры и самодийцы Западной Сибири), наконец – монголоидный тип (самодийцы Таймыра);
- **угорская общность** – антропологически одна из максимально дифференцированных совокупностей в рамках уральской семьи; обские угры последних столетий статистически ясно различимы со всеми уралоязычными народами, преимущественное их генетическое родство выявляется с поволжско-приуральскими финнами и южными самодийцами; современные манси и ханты – очень близкие по расовым признакам группы, образуют естественное переходное звено между характеристиками восточных финнов и своих соседей – самодийцев;
- **самодийская общность** объединяет народы, у которых преобладает азиатский монголоидный компонент, концентрация его увеличивается с юга на север в таежно-тундровой полосе Западной Сибири (от южных к северным самодийцам), и с запада на восток в заполярье (от ненцев к энцам и нганасанам);
- территория Обь-Иртышского бассейна в течение последнего тысячелетия была зоной интенсивного межэтнического контакта угорских, тюркских, самодийских популяций, преимущественно соседних; здесь наиболее отчетливо проявляются южные расогенетические связи автохтонного населения;
- при межэтническом сравнении антропологических особенностей угров и самодийцев устойчиво выделяются наиболее близкие общности: манси – ханты, ханты восточные – селькупы южные, ненцы – селькупы северные и энцы, нганасаны – энцы; венгры очень далеки от всех этих народов.

В то же время не вполне согласованы некоторые расогенетические проблемы региона:

- таксономическое положение расового типа ненцев, что вызвано несколькими обстоятельствами: пограничным статусом общей характеристики ненецких популяций, значительно приближенной к сибирским монголоидам, сложностью альтернативной классификации промежуточных комплексов, несовпадением состава анализируемых разными методиками группировок, сетевидной системой биологических межгрупповых связей, маркируемых разными по своей природе системами признаков (в арсенале этнических антропологов расовая морфология, краниология, одонтология, дерматоглифика);
- проблема основного формообразующего механизма в расогенезе собственно уральского типа обских угров, обсуждаемая в амбивалентном контексте «древняя метисация или сохранение недифференцированного древнего комплекса»;
- состав и границы «уральской расы» (то же «типа, группы типов»), промежуточного таксона в европеоидно-монголоидном континууме расовой классификации Северной Евразии. Ее состав понимается очень по-разному: 1) в широком евразийском диапазоне (от саамов, некоторых народов Поволжья, Приуралья – до ненцев, кетов, северных алтайцев и части хакасов), 2) в ограниченном только азиатским регионом диапазоне с теми же этническими группами, 3) наконец, в варианте западносибирской расы (обские угры, южные самодийцы, обско-иртышские тюрки – сибирские татары и чулымцы);
- антропологическая конкретизация южного компонента в составе обских угров, собственно угорского в составе венгров; досамодийского арктического компонента и собственно самодийского в составе северных самодийцев;
- вопрос об уральско-юкагирском единстве и прародине финно-угров.

Остановимся на антропологической характеристике интересующих нас народов (рис. 1).

УГРЫ

Финно-угры стали одной из самых изучаемых в отечественной антропологии совокупностью популяций человека. Ареал, который занимают современные угорские популяции, представлен двумя удаленными друг от друга территориями. Этот факт уже предполагает существенные антропологические различия между обскими и дунайскими уграми, т. к. в биологии, в том числе и у человека, сходство морфологических комплексов обычно сильно скоррелировано с территориальной близостью групп. Только массовые переселения и сохраняющаяся

длительное время эндогамия нарушают у человека эту общебиологическую закономерность

Все антропологические системы расовых признаков действительно документируют большие расхождения в характеристиках современных популяций обских и дунайских угров. На межгрупповом евразийском фоне обследованные в XX веке локальные популяции хантов и манси объединяются типологическим единством по признакам физической внешности и рассматриваются обычно как ядерные группы в составе уральской группы типов (то же «уральского типа», «расы») или, по терминологии А. Н. Багашёва, в качестве двух вариантов в составе уральского типа западносибирской расы. По сравнению с венграми они значительно более низкорослы (мужчины в среднем чаще всего до 160 см, венгры – около 170 см), имеют более удлиненную форму мозговой коробки (мезокефалия: головной указатель до 81%, венгры – гипербрахицефалы – почти 85%), повышенную ширину нижней челюсти (не ниже 110 мм), которая у венгров очень узкая (98 мм), более крупное лицо, значительно более широкий нос и большое нособровное расстояние (носовой указатель от бровей обычно выше 64%, венгры – 61%, нособровное расстояние обычно более 7 мм, венгры – 4 мм), более темную окраску глаз (средний балл минимум 1,14, венгры – 0,85), гораздо более слабый рост бороды (средний балл максимум 2,03, венгры – 2,74), более уплощенное лицо (макс. ср. балл 2,26, венгры – 2,63), обычно более выступающие скулы, у них нередко имеется монгольская складка века «эпикантус» (обычно более 12%, венгры – менее 1%), для них характерно пониженное переносье (ср. балл обычно не более 1,97, венгры – 2,39) и совершенно иное распределение профилей спинки носа (преобладающая и очень большая частота вогнутой спинки – обычно не менее 38% в популяции, венгры – 9% с преобладанием выпуклой спинки – 13%), кожная часть верхней губы выступает вперед (макс. ср. балл 1,75), а у венгров – слабо отступающая (ср. балл 2,14). Конечно, это сравнение проведено с суммарной группой венгров, объединившей 10 выборок из разных частей страны. Но даже локальные комплексы популяций дунайских и обских угров не обнаруживают трансгрессии.

Обские угры занимают в расовом отношении крайние восточные позиции среди всех финно-угорских этнопопуляций, что надежно свидетельствует об участии в их формировании населения со значительной долей североазиатских монголоидных компонентов. Некоторое фенотипическое сходство с южноазиатскими монголоидами, проявляющее себя общей грацильностью и альвеолярным прогнатизмом, имеет конвергентный характер. По всем системам расовых признаков, описывающих ныне живущее население, манси и ханты, особенно территориально близкие группы, относительно слабо дифференцируются

при несколько увеличенной доле восточных (монголоидных) элементов у хантов. Расовые соматологические комплексы двух обскоугорских народов, рассмотренные как единое целое, ясно различаются с комплексами всех поволжско-приуральских финно- и тюркоязычных этносов. Только при очень широком евразийском сравнении по некоторым комплексам признаков (например, по измерительным признакам головы и лица для манси, по одонтологическим признакам) данные по обским уграм могут объединяться в общий кластер значений с восточноевропейскими финноязычными группами. Столь же очевидна, по средним данным, дифференцированность угорских и самодийско-тюркских народов Западной Сибири, при наименьших биологических расстояниях между крайними восточными группами хантов и нарымскими селькупам. В целом по евразийскому европеоидно-монголоидному масштабу характеристика хантов и манси однотипна и является промежуточной между комплексами поволжско-приуральских финнов и соседних самодийских народов.

Несмотря на объединение в один и тот же уральский расовый тип локальных антропологических комплексов, которые зафиксированы у обских угров, среди них имеются довольно разнородные в генетическом отношении сочетания; вопрос об их генезисе является предметом научной дискуссии на протяжении нескольких десятилетий. Суть ее сводится к выявлению ведущего фактора в процессе расообразования уральского типа (то же «расы»): была ли это метисация или преимущественное сохранение древней комбинации, отличной как от типично европеоидной, так и от типично монголоидной. Сейчас в антропологии все больше сторонников признания значительной роли каждого из этих процессов.

Своеобразие того промежуточного европеоидно-монголоидного комплекса, который отмечался в Приуралье, Поволжье, Западной Сибири и с 1920-х годов известен под целой гаммой близких названий, в частности – уральского типа (расы), обусловлено, на мой взгляд, спецификой его составных компонентов и условий формирования. В качестве западного компонента выступал, очевидно, северный ослабленно европеоидный тип с относительно светлой пигментацией волос и глаз. Вероятно, это был особый депигментированный древнеуральский тип (раса), черты которого мозаично представлены у современных финно-угров [Давыдова 1997]. В качестве восточного компонента при формировании уральского типа выступал, вероятно, тоже специфичный своей низколицестью монголоидный тип (катангский тип по Дебецу, или среднесибирский по Рычкову), который в основном представлен у ненцев.

В настоящее время документировано наличие и южных элементов в характеристике обских угров. Исследователями они идентифицируются обычно с южными европеоидами (ивдельские манси, хантыйские группы), для локальных популяций – с центральноазиатскими монго-

лоидами (верхнесосьвинские манси), либо вопрос о типологии вообще не рассматривается. Недавно мы разработали новые материалы по характеристике зубной системы в восточнохантыйских, татарских и селькупских локальных популяциях Обь-Иртышья XVI–XX вв. Угры и тюрки обнаружили большое сходство с населением раннего железного века северо-восточного Приаралья. Это надежно подтверждает северное направление миграций в Западную Сибирь с маршрутов великого переселения народов, выявляемое археологами, и свидетельствует о реальном появлении здесь смешанного населения из региона активного ирано-тюркско-угорского контакта. По мере продвижения на север (в правобережье средней Оби и в низовья реки) приаральский импульс теряет силу и определяющее влияние на антропологию местного населения.

Современные популяции северных и восточных хантов по некоторым системам признаков (размеры головы и лица, узоры черепных швов, зубы) в контактных зонах сближаются с самодийцами, частично с тюрками, а также с финноязычными группами (коми, удмурты, саамы). Наиболее своеобразна среди хантов – популяция р. Вах, что видно по всем антропологическим системам и объясняется большой ролью смешения, главным образом с селькупками.

Очевидно, важную роль в формировании уральского типа обских угров сыграло не только смешение основных древних компонентов, но и фактор изоляции, порождаемый уникальными природными условиями Западно-Сибирской низменности. Именно изоляция способствовала сохранению у хантов и манси комплекса черт, который сформировался в таежных районах и уходит корнями в глубокую, возможно, неолитическую древность.

Манси, в целом очень близкие хантам, особенно в ляпинско-сосьвинском районе, стабильно уклоняются от них в западном (приуральском) направлении связей. Манси и зауральские ханты, обладая значительной долей монголоидного компонента, в то же время максимально среди сибирских уральцев реализуют и западную антропологическую тенденцию. Похоже, что в северной части своего ареала они образуют клин автохтонного приуральского населения в Западную Сибирь, где и сохранили некоторые архаичные особенности. Селькупы, кеты и особенно ненцы представляют более монголоидные варианты уральского типа, чем большинство обских угров.

Современные выборки хантов и манси без иноэтничной примеси, при всем расовом своеобразии, оказываются ближе к южным самодийцам и восточнофинским народам, чем к родственным по языку венграм. Лингвистическое объединение угров крайне разнообразно из-за большого несоответствия антропологических характеристик с одной стороны – манси + хантов, а с другой – более грацильных и европео-

идных венгров. Среди народов уральской семьи венгры, в целом, ближе к финноязычному массиву, а для групп северо-востока Венгрии, из материалов Тибора Тота [1974], выявлены элементы специфического сходства с коми-пермяками.

САМОДИЙЦЫ

По современной расоводиагностической программе отечественной школы, состоящей из описания физической внешности взрослого населения по измерительным и описательным признакам головы и лица, каждый из самодийских народов, кроме энцев, антропологи обследовали дважды. За исторический период 1937–1993 гг. эти работы были проведены Чебоксаровым, Шлугером, Дебецом, Розовым, Золотарёвой, Аксяновой, Алексеевым и Дубовым. Автору статьи лично довелось обследовать европейских и азиатских тундровых ненцев, колвинских ненцев, авамских и вадеевских нганасан, нганасано-энецких метисов, нарымских селькупов, селькупо-русских метисов, а также хантов, манси, чулымцев, хакасов-кызыльцев, алтайцев и коми. Таким образом, впервые создана база данных из методически хорошо сопоставимых материалов по всем самодийским этносам, соседним народам и алтайцам.

В антропологическом отношении **самодийцы**, без сомнения, **неоднородны**: среди них есть территориальные группы, которые характеризуются чертами промежуточной европеоидно-монголоидной уральской расы (типа) и монголоидной байкальской расы (то же: типа в составе североазиатской расы). Оба этих антропологических комплекса в своем классическом выражении, например у обских угров и тунгусо-маньчжурских народов соответственно, имеют весьма большие различия. Ареалы этих таксонов в то же время смыкаются, совпадая примерно с естественной границей по среднему и нижнему течению Енисея. Западный вариант байкальской расы, названный Дебецом катангским типом, в его локальном – таймырском варианте представлен у **нганасан и энцев**. Его характеризуют очень низкий рост (156–159 см в среднем у мужчин), крупная и очень широкая мозговая коробка, лицо невысокое по сибирскому монголоидному масштабу, но очень широкое, очень темная пигментация волос и глаз, пониженная частота тугих волос и наличие единичных случаев волнистых волос, некоторое ослабление уплощенности лица, среднепрофилированный нос с низким переносом, прямой или выпуклой костной его частью, немного повышенная частота выпуклой спинки носа (общий профиль) при резком преобладании вогнутой ее формы, очень слабый рост бороды и очень высокий процент монгольской складки века – эпикантуса (примерно 50%). Энцы, которые остались известны нам всего лишь

по одной выборке тундровых энцев Таймыра, при большом сходстве с нганасанами обнаруживают четкий западный антропологический сдвиг ослаблением монголоидности по всему описательному комплексу признаков, и, кроме того, у них увеличена высота лица. Очевидно, что современное сближение характеристик двух аборигенных народов Таймыра усилено практикой обменных браков. Потомки таких нганасано-энецких браков слабо отличаются по физическим особенностям от нганасан. Различные территориальные варианты катангского типа были, по-видимому, широко представлены в автохтонном до-тунгусском населении бассейна Енисея.

«Американоидность» физического облика нганасан, о которой писали этнографы на основе визуальных впечатлений, в результате научного изучения народа не выявлена. О ней можно говорить лишь как об индивидуальной комбинации черт, встречающейся в качестве исключения. В то же время очевидны межпопуляционные различия, которые расценивались как сближающие нганасан с коренным населением Нового Света. В сравнении, например, с юкагирами нганасаны в среднем более темноволосы, имеют менее уплощенное и менее скуластое, очень широкое лицо, более выступающий и хорошо профилированный для монголоидов нос при более выпуклой костной основе, такое же слабое развитие третичного волосяного покрова. Однако по мировому масштабу у них все же очень низкое переносье, очень плоское лицо, очень сильно развита складка верхнего века, очень много эпикантуса. В итоге различия между нганасанами и представителями собственно байкальского типа (эвенки, юкагиры) не выводят аборигенов Таймыра из круга форм североазиатских монголоидов. Применительно к энцам больше оснований говорить об «американоидности», т. к. выраженность монголоидных черт у них слабее, лицо выше, спинка носа более выпуклая, цвет кожи более смуглый. Нганасаны существенно отличаются от всех ныне проживающих в Западной Сибири этнотерриториальных групп, в том числе самодийских (ненцев и селькупов).

Ненцы по всему этническому ареалу от Белого моря до Таймыра характеризуются, в сравнении с энцами и особенно с нганасанами, значительным ослаблением монголоидных особенностей и уменьшением многих размеров головы и лица, прежде всего широтных; длина тела у них малая – до 160 см в среднем у мужчин. Несмотря на высокий по западносибирскому масштабу уровень монголоидности, физический тип ненцев включает очень характерные уральские черты, а именно, мягкие волосы, ослабление пигментации волос и глаз, менее уплощенное лицо, высокий процент вогнутой формы спинки носа при крайней редкости выпуклой формы, относительно широкий в крыльях нос. Это позволяет включать данный комплекс в состав контактной уральской,

или западносибирской по Багашёву, расы в качестве одного из самых монголоидных и, очевидно, автохтонных на Крайнем Севере вариантов. Я предложила назвать его «североуральским» типом уральской расы. Полагаю, что он имеет общие генетические корни с катангским типом, но включил в свой состав и более западный по своей географии древнеуральский тип, а также определенную долю смешанного европеоидно-монголоидного варианта с южносибирскими чертами. В целом, современные ненцы по расовоморфологической характеристике занимают промежуточное положение между энцами и селькупками. Они являются носителями ослабленного по описательным характеристикам монголоидного комплекса внешних особенностей, включение которого в состав уральской группы типов (расы) на сегодняшний день оказалось дискуссионным. Так, по краниологическому комплексу А. Н. Багашёв включает характеристику ненцев в состав монголоидной североазиатской расы, объединяя с кетами в енисейский тип. Это реанимация раннего взгляда Дебеца, от которого сам автор вскоре отказался в пользу уральской таксономической привязки енисейского типа.

Завершая характеристику ненцев необходимо отдельно сказать о **колвинцах**. Это гетерогенная группа коми-русско-ненецких метисов, по самоидентификации ненецкая, в которой преобладает европейский компонент. Антропологически колвинские ненцы в среднем объединяются больше не с родительскими популяциями, а с географически удаленными селькупо-русскими метисами Среднего Приобья, а по некоторым признакам и с селькупками. При общем промежуточном статусе метисной группы у колвинцев сохраняются некоторые особенности внешнего облика характерные в данном регионе именно для ненцев (широкий рот, высокая верхняя губа, наклонный лоб и развитое надбровье). По длине тела мужчины-колвинцы сейчас не отличаются от местных коми-ижемцев (167 см), однако ненки колвинские в среднем ниже ростом, чем ижемки (153 и 156 см).

Антропологические **особенности селькупов** всеми исследователями классифицируются как уральская раса (западносибирская, в классификации А. Н. Багашёва, в составе обь-иртышского типа). Ослабление монголоидности по описательному комплексу здесь еще более значительное, чем у ненцев, и в общем близкое к хантыйскому уровню. Характерными особенностями, по сравнению с большинством северосамодийских групп, является депигментация волос и особенно глаз, усиление роста бороды, уменьшение уплощенности лица и выступания скул, уменьшение частоты эпикантуса и пр. У селькупов, прежде всего южных, совершенно отчетливо по нашим данным проявляется южносибирский, а точнее – североалтайский антропологический градиент в направлении изменчивости расового комплекса. Это

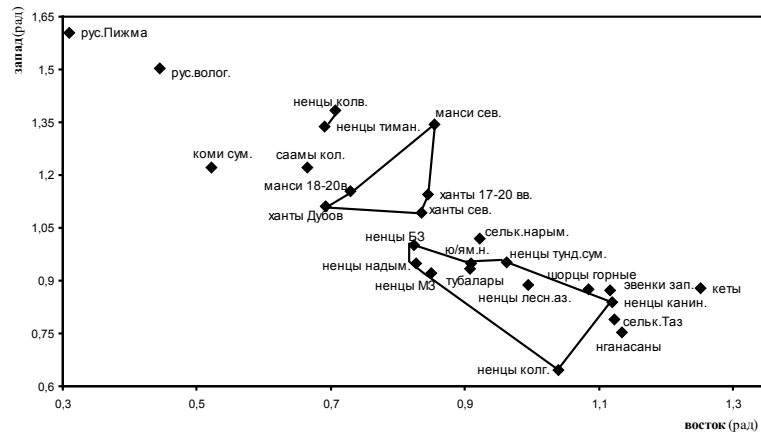
выражается в увеличении длины тела и длины головы, в уменьшении головного указателя, в увеличении ширины лба и относительном удлинении лица, в повышенном проценте тугих волос при одновременном наличии волнистых жестких волос, в усилении роста бороды и сохранении на высоком уровне частоты эпикантуса, в характеристиках выступания носа. Интересно, что селькупы не отличаются от ненцев по профилированности носа, а нганасаны уступают им только по высоте переносья. О сближении с хантыйскими этническими группами свидетельствует не только ослабление окраски волос и глаз у селькупов, но и высокий процент вогнутой спинки носа при полном отсутствии выпуклых профилей, в том числе и в костной части носа.

Самодийские этносы различаются по степени морфологического разнообразия входящих в их состав территориальных групп. Как обычно, характерна положительная корреляционная зависимость: чем больше ареал этнической группы, тем больше ее внутреннее разнообразие. Энци представлены в антропологии только одной, тундровой группой. Нганасаны демонстрируют низкий уровень различий между авамской и вадеевской группами. В последней слабо намечается отклонение популяционной характеристики в сторону байкальского типа, распространенного в соседних этнических группах эвенков и юкагиров. Селькупы довольно разнородны, особенно по довоенным данным Дебеца, где нарымские селькупы представлены выборкой с реки Тым. Тазовские селькупы имеют более крупные размеры головы и лица, описательные же характеристики в двух группах поразительно сходны. В целом реконструируется ситуация наложения уральского расового комплекса, привнесенного мигрантами-селькупам с юга, на монголоидный, вероятно, катангский массив. Последний наиболее логично связать с северосамодийскими (ненецкими и энецкими популяциями). Не только в этнически селькупских, но и в кетских популяциях Туруханского Севера ощутим этот массивный антропологический субстрат. В данном случае комплекс внешних признаков, связанных с мягкими покровами головы и лица, полнее отражает особенности суперстратного слоя. Исходя из этих результатов можно предположить, что селькупы, прежде всего северные, к началу XX в. были в антропологическом отношении одной из самых гетерогенных самодийских популяций. А к началу XXI в. тот же тезис, справедлив и к нарымским селькупам из-за широкого масштаба русско-селькупских брачных контактов. Современные южные селькупы вследствие этого процесса представляют этническое сообщество русскоязычных метисов. В антропологическом материале находят отражение контакты южных самодийцев с их соседями, а именно, с хантами, кетами, эвенками (единичные контакты), чулымцами, сибирскими татарами, с энцами на севере.

Самые разнообразные между собой – это ненецкие группы, даже без учета колвинцев. Метисная группа колвинских ненцев характеризуется преобладанием европеоидного компонента в своем составе, этнически представленного коми и русскими. Среди тундровых ненцев ясно выделяются три локальных варианта: канинский (канинские и, вероятно, колгуевские ненцы), нижнепечорский (малоземельские и большеземельские ненцы) и нижеобский (ямальские и надымские ненцы). По тиманским ненцам, к сожалению, имеющиеся материалы недостаточны для заключений. Канинский вариант наиболее своеобразен и вносит основную долю в размах внутриэтнической дифференциации. Он отклоняется, наиболее вероятно, в сторону географически соседнего лапоноидного типа кольских саамов, что проявляется заметным уменьшением многих размеров головы и лица в сочетании с ослаблением монголоидности. Однако и этот вариант следует отнести к североуральскому типу. Нижнепечорский вариант гораздо ближе к нижеобскому, чем к канинскому. Азиатские ненцы – самые крупные по размерам головы и лица и самые монголоидные по большинству признаков. Обобщая материалы разных авторов, можно считать, что все изученные группы азиатских ненцев, включая лесную группу, представляют единый нижеобский вариант. Ямальские и лесные ненцы характеризуются непропорциональным остальному комплексу посветлением радужной оболочки: здесь резко, примерно до 30% снижена частота темных глаз и увеличена частота смешанных оттенков. Этот феномен может говорить о древней и современной метисации ненцев с представителями более депигментированных групп населения (древнеуральский тип, незарегистрированная примесь хантов, коми). Лесные азиатские ненцы по данной программе сближаются с тазовскими ненцами.

В результатах проведенного кластерного анализа по сумме признаков, с привлечением к сравнению территориально удаленных этнических групп, обращает внимание значительное сближение ямальских ненцев и энцев с алтай-кижи, а селькупов с обскими уграми. В совокупность наиболее близких к северным самодийцам групп, кроме того, входят западные эвенки, кеты елогуйские, чулымцы, шорцы и тубалары. Вопрос о прародине самодийцев на антропологическом материале достаточно убедительно решается сейчас в пользу среднеобской гипотезы (район компактного проживания южных селькупов в Томско-Нарымском Приобье: кулайская культурная общность раннего железного века). Отсюда предки самодийцев в первой половине I тыс. н. э. расселились в южном, западном и северном направлениях. Не вызывают сомнений биологические контакты ранних самодийцев с уграми и тюрками в Обь-Иртышском бассейне, с енисейцами в Обь-Енисейском междуречье, с тюрками в Верхнем Приобье.

Рис. 1. Положение локальных ненецких и соседних к ним этнических групп в координатном поле одонтологических признаков

Литература

- Аксянова Г. А. 1976. Ненцы. Расово-морфологическая характеристика по данным одонтологии и соматологии в связи с их этногенезом. Дис. ... канд. биол. наук. М. 270 с. (Б-ка НИИ и Музея антропологии МГУ).
- Аксянова Г. А. 1979. Население бассейна Печоры и Нижней Оби // Этническая одонтология СССР. М.: Наука. С. 93–113.
- Аксянова Г. А. 1990. Антропологическое свидетельство финно-угорской общности на крайнем северо-востоке Европы // Congr. Septimus Inter. Fenno-Ugristarum. 6. Sessiones sectionum. Debrecen. P. 193–198.
- Аксянова Г. А. 1997. Переходные расовые варианты – показатель единства человечества (на примере народов Западной Сибири) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М.: ИЭА РАН. С. 468–531.
- Аксянова Г. А. 2003. Обские угры / угры / финно-угры: антропологический состав этнолингвистических общностей // Угры. Матер. VI-ого Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Зап. Сибири (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск)». Тобольск: ТГИАМЗ. С. 10–31.
- Аксянова Г. А. 2004. Расогенетические связи хантов северного Зауралья // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб.: МАЭ РАН. С. 126–150.
- Аксянова Г. А. 2010. Южные селькупы, чулымские тюрки и русские Сибири: межэтнические контакты и антропологические следствия к концу XX века // Человек: его биологическая и социальная история. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гум. ин-т. С. 229–235.
- Алексеев В. П. 1974. География человеческих рас. М.: Наука. 351 с.
- Алексеев В. П. 1979. Историческая антропология. М.: Высшая школа. С. 167–198.
- Антропология коми. 2005. М.: ИЭА РАН. 280 с.
- Антропология современных финно-угорских народов. 2000. М.: ИЭА РАН. 268 с.

- Багаишев А. Н.* 2000. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 374 с.
- Багаишев А. Н.* 2002. Сложение уральских народов в свете антропологических данных // Сев. археол. конгресс. Доклады. Екатеринбург, Ханты-Мансийск. С. 18–29.
- Багаишев А. Н.* 2003. Антропологический тип южных самодийцев и его происхождение // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН. С. 126–145.
- Беневоленская Ю. Д.* 1987. Краниологическое своеобразие и обособленное положение хантов и манси среди сибирских монголоидов // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд. Том. ун-та. С. 148–150.
- Беневоленская Ю. Д.* 1992. Исследование краниологии манси в расовоэволюционном аспекте // Материалы к антропологии уральской расы. 1992. Уфа: Башк. НЦ УрО РАН. С. 15–33.
- Беневоленская Ю. Д.* 1995. Проблемы расовой краниологии обских угров // Народы Сибири. Кн. 2. (Сибирский этнографический сборник. 7). М.: ИЭА РАН. С. 152–230.
- Бунак В. В.* 1938. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. М.; Л.: Изд. АН СССР. С. 5–46.
- Бунак В. В.* 1956. Человеческие расы и пути их образования // Сов. этнография. № 1. С. 86–105.
- Бунак В. В.* 1980. Род *Ното*, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука. 328 с.
- Гохман И. И.* 1963. О происхождении финно-угров по данным краниологии и палеоантропологии // Congr. Quarty Inter.Fenno-Ugristarum (1975). Pars V. Budapest. P. 189–199.
- Давыдова Г. М.* 1986. Формирование северных манси как народа уральской расы // Этнические связи народов Севера Азии и Америка по данным антропологии. М.: Наука. С. 174–197.
- Давыдова Г. М.* 1989. Антропология манси. М.: ИЭА АН СССР. 172 с.
- Давыдова Г. М.* 1997. Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразие человеческого рода. Часть 2. М.: ИЭА РАН. С. 214–242.
- Дебец Г. Ф.* 1947. Селькупы (Антропологический очерк) // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. II. М.; Л.: Изд. АН СССР. С. 103–145.
- Дебец Г. Ф.* 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд. АН СССР. 392 с. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. IV).
- Дебец Г. Ф.* 1951. Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд. АН СССР. 264 с. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XVII).
- Деникер И. Е.* 1902. Человеческие расы. СПб.: Издание А. Большаков и Д. Голов. 720 с.
- Дрёмов В. А.* 1984. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука. С. 106–132.
- Дрёмов В. А., Багаишев А. Н.* 1998. История антропологических исследований // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Том 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд. Том. ун-та. С. 12–28.

- Дубов А. И.* 1987. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования Института этнографии, 1983. М.: Наука. С. 106–110.
- Дубов А. И.* 1992. Ханты и селькупы. Опыт соматологического анализа // Материалы и исследования по антропологии 80-х годов. М.: ИЭА РАН. С. 171–203. (Матер. к сер. «Народы и культуры». Вып. X. Кн. 1).
- Дубов А. И.* 1998. Одонтология хантов и финно-угорская одонтологическая общность // Acta Ethnographica Hungarica. № 43 (3–4). P. 285–298.
- Дубов А. И.* 2003. К вопросу о классификации человеческих рас // Горизонты антропологии: Труды Межд. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. М.: Наука. С. 108–114.
- Зограф Н. Ю.* 1878. Антропологический очерк Самоедов // Антропологическая выставка. М.: ОЛЕАЭ. Т. 2. Вып. 2. С. 61–87. (Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXI).
- Золотарёва И. М.* 1962. Антропологическое исследование нганасан // Сов. этнография. № 6. С. 131–136.
- Золотарёва И. М.* 1974. Антропологическая дифференциация восточных самодийцев // Антропология и геногеография. М.: Наука. С. 215–231.
- Золотарёва И. М.* 1997. Новые материалы к антропологической дифференциации монголоидов Азии // Единство и многообразие человеческого рода. М.: ИЭА РАН. Ч. 1. С. 54–97.
- Кетский сборник. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. 1982. Л.: Наука. 254 с.
- Козинцев А. Г.* 1988. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука. 168 с.
- Левин М. Г.* 1958. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд. АН СССР. 360 с.
- Левин М. Г.* 1960. Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. С. 7–12.
- Материалы к антропологии уральской расы. 1992. Уфа: Башк. НЦ УрО РАН. 150 с.
- Моисеев В. Г.* 1998. Проблема происхождения народов Западной и Южной Сибири: краниологический аспект // Сибирь в панораме тысячелетий (Матер. межд. симп.). Том 1. Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН. С. 410–418.
- Моисеев В. Г.* 1999. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб. 132 с.
- Моисеев В. Г., Козинцев А. Г.* 1998. Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // Этнографич. обозрение. № 2. С. 140–149.
- Нганасаны. Антропологическое исследование (в двух выпусках). 1992. М.: ИЭА РАН. 354 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. Томск. 352 с.
- Перевозчиков И. В.* 1994. Антропология смешанных групп населения. Автореф. дис... д-ра биол. наук. М. 47 с.
- Перевозчиков И. В.* 1998. Опыт нумерической классификации сибирских монголоидов // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть I. М.: Старый сад. С. 58–69.
- Розов Н. С.* 1956. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXXIII. С. 340–373.

- Розов Н. С.* 1961. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. Вып. 6. С. 71–91.
- Руденко С. И.* 1914. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири // Записки Имп. Акад. Наук. Серия 8 по физ.-мат. отд. Т. 33. № 3. Петроград. 125 с.
- Шицын В. А.* 2006. Проблема формирования уральского антропологического типа с позиций современной генетики // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 14. М.: ИЭА РАН. С. 14–21.
- Тот Т. А.* 1974. Соматология и палеоантропология населения Венгрии (в связи с проблемой происхождения венгерского народа). Дис...д-ра биол. наук. Будапешт. 454 с.
- Трофимова Т. А.* 1947. Тобольские и барабинские татары // ТИЭ. Нов. сер. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 194–215.
- Халдеева Н. И.* 1997. Одонтологическая классификация как отражение тенденций интеграции и дифференциации в расогенетических моделях // Единство и разнообразие человеческого рода. Часть 2. М.: ИЭА РАН. С. 337–467.
- Хитъ Г. Л.* 1983. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука. 280 с.
- Хитъ Г. Л., Долинова Н. А., Козлов А. И., Вершубская Г. Г.* 1996. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестник антропологии. Вып. 2. С. 111–128.
- Чебоксаров Н. Н.* 1951. Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд. АН СССР. С. 291–322 (ТИЭ. Нов. сер. Т. XVI).
- Чебоксаров Н. Н., Трофимова Т. А.* 1941. Антропологическое изучение манси // Кр. сообщ. Ин-та истории матер. культуры. Вып. IX. М. С. 28–36.
- Шлугер С. А.* 1940. Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера. Дис.... канд. биол. наук. М. 123 с. (Б-ка НИИ и Музея антропологии МГУ).
- Этнография и антропология Ямала. 2003. Новосибирск. 392 с.
- Ярхо А. И.* 1934. Очередные задачи советского расоведения // Антропол. ж-л. Вып. 3. С. 3–20.
- Ярхо А. И.* 1947. Алтае-саянские тюрки. Абакан: Хакоблнациздат. 148 с.
- Deniker J.* Essai d'une classification des races humaines basée uniquement sur les caractères physiques (Extraits des bulletins de la société d'anthropologie. Séance du 6 juin 1889). Paris, 1889.
- Deniker J.* Les races et les peuples de la terre, éléments d'anthropologie et d'ethnographie. Paris, 1900.
- Mark K.* 1970. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn: Eesti Raamat. 131 z.

Раздел 2. Уралистика: Финно-угристика

С. Ю. Толдова (Москва), Н. В. Сердобольская (Москва)

Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект)

1. Введение

В языках мира широко распространено явление дифференцированного кодирования прямого дополнения (далее: ПД) (см. [Aissen 1998, Moravcsik 1978, Comrie 1979, Муравьева 2008]). Так, например, в ряде финно-угорских и тюркских языков существительное в позиции ПД может оформляться показателем аккузатива (винительного падежа), или же этот показатель может отсутствовать (ср. примеры (1а) и (1б)):

Удмуртский (бесермянский)¹

(1)а. Mar ot-əŋ š'ij-on wan'? – Š'i **perepěč'.**

что тот.OBL-INESS есть-VN есть есть перепечи
Что там есть покушать? – “Поешь перепечей”.

(1)б. Š'i ta **perepěč'-ez.**

есть этот перепечи-ACC
Съешь эти перепечи².

Варьирование также может выражаться в наличии / отсутствии у глагола объектного согласовательного маркера (например, в самодийских языках, в некоторых финно-угорских языках, в ряде австронезийских языков и т. п.), в инкорпорации / самостоятельном оформлении ПД (например, в некоторых палеоазиатских языках), см. [Муравьева 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011].

¹ Данные удмуртского бесермянского собраны в ходе работы лингвистических экспедиций 2009–2011 гг. в д. Шамардан Юкаменского района респ. Удмуртия. Работа поддержана грантом РФФИ №10-06-00550-а.

² Пресная ватрушка с начинкой (блюдо бесермянской национальной кухни).

В ряде языков выбор оформления ПД регулируется строгими грамматическими правилами: он может определяться грамматическими характеристиками глагола (например, видовыми, см. [Tamm 2004]) или имени (например, одушевленность в испанском языке см. [Moravcsik 1978]).

Однако в большом количестве языков выбор одного из способов оформления не подчиняется строгим правилам. Например, в пермских языках одна и та же ИГ при одном и том же глаголе может быть оформлена различным образом, в зависимости от контекста:

Удмуртский (бесермянский)

(2) Анаj-е miš'k-i-z **pun'a-j-ez** / **pun'a.**
мать-1SG мыть-PRТ-3 ложка-OBL-ACC ложка

(Моя) мать моет ложку.

В таких языках выбор оформления ПД определяется дискурсивными факторами. Довольно часто выбор оформления связывают с референциальным статусом именной группы (см., например, [Епç 1991, Johanson 1977, Муравьева 2008]). Так, для турецкого языка в [Дмитриев 1960] указывается на то, что выбор оформления ПД зависит от определенности / неопределенности именной группы, аналогично объясняется данное явление в марийском языке ([Сереберенников 1964]). Именно этому фактору посвящено большинство современных исследований. Однако, как правило, то или иное оформление ПД является результатом взаимодействия целого ряда факторов.

В частности, как показывает материал коми-зырянского и некоторых других уральских языков (см. [Nikolaeva 2001]), на оформление ПД могут влиять некоторые семантические особенности глагола, которые являются предметом рассмотрения настоящей статьи. Материал настоящего исследования был собран в с. Еремеево Троицко-Печорского района республики Коми (печорский диалект коми-зырянского языка) в ходе лингвистических экспедиций 2002–2003 гг., которые проводились под руководством Ариадны Ивановны Кузнецовой. Все примеры, приводимые ниже, принадлежат печорскому диалекту и записаны в транскрипции.

2. Основные правила выбора оформления ПД в коми-зырянском печорском

2.1. В коми-зырянском языке именная группа в позиции ПД может быть оформлена показателями -əs (3), -sə (4) или же выступать без специального показателя (4).

(3) Sijə bydt-ə **ruč'-jas-əs.**
она выращивать-PRS.3 лиса-PL-ACC

Она выращивает лисят.

- (4) Vok-əj pəɾəd-i-s pu / pu-sə.
 брат-1SG валить-PRT-3 дерево дерево-ACC.3
Брат срубил дерево.

В качестве собственно показателя аккузатива (винительного падежа) в грамматических описаниях приводится показатель -əs. Существительные в позиции ПД могут также присоединять -sə – кумулятивный показатель винительного падежа и третьего лица посессора. Одна из функций данного показателя – обозначение 3-го лица посессора:

- (5) Pet'a š'et-i-s soš'ed-ly bat'-is-lyš' č'er-sə.
 Петя дать-PRT-3 сосед-DAT отец-3-GEN топор-ACC.3
Петя дал соседу топор отца.

В (5) посессор *bat'-is-lyš'* 'отец' эксплицитно выражен в именной группе, и третье лицо посессора в существительном *č'er-sə* относится к нему.

Однако во многих финно-угорских языках показатели посессивности имеют целый ряд других дискурсивных функций; зачастую их употребление никак не связано с выражением посессивности [Прокушева 1984; Кузнецова 2001]. В данной работе мы ограничим круг внимания примерами, где показатель -sə не выражает посессивности³. Далее мы будем называть данный показатель посессивным аккузативом, в отличие от аккузатива на -əs.

2.2. По нашим данным, существует целый ряд собственно синтаксических и морфологических ограничений на варьирование оформления ПД в коми-зырянском печорском. Так, специальный показатель аккузатива обязателен, если ПД оказывается в абсолютном начале предложения, будучи линейно оторванным от глагола:

- (6) Dəɾəm-sə /* Dəɾəm təɾyt mam peslaj-i-s.
 рубашка-ACC.3 рубашка вчера мама стирать-PRT-3
Мама вчера рубашку постирала.

Местоимения и имена собственные обязательно оформляются показателем аккузатива. При наличии в именной группе указательного местоимения также требуется обязательного оформления ПД посессивным аккузативным показателем -sə:

- (7) Vok pəɾəd-i-s tonə sijə pu-sə / *pu.
 брат рубить-PRT-3 он тот дерево-ACC.3 / дерево
Брат срубил он то дерево.

³ Может возникнуть вопрос, почему мы анализируем посессивные показатели аккузатива, оставляя в стороне посессивную парадигму для других падежей (хорошо известно, что во многих финно-угорских языках посессивные показатели расширяют свою сферу употребления и могут нести те или иные дискурсивные функции). Принятое нами решение мотивируется тем, что в коми-зырянском печорском распределение посессивных суффиксов аккузатива подчиняется ряду правил и ограничений, не действующих для других падежей.

Кроме того, как и в других финно-угорских языках, при отсутствии чисто формальных ограничений выбор оформления ПД может регулироваться собственно дискурсивными факторами: то или иное оформление может быть не обязательно, а предпочтительно. Исследователи коми-зырянского языка приводят два основных параметра для объяснения выбора оформления ПД: в статье [Прокушева 1984] обсуждается фактор определенности, конкретности и единичности именной группы, в работах [Бубрих 1949] и [Коми энциклопедия 1998] – одушевленность. В печорском диалекте одушевленность задает строгие правила выбора между аккузативом и отсутствием оформления. Например, одушевленные ИГ не могут оставаться неоформленными в позиции ПД (8); неодушевленные ИГ могут не оформляться (9).

(8) Sija aʒʒʹ-i-s **nyvka-əs** / *nyvka.

он видеть-PRT-3 девушка-ACC / девушка

Он увидел какую-то девушку.

(9) Kolhoz-yn uʒal-əm bər-yn menə yst-i-s-ni

колхоз-INESS работа-NZR после-INESS я.ACC отправить-PRT-3-PL

gruz katly-ny Jep-šʹanʹ Šantym-əʒʹ.

груз поднимать-INF Сарьюдин-EGR Шантым-TERM

После работы в колхозе меня отправили с грузом в Сарьюдин

до Шантыма. <После работы в колхозе меня отправили с грузом в Сарьюдин до Шантыма...>

...Mi təlyšʹ čʹəʒ **sij-əs** **gruz-sə** vajal-i-m

мы месяц в.течение этот-ACC груз-ACC.3 привозить-PRT-1PL

katl-i-m.

поднимать-PRT-1PL

Мы целый месяц этот груз привозили и поднимали.

(10) Me kəsj-a aʒʒʹ-i-ny **mort-sə** kody təryt

я хотеть-NPST найти-INF человек-ACC.3 который вчера

otsal-i-s dəm-ny ruʒ.

помогать-PRT-3 чинить-INF лодка

Я хочу найти человека, который помог (нам) лодку починить.

Как одушевленные, так и неодушевленные ИГ, будучи в позиции ПД, могут оформляться посессивным аккузативом, ср. (9) и (10). Выбор оформления определяется референциальным статусом (в терминах [Падучева 1985]) и коммуникативным членением предложения. Примеры (8)–(10) иллюстрируют релевантность референциального статуса⁴ для выбора оформления ПД. В (8) и (9) представлены неопре-

⁴ Точнее, в коми-зырянском печорском для выбора оформления ПД релевантны и референциальный статус, и коммуникативное членение предложения. Однако для целей настоящей статьи фактор коммуникативного членения мож-

деленные ИГ: в (8) неопределенность задана с помощью неопределенного местоимения, в то время как в (9) она задается за счет контекста. Первое предложение примера (9) взято из текста; это предложение, где в первый раз упоминается соответствующий участник. Во втором предложении данный участник упоминается во второй раз, т. е. является определенным; в силу этого он оформляется показателем посессивного аккузатива. Пример (10) показывает, что определенные одушевленные ИГ также оформляются посессивным аккузативом.

Итак, при выборе оформления ПД действуют следующие тенденции:

	одушевленные	неодушевленные
Определенные	-sə	-sə
Неопределенные	-əs	немаркированная форма

Подчеркнем, что фактор одушевленности накладывает строгие грамматические запреты, в то время как референциальный статус лишь задает тенденцию выбора маркирования ПД. (См. подробнее [Толдова, Сердобольская в печати].)

Таким образом, с одной стороны, существует целый ряд формальных правил, определяющих выбор оформления ПД. Для выявления таких правил достаточно анализа изолированных предложений. С другой стороны, в целом ряде случаев действуют дискурсивные факторы, в частности, референциальный статус именной группы. Анализ данных факторов требует обращения к контексту. То есть, как справедливо отмечают многие исследователи, выбор оформления ПД может быть адекватно описан только при обращении к анализу текста.

Признавая справедливость данного утверждения, мы покажем, что исследование изолированных высказываний также может выявить некоторые существенные закономерности в оформлении ПД.

3. Лексические свойства глагола и референциальный статус ПД

Нами был проведен следующий эксперимент. Носителям языка предлагалось перевести с русского на коми простые нераспространенные предложения вида «подлежащее + глагол + прямое дополнение» (например, «Сестра сшила платье», «Отец выкопал яму», «Пастух выгнал коров» и т. д.). Среди них были предложения, различающиеся только прямыми дополнениями, и были также предложения, различающиеся только глаголами. Предложения предлагались в произволь-

но не анализировать; все приводимые примеры содержат «нейтральный» контекст с точки зрения коммуникативного членения (контекст, соответствующий типу коммуникативного членения, при котором подлежащее принадлежит теме, прямое дополнение и глагол – реме). О более точной взаимосвязи данных факторов при выборе оформления ПД см. [Толдова, Сердобольская в печати].

ном порядке, и допускали различную интерпретацию с точки зрения референциальных свойств ПД. Таким образом, можно было бы предположить, что выбор оформления ПД будет определяться теми или иными индивидуальными предпочтениями носителей языка. Однако оказалось, что такой выбор далеко не произволен. Для ряда предложений можно было выявить общую для всех носителей языка тенденцию в оформлении.

В некотором подмножестве высказываний, в которых различались только глаголы, а позицию ПД занимали одни и те же существительные, последние получали разное оформление:

(11)а. *Bat'-əj romal-i-s pis'mo-sə.*
отец-1SG закончить-PRT-3 письмо-ACC.3
Отец закончил письмо.

(11)б. *Bat'-əj giž-i-s pis'mə.*
отец-1SG написать-PRT-3 письмо
Отец написал письмо.

При глаголе *romavnu* ПД чаще оформлялось показателем винительного падежа (13а) в то время, как при глаголе *gižnu* эта же именная группа преимущественно оставалась неоформленной (13б).

В связи с тем, что в данной ситуации действие других факторов исключено, остается предположить, что такая последовательность и согласованность в действиях носителей языка объясняется семантическими свойствами глаголов.

Действительно, многие исследователи указывают на то, что семантические свойства глагола могут влиять на референциальный статус его актантов. Так, например, Е. В. Падучева приводит ряд таких примеров из русского языка: предикаты *вымирать*, *водиться* и др. требуют родового статуса подлежащего; наоборот, большой класс предикатов (*пьян, здоров, в отчаянье, голоден*) исключает подлежащее в родовом статусе ([Падучева 1985: 104]). То есть, для выявления расхождений в кодировании ПД необходимо обращение к лексическим свойствам глагола.

В результате проведенного эксперимента оказалось возможным выделить следующую группу глаголов. Это пары глаголов, представляющие собой лексические конверсивы, такие как 'продать' – 'купить', и пары глаголов, обозначающие противоположно направленные действия⁵ 'надеть' – 'снять', 'вырыть' – 'закопать' и т. п.:

Класс 1 – Класс 2:	Класс 1 – Класс 2:
Построить – сломать	Завязать – развязать
Купить – продать	Найти – потерять

⁵Пары глаголов типа «действие» – «уничтожение результата действия» по [Апресян 1995: 290–292].

Налить – вылить	Копать – засыпать (яму)
Надеть – снять	Поймать – отпустить
Дать – вернуть	Зашить – порвать

При первом глаголе каждой из этих пар неодушевленные именные группы не получают оформления, одушевленные – присоединяют показатель *-s*; при втором – чаще всего (но не всегда) возникает показатель *-sə*:

(12)а. *Sija kərtal-i-s gərəd.*

тот завязать-*PRT-3* узел

Он завязал узел.

(12)б. *Sija raž'-i-s gərəd-sə.*

тот развязать-*PRT-3* узел-*ACC.3*

Он развязал узел.

Чем мотивируется выбор различного оформления в (12а) и (12б)? Можно ли считать, что референт имени *gərəd* в (12а) и (12б) обладает одними и теми же референциальными свойствами? Кажется, нет. Семантика глагола *kərtavny* ‘развязывать’ предполагает, что его объект создается в результате совершения действия; следовательно, такой объект скорее всего будет интерпретировать, как обладающий неопределенным референциальным статусом (интерпретация ПД как определенного возможна только в «сильном» прагматическом контексте, например, *Он сначала не мог затянуть узел, но потом подтянул повыше веревки и завязал этот узел*). Глагол *raž'ənə* ‘завязывать’ в примере (12б), наоборот, предполагает существование ПД до момента совершения действия (нельзя развязать узел, если он не был завязан) и, возможно, известность соответствующего участника слушающему. Аналогичным образом объясняется различное оформление в (11): в (11б) референт имени *piš'mo* создается в результате совершения действия и, видимо, интерпретируется как неопределенный, а (11а) предполагает существование референта до момента совершения действия и его (возможную) определенность.

Можно было бы предположить, что отсутствие показателя винительного падежа в рассмотренном примере связано исключительно с тем, что глаголы ‘завязать’ и ‘написать’ в одном из значений предполагают создание нового объекта, что имплицитно его неопределенный референциальный статус. Однако в паре конверсивов ‘купить’ – ‘продать’ объект существует до момента сделки; несмотря на это мы можем наблюдать аналогичную закономерность в оформлении ПД:

(13)а. *Vok nəb-i-s kerka.*

брат купить-*PRT-3* дом

Брат купил дом.

- б. Vok vuzal-i-s **kerka-sə.**
 брат продать-PRТ-3 дом-ACC.3
Брат продал дом.

В (13а) глагол ‘купить’ не предполагает каузацию существования референта, однако он предполагает каузацию появления нового референта в поле зрения говорящего и слушающего, то есть, имплицитно вводит в дискурс нового референта. В данном примере существительное *kerka* ‘дом’ не имеет показателя винительного падежа. В (13б) референт существительного *kerka* может быть также упомянут в дискурсе впервые, однако в полученных примерах данная ИГ оформлялась винительным падежом. Это можно объяснить тем, что по экстралингвистическим причинам сообщение о продаже скорее относится к объекту, уже известному участникам коммуникации (за исключением контекста объявления, например *Продается магнитофон Sony*). Глагол ‘продавать’ предполагает знание участников коммуникации о существовании объекта продажи до момента произнесения данного высказывания, то есть объект продажи эксплицитно или имплицитно актуализован в дискурсе. Иными словами, если в (13а) глагол ‘покупать’ имплицитно вводит в дискурс нового референта, то в (13б) глагол ‘продать’ предполагает существование объекта продажи в presupпозиции высказывания.

Сравним также следующие пары примеров:

- (14)а. Мама kiš't-i-s **jəv.**
 мама налить-PRТ-3 молоко
Мама налила молоко.
- б. Мама kiš't-i-s **va-sə.**
 мама вылить-PRТ-3 вода-ACC.3
Мама вылила воду.
- (15)а. Мама kətəd-i-s **kəluj.**
 мама намочить-PRТ-3 белье
Мама замочила белье (для стирки).
- б. Мама koš't-i-s **kəluj-sə.**
 мама сушить-PRТ-3 белье-ACC.3
Мама высушила белье (после стирки).

Глагол *kiš'tunu* может означать и ‘налить’, и ‘вылить’. В отличие от ‘налить’, значение ‘вылить’ (14б) предполагает, что референт именной группы *va-sə* ‘вода-ACC.3’ упоминался в предшествующем дискурсе. Странно звучит предложение *Я вошел в кухню, и увидел, что мама вылила воду/молоко/...*, если ранее в дискурсе не был введен участник *вода/молоко/...*, т. е. если ранее не было речи о какой-то ёмкости в кухне (стакан/кастрюля и т. д.), в которую была налита описываемая

жидкость. Напротив, с глаголом 'налить' данное предложение становится естественным. Иными словами, 'налить' естественно звучит в контексте участника с неопределенным референциальным статусом, а 'вылить' – с определенным. Аналогичным образом, в (15б) предполагается существование постиранного белья до момента, описываемого в данном высказывании; (15а) звучит естественно в контексте, где участник, обозначаемый словом *kəluj* 'белье' не был введен в дискурс.

На аналогичную зависимость кодирования ПД от лексико-семантического класса глаголов в хантыйском языке указывает И. Николаева в [Nikolaeva 2001]. В данной работе высказывается предположение, что некоторое подмножество переходных глаголов может быть разбито на два класса: глаголы, которые обычно вводят в круг знаний слушающего новый объект (глаголы с семантикой 'найти', 'сварить', 'приготовить') и глаголы, которые обычно сообщают новую информацию об уже известном референте ('починить', 'искать', 'убить'). Первый тип глаголов, несмотря на наличие ПД, чаще выбирает субъектное спряжение, второй тип – субъектно-объектное.

Таким образом, предикаты, относящиеся к первому классу, а именно: 'найти', 'купить', 'поймать' и т. д., чаще всего (но не обязательно) вводят в круг знаний слушающего новые объекты. Следовательно, вне контекста ПД при таких глаголах будет интерпретироваться, как неопределенное, и получать нулевое оформление (для неодушевленных имен в коми-зырянском печорском). В широком контексте такая интерпретация может быть «зачеркнута»: например, ср. *найти кошелек – найти кошелек, который вчера потерял, купить хлеба – купить тот велосипед, который мы вчера выбрали* и т. п. Предикаты, относящиеся ко второму классу, чаще всего сообщают слушающему информацию об объекте, который уже упоминался в дискурсе или же присутствует во внеязыковой ситуации. Это глаголы типа 'потерять', 'продать', 'вернуть' и др. Такие глаголы будут, вероятнее всего, вводить именные группы с определенным референциальным статусом (существование референта именной группы, занимающей позицию ПД, входит в пресуппозицию высказываний с данными глаголами), и требовать оформления маркером *-sə*. То есть, класс глагола определяет «дефолтные» референциальные свойства именной группы, которые приписываются при отсутствии «сильного» прагматического контекста.

Уточним, что речь идет именно о подмножестве переходных глаголов, а не обо всех переходных глаголах языка, т.к. многие глаголы, по-видимому, не имеют такой дефолтной интерпретации (например, 'есть', 'пить', 'любить' и др.). Это подтверждается данными проведенного нами эксперимента: такие глаголы дают распределение (приблизительно) 50% на 50% с точки зрения выбора оформления ПД.

Данное явление может быть объяснено в терминах наличия / отсутствия в семантике глагола пресуппозиции известности объекта: глаголы первого класса имплицитно вводят в дискурс нового референта, а глаголы второго класса предполагают существование объекта в пресуппозиции высказывания. Трактовка в терминах наличия пресуппозиции в семантике глагола ставит указанные классы глаголов в параллель к отмечавшейся в литературе дихотомии между фазовыми глаголами начала и конца ситуации: конец ситуации (*Петя бросил курить*) имеет пресуппозицию, что данная ситуация имела место (*Петя курил*); начало ситуации (*Петя начал курить*) не имеет такой пресуппозиции, см. подробнее [Geurts 1999].

Заметим, что наблюдаемое явление, по-видимому, действует на стыке лексико-семантических факторов и прагматики: «дефолтные» интерпретации, описываемые выше, зависят не только от лексического значения глагола, но в значительной степени определяются естественностью соответствующей ситуации (найти известный кошелек – найти неизвестный кошелек; вылить известную воду – вылить неизвестную воду) в прагматическом контексте.

Очевидно, что связь индивидуальных лексических свойств глагола с оформлением ПД может быть выявлена только в отдельно взятых предложениях. Отсутствие контекста исключает влияние дискурсивных факторов, и такие примеры допускают различную интерпретацию с точки зрения референциального статуса ПД.

Приведенный выше материал коми-зырянского печорского убедительно показывает, что предикат может накладывать ограничения на референциальные свойства своих актантов, и эти ограничения отражаются на поверхностном кодировании актантов.

4. Заключение

На выбор оформления ПД в коми-зырянском печорском влияет комплекс факторов на разных уровнях языка: порядок слов, состав именной группы (наличие указательных местоимений, посессивность и др.), референциальный статус, одушевленность ПД, коммуникативное членение высказывания. Анализ кодирования ПД в изолированных предложениях позволяет выявить еще один фактор, который связан с лексико-семантическими свойствами переходного глагола. Некоторое множество глаголов образует два класса, различающиеся по «дефолтным» референциальным характеристикам, которые глагол приписывает своему ПД (например, *потерять*: данное, *найти* (*на дороге*) – новое и т. д.). При отсутствии в дискурсе указания на другую интерпретацию, слушающий использует «дефолтные» установки, то есть приписывает ПД референциальный статус, характерный для данного класса глаголов. Данное явление может трактоваться, как наличие / отсутствие в семантике глагола пресуппозиции известности объекта:

глаголы первого класса имплицитно вводят в дискурс нового референта, а глаголы второго класса предполагают существование объекта в пресуппозиции высказывания.

Связь референциальных свойств ПД и грамматических характеристик переходного глагола отмечалась уже не раз. В частности, можно вспомнить исследования в теории аспектуальной композиции [Krifka 1989a; 1989b], а также работы [Крылов 1984, Hopper, Thompson 1980]. Например, в предложении *Петя ест яблоко* существительное *яблоко* получает референтную интерпретацию в силу актуально-длительной временной отнесенности ситуации. Однако если поместить данную пропозицию в сферу действия глагола *хотеть* – *Петя хочет съесть яблоко* – ситуация ‘съесть яблоко’ превращается в потенциальную, и существительное *яблоко* автоматически начинает интерпретироваться, как нереферентное. Правила, анализируемые в перечисленных работах, связаны с грамматическими характеристиками глагола; в настоящей статье, напротив, речь идет о лексических характеристиках. Как было показано, наблюдаемое явление, по-видимому, действует на стыке лексико-семантических факторов и прагматики: «дефолтные» интерпретации, описываемые выше, зависят не только от лексического значения глагола, но в значительной степени определяются прагматической естественностью соответствующей ситуации.

Обозначения

1	первое лицо
2	второе лицо
3	третье лицо
ACC	аккузатив
DAT	датив
EGR	эгрессив
GEN	генитив («притяжательный падеж» [там же])
INESS	инэссив
INF	инфинитив
NPST	не-прошедшее («настояще-будущее время» [там же])
NZR	номинализация
OBL	косвенная основа
PL	множественное число
PRS	настоящее время
PRT	прошедшее время («очевидное прошедшее» в [Бубрих 1949])
SG	единственное число
TERM	терминатив
VN	глагольное имя

Список литературы

Апресян Ю. Д. 1995. Лексическая семантика, т. 1: Синонимические средства языка. М.

- Бубрих Д. В.* 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинградский орден Ленина университет им. А. А. Жданова. Ленинград.
- Дмитриев Н. К.* 1960. Турецкий язык. М.
- Коми язык. Энциклопедия. 1998 / Под ред. Федюновой Г. В. **Уральское отделение РАН**, Коми научный центр. Институт языка, литературы и истории. М.
- Крылов С. А.* 1984. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23, 1984. М. С. 124–154.
- Кузнецова А. И.* 2001. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск – Лейпциг. С. 249–259.
- Муравьева И. А.* 2008. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.) 2008. Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики. М. С. 321–421.
- Падучева Е. В.* 1985. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.
- Прокушева Т. И.* 1984. Категория определенности / неопределенности в коми языке // Тираспольский Г. И. (ред.). Взаимодействие финно-угорских и русского языков. АН СССР, Коми филиал. Сыктывкар.
- Серебренников Б. А.* 1964. О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* **В печати. Дифференцирование маркирование прямого дополнения** // Кузнецова А.И. (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М. В печати.
- Aissen J.* 1998. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // CSLI Workshop ‘Is Syntax Different?’, Stanford.
- Comrie B.* 1979. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana* 3. P. 13–21.
- Dalrymple M., Nikolaeva I.* 2011. Objects and Information Structure. Cambridge Studies in Linguistics, № 131. Cambridge University Press.
- Enç M.* 1991. “The semantics of specificity” // *Linguistic Inquiry*: 22.1, Winter 1991.
- Geurts B.* 1999. Presuppositions and pronouns // *Current research in the semantics/pragmatics interface*, vol. 3. Elsevier.
- Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*: 56.2, 1980. P. 251–299.
- Johanson L.* 1977. Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement. 1977, III/2, P. 1186–1203.
- Krifka M.* 1989a. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In Bartsch R., van Benthem J., van Emde B. P. (eds.) *Semantics and contextual expression*. Dordrecht. P 75–115.
- Krifka M.* 1989b. **Nominalreferenz, Zeitkonstruktion, Aspekt, Aktionsart: Eine semantische Erklärung ihrer Interaktion** // Abraham W., Janssen T. (eds.) *Tempus – Aspekt – Modus. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen*. Tübingen. P 227–258.
- Moravcsik E.* 1978. On the Case Marking of Objects // Greenberg J. H. ed. *Universals of human language*, v.4: Syntax. Stanford University Press, Stanford, California. P. 249–289.
- Nikolaeva I.* 2001. Secondary topic in information structure // *Linguistics*: 39.1, 2001. P. 1–49.
- Tamm A.* 2004. Relations between Estonian verbs, aspect, and case. Doctoral dissertation. Budapest.

О малоизвестных деепричастиях в коми диалектах

Коми язык отличается не только разнообразием и большой спецификой падежной системы существительного, но и богатством и разнообразием разрядов деепричастий. Эти системы вполне сопоставимы. К сожалению, во всей своей полноте система коми деепричастий ещё не исследована. В данной статье предпринимается попытка дать научное описание некоторых малоизвестных деепричастий в коми-зырянских диалектах, которые обычно не привлекаются исследователями при изучении истории и современного состояния коми языка.

Во всех приведенных работах обычно берется за основу т.н. редуцированный или ограниченный 5–6 грамматическими разрядами состав деепричастий коми языка. Обычно в более ранних грамматиках коми-зырянского литературного языка и в большинстве монографий по диалектам выделяют разряды с формантами **-иг**, **-игӧн**, **-ӧмӧн**, **-тӧг**, **-тӧдз**, **-мӧн**, в грамматике коми-пермяцкого литературного языка **-ик**, **-икӧ**, **-тӧн**, **-тӧг**, **-тӧдз**, **-ӧмӧн**. В коми-пермяцких диалектах есть свое деепричастие с суффиксом **-тӧн**, но там не встречаются деепричастия на **-мӧн**. Такое представление о пермских деепричастиях, вероятно, послужило основанием для хрестоматийного уже мнения о том, что “весьма показательно почти полное совпадение сложных систем глагольных имен в пермских языках” [Хайду 1985: 50]. Естественно, полного совпадения в современных системах инфинитных глагольных форм нет, особенно у деепричастий, тем не менее в древности, в протопермский период, вероятно, было некое единство. Между тем в диалектах и литературных коми языках употребляются дополнительные деепричастия или иные образования, которые квалифицируются как деепричастия. В последней научной грамматике коми-зырянского литературного языка “Ӧнія коми кыв. Морфология” 2000 г. издания выделяется 17 разрядов деепричастий с суффиксами **-мысьт**, **-иг**, **-игӧ**, **-игӧн**, **-игам** и т.д., **-игмоз**, **-игсор**, **-игтырйи**, **-игчӧж**, **-игкості**, **-ана(а)**, **-анмоз**, **-ӧмӧн**, **-тӧг**, **-игкежлӧ**, **-тӧдз**, **-мӧн** [ӦКК 346–403].

В коми-зырянских диалектах различных деепричастных форм употребляется ещё больше, особенно в этом отношении отличается окраинный, северо-западный удорский диалект. Этот богатый материал может быть ценен в освещении истории языка с двух точек зрения: во-первых, как свидетельство дальнейшего развития и расширения морфологической системы, создания новых формантов и, во-вторых, как свидетельство о более архаичном языковом состоянии.

Одним из основных причин существования в языке современной прозы, публицистики и прессы изобилия форм, вариантов форм является то, что из всех инфинитных глагольных форм именно деепричастия имеют наибольшее разнообразие диалектных корреспонденций, что в достаточной степени отражают монографии, изданные на материале разных диалектов. Однако и они еще не вполне адекватно отражают языковую реальность, на что будет указано ниже. Материал монографий есть смысл представить в форме таблицы, составленной на основе отражения деепричастий в работах по разным коми-зырянским диалектам.

Таблица. Выделение показателей и разрядов деепричастий в диалектных монографиях

разряды	-иг	-игӧн	-ӧмӧн	-тӧг	-тӧдз	-мӧн	-мысьг	-са
труды ЛЛД	-иг	-игӧн (-игын, -игӧ)	-ӧмӧн	-тӧг	-тӧдз	-мӧн	—	—
ВСД ССД	-иг -иг (-игӧн, -игын)	-игӧн	-ӧмӧн -ӧмӧн	-тӧг -тӧг	-тӧдз -тӧдз	-мӧн -мӧн	— —	— —
ПСД	-иг (-игӧн)	—	-ӧмӧн	-тӧг	-тӧдз	-мӧн	—	—
НВД	—	—	—	—	—	—	-мис'т (мис'ти, -мис'тэн, -мысьг -мысьги (-мысь'ти, -мысь')	—
ВД	-ыгӧн (-игӧн, -ыг, -иг)	—	-ӧмӧн	-тӧг	-тӧдз	-мӧн	-мысьг -мысьги (-мысь'ти, -мысь')	—
ВВД	-иг (-игӧн)	—	-эмэн	-тӧг	-тӧдз, --тӧдз	-мэн	-мис'т (-мис'ти, мис'тэн, мысьг)	—
ИД УД	— -иг (-игӧн)	-игӧн —	-ӧмӧн -ӧмӧн	-тӧг -тӧг	-тӧдз -тӧдз (-тӧдз)	-мӧн -мӧн	— —	— -са
ИД	-ыг (-ыгӧн)	—	-эмэн	-тӧг (-тӧгйа)	-тӧдз -тӧдз (-тӧдзйа)	—	—	-са

1. Как видно из таблицы, одним их характернейших деепричастий являются формы, имеющие суффиксальный элемент **-иг**. Именно эти формы справедливо представляются первыми из-за их частотности в речи. Диалектные монографии довольно противоречиво раскрывают статус деепричастий с компонентом **-иг**. В одних случаях формы с **-иг (-ыг)** представлены отдельно от **-игӧн (-игӧн)** (ЛЛД 90; ВСД 135),

однако в большинстве работ они объединены вместе, тем самым считаясь одним деепричастным разрядом с маркировкой несколькими или многими составными суффиксами (ВД 139; ВВД 115; УД 80; ПД 44; ПСД 156; ИД 101). Практически во всех диалектах фиксируются деепричастные форманты с показателем множественного числа, что ярко отличает коми-зырянские диалекты от пермяцких и удмуртских, где эта архаичная особенность уже утратилась. Пример из вымского диалекта: *Зэригйасад туйыс зэй н'айт* К. «В дождливую погоду дорога очень грязная» (ВД 140). Однако не все богатство деепричастий с элементом **-иг-** отражают монографии по диалектам. К примеру, в среднесысольском диалекте употребляются деепричастия с составными суффиксами **-игводзвылас**, **-игводзын**, **-игводзад**, **-игводзас** и т. д., которые образовались от сочетания собственно первичного деепричастия на **-иг** и послелогов с основой *водз-* со значением «перед, до». Общее значение – указание на действие, последующее по отношению к основному. Автор статьи сам является носителем среднесысольского диалекта, поэтому примеры далее даются без ссылки. Примеры: *с'оигводзад вай кырымтё мыс'кал* «перед едой давай руки вымой», *мунигводзас Петырыс теркасоё л'учки йигналис* «перед уходом Петыр дом хорошо закрыл», *Митрейыс гётрасигводзвылас век кирза сапёгён*

ветлыллё вёли «Митрей до своей женитьбы всегда всегда ходил в кирзовых сапогах».

2. Другая серия коми деепричастий образуется на основе суффиксального элемента **-т-**. Эту серию исследователи прежних лет обычно не замечали именно как ряд форм. В верхневычегодском и удорском диалектах есть своеобразные деепричастия с элементом **-т-**, имеющие синонимичные значения с многими соответствующими **иг-**овыми деепричастиями. В верхневычегодском и удорском диалектах употребителен суффикс **-тис'**, состоящий из **-т-** и показателя элатива. Пример из говора с. Нившера Корткеросского района: *куутис' войдёр* «прежде чем умереть» (ВВД 116). Значения деепричастия на **-тис'** идентично с деепричастиями на **-тёдз**, например, *кувтёдз* «до смерти», *мунтёдз* «до ухода». В удорском диалекте употребляется целая серия составных деепричастных формантов с начальным коаффиксом **-ыд-**, **-ыг-**, после которого следуют отпослеложные элементы, например, **-ыттыр**, **-ыг-моз**, **-ыткости** (**-ыткоста**), **-ыттгшёж**, **-ытдыра**, **-ытвылб**, **-ыткежб**, **-ытвбдз** (всего восемь разрядов). Примеры из удорского диалекта: *Локтыдтийёж пин' алис менё, кыв из лэдз шуны Важ*. «Пока шли, все ругал меня, слова не дал сказать», *Муныдмозн' иныд чэглалыштб корэс'сб* Важ. «По пути наломайте веник» (УД 82–83).

Деепричастия, показатели которых восходят к финно-угорскому суффиксу отглагольных имен *-t, широко употребительны, однако они представлены единичными разрядами в литературных языках: это деепричастия последующего действия на **-тозь** в удмуртском и **-тӧдз** в коми, коми-пермяцкие деепричастия на **-тӧн**. Это послужило поводом для Д. Фокоша-Фукса говорить о небольшой группе деепричастий с суффиксальным элементом *-t [Fokos-Fuchs 1958: 295]. Составные суффиксы образованы на основе сочетания суффикса *-tV с показателем терминатива и инструменталия во временном значении. Деепричастных суффиксов с простым коаффиксом, сохраняющим этимологический *-t, не сохранилось, этот элемент выявляется лишь в составе составных суффиксов. Однако можно предположить, что в древности употребление глагольных имен на *-tV было более широким. Так, в удмуртских диалектах употребляется деепричастие с суффиксом **-тӧхож**, **-хож**, который образовался на основе сочетания -т с временным послелогом *хож* «в течение, в продолжение». Пример: *гырытхож* «в течение пахоты» [Первоицков 1959: 76]. В коми-пермяцких диалектах деепричастный суффикс **-тӧн** сохраняет употребление т-овых отглагольных имен в падежах, формально это суффикс инструменталия, однако значение коаффикса содержит временное значение. Пример: *тишакьявтӧн* «во время сбора грибов».

Значения многих отпослеложных элементов также выражает темпоральные отношения. Примеры: удорская форма **-ыттгшӧж** практически идентична с упомянутым удмуртским диалектным суффиксом **-тхож**, **-ххож**. В удорском диалекте параллельно употребляется две серии составных деепричастных формантов с одинаковыми отпослеложными коаффиксами, это **иг**-овая и **ыг/ыд**-овая серии. Предполагаем, что подобная же множественность деепричастий была присуща, вероятно, и для прапермского языка-основы.

3. Тем не менее, некоторые деепричастия вовсе не представлены в диалектных монографиях. В южнокоми диалектах продуктивно употребляются деепричастия с суффиксом **-анмоз**, что хорошо отражают литературные тексты писателей-уроженцев соответствующих районов, например, в произведениях Нины Куратовой: «*Мамӧ, тишак вотанмоз, гашкӧ, кайлам дед-баб грездад?*» «Мама, может быть, попутно собирая грибы, сходим в деревню дедушки-бабушки», «*Керкасӧ видланмоз пӧ кайлі грездӧ да пывсян быдӧн ломтывлі, ошйысис тай*» «С целью посмотреть свой дом сходил в деревню, мол, и даже баню топил, хвалился», «*Пӧчӧяс чайсӧ чупкӧданмоз кывзӧны*» «Бабушки, прихлебывая чай, слушают». Лишь деепричастия на **-анмоз** теперь употребительны в литературном коми языке (хотя и у определенных авторов, урожен-

цев южных районов Республики Коми (Нины Куратовой, Владимира Безносикова, Михаила Елькина, Лии Панюковой), поэтому мы располагаем гораздо большим материалом, позволяющим более рельефно выявить особенности их грамматической семантики. Исторически составной суффикс возник от сочетаний суффикса **-ан** отглагольных существительных со значением имя действия и сравнительного послелога *моз* «как, подобно». В среднесысольском диалекте употребление этих деепричастий обычно мотивировано желанием указать на побочное действие к основному, например, *Кол'я, мунанмозыд пырал лавкад нян'ла* «Коля, по пути зайди в магазин за хлебом», – *Кор нё ешиё уди тид вотчынысё?* – *Гортё котёртанмоз кытишалышитим* « – Когда успели собрать грибы-ягоды? – Быстро идя бегом домой обошли места», *Вайё, нывйас, шоччанмоз йур туййассё куртыштам* «Давайте, девушки, как-бы отдыхая, ради отдыха остатки сена от копен сгребем», – *Ветлы, Вас' пылс'анё, мунигмозыд ва ведра ну* « – Сходи, Вась, в баню (посмотреть печь), по пути унеси ведро воды» и т. д.

В принципе значение рассматриваемых деепричастий синонимично с другими разрядами, образующимися одинаковым путем, но на основе суффиксального элемента **-иг-**: разрядов с суффиксами **-иг-моз**, **-игтыр** (**-игтырйи**).

В отношении выражения субъекта действия деепричастия могут не выражать их, и могут указывать на них при помощи притяжательных суффиксов, присоединяющихся к форманту деепричастия. Хотя и в том и в другом случае субъект действия деепричастия и основного действия предложения совпадает, например, – *Мый тайё?* – *ёкмьльсё босьтан-моз юала ме* (Н. Куратова) « – Что это? – беря узелок, спрашивю я», *Пёрчысянмозыс и паніс сёрни Анастасия Васильевна* (Н. Куратова), «Раздеваясь(она) и затеяла разговор Анастасия Васильевна».

Формы субъектно-определенных деепричастных суффиксов следующие:

	в единственном	множественном числе <i>мунны</i> «идти»
1 лицо	–	мун-анмоз- ным
2 лицо	мун-анмоз- ыд	мун-анмоз- ныд
3 лицо	мун-анмоз- ыс	мун-анмоз- ныс

По выражению временного плана деепричастия указывают на так-сис одновременности с основным действием, имеющий оттенок попутности, меньшей значимости с точки зрения говорящего. Примеры: – *Ах, Степан, Степан... – улёс вылё бёр пуксянмоз ышловзышитіс нывбаба* «– Ах, Степан, Степан, – сядясь обратно на стул, легко вздохнула женщина» (Н. Куратова), *синнас дзэбсьём детинкаёс корсянмоз сёрнитіс*

Мария Ивановна «глазами спрятавшегося мальчика разыскивая, говорила Мария Ивановна» (Л. Панюкова).

Несмотря на оттенок попутности действия, деепричастия с суффиксом –**анмоз** продуктивно образуют собственные синтаксические конструкции, управляя зависимыми от деепричастия распространителями. Примеры: *Радий Андреевич кабинасьыс чеччанмоз горödis* (Н. Куратова) «Радий Андреевич, выпрыгивая из кабины, крикнул», – *Кöн нö та дырасö пукалин, Анна? – А чай юанмоз Марпакöд варовитим быдсяматоръяс йывсьыс* (В. Безносилов) «– Где так долго сидела, Анна? – А чай выпивая с Анной говорили обо всем», *Кытчöдз, зумыд кымöр ваянмоз, тöвруыс оз пöльышт ЛПК-сянь* (М. Елькин) «До того времени пока сильную тучу неся, не подует ветер со стороны ЛПК». Из-за односубъектности действия деепричастий с основным действием предложении деепричастия не могут образовывать абсолютных конструкций, т. е. в них может выражаться отдельно лишь объект и адресат действия.

Рассмотренные малоизвестные деепричастия ещё нуждаются в дополнительном исследовании.

Литература

- ВВД – Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. А. Верхневычегодский диалект коми языка. Историко-филологический сборник. Вып 10. Сыктывкар, 1966.
- ВД – Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.
- ВСД – Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
- ИД – Сахарова М. А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- ЛЛД – Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- ПД – Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- ÖКК – Öнiя коми кыв. Морфология / В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федюнева, Е. А. Цыпанов. Сыктывкар, 2000.
- Перевоицков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
- ПСД – Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
- УД – Сорвачева В. А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Fokos-Fuchs D. R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // ALHung. VIII. 1958. S. 273–342.

Е. В. Кашкин (Москва)

**О роли целостного рассмотрения языковой системы
в лексической типологии
(опыт исследования коми-зырянских и
хантыйских глаголов со значением ‘ломать’)**

1. Введение

Во многих работах А. И. Кузнецовой ставится проблема достоверности результатов типологических работ, выполняемых на материале значительной по объему языковой выборки, когда исследователь вынужден обозревать большинство из рассматриваемых языков «с высоты птичьего полета», в результате чего за рамками его внимания могут оставаться многие тонкости системы конкретного языка, а те или иные релевантные для типологического анализа признаки оказываются описанными неполно или же вовсе ошибочно.

Естественно, что большинство из такого рода вопросов формулировались и формулируются по сей день преимущественно к работам по грамматической типологии как к наиболее развитой ветви типологических исследований. В последние годы, однако, получила активное распространение и типология лексическая, задача которой состоит в сопоставлении устройства семантических полей в языках мира и в объяснении наблюдаемых закономерностей и ограничений ([Рахилина, Плунгян 2007], [Koptjevskaja-Tamm 2008]). Методики сбора и анализа лексико-типологических данных могут быть различными. С одной стороны, достаточно популярен психолингвистический подход, восходящий еще к классической работе [Berlin, Kay 1969], посвященной типологии цветообозначений. Сейчас этот подход активно развивается в Институте Макса Планка (г. Неймеген, Нидерланды): при работе по такой методике информантам предъявляется ограниченный набор визуальных стимулов, например, картинок или видеоклипов, для описания которых они должны подобрать подходящее слово или словосочетание, после чего, проанализировав их ответы, исследователь формулирует обобщения касательно устройства интересующего его семантического поля (ср. анализ группы глаголов разделения объекта, результаты которого изложены в [Majid et al. 2007, 2008]). С другой стороны, получает распространение и подход Московской лексико-типологической группы под руководством Е. В. Рахилиной ([Рахилина, Плунгян 2007], [Рахилина, Резникова 2011]), в рамках которого делается упор на подробный анализ сочетаемости лексических единиц (проводимый как с помощью специально составляемых типологических анкет, так и по данным текстовых корпусов) и на дальнейшее описание их семантики с использованием популярного в когнитивной лингвистике понятия фрейма, когда семантика лексемы характеризуется путем перечисления и обобщения ситуаций внеязыковой действительности (фреймов),

к которым она может отсылать. При этом, однако, возникает вопрос: достаточно ли для корректного описания семантического поля и глубокого понимания его устройства просто проработать составленную по какой бы то ни было методике анкету, не вникая детально в систему изучаемого языка? Или, может быть, необходимо учитывать и другие характеристики изучаемых лексем, как-то: их употребления за пределами рассматриваемой семантической зоны (как метафоры, так и исходные употребления, первичные по отношению к интересующим исследователя), этимологию, словообразовательную структуру, связи с другими семантическими группами? Справедливости ради отметим, что эти вопросы уже отчасти затрагивались в работах по лексической типологии, но всё же основной акцент ставился на привлечение к анализу грамматических свойств лексем, а также на необходимость исследования метафор в их связи с исходными употреблениями слова (ср. рассмотрение именно под таким углом метафор, развиваемых глаголами вращения, в [Круглякова 2010]). В [Майсак, Рахилина 2007: 74] приводится анкета для исследования глаголов движения в воде, содержащая помимо прочего раздел «Этимология и производные», но в целом в реальной практике лексико-типологической работы рассмотрение подобных вопросов обычно остается на периферии исследования (а в работах психолингвистического направления, подобных [Majid et al. 2007, 2008], и вовсе игнорируется).

Предметом обсуждения в настоящей статье станут глаголы неинструментального разделения твердого объекта (соответствующие русскому *ломать*) в двух финно-угорских языках: коми-зырянском и хантыйском. Мы подробно опишем устройство систем этих глаголов в обоих языках, обращая при анализе материала особое внимание на сформулированный выше круг проблем.

Источником материала по коми-зырянскому языку послужили преимущественно данные мужевского говора ижемского диалекта, собранные нами в полевых условиях. Привлекается также материал литературного языка и в меньшей степени удорского диалекта. Хантыйские глаголы описываются на материале обследованного в ходе полевой работы тегинского говора (близкого к казымскому диалекту, но не идентичного ему, ср. приведенную в [Николаева 1995: 6] характеристику этого говора как занимающего в хантыйском диалектном континууме промежуточное положение между казымским и шурышкарским диалектами).

2. Коми-зырянский язык

2.1 Глагол *чегны*

Глагол *чегны* является основной лексемой, выражающей в коми-зырянском языке (как в литературной системе, так и в ижемском диалекте) значение 'ломать'. Прежде всего необходимо, однако, оговорить, что данный глагол проявляет свойство лабильности, т. е. имеет и переходные употребления, как русский глагол *ломать* (многочислен-

ные примеры будут приведены ниже), и непереходные, подобно русскому *ломаться*, см. пример (1) из ижемского диалекта:

- (1) Чёрс-ыс ус-и и **чег-ис**¹.
 веретено-POSS3SG падать-PST.3SG и ломаться-PST.3SG
Веретено упало и сломалось.

При этом различий по таким значимым для противопоставления глаголов разделения объекта параметрам, как тип разделяющегося объекта и тип воздействия на него (давление, удар и т. п.), между переходными и непереходными употреблениями нами не выявлено, поэтому в дальнейшем изложении лабильность глагола *чегны* специально не оговаривается.

Что же касается контекстов употребления данного глагола, то он описывает очень широкий спектр ситуаций, в частности разламывание руками длинных вытянутых объектов (палки через колено, карандаша), плоских объектов (например, бересты, крыльев птицы), объемных объектов (например, хлеба), см. ижемские примеры (2)–(4).

- (2) Пу-сэ босыт-і и пидес-нам **чег-и**.
 палка-ACC.POSS3SG брать-PST.1SG и колено-INSTR.POSS1SG ломать-PST.1SG
Палку я взял и через колено (букв.: коленом) переломил.

- (3) Ме сюмед-сэ **чег-и**.
 я береста-ACC.POSS3SG ломать-PST.1SG
Я кусок бересты переломил.

- (4) Нянь-сэ ин **чег** ки-над, шёроо
 хлеб-ACC.POSS3SG NEG.IMP ломать рука-INSTR.POSS2SG резать.IMP
 пурт-нас.
 нож-INSTR.POSS3SG
Хлеб не ломай руками, отрежь ножом.

Глаголом *чегны* может быть описано не только разделение объекта, но и его отделение от какого-либо другого объекта, например, отламывание руками отростка цветка, ветки дерева, как в примере (5) из ижемского диалекта.

- (5) **Чег** менум чаль-сэ **чег** цветок-ссыд.
 ломать.IMP я.DAT отросток-ACC.POSS3SG цветок-EL.POSS2SG
Отломи мне отросток от твоего цветка.

Описывает этот глагол и разделение объекта, совершаемое путем давления на него, как в предложении (6), записанном от носителя удорского диалекта.

- (6) Вёр-ын сійё пукс-ис кутшём-кё кос увъ-яс выл-ё и
 лес-ESS он сесть-PST.3SG какой-INDEF сухой ветка-PL верх-ILL и
чег-ис найёс.
 ломать-PST.3SG они.ACC
В лесу он сел на какие-то сухие ветки и сломал их.

¹Примеры из литературного коми-зырянского языка даются в литературной орфографии. Диалектные примеры приводятся в фонематической транскрипции с использованием кириллической графики.

Вместе с тем интересно, что в подобных контекстах глагол *чегны* не может обозначать нарушение целостности участка плоского объекта, занимающего большую площадь. Так, ситуация ‘проломить лёд’ может описываться глаголом *поткõдны* ‘расколоть’, но не глаголом *чегны* (ср. пример (7) из удорского диалекта). Аналогичным образом, разделение относительно небольшого деревянного объекта путем давления на него глагол *чегны* в принципе обозначать способен (ср. выше пример (6) о раздавливании лежащих на земле веток), но в ситуации нарушения целостности пола (тоже деревянного, но уже имеющего заведомо большую площадь) этот глагол уже недопустим, ср. пример (8) из литературного коми-зырянского языка.

- (7) Зонка тальчч-ис вõсни йи выл-õ и
 мальчик наступить-PST.3SG тонкий лёд верх-ILL и
поткõд-ic / *чег-ис сийõс.
 колоть-PST.3SG ломать-PST.3SG он.ACC
Мальчик наступил на тонкий лёд и проломил его.

- (8) Ме дждж-сõ **розьõд-и** / *чег-и.
 я пол-ACC.POSS3SG продыривить-PST.1SG ломать-PST.1SG
Я проломил пол.

Описанное только что ограничение выполняется и для непереходных употреблений глагола *чегны*. Так, денотативно одна и та же ситуация в ижемских примерах (9) – (10) будет описана с помощью разных глаголов: будучи допустимым для обозначения разрушения половой доски в (9), глагол *чегны* невозможен в (10), где сказано о нарушении целостности всего пола.

- (9) Пос пõл-ыс **чег-ис.**
 пол доска-POSS3SG ломаться-PST.3SG
Половая доска сломалась.

- (10) Пок-ыс **бужд-ic** / *чег-ис.
 пол.OBL-POSS3SG провалиться-PST.3SG ломаться-PST.3SG
Пол проломился.

Наконец, глагол *чегны* обозначает и перелом какой-либо части тела (на пример, ребра, руки, ноги, зуба), ср. пример (11) из ижемского диалекта.

- (11) Сья ус-и и кок-сэ **чег-ис.**
 он падать-PST.3SG и нога-ACC.POSS3SG ломать-PST.3SG
Он упал и ногу сломал.

Что же касается переносных употреблений глагола *чегны*, то он, в отличие от русского *ломать* и его производных, не применяется в ситуациях нарушения функциональности объекта без его разделения на части (ср. рус. сломать *замок, часы*). В этих случаях будет использован глагол *жугõдны*, означающий исходно ‘разбить (хрупкий предмет)’.

Глагол же *чегны*, употребляясь как в переходной, так и в непереходной конструкции, метафорически описывает неприятное ощущение, возникающее в глазах от воздействия солнечного света или дыма, что проиллюстрировано в записанных от носителей ижемского диалекта примерах (12) и (13).

(12) Синм-ес тшын-сьыс **чег-и.**
 глаз.OBL-ACC.POSS1SG дым-EL.POSS3SG ломать-PST.3SG
Дым мне глаза разъедает (букв.: Мои глаза от дыма сломало).

(13) Шонді-сьыс синм-е **чег-и.**
 солнце-EL.POSS3SG глаз.OBL-POSS1SG ломать-PST.3SG
От солнца мне глаза ломит (букв.: От солнца глаза мои сломались).

Наконец, глагол *чегны* имеет и ряд переносных употреблений, по-видимому, калькированных с русских *Сломить норы упряма; Его сломила болезнь* и т. п.

2.2 Глагол *чашкӧдны (чашкедны)*

Значение глагола *чашкӧдны* (в ижемском диалекте использующегося в варианте *чашкедны*) во многих контекстах может быть передано на русский как ‘расщепить’. Этот глагол описывает такое разделение твердого объекта на части, которое осуществляется путем разведения руками этих частей в разные стороны, начинаемого в тот момент, когда они еще образуют единый объект (возможно, однако, уже деформированный), и продолжающегося до момента их полного отделения друг от друга. Примерами таких ситуаций являются расщепление не до конца расколотой чурки (14) или разделение оленьей туши (15).

(14) Чурка-сэ пыр-пыр иг поткед и ки-нам
 чурка-ACC.POSS3SG совсем NEG.PST.1 колоть и рука-INSTR.POSS1SG
чашкед-и.
 расщепить-PST.1SG
Чурку не совсем раскол и руками расщепил.

(15) Менам ай-э точк-ис кӧр, ку-сэ кул-ис,
 я.GEN отец-POSS1SG заколоть-PST.3SG олень шкура-ACC.POSS3SG драть-PST.3SG
 кокъ-яс-сэ **чашкед-л-ис,** а яй-сэ кер-ал-ис.
 нога-PL-ACC.POSS3SG расщепить-ITER-PST.3SG а мясо-ACC.POSS3SG рубить-DISTR-PST.3SG
Мой папа заколот оленя, шкуру содрал, ноги разломал в суставах (букв.: расщепил), а мясо разрубил.

Используется глагол *чашкӧдны* и в значении ‘расщепить’ применительно к молнии, как в литературном примере (16), и в этом случае описывая значительную деформацию объекта.

(16) Гымньӧв **чашкӧд-ӧма** пӧрысь пожӧм.
 молния расщепить-PST2 старый сосна
Молния расщепила старую сосну [Лыткин (ред.) 1961: 735].

По всей видимости, значение физического воздействия на объект и нарушения его целостности следует считать исходным для глагола *чашкѳдны*. Так, в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» ([Сорвачева (ред.) 1961: 406]) приводится целый ряд однокоренных для него слов, как-то: *чашйыны* ‘рвать, разрывать, вырывать, драть, раздирать, дергать’, а в летском диалекте – ‘мелко колоть, расщеплять (дрова)’; *чашмунны* ‘разорваться, разодраться на части’; *чашинитны* ‘вырвать, выхватить’; *чаштыны* ‘расщепиться, расколиться, треснуть, лопнуть’. В удмуртском языке, относящемся, как и коми-зырянский, к пермской группе, есть глагол *чашыйны*, означающий, по данным словарей [Кириллова (ред.) 2008: 745], [Лыткин, Гуляев 1971: 303], ‘поразить, ударить (о молнии)’ (в последнем из словарей содержится и указание на этимологическую связь удмуртского *чашыйны* с обсуждаемыми коми-зырянскими словами).

Немаловажно, однако, что место глагола *чашкѳдны* в лексической системе коми-зырянского языка, отнюдь не исчерпывается перечисленным выше узким классом ситуаций разрушения объекта. Помимо этого данный глагол употребляется применительно к частям тела и обозначает в этом случае создание расстояния между ними путем их разведения (что может быть в разных контекстах переведено на русский язык как ‘раздвинуть’, ‘развести’, ‘растопырить’, ‘вытаращить’). Интересно, что глагол *чашкѳдны* налагает семантические ограничения на тип прямого объекта в подобных ситуациях: так, например, его объектом могут быть ноги², пальцы, глаза, но не руки и не ноздри (см. примеры (17) – (19) из ижемского диалекта).

(17) Чунь-яс-тэ ин чашкед!

палец-PL-ACC.POSS2SG NEG.IMP раздвигать
Пальцы не растопыривай!

(18) Мый нэ син-тэ чашкед-ин?

что EMPH глаз-ACC.POSS2SG раздвигать-PST.2SG
Чего глаза вытаращил?

(19) Кок-тэ чашкед, ки-тэ паськед,

нога-ACC.POSS2SG раздвигать.IMP рука-ACC.POSS2SG разводить.IMP
юр-тэ весьтас кут.
голова-ACC.POSS2SG прямо держать.IMP

Ноги раздвинь, руки разведи, голову прямо держи.

Мы видим, таким образом, что глагол *чашкѳдны* оказывается применим только к тем частям тела, которые находятся в непосредствен-

² Не исключено, что с этим связано и упомянутое в словаре [Сорвачева (ред.) 1961: 406] использование в значении ‘верхом (сесть, сидеть)’ наречия чашкур с диалектными вариантами чашилоо и тшашилоо, зафиксированными, по данным этого словаря, в обских говорах ижемского диалекта (нам, однако, в ходе полевой работы такие наречия не встретились).

ном контакте. И действительно: если ноги, как и пальцы, до разведения/раздвигания находятся в контакте (или, во всяком случае, легко и естественно могут быть приведены в такое состояние), и это же справедливо по отношению к глазам (в том, опять же, прагматически очень естественном случае, когда человек их закрывает), то руки, как и крылья носа, прототипически расположены не в контакте, а на расстоянии друг от друга. И это ограничение, на наш взгляд, логично вытекает из исходного употребления глагола *чашкӧдны* в значении ‘расщепить’, когда он фактически тоже обозначает разведение контактных объектов, а именно частей разделяемого предмета.

Интересно также, что глаголом *чашкӧдны* характеризуется и создание расстояния между иными, не являющимися частями человеческого тела пространственно контактными объектами. Так, например, именно он описывает раздвигание руками контактно расположенных веток в чаще, как в (20), а также массы щепок (21). Оба примера записаны от носителей ижемского диалекта.

(20) Ме сюрн сӧчӧм чашша-э, ме кннам **чашкӧд-і**
 я попасъ-pst.1sg такой чаща-пл я рука-nsir.poss1sg раздвигать-pst.1sg
 орсь-яс-сэ.
 ветка-pl-acc.poss3sg

Я попал в такую чаще, я руками раздвигал ветки (чтобы пройти).

(21) Ме чаг-сэ **чашкӧд-і**
 я щепка-acc.poss3sg раздвигать-pst.1sg
 Я щепки раздвинул.

Мы видим, таким образом, что глагол *чашкӧдны* в коми-зырянском языке фактически превращается из лексемы, описывающей узкий класс ситуаций разрушения объекта, в глагол со значительно более широкой семантикой, применяясь, как только что было показано, ко многим фреймам создания расстояния между контактными объектами. Естественно, что эта информация является релевантной для лексико-типологического исследования, но она вряд ли может быть получена с использованием одной лишь анкеты, содержание которой не выходит за рамки предметной области разрушения / разделения объекта.

2.3 Звукоподражательные глаголы разделения объекта

Посмотрим на пример (22) из ижемского диалекта коми-зырянского языка.

(22) Ме **рачкӧд-і** кос пу-яс-сэ.
 я ломать.c.xrustom-pst.1sg сухой палка-pl-acc.poss3sg
 Я сломал с хрустом сухие палки.

Внимание исследователя в данном случае привлекает глагол *рачкӧдны*, выражающий в (22) значение ‘ломать с хрустом’. Более того, при ближайшем рассмотрении обнаруживаются и другие глаголы с 188

корнем *рач-*, использующиеся при описании разламывания: переходные *рачкедлыны, рачвартны*; непереходные *рачкакыыны, рачкооны, рачкедчыны, рачкысьны*. Сразу же возникает масса вопросов, например: что перед нами – глаголы звука или глаголы разделения объекта на части? В каких случаях употребляются эти глаголы, чем можно объяснить особенности их использования? И ответы на эти вопросы едва ли могут быть получены без детального рассмотрения места данных глаголов в лексической системе коми-зырянского языка, причем приниматься во внимание должна и группа глаголов звука.

О коми-зырянских глаголах звука нужно сказать, что для них в целом характерно значительное диалектное варьирование. Так, рассматриваемым нами глаголам на *рач-*, по-видимому, семантически близок литературный глагол *трачкакывны*, первое значение которого определяется в [Сорвачева (ред.) 1961: 377] как ‘трещать, издавать треск при ломке’, при этом словарь приводит множество диалектных соответствий этой лексемы: в вымском диалекте – *трачкакыыны*, в верхневычегодском – *трачкакыыні*, в нижневычегодском – *татишкакывны*, в печорском – *татишкакылны*, в удорском – *резьякывны*, в лузском – *резьякылны* и *кретишкакывны*, в летском – *тичкакылны* и *тэтишкакылны*. Ниже мы в свете рассматриваемых в статье вопросов проанализируем данные мужевского говора ижемского диалекта (частично уже описанные ранее в [Кашкин, Павлова 2010]).

Обследованный нами говор характеризуется богатой системой глаголов, выражающих значения, передаваемые на русский язык как ‘трещать’ и ‘хрустеть’. Так, в ней выделяется отдельный глагол – *русйыны*, описывающий звук при поедании животным грубого корма (например, сена). Особым образом описывается и звук, издаваемый жидкостью на горячей поверхности (например, треск масла на раскаленной сковороде): к нему применяется глагол *дзижгыны*. Кроме того, мужевский говор имеет серию глаголов на *чаж-* (например, *чажнитны, чажвартны*), указывающих на звук разрывания ткани. Наконец, в рассматриваемой системе существуют еще две единицы с близкой на первый взгляд семантикой – это глагол *перчкакыыны*, а также в первую очередь интересующая нас серия глаголов на *рач-*. Что касается глагола *перчкакыыны*, то он описывает треск горящих в печи дров, а также звук, получающийся при натяжении маленькой по размеру одежды. Наконец, глаголы на *рач-* (отличаясь между собой по таким характеристикам, как переходность / непереходность, однократность / многократность, интенсивность воздействия на объект) прежде всего описывают треск / хруст при разделении твердого объекта на части, а именно – при разламывании деревянных объектов, при проламывании льда или наста под ногами, также при разгрызании сухарей. И этими же глаголами (но не глаголом *перчкакыыны*), что интересно, будут описаны щелчки пальцами и потрескивания деревянного дома при силь-

ном морозе, т. е. в целом глаголы на *рач-* характеризуют такой треск, в котором можно четко различить отдельные кванты звука (в отличие от глагола *перчкакыны*, описывающего частые, плохо отделимые друг от друга потрескивания). Таким образом, мы видим, что употребление глаголов на *рач-* в ситуациях разделения объекта на части регулируется в первую очередь устройством коми-зырянской системы глаголов звука, которое, таким образом, должно быть в данном случае учтено типологом, изучающим глаголы разделения объекта.

Некоторые примеры из ижемского диалекта, иллюстрирующие описанные особенности употребления глаголов на *рач-*, приведены в (23) – (26). В дополнение к приведенному выше в (22) глаголу *рачкедыны* ‘ломать с хрустом’, в подобных переходных контекстах используется произведенный от него с помощью итеративного суффикса глагол *рачкедылыны*, а также глагол *рачвартны* (в его состав входит восходящий к глаголу *вартны* ‘бить’ суффикс, передающий значение повышенной интенсивности действия, см. подробнее [Бубрих 1949: 162]).

(23) Ме мун-а и видед-а: детина-ыс
 я идти-NPST.1SG и видеть-NPST.1SG мальчик-POSS3SG
рачкед-л-э чарем-сэ.
 ломать.с.хрустом-ITER-PRS.3SG наст-ACC.POSS3SG
Я иду и вижу, мальчик ломает с хрустом наст.

(24) Ме этае кос бадь-сэ **рачкед-л-а**
 я этот сухой тальник-ACC.POSS3SG ломать.с.хрустом-ITER-NPST.1SG
 ки-эн, чер-гэг.
 рука-INSTR топор-CAR
Я этот сухой тальник³ ломаю с хрустом руками, без топора.

(25) Орех-сэ **рачкед-л-і**
 орех-ACC.POSS3SG грызть.с.хрустом-ITER-PST.1SG
Я грыз орехи с хрустом.

(26) Ме тай пу-сэ **рачварт-а** пидес
 я ЕМРН палка-ACC.POSS3SG ломать.с.хрустом-NPST.1SG колено
 выл-ам.
 верх-ESS.POSS1SG
Я палку ломаю с треском через колено.

2.4 Обобщение данных коми-зырянского языка

При рассмотрении коми-зырянского материала мы увидели, что в данном языке существует глагол (*чегны*), покрывающий значительную часть ситуаций разламывания объекта (но всё же накладывающий некоторые ограничения на пространственные характеристики объекта,

³ Вид ивы.

ср. невозможность его использования в контекстах вроде ‘проломить пол’). Отдельным глаголом – *чаиккӧдны* – передается значение ‘расщепить (например, не до конца расколотое полено)’. Кроме того, выделяются глаголы, описывающие одновременно разделение объекта и возникающий при этом звук. Для детального анализа такой системы, как мы увидели, потребовалось учитывать особенности этимологии и словообразовательной структуры глаголов, а также рассматривать некоторые характеристики другого семантического поля, а именно глаголов звука.

3. Хантыйский язык

3.1 Вводные замечания

Обратимся теперь к анализу материала тегинского говора хантыйского языка. Мы рассмотрим семантику глаголов *šükatti* и *moratti*, во многих контекстах переводящихся на русский язык как ‘ломать’. Глагол *moratti* допускает также присоединение аспектуального суффикса *-ema-* (в форме *moremati*), имеющего значение мгновенности действия (‘быстро, резко переломить’).

Прежде чем перейти к дальнейшему обсуждению, необходимо принять во внимание наличие в хантыйском языке превербов, т. е. слов с наречным значением, стоящих перед глаголом и уточняющих или изменяющих его значение (см., например, [Николаева 1995: 74 – 77] об обдорском диалекте, [Каксин 2007: 55 – 56] о казымском диалекте, [Нахрачева 2010] о шурышкарском диалекте). Распространено употребление превербов и с глаголами разделения объекта на части, ср. примеры из [Нахрачева 2010] (приводятся в авторской транскрипции): *läkki xälitti* ‘расколоть’ (*läkki* ‘в разные стороны’, с. 117), *aja ewatti* ‘мелко нарезать’ (*aja* ‘мелко’, от прилагательного *aj* ‘маленький’, с. 117), *pelki poremati* ‘прогрызть, прокусить’ (*pelki* ‘насквозь, открыто’, с. 118), *noḥ sewarti* ‘срубить, обрубать’ (*noḥ* описывает направленность действия снизу вверх или его завершенность, с. 118). Встречаются подобные примеры и в тегинском говоре ((27) – (29)):

(27) *ma sōḥ-em aja ewät-λ-эм*⁴.
я ткань-POSS1SG мелко резать-NPST-1SG
Я ткань мелко режу.

⁴Хантыйские примеры приводятся в фонематической транскрипции. Для их подачи выбрана латинская графика, поскольку существующие кириллические системы хантыйской письменности, на наш взгляд, не всегда удачно отражают фонетические особенности слова и потому кажутся нам менее предпочтительными для фиксации хантыйской диалектной речи.

(28) pōšəx kaŋ-əl xōl šūkat-s-aλλe.
 яйцо скорлупа-POSS3SG весь разбить-PST-3SG.OBJ
Яичную скорлупу разбил (о вылупившемся птенце; букв.: всю разбил).

(29) k'el ara mānš-aλi.
 веревка много рвать-IMP.SG.OBJ
Веревку на много частей разорви.

Вместе с тем эти и некоторые другие превербы, хотя и уточняют значения глаголов (например, тот факт, что в результате разделения образуется много частей), никак не модифицируют тех параметров лексического значения глаголов *šūkatti* и *morətti*, о которых пойдет речь в дальнейшем, и употребление превербов далее нами не комментируется.

3.2 Глаголы *šūkatti* и *morətti*: постановка проблемы и некоторые важные для дальнейшего анализа сведения

Что же касается собственно исследования семантики глаголов *šūkatti* и *morətti*, то на начальном этапе работы информантам было предложено пояснить, как они понимают различие в их значении, и привести спонтанные примеры их употребления. В результате значения нередко оценивались как практически тождественные, а сами глаголы – как свободно взаимозаменяемые, ср. примеры (30) – (33), в которых носители допускали употребление обоих глаголов, порой сопровождая ответы комментариями вида: «*šūkatti* – ‘ломать’, и *morətti* – ‘ломать’ – одно и то же».

(30) tām jūx-en šanšūx-ən mor-em'e / šūkat-e.
 этот палка-POSS2SG колено-LOC ломать-PUNCT-IMP.OBJ ломать-IMP.OBJ
Эту палку через колено (букв.: коленом) переломи.

(31) kātna morət-ti / šūkat-ti n'an'.
 пополам ломать-INF ломать-INF хлеб
Пополам разломить хлеб.

(32) jūx nūv xōl mor-emä-ti / šūkat-ti.
 дерево ветка весь ломать-PUNCT-INF ломать-INF
Ветку дерева отломить.

(33) ma jaj-em-ən šūkat-s-a / morət-s-a xāš-ti
 я брат-POSS1SG-LOC ломать-PST-PASS ломать-PST-PASS писать-PRT
 jūx-em, i ma ān mošit-λ-əm xāš-ti-j-a.
 палка-POSS1SG и я NEG мочь-NPST-1SG писать-INF-OBL-DAT
Мой брат сломал мне карандаш (букв.: Моим братом сломана моя пишущая палочка), и я не могу писать.

Некоторые носители, вместе с тем, попытались сформулировать различия в значении этих глаголов, например: «*šūkatti* – ломать что-то

потолще, *morətti* – ломать что-то потоньше»; «*morətti* – так, видимо, меньше усилий прилагается»; «*šūkkatti* – сломать, *morətti* – переломить». Но такие формулировки, при всей их возможной ценности для дальнейшего исследования, не содержат полного и эксплицитного семантического описания указанных глаголов, недостаточно четко объясняют и предсказывают возможные сочетаемостные различия.

Оказывается, однако, что претендующее на полноту описание этих глаголов не может быть достигнуто без анализа словообразовательных свойств, а также употреблений за пределами семантической зоны разделения объекта. И, кроме того, такой анализ в данном случае подсказывает направление дальнейшего исследования. Рассмотрим теперь некоторые важные для нас свойства глаголов *šūkkatti* и *morətti*, после чего перейдем непосредственно к описанию их семантики.

Глагол *šūkkatti* произведен от существительного *šūk*, имеющего значение ‘маленький кусочек (например, хлеба, овощей, ткани), осколок (например, стекла)’, и активно используется применительно к разбиванию хрупкого предмета на мелкие части, как в (34) и (35)⁵. И именно это значение *šūkkatti* логично считать исходным, учитывая словообразовательную структуру глагола.

(34) *ma an-em šūkat-s-em.*
я чашка-POSS 1SG разбить-PST-1SG
Я свою чашку разби́л.

(35) *n'avrem-āt m'ačik-en jünt-s-ət, išn'i šūkat-s-ət.*
ребенок-PL мячик-LOC играть-PST-PL окно разбить-PST-PL
Дети мячиком играли, окно разби́ли.

В этом же ряду употреблений находится и выражение *šūkatūm jeŋk*, содержащее причастие от глагола *šūkkatti* и переводящееся на русский буквально как ‘разбитый лёд’. В тегинском говоре так называется ледяная крошка, образующаяся при столкновении льдин в период ледохода – таким образом, и в этом случае глагол *šūkkatti* предполагает образование большого количества мелких частей объекта в результате ударного воздействия.

⁵ Интересна явная параллель между хантыйским глаголом *šūkkatti* и коми-зырянским жугӧдны, имеющим значения ‘разбить (хрупкий объект)’ и ‘сломать (нарушить функциональность объекта, например, сломать замок, часы)’ Согласно [Лыткин, Гуляев 1970: 102 – 103], корень слова жугӧдны восходит к общепермскому **zug* ‘обломок’, а из коми-зырянского этот корень был заимствован в хантыйский как *šūk* – что мы и наблюдаем в глаголе *šūkkatti*. Более того, глаголы жугӧдны и *šūkkatti* оказываются сходны и по своей словообразовательной структуре: глагол жугӧдны образуется путем прибавления к корню каузативного суффикса -ӧд-, и совершенно аналогично устроен хантыйский глагол *šūkkatti*: в нем к корню добавлен суффикс -at-, передающий каузативную семантику (ср. характеристику этого суффикса как каузативного в [Каксин 2007: 45]).

Что же касается глагола *morətti*, то его значение, как и значение ряда его словообразовательных производных, обычно определяется в словарях как ‘ломать’ (ср., например, данные диалектологического словаря [Steinitz 1966–1993: 958]⁶). Это соответствует и этимологии данного глагола, см. [Redei 1988: 288]. В словаре [Соловар 2006: 161], содержащем сведения о казымском диалекте хантыйского языка (к которому близок тегинский говор), дается, однако, еще одно значение – ‘перегнуть’. И в тегинском говоре такое значение у глагола *morətti* тоже есть, ср. (36)–(37).

(36) ma **morət-s-əm** karti kʼel.
я гнуть-PST-1SG железо веревка
Я согнул провод (букв.: железную веревку).

(37) kät šopʼi nerʼek **morət-ti**.
два половина бумага гнуть-INF
Пололам бумагу согнуть.

3.3 Различия в сочетаемости и семантике глаголов *šūkatti* и *morətti*

Перейдем теперь к рассмотрению сочетаемости и семантических свойств глаголов *šūkatti* и *morətti*, принимая во внимание уже рассмотренные их свойства.

Глагол *morətti* описывает разделение (либо, как в (38), значительную деформацию) твердого предмета, осуществляемое путем его сгибания, что коррелирует с наличием у него значения ‘согнуть’. Например, он может быть применен к отламыванию отростка цветка (39), переламыванию бересты (40) или лучинки (41) – во всех этих случаях субъект воздействует на противоположные концы объекта, вызывая его сгибание, что, в свою очередь, приводит к разделению этого объекта. Глагол же *šūkatti* не может описывать разделения, производимого подобным способом.

(38) ma **morət-s-əm** / ***šūkat-s-əm** tōxəl vasi-j-a.
я ломать-PST-1SG ломать-PST-1SG крыло утка-OBL-DAT
Я переломил крыло утке.

(39) tām lipt-λ-an ełti manem **mor-emʼ-e** / ***šūkat-e**
этот цветок-PL-POSS2SG от я.DAT ломать-PUNCT-IMP.OBJ ломать-IMP.OBJ
aj tāxti.
маленький кусочек
От этих цветов мне отломи маленький кусочек (т. е. отросток).

⁶Интересно, что в восточнохантыйских диалектах, по данным В. Штейница, некоторые глаголы с этим корнем имеют и значение ‘трещать’. Для тегинского говора, однако, подобное не подтверждается.

(40) *tām tōnti mor-em'-e / *šūkat-e.*
 этот береста ломать-PUNCT-IMP.OBJ ломать-IMP.OBJ
Эту бересту переломи.

(41) *jūxəl-em mor-ema-ti / *šūkat-ti.*
 лучинка-POSS1SG ломать-PUNCT-INF ломать-INF
Лучинку переломить.

Глагол *šūkatti*, в свою очередь, обозначает разделение твердого предмета, осуществляемое путем давления на его среднюю часть или путем удара по средней части. Так, именно этот глагол (но не глагол *morətti*) применяется к проламыванию пола (42) или забора (43), а также к нарушению целостности лезвия топора (44) и зуба (45). Связь таких употреблений с исходным значением 'разбить', предполагающим нанесение удара по объекту, видится достаточно прозрачной.

(42) *xətχəri šūkat-ti / *morət-ti.*
 пол ломать-INF ломать-INF
Пол проломить.

(43) *λλmax atλən šūkat-s-āλλe / *morət-s-āλλe rošəs i λōη-s*
 вор ночью ломать-PST-3SG.OBJ ломать-PST-3SG.OBJ забор и забраться-PST
išn'i vūs xūvat xət λip'ija.
 окно дыра через дом в
Вор ночью проломил забор и забрался через форточку (букв.: оконную дыру) в дом.

(44) *λajəm karti šūkat-əs / *morət-əs.*
 топор железо ломать-PST ломать-PST
Лезвие (букв.: железо) топора сломал (когда рубил им прочное дерево).

(45) *ma p'eŋk'-em šūkat-s-əm / *morət-s-əm.*
 я зуб-POSS1SG ломать-PST-1SG ломать-PST-1SG
Я зуб сломал.

Интересно сравнить употребление глаголов *šūkatti* и *morətti* применительно к некоторым частям тела, как, например, к руке или ноге. Глагол *šūkatti* будет в этом случае описывать перелом (как в (46)), глагол *morətti* – вывих (как в (47)) – и это различие совершенно закономерно. Перелом ноги прототипически происходит в результате ударного воздействия, а не сгибания, что и влечет за собой использование *šūkatti*. Ситуация же вывиха предполагает, что внутри части тела произошло некоторое смещение, своего рода «сгиб», поэтому для ее описания и выбирается означающий также 'сгибать' глагол *morətti*.

(46) *kūr-em šūkat-s-əm.*
 нога-POSS1SG ломать-PST-1SG
Ногу я сломал.

(47) kŭg-em **morət-s-əm.**
нога-POSS1SG вывихнуть-PST-1SG

Ногу я вывихнул.

Для глагола *šŭkatti* в тегинском говоре характерен и семантический сдвиг, не свойственный глаголу *morətŭti*: *šŭkatti* обозначает нарушение функциональности объекта (не предполагающее его разделения) или его полное разрушение. Так, глаголом *šŭkatti* описывается поломка саней (48), каких-либо механизмов (как замка в (49), игрушек, техники), снос старого дома (50)⁷.

(48) lŭv oхл-əл **šŭkat-əs** / ***morət-əs.**
он сани-POSS3SG ломать-PST ломать-PST
Он свои сани сломал.

(49) tōman **šŭkat-s-əm** / ***morət-s-əm.**
замок ломать-PST-1SG ломать-PST-1SG
Замок я сломал.

(50) tām хэт as'iras'-en-ən **šŭkat-s-a** / ***morət-s-a**, i lŭv s'i
этот дом дед-POSS2SG-LOC ломать-PST-PASS ломать-PST-PASS и он тот
tāxi-j-n jelər хэт əms-əs.
место-ОБЛ-LOC новый дом ставить-PST
Этот дом твоим дедом сломан, и он на том месте новый дом поставил.

Наконец, глагол *šŭkatti*, в отличие от *morətŭti*, имеет еще одно переносное значение – ‘пахать, перекопать (поле, огород)’ (51) – связанное, по-видимому, с исходным ‘разбить’.

(51) ma **šŭkat-s-əm** / ***morət-s-əm** kartoška pošəs.
я ломать-PST-1SG ломать-PST-1SG картошка огород
Я перекопал огород, где посажена картошка (букв.: картофельный огород).

3.4 Обобщение данных хантыйского языка

Подведем итог нашему обсуждению семантики глаголов *šŭkatti* и *morətŭti*, описывающих в тегинском говоре ситуации разламывания объекта. Различающим эти глаголы семантическим параметром является способ воздействия на объект: если глагол *morətŭti* обозначает разламывание твердого объекта путем его сгибания, то глагол *šŭkatti* – путем давления на среднюю часть объекта или удара по нему⁸. Показано

⁷Интересно, что такой же семантический сдвиг фиксируется, согласно нашим полевым исследованиям, и у упоминавшегося нами коми-зырянского глагола жугōдны, внутренняя форма которого, как уже было показано, аналогична глаголу *šŭkatti*.

⁸Что касается особым образом кодируемого в коми-зырянском языке значения ‘расщепить’, то в тегинском говоре хантыйского языка для его выражения ис-

также, что данное различие выводится из словообразовательной структуры (в случае глагола *šykatti*), а также коррелирует с другими употреблениями данных глаголов.

4. Заключение

Мы рассмотрели системы коми-зырянских и хантыйских глаголов со значением 'ломать'. Было продемонстрировано, что в коми-зырянском языке при наличии одного доминантного глагола (*чегны*) особым образом описываются ситуации расщепления объекта, а также те ситуации, когда говорящему необходимо описать возникающий при разламывании звук. В свою очередь хантыйские глаголы различаются по способу воздействия на объект – будет ли это перегибание vs. давление на среднюю часть объекта или удар по ней.

Показано также, что для установления данных семантических различий и для корректного использования этого материала в лексической типологии целесообразно принимать во внимание словообразовательные и этимологические характеристики глаголов, а также свойства других семантических полей, в нашем случае глаголов звука.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; CAR – каритив; DAT – датив; DISTR – дистрибутив; EL – элатив; EMPH – эмфатическая частица; ESS – эссив; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMP – императив; INDEF – показатель неопределенного местоимения; INF – инфинитив; INSTR – инструменталис; ITER – итератив; LOC – локатив; NEG – отрицание; NPST – непрошедшее время; OBL – косвенная основа; OBJ – объектное спряжение; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – possessивное склонение; PRS – настоящее время; PRT – причастие; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; PUNCT – пунктив; SG – единственное число.

Литература

- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. – Сыктывкар, 2000.
- Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка – Л., 1949.
- Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск, 2007.
- Кашкин Е. В., Павлова Е. К. Семантика глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках // Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Acta Linguistica Petropolitana. Труды пользуется не какой-либо глагол разделения объекта, а словосочетание *kätna verti*, буквально означающее 'пополам сделать'.

- Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3) – СПб, 2010. С. 70 – 74.
- Кириллова Л. Е. (ред.)* Удмуртско-русский словарь – Ижевск, 2008.
- Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс...к.ф.н. – М., 2010.
- Лыткин В. И. (ред.)* Коми-русский словарь. – М., 1961.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007. С. 27 – 75.
- Нахрачева Г. Л.* Глагольные превербы, формирующие деструктивные глаголы (на материале шурышкарского диалекта) // Казымские чтения: материалы научно-практической конференции / Под ред. Е. А. Игушева, Т. А. Молдановой, Ф. М. Лельховой. – Ханты-Мансийск, 2010. С. 116 – 120.
- Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка – М.-Гамбург, 1995.
- Рахилина Е. В., Плузьян В. А.* О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007. С. 9 – 26.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова – Воронеж, 2011. С. 126 – 135.
- Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь – СПб, 2006.
- Сорвачева В. А. (ред.)* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
- Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution – Berkeley, 1969.
- Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // Vanhove M. (ed.) From Polysemy to Semantic Change. – Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 3 – 55.
- Majid A., Boster J., Bowerman M.* The cross-linguistic categorization of everyday events: a study of “cutting and breaking” // *Cognition*, 109(2), 2008. P. 235 – 250.
- Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J.* The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // *Cognitive Linguistics* 18 – 2(2007), 133–152.
- Redei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1: Uralische und finnisch-ugrische Schicht – Budapest, 1988.
- Steinitz W.* Dialektologisches Und Etymologisches Wörterbuch Der Ostjakischen Sprache – HEWOS. Akademie-Verlag. – Berlin, 1966–1993.

**Цельно- и раздельнооформленные парные
прилагательные обладания объектом vs отсутствия
объекта в волжских и пермских языках**

Словообразование парных слов: постановка проблемы. Парным словом принято называть просодически целостное сочетание двух самостоятельных слов, между которыми можно усмотреть семантическое равноправие – аналог сочинительной синтаксической связи¹. В русском языке к парным словам относятся, например, устойчивые, стилистически ограниченные (часто устаревшие): *хлеб-соль*, *мать-отец*, *подай-принеси*, *честь-хвала* и др. – и окказиональные образования: *вилки-ложки*, *конфетки-бараночки*.

В волжских и пермских языках финно-угорской семьи в сравнении с русским языком парные слова употребляются несколько чаще, во всех речевых жанрах, отдельные употребительные парные слова имеют нейтральный стилистический статус. Парные слова в исследуемых языках образуют заметный класс, элементы которого нередко бывают связаны друг с другом словообразовательными отношениями: **к.-з. (выч.)** *paš-keṭ-šoi* ‘изношенная одежда’ от *paš-keṭ* ‘одежда’ (букв. ‘шуба-обувь’), *-šoi* – пренебрежительный суффикс [*Fokos-Fuchs* 1959]; **к.-з.** *ныр-вома* ‘с каким-л. лицом’ от *ныр-вом* ‘лицо’ (букв. ‘нос-рот’); удм. *узы-борьяны* ‘собирать землянику и клубнику’ от *узы-боры* ‘ягоды’ (букв. ‘земляника-клубника’)², *-я-ны* – Verb-Inf.

Однако не всегда понятно, образовано ли некоторое парное слово, имеющее в своём составе формообразовательный аффикс (аффиксы), от другого парного слова (если соответствующее парное слово, конечно, имеется) или от двух не парных слов. Например, является ли к.-з. *гымалӧм-чардалӧм* ‘гроза’ (*-ӧм* – Subst) **формой парного глагола** *гымавны-чардавны* ‘греть и сверкать’ (букв. ‘греть-сверкать’, *-ны* – Inf) или самостоятельным парным образованием, состоящим из двух не парных отглагольных существительных – *гымалӧм* ‘гроза; грохот’ и *чардалӧм* ‘сверкание (о молнии)’? Можно идти дальше и предполагать сложносуффиксальное образование парного отглагольного

¹ Рассматривая парные сочетания – класс объектов, включающих парные слова, Ф.Р. Минлос отмечает, что «семантика сочинения очень неоднородна и не является надежным критерием».

² Материал для данного исследования собирался по словарям и грамматикам. Везде, где не указан источник материала и переводов, имеются в виду обширные словари соответствующего языка: *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000; *Бузакова Р. М., Ширманкина Р. С., Лисина Е. Н. и др.* Эрзянско-русский словарь. М., 1993; *Вахрушев М. Н.* (ред.) Удмуртско-русский словарь. М., 1983; Словарь марийского языка. Т. 1–10. Йошкар-Ола, 1990–2005.

существительного – от двух не парных глаголов. Но в данном примере этот путь представляется фантастическим. Конечно, при наличии парного глагола и соответствующих отглагольных парных образований (имен, причастий), исходя из языкового закона экономии, хочется думать, что отглагольные образования являются формами парного глагола, хотя прямых доказательств этому язык в общем случае не дает.

Иногда принять решение о деривационной истории слова помогает семантика – в следующем примере парное причастие (субстантивированное), очевидно, образовано от парного глагола, а не от двух не парных причастий, поскольку налицо идиоматизация значения глагола: к.-з. *корысь-вотысь* ‘нищие, нищета, голь’ от *корны-вотны* ‘нищенствовать; просить подавание’ (букв. ‘попрошайничать-собирать’).

Полагаю, что деривационная история парных слов очевидна при наличии соотносительных парного существительного (прилагательного, наречия) и глагола, однократно оформленного глагольным аффиксом: к.-з. *вина-сурасьны* ‘злоупотреблять спиртными напитками’ от *вина-сур* ‘хмельные напитки, спиртные напитки’ (букв. ‘вино-пиво/брага’, *-ась-ны* – Refl-Inf), *отарё-модарёасьны* ‘лицемерить, двуличничать; колебаться, сомневаться; быть в нерешительности’ от *отарё-модарё* ‘в ту и в другую сторону; туда-сюда’ (*отар* ‘один из двух’, *модар* ‘другой’, *-ё* – III) – глагольный суффикс и словоизменительные морфемы оформляют всё слово целиком, считаю, что парный глагол образован от парного существительного.

Морфологическое оформление парных прилагательных.

В области словообразования парных прилагательных имеется одно осложняющее обстоятельство, которое не встречается среди парных глаголов: в коми, удмуртском и марийском языках имеются парные прилагательные (часто зафиксированные в одном словаре или описании диалекта), формально различающиеся лишь тем, что одно из них оформлено суффиксом прилагательного однократно, в конце, а второе имеет в своём составе два суффикса прилагательного – в конце каждого компонента. Например: к.-з. *паськёма* ‘одетый; обутый’ – *пасякёма* ‘одетый и обутый’ при существительном *пась-кём* ‘одежда и обувь’ (букв. ‘шуба-обувь’); удм. *нылтиё* ‘многодетная (мать)’ и *ныло-ниё* ‘многодетная (мать)’ при *нылти* ‘дети, ребята; дитя’ (от *ныл* ‘дочь’ и *ти* ‘сын’); мар. *ача-авадыме* ‘сирота, осиротелый’, *ачадыме-авадыме* ‘не имеющий родителей, сирота’ при *ача-ава* ‘родители’ (букв. ‘отец-мать’)³.

Парные прилагательные первого типа (с одним аффиксом) далее в работе называются цельнооформленными, а парные прилагательные второго типа (с двумя аффиксами) – раздельнооформленными.

³ Вероятно, то же и в мансийском (и, возможно, в хантыйском), ср. манс. *agm-mōštal* = *agmtal-mōštal* ‘без болезней и физических недостатков’, *agm* ‘болезнь’, *mōš* ‘физический недостаток’, *-tal* – CarAdj [Ahlqvist 1891].

Соотношение значений таких дублетов бывает разным. В некоторых случаях мы, очевидно, имеем дело с классическими вариантами: к.-з. скр. *киа-пода*, *тиа-пода*, *кипода*, *типода* «умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела или мастер на все руки» [*Жилина – Сахарова – Сорвачёва*: 1961] (*ки*, *ти* «рука», *под* «нога»⁴). Столь подробно данный вопрос не изучался.

О происхождении некоторого парного прилагательного, имеющего соотносительное парное существительное, могут быть выдвинуты три гипотезы: 1) оно образовано от двух одиночных (не парных) прилагательных; 2) оно образовано от парного существительного суффиксальным путем; 3) оно образовано от двух одиночных существительных сложносуффиксальным путем. По всей видимости, не существует общего решения относительно словообразовательной истории парных прилагательных. Для многих прилагательных пока вовсе не удается установить деривационную историю. Но в настоящей статье предпринимается попытка наметить пути исследования данного вопроса.

Объект исследования. К исследованию привлекаются главным образом парные прилагательные со значением обладания объектом (Adj) или отсутствия объекта (CarAdj), имеющие в том же идиоме соотносительное парное существительное, от которого теоретически могут быть образованы.

Коми-зырянский. В коми-зырянском языке (и так же в пермяцком языке) прилагательные, обозначающие обладание некоторым объектом, оформляются аффиксом *-а*. Прилагательные, обозначающие отсутствие некоторого объекта, – суффиксом *-тӧм*.

В следующей таблице представлены цельно- и раздельнооформленные парные прилагательные коми-зырянского языка, имеющие соотносительное парное существительное, от которого теоретически могут быть произведены.

Соотносительные парные существительные
и прилагательные в коми

Парные существительные	Цельнооформленные прилагательные	Раздельнооформленные прилагательные
<i>бать-мам</i> 'родители'	<i>бать-мамтӧм</i> 'не имеющий ни отца, ни матери; круглый сирота'	<i>батьтӧм-мамтӧм</i> 'не имеющий ни отца, ни матери; круглый сирота'
<i>вир-яй</i> 'организм' (букв. 'кровь-мясо/мышцы')		<i>вир-яя</i> 'в теле; цветущий; здоровый'
<i>ветлысь-мунысь</i> 'прохожий' (букв. 'ходящий-ходящий/ездящий')	<i>ветлысь-мунысьтӧм</i> 'глухой; удаленный от людей'	

⁴ Слово к.-з. *ки*, *ти* означает «рука» и «руки», *под* «нога» и «ноги». Для названия парных частей тела в коми-зырянском языке, как и во многих других уральских, употребляется существительное единственного числа.

<i>гым-чард</i> 'гроза' (букв. 'гром-молния')	<i>гым-чарда*</i> 'грозовой'	
<i>йдов-вьяй</i> 'молочные продукты' (букв. 'молоко-масло')	<i>йдов-вья</i> 'обеспеченный молочными продуктами'	
<i>ки-кок</i> 'конечности; руки и ноги' (букв. 'рука-нога')	<i>ки-кока</i> 'с какими-л. руками и ногами'	<i>йдовтём-вьяйтём</i> 'необеспеченный молочными продуктами; бедный'
		<i>киа-кока</i> 'с руками и ногами; способный двигать руками и ногами'
		<i>китём-коктым**</i> 'калека; без рук, без ног; парализованный'
<i>кыв-вор</i> 'дар слова; красноречие' (букв. 'язык-речь')	<i>кыв-вора</i> 'речистый; разговорчивый; красноречивый'	<i>кывъя-вора</i> 'речистый; разговорчивый; красноречивый'
	<i>кыв-вортём</i> 'необщительный; неразговорчивый, молчаливый'	
<i>ныр-вом</i> 'лицо' (букв. 'нос-рот')	<i>ныр-вома</i> 'с каким-л. лицом'	
<i>нянь-сов</i> 'хлеб и соль; припасы; продовольствие'		<i>няня-сола</i> 'обеспеченный хлебом, продуктами питания; гостеприимный, хлебосольный'
<i>пась-кём</i> 'одежда и обувь' (букв. 'шуба-обувь')	<i>паськёма</i> 'одетый и обутый'	<i>пася-кёма</i> 'одетый; обутый'
		<i>пасьтём-кёмтём</i> 'неодетый и необутый'
<i>пи-ныв</i> 'дети' (букв. 'сын-дочь')	<i>пи-нывтём</i> 'бездетный'	
<i>син-пель</i> 'органы чувств; глаза и уши; зрение и слух' (букв. 'глаз/зрение-ухо/слух')		<i>синма-пеля</i> 'с нормальным (или хорошим) зрением и слухом'
		<i>синтём-пельтём</i> 'слепой и глухой; глухонемой'
<i>ты-мус</i> 'потроха; сбой; ливер' (букв. 'легкое-печень')	<i>ты-муска</i> 'ливерный'	
<i>чард-гым</i> 'гроза' (букв. 'молния-гром')		<i>чарда-гыма</i> 'грозовой'
<i>чер-пурт</i> 'инструменты; топор и нож' (букв. 'топор-нож')		<i>чера-пурта</i> 'с топором и ножом; с оружием; вооруженный'
<i>шум-зык</i> 'шум, крик; оживление' (букв. 'шум-шум')		<i>шума-зыка</i> 'шумный; оживленный'

* В коми-зырянском словаре Ф. Й. Видемана зафиксирован вариант с оформлением первого компонента суффиксом *-а*: к.-з. *гыта-тšарда кутөр* 'грозовая туча' (совр. *кымөр* 'туча, облако') [Wiedemann 1880].

** В коми-зырянском словаре Ф. Й. Видемана дан другой вариант к.-з. *ки-коктым* 'искалеченный' [Wiedemann 1880]. В словаре Д. Р. Фокоша-Фукса для вычегодского и удорского диалектов приведены оба варианта – и цельно-, и раздельнооформленный – с одинаковым значением [Fokos-Fuchs 1959].

В диалектах коми-зырянского языка также представлено прилагательное к.-з. (вым., иж., скр., уд.) *вира-яя* 'в теле, цветущий, полный, здоровый', при том что всем этим диалектам известно слово *вир-яй* [Жилина – Сахарова – Сорвачева 1961]. Одиночные прилагательные, из которых состоит это парное прилагательное имеют следующее са-

мостоятельное значение: к.-з. *вира* 'румяный', *яя* 'полный, упитанный'. Следует полагать, что прилагательное *вира-яя* является производным не парного существительного *вир-яй*, а от двух не парных прилагательных *вира* и *яя*.

Вариант *вир-яя* представлен немного в другой функции в выражении к.-з. (скр.) *тыр вир-яя* 'полнокровный, цветущий, здоровый' при *тыр* 'целый, полный' – вероятнее всего, этот вариант не употребляется без препозитивного определения, также как слова к.-з. *ныр-вома* 'с каким-л. лицом' и *ки-кока* 'с какими-л. руками и ногами'. Эти слова служат для образования конструкций типа санскритских бахуврихи и могут переводиться '-тельный', '-лицый' и '-рукий и '-ногий' соответственно. Эти прилагательные явно произведены от парных существительных (по семантическим причинам). Раздельнооформленные варианты по крайней мере двух из этих прилагательных имеют другие значения: к.-з. (уд. Пучк.) *гырыс 'ныра-вõма* 'с крупными чертами лица', *гырыс* 'крупный'; к.-з. (уд.) *кийа-кока* 'здоровый' [Сорвачева – Безносикова 1990: 124, 48]. Ср. также другие примеры с цельнооформленными парными прилагательными с препозитивным определением в противоположность контекстам с раздельнооформленными парными прилагательными без определений: к.-з. (скр.) *мича кыв-вора* «красноречивый» (*мича* «красивый»), к.-з. (уд. Гл.) *гажа син-пеля* «жизнерадостный вид» (при к.-з. (уд.) *син-пеля* «лицо, выражение лица» (букв. 'глаз-ухо'), *гажа* «весёлый, жизнерадостный») – к.-з. (скр.) *синмапеля морт* «грамотный человек» (*морт* «человек»), к.-з. (уд.) *кийа-кока* «здоровый, крепкий».

Формы *бать-мамтõм* и *батьтõм-мамтõм* являются синонимичными, но невозможно сказать, одинакова ли их деривационная история. Можно предположить, что первый вариант был образован от парного существительного, а второй – от двух прилагательных, а можно считать первый вариант эволюцией второго.

Существование синонимичных вариантов *кыв-вора* и *кывья-вора* можно объяснить их заимствованием в литературный язык из разных диалектов (говоров). В отношении оформления прилагательного с таким значением в диалектах коми-зырянского языка нет единства: к.-з. (вв. Бог., лет, нв., скр., уд.) *кыла-вора*, к.-з. (вв. Крч., печ.) *кылья-вора*, к.-з. (лл., сс.) *кыл-вора*, *кыл-ворья* и к.-з. (л. Об., уд.) *кыв-вора* 'речистый, красноречивый' [Жилина – Сахарова – Сорвачева 1961].

В коми-зырянском языке найдено еще одно прилагательное к.-з. *шума-гама* 'шумный; оживленный', имеющее коррелятивное существительное *шум-гам* 'шум, крик; оживление'. Существительное очевидно целиком заимствовано из русского языка, тем более что слово *гам* в значении, близком к семантической зоне шума, крика и т. п., в словаре [Безносикова – Айбабина – Коснырева 2000] не зафиксировано. В связи с этим оформление парного прилагательного выглядит неожиданным.

В коми-зырянском языке есть еще небольшое количество парных прилагательных, оба компонента которых оформлены суффиксом *-а* и которые имеют корреляты среди парных существительных. Однако эти прилагательные не могут быть привлечены к данному исследованию из-за двусмысленности их статуса: в коми-зырянском языке существуют совпадающие в них по форме парные существительные, оба компонента которых также оформлены суффиксом *-а*. Например: к.-з. *батя-мама* 'имеющий отца и мать' и 'отец и мать' при *бать-мам* 'родители, отец и мать'; *ныла-ниа* 'сын и дочь' и *ныла-ниа мам* 'мать с детьми; мать, имеющая дочь и сына' [ПМА] при *ныв-ни* 'дети; дочь и сын' (букв. 'дочь-сын'). Скорее всего, эти парные прилагательные никак не связаны с парными существительными, не оформленными аффиксами *-а*, прилагательные либо являются особой синтаксической реализацией парных существительных, оформленных таким суффиксом, либо представляют собой синкретичные формы, которые могут занимать и актантную позицию, и позицию определения. Все такие прилагательные являются раздельнооформленными, поскольку оформление суффиксом *-а* обязательно для обоих компонентов парных существительных.

Среди парных прилагательных, не имеющих аналога существительного в тех источниках, которыми я располагаю, нашлось одно цельнооформленное слово: к.-з. *кыскӧд-мыччӧда* 'небезупречный' при *кыскӧд* 'повод для попрека', *мыччӧд* 'повод для попреков, упрёков'.

Количество парных прилагательных, которые не соотносимы с парными существительными и оба компонента которых оформлены суффиксами, – 37. Например, к.-з. *зуа-гӧпта* «ухабиственный» (*зу* «яма», *гӧпт* «ямка»), *лазья-ницаля* «в лузане⁵ и с ружьем (об охотнике)». Таким образом, цельнооформленным прилагательным обычно соответствует парное существительное, в отличие от раздельнооформленных прилагательных. Значит, можно утверждать, что по крайней мере в части случаев цельно- или раздельнооформленность прилагательного обусловлена способом его образования.

Примечание. В коми-пермяцком языке, по данным словаря [Баталова – Кривошекова-Гантман 1985], имеется три прилагательных, возможно, образованных от парных существительных: к.-п. *ай-мама* 'имеющий родителей' при *ай-мам* 'родители' (*ай* 'отец'); и два синонимичных прилагательных *ай-мамтӧм* и *айтӧм-мамтӧм* 'не имеющий родителей'. Раздельнооформленному прилагательному к.-п. *киа-кока* 'с руками и ногами' в словаре не находится соответствующего парного существительного **ки-кок* 'руки и ноги'.

Удмуртский язык. В удмуртском языке представлены следующие прилагательные, оформленные аффиксом наличия объекта в достаточной степени (*-о*) или аффиксом отсутствия объекта (*-тэм*), имеющие коррелятивные парные существительные, – см. таблицу.

⁵ Лузан – накидка из домотканого сукна с кожаным верхом, надеваемая поверх одежды для защиты от дождя.

Соотносительные парные существительные
и прилагательные в удмуртском языке

Парные существительные	Парные прилагательные	
	цельнооформленные	раздельнооформленные
<i>айы-мумы</i> 'родители' (букв. 'отец-мать')		<i>айытэм-мумытэм</i> 'без отца и матери, без родителей, осиротелый, сирота'
<i>анай-атай</i> 'родители' (букв. 'мать-отец')	<i>анай-атайтэм</i> 'без родителей, не имеющий родителей; сиротский'	<i>анайтэм-атайтэм</i> 'без родителей, без отца и матери; круглый сирота; осиротелый'
<i>атай-анай</i> 'родители' (букв. 'отец-мать')		<i>атайтэм-анайтэм</i> 'без родителей, без отца и матери; круглый сирота; осиротелый'
<i>дйськут</i> 'одежда' (букв. 'одежда-(уст.) лапоть')	<i>дйськуто</i> 'одетый-обутый'	<i>дйсь-куто</i> 'одетый-обутый' <i>дйсьтэм-куттэм</i> 'раздетый-разутый'
<i>йылтум</i> 'начало'; 'конец' (букв. 'верхушка/исток/конец-конец/край')		<i>йылтэм-пумтэм</i> 'бесконечный; бесконечно'
<i>ним-дан</i> 'слава; слух' (букв. 'имя-честь')		<i>нимо-дано</i> 'пользующийся известностью (популярностью); известный; прославленный'
<i>нылти</i> 'дети, ребята; дитя' (букв. 'дочь-сын')	<i>нылтиё</i> 'многодетная (мать)' <i>нылтэм</i> 'бездетный'	<i>ныло-ниё</i> 'многодетная (мать)' <i>нылтэм-нитэм</i> 'бездетный'
<i>суйтыд</i> 'конечности' (букв. 'руки-ноги')		<i>суй-пыдо</i> 'с руками и ногами, с конечностями, имеющий руки и ноги' <i>суйтэм-пыдтэм</i> 'без рук, без ног'
<i>ымныр</i> 'лицо' (букв. 'рот-нос')	<i>ымныро</i> 'с... лицом; -лицый'	

Не в качестве отдельных словарных статей, а в составе примером в словаре [Вахрушев 1983] встречается еще одно парное прилагательное, соотносимое с парным существительным: удм. *айыё-мумыё* «имеющий родителей», *узыё-борыё инты* «место, богатое земляникой и клубникой» (*узы-боры* 'ягоды' (букв. 'земляника-клубника'), *инты* «место»). Как видно, оба прилагательных – раздельнооформленные.

Еще одна коррелятивная пара слов расходится по значению столь явно, что невозможно усмотреть отношения морфологической производности между этими словами: удм. *синпель* 'память', 'свидетель' (букв. 'глаз-ухо') и *синтэм-пельтэм* 'стремительно, стремглав' (= 'ничего не видя и не слыша' – Н. Ш.).

В одном случае наряду с раздельнооформленным вариантом встретился цельнооформленный вариант прилагательного, при том что гипотетически производящее парное существительное в словаре отсутствует: удм. *куро-бодыё*, *куроё-бодыё* 'грубый (о соломе, сене)' при *куро* 'кора', *боды* 'палка'.

Еще одно словарное гнездо содержит различные варианты прилагательных: удм. *тусбуи* 'вид, внешность, облик; образ' (букв. 'облик / вид-цвет'); *тусбуё* 'видный, выразительный', *тусо-буё* то же; *тусбуй-тэм* 'безликий', 'бесцветный', *тустэм-буйтэм* то же.

Видно, что отношение производности со всей очевидностью связывает только последнюю пару слов в таблице: удм. *ымныро* < *ымныр*.

Луговой марийский. В луговом наречии марийского языка имеются следующие соответствия парных прилагательных, оформленных с помощью наличия объекта в достаточной степени *-ан* или аффиксом отсутствия объекта *-дымо* / *-дыме*, и существительных – см. таблицу.

Соотносительные парные существительные
и прилагательные в марийском

Парные существительные	Парные прилагательные	
	цельнооформленные	раздельнооформленные
<i>ача-ава</i> 'родители' (букв. 'отец-мать')	<i>ача-авадыме</i> 'сирота, осиротелый'	<i>ачадыме-авадыме</i> 'не имеющий родителей, сирота'
<i>кид-йол</i> 'руки и ноги; конечности'		<i>киддыме-йолдымо</i> 'безногий-безрукий'
<i>туп-ваче</i> 'торс, верхняя часть туловища, плечи, запячье' (букв. 'спина-плечи')	<i>туп-вачан</i> 'с каким-л. торсом, плечами, закорками, запячьем; -плечий'	
<i>уш-акыл</i> 'разум; мысль; сознание; кругозор' (букв. 'ум/сознание-ум/рассудок')	<i>уш-акылан</i> 'умный, разумный; обладающий умом, разумом; толковый, рассудительный'	
<i>чӱгыт-сорла</i> 'серп и молот; знак-символ в виде серпа и молота' (букв. 'молот-серп')	<i>чӱгыт-сорлан</i> 'с серпом и молотом; имеющий знак в виде серпа с молотом'	
<i>шӱм-чон</i> 'сердце, душа; внутренний мир человека' (букв. 'сердце-душа')	<i>шӱм-чонан</i> 'с какой-л. душой; с каким-л. сердцем'	
<i>шинча-пыльш</i> 'глаза и уши; зрение и слух' (букв. 'глаза/зрение-уши/слух')		<i>шинчан-пыльшан</i> 'с глазами и ушами; со зрением и слухом; зоркий; пронизательный; наблюдательный; внимательный'
<i>эрге-ӱдыр</i>		<i>эргыдыме-ӱдырдымӱ</i> 'не имеющий ни сына, ни дочери; бездетный'

В марийском в данной выборке присутствует парное слово *чӱгыт-сорлан*⁶ 'с серпом и молотом', явно образованное от названия знака, имевшего символическое значение. Несмотря на буквальность перевода, понятно, что значение указанного прилагательного в конкретном историко-политическом контексте является идиоматичным.

⁶ Слово *чӱгыт-сорла* – частичная калька русского серп и молот – является одним из подтверждений активности парного словообразования в марийском языке (по крайней мере в соответствующую эпоху). Модель применена в отношении двух тесно связанных объектов. Если обычно имеется естественная связь [Wälchli 2003] между объектами, называемыми компонентами парного слова, то в данном случае связь идеологическая (и графическая), заданная конкретным историко-политическим контекстом.

Отношение производности определенно связывает слова только в одной паре – *чӧгыт-сорлан* и *чӧгыт-сорла*.

В вариантах *ача-авадыме* и *ачадыме-авадыме* по переводам видна корреляция морфологического оформления и семантики парных слов. Цельнооформленное прилагательное может иметь переносное значение ‘осиротелый’, в то время как прилагательное с оформлением обоих компонентов суффиксами прилагательного имеет буквальное значение. Следует ли из этого, что обсуждаемые парные прилагательные имеют разную деривационную историю, сказать невозможно, но можно предположить, что цельнооформленное прилагательное образовано от парного существительного, а раздельнооформленное – от двух не парных прилагательных. Нужно отметить, что парное существительное **мар.** *ача-ава* при словоизменении в марийском языке также показывает колебания: в достаточно большом количестве контекстов оно выступает раздельнооформленным.

Эрзянский язык. В эрзянском языке суффикс *-томо*, который по форме близок к суффиксам каритивных прилагательных в коми, удмуртском и марийском языках, трактуется как аффикс лишительного падежа (абессива) [Основы 1975: 289]. Этот аффикс оформляет оба компонента парного слова – см. следующую таблицу. Аффикс *-в* образует от существительных прилагательные, обозначающие наличие объекта в большом количестве или в изобилии. В парных словах эрзянского языка представлен также суффикс *-н*, образующий относительные прилагательные от существительных. В таблице представлены примеры прилагательных, которые имеют соотносительные парные существительные в мордовских языках, т. е. могут трактоваться как производные от этих существительных. Список примеров извлечен из словаря [Агафонова – Имайкина – Мосин 2001].

Соотносительные парные существительные
и прилагательные в эрзянском

Парные существительные	Парные прилагательные	
	цельнооформленные	раздельнооформленные
<i>лушмот-лашмот</i> ‘овраги’ (букв. ‘овраг.Р1-низина/овраг.Р1’)		<i>лушмов-лашмов</i> ‘ухабистый’
<i>род-плема</i> ‘род; племя’ <i>рудаз-навоз</i> ‘грязь, навоз’ (букв. ‘грязь-навоз’)	<i>род-племань</i> ‘родовой’	<i>рудазов-навозов</i> ‘грязный, навозный’
<i>рузт-эрзятъ</i> ‘русские и эрзяне’ (букв. ‘русский.Р1-эрзя.Р1’)		<i>рузонь-эрзянь</i> ‘русский и эрзянский’
<i>седейть-максот</i> ‘ливер’ (букв. ‘сердце.Р1-печень.Р1’)		<i>седеень-максонь</i> ‘ливерный’
<i>тетят-ават</i> ‘родители’ (букв. ‘отец.Р1-мать.Р1’)		<i>тетявато-аватомо</i> ‘сирота’
<i>тештть-ковт</i> ‘звезды и луна’ (букв. ‘звезда.Р1-луна.Р1’)		<i>тештев-ковов</i> ‘звездный, лунный’ (о небе)

Как видно из таблицы, в эрзянском языке представлены лишь одно цельнооформленное образование – прилагательное *род-племань*, обра-

зованное от существительного *род-племя*, которое, очевидно, целиком заимствовано из русского (при словоизменении данное существительное – едва ли не единственное среди парных в мордовских языках – выступает цельнооформленным). В Таблице представлено процентное соотношение цельно- и раздельнооформленных прилагательных, имеющих коррелятивные парные существительные.

Соотношение количества цельно- и раздельнооформленных парных прилагательных

Язык	Л.-мар.	К.-з.	Удм.	Эрз.
Количество цельнооформленных прилагательных по словарю	5 (56 %)	10 (43 %)	5 (31 %)	1 (14 %)
Количество раздельнооформленных прилагательных по словарю	4 (44 %)	13 (57 %)	11 (69 %)	6 (86 %)

Интересно, что, несмотря на скромный объем выборки, соотношение цельно- и раздельнооформленных прилагательных в данной таблице оказывается адекватным степени цельно- и раздельнооформленности парных существительных в соответствующих языках. При склонении и оформлении аффиксами притяжательности парные существительные в удмуртском показывают большую степень раздельнооформленности, чем в марийском или коми, а парные существительные в эрзянском языке являются последовательно раздельнооформленными.

Более того, следует отметить, что тип оформления парных прилагательных коррелирует с оформлением соответствующих парных существительных в каждой конкретной паре во всех исследуемых языках. Так, существительные со значениями ‘лицо’ в коми-зырянском и удмуртском языках и ‘ливер’ в коми-зырянском являются цельнооформленными, поскольку несут значение обобщения, – соответствующие прилагательные также являются цельнооформленными. Вариативность в оформлении прилагательных со значением ‘с родителями’ и ‘без родителей’ в коми-зырянском, луговом марийском и удмуртском языках находит соответствие в склонении соответствующих парных слов: слово со значением ‘родители’ может выступать как цельно-, так и раздельнооформленным.

Исключением из общей тенденции представляется слово **к.-з. *йбвттм-выйтм*** ‘необеспеченный молочными продуктами; бедный’, имеющее коррелятивное парное существительное, которое выступает цельнооформленным. Вероятно, парное прилагательное образовано от двух не парных прилагательных, а не от парного существительного.

Названия языков, диалектов и говоров

к.-з.	коми-зырянский
к.-з. (выч.)	вычегодский диалект коми-зырянского языка
к.-з. (сыс.)	сысольский диалект коми-зырянского языка
к.-з. (вв.)	верхневычегодский диалект коми-зырянского языка

к.-з. (вв. Бог.)	говор с. Богородск верхневьчегодского диалекта коми-зырянский
к.-з. (вв. Крч.)	коми-зырянский, с. Керчемья
к.-з. (иж.)	коми-зырянский
к.-з. (л. Об.)	лузский, с. Объячево
к.-з. (лл.)	коми-зырянский
к.-з. (нв.)	коми-зырянский
к.-з. (печ.)	коми-зырянский
к.-з. (скр.)	присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
к.-з. (сс.)	коми-зырянский
к.-з. (уд.)	коми-зырянский
к.-з. (уд. Пучк.)	с. Большая Пучкома
уд. Гл.	с. Глотова
к.-п.	коми-пермяцкий
л.-мар.	луговой марийский
удм.	удмуртский
эрз.	эрзя-мордовский (эрзянский) языка

Глоссы

	значение
	Согсоотносительный суффикс
Adj	адъективизатор, показатель прилагательного
Adv	наречие; адвербиальный падеж
Approx	аппроксиматив, приблизительный падеж
CarAdj	прилагательное отсутствия объекта (каритивное)
III	иллатив, вступительный падеж
Verb	суффикс, образующий глаголы от имен
Inf	инфинитив
Subst	суффикс отглагольного существительного

Источники и литература

- Агафонова Н. А., Имайкина М. Д., Мосин М. В. Вейсэ, башка, тешкс вельде. (Эрзянско-русский словарь сложных, парных слов и составных наименований.) Саранск, 2001.
- Баталова Р. М., Кривоцекова-Гантман А. С. Коми-пермячко-русский словарь. М., 1985.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
- Бузакова Р. М., Ширманкина Р. С., Лисина Е. Н. и др. Эрзянско-русский словарь. М., 1993.
- Вахрушев М. Н. (ред.) Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
- Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. 1961. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Словарь марийского языка. Т. 1–10. Йошкар-Ола, 1990 – 2005.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Ahlqvist A. Wogulisches Wörterverzeichnis von August Ahlqvist. // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. II. Mémoires de la société finno-ougrienne. II. Helsingissä, 1891.
- Fokos-Fuchs D. R. Syrjänisches Wörterbuch. Bd. I, II. Budapest, 1959.
- Wälchli B. Co-compounds and Natural Coordination. Stockholm University, 2003.
- Wiedemann F. J. Syrjänisches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem Deutschen Register von F. J. Wiedemann. St. Petersburg, 1880.

Т. Б. Агранат (Москва)

Сохранность полипредикативного синтаксиса и социолингвистический статус прибалтийско-финских языков¹

Если расположить все прибалтийско-финские языки на шкале, приведенной в [Кибрик 1992: 67], от здоровых до мертвых языков, то крайнюю левую позицию будут занимать только два из них: финский и эстонский. Остальные будут находиться в разной степени близости от крайней правой точки, но, к счастью, никакие из них на сегодняшний день не достигли ее; максимально приблизились к ней водский и ливский.

Цель данной статьи – выявить сохранность архаичных полипредикативных конструкций и сопоставить ее с социолингвистическим статусом языков.

Известно, что в уральских и алтайских языках в исходных полипредикативных конструкциях в главной предикации выступает финитный глагол, а в зависимой – нефинитная глагольная форма. Ср.: «Для уральской (как и для алтайской) группы языков, по сравнению с индоевропейскими языками, характерно относительно многообразное употребление именных форм глагола. Так, в финском языке мы находим много таких эквивалентов предложения, придаточная часть которых выражена причастием или инфинитивом» [Хакулинен 1955: 248]. В традиционных описаниях финского языка такие типы зависимых предикаций называются «эквивалентами предложений», поскольку в современном языке они могут заменяться зависимыми предложениями с финитным глаголом и союзами, как в европейских языках. Тем не менее, в отличие от других прибалтийско-финских языков, исходные конструкции хорошо сохраняются в современном финском языке, благодаря жесткой литературной норме (ср. частые замечания Л. Хакулинена о конструкциях, которые не являются собственно финскими, поэтому должны быть отвергнуты, см. [Хакулинен 1955]). В финском языке существует большое количество отглагольных имен (в традиционном описании в нем есть пять инфинитивов) и причастий, которые используются в формировании зависимой предикации. Для выражения одновременности, предшествования, способа действия, причины, цели, уступки и т. д. используются разные отглагольные имена и причастия (см., например, [Хакулинен 1955]; [Дубровина 1972]; [Дубровина 1977]), но, к сожалению, авторы обычно при описании

¹ Работа выполнялась при поддержке проекта программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Ранние контакты языков урало-алтайской общности».

этого феномена идут от формы к значению, что делает его трудно понимаемым для читателя.

Поскольку все прибалтийско-финские языки, находящиеся на территории России, пребывают в тесном контакте с русским языком, их носители постоянно пользуются русским языком. Все эти языки испытывают на себе сильное влияние русского на всех уровнях, включая синтаксический, что повлекло за собой почти полное исчезновение исходных полипредикативных конструкций, сохраняющихся в финском языке. С моей точки зрения, наличие в финском языке значительно большего количества отглагольных имен, чем в прочих прибалтийско-финских языках, обусловлено их использованием в исходных типах зависимой предикации, в то время как другие близкородственные финскому языки в основном вытеснили последние союзными придаточными предложениями с финитным глаголом в предикативной функции и, соответственно, утратили за ненадобностью часть отглагольных имен. В водском языке замещение старых полипредикативных конструкций сложными предложениями индоевропейского типа наблюдается уже в текстах XIX в. Существует два водских памятника XIX в., отражающие разные говоры западного диалекта: [Ahlquist 1856] – котельский говор, [Mustonen 1883] – кракольский. Второй из них содержит перевод на водский язык четырех глав Евангелия от Матфея. О. А. Ф. Мустонен ничего не говорит о том, кем и с какого языка выполнен перевод, но некоторые лингвистические данные позволяют определить, что перевод был сделан с русского языка (подробно об этом см. [Агранат 2005]). Таким образом, этот памятник представляет интерес для лингвистического анализа, поскольку имеется возможность сопоставить синтаксис русского оригинала и перевода на водский язык.

Значение **причины** в некоторых случаях никак не выражено: (1)², в других случаях оно выражается дейктическим наречием *siittä* ‘отсюда’ в функции союза: (2).

- (1) Nämät jutōl-t-ii tä-lle: Judeja-n Betlemi-zä nii
они сказать-IPS-IPF он-ALL Иудея-GEN Вифлеем-IN так
on prorokka īrjutta-nnu
быть.PRS.3SG пророк писать-PTCP
Они сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка.
[Mustonen 1883: 154]

- (2) Siittä kui tūū nedʹj-e ōhsunus-ō-t anna-tta...
потому что если вы эти-PART должник-PL-PART дать-2PL
Потому что, если вы этим должникам прощение дадите...
(«Ибо, если вы будете прощать людям прегрешения их...»)

²Ко всем водским примерам дается мой перевод, к примерам из [Mustonen 1883], кроме того, в скобках приводится канонический текст. Орфография памятников сохраняется, без указания на источник даются примеры из полевых записей автора в фонематической транскрипции.

[Mustonen 1883: 156]

В современном водском языке значение причины выражается заимствованным из русского языка союзом *što* ‘что’: (3). (Несмотря на многозначность этого союза в русском языке, в значении причины он употребляется только в русском языке носителей водского языка).

- (3) Nii see päivä men-i mīll nii üvi-n meeli-n
так этот день идти-IPF.3SG я-AD так хороший-ES настроение-ES
što nä-i-n nii pallo üvi-j-õ nei-tä
что видеть-IPF-1SG так много хороший-PL-PART те-PART
lintu-j-õ i jänisse-j-õ.
птица-PL-PART и заяц-PL-PART

Так этот день прошел в хорошем настроении, потому что я видела так много хороших птиц и зайцев.

Значение **уступки** выражается заимствованным из русского языка *hot* ‘хоть’³

- (4) Hot kui’ pallo on, ‘b õle sinû’
хоть как много быть.PRS.3SG NEG.3SG быть ты.GEN
wartê’ kassena tilâ.
для здесь место.PART

Хоть здесь много места, но для тебя места нет. [Ahlquist 1856: 111].

Этот союз заимствован из русского языка очень давно, он встречается даже в народных песнях, записанных А. Алквистом в середине XIX в., которые были очень архаичными уже в то время и содержали ряд темных мест даже для А. Алквиста. Никакие исконные способы выражения уступки в текстах памятников не встречаются.

Что касается **цели**, современный водский язык располагает несколькими конструкциями с отглагольными именами для выражения как семантических, так и прагматических ее оттенков; (об этом см. [Агранат 2002], о целевых конструкциях в других прибалтийско-финских языках – [Агранат 2000]). В более старом синхронном срезе был еще один, ныне исчезнувший способ выражения цели – транслатив так называемого первого инфинитива в обязательном порядке с посессивными аффиксами. Такие конструкции не были употребительными уже во время А. Алквиста, они встречались только в народных песнях; П. Аристе удалось записать такой способ выражения цели при сборе фольклора в XX в.:

- (5) ecci maa-ta **maga-tõ-ssõ-ni**
искать.IMPER.2SG земля-PART спать-INF-TR-Px1SG
Ищи землю, чтобы мне спать [Ariste 1986: 30].

В современном финском языке конструкции данного типа до сих пор употребительны. Современные носители водского языка не знают таких конструкций также потому, что посессивные аффиксы полно-

³Подробнее см. [Агранат 2009].

стью исчезли из языка и не узнаются носителями. Я полагаю, что исчезновение из языка посессивных аффиксов явилось одной из причин утраты большинства исходных полипредикативных конструкций. (Посессивные аффиксы в разной степени утрачены прибалтийско-финскими языками, исключая финский. В некоторых из этих языков, как в водском, ижорском и эстонском, они полностью исчезли, в некоторых, например, в вепском, они сохраняются только при терминах родства). Дело в том, что лицо зависимой предикации в отглагольном имени выражается посессивным аффиксом. При утрате посессивного склонения притяжательность выражается личными местоимениями в генитиве. Представляется, что такой способ выражения посессивных отношений очень громоздкий, тем более громоздкий способ выражения лица за пределами словоформы отглагольного имени в зависимой предикации. Однако, разумеется, что исчезновение посессивных аффиксов – это не единственная причина утраты старых конструкций, ср. венгерский язык, в котором преобладают союзные сложные предложения индоевропейского типа, но при этом очень хорошо сохраняется система притяжательного склонения.

Предшествование, как и **одновременное действие** уже в текстах XIX в. выражается с помощью *ku* (=ku=kuu) 'когда' (ба и в соответственно). Этот союз очень полисемичен, он также означает 'если' (см. пример (2)), 'как' (в разных значениях). Итак, в данном случае «европейский» способ выражения синтаксических отношений увеличивает полисемию.

(6a) A kuu kunikas kool-i, siis näütti-is
 а когда царь умирать-IPF.3SG тогда появляться-IPF.3SG
 Jumala enkeli Ossipalõ unõ-z ...
 бог.GEN ангел Joseph сон-IN

Когда царь умер, явился Иосифу во сне божий ангел.

(«По смерти же Ирода Ангел Господень во сне является Иосифу...»)

[Mustonen 1883: 152].

(6b) Jeesus ku tävel-i Galilea mere ranta-a
 Jesus когда идти-IPF.3SG Галилея.GEN море.GEN берег-PART
 müüt, näi-i tämä kahõ vellä
 по видеть-IPF.3SG он два брат.PART

Когда Иисус шел по берегу Галилейского моря, он увидел двух братьев.

(«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев...»)

[Mustonen 1883: 154].

Одновременное действие, так же, как и **способ действия**, может выражаться независимым предложением с финитным глаголом (иногда эти два значения невозможно различить):

(7) ...kõikõ tämä taho-n miä sillõ anta-a,
 все это хотеть.PRS-1SG я ты-ALL дать-INF

siä lankõa-t maa-lõ ja palvõ-t minnu-a.
 ты падать-2SG земля-ALL и просить-2SG я-PART
Все это хочу дать тебе, если ты упадешь на землю и попросишь меня.
(«Все это дам тебе, если падиши поклонишься мне».)

[Mustonen 1883: 154].

П. Аристе слышал в живом употреблении в середине XX в. архаичную форму инессива так называемого первого инфинитива, которая «означает как одновременное действие, так и способ, которым действие совершается» [Ariste 1968: 77]. В настоящее время эта форма носителями водского языка не употребляется. Она встречается только один раз в [Mustonen 1883], три раза в сказках, записанных А. Алквистом, отражающих синхронный срез середины XIX в., и очень частотна в народных песнях, также записанных А. Алквистом, но очень архаичных уже во времена Алквиста (сказки и народные песни см. в [Ahlquist 1856]).

(8) ...nämät suva-taa Jumala-a koto-na kuja
 они любить-PRS.IPS бог-GEN дом-ES улица.GEN
 salvõmi-i tüvenä sõisutõll-õ-za palvõ-a...
 угол-GEN около стоять-INF-IN молиться-INF
Они любят в божьем доме, на углу улицы стоя, молиться.
(«...которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться...») [Mustonen 1883: 155].

(9) Maga-te-za rojo-o se kõikki-â nõgre-pi
 спать-INF-IN мальчик-GEN этот все-PART молодой-CMPR
 tütar [...] lähät-i sõzare-t [...] tõ-le
 дочь посылать-PAST.3SG сестра-PL работа-ALL
Пока мальчик спал, самая младшая дочь послала сестер на работу.
 [Ahlquist 1856: 115].

Как можно видеть, субъект зависимой предикации, которая выражена данной формой, может быть кореферентным субъекту главной предикации, как в примере (8), а может быть и некорреферентным, как в примере (9).

Как выше уже было сказано, в настоящее время в водском языке в живом употреблении исходные полипредикативные конструкции не встречаются.

Эстонский язык сохраняет некоторые типы монофинитных полипредикативных конструкций для выражения **временных отношений, причины, способа действия, побочного действия.**

Интересны конструкции с отглагольным именем не -des в зависимой предикации. Все примеры из [Erelt 2003: 122–123]. Субъекты обеих предикаций в них могут быть кореферентны:

(10) Õhtul toa-s istu-des mõtle-s Jaan
 вечером комната-IN сидеть-DES думать-IPF.3SG Яаан
 selle-le kaua
 это-AL долго

Сидя вечером в комнате, Яаан долго думал об этом.

Могут и не быть кореферентны:

- (11) Päikese looju-des läk-s ilm jaheda-ks
солнце.GEN сесть-des пойти-IPF.3SG погода прохлады-TR
Солнце село, и стало прохладнее.

В конструкциях с некорреферентными субъектами субъект зависимой предикации может стоять только в генитиве, нефинитный предикат не может иметь при себе прямой объект и может быть только непереходным глаголом; исключение составляют только глаголы чувственного восприятия, которые также не могут иметь при себе объект:

- (12) Koer jä-i minu nä-hes auto
собака оставаться-IPF.3SG я.GEN видеть-des машина.GEN
alla
под

Я видел, как собаку задавила машина.

В современном вепском языке исследовались средства выражения **причины и следствия** [Иванова 2008], а также временной соотнесенности [Иванова 2007]. Предикативные единицы в вепском языке могут соединяться аналитическим⁴ и синтетическим⁵ способами, в [Иванова 2007] изучаются только аналитические способы выражения временной соотнесенности, говорится, что аналитические полипредикативные конструкции являются наиболее употребительными как в языке европейских, так и сибирских вепсов. Однако процент использования синтетических полипредикативных конструкций в речи европейских вепсов чуть выше (17%), чем у вепсов-сибиряков (9,5%), язык которых испытывает сильное влияние со стороны русского языка [Иванова 2007: 164].

Что же касается выражения причинно-следственных отношений в вепском языке, для этого используются бифинитные полипредикативные конструкции со скрепой, без нее, а также простые предложения. Наиболее употребительной формой в сфере выражения причинных отношений является скрепа в составе бифинитной полипредикативной конструкции и послелого при имени существительном или местоимении в простом предложении, последние являются монопредикативными, но полипропозитивными предложениями. [Иванова 2008]. О синтетических полипредикативных конструкциях со значением причины и следствия не говорится.

Синтаксису карельского языка посвящено специальное исследование [Федотова 1990]. О полипредикативных конструкциях нефинитным глаголом в зависимой части в данной работе не говорится, из чего

⁴ Т. е. с союзами и финитным глаголом в обеих предикациях.

⁵ Т. е. с нефинитной формой глагола в зависимой предикации, выше такие конструкции назывались исходными.

можно сделать, по крайней мере, косвенный вывод, о том что такие конструкции, если и не исчезли совсем из языка, то не являются частотными и общеупотребительными.

Таким образом, очевидно, что сохранность искомого полипредикативного синтаксиса зависит от социолингвистического статуса языка. Объясняется это тем, что синтаксический уровень очень сильно подвергается изменениям под влиянием контактирующих языков, и консервирующим его механизмом является нормирование.

Литература

- Агранат Т. Б.* 2000. О залоговых противопоставлениях в прибалтийско-финских языках // *Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры Финно-угорской филологии С-ПбГУ, С-Пб.*
- Агранат Т. Б.* 2002. О дистрибуции двух отглагольных форм в водском языке // *Лингвистический беспредел. Сборник научных статей к 70-летию проф. А. И. Кузнецовой, М.*
- Агранат Т. Б.* 2005. Перевод Евангелия на водский язык // *Материалы XXXIV международной филологической конференции, С-ПбГУ.*
- Агранат Т. Б.* 2009. Дискурсивные маркеры в водском языке // *Вопросы языкознания, № 6.*
- Дубровина З. М.* 1972. Инфинитивы в финском языке, Л.
- Дубровина З. М.* 1977. Инфинитивы и причастия как дополнительное ядро предикации в финском предложении. (К вопросу об эквивалентах предложения) // *Вопросы финно-угорской филологии, Вып. 3. М.*
- Иванова Г. П.* 2007. Аналитические полипредикативные конструкции со значением времени в вепском языке // *Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, С. 163–178.*
- Иванова Г. П.* 2008. Средства выражения причинно-следственных отношений в вепском языке // *Гуманитарные науки в Сибири, №4, 2008, С.71–76.*
- Кибрик А. Е.* 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания, М., 1992.
- Федотова В. П.* 1990. Очерк синтаксиса карельского языка, Петрозаводск.
- Хакулинен Л.* 1955. Развитие и структура финского языка, ч. 2, М.
- Ahlquist A.* 1856. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning* // *Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors.*
- Ariste P.* 1968. *A Grammar of the Votic Language, (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 68.)* Bloomington– The Hague.
- Ariste P.* 1986. *Vadja rahvalaulud ja nende keel*, Tallinn.
- Erelt M. (ed.)* 2003. *Estonian Language. Linguistica Uralica, supplementary series/ volume 1.* Tallinn.
- Mustonen O. A. F.* 1883. *Muistoonpanoja Vatjan kielestä* // *Virittäjä.*

Ф. И. Рожанский (Москва, Тарту),
Е. Б. Маркус (Москва, Тарту)

О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов¹

Традиционно в ижорском языке выделяли четыре диалекта – ордежский, хэваский, сойкинский и нижнелужский (см., например, [Лаанест 1993: 62–63]), из которых два последних сохранились до нашего времени. В этой системе нижнелужский диалект занимает особое положение, поскольку он заметно отличается от трех остальных диалектов. Проведенный в [Рожанский 2010] анализ показал, что почти не существует черт, общих для сойкинского и нижнелужского ижорского и при этом отсутствующих в соседствующих идиомах (водском и ингерманландском финском).

Причиной такой ситуации является длительное и активное взаимодействие ижорского языка с родственными языками в нижнелужском регионе ([Лаанест 1966: 149–161], [Лаанест 1977], [Ariste 1977], [Haartmann 1984: 215–239]). Так, в работе [Лаанест 1994: 31] отмечается: «В нижнелужском диалекте есть и такие явления, которые совпадают только с водским языком или только с соседними финскими говорами. При этом водское влияние все же глубже финского. Можно предполагать водский субстрат в нижнелужском диалекте ижорского языка. Но в ряде случаев вернее говорить о конвергентном развитии указанного ижорского диалекта и местных водских и финских говоров». В [Лаанест 1966: 149–152] приводится набор признаков, различающих рассматриваемые идиомы, и демонстрируется влияние водского и ингерманландского финского на ижорские диалекты, прежде всего, на нижнелужский ижорский. Однако более детальный анализ взаимовлияния ижорского и водского языков и, прежде всего, особенностей формирования нижнелужского диалекта ижорского не проводился.

В данной работе будет рассмотрен ряд фактов, которые позволяют дополнить картину взаимодействия нижнелужского диалекта ижорского языка с водским языком и сформулировать гипотезу о формировании и статусе этого ижорского диалекта.

1. Языковой сдвиг у водского населения нижнелужского ареала

В конце XVIII века были опубликованы первые этнографические заметки о воде, написанные Ф. Л. Трефуртом [Trefurt 1783], [Trefurt 1785]. В этих заметках, в частности, приводился список водских деревень, расположенных на реке Луге: Извоз, Манновка, Кейкино, Орлы, Федоровка ([Trefurt 1785: 115]: Isvos, Mannovka, Keikina, Orell, Födrowska). В настоящее время в этих деревнях проживает ижора, а

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-04-00172а.

не водь². Конечно, можно было бы предположить, что автор заметок не разобрался в различиях родственных народов и назвал ижору водью. Однако такая гипотеза опровергается одним простым фактом: несколькими страницами ранее Ф. Л. Трефурт обсуждает специфическую характеристику водского языка – использование *iš* на месте финского *k* (то есть палатализацию перед гласными переднего ряда). Зная этот факт, невозможно перепутать два рассматриваемых языка.

Никаких случаев «насильственного уничтожения» води ижорой неизвестно, поэтому единственным объяснением изменения языка у жителей деревень нижней Луги становится языковой сдвиг, в процессе которого водь переходила на ижорский.

Сейчас уже сложно определить, когда начался этот сдвиг, но не вызывает никакого сомнения, что он продолжался до последнего времени. Например, в деревне Межники, которая еще недавно считалась водской, последнее поколение носителей языка говорит только по-ижорски. В Межниках, в частности, жила Оудекки Фигурова (1891–1978), одна из наиболее знаменитых водских рассказчиц (см. [Ariste 1978]). Ее дочь 1925 года рождения, живущая в той же деревне, является носителем ижорского языка [Муслимов 2005].

Причиной такого сдвига (вероятно не единственной, но, несомненно, очень значимой) стала асимметрия в выборе языка общения между водью и ижорой. Уже в 1925 году водский лингвист Д. Цветков отмечал, что когда водский мужчина приводит в свою семью ижорскую невесту, то вся семья, включая старшее поколение, переключается с водского на ижорский язык [Tsvetkov 1925: 43]³.

Те из наших информантов, у которых один из родителей был водью, а другой ижорой, в качестве основного языка почти всегда использовали ижорский (даже если они и обладали некоторым знанием водского).

Также обратим внимание, что большинство носителей водского языка, с которыми нам приходилось работать, имели большие или меньшие познания в ижорском языке (например, они часто идентифицировали некоторое слово как ижорское, а не водское). Однако ижоры практически никогда не владели специфической водской лексикой.

Этот факт отмечался и самими носителями языка: «Ижоры плохо выговаривали вадьевский язык. Нечисто. Вадья по-ижорски говорили абсолютно одинаково [то есть, как ижора – Ф. Р. Е. М.]. Разницы никакой не было. По языку никто не мог определить, что он ижор или вадья. Хорошо говорили. А вот почему не могли чисто говорить по вадья ижоры – не знаю» (мужчина, водь, д. Лужицы, 1921 г.р.)⁴.

²Здесь имеются в виду остатки прибалтийско-финского населения; русское население, которое в настоящее время представляет этническое большинство, мы не рассматриваем.

³Подчеркнем, что водские мужчины часто женились на ижорках, то есть описываемая ситуация касается отнюдь не единичных случаев.

⁴Похожее высказывание приводится в [Муслимов 2005]: «Ижорка не могла говорить по-водски, приходилось говорить по-ижорски» (женщина из смешан-

Обратим внимание, что простых объяснений для описываемой асимметрии не существует. Водский язык не имеет каких-либо фонетических или грамматических черт, которые очевидным образом затрудняли бы его изучение.

Другим серьезным аргументом, подтверждающим процесс языкового сдвига у води, является идиом деревни Куровицы, расположенной на восточном берегу реки Луги. Специфический язык этой деревни традиционно считался водским диалектом (см., например, [Адлер 1966]) и включался в сборники водской речи ([Kettunen and Posti 1932], [Mägiste 1931], [Mägiste 1959], [Ariste 1962], [Ariste 1982], [Ariste 1986]). Анализируя этот идиом, С. Сухонен пришел к выводу, что он содержит в себе примерно равное количество водских и ижорских черт [Suhonen 1985]. В нашей работе [Маркус, Рожанский 2007] было проведено исследование, которое позволило сделать вывод, что в куровицком идиоме наблюдается не произвольная смесь водского с ижорским, но наложение ижорской лексики (и, соответственно, фонетики) на субстратную водскую грамматику. Понятно, что такой идиом мог возникнуть именно в ситуации неполного перехода води на ижорский язык.

Языковой сдвиг у води сопровождался и изменением идентичности. Д. Цветков писал, что после революции 1917 г. водь в советских анкетах указывала «ижор» как свою этническую принадлежность, и «русский» как свою национальность [Tsvetkov 1925: 43]. В работе [Золотарев 1927: 141] отмечалось, что разница между ижорой и водью сохраняется только в их языке (ср. также [Heinsoo 1991: 449], [Хейнсоо 1995: 177]). Вероятно, именно такое отношение послужило причиной того, что водский язык отсутствовал в результатах переписей с 1926 года и лишь в 2002 году вновь появился в списке языков Российской Федерации.

Многие из наших водских информантов называли свой язык ижорским, а себя – ижорой. На вопрос о води одна из информанток (женщина, водь, д. Лужицы, 1928 г.р.) ответила: «Да, я слышала, что существовали такие *vadda*, но кто они такие, я не знаю»⁵.

В [Муслимов 2005: 63] отмечается, что определить, когда этноним «ижоры» стал использоваться по отношению к води, не представляется возможным, но подобного рода примеры зафиксированы в записях П. Аристе [Ariste 1982: 66]: *miä en ė venälaine, miä ėlen ni ėžori* ‘Я не русский, я ижор’ (мужчина, водь, д. Лужицы, 1892 г.р.).

В свете описанного языкового сдвига и смены идентичности становятся более понятными изменения в численности населения води и ижоры.

В Таблице 1. представлена численность водской и ижорской популяции и носителей языка с середины XIX века до нашего времени (заметим, что по крайней мере до Второй мировой войны разницу в

ной водско-ижорской семьи, д. Краколье, 1917 г.р.).

⁵ Следует подчеркнуть, что идентичность води стала возрождаться в последнее десятилетие, в частности, в результате проведения ежегодных праздников, организованных Т. В. Ефимовой, в деревне Лужицы.

количестве этнических представителей этих народов и носителей языка можно считать несущественной).

Таблица 1. Динамика численности води и ижоры⁶

Год	Водь (население)	Водь (носители языка)	Год	Ижора (население)	Ижора (носители языка)
1848 ⁷	5148		1848	18489	
1915 ⁸		1000	1917 ⁹	20000	
1926 ¹⁰	~ 700-800		1926	16137	
1942 ¹¹	~ 400-600		1942	~ 13000	
1980 ¹²		~ 20	1979 ¹³	748	244
1991 ¹⁴	61		1989 ¹⁵	820	302
2011 ¹⁶		менее 10	2011		~ 130

В приведенной таблице обращает на себя внимание следующий факт: если начиная со второй половины XX века наблюдалось постоянное сокращение популяции води и ижоры с примерно одинаковым соотношением этих народов (води в 10–20 раз меньше, чем ижоры), то более ранний период с середины XIX века до Второй мировой войны

⁶ Несмотря на то, что в некоторых источниках приводятся точные цифры, следует осознавать, что любые данные о численности води и ижоры являются приблизительными. В таблицу намеренно не были включены данные переписи 2002 года [Итоги 2007], противоречащие здравому смыслу (в соответствии с этими данными, число владеющих водским языком в десять (!) раз больше, чем число представителей этнической води).

⁷ [Köppen 1867]. Ижорское население включает 17800 человек, проживающих в Санкт-Петербургской губернии и 689 человек в Карелии.

⁸ [Kettunen 1915].

⁹ [Mustonen 1933], [Nevalainen, Hannes 1991: 410]. Территория, к которой относится данное число, не указана.

¹⁰ По переписи 1926 года, цитируемой в [Мусаев 2004: 178], [Ernits 2007: 15]. Для води в [Мусаев 2004: 178] приводятся различные данные, варьирующие в диапазоне от 694 до 844 человек. Для ижоры численность населения в 26137 человек, приводимая в [Kurs 1990: 1487], критикуется в работе [Ernits 2007: 15].

¹¹ Данные о численности води в 1942 году сильно варьируют: около 200 [Ariste 1957], 300–400 [Ariste 1970], менее 500 [Mägiste 1959], 400–500 [Ränk 1960], 667 [Nevalainen, Hannes 1991: 268]. Численность ижорского населения указана по [Nevalainen, Hannes 1991: 268, 410], [Kurs 1990: 1493] и включает в себя 8729 человек на оккупированной территории и приблизительно 4000 человек на территории «Ораниенбаумского котла».

¹² [Ariste 1981].

¹³ Данные переписи 1979 года приводятся по [Ernits 2007: 15], [Мусаев 2004: 348]. Из 748 ижорцев, проживающих в СССР, 315 находятся в Ленинградской области.

¹⁴ [Heinsoo 1991].

¹⁵ Данные переписи 1989 года приводятся по [Ernits 2007: 15], [Мусаев 2004: 348]. Из 820 ижорцев, проживающих в СССР, 276 проживают в Ленинградской области. Небольшое увеличение количества этнических представителей, а также людей, владеющих языком, по сравнению с переписью 1979 года, можно объяснить как ошибками в подсчетах, так и постепенным восстановлением идентичности вследствие изменений в национальной политике государства.

¹⁶ Данные наших полевых исследований.

демонстрирует принципиально отличную тенденцию. Действительно, за этот период количество води сократилось почти в 10 раз, в то время как количество ижор не претерпело принципиальных изменений. Поскольку оба народа имели достаточно схожую судьбу, такое заметное расхождение в динамике их численности на первый взгляд кажется очень странным. Однако это различие становится объяснимым, если кроме общего для обоих народов процесса русификации допустить также процесс ижоризации води. Переход води на ижорский язык и изменение идентичности существенным образом сказывались на численности и так немногочисленного водского населения и при этом в некоторой степени замедляли сокращение ижорского населения.

Вся описанная ситуация на первый взгляд выглядит достаточно просто. Используемый в теории моделирования языковых контактов параметр «неустойчивость» (volatility, см. [Castelló et al. 2008], [Vazquez et al. 2010]), определяющий склонность к языковому сдвигу, для води имеет большее числовое значение, чем для ижоры. Соответственно в ситуации взаимодействия ижоры и води, последним свойственно переходить на ижорский язык и терять идентичность. Однако для создания более полной картины взаимодействия следует рассмотреть не только социолингвистические, но и собственно лингвистические данные.

2. Взаимовлияние водского и ижорского языков

Рассмотрим языковые черты, которые водский и ижорский языки заимствовали в процессе контактов друг с другом в нижнелужском ареале.

Следует подчеркнуть, что сравнение лексики двух языков в данном случае не дает сколько-нибудь репрезентативного результата. Поскольку водский и ижорский являются близкородственными языками, их базовая лексика практически идентична (единственной различающейся лексемой в стословном списке Сводеша является глагол «говорить»: ижорское *lāiä*, водское *pajatta*¹⁷). Что же касается лексики за пределами базовой, то изоглоссы, характеризующие распространение той или иной лексемы, могут с одинаковой вероятностью очерчивать как ареал какого-либо языка, так и группу деревень, в которой представлены говоры различных языков¹⁸. По этой причине мы не используем лексические заимствования для оценки степени влияния одного языка на другой.

Однако совсем другая ситуация складывается при анализе фонетики и грамматики исследуемых языков. Ниже перечисляются те языковые черты, заимствованные ижорским языком из водского и наоборот,

¹⁷ Следует отметить, что это различие используется финно-угорским населением Ингерманландии для идентификации своей национальной и языковой принадлежности: «В нашей деревне мы *pajattmm*, а в той деревне они *lāiä*» (что означает «наша деревня водская, а их – ижорская»). Этот вопрос детально исследован в [Муслимов 2005].

¹⁸ Подробный список изоглосс, иллюстрирующий распространение конкретных лексем на территории Ингерманландии приводится в [Муслимов 2005].

которые можно отнести к разряду системных (то есть затрагивающих основы языковой структуры). Направление заимствования определяется путем сопоставления языковых черт в четырех идиомах: нижнелужском водском, нижнелужском ижорском, сойкинском ижорском (который не демонстрирует очевидных следов водского влияния [*Лаанест* 1966: 151]) и центральных говорах водского языка (которые не имели прямых контактов с ижорским). Данные по первым трем из перечисленных идиомов были получены в процессе полевой работы авторов. Центральные говоры водского языка к настоящему моменту вымерли, поэтому информация по этим говорам получена из опубликованных материалов (прежде всего, [*Ariste* 1968], [*Adler et al.* 1990–2011]).

Мы исходим из допущения, что если некоторая черта наблюдается в обоих водских идиомах и в нижнелужском ижорском, однако отсутствует в сойкинском ижорском, то она была заимствована из водского в нижнелужский ижорский. И наоборот, если некоторая черта наблюдается в обоих ижорских диалектах и в нижнелужском водском, однако отсутствует в центральноводских говорах, она была заимствована из ижорского в нижнелужский водский.

2.1. Система консонантных оппозиций

В *центральноводских* говорах система взрывных согласных фонем строилась на противопоставлении двух фонетических признаков: «глухой» vs. «звонкий» и «одиначный» vs. «геминированный»: /t/ – /d/ – /tt/, /k/ – /g/ – /kk/, /p/ – /b/ – /pp/ [*Ariste* 1968: 7, 10].

В *нижнелужском водском* представлена такая же система консонантных оппозиций, расширенная за счет недавно появившихся звонких геминат¹⁹:

sika ‘свинья:НОМ’ – *sigā* ‘свинья:ГЕН’ – *sikka* ‘свинья:ПАРТ’
griba ‘гриб:НОМ’ – *gribba* ‘гриб:ПАРТ’

Идентичная система наблюдается в современном *нижнелужском ижорском*:

sata ‘сто:НОМ’ – *satta* ‘сто:ПАРТ’
sada ‘сад:НОМ’ – *sadda* ‘сад:ПАРТ’

В *сойкинском ижорском* система консонантных оппозиций устроена гораздо менее тривиальным образом. Признак «глухость/звонкость» не играет роли в фонологических противопоставлениях²⁰, зато наблюдается типологически редкая система тройной оппозиции по долготе:

¹⁹ Здесь и ниже примеры приводятся в фонологической транскрипции. Краткие геминаты обозначаются знаком ˘ над первой частью геминаты. Примеры на нижнелужский водский приводятся из песоцко-лужицкого (2, 7, 8, 24) и кракольского (21) говоров. Примеры 1, 15, 16 идентичны в обоих водских говорах.

²⁰ Одиначные взрывные могут произноситься как глухие, полувзвонкие или звонкие, однако этот контраст не является фонологическим.

одиначный согласный vs. краткая гемината vs. долгая гемината: /t/ – /t̄t/ – /tt/, /k/ – /k̄k/ – /kk/, /p/ – /p̄p/ – /pp/ (см. [Markus 2010]):

tapa ‘убивать:IMP.2SG’ – *tappā* ‘быть достаточным:IMP.2SG’ – *tappā* ‘убивать:PRS.3SG’

2.2. Комитатив

В *центральноводских* говорах для выражения семантических ролей спутника и инструмента использовался комитатив [Ariste 1968: 33–34].

В *нижнелужском водском* комитатив используется в тех же функциях:

- (1) *tämä tul-i koira-ka*
3SG приходить-IMPF:3SG собака:GEN-COM
‘Он пришел с собакой’.
- (2) *hñ saha-ta tätä irt-tə saha-ka*
3PL пилить-PRS.3PL этот:PART жердь-PART пила:GEN-COM
‘Они пелят это бревно пилой’.

Аналогичным образом используется комитатив в *нижнелужском ижорском*:

- (3) *hñ tul-i koira-n-ka*
3SG приходить-IMPF:3SG собака-GEN-COM
‘Он пришел с собакой’.
- (4) *hõ saha-ta sitä palkki-a saha-n-ka*
3PL пилить-PRS.3PL тот:PART жердь-PART пила-GEN-COM
‘Они пелят это бревно пилой’.

В *сойкинском ижорском* комитатив как отдельный падеж отсутствует. Роль ‘совместно с’ выражается при помощи послелога *kerä* ‘с’, а роль инструмента выражается адессивом:

- (5) *hã tul-i koira-n kera*
3SG приходить-IMPF:3SG собака-GEN с
‘Он пришел с собакой’.
- (6) *hñ šaha-jāt tätä hert-tä šaha-l*
3PL пилить:PRS-3PL этот:PART жердь-PART пила-ADESS
‘Они пелят это бревно пилой’.

2.3. Вытеснение форм 3 лица множественного числа имперсональными формами

В водском языке исходные формы 3 лица множественного числа были вытеснены имперсональными. Таким образом, в современном водском языке одна и та же морфологическая форма используется и в личных, и в безличных конструкциях (о *центральноводском* см. [Ariste 1968: 68]).

Нижнелужский водский:

- (7) *nämä valē-ta tätä pehko-a*
3PL поливать-PRS.3PL этот:PART куст-PART
‘Они поливают этот куст’.

- (8) *pehko vale-ta õmniko-ssə*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

Аналогичное вытеснение произошло у многих носителей *нижнелужского ижорского* (прежде всего, в говорах, расположенных на восточном берегу р. Луги).

Нижнелужский ижорский (кракольский говор):

- (9) *hõ vale-ta tätä pehko-a*
 3PL поливать-PRS.3PL ЭТОТ.PART куст-PART
 'Они поливают этот куст'.

- (10) *pehko vale-ta hõmniko-st*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

В *сойкинском ижорском* противопоставление личных и имперсональных форм сохраняется:

- (11) *hũ vallā-t tätä pehko-a*
 3PL поливать:PRS-3PL ЭТОТ:PART куст-PART
 'Они поливают этот куст'.

- (12) *pehko vale-tā hūmukšē-št*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

2.4. Коннегативы в отрицательных императивных конструкциях

В водском языке отрицательная форма императива 2 лица множественного числа образуется сочетанием отрицательного глагола в форме императива 2 лица множественного числа и смыслового глагола в той же форме:

Центральноводские говоры:

- (13) *el-kā vē-kā*
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 'Не несите!' [Ariste 1968: 84]

- (14) *el-kā pes-kā*
 NEG-IMP.2PL мыть-IMP.2PL
 'Не мойте!' [Ariste 1968: 96]

Нижнелужский водский:

- (15) *el-ka vē-ka*
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 'Не несите!'

- (16) *el-ka pes-ka*
 NEG-IMP.2PL мыть-IMP.2PL
 'Не мойте!'

В *нижнелужском ижорском* отрицательная форма императива 2 лица множественного числа тоже выражается сочетанием форм императива 2 лица множественного числа отрицательного и смыслового глаголов:

(17) *el-kä* ***vie-kä***
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 ‘Не несите!’

(18) *el-kä* ***pes-kä***
 NEG-IMP.2PL мыть-IMP.2PL
 ‘Не мойте!’

Аналогичная конструкция *сойкинского ижорского* (кроме систинских говоров) в роли коннегатива использует инфинитив смыслового глагола, что совсем не типично для прибалтийско-финских языков:

(19) *el-kā* ***vī-jū***
 NEG-IMP.2PL нести-INF
 ‘Не несите!’

(20) *el-kā* ***peš-šū***
 NEG-IMP.2PL мыть-INF
 ‘Не мойте!’

2.5. Показатели имперфекта

В водском языке имперфект маркируется показателями *-i* или *-zi* (о *центральноводских говорах* см. [Ariste 1968: 69–71]).

Нижнелужский водский:

kūl-i-n ‘слышать-IMPF-1SG’, *hüppi-zi-n* ‘прыгать-IMPF-1SG’, *suva-zi-n* ‘любить-IMPF-1SG’

Такие же два показателя имперфекта наблюдаются в *нижнелужском ижорском* (единственное отличие состоит в том, что во втором показателе начальный консонант глухой):

kūl-i-n ‘слышать-IMPF-1SG’, *hüppi-si-n* ‘прыгать-IMPF-1SG’, *suva-si-n* ‘любить-IMPF-1SG’

В *сойкинском ижорском* существует также вариант показателя имперфекта *-iši*:

kūl-i-n ‘слышать-IMPF-1SG’, *hüppi-ši-n* ‘прыгать-IMPF-1SG’, *šuvva-iši-n* ‘любить-IMPF-1SG’

Показатель имперфекта *-isi* раньше использовался и в *нижнелужском ижорском*, однако позже он исчез в результате водского влияния [Лаанест 1966: 129]. В современном *нижнелужском ижорском*, как и в *нижнелужском водском*, *-isi* (*-izi*) используется только как показатель кондиционалиса, ср.:

Нижнелужеский водский	<i>suva-izi-n</i> ‘любить-COND-1SG’
Нижнелужеский ижорский	<i>suva-isi-n</i> ‘любить-COND-1SG’
Сойкинский ижорский	<i>šuva-jaiši-n</i> ‘любить-COND-1SG’

2.6. Показатели активного причастия

В водском языке показателем активного причастия является *-nni(d)/-nnü(d)* (о центральноводских говорах см. [Ariste 1968: 78]).

Нижнелужеский водский:

- (21) *miä keṣait e-n vala-nnuḍ tätä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ЭТОТ:PART куст-PART
 ‘Я никогда не поливал этот куст’.

В нижнелужеском ижорском этот показатель тоже, как правило, содержит гласный:

- (22) *miä konsa e-n vala-nnut siä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ТОТ:PART куст-PART
 ‘Я никогда не поливал этот куст’.

В сойкинском ижорском показатель активного причастия *-nt* не содержит гласного и начинается с одиночного согласного²¹:

- (23) *miä konškā e-n vala-nt tätä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ЭТОТ:PART куст-PART
 ‘Я никогда не поливал этот куст’.

Показатель *-nt* также отмечался в вымерших ижорских диалектах: хэваском и оредежском. Фонологически немотивированная геминация и сохранение гласного в нижнелужеском варианте показателя *-nnut/-nnüt* считается результатом водского влияния [Лаанест 1966: 132–133].

2.7. Показатель генитива

Одной из очевидных черт, различающих водский и ижорский языки, является показатель генитива (*-n* в ижорском и нулевой показатель в водском). Хотя в целом это противопоставление сохраняется, в наших полевых материалах по нижнелужескому ижорскому встречается довольно много случаев отсутствия показателя *-n* в комитативных конструкциях:

Нижнелужеский водский:

- (24) *tšene-ka tämä siḷḷä tul-i*
 кто:GEN-COM 3SG 2SG:ALL приходить-IMPF:3SG
 ‘С кем он к тебе приходил?’

²¹ В южных говорах, граничащих с нижнелужеским ареалом, также встречается и показатель *-nni(t)/-nnü(t)*.

Нижнелужский ижорский:

(25) *kenē-kä* ~ *kenen-kä hän siul tul-i*
кто:GEN-COM 3SG 2SG:ALL приходить-IMPF:3SG
'С кем он к тебе приходил?'

2.8. Вторичные геминаты

Единственной систематической чертой, заимствованной нижнелужским водским из ижорского языка, является геминация исходно одиночных консонантов после ударного слога. Вторичные геминаты отсутствовали в центральноводских говорах, которые не имели таких интенсивных контактов с ижорским:

Центральноводские говоры [Ariste 1968: 21, 76]:

lihā 'мясо:PART', *kalā* 'рыба:PART', *tšülā* 'деревня:PART', *repiä* 'рвать:INF', *tšüsiä* 'спрашивать:INF'

Нижнелужский водский (песоцко-лужицкий говор):

lihha 'мясо:PART', *kalla* 'рыба:PART', *tšüllä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *tšüssiä* 'спрашивать:INF'

Нижнелужский ижорский:

lihha 'мясо:PART', *kalla* 'рыба:PART', *kiillä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *küssiä* 'спрашивать:INF'

Сойкинский ижорский:

lihhä 'мясо:PART', *kallā* 'рыба:PART', *kiüllä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *küššüä* 'спрашивать:INF'

Все рассмотренные языковые изменения, вызванные водско-ижорскими контактами в нижнелужском ареале, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Заимствование языковых черт ижорским и водским языками в нижнелужском ареале.

Языковая черта	Направление заимствования
Система оппозиций консонантов	водский → ижорский
Комитатив	водский → ижорский
Вытеснение форм 3 лица множественного числа имперсональными формами	водский → ижорский
Образование отрицательного императива	водский → ижорский
Показатели имперфекта	водский → ижорский
Показатели активного причастия	водский → ижорский
Показатель генитива в комитативных конструкциях	водский → ижорский
Вторичные геминаты	ижорский → водский

Очевидно, что на лингвистическом уровне водский и ижорский языки оказали влияние друг на друга в неравной степени. Ижорский

язык заимствовал много черт из водского языка, в то время как последний оказался очень консервативным и неохотно принимал инновации.

3. Что же собой представляет нижнелужский ижорский?

Проведенный анализ социолингвистических и лингвистических черт показывает, что мы имеем дело не с простой ситуацией вытеснения одного языка (водского) другим (ижорским), а с довольно нетривиальным взаимодействием двух языков. Внести ясность в сложившуюся картину помогают следующие два факта.

1. Известно, что водские мужчины (по крайней мере, в деревнях Пески, Лужицы и Верхние Лужицы, см. [Муслимов 2005]) часто брали в жены ижорских женщин с сойкинского полуострова, которые соответственно являлись носителями сойкинского диалекта ижорского (напомним, что этот диалект заметно отличается от нижнелужского ижорского).

2. В процессе работы с носителями ижорского языка в нижнелужских деревнях нам не удалось встретить ни одного человека, язык которого был бы ближе к сойкинскому, чем к нижнелужскому диалекту ижорского.

Противоречие этих двух фактов может быть объяснено следующим образом. Ижора, вступавшая в контакт с водью, не сохраняла свой язык в полной мере, а переходила на язык межэтнической коммуникации, каковым являлся именно тот идиом, который называется нижнелужским ижорским. Таким образом, нижнелужский ижорский оказывается не одним из равноценных диалектов ижорского языка, а специфическим конвергентным языком, использовавшимся для межэтнического общения. В процессе взаимодействия двух рассматриваемых народов этот язык становился родным как для ижоры, попавшей в нижнелужский ареал, так и для этнической воды нижнелужского ареала, теряющей свою исходную водскую идентичность.

Такая квалификация нижнелужского ижорского позволяет объяснить высокую степень его вариативности (значительно более высокую, чем, например, в сойкинском ижорском). В зависимости от этнического состава жителей каждой деревни (в число которых могли входить не только водь и ижора, но также ингерманландские финны и эстонцы) формировался вариант языка наиболее удобный для коммуникации. В результате появлялись разнообразные изоглоссы, каждая из которых охватывала свой набор говоров.

Список сокращений

ALL – аллатив
COM – комитатив

COND – кондиционалис
ELAT – элатив
GEN – генитив
IMP – императив
IMPERS – имперсонал
IMPF – имперфект
INF – инфинитив
NEG – отрицательный глагол
NOM – номинатив
PART – партитив
PL – множественное число
PRS – презенс
PRCTACT – активное причастие прошедшего времени
SG – единственное число
1, 2, 3 – местоимение соответствующего лица, либо лицо глагольной словоформы

Литература

- Адлер Э. 1966. Водский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майгинская (ред.). Языки народов СССР. Том III. Финно-угорские и самодийские языки, М. С. 118–137.
- Золотарев Д. А. 1927. У ижор // Труды ленинградского общества изучения местного края 1. Л. С. 139–148.
- Итоги 2007. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Выпуск 7. Национальный состав и владение языками населения ленинградской области. Статистический сборник. СПб.
- Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн.
- Лаанест А. 1977. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение 13 (4). С. 253–260.
- Лаанест А. 1993. Ижорский язык // Языки мира. Уральские языки. М. С. 55–63.
- Лаанест А. 1994. Об этногенезе ижорского народа по данным лингвистической географии // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. Памяти Д. В. Бубриха. Сборник научных трудов. СПб. С. 29–32.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2007. Феномен куровицкого идиома // Материалы XXXVI международной филологической конференции. 12–17 марта 2007 г. Выпуск 9. Уралистика. СПб. С. 61–75.
- Мусаев В. И. 2004. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб.
- Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.
- Рожанский Ф. И. 2010. Ижорский язык: проблема определения границ в условиях языкового континуума // Вопросы языкознания 1. С. 74–93.
- Хейнсоо Х. 1995. Водь и ее этнокультурное состояние // М. Jokirii (ред.). Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Jyväskylä. С. 168–182.
- Adler E., Leppik M., Grünberg S. (ред.). 1990–2011. Vajda keele sõnaraamat I–VII. Tallinn.
- Ariste P. 1957. Vajjalaisten nykyisyydestä // Virittäjä 61 (1). S. 119–124.
- Ariste P. 1962. Vajda muinasjutte. Tallinn.
- Ariste P. 1968. A grammar of the Votic language. Bloomington; the Hague: Indiana University.

- Ariste P.* 1970. Vadja rahvaluule võlus // A. Valmet, P. Palmeos, J. Peegel (red.). Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi. Tallinn. Lk. 89–99.
- Ariste P.* 1977. Estonian and Karelian (Izhorian) language contacts // Советское финно-угроведение 13 (1). P. 7–11.
- Ariste P.* 1978. Oudekki Figurova // Keel ja Kirjandus 21 (6). Lk. 348–350.
- Ariste P.* 1981. Keelekontaktid: eesti keele kontakte teiste keeltega. Tallinn.
- Ariste P.* 1982. Vadja pajatusi. Tallinn.
- Ariste P.* 1986. Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn.
- Castelló X., Toivonen R., Eguituz V. M., Loureiro-Porto L., Saramäki J., Kaski K., San Miguel M.* 2008. **Modelling language competition: bilingualism and complex social networks** // A. D. M. Smith, K. Smith, and R. Ferrer-Cancho (red.). The evolution of language. Proceedings of the 7th International Conference (EVOLANG7). Singapore. P. 59–66.
- Ernits E.* 2007. Isurite asualadest ja algkodust // H. Koks, J. Rahman (red.). Õdagumeressoomõ kodo. Läänmeresooe kodo. Konvõrents Võrul, 19.-21. re- hekuul 2006. Võro. Lk. 13–32.
- Haarmann H.* 1984. Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3: Aspekte der ingriisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg.
- Heinsoo H.* 1991. Vatjan kielten tutkimisesta ja nykytilanteesta // Viritäjä 95. Lk. 448–453.
- Kettunen L.* 1915. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki.
- Kettunen L., Posti L.* 1932. Näytteitä vatjan kielestä. Helsinki.
- Köppen P.* 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg.
- Kurs O.* 1990. Ingeri põliselanike saatus // Akadeemia 7. Lk. 1484–1499.
- Markus E.* 2010. Primary and secondary geminates in Ingrian // Linguistica Uralica XLVI (1). P. 38–52.
- Mägiste J.* 1931. Kukkosi vadja mõistatusi // Eesti Keel 10 (3–4). Lk. 110.
- Mägiste J.* 1959. Woten erzählen. Wotische Sprachproben. Helsinki.
- Mustonen J.* (red.) 1933. Inkerin suomalaiset (topografinen kartta 1:300000). Helsinki.
- Nevalainen P., Hannes S.* (red.). 1991. Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki.
- Ränk G.* 1960. Vatjalaiset. Helsinki.
- Suhonen S.* 1985. Wotisch oder Ingrisch? // W. Veenker (red.). Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4–7. September 1984 in Hamburg. Wiesbaden. S. 139–148.
- Trefurt F. L.* 1783. Von den Tschuden // Fr. K. Gadebusch (red.). **Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit.** I Band, 5. Stück. Riga. S. 1–28.
- Trefurt F. L.* 1785. Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Fr. K. Gadebusch (red.). Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band, 2. Stück. Riga. S. 89–122.
- Tsvetkov D.* 1925. Vadjalased // Eesti Keel 4 (1–2). Lk. 39–44.
- Vazquez F., Castelló X., San Miguel M.* 2010. **Agent based models of language competition: macroscopic descriptions and order-disorder transitions** // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment, P04007.

*М. Пиккарайнен, Е. Протасова,
А. Репонен, И. Саммалкорпи (Хельсинки)*

Актуальные вопросы русско-финских языковых контактов

Исследование живых процессов в языке связано с различными социолингвистическими методами сбора данных: это и интервью, и полевые записи, и анкетирование, и контрастивный анализ и т. п. В настоящей статье мы хотим продемонстрировать, какие формы принимает русский язык у людей, живущих в Финляндии, как сталкиваются или взаимно обогащают друг друга финский и русский языки на синхронном срезе языкового контакта. Мы демонстрируем наши подходы, результаты и выводы по четырем разным направлениям: интервью с представительницей «старых русских»; фрагмент группового интервью по поводу жизни русскоязычных иммигрантов в Хельсинки; языковые вкрапления из русского в финскую речь; общение в двуязычной среде образовательного учреждения.

Историческим фоном для языковых контактов служили следующие документированные события. Русские крестьянские поселения на Карельском перешейке появились в XVIII в., православные священнослужители, русскоязычные торговцы и военные оказались в Финляндии еще раньше. Пограничное положение стимулировало экономические отношения, но территория северного соседа оказывалась объектом интересов как Швеции, так и России, из-за чего велись многочисленные войны. Русские были врагами, от них исходила угроза. В период автономии, когда Великое Княжество входило в состав России, интеллигенты обеих стран активно взаимодействовали и учились друг у друга. В наследство от царского времени осталось небольшое русскоязычное население, эмигранты и русские школы, контингент которых на протяжении первой половины XX века уменьшался. После Второй мировой войны отношения с Советским Союзом были двойственными: с одной стороны, потери людей и территорий в войне, необходимость выплаты репараций, с другой стороны, начавшееся взаимовыгодное сотрудничество в хозяйственной деятельности. В 1955 г. начала работать новая Финско-русская школа, предназначенная для обучения русскому языку финнов и поддержки русского как наследственного языка у потомков людей, родившихся в русскоязычных семьях на территории Финляндии. В школе становилось постепенно все больше детей из двуязычных семей, а затем и учащихся с русским родным языком, чьи родители стали эмигрантами четвертой волны. Менялись методы и формы преподавания языка, появлялись русскоязычные дошкольные учреждения с разными вариантами соотношения русского и финского языков, была открыта Финско-русская школа в Восточной Финляндии (в трех городах – Лаппеенранте, Иматре, Йюэнсуу). Кроме того, расши-

рились возможности участия детей из русскоязычных семей в уроках русского языка как иностранного, что позволяло им сдать выпускной экзамен за школу (см. [Мустайоки, Протасова 2004; Протасова 2004; Bashtmakoff, Leinonen 2001; Leisiö 2001]).

Преподавание русского как родного и как иностранного языка в Финляндии многократно обсуждалось на международных конференциях (например, [Вяйсянен и др. 2006; Исаев и др. 2005; Мустайоки и др. 2010; Протасова 2000]). Регулярно проводятся семинары по детскому двуязычию, посвященные различным аспектам воспитания, ухода за ребенком с особенностями развития, семейных отношений и т. д.

1. Интервью с представительницей «старых русских» по поводу языковой биографии

Хорошей иллюстрацией влияния исторических событий на сохранение языка в семье (как положительного, так и отрицательного) может служить интервью с ВК (2001 г.). В разговоре участвует подруга ВК; имена изменены.

Условные обозначения: * паузы, / обрывы и перерывы, : удлинение звука, [---] пропуск.

Ну я родилась здесь в Финляндии [в 1933 г. в Хельсинки] и ст/ всю жизнь здесь жила. аа хх мои родители мама мм * она * в общем-то * ну как бы вам сказать наполовину русская, и: * ее отец был священник: * ну нам известно что с 1680-го года даже есть значит записано в документах был такой священник Х * ээ в Суистамо, ну Суистамо ээ ээ принадлежал ну и сейчас ээ ну по другой стороне Ладоги так что это было как бы ну там были карело-финны, но там было и много русского происхождения, и это как он был православным священником, дак конечно язык, то был как бы / светский язык был русский тогда. И эти потомки Х до моего дедушки и его братьев всегда были священники. Из поколения в поколение. И поэтому у них именно надо было знать русский язык как бы домашний язык. Опять * ээ мамина мама моя бабушка она в общем-то по происхождению гречанка. Но * ее родители я даже не знаю когда * но они уехали из Греции жили Бог знает сколько лет в Москве * и потом в Питере * у них было насколько я помню из биографии кажется шесть дочерей, и все они эти д/ дети родились в России. Потом * дедушка и бабушка значит мамин дедушка и бабушка приехали сюда в Финляндию, поселились в Тампере и: там он у него была табачная фабрика. Но не знаю * из-за языка, из-за старости или из-за чего в общем-то табачная фабрика вылетела в трубу. Тампере в то время было наверно довольно много русских, потому что там был построен такой ээ я не знаю бывали ли вы в Тампере большой собор, который похож вот на наш Успенский собор / И дедушка был тогда он значит ээ закончил ээ он учился * в Питере, в Духовной академии, *

которая работала * при * Петропавловском монастыре, и там он где-то / я уж не помню названия ну в общем он там учился и в православной церкви ведь так что было раньше что до того как тебя могут посвятить в священники, нужно или стать монахом, или * жениться. Потому что считали, что [смех] неподходяще, что свя/ священник будет в приходе бегать за молодыми девушками. И поэтому их * там в Тампере их повенчали моей бабушке было тогда только 15 лет. Но и у них стал конечно / но ее родители столько лет в Москве мм и в Питере прожили, они конечно отлично говорили по-русски, но дома они с девочками говорили по/ по-гречески. Но из этих п/ э/ их дочерей только двое приехали с ними сюда в Финляндию, остальные остались / но они уже мм замужем были ну в/ в общем устроили свою жизнь по-своему, так что они сюда не приехали. Только вот Ольга и младшая эта Элеонора, они * они приехали сюда в Финляндию. # Это было в каком году? # О Боже мой... # Ну примерно. # Ну это было до революции. # В тысяча восемьсот... Слушай, когда же моя бабушка родилась? В каком году / году/ Бетховен умер? # Это можно посмотреть, это можно посмотреть. # Насколько я помню, она родилась в том году, когда Бетховен умер. # И у меня тоже есть такие, вот когда случилось то и то. / Так что я/ бабушка тоже говорила отлично по-русски. И вот этот священник, так что их домашний язык был русский. и: дети тоже дома говорили конечно по-русски, хотя они * они в общем были вынуждены идти в финскую школу. Моя мама успела быть пару лет ээ в Питере в этом * ну там было вот такое довольно знаменитое училище для девочек для девушек # Смольный институт # Да, Смольный институт, да там пару лет была. Ну потом конечно началась революция и так далее, то есть она еще до этого приехала сюда обратно. # Ой, ты знаешь, когда это вот это умер, умер в 1827 году. # Ну значит тогда моя бабушка родилась в 1827 году / и к этому 15 прибавить, это будет примерно 2, не правда ли? да. # да, наверно # 902 / она вышла замуж в 1902 году. / Я думаю ну на сколько раньше они бы скажем сюда? Ну скажем * может быть в тысяча восемьсот # Ну не важно, примерно так # в общем в конце в конце того века, как они / сюда наверно приехали. Я никогда не бывала – то есть бывала я в Тампере, но никогда не бывала в такое время, что были бы какие-нибудь архивы открыты. Чтоб ээ можно было бы проверить / действительно когда они туда поселились и и ск/ сколько лет эта несчастная фабрика вообще работала / и так далее. И так что у них / ээ отец мой а он родился в Питере, и его отец был поляк, а мать была финка. И у них был ээ ресторан на Невском, такой был “Доменик“ / я вам даже сейчас покажу, у меня в одной / одна фотография есть / и: [смех] ну так как в общем ни он, ни она не были русские, а значит с финской говорить по-польски и с поляком по-фински, ничего с этого не выйдет, так что у них тоже вот общий язык был русский. / и: когда папа эмигрировал сюда, это было в 19-м году, потому что вот эта ба-

бушка / дедушку он его расстреляли в революции, бабушка как бы с / у них было трое детей, дочка которая уже была замужем, у нее было двое детей, и два сына, значит, мой отец и: его брат, который был на пару лет его моложе, и бабушка, так как она была по происхождению финка и здесь родилась, она такой получила ээ документы, что она могла выехать с с мальчиками сюда. Но вот отца брат ему как-то здесь не прижилось, он что ему было тогда 16 лет или что такое он должен был пойти в финскую школу, и это конечно немножко тяжело было, и * он вернулся обратно, и мой отец остался. Много вот здесь в Хельсинки работал что бы он ни делал, так как вообще все эти эмигранты, и и конечно общался в русских кругах, которые здесь уже вообще с тех времен, когда когда Финляндия уже была часть России, здесь же очень много было ну купцов, в основном купцов и всяких здесь в Хельсинки, ну он общался в этих кругах. И: так сохранился и у него язык, и вот когда он – я даже не знаю, где они познакомились, но но во всяком случае ээ когда он познакомился с мамой, сразу нашелся общий язык. Ээ и поэтому у нас дома всегда говорили по-русски, и вот буквально / в общем, она училась по-фински только тогда, когда я пошла в школу. # Это было когда? # Это было: в тридцать * девятом году. / Ну тогда сразу началось Зимняя война, так что в общем в первом классе я совсем не успела * побыть, но после того, как Зимняя война кончилась, тогда опять / во время войны мы были тут у это за ст/сто километров у двоюродного брата моей мамы, у него там имение было, и мы там были во время Зимней войны. [---] От Хельсинки в сторону Хямеенлинна. [---] Но там тоже значит дядя Саша мамин двоюродный брат, он говорил по-русски, его сестра, тетя Лёля, которая была старая дева и там жила, ээ она говорила по-русски, потом у них была такая * ээ старая ну как бы сказать, она была сперва ихняя няня, а потом как бы осталась как прислуга, Агриппина, так Агриппина тоже говорила по-русски, и вот она говорила по-карельски. / Так что когда Агриппина говорила по-карельски, мне ее легко было понять, потому что в карельском языке так много русских слов [смех] а многие значит чисто финны, они совсем не понимали, что это такое [смех] что она на чем она говорит, так что там тоже / ну и там тоже мои тети и двоюродный вот этот Митя и и Катя, так что там мы тоже говорили всё время по-русски. / Это вот только в школе я научилась по-фински говорить. Потом же вот тут во дворе, я же жила совсем в центре, на Лённротинкату, там большой дом, было много детей, ну и моя самая хорошая приятельница была ОМ, и ее мама была немка, а отец швед, потом [смех], [---] я много раз стараюсь припомнить, как мы справлялись друг с другом, – отлично. Потом там бЫла такая КЛ, ее отец был немец, мать шведка. # Ну что же за язык-то был? # Ну как-то мы дети ребята ведь всегда справляются / Потом там были немцы ээ РЭ и КЮ, они говорили по-немецки конечно, потом там была одна семья Сауконен. Отец

был финн, но мать была шведкой, они дома говорили и по-фински, и по-шведски. Так что от них я как-то немножко / я думаю, что мы говорили на таком смешанном языке, где были и шведские, и немецкие, и финские слова. # А по-немецки вы говорите? # Я в школе училась ээ немецкому языку целые девять лет и: что странно всегда все учителя ээ говорили мне что ээ я не особенно хорошей ученицей была, потому что я лентяйка / но всегда мне все учителя говорили, что я произношу языки очень хорошо / и немецкий, и шведский, и так далее, это осталось как бы эта музыка языка осталась, в ушах эээ ха # а значит, в детстве вы говорили только на русском языке # да # аа и потом вы стали в школе сразу же учиться нааа / # финском # На финском языке. Вам было трудно? Как вы вспоминаете это время? # Почему-то не очень трудно. # Не было проблем с финским языком? # Неет, с с языком в общем не было проблем. Проблемы были в том, что я действительно лентяйка. / Меня интересовали очень многие другие дела как-то, но не уроки [смех] школа [---] И я очень благодарна маме, что она / но я не хотела об этом говорить, ладно / но она заставила меня брать уроки русского языка, чтобы я научилась читать и писать. # И кто же вам давал уроки? # Тут была такая ээ русская школа, Табуновская школа и: там была одна такая старая учительница, я уже даже не помню ее ее имя, Митя наверно помнил бы, и и я к ней ходила на уроки, я ее терпеть не могла, ну ужасная старая дева, и еще строгая такая была. Но я очень благодарна, что я ходила на эти уроки, научилась и читать и писать, потому что позже-то мне конечно было очень много пользы # В вашей школе ведь русского совсем не было. # Не было, хотя у нас была очень такая широкая программа языков, но к несчастью русский язык / у нас было так что с первого класса был значит шведский / со второго немецкий / а с четвертого можно было выбирать или ну просто там был английский, а когда я уже была в пятом классе, так тогда начали / взяли в программу что с четвертого можно было выбирать или английский, или русский / но это уже было * слишком поздно для меня / и потом еще было три последних класса мм для тех, которые мм не не выбирали себе математику, так они могли выбирать латынь или французский # Вы что выбрали? # Французский, который я к сожалению никогда не смогла потому что у нас был слишком старый преподаватель, наверно в молодости в свое время хорошим преподавателем, но он уже такой был болезненный, и: на уроках мы делали бог знает что, и так как у нас французский не обязательно было сдавать вот на студенческий экзамен, то пф [---] Но я получила значит просто я получила разрешение, что я могу на студенческом экзамене написать русский язык / как бы добав/ дополнительный # дополнительный предмет [---] А что вы читали по-русски? # Но вот когда я / когда я была маленькая, так ээ еще сама не умела читать, мне читали / у нас было две книги, Чуковского / так мои очень любимые книги были аа потом ну во время войны когда

мы здесь жили невозможно было купить как бы / современных, новых русских детских книг, так что мне читали Пушкина, Лермонтова и так далее. [---] # А вот мм на каких языках вы больше читали? # Ну конечно на финском. И это с другой стороны конечно было очень полезно, потому что * так как с самого детства у меня не было вот именно никаких финских сказок, ничего такого, так я очень много читала на финском языке / Я каждый день читала, это и легко было. [---] И потом ээ легко было ээ достать книги. / Да, когда моя мама овдовела, мой отец был убит на войне в 41-м году, и: то она снова вышла замуж за такого [русского Г.], и эти Г-вы опять, они * действительно старые, старые русские из Гельсингфорса именно, этот ст/ вот этот дядя, дядя Володя их было как бы трое, дядя Володя, тетя Катя и дядя Кока, так вот дядя Кока опять женился на моей маминой сестре [смех] Аа они были * действительно старые русские, этот мм этого Г-ва, значит старого Г-ва, жена ее фамилия была Е-вы, / и они тоже у нее как бы я не знаю откуда они и когда эти Е-вы (И-вы) сюда перебрались, но они действительно * действительно Бог знает сколько столетий здесь жили. / К сожалению, вот этот дядя Володя дядя Володя тоже скончался, и моя сестра, его дочка, он был раньше женат, но его жена умерла когда Аненьке было * только два года. Он тоже научил, хотя они говорили дома как-то больше по-фински, потому что у нее конечно должна была быть няня, / он был и пианист, и все вечера он играл в ресторанах, так что надо было, чтобы дома кто-нибудь был, и вот там была вот такая Анни, финка, и поэтому они говорили / он говорил как бы с Аненькой и по-фински, и по-русски, но она умела по-русски отлично. / она умела / но вот моя двоюродная сестра Катя, она * она как-то я не знаю, почему-то мы между собой всегда говорим по-фински. И Катя не умеет ни писать, ни читать по-русски. [---] Так что дядя Володя как-то умел / и потом дома то есть после того как когда дядя Володя женился на маме и мы вместе все жили, мы были знакомы значит вот с таких лет / так мы тоже дома говорили ну в общем говорили по-русски, / Может быть мы с Аней другой раз между собой говорили по-фински. Но в общем-то мы говорили по-русски, у нас как даже однолетние друзья были вот например М-вы / это Ляля и Галина и: [---] ну да, царского времени, так как я тоже много раз тоже слышала, да, русский язык царского времени. [смех] # Скажите, пожалуйста, а после школы вы еще учились дальше, или нет? # Да, некоторое время училась, но я * да, я сдала экзамен по * истории России и * Балтики и ну потом * литературы и так далее, но в общем я оставила ээ я не за/ я не о/ я не окончила, а мм потом пошла на работу. # И вы были журналистом? # Сперва-то нет, я ой, что я не делала! / Очень пестрая жизнь, да. Скажем, последние тридцать лет я была журналисткой. # И вам на/ по работе нужен был русский язык? # Да. / Действительно, потому что в общем-то культурные связи были довольно сильные, сюда приезжал [---] и сюда приезжали

прекрасные, мировые пианисты так что [---] да, и музыканты все так [---] и писатели, и так далее, и конечно так как наша газета была хотя по политическим мнениям ээ представляла из себя такую пра/ правую партию коалиционную партию, дак ээ в области культуры там не было никаких ээ никаких барьеров, наоборот, когда приезжали из России вот знаменитые артисты и художники, так обязательно надо было делать интервью и так далее. [---] Я еще пока до сих пор я еще блинов не делала, но надо, на следующей неделе, потому что в этом году я решила соблюдать Великий пост / И это значит ничего мясного, ничего молочного, ни алкоголя / Но это так как бы так это же это чтобы сбросить немножко несколько килограмм веса / но это / это гораздо лучше камуфлировать что тут есть какая-то религиозная цель / и если я пойду в ресторан Б. и закажу себе стакан воды / но когда туда ни пойдешь / эта наша группа в общем настолько большая, что когда туда ни пойдешь, можно быть уверенным, что знакомые найдутся / Одной никогда не надо сидеть. / Православный приход ээ тот, который как бы считается / здесь две две государственные религии, лютеранская и православная, и вот те, которые относятся к этой государственной православной церкви, по новому стилю справляются все праздники / и это, конечно, очень удобно / И мы принадлежим принадлежим Константинопольскому патриархату, а не к московскому. И тут даже освободили от этого Великого поста людей, потому что сказали, что так как это другая культура и не надо быть так строго. [---] Но у нас вот здесь в Хельсинки даже я не знаю вот даже две мамы двоюродные сёстры, дак они но вот они здесь в Хельсинки и умерли, так были похороны нормально, в церкви, но потом их увезли в Крематорию, я еще спросила тогда у Веры, Женя умерла сперва, я спросила у Веры: слушай, разве можно / церковь разрешает мм жечь? [смех] Ну я думаю, что со временем это все-таки придется всем смириться с тем, что мест не хватает на кладбище. / Народ все время прибавляется, а земля дорогая, невозможно держать огромные кладбища. [---] # А у вас вот в семье греческий язык остался как-то или нет, вы не знаете греческого? # Нет, нет. # Хотя у вас вот вы говорили что там говорили дома. # Да, бабушка говорили со своими родителями, но она даже / но я конечно понимаю, отлично понимаю. Но она жена священника, и они жили когда они были молодые в разных деревнях, ну и ведь в то время у жены священника тоже очень много разных ответственностей было к приходанам. / И у нее было много детей, и так далее, и вот эти большие старики, за которыми она ухаживала, с ними она говорила по-гречески, ну уж тогда у нее просто-напросто сил не хватало с детьми потом говорить по-гречески. / и даже чтоб чтоб даже хоть на двух языках. Ту же ошибку и я сделала, у меня четверо детей, никто из них по-русски не говорит. Потому что [---] в то время значит только два месяца был отпуск после родов, ну и когда я / когда ребенку два месяца, его еще говорить не учат, и: * оба

мужа у меня, с которыми у меня дети, были финны, и я работала, ну и после работы надо еще сделать покупки, ты приходишь домой, надо тут обед приготовить и так далее, остается так мало времени / до того как вот детей надо укладывать спать, и [муж] говорит только по-фински, как-то невозможно на двух языках. То есть конечно это возможно, но как-то очень тяжело и трудно, и так это и осталось, еще / двое старших, они еще ходили * здесь в русский детский сад, который там при школе / Русско-финской школе работал, но этого * / но потом и это как-то осталось, да, потому что туда надо на особом автобусе было ездить / и так далее, и я не могу провожать, ни встречать, это / поэтому так и осталось. # Но ваши мужья не было против того, чтобы вы говорили по-русски? # Нет. # Не было такого отношения. # Нее, нет, не было, нет. [---] Одно время / попробовали мы, [смех] / Во всяком случае хорошо, что он все время слышит этот русский язык, и так где-то это остается там всё-таки /, и если он захочет / если он захочет потом всё-таки научиться русскому языку, так я думаю, что это ему нетрудно будет. # А ваши дети не захотели учиться? # Они * упрекали меня много раз, почему ты нам дома не говорила по-русски, но это конечно легче сказать, чем сделать, потому что действительно у меня / я / у меня были длинные дни, и [---] и никакой ни у меня / бывало, когда они еще не были в школе, няня, но это мм была такая, которая только смотрела за детьми, которая палец о палец не стукнула, чтобы что-нибудь дома сделать. / Потом еще кроме работы еще вся домашняя работа, потому что мужья, к сожалению, были такие, что * с них-то помощи не было в этом смысле, чтобы они что-нибудь дома бы сделали бы [смех] Это например во время / в особенности во время войны, ког/ конечно, может быть и раньше, но в особенности во время войны не очень легко было быть русским да, хм, русской в Финляндии, и скажем говорить в трамвае по-русски. / даже бывало разные агрессии, но я помню ээ Мура М-ва, она в общем приятельница моей сестры была, потому что она немного старше меня, помню когда она / мы ехали на трамвае, мы совсем рядом, ну почти что рядом жили, говорили между собой по-русски, и только * кто-то что-то сказал по / на эту тему, она посмотрела и ска/ сказала по-фински – вы говорите на том языке, на котором вы умеете, а мы говорим на том, на котором мы хотим. [смех] И мне это так осталось и запомнилось – думаю, в следующий раз я тоже так скажу. # Но не было случая так сказать? # Бывало, бывало. # У вас никогда не было такого чувства, что вы должны выйти замуж тоже за русского, чтобы сохранить эту традицию, или вообще такого не было / # Вообще подходящих кандидатов не было. / Действительно, выбор-то не/ не особенно большой был / таких однолетних. * Нет, у меня не было бы ничего против этого, что я бы / там бы за какого-нибудь русского бы вышла замуж. / И вот странно, как какие как я вам сказала, что дак в общем первый класс когда я начала здесь дак с/ сразу учеба

прервалась, потому что началась война, и: там, где мы вот в этом имении где мы были летом, там конечно была школа, надо было за три километра и: несколько раз я там была, но потом все-таки надо было и потом тогда же ужасные морозы здесь были невыразимые в войну, идти три километра в одну сторону и там ну несколько часов и потом обратно, это было слишком тяжело, так что мне и одно и другое не / мама учила дома, и например умножительную таблицу я знаю только по-русски. Если меня спросят по-фински, я должна перевести это на русский / и потом я знаю ответ на русском языке, потом я так перевожу обратно на финский [смех] А среди этих старых русских очень-очень мало было их, левых, наоборот, / например [смех], мне очень выяснилось только позже, после маминой смерти, ну потом разные ее бумаги, и там были анонсы о папиной смерти. Ну в то время те, которые были погибли на фронте, всегда было написано, что отдал свою жизнь [---] за за родину, или скажем за веру и так далее. Мой папа ни за какую ни родину веру, ничего, он погиб в борьбе против большевизма. [смех] Они думали, что это это не родина, но что-то надо написать на бумаге. # Это было в финской газете? # Да. Да. # Но он был мм подданным финским, финляндским? # Да, он и я, получили финское подданство в 36-м году. # Но ему было сколько лет, когда он пошел на войну, он пошел добровольно или? # Нет, нет, нет. / Он родился значит в тысяча девятьсот и: погиб в 41-году, так что пропустил / Он был один из самых последних, которых которых вообще взяли на фронт. # И он сам так завещал написать, что против большевизма или это мама так решила? # Нет, мама и потом ээ он был / он очень активно участвовал здесь была такая * такое как это клуб называлось “Звено“ / и эти участники в этом “Звено“ они все были такие ну # антикоммунисты # да, и: была тоже вот такая анонс этого “Звено“, и там тоже также было написано. И знаешь, что в каком же году это было, когда здесь был значит министром внутренних дел был такой Юрьё Лейно, когда # да, это в сорок восьмом, сорок восьмом, да, да. # и: когда ээ Советский Союз потребовал некоторых финских подданных, ну # чтобы вернули, да # ну ээ ну ээ большинство из них было русского происхождения. Вернуть эх обратно в Советский Союз, и этот подлец, хотя мы уже были финские подданные, дак некоторых вернули / И там было из них было друзей моего папы это Бастамовых, Добровольские, # и Анисимов, отец этого переводчика # Да, и потом это * и Петька Быстриевский. Это * они все были в принципе мои приятели, Максимов, да, еще, Максимов вернулся, да, потом вернули нескольких, аа ну кто-то из них умерли, там * в лагере # Да, и я уверена, что если отец бы был не погиб на войне, дак он бы был один из них, из этих, как их называли, Лейно * мужчины Лейно. Аа наверняка # Да, его фамилия вашего отца это? # К-ва. # Угу. # Ну я в общем даже эх не знаю, это должна быть польская фамилия, и я не знаю, какая была ортография на польском языке, но

вот уже дедушка, когда он / он поселился в Питер, он начал писать К. значит К-ва, потому что это как бы это звучало так, как он произносил это, ну он написал это так значит русскими буквами, и опять [смех] когда папа переехал сюда, дак он тоже значит * так как в финском языке нету Я, дак он оставил-то йи, так чтобыло К-ва, это же звучало совсем как бы по-фински. / И всё равно никто бы не у/ не умел произнести это * ЛЯ, ну он такую мягкую Л, [---] русское общество, во всяком случае вот здесь, в Хельсинки, потому что их всё-таки много было, дак был и балалаечный оркестр, и / и хор, # да и самодеятельный театр, # и театр, да, Ирина Батуева режиссировала, [смех] и очень активно они поддерживали русскую культуру и так далее. / Да, в особенности здесь в Хельсинки, в особенности Выборг был такой # Выборг был совсем такой международный город # международный город, и ну конечно, когда война началась, так многие выборгские как раз сюда # переехали, да # из Выборга переехали, так что здесь в общем очень много было разных мест, именно здесь, конечно если вот куда-нибудь в другое место поехать, так никогда никого иностранцев не видели, а здесь было, так что это / и по-моему это было очень / я во всяком случае очень / всегда мы ходили на эти бабалаечные э э концерты, и и в театры, и так далее. Я с большим удовольствием участвовала. / Вот в школе * хх я очень как бы благодарна школе и и св/ своим одноклассницам, я в женскую гимназию ходила, в школе никогда никто не/ в этом случае не обижал меня, никогда я не слышала ни от учителей, ни от учеников. / Нет, ну может быть из-за того что здесь * так много в городе так много было * даже были церкви, было кладбище, все, так что это было как-то часть жизни этого города. / И некоторые значит после 17-го года сюда эмигрировали, так большинство же были образованные люди, здесь правда ну из-за того что у них не было языка и скажем мм они / у них не было возможности ээ поступить на такую работу и на такие места, на которую у них было образование, что многие из них работали чернорабочими где-нибудь скажем вот этот завод, эта Машина-Бру, который потом стал Вяртсиля, / дак я знаю, например, С-н, дядя Федя С-н / Он же ведь ээ инженер-капитан был по образованию, а там он делал / эмалировал кастрюли. Ну всё-таки они были это были обра/ образованные люди, которые умели себя вести и так далее, и поэтому как бы против них не было такого агрессии, ну потом конечно во время войны это было немножко другое дело, но до этого не было такого, по-моему наоборот, и: скажем ээ статистики среди криминальных – там не было русских, вообще, не было / а теперь совсем другое дело.

Комментарий. В интервью затрагиваются вопросы жизни семей, употреблявших русский язык, в Финляндии, и иллюстрируются процессы перехода с русского на финский. Обстановка отчасти благоприятствовала, отчасти мешала сохранению русского языка, и в каждом случае это было весьма конкретное решение со стороны семьи. Заметно, что все семьи многоязычны, полиэтнич-

ны. Затрагиваются вопросы веры, родины, самоопределения. Русский язык респондентки богатый и содержательный, ошибки единичны, в основном, это значение и произношение интернационализмов, неоправданное употребление числа, некоторые особенности словообразования и управления. Встречаются отдельные местные и устаревшие варианты слов.

2. *Формулировка точки зрения относительно сохранения русского языка вне России*

Рассмотрим, какими языковыми средствами пользуются русскоязычные жители Финляндии, когда оценивают свой родной язык. В индивидуальных и групповых интервью 22 информанта ответили, среди прочего, на вопросы о возможности сохранения родного языка в Финляндии, о наблюдаемых в своей речи изменениях и о потребности в русском языке в этой стране.

Мы исходим из того, что в речевом взаимодействии мнения конструируют не только индивидуально, но и в процессе совместных действий [Goodwin & Goodwin 1987, Kärkkäinen 2006]. Согласно теории разговорного анализа, одной из основных структур в разговоре является смежная пара. Это означает, что две очередные реплики составляют первую и определенного вида вторую часть пары и произносятся разными говорящими, например, таковы вопрос – ответ, мнение – и согласие/несогласие [Sacks 1992]. Таким образом, в разговоре формулировки высказываний строятся под влиянием предыдущих реплик. Значение коммуникативного действия – дважды контекстуально, так как, во-первых, в результате его совершения обновляется контекст, а во-вторых – оно само сформировано контекстом [Heritage 1984].

В нижеприведенном примере два информанта обсуждают, какие изменения происходили в их речевом поведении после эмиграции в Финляндию.

Символы расшифровки: (.) недолгая пауза (менее чем 0.2 сек.); (2) паузы в секундах; [начало одновременной речи;] конец одновременной речи; .xx вдох; < > медленная речь; > < быстрая речь; °° тихий голос; ## скрипящий голос; £ слово, сказанное с улыбкой.

1	Таня: .x проблема конечно есть потому что вот я даже >сейчас< бы
2	сказала после восемнадцати лет (.) о жизни в Финляндии я вот
3	даже чувствую что конечно .xxx русский язык у меня уже .xxx не
4	на самом высоком уровне (0.5) .xxxx потом приехав в Финляндию
5	восемнадцать лет назад здесь есть столько очень много разных
6	понятий и .xxxxx и названий которых в России просто не
7	употреблялись(x) хе

- 8 И: мм
- 9 Таня: £и были незнакомы .xxx и сейчас даже если я рассказываю о чем-то
- 10 по-русски я очень много употребляю вот таких (.) финской терминологией и названий (0.3) само собой автоматически
- 11 (приходит) тоже .xxx если я начала думать как это по-русски (то
- 12 это) даже очень трудно найти .x
- 13 И: да
- 14 И: да
- 15 Таня: т#э# слова русские какие-то [°вот и° .xx]
- 16 Галина: [(это) некото]рые невозможно просто
- 17 Таня: ну да [или] просто бывает действительно даже как-то невозможно
- 18 И: [да]
- 19 Таня: °просто° [э и] или просто мы просто с этим как бы не
- 20 И: [мм]
- 21 Таня: сталкивались и в нашей жизни в Советском Союзе не (0.3)
- 22 И: мм
- 23 Таня: не был #как бы [такие вот]#
- 24 И: да
- 25 Таня: .xxxxx [опыты (-)]
- 26 Галина: [некоторые] слова] просто по-фински проще £сказать чем по-русски
- 27 [£да?]
- 28 И: [мм] но может быть так да то есть такой язык вот какой-то он
- 29 Таня: [мм]
- 30 стал что вроде и финский и не сто процентов но уже и не русский
- 31 тоже [.xxxx] то есть
- 32 И: [мм]
- 33 Галина: нет но проще >сказать< >ваго< чем поговорить <осторожно>
- 34 Таня: ну [да] [ну да]
- 35 Галина: [>ваго<] [очень коротко] [короче]
- 36 И: [хе] [хе]

В начале секвенции Таня объясняет свое мнение о проблемах в языке тем, что уровень русского языка у нее ниже, чем 18 лет тому назад, когда она только переехала в Финляндию. Употребляя модальную частицу *конечно*, говорящая подчеркивает, что положение вещей – ожидаемое, оно происходит вследствие сложившихся обстоятельств. Кроме того, она обосновывает изменения в своей речи тем, что в Финляндии много понятий и названий, которых в России не было. Количественные интенсификаторы (с. 5–6) *столько очень много* в оценочном объяснении укрепляют аргументы говорящего.

В конце реплики Таня объясняет, что сейчас она употребляет финские слова, к которым было бы трудно подобрать русскоязычные эквиваленты. Галина согласна, но она вдобавок считает, что некоторые вещи просто невозможно сказать по-русски. В аргументе об использовании иноязычных слов в речи Таня выражает эпистемическую модальность, тогда как в реплике Галины обоснование дается через деонтическую модальность. Иными словами, Таня рассматривает вопрос с точки зрения своего личного лексикона, а для ее собеседницы использование некоторых финских слов зависит не от говорящих, а от обстоятельств. Таня одобряет реплику Галины (с. 17), повторяя и привязывая ее синтаксически к своей предыдущей реплике. Таким образом, объясняя, что иноязычные слова в речи являются неизбежными, говорящие делают их более приемлемыми с точки зрения чистоты языка.

Таня продолжает пояснять новые понятия, пока Галина не прерывает ее речь (с. 26) и не меняет направление разговора с морального на прагматическое, выражая мнение, что некоторые слова проще сказать по-фински. Появляется новый аргумент: финские слова можно употреблять, несмотря на то, что существует и русский эквивалент. Таня не безусловно одобряет мнение Галины, она применяет вводный оборот *может быть* и опять возвращается к идее нормативности языка (с. 29–31).

В смежных парах, когда выражается мнение, обычно вторая часть согласуется с предыдущим мнением [Tainio 1996]. На строке 33 высказывается непредпочтительная вторая часть: Галина не одобряет интерпретацию Таней своего предыдущего аргумента и исправляет его с помощью просодически маркированного примера, а также характеризует финский вариант как *короткий* (с. 35). Таня же стремится к единству мнений (с. 34).

Итак, вышеприведенный пример иллюстрирует мнения говорящих об изменениях, происходящих в их русской речи в Финляндии, и то, как это выражается в интервью. Говорящие относятся к иноязычным элементам в речи по-разному, но в разговоре стремятся к согласию. Секвенция начинается с объяснения Тани (с. 1), вместе с Галиной они конструируют мнения, которые можно полностью понять только внутри того контекста, в котором они были генерированы.

3. Употребление русскоязычных элементов в разговоре на финском языке

Приводимые ниже наблюдения основываются на финноязычном материале, собранном в разных местах (учреждения, курсы финского языка, свободные разговоры между друзьями и т. д.). В основном участники являются неисконными носителями финского языка, а в некоторых разговорах принимают участие и носители финского языка. Следует отметить, что хотя в общении участвуют и финны, но реальная ситуация такова, что более частотный родной язык – русский.

Для многих других участников (напр. украинцев, литовцев, латвийцев) именно русский язык является либо вторым родным, либо первым иным языком. Заранее не было сделано никакого сознательного решения относительно определения количества участников со знанием русского языка при записи материала, но, с другой стороны, большое число русскоязычных людей не оказывается неожиданным, потому что они составляют значительное меньшинство в Финляндии. По данным Статического центра Финляндии¹ в конце 2009 г. здесь проживало более 50 тысяч русскоязычных, и они составляли четверть от той части населения, которая говорит на иностранных языках².

Иногда участники, для которых и финский, и русский являются общими языками, пользуются ими обоими в ходе разговора. Это, однако, не происходит хаотично в том смысле, чтобы языки полностью смешивались, но участники употребляют именно русский язык в таких случаях, когда они не вспоминают какого-нибудь слова по-фински. Данная стратегия оказывается быстрым способом достичь взаимопонимания. Обычно тот собеседник, который владеет финским языком лучше, помогает другому собеседнику. В следующем примере Оксана (О) рассказывает о завтраке Маше (М) и Тане (Т). Саули (S) спрашивает о завтраке в первой строчке. Таня владеет финским языком почти в совершенстве, она даже помогает другим в таких случаях, когда собеседник не умеет склонять финское слово.

Символы расшифровки: (.) недолгая пауза (менее чем 0.2 сек.); (2) паузы в секундах; [начало одновременной речи;] конец одновременной речи; .xx вдох; > < быстрая речь; °° тихий голос; екр- незавершенное слово; : растягивание звука; £ слово, сказанное с улыбкой. Изучаемое явление выделено стрелкой (→).

(1) Вопрос о завтраке

- S: Oksana mitä Oksana syö aamupalaksi.
Оксана что Оксана ест на завтрак.
- O: Minä syön puuroa,
Я ем кашу,
Mutta minä hehe pidän ö suolapuuro.
Но мне нравится э соленая каша.
A minun mieheni pidä öö
А моему мужу нравится ээ

¹ Suomen virallinen tilasto (SVT): Väestörakenne [verkkojulkaisu]. ISSN=1797–5379. Helsinki: Tilastokeskus [20.4.2011]. www.tilastokeskus.fi/til/vaerak/2009/01/vaerak_2009_01_2010-09-30_kat_001_fi.html

² По Конституции Финляндии, в стране нет официальных языков, а национальными языками являются финский и шведский языки. Констатируется также, что саамы как коренный народ Финляндии, и цыгане и другие группы имеют право поддерживать и развивать свой язык и культуру. Жестовый язык также упоминается в Конституции.

- (1)
- M: Makea.
Сладкая.
- ?: Joo.
Да.
- O: Makea joo.
сладкая да.
- T: Mutta kaugariigo.
Но овсяная каша.
Kaugariigo tai mikä riigo.
Овсяная каша или какая каша.
- O: → °Овсянка° hehe
- T: → Овсянка <kau[гарууго.>]
- O: [Кaugариуго joo.]
Овсянка да.

Часто случаи, когда говорящий не подбирает правильного слова, отмечаются вопросительной конструкцией, т. е. говорящий произносит шаблонную конструкцию *mikä se on* (что это такое, см. пример 2). Функция этой вопросительной конструкции двойная: с одной стороны, она показывает, что паузы и другие проблемы при построении реплики важны, поскольку они происходят из-за отсутствия релевантной лингвистической единицы. С другой стороны, вопросительная конструкция может служить приемом, с помощью которого удается удержать реплику. (Kurhila 2006: 100, 104.) В примере (2) говорящий (N) подыскивает правильные слова через русский и финский языки. Первый этап поисков на русском языке удается совершить самостоятельно, на втором этапе в поисках на финском языке помогает другая русская женщина (T), произнося вначале неверное слово, сходное по звуковому облику с правильным словом.

(2) Роды

- N: Joka tapauksessa synnytys ja nainen öö
(1)
Во всяком случае роды и женщина ээ
→ >Как сказать кричать.<
Huutaa (.) oma kielellä.
Кричит на своем языке.
Minä muistan elävä kuva.
Я помню живую картину.
Saksan öö aikana sotilaan aikana.
Во время Германии Во время солдата.
.xx he ajattelivat että hän on saksalainen.
Они думали, что она немка.
Mutta ö hän on öö venäläinen.

Но э она ээ русская
 → Mikä se on шпио- ö: ö разведчик.
 Что это такое шпио- э: разведчик.
 T Valokuva- voi ei kun ö [vakooja.]
 Фотография- нет нет э развед.
 S: [°Vakoilija°.]
 Разведчик
 N: → Vakooja.
 Развед.
 Vakoilija mutta kun hän syntyi lapsi.
 Разведчик а когда она родила ребенка.
 Hän sanoo .xx äiti venäjän kielellä fma:ma:f. ((смех))
 Она говорит мама по-русски мама.

Участники могут разговаривать на русском языке в стороне от других между собой, а общий разговор проводится на финском языке. Участники могут также употреблять слова, которые похожи на финский язык (Fennicized words; [Kurhila 2006: 111–117], см. также [Faerch & Kasper 1983: 47]). Иногда употребление таких слов может вызывать непонимание у носителя финского языка. В примере (3) другие участники говорят совсем свободно о слове *экрaн*, которое незнакомо финну (S). В примере Маша (M) подает другим идею о скрытой камере. Употребление слов, похожих на финский язык, требует довольно хороших знаний о структуре финского языка.

(3)Экран

M: Laitamme siihen kameran ja suoraan,
 Мы поставим там камеру и прямо,
 (3)
 T: Ekraanilla [jos löytyy.
 На экране если найдется.
 M: [Ekr- ekraanilla tai jotain.
 На экране или что-то.
 S: → Mikä ekraani.
 Что такое экран.
 T: Toi toi valkoinen tausta.
 Вот этот белый фон.
 S: Aa valkoinen tausta joo.
 A: белый фон да.

Хотя у некоторых участников иногда есть другой общий язык, кроме финского языка, случаи переключения кода или только русскоязычные реплики встречаются редко. Под термином «переключение кодов или языков» мы понимаем сопоставление в рамках одного обмена репликами отрывков, принадлежащих к двум различным грамматическим системам или подсистемам. Проявление переключения кодов

необязательно значит, что говорящий, например, билингв, не знает достаточно о грамматической системе языка ([Gumperz 1982: 64], см. также [Thomason 2001: 129–136]). По Гумперцу [Gumperz 1982: 66], переключение кода основывается на значимом сопоставлении двух различных грамматических систем. В результате заимствованные слова или кальки, которые включаются в грамматическую систему (в морфологические характеристики и синтаксические структуры) и в лексику языка, не являются знаком переключения кода. Если следовать этому определению, то предыдущий пример со словом *ekraani* 'экран' не является переключением кода, поскольку слово полностью включено в грамматическую систему финского языка. Однако финн этого слова не понимает и показывает, что хотя оно и выглядит включенным в грамматическую систему финского языка, по значению оно остается неясным.

4. Язык игры в школьном дворе

В Финляндии доля учащихся, у которых родной язык другой, чем финский или шведский, в школах постепенно увеличивается. Благодаря этому картина языков и культур в финских школах становится все более пестрой и богатой. Гетерогенность состава учащихся отражается на разных уровнях школьной жизни, начиная с повседневной коммуникации между учащимися, преподавателями и другим персоналом до планирования и организации обучения. По статистическим данным, самая многочисленная группа из иноязычных учащихся в Финляндии – это русскоязычные ребята. В конце 2008 года в начальной школе и в неполной средней школе учились всего 4324 русскоязычных ученика [Wera].

Финско-русская школа г. Хельсинки – современная международная языковая школа, которая дает учащимся возможность получать, кроме базового образования, прочные знания по русскому языку и культуре [Вяйсянен 2010: 4]. В школе учится около 700 учащихся, из которых 60% – финноязычные, 25% – русскоязычные и 15% – двуязычные [Иоссафова 2010: 181]. Русский язык используется не только на уроках русского языка, но и при обучении другим предметам. Помимо этого, русский язык распространен, наряду с финским языком, буквально во всех помещениях школы как язык общей деятельности. Это переплетение языков приносит некоторые особенности в коммуникативные процессы, происходящие в школе. Институциональные конвенции влияют на то, как определяется соотношение языков в коммуникации. При обучении на уровне официальной школы это определено в языковой программе, которая была написана в 2005 году [Kielihojelma]. В неофициальных ситуациях, например, во дворе или в столовой, язык

общения выбирается более свободно в зависимости от того, кто говорит, с кем и о чем. Употребление того или другого языка связано с обстоятельствами разного рода, типа формирования социальных отношений между учащимися и организации школьного пространства. Коммуникативные процессы не произвольны, а ситуационно, социально и культурно обусловлены. С помощью нашего исследования мы стремимся выделить и проанализировать типичные для речевой деятельности явления, касающиеся использования финского и русского языков в определенных ситуациях.

Вследствие гетерогенности состава учащихся Финско-русской школы коммуникативная обстановка усложняется. Далее рассматривается употребление и выбор языка в коммуникации между учащимися в неофициальной ситуации общения во время перемены. Эта тема обсуждалась с финноязычными и русскоязычными девочками одного класса в групповом интервью, которое проводилось на обоих языках. На практике, однако, все говорили по-фински.

В примере (1) девочки разговаривают о том, с кем они проводят время во дворе (дается перевод).

Пример (1).

1 Илона: Окей ну влияет ли язык на то ну с кем вы проводите время в школе?

2 Нелла: На перемене во всяком случае обычно.

3 Катя: Финны с финнами.

4 Дина: Русский русский русский.

5 Ирья: И обычно русские и обычно ну русскоязычные с русскими и потом финноязычные с финнами так.

6 Илона: Почему это так по-вашему?

7 Ирья: Ну мы не знаем например мы знаем друг друга дольше мы значит финны.

8 Катя: Да потому что мы обычно ну не сильно понимаем русский язык ну например в играх.

В этом примере девочки отвечают на вопрос, влияет ли язык на то, с кем они проводят время в школе (с. 1). Нелла начинает ответ, называя ситуацию «на перемене» (с. 2), и Катя заканчивает «финны с финнами» (с. 3). Продолжение ответа русскоязычной девочки Дины звучит иначе: (с. 4). Ответы девочек соответствуют нашим наблюдениям о том, что в неофициальных ситуациях, когда ребята могут сами выбирать свою компанию, они обычно разделяются на языковые группы. Двор, столовая или коридор являются местами неофициального общения, где это разделение можно хорошо наблюдать. В речи учащихся на это разделение указывают понятия «русский» и «финский» или «русскоязычный»

и «финноязычный», которые употребляются обычно как синонимы. Ирья начинает свое высказывание словом «русские», определяя национальность, но исправляется и продолжает словом «русскоязычные», указывая на язык (с. 5).

Одной из причин разделения на языковые группы девочки считают то, что финны знают друг друга дольше, чем русских (с. 7). В первом и втором классах они учились вместе, и у них сформировались дружеские группы, которые сохраняются и теперь. Катя добавляет, что финны не умеют играть на русском языке (с. 8). Это указывает на то, что выбор языка, кроме языка собеседника и места деятельности, связан еще и с типом деятельности. Каждый тип деятельности имеет свой словарь и конвенции, служащие для обоснования положения дел и определения ролей участников. Мир определенной игры открывается в языке. Доступ к этому миру, т. е. возможность участвовать в совместной игре, обеспечивается достаточным владением дискурсивными конвенциями на языке данной игры.

В примере (2) девочки говорят об игре, в которую все играют в своих группах. Она называется по-фински «*kirkonrotta*», а по-русски «туки-туки» (с. 6). Хотя игра одна и та же, используемые в ней выражения отличаются друг от друга в зависимости от языка (с. 4–5). Эти выражения связаны с определенными действиями и ролями в игре. Дина и Ада объясняют, как «туки-туки» играется на русском языке (с. 8–10). Потом все вместе сравнивают выражения и стараются перевести их с финского языка на русский (с. 11–22). Разговор проходит на финском языке, но слова и выражения, связанные с игрой употребляются на обоих языках.

Пример 2.

1 Илона: Да хэх как «*kirkonrotta*» это по-русски и по-фински есть ли в ней разные слова?

2 Нелла: Нее.

3 Ада: Да.

4 Нелла: Есть в ней разные слова конечно.

5 Катя: Да но она такая же.

6 Ада: Это по-фински «*kirkonrotta*» и по-русски «туки-туки».

7 Ирья: «Уки-туки»?

8 Дина и Ада: «Туки-туки за себя».

...

9 Ада: Да ну это говорится...

10 Дина: Когда ты бегаешь и тронешь и говоришь «туки-туки за себя».

...

11 Катя: Мы говорим мы говорим что например...

12 Дина: «*Omat*»(свои).

- 13 Катя: «**Irja-rotta nähty**» (Ирью-крысу увидели).
 14 Ирья: Да будто бы это ну по-русски таким образом ну..
 15 Ада: «**Туки-туки**».
 16 Ирья: «**Дину-мышку**» (Dina-hiigi) ну так потом «увидели».
 17 Илона: Ага.
 18 Катя: Да «**Дину-мышку**».
 19 Ирья: Да «**Дину-мышку**».
 20 Ада: «**Dina-rotta**» это крыса.
 21 Ирья: Ну «**Дина-криса**».
 22 Катя: «**Дина-криса**».
 Дина и Ада смеются.

В примере (3) выясняется, что если все играют вместе, то общим языком является финский (с. 2–3), причем всегда, как говорит Дина (с. 4). Потом она начинает говорить об игре «винегрет», названия которой она не знает по-фински, в которой надо придумать русские слова (с. 5). Это ограничивает, по ее мнению, участие финноязычных ребят в игре. Ада возражает, что они могут участвовать (с. 6), но Дина замечает, что использование русского языка все-таки необходимо в этой игре (с. 7). Девочки-финки не сразу узнают игру, но прямой перевод ее названия и объяснения ее правил им помогают. Ирья помнит, что и на финском языке существует какая-то игра «салат» (с. 16), и Нелла предлагает финское название *hedelmäsalaatti* (с. 23).

Пример 3.

- 1 Илона: А что если вы играете ну в смешанной группе то используете ли вы оба языка тогда?
 ...
 2 Ада: По-фински.
 3 Ирья: Обычно они тогда по-фински всегда ну по-фински обычно.
 4 Дина: Да всегда
 ...
 5 Дина: Но в одной такой игре в «**винегрете**» или в такой, то мы должны придумывать русские слова, потому не финны да в этой не так хорошо.
 6 Ада: Да они могут приходить.
 7 Дина: Да они должны вначале придумать русские слова.
 8 Илона: Какая игра это?
 9 Ада: Да «**винегрет**».
 10 Дина: Да что например что...
 11 Ирья: Как это по-фински?
 12 Дина: Я не знаю так.
 13 Илона: Нет ли «**винегрет**» салат?

- 14 Дина: Да.
15 Ада: Есть.
16 Ирья: Оо по-фински тоже есть какая-то игра – салат! Надо ли например сказать что-либо?
17 Илона: Вроде бы «**rosolli**».
18 Дина: Это я говорю например...
19 Нелла: Да я знаю я знаю.
20 Дина: Ада есть... я скажу Нелле слово потом это есть ее слово потом Нелла скажет Ирье слово и это.
21 Катя: Аа будто бы игра в слова что.
...
22 Ада: Потом я спрашиваю что на чем ты приехала в школу.
23 Нелла: **Hedelmäsalaatti** (фруктовый салат).
24 Дина: В школу.
25 Ада: И потом Нелла должна ответить тем же словом, которое Дина сказала ей.
26 Нелла: А то есть например ну на помидоре.
27 Ирья: Аа.
28 Ада: Да.

Язык определенного типа деятельности имеет отношение к тому, как создаются социальные отношения между учащимися. Как финноязычные, так и русскоязычные ребята знают игру *kirkonrotta*, в которую можно играть на обоих языках. Однако в определенной ситуации во время игры языки не смешиваются. Хотя игра одна и та же, слова и выражения, используемые в игре, разные и несовместимые. В том случае, когда кто-то из русскоязычных ребят хочет присоединиться к финноязычным, языком игры все же остается финский. Их участие становится возможным, потому что они знают, как играть в *kirkonrotta*. Финноязычные ребята же не умеют играть в «туки-туки». Доступ финноязычным ребятам к русскоязычной игре и к группе русскоязычных ребят ограничен незнанием языка игры. Более наглядным примером подобного явления является игра «винегрет», которая основывается на игре со словами. По нашим наблюдениям, в неофициальных ситуациях учащиеся предпочитают использование своего родного языка при общении с друзьями. Дружеские группы, в которых они играют во дворе, довольно устойчивы. Русскоязычные ребята, однако, могут более свободно переходить с одного языка на другой, что позволяет им участвовать в игре и с финноязычными ребятами. В двуязычной школьной среде выбор языка является одним из факторов, влияющих на организацию социального пространства в совместной коммуникативной деятельности учащихся.

Литература

- Вяйсянен Т.* 2010. Передовая статья // Уральская рябинушка 2010, 3, 4. www.svk.edu.hel.fi/fileadmin/tiedostot/pdf-tiedostot/Uralinpihlaja.pdf
- Вяйсянен Т., Исаев Н., Похъялайнен Л., Протасова Е.* (ред.) 2006. Русский язык и культура в системе школьного образования европейских стран, европейские концепции и преподавание РКИ в России. М.
- Иоссафова Е.* 2010. Из опыта работы Финско-русской школы г. Хельсинки. Мустайоки А. и др. (ред.) Изучение и преподавание русского языка в Финляндии: сборник статей. СПб.
- Исаев Н., Мустайоки А., Протасова Е.* (ред.) 2005. Русский язык как иностранный Проблемы изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком. М.
- Мустайоки А., Протасова Е.* (ред.) 2004. Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki.
- Мустайоки А.* и др. 2010. Изучение и преподавание русского языка в Финляндии. СПб.
- Протасова Е.* (ред.) 2000. Русский +. Helsinki.
- Протасова Е.* 2004. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.
- Baschmakoff N., Leinonen M.* 2001. Russian life in Finland 1917–1939. *Studia Slavica Finlandesica*, T. XVIII. Helsinki.
- Faerch, C., Kasper, G.* 1983. Plans and strategies in foreign language communication. *Strategies in Interlanguage Communication*. Ed. by C. Faerch & G. Kasper. London: Longman, 20–60.
- Goodwin C., Goodwin M. H.* 1987. Concurrent Operations on talk: Notes on the Interactive Organizations of Assessments // *IPRA Papers in Pragmatics* 1, No. 1, 1–54.
- Gumperz J. J.* 1982. *Discourse strategies*. Cambridge.
- Heritage, J.* 1984. *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge.
- Kieliyhjelma: Suomalais-venäläinen koulu. Kieliohjelma. www.svk.edu.hel.fi/svk/kieliohjelma
- Kurhila S.* 2006. *Second Language Interaction (=Pragmatics & Beyond 145)*. Amsterdam.
- Kärkkäinen E.* 2006. Stance taking in conversation: From subjectivity to intersubjectivity // *Text & Talk* 26–6, 699–731.
- Leisiö L.* 2001. *Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian*. Tampere.
- Sacks H.* 1992. *Lectures on conversations. Volume II*. Jefferson, G. (otv. red.). Cambridge.
- Tainio L.* 1996. Kannanotoista arkikeskustelussa // Hakulinen A. (ed.). *Kieli 10. Suomalaisen keskustelun keinoja II*. 81–108.
- Thomason S.* 2001. *Language Contact. An Introduction*. Edinburgh.
- Wera = Wera – web-raportointipalvelu. www.data.oph.fi/wera/wera

Болевые предикаты в финском языке

Настоящая статья представляет собой попытку описания системы болевых предикатов финского языка по принципам, выработанным участниками типологического проекта по описанию лексических систем разных языков. В рамках проекта уже опубликовано немало работ, посвященных, в частности, глаголам плавления [Майсак и др. 2007] и прилагательным, обозначающим температуру [Коптјевская-Тамм & Ракхилина 2006]. В 2009 году вышла коллективная монография «Концепт боль в типологическом освещении» [Брицын и др. 2009], в которой описана болевая лексика 15 языков. Поскольку финно-угорские языки не вошли в число этих языков, настоящую статью можно считать своего рода дополнением к данной монографии, однако в ней не будут обсуждаться вопросы, связанные с метафорическим употреблением болевой лексики. В начале статьи дается определение понятия физической боли, которое несколько уже, чем у авторов указанной монографии. Потом подробно описываются разряды финских болевых предикатов, их грамматические и семантические особенности. В конце статьи рассматриваются способы выражения болевой части тела, субъекта и каузирующего события и даются модели управления болевых предикатов.

1. Определение понятий «физическая боль» и «болевой предикат»

Понятие физической боли можно определить как сенсорно-физиологическое ощущение, которое субъект характеризует (или мог бы охарактеризовать), используя слово *боль* (или его соответствие в своем родном языке). Данное определение верно отражает факт чрезвычайной субъективности в восприятии индивидами собственных физических ощущений, однако каких-либо объективных дифференциальных признаков, отличающих боль от остальных сенсорно-физиологических ощущений, оно не дает. Одна из возможностей уточнения понятия физической боли связана с ее градуальностью и фактом, что существуют ситуации, в которых независимо от индивидуального барьера боли все нормальные люди испытывают ощущение, которое они называют словом *боль*. Назовем тип таких ситуаций категорией ситуации крайней боли. В ситуации крайней боли в результате конкретного события (напр. получения удара, прикосновения к огню) у субъекта появляется физическое повреждение (напр. рана, ожог), которое вызывает сенсорно-физиологическое ощущение, сопровождаемое непроизвольной мимикой и телодвижениями (напр. конвульсия), а также невольным издаванием звуков (напр. стон, вопль, вскрики). Более слабые градации ощущения боли можно потом описать, указывая на меньшую интенсивность каузирующего события, меньший масштаб травмы (или вообще физического воздействия) и меньшую интенсив-

ность (или отсутствие) сопровождающих жестовых, звуковых и т. п. реакций: для любой ситуации, в которой субъект испытывает ощущение, характеризуемое им как боль, верно, что если увеличить до предела параметр интенсивности каузирующего события и соответственно масштаб физического воздействия, получается ситуация, относящаяся к категории ситуации крайней боли.

Итак, несмотря на субъективность в восприятии сенсорно-физиологических ощущений, понятие боли в указанном смысле можно считать общим для всех носителей языков, в которых существует лексическое средство, функционирующее подобно русскому существительному *боль*. Задача типологических исследований – выяснить, существуют ли языки, в которых нет одного обобщенного обозначения для всех ситуаций, охватываемых русским *боль*, английским *pain* или финским *kipu*.

В настоящей статье независимо от части речи болевым предикатом называется любое слово, которое как таковое, без каких-либо интенсификаторов, способно выражать понятие физической боли в качестве асертции высказывания, например *Hammasta pakottaa* (зуб-PART болит) 'зуб болит'; *Hänellä on kipuja vatsassa* (он-ADES есть боль-PL.PART желудок-INES) 'у него боли в желудке'¹. Центр системы болевых предикатов составляют слова типа *kipu* 'боль', которые могут указывать на ощущение боли любой интенсивности. Помимо этих слов к болевым предикатам относятся многие лексемы, которые являются болевыми предикатами только в одном из своих значений, например глаголы типа *pistää* 'колоть, кольнуть', *polttaa* 'жечь', *viiltää* 'резать' и т. п. У многозначных слов появление значения боли тесно связано с синтаксисом и семантикой аргументов.

Решающим критерием выделения болевых предикатов является то, что из асертции болевого предиката однозначно вытекает, что субъект испытывает боль. Таким образом, глагол *sairastaa* 'болеть (чем-н.)' не является болевым предикатом, так как человек может болеть, не испытывая боли. На том же основании к болевым предикатам не относятся и многие слова, которые обозначают неприятные ощущения, например *oksettaa* 'тошнить', *kutittaa* 'першить', или же дефектное функционирование тела или организма, например *puutua* 'онеметь', *ontua* 'хромать', *soida* 'звенеть' (*Korvissa soi* ухо-PL-INES звенит 'в ушах звенит').

¹ В статье используется упрощенный вариант глоссирования, где после основы ставится дефис, а между остальными морфемами – точка. Сокращения: NOM=номинатив, PART=партитив, GEN=генитив, ACC=аккусатив, INES=инессив, ELAT=элатив, ILLAT=иллатив, ADES=адессив, ABLAT=аблатив, TRANSL=транслатив, POSS=посессивный суффикс, INF=инфинитив, PST=прошедшее время, CAUS=каузатив, ADV=наречие, NEG=морфема, обусловленная отрицанием. Разметка ACC используется в соответствии с концепцией, согласно которой в финском языке в зависимости от синтаксической конструкции формы аккузатива существительных совпадают с формами номинатива или генитива.

С точки зрения определения болевых предикатов затруднения вызывают глаголы, с которыми связан оттенок небольшой интенсивности признака и которые, следовательно, не в состоянии указать на ситуацию крайней боли. В качестве примера можно привести глагол *kirvellä* (или *kirveltää*) 'щипать, пощипывать, (неинтенсивно) жечь, саднить'. Физическое ощущение, обозначаемое данным глаголом, локализуется на коже или слизистой оболочке, пострадавшей от воспаления, травмы или т. п.² Так как кожа, глаза, губы, нос, горло, гениталии очень чувствительны, физическое ощущение, обозначаемое глаголом *kirvellä*, может восприниматься как боль, однако нередко данное ощущение настолько слабо, что называть его болью можно только с натяжкой. Кроме того, если повысить интенсивность ощущения, обозначаемого глаголом *kirvellä*, то следует использовать другой глагол: ср. *Silmiä kirveli* (глаз-PL.PART щипало) и *Silmiä poltti* (глаз-PL.PART жгло). Помимо *kirvellä* к числу «спорных» болевых предикатов можно отнести глаголы *nipistää* 'щипать, (у)щипнуть' (фреквентатив *nipistellä*), *tykyttää* 'биться, пульсировать, (неинтенсивно) стучать' и *ärsyttää* 'раздражать'.

Интересный разряд болевой лексики составляют слова, содержащие в себе модальный компонент. В качестве примера можно привести переходный глагол *aristaa*, образованное от прилагательного *arka* 'чувствительный'. При указании на конкретное восприятие ощущения субъектом он приближается к глаголам типа *kirvellä, ärsyttää*: например, безличное предложение *Silmiä aristaa* (глаз-PL.PART чувствительный-CAUS-3sg) указывает на актуально-длительную ситуацию, где субъект чувствует раздражение глаз, вызванное, например, ярким солнечным светом. В других употреблениях *aristaa* имеет скрытый модальный компонент. Например, в предложениях *Haavaa aristaa* (рана-PART чувствительный-CAUS-3sg) 'рана чувствительна' и *Hän aristaa jalkaansa* (он-NOM чувствительный-CAUS-3sg нога-PART.POSS.3) 'он оберегает ногу' скрыт компонент условия: если подвергнуть рану прикосновению, давлению или т. п. воздействию, будет чувствоваться боль; если он встает на данную ногу или сделает шаг данной ногой, то почувствует боль. В качестве другого примера можно привести глагол *kärsiä* 'страдать; терпеть' в сочетании с инфинитивом в предложениях типа *Vasemmalla jalalla kärsiilei kärsi astua* (левый-ADES нога-ADES терпеть-3sg/не-3sg терпеть.NEG ступать-INF) 'на левую ногу можно ступать/нельзя ступить'. Модальный компонент данного глагола заключается в выражении возможности/невозможности безболезненного совершения действия, обозначаемого инфинитивом. В этой статье болевая лексика с модальными оттенками не рассматривается. То же касается и указанных выше «спорных» болевых предикатов.

Большинство болевых предикатов финского языка являются безличными глаголами. Это естественно, так как безличность семанти-

²Примечательно, что глагол *kirvellä* используется только при указании на слизистую оболочку, доступную непосредственному ощупыванию. Поэтому он не сочетается со словами типа *vatsa* 'желудок'.

чески согласуется с такими признаками болевых ощущений как неагентивность и неконтролируемость. Морфологически многие из безличных болевых предикатов относятся к категории так называемых каузативов чувства (*tunnekausatiivit*) [Hakulinen et al. 2004: 313–314, 459–460], однако при отсутствии мотивирующего слова словообразовательное отношение часто отсутствует. Например, глагол *kolottaa* 'болеть' не имеет какой-либо производящей основы и, таким образом, несмотря на возможность выделения суффикса *-tta-* он представляется как непроизводное слово.

В зависимости от модели управления безличного глагола аргумент, выражающий больную часть тела, стоит в форме партитива или одного из так называемых внутренне-местных падежей – инессива, элатива или иллатива, например *Hammasta särkee* (зуб-PART болит), *Päässä jyskyttää* (голова-INES стучит), *Rinnasta ottaa* (грудь-ELAT болит), *Silmiin sattuu* (глаз-PL.ILLAT болит). Некоторые болевые глаголы допускают два варианта синтаксического градуирования идеи безличности: в первом варианте больная часть занимает позицию дополнения глагола, а во втором – позицию обстоятельства места, ср. *Vatsaa poltti* (желудок-PART жгло) и *Vatsassa poltti* (желудок-INES жгло). Следует, однако, отметить, что в позиции при болевых предикатах употребление формы инессива, указывающей на больную часть тела, функционально сближается с употреблением сильноуправляемых дополнений: например, при глаголе *polttaa* необходимо указать на больную часть тела. Поэтому данные формы справедливо считать обстоятельственными дополнениями. С употреблением инессива связано представление о части тела какместилище.

Многие из болевых глаголов, которые в основном употребляются безлично, допускают личное употребление в двух случаях. Это бывает, во-первых, тогда, когда позицию подлежащего занимает именная группа, обозначающая каузирующее событие, например *Kylmä vesi vihloo hampaita* (холодный-NOM вода-NOM болит зуб-PL.PART) 'зубы реагируют на холодную воду'³; и, во-вторых, когда позицию подлежащего занимает существительное *kipu* или т. п., например *Ankara kipu jyskytti takaraivossa* (жестокий-NOM боль-NOM стучала затылок-INES).

В финском языке есть всего лишь пять болевых глаголов, допускающих только личное употребление, – *kärsiä* 'страдать', *kitua* 'мучиться, сильно страдать', *kipuilla* 'болеть, испытывать боли', инхоатив *kipetyä* и соответствующий ему каузатив *kipyttää*⁴.

На фоне доминирующей позиции безличных болевых глаголов несколько неожиданно, что именные болевые предикаты используются только в личных конструкциях. То есть, в финском языке отсутствует не только грамматический эквивалент личного глагола *болеть*, но

³ Этот пример показывает, что очень часто каузирующее событие выражается в конденсированном виде: в данном случае холодная вода подразумевает ситуацию соприкосновения зубов с холодной водой.

⁴ Личные глаголы со значением получения травмы типа *loukata, satuttaa* 'ушибать/ушибить' в настоящей статье не рассматриваются.

и эквивалент предикативного наречия *больно*⁵. Имен, используемых в функции болевого предиката, намного меньше, чем глаголов. В позиции сказуемого прилагательное *kipeä* 'больной' употребляется в сочетании со связкой *olla*, например *Vatsa oli kipeä* (желудок-NOM был больной-NOM), или синсемантическим глаголом, выражающим модальное, аспектуальное или каузативное значение, например *Vatsa tuntuu kipeältä* (желудок-NOM чувствуется больной-ABL) 'в желудке чувствуется боль'; *Vatsa tuli kipeäksi* (желудок-NOM стал больной-TRANSL); *Liikkuminen teki kipeää* (движение-NOM делало больной-PART) 'было больно двигаться'. Сходная картина наблюдается и в употреблении существительных *kipu* 'боль', *särky* 'боль' и *tuska* 'боль, мука', а также отглагольных существительных типа *pakotus* (от *pakottaa* 'болеть'), *kolotus* (от *kolottaa* 'болеть') и т. п. Когда данные слова входят в ассертивную часть высказывания, предложение может быть построено по модели бытийных конструкций, например *Vatsassa on/tuntuu kipuja* (желудок-INES есть/чувствуется боль-pl.PART), но часто используются конструкции, где существительное занимает позицию дополнения переходных глаголов типа *tuntea* 'чувствовать' *kokea*, 'испытывать' и т. п., например *Hän tunsi kipua vatsassaan* (он-NOM почувствовал боль-PART желудок-INES.POSS.3). Кроме того, данные существительные могут занимать позицию дополнения при глаголах с каузативной семантикой типа *aiheuttaa* 'причинять, вызывать'.

К болевым предикатам следует отнести и наречия типа *kipeästi*, которые в ассертивной части высказывания способны приписывать субъекту ощущение боли. Данные наречия сочетаются с глаголами, выражающими каузативное действие, например *lyödä jalkansa kipeästi kiveen* (ударить нога-ACC.POSS.3 больной-ADV камень-ILLAT) 'больно ударить ногу о камень'.

2. Инвентарь болевых предикатов финского языка

В этом разделе приводится список болевых предикатов финского языка, которые на основе критерия семантической непроизводности/производности делятся на две группы – базовые и небазовые. К базовым предикатам относятся такие слова, которые, согласно языковой интуиции носителей современного языка, не представляют собой результат метафорического переноса какого-нибудь более конкретного значения многозначного слова (напр. *kipu* 'боль', *jomottaa* 'болеть'). У небазовых предикатов семантическое отношение производности устанавливается без труда (напр. *polttaa* 'жечь', *pistää* 'колоть, колунуть', *jyskyttää* 'стучать').

⁵ В других семантических типах безличных конструкций именные конструкции широко представлены, например *Aamulla oli lämmin* (утро-ADESS было тепло-NOM) 'утром было тепло' *Minulla oli tylsää* (я-ADESS было скучно. PART) 'мне было скучно'.

От многих других языков, в том числе русского, финский язык отличается очень развитой системой базовых болевых предикатов, особенно глаголов. На самом деле базовых болевых предикатов в финском языке больше, чем небазовых, и они позволяют выражать любые аспектуальные типы болевых ситуаций, от стативных до одноактных, пунктуальных. Кроме того, система базовых предикатов включает в себя средства для выражения значений инхоативности и каузативности. Таким образом, основной мотивацией использования небазовых болевых предикатов является возможность уточнения качественной характеристики боли.

2.1 Базовые болевые предикаты

2.1.1 *Kipu, kipeä, kipeytyä, kipeyttää, kipuilla*

В понятийном отношении центральное место в системе болевых предикатов финского языка занимают существительное *kipu* 'боль' и соответствующее прилагательное *kipeä* 'больной'. Они свободно используются для указания на любую степень интенсивности боли, о чем говорит возможность употребления при них широкого круга (де)интенсификаторов и образование форм сравнительной степени прилагательного *kipeä*. В отличие от многих других болевых предикатов *kipu* и *kipeä* свободно сочетаются с любыми существительными, обозначающими части тела. О центральной позиции слов *kipu* и *kipeä* говорит и существование множества производных слов. Это, во-первых, прилагательные *kipeähkö* (и *kipeänlainen*) 'немножко больной', *kivulias* 'мучительный', *kivulloinen* 'болезненный', *kivuton* 'безболезненный' и некоторые др., и, во-вторых, сложные слова, выражающие боль, локализуемую в той или иной части тела (*kurkkukipu* 'боль в горле', *hammaskipu* 'зубная боль', *kipeäjalkainen* 'со стертymi ногами' и т. п.), и сложные слова, связанные с восприятием, анализом и устранением боли (*kipuaistimus* 'ощущение боли' *kipukynnys* 'болевого барьер', *kipulääke* 'средство от боли' и т. п.).

От прилагательного *kipeä* образован непереходный инхоативный глагол *kipeytyä* 'становиться/стать больным, заболеть, разболеться', при котором позицию подлежащего занимает существительное со значением части тела (напр. *Jalka kipeytyi* 'нога заболела'). От *kipeytyä*, в свою очередь, образован переходный каузативный глагол *kipeyttää*, при котором подлежащее выражает каузирующее боль событие или субъект, а дополнение – больную часть тела. Схематически значение данного глагола можно изобразить в следующем виде: 'X (=субъект или каузирующее событие) каузирует [Y (=часть тела) станет больным]', например *Ankara treeni kipeytti selän* (тяжелый-НОМ тренировка-НОМ больной-CAUS-PST.SG3 спина.ACC) 'в результате тяжелой тренировки

спина заболела'; *Veli kipeytti selkänsä harjoituksissa* (брат-NOM больной-CAUS-PST.sg3 спина-ACC.POSS.3 тренировка-pl-INES) 'спина у брата заболела на тренировке'⁶. Глагол *kipeyttää* является единственным болевым глаголом, при котором болевая часть выражается формой аккузатива⁷.

Глагола, эквивалентного русскому *болеть*, в финском стандартном языке нет, но в разговорной речи, а также в медицинском жаргоне, широко используется фреквентатив *kipuilla*, который имеет два употребления: наиболее часто он используется как личный глагол, при котором подлежащее указывает на болевую часть тела (напр. *Ojentajalihas kipuilee* разгибающая-мишца-NOM болит), но нередко позицию подлежащего может занимать и субъект. В последнем случае *kipuilla* передает значение 'периодически или постоянно испытывать боли' и не допускает указания на болевую часть тела, например *20 prosenttia potilaista kipuilee vielä vuosi aivohalvauksen jälkeen* (20 процент-part пациент-pl. ELAT испытывает.боли еще год.ACC апоплексия-GEN после) '20 процентов пациентов испытывает боли еще через год после апоплексии'.

2.1.2 Särkeä, särky

Наряду с *kipu* и *kipeä* глагол *särkeä* 'болеть' и существительное *särky* 'боль' представляют собой, пожалуй, самые употребительные болевые предикаты в финском языке. *Särkeä* является безличным переходным глаголом, управляющим формой партитива, указывающей на болевую часть тела. В лексикографической практике болевой глагол *särkeä* обычно рассматривается как самостоятельная лексема, однако можно предположить, что часть носителей языка до сих пор ощущают семантическую связь между ним и глаголом *särkeä* в значении 'ломать, разбивать'. Однако в отличие от небазовых болевых глаголов типа *polttaa* 'жечь' глагол *särkeä* не допускает личного употребления с подлежащим-каузативом⁸. Только окказионально можно встретить употребление действительного причастия *särkevä* в функции качественно-интенсифицирующего модификатора существительного *kipu* (*särkevä kipu*). От существительного *särky* образовано немало сложных слов,

⁶ Наряду с глаголом *kipeyttää* в финском языке есть производные каузативные глаголы, в которых семантически инкорпорирована та или иная травма и которые требуют прямого дополнения, указывающего на определенную часть тела. Например, в качестве дополнения *pujauttaa* 'выпихивать/выпихнуть' допускает только слова *nilkka* 'щиколотка' и *jalka* 'нога'. По нашим критериям, эти глаголы не следует относить к категории болевых предикатов.

⁷ Помимо глагола *kipeyttää* аккузатив употребляется в некоторых конструкциях с болевыми именами (напр. *Mutta voihan nukkuessaankin saada selkänsä kipeäksi!*).

⁸ Приведенный в [*Sadeniemi et al.* 1996, sub vocem *särkeä*] пример *Reumatismi särkee nivelä* (ревматизм.NOM болит суставы-pl.PART) является устаревшим, о чем говорит то, что в таком употреблении носители современного языка склонны воспринимать глагол *särkeä* в его конкретном значении 'ломать, разбивать'.

которые делятся на те же группы, что и сложные слова, образованные от *kipu* (напр. *hammassärky* 'зубная боль', *särkylääke* 'средство от боли').

2.1.3 Tuska, kärsiä, kitua

Слова *tuska* 'боль, мука', *kärsiä* 'страдать', *kitua* 'мучиться, сильно страдать' можно объединить в одну группу на том основании, что они используются для обозначения общей оценки болевого состояния субъекта и обычно употребляются для выражения достаточно интенсивной боли. Существительное *tuska* обозначает сильную боль, муку⁹. В значении физической боли оно часто выступает в форме мн. числа (*tuskat*). Соответствующего глагола не существует, поэтому в функции сказуемого приходится использовать глагольно-именные словосочетания со словами типа *kokea* 'испытывать' или бытийно-посессивную конструкцию со связкой *olla*, например *Hänellä oli kovia tuskia* (он-АДЕС было сильный-PL.PART боль-PL.PART)¹⁰. Образованное от *tuska* прилагательное *tuskainen* выражает значение 'испытывающий муки, боли' (напр. о пациенте) или 'отражающий страдания, страдальческий' (напр. о состоянии человека или выражении лица), а прилагательное *tuskallinen* – значение 'мучительный', 'полный страдания' (напр. о болезни или смерти). От существительного *tuska* образован и ряд других слов, например прилагательные *tuskantäyteinen* 'полный страдания', *tuskaton* 'безболезненный', и сложные слова *tuskanhiki* 'холодный пот', *synnytystuskat* 'родовые боли' и т. п.

При глаголе *kärsiä* подлежащее выражает субъект, испытывающий страдания, а обстоятельственное дополнение в элативе – боль, вызывающую страдания, например *kärsiä päänsärystä* (страдать голова-GEN. боль-ELAT) 'страдать от головной боли'. Кроме того, *kärsiä* может сочетаться с прямым дополнением, выраженным формой партитива существительных типа *kipu*, *tuskat* и т. п. Без формы элатива или партитива глагол *kärsiä* относительно редко используется в функции болевого предиката. При глаголе *kitua* подлежащее также выражает субъект, но в отличие от *kärsiä* он не допускает при себе каких-либо дополнений. В функции болевого предиката *kitua* подчеркивает оценку положения субъекта: чаще всего он используется для описания состояния, вызванного изнуряющей, длительной болезнью, или же для описания конкретной ситуации, в которой тяжело больной или раненный человек или животное сильно мучится.

⁹ Слово *tuska* заимствовано из северных диалектов древнерусского языка, ср. современное тоска [*Itkonen et al.* 1992, sub vocem *tuska*]. Заимствованием из русского языка может быть и глагол *kolottaa*, ср. колоть.

¹⁰ Ср. также использование в функции вторичного предиката формы *tuskissaan*, где *tuska* стоит в форме инессива мн. числа с посессивным суффиксом, указывающим на субъект состояния: *Hän makasi tuskissaan* (он-NOM лежал боль-PL. INESS.POSS.3) 'он лежал, испытывая сильные муки'.

2.1.4 Pakottaa, kolottaa, jomottaa, kivistää, vihloa

Глаголы *pakottaa*, *kolottaa*, *jomottaa*, *kivistää* и *vihloa*¹¹ имеют значение 'болеть' и грамматически ведут себя как глагол *särkeä*: они являются безличными переходными глаголами с дополнением в форме партитива, указывающим на больную часть тела. Подобно *särkeä* глаголы *pakottaa*, *jomottaa* и *kivistää* вообще не допускают личного употребления. Глагол *kolottaa* и особенно глагол *vihloa* можно использовать и в качестве личного глагола с подлежащим, обозначающим каузирующее событие, например *Reumatismi kolottaa jäseniä* ревматизм-НОМ болит конечность-PL.PART 'конечности болят от ревматизма'.

Глаголы *pakottaa*, *kolottaa*, *jomottaa*, *kivistää* и *vihloa*, а также соответствующие существительные *pakotus*, *kolotus*, *jomotus*, *kivistys* и *vihlonta* чаще всего используются для обозначения достаточно интенсивной и неприятной боли, но в сочетании с деинтенсификаторами (напр. *hieman*, *hiukan* 'немного, слегка') они допускают указание также на боль низкой интенсивности. Действительные причастия данных глаголов используются в позиции качественно-интенсифицирующего модификатора существительного *kipu* или *särky*, например *jomottava kipu*. Кроме того, данные причастные формы используются как согласованные определения при существительных, обозначающих часть тела, например зуб, голову или желудок: *kolottava/jomottava/pakottava hammas* 'болящий зуб', *kivistävä pää/vatsa* 'больная голова/больной желудок'. В грамматическом отношении такие словосочетания представляют собой исключение: обычно существительное, определяемое действительным причастием переходного глагола, указывает на субъект действия, однако в данном случае оно указывает на объект действия, больную часть тела (ср. *lukeva poika* 'читающий мальчик').

Самую широкую лексическую сочетаемость имеет глагол *pakottaa*, что сближает его с глаголом *särkeä*. Глаголы *kolottaa*, *jomottaa*, *kivistää* и *vihloa* обнаруживают явную тенденцию сочетаться с существительными, обозначающими определенные части тела. Глагол *vihloa* чаще всего сочетается с существительными *hammas* 'зуб' и *pää* 'голова', глагол *kivistää* – с существительными *pää* 'голова' и *vatsa* 'желудок', а глаголы *kolottaa* и *jomottaa* – с существительными, обозначающими «твердые» части тела (*hammas* 'зуб', *luu* 'кость'). От глаголов *kolottaa*, *jomottaa*, *kivistää* образованы фреквентативы *kolotella*, *jomotella*, *kivistellä*. Глагол *vihloa* обозначает продолжительную или повторяющуюся боль. От него образован одноактный глагол *vihlaista*.

¹¹ Глагол *kivistää* исторически имеет один корень с существительными *kipu*, ср. генитив *kipun* [Itkonen et al. 1992, sub vocem *kivistää*]. Однако можно предположить, что большинство носителей современного языка уже не воспринимают словообразовательного отношения между данными словами. Болевое значение глагола *vihloa* возникло в результате метафорического переосмысления значения 'резать', но в настоящее время данное значение сохраняется только в некоторых диалектах [*tam же*, sub vocem *vihloa*].

2.1.5 Ottaa, sattua, koskea

Особое место в системе финских болевых предикатов занимают глаголы *ottaa*, *sattua* и *koskea*. Чаще всего они употребляются как безличные глаголы, управляющие формой иллатива существительного, указывающего на больную часть тела, однако они вполне допускают и личное употребление, где позицию подлежащего занимает существительное со значением каузирующего события, например *Poraaminen sattuu hampaaseen* (сверление-ном болит зуб.ILLAT) 'сверление зуба причиняет боль'. Помимо иллатива при глаголе *ottaa* можно употреблять и форму элатива, но ее дистрибуция более ограничена, например со словами *selkä* 'спина', *rinta* 'грудь' и *sydän* 'сердце' допускаются оба падежа, между тем как со словом *hammas* 'зуб' допускается только иллатив.

Семантически глаголы *ottaa*, *sattua* и *koskea* отвлеченные: они ничего не говорят о характере или интенсивности боли, в связи с чем в сочетании с существительным, называющим больную часть тела, они выступают как своего рода синсемантические болевые предикаты¹². Об отвлеченности данных глаголов говорит и то, что они не имеют соответствующих существительных, выражающих значение боли, то есть в болевом значении *nomina agendi* *koskeminen*, *ottaminen*, *sattuminen* не используются. Кроме того, причастия *koskeva*, *ottava*, *sattuva* не используются как качественно-интенсифицирующие модификаторы существительных типа *kipu*.

Особенностью глаголов *sattua* и *koskea* является то, что в позиции дополнения в форме иллатива они допускают и существительное, указывающее на субъект (напр. *Minuun sattuu/koskee* (я-ILLAT болит) 'мне больно'). При наличии формы иллатива, обозначающего субъект, нельзя указать на конкретное место болевого ощущения, допускается только универсальная квантификация локуса боли в виде *joka paikkaan*: *Minuun sattuu/koskee joka paikkaan* (я-ILLAT болит каждый место-ILLAT) 'мне больно во всех местах'. Если же в одном предложении нужно выразить и субъект, и часть тела, то субъект следует поставить в форме адессива, реже – партитива: *Minulla koskee rintaan* (я-ADES болит грудь-ILLAT) 'мне больно в груди'; *Mihin sinua/sinulla koskee?* (что-ILLAT ты-PART/ты-ADES болит) 'где тебе больно?'

2.1.6 Piri

В детской речи, а также в обращении к маленьким детям часто используется слово *piri*, обладающее уменьшительно-ласкательным

¹² Исторически болевая семантика этих глаголов возникла, вероятно, в результате переноса значения словосочетаний более конкретной семантики, но в современном языке семантические отношения с другими значениями невозможно или трудно уловить. Помимо значения боли глагол *ottaa*, например, имеет значения 'брать/взять', 'снимать/снять', 'принимать/принять'.

оттенком. В отличие от русского *бобо* данное слово используется не только в функции сказуемого (напр. *Sormi on pipi* 'палец бобо'), но и функции прилагательного (напр. *pipi sormi* 'больной палец'). В значении 'быть больным' (о человеке) *pipi* допускает только личное употребление (*Äiti on pipi* 'мама больна'; ср. русское *Маме бобо*). Наконец, *pipi* можно использовать и в функции существительного, указывающего на царапину или т. п. повреждение на коже, например *Minulla on sormessa pipi* (я-ADES есть палец-INES царапина) 'у меня на пальце царапина'.

2.2 Небазовые болевые предикаты

Небазовые болевые предикаты возникли в результате семантического переноса более конкретных значений. В исходном значении глаголы, способные функционировать как небазовые болевые предикаты, являются личными глаголами, при которых подлежащим выражается агент или каузатор. В результате перехода в категорию болевых предикатов данные глаголы становятся безличными, однако многие из них допускают и личное употребление, где позицию подлежащего занимает именная группа со значением каузирующего события или же существительное со значением боли. В безличном употреблении у некоторых небазовых болевых глаголов наблюдаются изменения в выражении тех или иных составляющих ситуации. Во-первых, у некоторых глаголов появляется возможность выражения субъекта-экспериментера с помощью формы адессива, ср. *Minua/Minulla pistää vasempaan kylkeen* (я-PART/я-ADES колет левый-ILLAT бок-ILLAT) 'меня колет в левый бок', 'у меня колет в левом боку'. Во-вторых, при некоторых глаголах болевая часть может быть выражена не только формой партитива или иллатива, но и формой инессива, ср. *Vatsaa/Vatsassa polttee* (желудок-PART/желудок-INES жжет) 'желудок жжет'. У глаголов *jyskyttää* и *takoa* 'стучать' это даже обязательно, хотя в исходном значении они являются переходными глаголами, ср. *Päässä jyskyttää* (голова-INES стучит) 'в голове стучит' **Päätä jyskyttää* (голова-PART стучит) 'голову стучит'. Можно предположить, что указанные здесь изменения в модели управления небазовых болевых глаголов обусловлены приспособлением не столько к системе базовых болевых глаголов, сколько к системе безличных предложений вообще.

При переходе в болевые предикаты рассматриваемые в данном разделе глаголы претерпевают и определенные аспектуальные изменения. Во-первых, в значении болевого предиката эти глаголы, разумеется, не способны выражать предельные процессы. Наиболее ярко это отражается в употреблении переходных глаголов типа *polttaa*: прямое дополнение не может стоять в форме аккузатива, передающей значение полного охвата объекта. Во-вторых, в отличие от исходных глаголов болевые глаголы способны указывать на стативную ситуацию, то есть на болевое ощущение как более или менее длительное состояние

субъекта. Например, предложение *Rintaan pisti* (грудь-ИЛЛАТ кольнуло/кололо) может обозначать не только моментальное, пунктуальное ощущение (ср. *в грудь кольнуло*), но и непрерывное болезненное состояние (ср. *в грудь кололо*). Примечательно, однако, что относительно параметра единичности/повторяемости болевые предикаты не отличаются от исходных: например, как в том, так и в другом значении *pistää* 'колоть, кольнуть' может указать как на единичное, так и повторяющееся действие, между тем как фреквентатив *pistellä* в обоих случаях указывает на повторяющееся действие.

В финском языке выделяются три разряда небазовых болевых предикатов: глаголы со значением разрушительного действия, глаголы со значением давления или сжатия и глаголы со значением действия, сопровождаемого громким звуком. Следует особо отметить, что одноместные предикаты типа *palaa* 'гореть' не используются в качестве небазовых болевых предикатов.

2.2.1 Глаголы со значением разрушительного действия в функции болевого предиката: *polttaa, korventaa, kärventää, viiltää, pistää*

Приведенное в начале статьи определение понятия физической боли построено на основе общего для всех людей представления о ситуации крайней боли. Каузирующим событием в такой ситуации часто выступают разрушительные действия, поэтому не удивительно, что во многих языках глаголы, обозначающие такие действия, используются в качестве болевых предикатов. В финском языке к ним относятся глаголы с семантикой жигания *polttaa, korventaa, kärventää*, глагол с семантикой резания *viiltää* и глагол с семантикой укалывания *pistää*. В функции болевого предиката данные глаголы чаще всего используются как безличные глаголы, но они также могут употребляться как личные глаголы с подлежащим, выражающим каузирующее событие. Глагол *pistää* управляет иллативом, остальные являются переходными глаголами, управляющими партитивом.

В форме действительного причастия указанные выше глаголы используются в позиции качественно-интенсифицирующего модификатора при существительном *kipu* (реже *särky*), например *polttava/viiltävä/pistävä kipu* 'жгучая/режущая/колющая боль'. От глаголов *polttaa, viiltää* и *pistää* образованы фреквентативы *poltella, viiellä, pistellä*. При фреквентативах болевая часть тела может быть выражена формой инессива, если она представляется как вместилище, например *Vatsassa viiltelee* (желудок-INES режет) 'в желудке режет'.

2.2.2 Глаголы со значением интенсивного давления или сжатия в функции болевого предиката: *kuristaa*, *kouristaa*, *puristaa*

Чаще всего глаголы *kuristaa*, *kouristaa* и *puristaa*, выражающие значение давления или сжатия, используются как безличные переходные глаголы, управляющие формой партитива существительного, обозначающего большую часть тела, однако нередко они допускают и употребление элатива, например *Rintaa/Rinnasta puristaa* (грудь-PART/грудь-ELAT сжимает) 'грудь/в груди сжимает'. Это объясняется тем, что исходные глаголы имеют две модели управления, ср. *Tyttö puristi isän kättä* (девочка-NOM пожала отец-GEN рука-PART) и *Tyttö puristi isää kädestä* (девочка-NOM пожала отец-PART рука-ELAT) 'девочка пожала руку отца'.

Иногда глаголы *kuristaa*, *kouristaa* и *puristaa* используются как личные глаголы с подлежащим, выражаемым существительным типа *kipu*, или же с подлежащим, указывающим на каузирующее событие. Дополнения глаголов *kuristaa*, *kouristaa* и *puristaa* обозначают части тела, которые чувствительны давлению, жатию: *kuristaa* чаще всего сочетается с существительным *kurkku* 'горло', *kouristaa* – с существительными *sydän* 'сердце', *rinta* 'грудь' и *vatsa* 'желудок', а *puristaa* – с существительным *rinta* 'грудь' и *sydän* 'сердце'.

В форме действительного причастия указанные выше глаголы используются в позиции качественно-интенсифицирующего модификатора при существительном *kipu* (*kuristava/kouristava/puristava kipu* 'сжимающая боль').

2.2.3 Глаголы со значением интенсивного действия, сопровождающегося громким звуком в функции болевого предиката: *jyskyttää*, *takoa*

Подвержение очень громкому звуку вызывает у человека ощущение интенсивной физической боли, а также соответствующие реакции, например произвольные выражения на лице. Глаголы *jyskyttää* и *takoa* 'стучать' используются в функции болевого предиката потому, что в своем исходном значении они выражают интенсивное, повторяющееся действие, которое обычно сопровождается громким звуком. В использовании глаголов *jyskyttää* и *takoa* в функции болевого предиката существен признак повторяемости, который связан с обостренным ощущением пульсирования крови в голове. Примечательно, что в функции болевого предиката допускаются не любые глаголы, обозначающие очень громкий звук: примером глагола, неспособного функционировать в качестве болевого предиката, служит глагол *jylistä*, выражающий как неравномерно повторяющийся звук (напр. грохот пушек, раскаты грома), так и протяжный звук (напр. рев низколетящего реактивного самолета).

При глаголах *jyskyttää* и *takoa* в качестве существительных, указывающих на большую часть тела, чаще всего используются *pää* 'голова', *takaraivo* 'затылок' и *ohimot* 'виски', которые ставятся в форме инессива. Помимо безличного употребления данные глаголы допускают и личное употребление с подлежащим, указывающим на боль или каузирующее событие, например *Krapula jyskyttää päässä* (похмелье-НОМ стучит голова-INES) 'с похмелья голова раскалывается'. Причастие *jyskyttävä* часто используется в функции качественно-интенсифицирующего модификатора существительного *kipu*.

3. Модели управления болевых предикатов

Основным аргументом большинства болевых глаголов является член предложения, выражающий **больную часть тела**. Об этом говорит то, что опущение данного аргумента допускается только при очень ограниченных условиях употребления глаголов *sattua* и *koskea* 'болеть' (см. раздел 2.1.5 выше), а также при болевых предикатах, ориентированных на выражение оценки общего состояния субъекта. Чаще всего больная часть тела выражается тем или иным косвенным падежом. Большинство безличных болевых глаголов управляют партитивом (напр. *särkeä, kolottaa, jomottaa, kivittää, pakottaa, vihloa, polttaa*). Гораздо меньше глаголов, управляющих иллативом (напр. *sattua, koskea, pistää*) или инессивом (напр. *jyskyttää*). Глаголы, управляющие элативом, допускают, как правило, употребление и какого-нибудь другого падежа. Вообще, для многих безличных болевых предикатов характерны вариативные модели управления: ср., например, *Vatsasta/Vatsaan ottaa* (желудок-ELAT/ILLAT болит) 'желудок болит', *Vatsaa/Vatsassa polttaa* (желудок-PART/INES жжет) 'желудок жжет'¹³. В некоторых случаях выбор модели управления обусловлен характером больной части тела. Например, при глаголе *vihloa* 'болеть' слово *vatsa* 'желудок' может стоять в форме партитива, инессива или элатива, между тем как слово *hammas* 'зуб' может стоять в форме партитива или иллатива. При глаголе *ottaa* 'болеть' слово *rinta* 'грудь' стоит в форме иллатива или элатива, между тем как *silmä* 'глаз' допускает только иллатив. Данные явления, несомненно, заслуживают дальнейшего исследования.

Позицию подлежащего больная часть тела занимает при именных предикатах со словом *kipeä* 'больной' и глаголе *kipeytyä* 'стать/становиться больным, заболеть, разболеться', а также при разговорно-жаргонном глаголе *kipuilla* 'болеть, испытывать боли'.

При многих болевых глаголах наряду с больной частью тела формы номинатива или того или иного косвенного падежа могут указывать на повреждение тела типа *haava* 'рана', *arpi* 'рубец', *ruhje* 'ушиб',

¹³ Ср. также окказиональное *Päässä jomottaa* (головава-INESS болит) вместо обычного *Päätä jomottaa* (головава-PART болит) 'голова болит'.

palovamma 'ожог', например *Haavaa särkee* (рана-PART болит). Так как повреждения локализируются в той или иной части тела, они опосредованно указывают и на часть тела. Обозначение больной части тела может сопровождаться уточнением места боли. Чаще всего уточнение делается на основе выделения части из целого или определения дейктических ориентиров, например *Oikea käsi on kipeä hartiasta kuynärpähän* (правый-NOM рука-NOM есть больной-NOM плечо-ELAT локоть-ILLAT) 'правая рука болит от плеча до локтя'.

К основным способам выражения **субъекта** относятся адессив и генитив, которые в финском языке используются, в частности, для выражения посессивного отношения в широком смысле слова. Форма адессива занимает позицию субъектного детерминанта, например *Äidillä särkee päätä* (мама-ADES болит голова-PART), а генитив – позицию несогласованного определения перед существительным, выражающим больную часть тела, например *Äidin päätä särkee* (мама-GEN голова-PART болит) 'у мамы болит голова'; ср. также употребление посессивного суффикса *Päätäni särkee* (голова-PART.POSS.1 болит) 'у меня болит голова'. Наряду с формой адессива при глаголах *koskea* и *sattua* субъект может быть выражен формой партитива (см. раздел 2.1.5 выше). Это же касается и глагола *pistää* 'колоть/кольнуть', например *Minulla/Minua pistää joskus rintaan/rinnasta* (я-ADES/PART колет иногда грудь-ILLAT/ELAT). Позицию подлежащего субъект занимает только при глаголах *kärsiä* 'страдать', *kitua* 'мучиться', каузативе *kipeyttää*, при глагольно-именных словосочетаниях типа *tuntea kipua* 'испытывать боль', а также разговорно-жаргонном глаголе *kipuilla* в одном из его двух употреблений.

В качестве способа выражения **каузирующего события** чаще всего используется обстоятельство, выражаемое, например, формой элатива или послелогами с причинным значением, например *Vatsa oli kipeä ylensyönnistä* (желудок-NOM был больной-NOM объедание-ELAT) 'желудок болел от объедания'. Опосредованный способ выражения каузирующего события представляет собой употребление форм, характерных для обстоятельства места, например *Kirkkaassa valossa silmiä alkoi särkeä* (яркий-INES свет-INES глаз-PL.PART начало болеть) 'при ярком свете глаза заболели'. Наряду с безличным употреблением глаголы *kolottaa*, *vihloa*, *koskea*, *ottaa*, *sattua*, *polttaa* (*korventaa*, *kärventää*), *kouraista*, *viiltää* (*viillellä*) и *pistää* (*pistellä*) имеют и личную модель управления, где позицию подлежащего занимает именная группа, обозначающая каузирующее событие. Нередко данная группа указывает на событие, которое, так сказать, актуализирует боль, которая в других условиях не дает о себе знать, например *Hiiren käyttö koskee ranteeseen* (мышь-GEN использование-NOM болит запястье-ILLAT) 'использование мыши вызывает боли в запястье'.

К одной категории с указанными глаголами можно отнести и сочетание *tehdä kipeää* с каузативным значением и подлежащим, выра-

жающим каузирующее событие с помощью существительного *poimen agendis*, например *Liikkuminen teki kipeää* (движение-НОМ делало большой-ПАРТ) 'было больно двигаться'. При сочетании *tehdä kipeää* большая часть обычно не выражается¹⁴. Каузирующее событие может занимать позицию подлежащего также при глаголе *kipeyttää* (*Ankara treeni kipeytti selän*, см. раздел 2.1.1).

3.1 Модели управления с безличными глаголами

Безличные болевые глаголы финского языка синтаксически делятся на два типа в зависимости от того, допускают ли они вообще личное употребление или нет. Схематически данные типы можно изобразить следующим образом (V=глагол; BP=часть тела; CAUS=каузирующее событие; PAIN=имя со значением боли; NP=именная группа):

1. V – BP <NP^{part}>
2. а) V – BP <NP^{part}> – V – BP <NP^{part/illat/elat}>
CAUS <NP^{nom}> – V – BP <NP^{part/illat/elat}>
- б) V – BP <NP^{nom}> – V – BP <NP^{ines}>
PAIN <NP^{nom}> – V – BP <NP^{ines}>

К первому типу относятся базовые болевые глаголы *särkeä*, *pakottaa*, *jomottaa* (*jomotella*) и *kivistää* (*kivistellä*), которые допускают только безличное употребление. Второй тип составляют глаголы, которые чаще всего используются как безличные глаголы, но которые допускают и личное употребление. На основе семантики подлежащего в личном варианте употребления эти глаголы делятся на два подтипа. К подтипу «а» относятся глаголы, при которых подлежащее выражает каузирующее событие. К этому типу относятся как базовые (напр. *kolottaa*, *vihloa*, *ottaa*, *sattua*, *koskea*), так и небазовые болевые глаголы (напр. *polttaa*, *viiltää*, *pistaa*, *kuristaa*, *kouraista*, *puristaa*). Подтип «б» составляют глаголы, при которых часть тела выражается формой инессива, а в личном употреблении позицию подлежащего занимает существительное со значением боли. Граница между подтипами «а» и «б» несколько размыта. В чистом виде подтип «б» представлен одним только глаголом *jyskyttää* 'стучать', однако некоторые глаголы подтипа «а» допускают и личную модель управления подтипа «б». Пример с глаголом *vihloa*: *Kipu vihloi kyljissäni, ja minun teki mieli huutaa* (боль-НОМ болела бок-PL.INES.POSS.1 и я-GEN хотелось кричать-INF) 'в боках резало, и мне хотелось закричать'. С другой стороны, некоторые глаголы подтипа «а» могут сочетаться с подлежащим, обозначающим боль, например *Ankara kipu kouristeli vatsaa* (жестокий-НОМ боль-НОМ сжимала желудок-ПАРТ). Наконец нужно отметить, что теоретически можно

¹⁴ Сочетание *tehdä kipeää* используется также в контекстах, в которых сообщается о наличии боли, а каузирующее событие, характер и локализация боли лишь подразумеваются, например *Kylläpä tekee kipeää* 'ой, как больно'.

ожидать, что все небазовые болевые глаголы должны допускать тот или другой вариант личного употребления. Так это на самом деле и есть, однако некоторые из них относительно редко употребляются в личной форме. Например, *jyskyttää* свободно сочетается с существительными типа *kipu*, между тем как для *takoa* личное употребление не характерно.

В безличных болевых конструкциях субъект чаще всего не выражается, а подразумевается по контексту. Для выражения субъекта можно использовать или субъектный детерминант в форме адессива, или показатели посессивного отношения, относящиеся к NP со значением части тела, то есть форму генитива и/или посессивный суффикс. Особый случаи представляют собой глаголы, при которых часть тела выражается формой иллатива или элатива (напр. *koskea*, *sattua*, *pistää*): при них субъект может занимать позицию прямого дополнения в форме партитива (*Minulla/Minua pistää joskus rintaan/rinnasta*, см. раздел 3 выше). Кроме того, глаголы *koskea* и *sattua* допускают вариант управления, SUB <NP_{illat}> – V, в которой большая часть не выражается и которая в целом выражает значение актуального болезненного состояния субъекта, например *Minuun sattuu/koskee* 'мне больно'.

3.2 Модели управления с личными глаголами

Болевых глаголов, употребляемых только в личной форме, в финском языке всего пять. Они имеют следующие модели управления:

1. SUB <NP_{nom}> – V
2. BP <NP_{nom}> – V
3. а) SUB <NP_{nom}> – V BP <NP_{acc}>
- б) CAUS <NP_{nom}> – V – BP <NP_{acc}>

При разговорно-жаргонном непереходном глаголе *kipuilla* 'болеть, испытывать боли' подлежащее может выражать как субъект, так и часть тела, следовательно, он может использоваться как в первой, так и второй модели. Инхоатив *kipeytyä* 'становиться стать больным, заболеть, разболеться' относится ко второй модели, между тем как его каузативный производный *kipeyttää* является единственным глаголом, используемым в переходных моделях 3а и 3б. Помимо *kipuilla* в первой модели используются глаголы *kitua* 'мучиться' и *kärsiä* 'страдать'. К последнему можно присоединять именную группу, обозначающую боль, например *kärsiä päänsärystä* 'страдать от головной боли', *kärsiä kovia tuskia* 'испытывать сильные муки'. В разговорно-бытовой речи во второй модели окказионально используется глагол *vihloa* 'болеть', например *Viisaudenhammas vihloo taas* (мудрость-GEN.зуб-НОМ болит опять) 'зуб мудрости опять заболел'.

3.3 Модели управления с болевыми предикатами-именами

Основные случаи употребления болевых предикатов-имен представлены следующими схемами (AP=адъективная группа в управляемой глаголом форме):

1. BP <NP_{nom}> – V – PAIN <AP>
2. CAUS <NP_{nom}> – V – PAIN <AP>
3. CAUS <NP_{nom}> – V – PAIN <NP_{part}>
4. SUB <NP_{nom}> – V – PAIN <NP_{part}> – BP <NP_{ines}>

Во всех этих моделях компонент V является неполнознаменательным глаголом. В первой модели это отвлеченная или синсемантическая связка (напр. *olla* 'быть', *tulla* 'становиться/стать', *tuntua* '(по)чувствоваться'). Во второй и третьей моделях используются глаголы с каузативным значением: в сочетании с прилагательным это чаще всего глагол *tehdä* '(с)делать', а в сочетании с существительным – глагол *aiheuttaa* 'причинять, вызывать'. В четвертой модели чаще всего используется переходный глагол *tuntea* '(по)чувствовать'. В отличие от второй и третьей модели в четвертой модели чаще всего присутствует указание на болящую часть тела.

В качестве особого случая болевых конструкций с предикатами-именами можно выделить бытовой тип. В бытовых предложениях инициальную позицию занимает локализатор, который в данном типе выражает часть тела, а «подлежащее» в большинстве случаев стоит в форме партитива. Помимо отвлеченной связки *olla* в данной модели можно использовать глаголы типа *tuntua* '(по)чувствоваться'):

5. BP <NP_{ines}> – V – PAIN <NP_{part}>

3.4 Примеры остальных моделей управления болевых предикатов

Приведенные в предыдущих разделах модели управления охватывают большинство конструкций, в которых болевой предикат входит в ассертивную часть высказывания. Наряду с ними существуют и другие конструкции, в которых болевой предикат в составе сказуемого приписывает субъекту ощущение боли. Приведем два примера таких конструкций:

1. SUB <NP_{nom}> – [[V – *itse*_{acc}] – *kipeä*_{transl}]
2. X <NP_{nom}> – [[V – BP <NP_{acc}>] – *kipeä*_{adv}]

В первой модели подлежащее выражает субъект, а сказуемое состоит из глагола, к которому относится прямое дополнение, выражаемое возвратным местоимением *itse* 'себя', и прилагательное *kipeä* в форме транслатива, например *Söin itseni kipeäksi* (есть-PST.sg1 себя-ACC. POSS.1 больной-TRANSL) 'я обжелся до того, что заболел'. Данная модель

представляет собой частный случай характерных для финского языка каузативно-результативных конструкций. Во второй модели болевой предикат выражено наречием *kipeästi* 'больно', подчиненным глаголу. Семантическая роль подлежащего зависит от лексического наполнения группы сказуемого. Ср. *Hän löi pikkumarpaansa kipeästi lipaston jalkaan* (он-NOM ударил мизинец-ACC.POSS.3 больной-ADV комод-GEN нога-ILLAT) 'он больно ушиб мизинец о ножку комода' и *Vauva potkii kipeästi alavatsaan* (младенец-NOM пинает.ногой больной-ADV низ.живот-ILLAT) 'младенец (в утробе) больно пинает ногой в низ живота'. В обоих примерах болевое ощущение вызвано действием, выраженным глаголом, и оно приписывается субъекту, который определяется через указание на часть тела. В первом примере субъект и референт подлежащего совпадают, во втором нет.

Литература

- Брицын В. М.* и др. 2009. Концепт боль в типологическом освещении // Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.
- Вахрос И., Щербачев А.* 1975. Финско-русский словарь // Москва: Русский язык.
- Майсак Т. А.* и др. 2007. Глаголы движения в воде: лексическая типология. Ред. Т. А. Майсак & Е. В. Рахилина. Москва: Индрик.
- Hakulinen A.* et al. 2004. Iso suomen kielioppi // Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Itkonen E.* et al. 1992. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3 // Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Коптјевскаја-Тамм М.* & E. V. Rakhilina 2006. Some like it hot: On the semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // Language Typology and Universals, Vol. 59, Issue 3. Pp. 253–269.
- Kuusinen M.* et al. 1997. Venäjä–suomi-suursanakirja // Juva: WSOY.
- Niemensivu H., Nikkilä E.* 2003. Suomi-venäjä sanakirja // Helsinki: WSOY.
- Sadeniemi M.* et al. 1996 [1967]. Nykysuomen sanakirja 1–6 // Juva: WSOY.

Н. Н. Колпакова (Санкт-Петербург)

Паронимы и паронимия (на материале венгерского языка)

Проблемы паронимии на материале венгерского языка рассматривались нами в ряде статей [Колпакова 2002: 10–12; 2003: 36–40] в процессе работы, предшествующей созданию *Учебного венгерско-русского словаря паронимов*, который был издан небольшим тиражом для практической работы с этим пластом лексики [Колпакова, Муковская 2007]. Теоретические разработки, на которые мы опирались при отборе паронимов, обобщены во введении к словарю. Накопленный в ходе создания этого лексикографического пособия опыт оказался весьма полезен для инвентаризации паронимов венгерского языка и описания их существенных характеристик, а также для практики преподавания соответствующих аспектов венгерского как иностранного. Мы считаем целесообразным предложить вниманию более широкого круга читателей основные положения применяемой нами концепции и некоторые данные об объеме и составе лексики, включенной в словарь.

Многолетние наблюдения за характером ошибок русскоязычной аудитории в процессе овладения венгерским языком как иностранным показывают, что причиной ошибок часто является созвучие или сходство графического облика лексем и словоформ с разным значением. Таким образом, актуальность осмысления и систематизации относящихся к этой сфере языковых единиц и создания словаря венгерских паронимов не вызывают сомнений, тем более, что, как показывает специальная литература, венгерских лингвистов интересует в основном культурно-речевой аспект этих явлений [Balogh 1988: 152–159].

Мы глубоко убеждены в том, что особенности системы каждого языка могут вносить свои коррективы в определение паронимов. Например, частеречная принадлежность многих венгерских лексем неоднозначна и актуализируется в предложении. Поэтому включение в паронимический ряд только слов, относящихся к одной части речи, подобно тому, как это делает большинство исследователей, занимающихся паронимами русского языка, для венгерского языка не подходит. Как мы это покажем далее, существенными могут быть и другие параметры. Нельзя признать удовлетворительными и определения паронимии и паронимов, предлагаемые венгерскими лингвистами, поскольку они не содержат целого ряда признаков, релевантных для тех, кто изучает венгерский язык в качестве иностранного.

Придерживаясь концепции широкого понимания сущности паронимии и паронимов, мы разделяем точку зрения исследователей, изучавших эти проблемы на материале английского языка [Крылова 1993: 272

Федотова 1994]. Основные положения трактовки паронимов и паронимии в венгерском языке, по нашему мнению, сводятся к следующему:

– паронимы – слова, имеющие сходное (но не одинаковое) звучание или сходную (но не одинаковую графическую форму), поэтому в речи (устной/письменной) или при восприятии текста (устного/письменного), ошибочно или намеренно, может происходить их смешение;

– лексические паронимы – явление, относящееся к языковой системе, и поэтому они, безусловно, могут быть представлены в словаре (ср. русск. *водный* и *водяной*, венг. *helység* 'населенный пункт' и *helyiség* 'помещение' и т. д.);

– синтаксические и грамматические паронимы (см. далее) в определенной степени также могут найти отражение в словаре;

– паронимия – актуализация отношений между паронимами, которая осуществляется в речи (ненамеренно, следствием чего является ошибка, или намеренно, например, если используется игра слов) или при восприятии речи;

– диапазон и состав единиц, относящихся к области паронимии, зависит от свойств каждого конкретного языка;

– объем словаря паронимов определяется точкой зрения его автора на проблему паронимии применительно к материалу конкретного языка;

– случайные созвучия типа русских *болван* и *болванка*, *труп* и *трупна* имеются, вероятно, в каждом языке и вызывают затруднения у иностранцев (В. И. Красных называет такие пары слов квазипаронимами и дает их небольшим списком в приложении к словарю [Красных 2003: 7, 588–589]); подобные явления венгерского языка, как нам кажется, заслуживают большего внимания и актуальны для практики лексикографического отражения.

Далее мы попытаемся определить круг единиц венгерского языка, которые могут вступать в отношения паронимии, а также причины смешения слов, составляющих паронимический ряд.

Лексические (или словарные) **паронимы**. Слова, составляющие этот пласт лексики, более или менее поддаются учету, поэтому исчисляемы и могут быть представлены в словаре. Естественно, что наиболее яркими случаями паронимии являются те, которые возникают между паронимами в их узком понимании (то есть между однокорневыми созвучными словами с нетождественным значением, относящимися к одной части речи). Паронимические ряды, включающие такие, характерные для данного языка компоненты, сходное звучание которых приводит к их ошибочному словоупотреблению в речи носителей языка (а тем более в речи иностранцев), фиксируются, прежде всего, в словарях паронимов. Отсюда следует вывод о том, что матери-

ал одноязычного словаря паронимов, безусловно, представляет собой ядро паронимической системы данного языка, но не является достаточным для тех, кто изучает этот язык как иностранный, так как за его пределами остаются многие актуальные для иноязычной аудитории явления. Анализ единиц, которые мы включили в корпус венгерских паронимов, показал, что паронимия становится областью порождения ошибок, часто несвойственных носителям данного языка. Поясним это на простых примерах. Для носителей венгерского языка не являются паронимами следующие пары слов, которые часто смешивают иностранцы: *megalapít* 'основать, создать, учредить' ~ *megállapít* 'установить, определить', *kor* 'эпоха, период, время, возраст' ~ *kór* 'болезнь', *álm* 'сон' ~ *állam* 'государство' и т. д. Сравним также слова *свинский* и *свиной*, не создающие препятствия для их правильного употребления в речи русских. Однако их созвучие иногда приводит к ошибке в речи иностранцев (между прочим, этой пары слов мы не найдем в словаре паронимов русского языка, хотя по основным параметрам они подходят под определение паронимов). Причины таких различий в составе словарных паронимов для носителя языка и для иноязычного пользователя словаря очевидны: недостаточное владение иностранным языком и, что особенно важно, возможное игнорирование определенных единиц звучания этого языка увеличивают число паронимов. Инициировать возникновение паронимических отношений между словами иностранного языка „помогают” те звуковые единицы, которые нерелевантны для родного языка (например, для русскоязычных краткость – долгота гласных в венгерском языке: *por* 'пыль, порошок' ~ *róg* 'мужик, крестьянин-бедняк'; *disz* 'дизель' ~ *dísz* 'украшение' и т. д.). Кроме того, как показал собранный нами венгерский материал, в паронимический ряд могут включаться разнокорневые слова, а также слова, относящиеся к разным частям речи (ср. *tőr* 'кинжал' – *tűr* 'терпеть'). Паронимические ряды составляют также компоненты, незначительно различающиеся фрагментами словообразовательной структуры, например, суффиксами (*történet* 'история, случай' ~ *történelem* 'история (всеобщая)', *okoz* 'причинять, вызывать' ~ *okol* 'винить', *íztelen* 'безвкусный, пресный' ~ *ízetlen* 'безвкусный, пошлый, грубый' и т. д.).

Морфологические (грамматические) **паронимы**. Эта группа, довольно многочисленная и разнообразная, может быть представлена паронимическими рядами, компонентами которых являются близкие по звучанию формы слов, вследствие чего может возникнуть их смешение, в основном, при восприятии устной и письменной речи (ср. *pihenek* 'я отдыхаю' ~ *pihennek* 'они отдыхают', *kara* 'его (ее) факультет' ~ *karja* 'его (ее) рука'; *sajtót* 'пресс (форма аккузатива); прессу, печать

(форма аккузатива)' ~ sajtot 'сыр (форма аккузатива)'; öve 'его/ее пояс' ~ övé 'его/ее (притяжательное местоимение)'; tejel 'дойтсья, давать молоко (основа глагола или форма 3-его лица единственного числа настоящего времени)' ~ tejjel 'молоком, с молоком' и т. д.). Система этих единиц „безразмерна“, она не имеет четких границ, поэтому ее представление в том или ином виде не может претендовать на полноту охвата материала. Однако, по нашему мнению, этот тип паронимических отношений заслуживает отдельного внимания. Перечень относящихся к этой группе венгерских паронимов в нашем словаре – результат многолетней работы, систематической фиксации ошибок тех, кто изучает венгерский язык как иностранный [Колтакова, Муковская 2007: 104–111]. Анализ этого весьма актуального также и для грамматических упражнений материала, безусловно, поможет избежать многих ошибок.

Синтаксические паронимы. Компоненты ряда синтаксических паронимов включают сложные слова и соответствующие словосочетания (betegápolónő 'медсестра' ~ beteg ápolónő 'больная медсестра'). Основанием для построения подобных паронимических рядов, на наш взгляд, является такой параметр как ударение. Некоторые исследователи признают у паронимов наличие одинакового ударения, другие считают паронимами слова, имеющие различие в ударении при звуковом тождестве (ср. англ. **a present** и **to present**). **На первый взгляд, в венгерском языке ничего заслуживающего внимания в этом отношении мы не найдем, поскольку ударение – фиксированное (на первом слоге).** Однако если сравнить некоторые сложные слова и соответствующие им по своему лексическому составу словосочетания (типа melegház 'теплица' ~ meleg ház 'теплый дом', szárazföld 'суша, материк, континент' ~ száraz föld 'сухая земля', nagybetű 'заглавная буква' ~ nagy betű 'большая (крупная) буква' и т. д.), то нетрудно заметить, что при кажущемся звуковом тождестве они различаются не только значением, но и ударением: сложное слово имеет одно ударение на первом слоге, а в соответствующем ему словосочетании ударение на первом слоге имеют оба компонента. Отличаются эти структуры и своим графическим обликом (слитное – раздельное написание), а также тем, что между компонентами словосочетания (при произношении) имеется пауза. Игнорирование таких различий провоцирует возникновение паронимических отношений между сложным словом и словосочетанием. Поэтому мы считаем возможным включение в словарь и паронимических рядов, в которых в качестве заглавного используется сложное слово, а в качестве его пары – соответствующее словосочетание.

Как мы уже упоминали, подход к изучению паронимии в плане преподавания иностранных языков имеет свои особенности. Существенную роль здесь играет уровень владения кодом изучаемого языка и вероятность игнорирования таких единиц звучания иностранного языка, которые несвойственны родному языку [Федотова 1994: 7–10, 18]. В двуязычном словаре паронимов, ориентированном на русскоязычного пользователя, для понимания различий между членами паронимического ряда достаточно (но не всегда!) давать их перевод на русский язык.

Широкое понимание паронимии позволило нам представить в словаре более полутора тысяч паронимических рядов. Причем, нами принимались во внимание различные условия, при которых может происходить смешение слов: процесс как порождения, так и восприятия устной или письменной речи. Как мы упоминали, паронимические отношения между единицами иностранного языка часто инициируют определенные фонетические закономерности этого языка, нерелевантные для родного языка тех, кто его изучает. Например, для русскоязычной аудитории, изучающей венгерский язык, типично игнорирование таких существенных для венгров фонетических особенностей, как долгота/краткость фонем, противопоставление звонких и глухих согласных в конце слова, степень подъема гласных и т. д. Взаимную замену слов порождают и некоторые характерные черты венгерской графики, например, использование надстрочных диакритических знаков для обозначения долготы и огубленности гласных фонем. Иными словами, смешение слов в иностранном языке (в данном случае, в венгерском) инициирует целый комплекс специфических причин, отличающихся от причин паронимического смешения в родном языке (в данном случае, в русском), и происходит в речи в различных условиях.

Поэтому необходимо выявить системно обусловленные закономерности взаимоотношений паронимов, что поможет избежать ошибок в употреблении этих слов. Собранный материал наглядно показывает, что типичные для русскоязычной аудитории причины порождения паронимических отношений между венгерскими словами возникают в процессе реализации определенных языковых единиц и позволяют выделить доминантный признак, который лежит в основе смешения компонентов паронимического ряда. Здесь мы имеем возможность продемонстрировать лишь основные причины взаимной замены слов (или слов и словосочетаний) в речи.

1. Игнорирование некоторых фонетико-графических особенностей венгерского языка:

а) различия по краткости/долготе (а в ряде случаев, и других артикуляционных характеристик) гласных в первом слоге (agy 'мозг' ~ ágy

'кровать'; rugós 'с пружиной, пружинный' ~ rúgós 'брыкливый (о лошади)'; rag 'окончание (падежное)' ~ rág 'жевать, грызть, кусать'; kap 'хряк, кабан' ~ káp 'хан'; ken 'мазать, намазывать' ~ kén 'сера' и т. д.);

б) различия по степени подъема гласных корня слова (kar '1.рука; 2.факультет' ~ kog 'эпоха, период'; kén 'сера' ~ kín 'мука, мучение'; szóg 'сыпать, посыпать' ~ szúr 'втыкать, накалывать, колотья'; tő 'корень' ~ tú 'игла' и т. д.);

в) различия между гласными не в первом слогe корня (moha 'мох' ~ mohó 'жадный, алчный'; kádár 'бондарь, бочар' ~ káder 'кадр (чаще употребляется во множественном числе)'; tarka 'пестрый' ~ tarkó 'затылок'; menta 'мята' ~ mente 'венгерка, ментик'; mágnás 'магнат' ~ mágnés 'магнит' и т. д.);

г) наличия/отсутствия конечного гласного или согласного корня (vén 'очень старый, дряхлый' ~ véna 'вена'; sut 'запечье; угол, закуток' ~ suta 'левый (о руке); неловкий, неуклюжий'; sóhaj 'вздых' ~ sóhajt 'вдыхать'; mint 'как' ~ minta 'образец; узор, орнамент'; zúz 'дробить' ~ zúza 'желудок (у птиц)' и т. д.);

д) различия по глухости/звонкости конечных согласных корня (rész 'часть' ~ réz 'медь'; mész 'известь' ~ méz 'мёд'; szász 'саксонский; саконец, саксонка' ~ száz 'сто, сотня'; olt '1. тушить, гасить; 2, прививать' ~ old 'растворять; развязывать'; ősz 'осень' ~ őz 'косуля' и т. д.);

е) различия по краткости/долготе между конечными согласными корня слов (lén 'лён' ~ lenn 'внизу'; lak 'обитель, жилище' ~ lakk 'лак'; lap 'лист, страница' ~ lapp 'саами, саамский, лопарский, лапландский'; var 'струп (на ране)' ~ varr 'шить'; tol 'двигать, толкать' ~ toll 'перо; ручка' и т. д.);

ж) как различия по мягкости/твёрдости между согласными перед гласными переднего ряда, так и различия по степени подъема гласных (nő 'женщина' ~ nyű 'червь'; nő 'расти' ~ nyű 'трепать (лён); трепать, изнашивать (одежду)' и т. д.).

2. Игнорирование различий между суффиксами, что приводит:

а) к смешению глагольных суффиксов (szaval 'декламировать; разглагольствовать' ~ szavaz 'голосовать'; számol 'считать' ~ számoz 'нумеровать'; tágít 'расширять; ослаблять, распускать' ~ tágul 'расширяться, растягиваться'; sejt 'подозревать, догадываться' ~ sejtet 'намекать, давать почувствовать'; elfogad 'принимать' ~ elfogat 'велеть задержать' и т. д.);

б) к смешению именных суффиксов (szellemes 'остроумный' ~ szellemi 'умственный, духовный; идейный'; egyhetes 'недельный, родившийся неделю назад, существующий неделю' ~ egyheti 'недельный, продолжавшийся неделю, рассчитанный на одну неделю'; egyko-

gi 'бывший, прежний' ~ egykorú 'одного возраста, ровесник'; péres 'густонаселенный, многолюдный' ~ népi 'народный'; női 'женский, дамский' ~ nőies 'женственный'; tapintás 'ощупывание; осязание' ~ tapintatos 'тактичный, деликатный'; színes 'цветной; красочный, живой' ~ színész 'артист, актер; притворщик' и т. д.);

в) к смешению именных и глагольных суффиксов (tisztás 'лужайка, поляна' ~ tisztáz 'переписать начисто; выяснить, внести ясность, уточнить'; szünet 'перерыв, пауза; перемена; каникулы' ~ szüntet 'прекращать, снимать (боль)'; színes 'цветной; красочный, живой' ~ színez 'подцвечивать, раскрашивать' и т. д.).

3. Игнорирование ударения и паузы и смешение сложных слов и соответствующих по компонентному составу словосочетаний:

а) нарицательных существительных и словосочетаний с нарицательными компонентами (kisember 'маленький человек (в противоположность сильному мира сего)' ~ kis ember 'маленький (некрупный, небольшой) человек'; szárazföld 'суша, материк' ~ száraz föld 'сухая земля'; nagybetű 'заглавная буква' ~ nagy betű 'большая (большого размера) буква'; melegágy 'парник' ~ meleg ágy 'теплая постель'; hidegkonyha 'холодные закуски; цех холодных закусок' ~ hideg konyha 'холодная кухня' и т. д.);

б) имен собственных и словосочетаний с нарицательными компонентами (Kismedve 'Малая Медведица' ~ kis medve 'маленький (небольшой) медведь'; Csendes-óceán 'Тихий океан' ~ csendes óceán 'тихий океан (штиль)'; Sziklás-hegység 'Скалистые горы – географическое название' ~ sziklás hegység 'скалистый горный массив' и т. д.) [Fábián, Földi, Hónyi 1998: 19, 27–30].

4. Смешение приставочных глаголов вследствие схожести приставок (elnéz 'долго смотреть; смотреть сквозь пальцы; проглядеть, не заметить и т. д.' ~ lenéz 'смотреть вниз; относиться с пренебрежением, презирать и т. д.>'; elír 'исписать (карандаш, бумагу); сделать опisku' ~ elbír 'предписывать, устанавливать; назначать'; belelér 'наступить, попасть ногой во что-то' – belér 'войти куда-то' и т. д.). Однако особый статус венгерской глагольной приставки, специфика ее функционирования и семантического взаимодействия с основой глагола, а также целый ряд смежных проблем не позволяют рассматривать паронимию в этой области в отрыве от общей теории приставки. Паронимические отношения лишь отчасти являются причиной взаимной замены однокорневых глаголов с различными приставками. Этот материал требует отдельной лингвометодической разработки и поэтому не включается нами в словарь паронимов.

5. Смешение слов на основе случайного сходства/созвучия, не обусловленного причинами, перечисленными выше (elárul 'предать, вы-

дать' ~ elárvul 'осиротеть'; nápolyi 'неаполитанский; неаполитанец, неаполитанка' ~ nappali 'дневной; гостиная'; torna 'хрен' ~ torna 'гимнастика, зарядка' и т. д.).

Перечисленные особенности и послужили критериями отбора паронимов венгерского языка для двуязычного словаря [Колтакова, Муковская 2007], в котором представлено около 3600 паронимов и более 1600 паронимических рядов, что превосходит словник самого большого словаря паронимов русского языка В. И. Красных (2600 паронимов и 1100 паронимических рядов) [Красных 2003: 11]. Кроме этого, как мы отмечали, в нашем словаре имеется раздел *Грамматические паронимы*, содержащий довольно многочисленные паронимические ряды, компоненты которых (около 300 единиц) не принято включать, в словари, поскольку они иллюстрируют смешение на уровне форм (katonái 'его солдаты' – katonai 'солдатский') [Колтакова, Муковская 2007: 104–111]. Мы показали, что и эти явления в определенной степени (их список, естественно, остается открытым) поддаются учету путем систематической фиксации и объединяют разнообразный и весьма полезный и поучительный материал.

Анализ причин смешения слов и словоформ на материале венгерского языка как иностранного, таким образом, свидетельствует о том, что в основе возникновения паронимических отношений (в широком понимании) на базе звукового или графического подобия чаще обнаруживаются системные закономерности, нежели случайности.

Литература

- Колтакова Н. Н. Проблемы паронимии (на материале венгерского языка) // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 11. Уралистика. СПб., 2002. С. 11–12.
- Колтакова Н. Н. Анализ и лексикографическое описание материала для словаря венгерских паронимов // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Выпуск 13. Уралистика. Ч. 1. СПб., 2003. С. 36–40.
- Колтакова Н. Н., Муковская Л. Ю. Учебный венгерско-русский словарь паронимов. СПб, 2007.
- Красных В. И. Толковый словарь паронимов русского языка. М., 2003.
- Крылова Н. В. Паронимия в современном английском языке: идиоэтнический и функциональный аспекты. Автореф. канд дисс. СПб., 1993.
- Федотова Л. Н. Паронимия в английском языке. Тверь, 1994. С. 7–10, 18.
- Balogh Dezső. A paronimák / A magyar nyelv rétegződése. Szerk. Kiss Jenő és Szűts László. Budapest, 1988. P. 152–159.
- Fábián Pál, Földi Ervin, Hőnyi Ede. A földrajzi nevek helyesírása. Budapest, 1998. P. 19, 27–30.

Раздел 3. Miscellanea

Ж. Ж. Варбот (Москва)

О двух потенциальных полонизмах в русском языке¹

Географическое положение Польши и России и исторические судьбы их народов определили многочисленность разновременных заимствований из польского языка в русский. Различная хронологическая приуроченность и конкретные условия заимствования обусловили различия в сферах бытования отдельных лексем и в степени их фонетического и структурного преобразования в процессе адаптации. Однако некоторые формальные признаки (наряду с семантикой) все-таки могут быть сигналами потенциальных полонизмов. На эти признаки и ориентированы предлагаемые ниже толкования двух русских слов. Некоторые предполагаемые источники зафиксированы только в кашубском диалекте, что не исключает в принципе их известность и распространение в польском языке. Следует считаться также с процессами не только фонетической, но и словообразовательной адаптации заимствований на русской почве.

фитюлька

Значение этого слова в литературном языке определяется как ‘маленькая вещичка, (перен.) о маленьком или ничтожном, незначительном человеке (пренебр.)’ [Шведова 2007: 1052]. Фасмер упомянул только диал. тамб. *фитюля* ‘размазня’ и счел его этимологически неясным [Фасмер 4:197]. То же признается и в современных этимологических комментариях в [Шведова 2007: 1052], лишь с указанием на возможность образования от *фита*, без упоминания о мотивации.

Звук *ф* и уничижительная коннотация свидетельствуют в пользу заимствованного происхождения слова, при этом известна многочисленность заимствований с начальным *ф* из польского языка (или че-

¹Статья подготовлена в рамках финансовой поддержки гранта РГНФ № 11-04-470 «Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ».

рез его посредство): см. *фабрика, фавор, факт, фальш, фанаберия* и др. Очевидно, имеет смысл обратиться к польскому языку и его диалектам.

Следы возможного источника рус. *фитюлька* обнаруживаются в кашубском диалекте: это кашуб. *f'itola* 'маленькая девочка дошкольного (подготовительного к школе) возраста', которое толкуется как производное от *f'ita* 'начинающий летать птенец, (перен.) девочка-подросток' ← 'гусенок', восходящего к *f'itac* 'пищать (о гусятах)' [SEK II: 144–145]. Уменьшительный суффикс *-ка* может быть как собственно русским приобретением в процессе усвоения, так и (что более вероятно) наследием лехитской формы: ср. парадигматически соотносительную структуру кашуб. *f'itelk* '(ласк.) гусенок' [SEK II: 145]

причиндалы

В русских говорах это слово известно с вариантным вокализмом корня: *причандал, причендал* (обычно мн.) 'предметы, являющиеся принадлежностью кого-, чего-л.; детали орудий труда, приспособления, инструменты' калуж., курск., брян., тамб., рост., яросл., влад., пенз. и др., 'мелкие личные вещи, детали одежды (иногда излишние украшения на ком-л.)' калуж., орл., дон., рост., сарат., пенз., курск., 'ненужные вещи, барахло' пенз., 'необычные (прямые) добавления в пищу (например, миндаль в тесто, цукаты в кашу)' орл., 'мудреные, замысловатые выражения, слова' сарат, 'церемонии, привилегии' олон., 'привередничество, капризы' пенз., том., 'помощник' свердл., новосиб., 'иждивенец, нахлебник, прихлебатель' ульян., свердл., новосиб., 'сообщник, прихвостень' ульян., свердл., новосиб., 'человек маленького роста' свердл. [СРНГ 32: 56–57]. В литературном языке употребляется только форма *причиндалы* (простореч., фам., шутол.) 'предметы, являющиеся принадлежностью кого-чего-н.' [Ушаков III: 879]. Соответствующие слова известны также белорусскому и украинскому языкам: блр. *прычындалы* (разг., шутол.) 'причиндалы' [Белор.-рус. 762], (шутол, пренебр.) 'различные приспособления, предметы какого-л. одного предназначения' [ЭСБМ 10: 172], укр. *причандали* (шутол.) 'предметы, вещи, предназначенные для чего-либо' [Сл. укр. мови 8: 94].

Единственное известное мне объяснение происхождения слова *причиндалы* предложено О. Н. Трубачевым в дополнениях к словарю Фасмера: слово толкуется как производное от *причина* с вставным *д* [Фасмер III: 369]. Это толкование принято и для белорусского слова [ЭСБМ 10: 172], а украинское признано авторами украинского этимологического словаря «не совсем ясным», хотя и приведена версия Трубачева [ЕСУМ 4: 583]. Сомнение представляется вполне обоснованным: и Фасмер, и Трубачев имели в виду только русское слово, но если русский диалектный безударный вокализм допускает изменение

предполагаемого версией Трубачева корневого *и* в *а* и *е* (тем более, что при этимологической непрозрачности слова можно сомневаться в надежности записей), то украинское *а* объяснить трудно. К тому же, неясно соотношение всех восточнославянских лексем: родство (какого времени?) или межъязыковое восточнославянское заимствование? Этот вопрос не поставлен ни в белорусском, ни в украинском этимологических словарях. Наконец, у прочих производных от *причина* не отмечено семантики приспособлений, орудий и под.

Направление поисков возможного источника рус. *причиндалы* определяется необычной звуковой последовательностью *нд* и некоторыми русскими диалектными формами. Фонетическая особенность может быть свидетельством заимствования из польского языка: *н* как рефлекс носового гласного: ср. полонизмы *панталык*, *выпендриваться* [ЭСБМ 2:274], *пентюх* [Варбот 1996: 58–61]. Вероятность этого подкрепляют русские диалектизмы. В уральских говорах зафиксирован производный от рассматриваемого существительного глагол *причандалить* в значении ‘привязать’: «У меня на ноге конек развязался, надо его причандалить» [СРНГ 32: 57]. Если учесть, что в производных нередко сохраняется первичная семантика производящих основ, то этот диалектизм существен для этимологизации существительного. Другой примечательный диалектизм – калуж. *приченжалы* / *причинжалы* мн. ‘причиндалы’ [СРНГ 32: 58, *приченжалье* и *причинжалье*, но, судя по контексту «У самопрядки много *приченжалов*: колесо, донце, погонялка, цевка, рогулька», следует внести конъектуру в реконструкцию морфем конца слова, как и предложено выше]. В этом слове примечателен звук *ж*, невозможный при версии вставного *д* (по приведенному выше толкованию от *причина*) и позволяющий усомниться в первичности звука *д* в форме слова. Сомнительно в данном случае и фонетическое происхождение вариантности *д/ж*. Опираясь на вероятность происхождения *н* как рефлекса польского носового гласного, *ж* как принадлежности первичной формы слова и значения ‘привязать’, считаю возможным предложить истолкование *причиндалы* / *причинжалы* как полонизмов, восходящих к глаголу *przyciągać* ‘притягивать, стягивать, присоединять, приближать, привлекать’ [Warsz V: 270–271] с вариантом *przyciężać* (контаминированным в польском языке с родственным *przyciężać* ‘утяжелить’). Существительное с суф. *-l-*, соответствующее восточнославянским, не фиксируется в словарях польского языка, но восточнославянские существительные могут быть результатом субстантивации причастия-прилагательного подобной структуры, которое является регулярным отглагольным образованием. Изменение *нг > нд* объясняется ассимиляцией по месту образования уже в восточносла-

вянских языках. Семантика различных приспособлений, принадлежностей может базироваться на исходном значении польского глагола при мотивации производных ‘привязывающее (что-л. к чему-л.)’ и ‘привязанное (к чему-л.), связанное (с чем-л.)’, ср. польск. *przyciąg* ‘сердечник, болт для стяжки, притягивания в строительстве’, *przyciągacz* ‘стяжка, орудие для притягивания’ [*Warsz V*: 270].

Для полонизма, представленного во всех восточнославянских языках, наиболее логично предполагать распространение на восточнославянской территории путем межъязыковых заимствований с запада на восток, особенно при широком употреблении полонизма в белорусских говорах [ЭСБМ 10: 172], однако фиксация вариантов *приченжалы* / *причинжалы* только в говорах русского языка позволяет предполагать если не множественность процесса заимствования, то, по крайней мере, его воспроизведение в условиях непосредственного общения с носителями польского языка.

Литература

- Белор.-рус. сл. – Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.
Варбот Ж. Ж. 1996. О происхождении слова пентюх // Словарь. Грамматика. Текст. Отв. ред. Ю. В. Караулов. М., 1996, 58–61.
ЭСУМ – Этимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко и др. Т. 1–5. Київ, 1982–2006.
Сл. укр. мови – Словник української мови / Гол. ред. І. К. Білодід. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–42). Вып. 1–42. Л. = СПб., 1966–2010.
Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935.
Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 2007.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (Т. 1–8), Г. А. Цыхун (Т. 9–13). Т. 1–13. Мінск, 1978–2010.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–36). Вып. 1–36. М., 1974–2010.
SEK – *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Т. I–VI. Warszawa, 1994–2010.
Warsz. – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. I–VIII. Warszawa, 1952 (wydanie fotooffset.).

С. П. Виноградова (Москва)

Что «читал» Заратуштра?

Посвящается Ариадне Ивановне Кузнецовой

Заратуштра «читал» Ригведу. Этот древнеиндийский памятник Т. Я. Елизаренкова относит к концу 2-го – началу 1-го тысячелетия до н. э. [Елизаренкова 1993: 3].

Во всяком случае, Заратуштра был хорошо знаком с гимнами, посвященными Индре. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить два текста на двух разных языках, авестийском диалекте Гат Заратуштры и древнеиндийском ведическом: Ясна 44 и Гимн Индре (II, 12). Они доступны всем сегодня в удивительных переводах И. М. Стеблин-Каменского [2009] и Т. Я. Елизаренковой [1972].

В этом не было бы ничего удивительного, ведь это можно было бы объяснять былой индоиранской общностью. Именно Ясн 44 привлекает В. Н. Топоров для сравнения с текстом из Атхарваведы (X, 2), выделяя их в класс общих «тетических», или «*ка- и *dhā- текстов», восстанавливая на их основании «схему общего индо-иранского текста и ее рамок» и реконструируя исходный «прототекст» [Топоров 1986: 138, 145]. В центре его фокуса общее формальное и общее содержательное этих текстов.

Однако именно различия в плане содержания привлекают сейчас наше внимание. На общие для обеих традиций вопросы космологического содержания, на метафизическое вопрошание Заратуштра дает свои, совершенно новые ответы. Точнее, его ответы облечены в форму риторических вопросов. В гимне Индре на все эти вопросы (вед. «Кто укрепил...землю, ...кто успокоил качающиеся горы, кто дальше измерил воздушное пространство...» и т. д. [Елизаренкова 1972: 115 и сл.]) ответом является «он, о люди, Индра!» [*там же*]; точнее, если следовать букве вед. текста, то ответ вложен в клишированную форму «Который ...укрепил /успокоил, измерил, поддержал и т. п./, он, о люди, – Индра!». В Ясне 44 в Гагах на вопросы того же содержания: «кто и Солнцу и звездам создал пути? Кем же месяц растет – убывает?...Кто же держит землю внизу и небо от паденья?» и т. д. [Стеблин-Каменский 2009: 99 и сл.] – ответ подразумевается другой: «Ты, Ахура-Мазда!».

Свои вопросы Заратуштра предваряет повторяющейся «стандартной формулой», общность которой для обеих традиций также была отмечена В. Н. Топоровым [*там же* 139]: «тогда (после этого, сообразно этому и т. п.) тебя спрашиваю я, истинно (верно, честно и т. п.) скажи мне» [*там же* 139]. Или по тексту Ясны 44: «Тебя спрошу: прямо скажи, Ахура!». У Заратуштры ответ интегрирован в саму обрамляю-

щую вопрос формулу, а также резонирует в тексте местоимениями 2-го лица ед. числа в уточняющих вопросах, типа «Кем же месяц растет – убывает, Тобой?» [Стеблин-Каменский 2009: 99]. Иллокутивная сила данного текста, риторический характер вопросов у Заратуштры нашли выражение также и в том, что он называет здесь себя ‘ведающим (знающим)’, *vidvā* (У.44. 19). С одной стороны, этот эпитет указывает на то, что не только верховное божество Ахура-Мазда (как, напр., в вед. гимнах, и в самой Авесте, где этот эпитет выступает как дифференциальный признак верховного божества) знает ответ, но ответ знает, кроме него, и Заратуштра. С другой стороны, этот эпитет, ‘знающий’, служит своего рода резонансным откликом на вед. ‘незнающий’, *ávidvā*. (Как отмечено у В. Н. Топорова, в тексте из Атхарваеды это является своего рода мотивацией для вопросов [там же 140]).

Все, что было сказано до сих пор, все это общее и эти различия, переплетение, если так можно сказать, контрапунктическое сочетание старых и новых мелодий у Заратуштры, еще отнюдь не свидетельствует о том, что он «читал» древнеиндийскую Ригведу. Все это свидетельствует об общности мифопоэтической традиции, о хорошем знании и владении Заратуштрой общим фондом знаний, общей культурной памятью. Кроме того, все это свидетельствует о своего рода отторжении, неприятии и, вернее, своеобразном метаморфизме старого, преломленного в сознании Заратуштры в новое (а именно он общепризнан как родоначальник новой, боговдохновенной религии). Но уже одно это может служить относительным хронологическим, временным репером.

Возвращаясь к нашей уверенности в том, что Заратуштра «читал» (конечно, здесь имеется в виду знал) гимны, посвященные Индре, «богу грома, молнии и военной силы» [Елизаренкова 1972: 46], процитируем здесь соответствующий стих из Гимна Индре (II, 12: 8 [Елизаренкова 1972: 46]):

Кого призывают два сошедшихся войска:
По эту и по ту сторону, взаимные недруги –
Даже те двое, которые взобрались на одну и ту же колесницу,
Порознь призывают – он, о люди, Индра!

В ведийском гимне «взаимные недруги» призывают на помощь одного и того же бога и обе стороны рассчитывают на его поддержку. Ведь ведийские боги отличаются друг от друга, прежде всего, по своим функциям. Теперь процитируем стих из авестийского гимна, в котором Заратуштра перефразирует вышеприведенный, известный нам по Ригведе стих (см. [Стеблин-Каменский 2009: 106]):

Если меня/Истиной защитить властен,
Когда вместе /эти два войска сойдутся,

То по своим / велям, что установишь,
Кому из двух / даруешь, о Мазда, победу?

Ответ на этот риторический вопрос подразумевается однозначный. Победа будет дарована праведным, 'приверженцам Истины (*Аша*, *Арта*, ср., др.-инд. *рта*- космический закон, истина и т. д.)'. А неправедные 'приверженцы Лжи (*Драуга*)' будут низвергнуты в ад, в Дом Лжи. У Заратуштры «эти два войска», которые сойдутся (ср. «эти два сошедшиеся войска...», взаимные недруги» в Гимне Индре) и чью победу будет определять Ахура-Мазда (Ясна 44), характеризуют уже другую, совершенно новую модель мира.

Сам же парадоксальный параллелизм рассматриваемых текстов свидетельствует, как представляется, о том, что Заратуштре был знаком именно этот стих из гимна Индре. Это наблюдение позволяет установить верхнюю предельную дату жизни Заратуштры на относительной временной шкале (учитывая, что Т. Я. Елизаренкова, как уже было отмечено выше, датировала Ригведу концом 2-го – началом 1-го тысячелетия до н. э. и что на «переваривание» общего наследия и «отторжение» его тоже должно было уйти какое-то время).

Примечание. И. М. Стеблин-Каменский пишет по поводу Заратуштры, что «Время и место его деятельности осторожнее всего было бы наметить так: рубеж 2-го и 1-го тыс. до н. э., предгорные области Центральной Азии в самом широком понимании...» [*там же* 20].

Литература

- Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Избранные гимны. М., 1972.
Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.
Стеблин-Каменский И. М. Гаты Заратуштры. СПб., 2009.
Топоров В. Н. Indo-Iranica: К связи грамматического и мифо-ритуального.// Переднеазиатский сборник IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М., 1986.

Образы деторождения и детства в языке и фольклоре народов Сибири: несколько наблюдений

В настоящей статье¹ идет речь о языковых и фольклорных данных, к которым автор ранее уже обращался в своих публикациях (здесь достаточно указать [Аникин 2000]). Однако в рамках предлагаемой здесь общей темы они ранее не объединялись и/или рассматривались в ином ракурсе. Материал привлекается из языков обитателей Северо-Востока Азии – русских старожилов Колымы, Индигирки (в частности, русскоустыинцев – жителей села Русское Устье в низовьях Индигирки) и других мест Сибири, якутов, юкагиров, эвенков и чукчей. Русские старожилы, особенно колымчане (в несколько меньшей степени индигирщики), тесно контактировали и смешивались с соседями, живя в условиях интенсивной языковой интерференции. Ниже выявляются некоторые общие для указанных языков элементы лексики и фразеологии, связанные с деторождением и жизнью детей (детенышей). Любовь к маленьким детям традиционно составляла самую светлую сторону жизни многих народов Сибири.

1. Якут. *окко тус-*.

У русскоустыинцев засвидетельствован фразеологизм *на травушку упасть* 'родиться' [Чикачев 1990: 153]. Также в фольклоре: в русскоустыинской сказке «Антиуха», восходящей к старорусской повести XVII в. об Аполлоне Тирском [ФРУ: 308], рождение дочери героя описывается с помощью аналогичного оборота речи едва ли старорусского происхождения: «... *немножко пожили. Жена стала интересном положении. Дни, часы исполнились – родилась дочь. Жяли окупали, окрестили, по имени дали Филипушта. Как на траву упала, так и по комнате швет стал от ея красоты*» [ФРУ: 96]. Этот фразеологизм представлен в «Сказке про Илью Муровца», записанной Ю. И. Смирновым в селе Федоровское на Русской протоке (отсюда и название села Русское Устье) Индигирки – западном рукаве ее дельты: «*Жили-жили. Об одну пору жена стала в интересном положении. Месяцы исполнились: ро-*

¹ Используются следующие сокращения в названиях языков и диалектов: арханг. – архангельский; бурЗ – западнобурятский; вят. – вятский; забайк. – забайкальский; колым. – колымский; коряк. – корякский; маньчж. – маньчжурский; н.-индиг. – нижнеиндигирский; ПАлт. – праалтайский; польск. – польский; ПТМ – пратунгусо-маньчжурский; ПЧК – прачукотско-корякский; рус. – русский; сибир. – сибирский; ст.-польск. – старопольский; тунг. – тунгусский; юкагЛ – лесной (верхнеколымский) юкагирский; юкагТ – тундренный юкагирский; чукот. – чукотский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский; эвенкЗ – западноэвенкийский; эск. – эскимосский; якут. – якутский. Прочие сокращения: диал. – диалектный; ст. – стих; фольк. – фольклорный.

дился сын. Как на траву упал, громы загремели, молнии засверкали, жемле стало трясение» [РЭП: 296, 422].

В романе «Союз молодых» В. Г. Богораза (Тан-Богораза), насыщенном, как и другие художественные произведения этого ученого, этнографическими деталями, есть свидетельство существования аналогичного оборота в колымско-русском диалекте (с середины XX в. исчезнувшем). Речь идет об описании появления на свет героини произведения: «*Дука родилась на рыбацкой заимке Веселой, в избушке, заметенной снегом, перед деревянным очагом, обмазанным серою глиной. Ярко пылали стволы «плавника», и оконная льдина голубела и плакала прозрачными слезами. Вместо холщовых простынь красное тельце малютки, по местному обычаю, упало на «родильную травку», и русская шаманка Анисья Однобокая обтерла его пучком «гузино сена», вынесла за двери и окунула в режущий белый сугроб»* [Богораз 1928: 6].

Несомненно, что русский колымско-индигирский фразеологизм *упасть на трав(к)у* возник под влиянием якут. *окко тус-* ‘родиться, появиться на свет’, букв. ‘упасть на траву/сено’ (*окко* < *от-ко*, где *от* ‘траву, сено’, *тус-* ‘упасть’) [Пекарский: 2918]. *Гузино сено*, возможно, то же, что *гузина трава* ‘особый вид хвоща, составляющий любимую пищу гусей, а также коней, коров и даже медведей’ колым. [СРНГ 7: 244] – предположительно калька с якут. *хаас асылыга* ‘род хвоща, любимый гусями’, ср. *хаас* ‘гусь’, *асылык* ‘пища’ [Пекарский: 178]. Якутским влиянием обусловлено и указание на громы и молнии при рождении ребенка – эти атмосферные явления (также дождь, ветер и др.) обычно предваряют в олонхо появление богатыря.

Якут. *окко тус-* легко объясняется при обращении к следующим хорошо известным реалиям из дореволюционной жизни якутов. В описании И. А. Худякова (касающемся северных, верхоянских якутов): «При приближении родов в земляной (деревянного не бывает) пол юрты вколачивают два кола: якутки рожают стоя (выделено И. А. Худяковым – А. А.) на коленях так, чтобы вколоченные два кола поддерживали беременную за подмышки. Около кольев под колени настилают мягкой хорошей травы. Якутское слово “села” (*олорбут*) равносильно слову “родила”» [Худяков 1969: 183; Гоголев 1983: 67]. Сходные свидетельства отыскиваются в недавно опубликованных записях акад. Г. Ф. Миллера, сделанных в 1736–1737 гг. в Якутске и касающихся, видимо, южных якутов: «Когда у якутов у роженицы начинаются схватки, об этом сразу же оповещается вся округа, чтобы у роженицы собрались все мужчины и женщины из числа друзей и знакомых... Роженица ложится животом на горизонтальную жердь, которая закреплена на двух палках на высоте в аршин от земли, а перед ней повешено одеяло и повивальная бабка принимает ребенка за одеялом» [Миллер 2009: 390; Mueller 2003: 107]. Подобный способ деторождения известен не только якутам. Снова обратимся к свидетельствам Миллера. Несколько примеров: «Женщина

у татар-язычников рожают на корточках в жилой юрте... подкладывают шкуру, которую покрывают сеном или соломой. [Ребенок] падает на сено или солому, как и послед...»; «Камасинская женщина рождает стоя на коленях, упираясь руками в землю»; [у мангазейских самоедов] «... роженица рождает на коленях, упираясь руками в землю, так что тело принимает почти горизонтальное положение» [Миллер 2009: 392–393]. На коленях рожали телеутки; под колени подстилали кошму или оленью шкуру [Гоголев 1983: 67].

Выражение «упасть на траву» обычно в якутском фольклоре. В олонхо «Могучий Эр Соготох» [ЯГЭ: 90–91]² старуха Сабыйа Баай Хотун обретает долгожданное счастье иметь ребенка (ст. 290: *день пришел – пузо ее отвисло*); это счастье разделяет ее муж (ст. 292–294: *На исходе долгой жизни <...> ребенка, видно, я заимею*). Чувствуя начало родовых схваток, жена обращается к мужу (ст. 304–310):

Дьэ-һэ-һэ!
Айакалаах-дьойокобун,
Амырыын да буолар эбит.
Доборум, Сир Сабыйа Баай Тойон озоньорум,
Отто киллэрэн
Оттоох оронгор олордуоххун
Төһөлөөх буолуобай, добор.
Дьэ-хэ-хэ,
Ой ты, боль моя, ой, страдание мое,
Как это ужасно, оказывается!
Друг мой, Сир Сабыйа Баай Тойон-старик,
Сена внести,
Да на подстилку из сена меня усадить
Надо бы, друг мой.

Еще одним примером использования оборота *окко түс-* в фольклоре может служить отрывок из олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» [СКК: 132, 401, 596]. Боровшаяся со строптивым героем шаманка рассказывает ему о своем появлении на свет (ст. 5263–5265):

Икки салаалаах тоһоҕо төрдүгэр,
Тоҕус салаалаах локуора күөх окко
Уу дьулайбынан лос гына түһэммин.
Упала, стукнувшись теменем,
На зеленую траву о девяти стеблях,
У основания двух кольев с развилками.

Примерно теми же словами описывается появление на свет самого героя ([СКК: 337], ст. 2340–2342); сходно в словаре Э. К. Пекарского: *локуора күөх окко уу дьулайбынан лос кына түстүм* ‘хлопнулся я самым теменем на зеленую локуора-траву’ [Пекарский: 1476]. В том

² Автору этих строк посчастливилось присутствовать при записи цитируемого ниже варианта олонхо в исполнении В. О. Каратаева (июнь 1986 г., Вилюйск).

же словаре цитируется поговорка: *сиргэ түспүт сэриэбийдээх, окко түспүт онорулаах* ‘получивший жребий и назначение при самом падении на землю (*сиргэ*) и сено (*окко*)’ = ‘такова уж его участь (жребий), предопределение’ [Лекарский: 2918].

По преданию, знаменитый якутский разбойник Манчаары получил свое имя-прозвище (якут. *манчаары* ‘осока’) потому, что при своем рождении *үс кырылаах манчаары окко түстэ* ‘упал (родился) на траву-осоку с тремя гранями’ [ПМЛС: 138–141].

Фактическим переводом на эвенкийский с якутского олонхо является описание рождения богатыря в восточноэвенкийском эпосе о Дэвэлчэне в исполнении Н. Г. Трофимова ([ЭГС: 339–341]; ст. 2428–2432):

Кууѣкѣн <...>
Чутурин солко чѣкава
Гиркэнэдүтын дьлвѣ хорбѣдин
Лис дѣикнакнан тыктэн...
Ребенок <...>
На подстилку из шелковой зеленой травы
Прямо темечком упав,
Громко стукнувшись головой...

Описанный выше способ деторождения был не чужд и эвенкийкам (см. комментарии А. Н. Мыреевой в [ЭГС: 383]).

То, что этот способ в дореволюционное время был усвоен русскими роженицами на Индигирке и Колыме, подтверждается также колымским выражением *с травочке взясти*, который переключается с фразеологизмом *упасть на трав(к)у* и обозначает обычай, когда ребенка забирают на воспитание со дня рождения, ибо «... ребенок родится на траву, подосланную под родильницу» [Богораз 1901: 155]. Несмотря на отсутствие данных о юкагирских и ламутских аналогах якут. *окко түс-*, существование таких аналогов вполне допустимо.

Нетрудно заметить чисто внешний характер сходства рассматриваемых выражений и ряда восточнославянских формул появления детей на свет (*нашли в капусте, траве* и т. п. [Виноградова 2000: 353 и др.]), о которых автору напомнила Е. Л. Березович.

2. Якут. *пруошка тарт-*.

В этимологическом словаре М. Фасмера рассматриваются два омонима *пруошка*: 1. ‘нюхательный табак (обычно тертый, молотый, измельченный в порошок)’ арханг., вят., сибир.; 2. ‘membrum virile, мужской член’ колым., сибир. [СРНГ 33: 50]. Первый выводится из **пручъха* от *чихать*, второй из **пручъка* от *прочнуть* ‘проткнуть’, при этом допускается влияние имени Прошка от Прохор [Фасмер 3: 387].

Оба объяснения сильно обесцениваются тем, что апеллируют к незасвидетельствованной лексике. Кроме того, второе не учитывает важного нюанса семантики слова. Колымское слово обозначает половой

орган мальчика, ребенка (*membrum puerile, non virile!*) – т. е. то, что в разговорном русском может называться *нися, ниська* (ребенка) и что еще не пригодно для того «протыкания», которое, видимо, имел в виду М. Фасмер. Для сравнения: колымское *пырка* ‘penis’, по-видимому, и в самом деле от глагола *пырять* ([Фасмер 3: 420]; ср. колымскую загадку с эротическими ассоциациями: *гораченька пырочка, студененька дырочка* = «ключ и замок зимой» [Богораз 1901: 331]) и/или от *пырить, рас-то-пырить, то-пыриться*.

Что касается первого омонима, то Фасмеру явно не был доступным опубликованный в 1931 г. «Тунгусский сборник», где В. Г. Богораз [1931: 101], приводя усвоенное от русских колымско-омолонское эвенское слово, записанное им как *прóшка* ‘нюхательный табак’ (*bi прóшкаром* ‘я табак нюхаю’), наметил правильные этимологические связи рус. *прóшка*, а именно, со словом *порошóк*. Много позднее данные связи были уточнены Е. А. Хелимским [2000: 357]: рус. *прóшка* ‘порошкообразный нюхательный табак’ – из польск. *proszek* ‘порошок’, родственного рус. *порошóк*.

Некоторые этнографические реалии позволяют дать правильное объяснение и для *прóшка* как названия части тела. Русские колымчане, среди которых на рубеже XIX–XX вв. жил В. Г. Богораз, в той или иной степени усвоили от якутов обыкновение нюхать не только табак, но половой орган мальчиков. Известно якут. *сыччыый, сыччыыр* ‘нюхательный табак’, ‘детский половой член’ [Пекарский: 2508]. Слово *сыччыыйым* в переносном значении может значить ‘миленький мой!’ [Там же] по принципу *pars pro toto*.

Полонизм *прóшка* ‘нюхательный табак’, занесенный в Сибирь, где получил широкое распространение, с северно-русских земель, был заимствован в якутский язык в виде *пруошка, боруошка* ‘то же’ ([Пекарский: 1999]; ср. также эвенк. порошка, упомянутое эвен. *ргóшка* ‘то же’ и т. п. [Аникин 2003: 489]); в якутском развилось новое значение: *пруошка* ‘детский половой орган’ [Пекарский: 1999].

Севернорусско-сибирское выражение *тянуть прошку* ‘нюхать табак’ перешло в якутский язык в виде полукальки *пруошка тарт-* ‘то же’ (*тарт-* ‘тянуть, курить, нюхать табак’), от которого развилось *пруошка тарт-* ‘нюхать половой орган мальчика’; последнее, в свою очередь, было скалькировано в русско-колымском как *тянуть прошку* ‘то же’. Двусмысленность колымского выражения давала индигиришкам повод для подшучивания над колымчанами: *а что, прошку-то небось тянешь?*

3. ЮкагТ мархиньдуо

‘внебрачный ребенок’ значит буквально ‘девушкин ребенок’ (*мархиль* ‘девушка’, -д- вставной согласный, *уо* ‘ребенок, дитя’), и уже по этому толкованию видно совпадение с рус. *дэвичий (дэвий) сын* ‘незаконный сын девушки’ колым. [*Богораз* 1901: 43], *дэвыи (дэвкины) дети* мн., *дэвий* ‘внебрачный ребенок’ н.-индиг, забайк. [СРНГ 7: 317; *Чикачев* 1990: 145]. Распространение русского слова и наличие славянских параллелей вроде ст.-польск. *syn dziewiczy* ‘Христос’ [SP 3: 183] делает несомненным направление влияния: в юкагирском калька с рус. Во времена Богоразы и Иохельсона в юкагирских и русских селениях крайней Северо-Востока Сибири имела место большая свобода половых связей [*Иохельсон* 2005: 114 и др.]. Из лексики, относящейся к этой сфере жизни, уместно отметить рус. *дугудушка* ‘любовница (о женщине)’ н.-индиг. [КСРГС], которое Е. А. Хелимский (устно, 1991 г.) предложил сравнивать с эвен. *дудгун* ‘пара, чета’ и под. [ТМС 1: 219]. Он не преминул при этом поиронизировать над несколько неуклюжим толкованием русского слова, поинтересовавшись: «А как будет ‘любовница (о мужчине)’»? Рус. *находка* ‘внебрачный ребенок’ н.-индиг. [СРНГ 20: 268], возможно, стало образцом для якут. *булумдью* ‘то же’ (ср. *булун-* ‘находить для себя’), откуда эвенк. *булумжу* [ТМС 1: 109].

4. Якут. каака, каакый

‘все дурное, гадкое (в разговоре с детьми)’ [*Пекарский*: 995], судя по долготу в первом слоге и начальному к-, является заимствованием из рус. *ка́ка, ка́кай* (императив от *ка́кать*), исконных ономапопейческих выражений «детского языка» [*Фасмер* 2: 162; ЭССЯ 9: 117]. Из русского, возможно, и якут. *хааха* ‘первородный кал’ [*Пекарский*: 3414], а также (через якут.?) юкагТ *хаахаа* ‘испражнения, кал’, *хаахаа-* ‘испражняться (о детях)’ [*Курилов* 2001: 496], хотя для форм на х- нельзя исключить возникновения соответственно на якутской и юкагирской почве. При некоторой неясности маньж. (< ? рус.) *ѵаѵа* ‘детские экскременты’ его сопоставление с эвенк. *кака* ‘лобок’ [ТМС 1: 363] очень сомнительно.

Ср. рус. *ка́кина кишка* ‘прямая кишка’ (фольк.: *его какина кишка растянулась до шестка*) колым. [*Богораз* 1901: 63].

5. Якут. аара

‘детские штанишки с разрезом сзади’ в усть-янском говоре [*Коркина* 1992: 247; ДСЯЯ: 38], несомненно, то же слово, что эвен. *аара* ‘лоскут шкуры, закрывающий задний вырез’ [*Лебедева* 1982: 143; *Данилова* 1991: 40, 89], юкагТ *аарэ* ‘подгузник из кожи, куда кладется высушенный мох’ [*Курилов* 2001: 20], юкагЛ *арэ* ‘клапан с мхом на детском комбинезоне’ [*Жукова* 1996: 109].

И. А. Николаева характеризует отношения указанных слов как неясные («The direction of borrowing is unclear» [Nikolayeva 2006: 112]), но «палеоазиатский» характер реалии (ср. ниже чукотскую аналогию) и география (в частности, для якутского – наличие только в усть-янском говоре) все-таки позволяют думать о юкагирском как языке-источнике: тогда юкаг. > эвен. > якут. (или: юкаг. > эвен.; юкаг. > якут.).

Можно думать, что детский подгузник у юкагиров (арктический «памперс») – результат юкагирско-чукотского культурного взаимодействия. Но в чукотском представлено иное название той же реалии – *такьн* ‘клапан детской одежды’ [Богораз 1937: 90], из ПЧК **така-н* [Мудрак 2000: 186]. Из чукотского происходят колымско-русское *мака* ‘клапан, пришиваемый к детской одежде сзади и открывающийся так, чтобы ребенка было удобнее очищать не раздевая (вместо пеленок или белья под *маку* подкладывается слой оленьей шерсти, перемешанной со мхом, который каждый раз возобновляется)’ [Богораз 1901: 78] и эск. *мака́* ‘вкладка к детскому комбинезону’ [Рубцова 1954: 510]. Согласно В. Г. Богоразу, «*мака*, ее имя и употребление одинаковы у всех племен Колымского округа, например, у чукоч, русских, ламутов» [Богораз 1901: 78]. Однако в источниках по эвенской лексике слово типа чук. *такьн* как будто не засвидетельствовано – возможно, именно потому, что оно было вытеснено словом *аара*.

Заслуживает внимания параллелизм фразеологии, связанной с указанными названиями подгузника. «У детей, которые уже начали ходить, *мака* пропускается узким концом между ног и привязывается к поясу. Конечно, ребяташки часто ходят с развязанной *макой*, которая волочится сзади» – поэтому о детях от трех до пяти лет русские и чукчи говорят, что они *маку волочат* [Богораз 1901: 78–79; Богораз 1900: 162]. Чукотское выражение *makarkʰtelátʰrkʰn*, букв. ‘маку волочит’, относится к катящемуся по краю горизонта, «малорослому» солнцу³; ср. чукот. *makalʰn* ‘ребенок дошкольного возраста’, букв. ‘имеющий маку’ [Богораз 1937: 90]. По сообщению А. А. Мальцевой, у анапкинских коряков ею записано имя собственное *Макильнуткыляльат*, букв. ‘волочащий завязки подгузника’ (*мак*- ‘мака’), принадлежащее младшему сыну Куткыннюку (центрального персонажа вороньего цикла).

ЮкагТ *аарэ тудиэ*- ‘волочить подгузник (о маленьких детях)’ может применяться и неодобрительно, в отношении юношей, слишком рано начавших помогать женского пола (ср. рус. *сопляк*): *Эйуокэн йобудиэндьэ сиигэстэнг, аарэ тудиэрэн өлкиэнульдьэрукун мотинэн көнмэри* ‘До недавнего времени пускавший соплю, бегавший волоча подгузник, уже женился’ [Курилов 2001: 20]. В языке верхнеколымских юкагиров отмечено такое же явление [Жукова 1996: 109]. Ср. свидетельство В. Иохельсона: «Помню случай, когда старик на Ясачной вы-

³Ср. образ новорожденного, меж розовых пеленок солнца в трагедии И. Анненского «Царь Икснон».

смеял юношу, ухаживающего за девушкой, за то, что тот не стал настоящим охотником. “Вот ты бегаешь за девушкой, а сам едва ли видел след какого-нибудь зверя”, – сказал старик, одновременно показывая на тесно прилегающий рукав его детского комбинезона» [Иохельсон 2005: 109].

6. Рус. ребенок коровы

«Непонятно почему, но медвежат, волчат, телят индигирщики называют *циплята* или *ребенки* (*циплята вольчьи, ребенок волка, ребенок коровы*). Услышав слово *баран*, индигирщики спрашивали *охто оно монное – ребенок коровы?*» [Биркенгоф 1972: 77]. Ответ на поставленный вопрос представляется очевидным: неестественность конструкций типа *ребенок коровы* обусловлена внешним влиянием – калькированием якутских конструкций наподобие *ынах оџото* ‘теленок’ (букв. ‘корова ребенок-ее’, ср. *ынах* ‘корова’, *оџо* ‘ребенок’), *бөрө оџото* ‘волчонок’ (*бөрө* ‘волк’) и т. п. В русско-нижнеиндигирском диалекте было известно и слово *теленок*, но оно специализировалось на обозначении олененка. В отсутствие денотата для слова *циплята* (Нижняя Индигирка), *цыпленки* (Кольма) оно стало обозначать любых детенышей.

Следует оговориться, что упомянутое нижнеиндигирское *монной* ‘новый, неизвестный’ (*охто оно монное* = ‘что это такое неведомое?’), ‘со странностями, причудами’ возникло из *модной* (= литер. *модный*) и передает якут. *муодалаах* (*киһи*) ‘чудной (человек)’, ср. якут. *муода* (< рус.) ‘мода, прихоть, каверза, чудо’ [Пекарский: 1634].

Слово *мода*, западно-европейского происхождения, пришло в Сибирь не раньше XVIII века. По крайней мере до 60-х гг. XX века в русской диалектной речи и просторечии были известны производные *модник* ‘капризный ребенок’ и *модничать* ‘капризничать, отказываться от предлагаемой еды или одежды (о детях)’. Последнее было известно (теперь как будто вышло из употребления), например, в Новосибирске, и часто применялось в педагогических целях. Автору этих строк некогда приходилось слышать в свой адрес: *Он еще модничает! Он еще модничать будет! Не модничай!*

7. Якут. чыкааннаа-, чыкаалаа-

‘мочиться, о детях’ [Пекарский: 3710], согласно С. Калужиньскому, выводится из тунгусского (эвенк. *чикэ́н*, эвен. *чикэ́н* ‘моча’ и т. п. [ТМС 2: 392]; об алтайских связях – вполне надежных – тунгусских слов см. [EDAL: 1327–1328]). Не совсем ясно однако отношение якут. глагола к рус. *чекáнить* ‘мочиться’ н.-индиг., колым., *чикáнить* ‘то же’ н.-индиг., *чекáнька* ‘выпущенная моча; насмешливое прозвище тех, кто мочится под себя’ н.-индиг. [Чикачев 1990: 190; Богораз 1901: 165]. Возможно, что якут. < рус., но не исключено и обратное (в любом случае в конечном счете из тунгусского). Несмотря на сходство, нет связи с рус.

(например, в таймырской «говорке» [Хелимский 2000: 383]) *чикать* ‘мочиться’, звукоподражательным и собственно русским, как и синонимичное *чийш(к)ать*. Отсюда, вероятно, якут. *чыыстаа-* ‘то же’ < *чыыс- (+ -лаа-) < рус. *чийш(а)-*; ср. якут. *чыыскайдаа-* ‘то же’ < рус. *чийшай* + -лаа- [Пекарский: 3728–3729].

Колымско-русская загадка *через вису-вису парнишко чеканит (= дуга котельна [Богораз 1901: 331])* аналогична русским загадкам типа *стоит на берегу, а сыт за реку* (= ‘дождь’), а в более отдаленной перспективе и грубо-просторечным речениям со значением ‘не бойся’ вроде *не ссы дугой, – радуга будет!* (есть и просто: *не ссы! прорвемся!*). Расцветка радуги и мочи сказала, видимо, на названиях радуги типа эвенк. (на юге Якутии) *сулакй чикэнин*, якут. *сасыл иигэ* [Пекарский: 1260], бурз *үнэгэни шээһэн* [Будаев 1979: 184], во всех случаях букв. ‘лисья моча’ [Аникин 2000: 652].

8. ЮкагЛ айбииги кэлүл

В селении Нелемное неподалеку от Зырянки (центр Верхнеколымского улуса республики Саха/Якутия) А. Б. Ключевский в середине 1980-х гг. записал местное рус. *айви* ‘душа умершего, обладающая способностью вселиться в новорожденного’, явно тождественное нижеиндигирскому *ай-вы* в выражении *ай-вы родился* ‘о ребенке, родившемся с родимым пятном (по поверью, он «родился вместо кого-либо из умерших родственников, также имевших родимое пятно»)» [Биркенгоф 1972: 173]. Запись *ай-вы*, вероятно, отражает стремление осмыслить непонятное слово. Это же стремление могло отразиться в н.-индиг. *ояви приходит* ‘об умершем, возвращающемся с того света под видом новорожденного’ [Чикачев 117, 128, 178], как будто обнаруживающего притяжение к *на-яву, явиться*.

Несомненно, что указанные русские слова происходят из юкагирского источника, близкого или тождественного юкагЛ *айбии* ‘душа, тень (умершего)’ [Николаева, Шалугин 2002: 12]. Юкагирское слово, согласно правдоподобному объяснению А. М. Певнова (устно), тунгусского происхождения – из источника, близкого эвенкЗ *уэви* ‘покойник; дух умершего предка’, эвен. *уэби* ‘невидимка, о шамане’ [ТМС 1: 658]. Певнов предполагает исходное тунг. **ɲaivi*. А. В. Дыбо [1996: 15, 40] реконструирует ПАлт **niabi-* ‘призрак, покойник’ > ПТМ **naβi-* ‘то же’.

В русско-нижеиндигирском засвидетельствовано также слово *стень* ‘душа человека’: когда *стень* улетает, человек болеет, появляется сонливость, слабость, плохое настроение. Человек может даже умереть, тогда шаманы приводят *стень* обратно [Чикачев 1990: 125]. Это слово тождественно рус. диал. *стень* ‘тень’ вят. и др. (исконнорусское [Фасмер 3: 755]). В качестве обозначения тени человека (*айви*) нижеиндигирское *стень* может быть калькой юкагЛ *айбии*.

Возможность возвращения *айбии* из мира мертвых в мир людей мыслилась допустимой лишь для тех, кто не совершал преступлений, например, убийства невинных. По представлениям лесных юкагиров, о возвращении *айбии* человека можно узнать из сновидений или по примете на теле младенца. Здоровый человек мог пообещать приход своей души-*айбии* после своей смерти, и это позволяло живущим узнать, чья *айбии* появилась в какой-то семье вместе с новорожденным [ФЮ 1: 137].

Русские индигирщики считали, что вернувшегося *ояви* человека можно узнать по сновидениям, родимым пятнам, рубцам на теле младенца, которые были у ушедшего при жизни [Чикачев 1990: 117]. Известный у лесных юкагиров делать четыре отверстия на крышке гроба, представляющий собой очевидное «языческое» наслоение на поздно (в конце XIX в.) воспринятый ими христианский похоронный обряд, несомненно, объясняется стремлением создать условия для возвращения *айбии* умершего. По крайней мере, именно с этой целью русскоустыинцы делали отверстие в крышке гроба.

Показательна приводимая А. Г. Чикачевым [1990: 178–179] русскоустыинская «байка»: *Годов восемь назад видел я сон. Будто моя мать вошла к нам в избу и спрашивает брата Семена. Я ей говорю: «Мама, Семен живет у Яра, а мы живем тут, в Крутой». А она отвечает: «Я хотела у них пожить». Ушла... Прошло время... Про сон я забул. Оннежду приезжаю к Яру. Смотрю – у Семена жена, Мария, беременная. Я про сон-от и рассказал брату. [А он]: «Значит, мама *ояви* прийти хочет, а ведь давно умерла-то. Не зря, значит, я дырку на гробе делал, звал в свою семью... Люди забуль второй раз рождаются – приходят *ояви*».*

Как целое, рус. *ояви* (*айви*) *приходить*, *ай-вы* (*айви*) *родиться* являются передачей юкаг. выражения типа юкагЛ *айбии кэл* – ‘приходить, возвращаться – о «тени» человека’: *айбиши кэлул* ‘тень вернулась’ – «так говорят о младенце, когда уверены, что с ним появилась тень умершего ранее родственника или уважаемого человека» [ФЮ 1: 138]. А. Б. Ключевский слышал на похоронах в Нелемном восклицания *приди айви!* – букв. ‘пусть твоя (умершего) *айви* воскреснет в новорожденном!’

Вера в реинкарнацию не чужда многим народам Сибири, например, корякам.

Литература

- Аникин А. Е. 2000. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск.
- Аникин А. Е. 2003. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск.
- Биркенгоф А. 1972. Потомки землепроходцев. Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. М.
- Богораз В. Г. 1900. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной поэзии чукоч. СПб.

- Богораз В. Г.* 1901. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 68. СПб.
- Богораз В. Г.* 1928. Союз молодых. Роман из северной жизни М.; Л.
- Богораз В. Г.* 1937. Луораветланско-русский словарь. Л.
- Будаев Ц. Б.* 1979. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск.
- Виноградова Л. В.* 2000. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.
- Гоголев А. И.* 1983. Историческая этнография якутов. Якутск.
- Данилова А. А.* 1991. Бытовая лексика эвенского народа. Якутск.
- Жукова Л. Н.* 1996. Одежда юкагиров. Якутск.
- Иохельсон В.* 2005. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск.
- Коркина Е. И.* 1992. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск.
- Курилов Г. Н.* 2001. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск.
- Лебедев В. Д.* 1982. Охотский диалект эвенского языка. Л.
- Миллер Г. Ф.* 2009. Описание сибирских народов. / Изд. подготовили А.Х. Элерт, В. Хинцше. М.
- Мудрак О. А.* 2000. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.
- Николаева И. А., Шалугин В. Г.* 2002. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб.
- Рубцова Е. С.* 1954. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л.
- Хелимский Е. А.* 2000. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М.
- Худяков И. А.* 1969. Краткое описание Верхоянского округа. М.
- Чикачев А. Г.* 1990. Русские на Индигирке. Новосибирск.
- Mueller G. F.* 2003. Nachrichten über Völker Sibiriens (1736–1742) // Hamburger sibirische und finnougri sche Materialien. Bd. 2. Hrsg. von E. Helimski und H. Katz. Hamburg.
- Nikolayeva I.* 2006. A historical Dictionary of Yukaghir. Amsterdam, New York.

Сокращения

- КСРГС – Картотека словаря русских говоров Сибири (Институт филологии СО РАН, Новосибирск).
- Пекарский – *Пекарский Э. К.* Якутско-русский словарь. Л., 1958.
- ПМЛС – Предания, мифы, легенды саха (якутов). Новосибирск, 1995.
- РЭП – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.
- СКК – Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо. М., 1985.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–. Вып. 1–.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1–2. Л., 1975–1977.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. 2-е изд. М., 1986–1987.
- ФРУ – Фольклор Русского Устья. Л., 1987.
- ФЮ – *Николаева И. А., Жукова Л. Н., Демина Л. П.* Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Вып. 1. Якутск, 1989.
- ЭГС – Эвенкийские героические сказания. Новосибирск, 1990.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974–.
- ЯГЭ – Якутский героический эпос «Модун Эр Соготох». Новосибирск, 1995.
- EDAL – *Starostin S., Dybo A., Mudrak O., with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov.* Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, Boston, 2003.
- SP – Słownik prasłowiański. Т. 1–. Wrocław etc., 1974–.

О. В. Федорова, Е. А. Деликишкина (Москва)

**Игнат и его друзья: десять лет спустя
(экспериментальный анализ детского дискурса)¹**

Десять лет назад в сборнике статей, подготовленном к юбилею А. И. Кузнецовой, была опубликована наша статья, посвященная одному частному случаю из области анализа дискурса, а именно, сравнению стратегий, которые используют взрослые люди и дети для преодоления возникающих коммуникативных сбоев [Федорова 2002]. В этой работе изюминкой собранных материалов стали диалоги, полученные при общении с мальчиком Игнатом, которому было тогда чуть меньше трех лет. Мы показали, что в столь юном возрасте Игнат уже располагал всем диапазоном взрослых средств преодоления коммуникативных сбоев. В настоящей работе мы не смогли не поддаться искушению продолжить тему становления дискурсивных стратегий в онтогенезе и проанализировали дискурсивное развитие подростков 12–13 лет. В соответствии с современной практикой исследований в области анализа детской и подростковой речи мы не стали ограничиваться изучением спонтанной речи одного тринадцатилетнего Игната, а провели несколько экспериментальных исследований, в которых проанализировали особенности референциального развития его сверстников. Парадоксальным образом оказалось, что к моменту достижения подростками возраста 12–13 лет многие дискурсивные механизмы продолжают оставаться не до конца сформированными.

Введение

Экспериментальные исследования детской речи. На протяжении последних 150 лет основным методом сбора материала в области изучения детской речи был и остается метод *н а б л ю д е н и я*, то есть фиксация спонтанной речи ребенка. Хотя методология подобных записей за это время сильно усовершенствовалась, пройдя путь от первых спорадических дневниковых записей до современной лонгитюдной аудио- и видеосъемки, принципиальная позиция о примате сбора и последующего анализа *е с т е с т в е н н о г о* языкового материала существенных изменений не претерпела. Однако в настоящее время мало у кого вызывает сомнение и тот факт, что принципы или тенденции развития детской грамматики или фонетики, сформулированные на основе исключительно анализа спонтанной речи, не могут считаться строго

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ №11-04-00153 «Когнитивные основы языковой структуры и дискурсивных явлений: теория и практика».

доказанными, так как, во-первых, корреляционный анализ подобных данных не дает возможности установить причинно-следственную связь одного явления с другим, а, во-вторых, при анализе спонтанной речи мы не можем исключить влияние разнообразных внешних (иначе говоря, вмешивающихся) переменных. Таким образом, исследование, основанное на анализе спонтанной детской речи, становится, на наш взгляд, намного более солидным и весомым, если подкрепляется экспериментом, проведенным в соответствии с современными представлениями о принципах его планирования и статистического анализа.

Несмотря на уже осознанную необходимость развития методологической составляющей экспериментальных исследований детской речи, специальных публикаций на эту тему еще совсем мало. Наиболее разработанным в этом смысле является уровень синтаксиса, экспериментально-методический багаж которого выглядит относительно внушительным. Рассмотрим методы экспериментального изучения детского синтаксиса более подробно. Насколько нам известно, самое детальное их изложение приводится в коллективной монографии McDaniel et al. 1996. Среди наиболее популярных методов, изложенных в этой книге, отметим метод направленной имитации (англ. elicited imitation), который часто используется в экспериментах с самыми маленькими детьми; суть его совсем проста – ребенка просят дословно повторить то или иное высказывание. Часто при этом половину высказываний делают аграмматичными; по тому, исправляет ли ребенок подобные высказывания или оставляет их без изменения, делают выводы как о развитии его языковых навыков, так и об индивидуальных особенностях развития ребенка. Другой метод – метод разыгрывания сцен (англ. act-out task) – был предложен Н. Хомским в конце 70-ых годов XX века; ребенку говорят некоторое высказывание, например, *Щенок побежал за котенком*, а он должен, выбрав из имеющихся у него игрушек подходящие, показать, как это происходит. Данный метод широко используется при изучении понимания пассивных конструкций, конструкций с опущенным подлежащим и многих других. Еще один метод – метод выбора подходящей картинки (англ. picture selection task) – состоит в следующем. Ребенку говорят предложение, например, *Вася смотрит телевизор* или *Маша не хочет есть кашу*, а ему нужно определить, на какой из нескольких картинок, лежащих перед ним, изображена описываемая ситуация.

Все перечисленные выше методы относятся к так называемым о п о с р е д а н н ы м (оффлайновым), используя которые исследователь изучает синтаксическое представление предложения уже после завершения его обработки. В последние годы все большее развитие получают н е п о с р е д с т в е н н ы е (онлайновые) методы, которые

позволяют изучать действие синтаксических механизмов в режиме реального времени. Изданная в 2008 году коллективная монография Sekerina et al. 2008 целиком посвящена онлайн-методам исследования детского синтаксиса, среди которых в первую очередь стоит отметить регистрацию движений глаз (англ. eyetracking methodology) и метод вызванных потенциалов мозга (англ. event-related potentials), которые все чаще используются в современных исследованиях детской речи.

К сожалению, список серьезных методологических работ в области детской речи по существу исчерпывается двумя перечисленными выше монографиями. Таким образом, методологическая палитра других уровней составляющих лингвистики детской речи оказывается намного беднее. Область же экспериментального анализа детского дискурса, описанию которой будет посвящена настоящая работа, представляется изученной в минимальной степени. В данной работе будут представлены результаты нескольких дискурсивных исследований, объединенных двумя целями – (i) показать преимущества проведения комплексных исследований, в которых наблюдение дополняется экспериментом, а изучение некоторого феномена в детской речи базируется на изучении аналогичного феномена в речи взрослых носителей; (ii) оценить, какая из двух существующих гипотез о времени овладения ребенком механизмами референции имеет больше прав на существование – гипотеза раннего референциального развития (к 4 годам, см., в частности, [Matthews et al. 2009]) или гипотеза позднего референциального развития (к 16 годам, см. [Седов 2004]).

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом². В первой части работы, посвященной дискурсивному развитию детей до 4,5 лет, мы сначала кратко напомним основные результаты, полученные при анализе спонтанной речи Игната, и сравним их с результатами из взрослой базы переспросов (раздел 1.1), а затем опишем экспериментальное исследование, в котором сравним референциальный выбор ребенка с референциальным поведением взрослых носителей (раздел 1.2). Во второй части работы мы опишем два эксперимента, проведенных как со взрослыми, так и с подростками 12–13 лет (разделы 2.2 и 2.3), которые тестируют модель референциального выбора (построен-

²Заметим, что в данной работе мы не ставили перед собой задачу дать серьезный обзор литературы, посвященной дискурсивному развитию детей и подростков; эта задача сама по себе заслуживает отдельной статьи. Отметим в этой связи только самую общую обзорную статью Pan and Snow 1999. Также в настоящей работе мы не будем рассматривать проблематику из области теории психического (англ. theory of mind), связанную с изучением того, как ребенок представляет себе содержание психики другого человека.

ную на данных, полученных по большей части методом наблюдения), описанную в [Kibrik 2011] (раздел 2.1).

1. Дискурсивное развитие детей до 4,5 лет

В этой части работы будут представлены результаты двух исследований, объединенных одной общей задачей – определением того, когда и как ребенок начинает понимать различие между общими и частными вопросами³ взрослых. Первое исследование посвящено анализу детских ответов-реакций на взрослые реплики-переспросы (англ. requests for clarification или contingent queries) и представляет собой более терминологически выдержанное описание идей, первоначально изложенных в [Федорова 2002]. Вторая работа носит экспериментальный характер и описывает анализ референциальных выражений, используемых детьми 3 и 6 лет, а также взрослыми при ответе на общие и частые вопросы.

1.1. Общие vs. частные вопросы: данные наблюдения⁴

В исследованиях американских психолингвистов, занимающихся вопросами становления дискурсивной компетенции в онтогенезе, к концу прошлого века было установлено, что в возрасте 1.8–3.8 лет дети уже способны по-разному реагировать на общие и частные переспросы взрослых, а именно, полностью повторять свое высказывание в ответ на общий вопрос и воспроизводить только релевантную часть высказывания в случае частного вопроса [Anselmi et al. 1986]. Сами дети в этом возрасте, согласно работе [Gallagher 1981], производят значительно меньше реплик-переспросов, чем взрослые; при этом они значительно чаще делают это в общении со своей матерью, чем с другими взрослыми, которые их окружают [Hamasaki et al. 1999].

Однако все проведенные ранее исследования не касались непосредственно лингвистической составляющей детских ответов на взрослые реплики-переспросы. Основная цель настоящей работы заключалась именно в определении способности ребенка к переформулированию своего первоначального высказывания, а также в сравнении типов

³ Для избегания терминологической путаницы мы в данной работе будем следовать американской традиции, называя вопрос типа Что случилось? общим (англ. general), а вопрос типа Что сделал X? – частным (англ. specific). В терминологии Шарля Балли общему вопросу соответствует полный диктальный вопрос, а частному – частный диктальный.

⁴ Результаты, изложенные в данном разделе, были ранее опубликованы в работе (Федорова 2002), а также в сборнике тезисов международной конференции по детской речи, проходившей в Кембридже (Великобритания) в 2003 году (Fedорова 2003), и в сборнике тезисов российской конференции по детской речи, проходившей в Санкт-Петербурге в 2004 году (Федорова 2004).

этих переформулировок с аналогичными переформулировками взрослых. Для этого были проанализированы три записи диалогов Игната со своей мамой (возраст, продолжительность записей, MLU⁵ и количество переспросов представлено в таблице 1).

Таблица 1. Количество переспросов

Сессия	Пр-ть	Возраст	MLUw	РП	ПЦ	СПЦ	РП в час
1	90 min	02.04.15	1,92	107	78	23 (30%)	71
2	90 min	02.09.07	2,43	161	110	29 (26%)	107
3	75 min	03.02.23	2,97	107	73	28 (38%)	86

РП = реплики-переспросы; ПЦ = переспросные цепочки; СПЦ = составные переспросные цепочки, MLUw – средняя длина предложения, измеряемая в словах.

Средняя частота переспросов в описываемой диаде мать-ребенок (88 переспросов в час) оказалась значительно выше, чем аналогичные цифры, приведенные в [Gallagher 1981] (19 переспросов в час) или в [Shatz et al. 1990] (38 переспросов в час). Далее, каждая реплика-переспрос была, согласно [Shatz et al. 1990], описана как: общая реплика-переспрос, пример (1), частная реплика-переспрос, (2), реплика-подтверждение, (3), или реплика-уточнение, (4):

- (1) Игнат: По очереди мы будет?
Мама: Что-что?
Игнат: По очереди мы не будет?
- (2) Игнат: Нельзя бить.
Мама: Не что нельзя?
Игнат: Нельз... Бить не надо?
- (3) Игнат: Не надо нос трогать!
Мама: Носик?
Игнат: Нос, не надо трогать!
- (4) Игнат: Его мама кусала!
Мама: Кого?
Игнат: Мама его кусала.

⁵MLU (англ. mean length of utterances, средняя длина предложений, измеряемая в морфемах или словах) – показатель, который используется психолингвистами для определения морфосинтаксического «возраста» ребенка.

Оказалось, что детская способность отвечать на общие переспросы простым повторением высказывания, а на частные – его преобразованием, возрастает от первой сессии к третьей.

На следующем этапе работы все детские преобразованные высказывания были разделены на сокращения, замены, расширения, отрицания (пример 1), изменения порядка слов (примеры 2 и 4), синонимические замены (пример 2) и топикализацию (пример 3). После этого мы сравнили данные типы с типами, полученными в результате анализа аналогичной базы взрослых реплик-переспросов, состоящей из 500 единиц. Ниже приведены несколько примеров из этой базы (5–7):

- (5) *(разговор на кухне)*
А: Я торт завтра буду печь.
Б: Что?
А: Торт я завтра буду делать.
- (6) *(разговор по телефону)*
А: Нам не надо завтра идти на занятия.
Б: Куда?
А: На занятия идти не надо завтра!
- (7) *(разговор в учительской)*
А: Иванов вчера получил опять двойку или нет?
Б: Что-что?
А: Так Иванов двойку вчера не получил?

В результате проведенного сравнительного анализа мы обнаружили, что на столь ранней стадии своего языкового развития Игнат уже был способен использовать все те же дискурсивные стратегии, что и взрослый носитель русского языка. Единственное отличие от взрослого поведения состояло в том, что Игнат более творчески относился к процессу переформулирования, то есть в его поведении еще не было взрослого автоматизма, что не позволило нам выделить в речи Игната какую-либо одну доминирующую стратегию. Таким образом, мы можем заключить, что, согласно нашим данным, данный компонент дискурсивного развития формируется в очень раннем возрасте. Посмотрим теперь, как обстоит дело с формированием референциального компонента дискурсивного развития в онтогенезе.

1.2. Общие vs. частные вопросы: данные эксперимента⁶

Данное исследование посвящено описанию того, как ребенок осуществляет референциальный выбор между полной ИГ, местоимением

⁶ Результаты данного эксперимента частично отражены в неопубликованной дипломной работе 2003 года О. Ю. Бутузовой, защищенной на кафедре ТИПЛ филфака МГУ.

и нулевым показателем в зависимости от типа вопроса. Согласно работе [Campbell et al. 2000] данный выбор, как и для взрослых носителей языка, осуществляется под воздействием различных дискурсивных факторов. Авторы цитируемой работы, проведя сравнительный анализ референциальных стратегий детей 3 и 6 лет, обнаружили, что дети обеих возрастных групп при ответе на частный *Что ты сделал?* вопрос чаще использовали нулевое выражение; результаты ответов на общий *Что произошло?* вопрос выявили сильное межгрупповое различие: младшие дети иногда использовали нули и ИГ, однако чаще употребляли местоимения; старшие в 75% случаев использовали ИГ и почти никогда – нулевую референцию.

В эксперименте, проведенном с русскоязычными испытуемыми, вместо методики разыгрывания сцен (которая была использована в [Campbell et al. 2000]) мы выбрали методику описания картинок. Трём группам испытуемых (в каждой группе было по 20 человек) – 3,5 лет, 4,5 лет и взрослым – описывалось действие, изображенное на картинке, и предлагалось придумать продолжение истории; вопрос, стимулирующий это продолжение, был то общим – *Что будет дальше?*, то частным – *Что теперь сделает X?*. Каждое стимульное предложение содержало глагол, подлежащее и прямое дополнение, порядок слов был SVO. Было использовано четыре существительных (*кошка, котенок, собака, щенок*) и двадцать транзитивных глаголов (*кормить, одевать, мыть, толкать* и т. п.). Для того, чтобы предложения не были изолированными и воспринимались в контексте той или иной ситуации, они были разделены на 3 подгруппы, для каждой из которых была нарисована своя серия картинок: 'кошкин дом', 'собачий дом' и 'общий двор'.

Для проведения эксперимента было составлено двадцать экспериментальных блоков, в каждом из которых было по пять предложений следующих типов:

(8) Что будет дальше? (общий вопрос)

Что будет дальше с S? (общий вопрос с фиксированным подлежащим)

Что будет дальше с O? (общий вопрос с фиксированным прямым дополнением)

Что теперь сделает S? (частный вопрос к подлежащему)

Что теперь сделает O? (частный вопрос к прямому дополнению)

После проведения статистического анализа оказалось, что при ответе на частный вопрос испытуемые всех возрастных групп в подавляющем большинстве случаев использовали нули, что согласуется с результатами, полученными в [Campbell et al. 2000]. Однако при ответе на общий вопрос взрослые и старшие дети чаще использовали

ИГ и местоимения, а дети младшей группы – референциальные нули, что отличается от результатов цитируемой работы. Диаграмма, приводимая на рис. 1, демонстрирует изменение данного соотношения в зависимости от возраста.

Таким образом, по нашим данным, в 3,5 года русскоязычный ребенок еще находится в самом начале усвоения взрослых референциальных стратегий; повзрослев на год, он уже усваивает общую тенденцию, но его референциальное поведение в целом все еще продолжает отличаться от аналогичного взрослого. Другими словами, гипотеза раннего референциального развития в этом нашем эксперименте не подтверждается. Однако в обзоре, содержащемся в работе [Matthews et al. 2009], приводятся примеры как экспериментальных данных, так и данных наблюдения, свидетельствующие в пользу гипотезы раннего референциального развития ребенка. По нашим результатам, однако, более правдоподобной представляется формулировка этой гипотезы в менее строгой форме: к четырехлетнему возрасту референциальное поведение ребенка приближается к аналогичному поведению взрослых, однако окончательно с ним еще не совпадает.

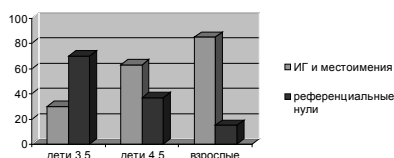

Рис. 1. Распределение ответов испытуемых на общий вопрос.

2. Дискурсивное развитие подростков⁷

В этой части работы мы сначала приведем некоторые результаты из книги [Седов 2004], свидетельствующие в пользу гипотезы позднего референциального развития⁸. Затем, в разделе 2.1, мы остановимся на модели референциального выбора из работы [Kibrik 2011], которая послужила теоретической основой для двух наших экспериментальных

⁷ Строго говоря, биологическое, психологическое и когнитивное (в том числе языковое) развитие ребенка принято делить на три больших этапа (Крайг 2001): (1) раннее детство (от 2 до 6 лет, или дошкольный период), (2) среднее детство (от 6 до 12 лет, или предпоздковый период) и (3) отрочество (12–16 лет, или подростковый период), каждый из которых характеризуется своими особенностями. Таким образом, дети рассматриваемого нами возраста только-только вступили в период отрочества.

⁸ В западной психолингвистической традиции изучение речи ребенка до 5–7 лет ведется намного более интенсивно, чем изучение речи подростков; по этой причине исследований, в которых описывается дискурсивное развитие подростков, совсем немного; см., в частности, обзор в учебнике Hoff 2005.

исследований, первое из которых описывает процессы *п о н и м а н и я* речи (раздел 2.2), а второе – процессы *п о р о ж д е н и я* (раздел 2.3).

К. Ф. Седов, оспаривая точку зрения о раннем референциальном развитии, утверждает, что и после достижения 6–7-летнего возраста ребенок продолжает совершенствовать свою дискурсивную компетенцию. Как отмечает исследователь, к шести-семи годам «человек становится обладателем языкового механизма, своего рода персонального компьютера, который открывает перед ним новые когнитивно-коммуникативные возможности. Однако получив в свое распоряжение языковой механизм, ребенок еще не имеет навыков использования его в речевой деятельности, у него как бы еще нет компьютерного программного обеспечения. Использовать язык ребенок учится в повседневном общении, в каждодневной речевой практике, которая состоит из порождения и смыслового восприятия многочисленных речевых произведений» [Седов 2004: 20–21]. Седов пишет, что становление языковой личности продолжается и в школьном возрасте, когда индивид постепенно повышает уровень своей дискурсивной компетенции, а полное овладение механизмами дискурсивной референции происходит только в старшем подростковом возрасте (к 15–16 годам). Свою точку зрения Седов подкрепляет результатами многолетних наблюдений за речью школьников.

В частности, следующее исследование, проведенное Седовым, базировалось на сопоставительном анализе речи школьников трех возрастных срезов: 6–7 лет, 10–11 лет и 15–16 лет. В качестве стимульного материала были использованы устные спонтанные рассказы о фильмах⁹.

Результаты, полученные Седовым, свидетельствуют о том, что в семь лет речь ребенка еще во многом сохраняет свой эгоцентризм и характеризуется слабой заботой о кореференции. Местоименная референция в проанализированных рассказах составила более половины всех наименований действующих лиц (58,11%). Автор повествования не способен адекватно оценить, будут ли референты успешно идентифицированы слушателем, что часто приводит к РК. Приведем в качестве примера такой фрагмент¹⁰:

(9) Опять они пошли туда// Там он/ начал/... они значит так// Ну/ в общем/ там они побормотали/ уже не знаю/ они там че делали// Опять пошли/ вот// А потом они вышли оттуда/ он их как-то выгнал// Эт они ушли оттуда//...

К возрасту 10–11 лет средства реализации текстовой кореференции существенно изменяются. Школьники уже не просто указывают на ре-

⁹Хотя данные, полученные в ходе этого исследования, не могут быть названы абсолютно спонтанными, они, на наш взгляд, намного ближе к данным, полученным в результате наблюдения, чем к экспериментальным.

¹⁰Все примеры в данном разделе цитируются по [Седов 2004].

ферент, но умеют достаточно эффективно «отсылать слушателя к уже известной информации, идентифицируя каждого персонажа в рамках изображаемой ситуации рассказа» [Седов 2004: 151]. Частотность местоименной референции в дискурсах подростков значимо уменьшается (39,59%). Однако в некоторых фрагментах, особенно в тех, которые содержат повышенный градус эмоциональности, наблюдается нагромождение местоимений, что затрудняет однозначное отождествление референта:

(10) Там за ним послали// Ну/ сказали одному человеку/ Надо его поймать// Он под окном встал/ и слушает// А он взял штангу// Ему говорят/ Брось ее/ брось ее за окно// Он ее бросил за окно// А ему по каске попало// А в каске был радиопередатчик//...

Принципы построения кореференции в рассказах 15–16-летних подростков еще более совершенствуются. В них уже наблюдается отчетливо выраженное стремление к адекватному восприятию смысла текста слушателем. Хотя частотность употребления анафорических местоимений по сравнению с речью младших школьников снижается незначительно (35,22%), на этом этапе происходит качественный скачок в эффективности осуществления референции. В первую очередь это происходит за счет увеличения многообразия способов названия референтов при помощи многословных наименований, которые теперь включают в себя релевантную таксономическую информацию. Механизмы референции, наблюдаемые у испытуемых этой возрастной группы, становятся уже максимально похожими на взрослые:

(11) В это время значит/ летчик/ который сидел в шкафу у дирижера/ начал ходить в его это...// (...) Эссэсовский капитан/ проходя по коридору/ услышал/ как летчик уронил вазу// А потому/ как он видел/ что дирижер ушел/ ему это показалось подозрительным//...

Таким образом, данные, приведенные в [Седов 2004], склоняют нас к гипотезе о позднем референциальном развитии. Посмотрим теперь, о чем будут свидетельствовать результаты двух наших собственных экспериментов.

2.1. Модель референциального выбора

Вопрос о том, на основании чего говорящий при назывании референта осуществляет выбор между полным и редуцированным (местоимение или анафорический ноль) выражением, является предметом активных дискуссий. Многие исследователи дискурса сходятся во мнении, что референциальный выбор зависит от текущего статуса референта в когнитивной системе говорящего. При этом разные лингвисты апеллируют к различным психологическим явлениям. Так, Р. Томлин объясняет эллипсис и прономинализацию нахождением референта в фокусе внимания говорящего [Tomlin 1995]. Т. Гивон предполагает, что

референциальный выбор связан с тем, в какой степени, по мнению говорящего, референт доступен адресату [Givón 1983]. Согласно идеям У. Чейфа, местоимения используются для обозначения наиболее активных референтов в сознании говорящего [Chafe 1994]. А. А. Кибрик, на чью модель референциального выбора мы опираемся в наших исследованиях, приводит аргументы в пользу того, что референциальный выбор обусловлен степенью активации референта в рабочей памяти [Kibrik 2011].

В разное время предлагались различные параметры, претендующих на роль факторов активации. Первая группа факторов – различными способами измеряемые расстояния до antecedента анафорического средства. В частности, Т. Гивон утверждает, что функцией референциального выбора является расстояние в клаузах между анафором и antecedентом [Givón 1983]. Р. Томлин высказал предположение, что ключевую роль при выборе говорящим референциального средства играет расстояние до antecedента в абзацах или эпизодах, то есть граница абзаца – фактор, негативно сказывающийся на доступности референта слушателю [Tomlin 1987]. Б. Фокс [Fox 1987] отметила, что на референциальный выбор оказывает влияние риторическая структура (более подробно о Теории риторической структуры (далее ТРС) см. [Mann and Thompson 1988]). Среди прочих факторов, потенциально способных повлиять на активацию референта, а значит, и на референциальный выбор, разными исследователями назывались центральность референта в дискурсе, его одушевленность, синтаксические и семантические роли antecedента и анафора и др.

Как показывают исследования, все из перечисленных выше факторов в той или иной степени влияют на референциальный выбор. Однако существенным недостатком большинства предлагаемых подходов является то, что они ограничивают свое рассмотрение только одним фактором, игнорируя действие всех других. А. А. Кибрик предложил многофакторный подход к референциальному выбору, разработав процедуру подсчета активации референта, учитывающую все возможные параметры, коррелирующие с референциальным выбором. Характерной особенностью данной модели является не только то, что она учитывает несколько факторов одновременно, но и то, что они ранжированы по значимости. Каждый релевантный фактор имеет свой численный показатель, что дает возможность исчислить текущий коэффициент активации (КА) для каждого референта в каждый момент развертывания дискурса. Числовые «веса», присваиваемые каждому фактору активации, эмпирическим путем подобраны таким способом, что суммарный КА варьируется от 0 до 1. Выделяется несколько значимых порогов активации: так, при КА ниже 0,4 невозможно употребление редуцированной ИГ, а выше 0,9, наоборот, – полной ИГ. Таким образом, для называния референтов, имеющих КА от 0,4 до 0,9, подходят как полные ИГ, так и местоимения и нули.

В предложенной модели учитываются факторы активации двух типов – свойства антецедента и внутренние свойства референта. К первым относятся риторическое расстояние (далее РитР, термин А. А. Кибрика), семантико-синтаксическая роль антецедента, а также «штрафующие» факторы, способные только понижать активацию – расстояния в клаузах и в абзацах. Среди существенно влияющих на активацию свойств референта выделяются одушевленность и статус про-тагониста. Кроме того, автор модели вводит дополнительный «штрафующий» фактор – неполную кореферентность – понижающий активацию при несовпадении референциальных статусов антецедента и анафора.

Однако активация в рабочей памяти является не единственным фактором, определяющим референциальный выбор. Важная проблема, с которой сталкиваются партнеры по коммуникации – разрешение референциальных конфликтов¹¹ (далее РК). РК возникает при одновременной активации нескольких референтов в рабочей памяти. В таком случае употребление местоимения может быть неудачным из-за того, что адресат может неоднозначно отождествить его референта. В подавляющем большинстве случаев РК разрешается за счет разнообразных языковых и внеязыковых средств, прежде всего – контекста. Кроме того, языки располагают большим арсеналом лексико-грамматических средств, позволяющих снять РК. В русском языке основным таким средством является грамматический род.

Как показывает А. А. Кибрик, механизмы разрешения РК действуют в рамках особого компонента системы референциального выбора, отдельного от факторов активации. Этот компонент мы вслед за ним будем называть фильтром РК.

Итак, согласно модели А. А. Кибрика, референциальный выбор проходит в два этапа – по завершении этапа подсчета КА в действие вступают фильтры референциального выбора, в частности РК и фильтр границы миров (более подробно см. [Kibrik 2011]). Как будет показано в разделе 2.3, список фильтров, на наш взгляд, на этом не исчерпывается.

Описанные далее эксперименты были разработаны так, чтобы протестировать один из компонентов этой модели – отвечающий за подсчет КА (раздел 2.2) и за действие одного из фильтров (раздел 2.3).

2.2. Риторическое расстояние как фактор активации референта¹²

Данный эксперимент был посвящен изучению того, как подростки «считают» активацию референта. Целью данного эксперимента стала проверка гипотезы, согласно которой РитР до антецедента местоиме-

¹¹ Этот термин был впервые использован в статье: [Кибрик 1987].

¹² Результаты, изложенные в данном разделе, были ранее опубликованы в работах: [Федорова и др. 2010а, Федорова и др. 2010б, Успенская и др. 2010, Fedorova et al. 2010].

ния является одним из ключевых параметров, оказывающих влияние на референциальный выбор: в модели А. А. Кибрика нахождение клауз, содержащих антецедента и анафора, в соседних узлах дерева ТРС, прибавляет к КА анафора 0,7 балла, в то время как за близкое линейное расстояние дополнительные баллы не начисляются.

Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы провели эксперимент на понимание дискурсивных фрагментов. При этом мы исходили из допущения, что референциальная ситуация в рабочей памяти адресата формируется на основании тех же факторов, что и в памяти говорящего, и адресат, увидев или услышав анафорическое местоимение, соотносит его с наиболее активированным в своей памяти референтом.

Процедура эксперимента состояла в следующем. Испытуемым предъявлялись тексты (пример 12), последнее предложение которых содержало местоимение *он*, отсылающее к антецеденту, расположенному на три клаузы выше в дереве. Каждый текст был создан в трех вариантах. Во всех трех версиях он имел одинаковую преамбулу, а три варианта последней клаузы придумывались таким образом, чтобы РитР от нее до клаузы, содержащей антецедент местоимения, варьировалось от одного до трех. При этом все остальные релевантные факторы активации закреплялись на одном уровне. Таким образом, единственной независимой переменной в нашем эксперименте являлось РитР, принимавшее значение 1, 2 или 3. Помимо истинного антецедента местоимения в текст вводилось два референта-дистрактора. Тексты создавались с таким расчетом, чтобы и у истинного, и у двух ложных антецедентов КА, посчитанный по методике А. А. Кибрика, был не ниже 0,4. За каждым текстом, предъявляемым испытуемому, следовали вопросы, на которые он должен был отвечать, не подглядывая в текст. Зависимой переменной в эксперименте являлось количество правильных ответов на вопросы относительно референта местоимения *он*.

(12) Был конец рабочего дня. Пятая бригада скорой помощи ехала на базу после ложного вызова. На носилках в кабине, набегавшись за смену, прикорнул **медбрат**. Усталый **доктор**, слушавший музыку в плеере, игнорировал заискивающие взгляды молодого **ассистента**, горящего рабочим энтузиазмом после первого дня в бригаде. В наушниках звучал «Белый альбом» битлов. Безупречная мелодия качала и убаюкивала. а) РитР=1 **Он** испытывал легкие угрызения совести за свою невнимательность к коллеге, но усталость превозмогала всё. б) РитР=2 **Он** любил слушать эту пластинку после тяжелого трудового дня. в) РитР=3 **Он** почувствовал, что медленно проваливается в сон.

Результаты масштабного (120 испытуемых) эксперимента со взрослыми носителями подтвердили гипотезу о том, что РитР является значимым фактором активации, который при этом оказывается достаточно сильным, чтобы самостоятельно влиять на понимание референциальных выражений: увеличение риторического расстояния отрицательно

сказывалось на способности испытуемых отождествлять antecedenta местоимения (табл. 2).

Таблица 2. Правильность ответов на референциальные вопросы (в %).

испытуемые (N)	РитР=1	РитР=2	РитР=3	среднее
взрослые (120)	70	50	35	52
дети (24)	50	52	50	51

Данный эксперимент был воспроизведен с 24 учащимися средней школы (12–13 лет, шестой класс). Проанализировав его результаты (см. табл. 2), мы обнаружили, что качество ответов подростков на референциальные вопросы никак не коррелирует с РитР. Таким образом, этот эксперимент показал, что для младших подростков, в отличие от взрослых, РитР еще не является важным фактором, влияющим на референциальный выбор, что свидетельствует в пользу гипотезы позднего референциального развития.

Однако посмотрим на данные из табл. 2 более внимательно. Мы видим, что в среднем подростки отвечали на референциальные вопросы эксперимента не хуже взрослых, а в сложных для понимания взрослыми случаях (с РитР 3) – даже лучше. Таким образом, мы не можем сказать, что недостаточная развитость механизмов кореференции (которые, по данным Седова, оказываются у подростков недостаточно развитыми при порождении речи) помешала нашим подросткам правильно восстанавливать antecedenta местоимения. Логично предположить, что неусвоенными в этом возрасте оказываются риторические отношения, однако этот вопрос требует дополнительной проверки.

2.3. Фильтр референциальной избыточности

Наш второй эксперимент, тестирующий порождение речи, исследовал «эффект двух персонажей», описанный в работе [Arnold and Griffin 2007]. Суть его заключается в том, что говорящие склоняются к выбору полных ИГ в случае одновременной высокой активации нескольких референтов даже в тех случаях, когда потенциальный референциальный конфликт снимается за счет грамматического рода (около 70% испытуемых в оригинальном эксперименте на английском материале в таких контекстах использовали полные ИГ).

Обнаружение данного эффекта позволило нам предположить, что в модели референциального выбора присутствует еще один компонент, который мы назвали *фильтром референциальной избыточности* (далее РИ). Такая расширенная модель позволяет формально разграничить три типа референциальных стратегий по тому, какие из компонентов они задействуют: в случае использования *эгоцентрической* стратегии говорящий опирается только на

активацию референта в своей памяти и не заботится о снятии потенциальных РК. Говорящий, задействующий оптимальную стратегию, выбирает референциальное выражение также на основе активации (очевидно, полагая, что в сознании адресата действуют те же механизмы, что и в его собственной), а затем, если КА оказался достаточно высоким для употребления местоимения, проверяет ситуацию на предмет РК и, если конфликт не может быть компенсирован, меняет тип на полную ИГ. И, наконец, описательной стратегии придерживаются говорящие, которые после подсчета КА не используют фильтр РК; наоборот, преследуя задачу облегчить адресату процесс анализа высказывания, они пропускают потенциальное средство через фильтр РИ: если в рабочей памяти оказывается активировано более одного референта, то редуцированное средство меняется на полную ИГ.

С целью протестировать работу фильтра РИ у детей и взрослых мы воспроизвели эксперимент Арнольд и Гриффин (2007) с носителями русского языка. Эксперимент проводился на компьютере с использованием специальной программы, позволяющей экспериментатору регулировать скорость предъявления стимулов. В начале эксперимента испытуемый в течение 2 секунд видел на экране две картинка. Затем нижняя картинка исчезала, и включалась запись, на которой диктор озвучивал предложение, которое представляло собой описание того, что происходит на первой картинке. Испытуемого просили точно повторить слова диктора. Сразу после этого экспериментатор нажимал на «пробел», после чего вновь появлялась вторая картинка, которую испытуемый должен был описать сам. При этом в инструкции отмечалось, что в результате должна получиться связная мини-история. В качестве стимульного материала использовались кадры из советских мультфильмов.

Независимой переменной в эксперименте являлось число персонажей, появлявшихся на картинках: были представлены сюжеты с одним референтом и с двумя референтами разного пола. Главный персонаж в первом предложении был подлежащим, стоял в именительном падеже и употреблялся первым; кроме того, на второй картинке он изображался крупнее другого. Зависимая переменная – выбор референциального средства при назывании главного персонажа во втором предложении – могла принимать одно из трех значений: полная ИГ, местоимение и анафорический нуль.

На этот раз в нашем исследовании, кроме контрольной группы взрослых, приняли участие испытуемые двух возрастных категорий – 8–9 лет и 12–13 лет (в каждой из трех групп было по 24 человека). В результате оказалось, что подростки, и в еще большей степени дети, как мы и ожидали, использовали опекающую стратегию реже, чем взрослые: по результатам эксперимента, младшеклассники выбирали ее в 85% случаев, ученики средней школы – в 90%, а взрослые почти в 100%.

Статистически значимое различие в результатах, показанных тремя возрастными группами, согласуется с гипотезой о позднем становлении референциальных навыков. Показательными являются примеры автокоррекций, наблюдаемые у подростков, например:

(13) Фрекен Бок с Карлсоном были на кухне. Она... Фрекен Бок не могла найти Карлсона.

По нашему мнению, такие самоисправления могут свидетельствовать о переходе ребенка на «взрослую» стратегию, еще не вполне освоенную им.

Однако тот факт, что все без исключения русскоязычные взрослые используют опекающую стратегию, представляется нам сомнительным, особенно на фоне того, что в оригинальном эксперименте со взрослыми носителями английского языка соотношение использования опекающей и не-опекающей стратегии составило примерно 70 к 30. Мы предположили, что отрицательно отразится на валидности наших результатов могло использование в стимульных предложениях специфической комитативной конструкции.

Несмотря на невысокую валидность результатов, эксперимент позволил нам сделать несколько важных, по нашему мнению, наблюдений о становлении референции в онтогенезе. Прежде всего, референциальные стратегии, используемые детьми и младшими подростками, отличаются от «взрослых» стратегий (в противном случае мы бы получили 100% полных ИГ в типе, где активировано два референта). Кроме того, у детей младшего возраста нарушена и референция в широком смысле – в частности, для их дискурсов характерна, по выражению Седова, «слабая временная актуализация». Это выражается в том, что в своих историях испытуемые младшего возраста периодически переходили с прошедшего на настоящее и даже будущее время (примеры (14) и (15)), а также неправильно употребляли видовые формы глагола (16):

(14) Лошадь бродила в тумане. Лошадь ест траву.

(15) Ежик с совой шли по полю. Сова проводит ежика.

(16) Принцесса с Трубадуром стояли на поляне. Принцесса собрала букет.

Таким образом, наш второй эксперимент также свидетельствует в пользу гипотезы позднего референциального развития. Однако, как и в первом эксперименте, мы не можем точно определить, что именно в референциальном поведении подростков не соответствует взрослому поведению. Более того, результаты, показанные детьми и подростками в этом эксперименте, кажутся более интуитивно логичными, чем результаты взрослых испытуемых.

Заключение

Итак, исследовав вопрос о становлении дискурсивных навыков русскоязычного ребенка, мы можем заключить, что, с одной стороны, уже в трехлетнем возрасте ребенок оказывается достаточно чувствителен к референциальным особенностям контекста. Однако, с другой стороны, референциальное поведение подростков 12–13 лет отличается от аналогичного поведения взрослых носителей. Другими словами, полученные данные свидетельствуют о раннем начале становления референциальной компетенции ребенка и о ее развитии вплоть до старшего подросткового возраста, то есть подтверждают гипотезу позднего референциального развития.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что данные результаты мы получили в ходе проведения нескольких комплексных исследований дискурсивных явлений, основу которых составил материал, собранный в результате наблюдения. Однако проверка этого материала, осуществленная экспериментальным методом, служит для нас некоторой гарантией валидности и надежности проведенных исследований в целом.

Литература

- Кибрик А. А. [1987]. Механизмы устранения референциального конфликта // А. Е. Кибрик и А. С. Нариньяни (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука. 128–145.
- Крайг Г. [2001]. Психология развития. СПб: Питер.
- Седов К. Ф. [2004]. Дискурс и личность. М.: Лабиринт.
- Успенская А. М., Деликишкина Е. А., Малютина С. А., Федорова О. В., Фейн А. А. [2010]. Совместное или раздельное использование вербальных ресурсов рабочей памяти в процессе понимания предложений // Четвертая международная конференция по когнитивной науке. Томск, 2010. 554–555.
- Федорова О. В. [2002]. Становление когнитивной способности преодоления коммуникативных сбоев // Лингвистический беспредел. К юбилею Ариадны И. Кузнецовой. М.: Издательство МГУ. 338–348.
- Федорова О. В. [2004]. Становление коммуникативных навыков ребенка // Материалы конференции по детской речи, СПб: Изд-во СПбПУ.
- Федорова О. В., Деликишкина Е. А., Малютина С. А., Успенская А. М., Фейн А. А. [2010а]. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе: интерпретация анафорического местоимения в зависимости от риторического расстояния до его антецедента // А. Е. Кибрик и др. (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2010. 525–531.
- Федорова О. В., Деликишкина Е. А., Малютина С. А., Успенская А. М., Фейн А. А. [2010б]. Риторическое расстояние до антецедента местоимения как фактор активации (экспериментальное исследование на материале русского языка) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. Секция «Психолингвистика», СПб. 2010. 70–73.
- Anselmi D., Tomasello M., and Acunzo M. [1986]. Young children's responses to neutral and specific contingent queries // *Journal of Child Language* 13. 135–144.

- Arnold J.E. and Griffin Z. M.* [2007]. The effect of additional characters on choice of referring expression: Everyone counts // *Journal of Memory and Language* 56(4). 521–536.
- Campbell A. L., Brooks P., and Tomasello M.* [2000]. Factors affecting young children's use of pronouns as referring expressions // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research* 43. 1337–1349.
- Chafe W.* [1994]. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing.* University of Chicago Press.
- Fedorova O.* [2003]. Russian child's repair behavior to adult requests for clarification // Paper presented at International conference on Child development, England, 15–18 July 2003, Cambridge.
- Fedorova O., Delikishkina E., and Uspenskaya A.* [2010]. Experimental approach to reference in discourse: Working memory capacity and language comprehension in Russian // *Proceedings of the Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation.* Tohoku University, Sendai, Japan. 125–132.
- Fox B.* [1987]. *Discourse structure and anaphora in written and conversational English.* CUP.
- Gallagher T.* [1981]. Contingent query sequences within adult-child discourse. *Journal of Child Language* 8. 51–62.
- Hoff E.* [2005]. *Language Development.* Wadsworth.
- Givón T.* [1983]. Topic continuity in spoken English // T. Givón (ed.), *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study.* Benjamins. 345–363.
- Hamasaki N. and Shirai H.* [1999]. A contextual analysis of a Japanese two-year-old's clarification requests. Paper presented at the 30th Annual Child Language Research Forum.
- Kibrik A. A.* [2011]. *Reference in discourse.* OUP.
- Mann W. C. and Thompson S. A.* [1988]. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // *Text* 8. 243–281.
- Matthews D. E., Lieven E. V. M., and Tomasello M.* [2009]. The Development of Reference from Two to Four Years // *Proceedings of the "Production of Referring Expressions 2009: Bridging the gap between computational and empirical approaches to reference"* conference, Amsterdam.
- McDaniel D., McKee C., and Smith Cairns H.* (eds.) [1996]. *Methods for Assessing Children's Syntax.* MIT.
- Pan B. and Snow C.* [1999]. The development of conversational and discourse skills // M.D. Barrett (ed.) *The Development of Language,* London: Psychology Press. 229–250.
- Sekerina I. A., Fernández E. M., and Clahsen H.* (eds.) [2008]. *Developmental Psycholinguistics: On-line methods in children's language processing.* John Benjamins.
- Shatz M. and O'Reilly A. W.* (1990). Conversational of communicative skill? A reassessment of two-year-olds' behavior in miscommunication episodes // *Journal of Child Language* 17. 131–146.
- Tomlin R. S.* [1987]. Linguistic reflections of cognitive events // R.S. Tomlin (ed.), *Coherence and grounding in discourse.* Benjamins. 455–479.
- Tomlin R. S.* [1995]. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study // P. Downing and M. Noonan (eds.). *Word order in discourse.* Benjamins. 517–554.

Л. Л. Федорова (Москва)

**Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы:
заметки о парных словах**

Изучение сложных слов, их структуры и семантики, является одной из наиболее глубоких областей современной лингвистики, затрагивающей практически все уровни языка.

С позиций когнитивной лингвистики, по мнению Джекендоффа (в описании модели Параллельной Архитектуры [Jackendoff 1997; 2009]), сложные слова являются особыми образованиями в языке, относительно независимыми от синтаксических структур и, возможно, восходящими к протограмматическим моделям. Проблема, однако, в том, что сфера словосложения включает совершенно разные структуры: одни действительно представляют собой простейшие, реликтовые схемы, другие – вполне разившиеся, системно оформленные продуктивные парадигмы. Как заметила Рошель Либер на конференции по словообразованию¹ в Кошице (2009), усилия лингвистов по описанию словосложения напоминают попытки слепых описать слона: каждый воспринимает лишь малую его часть, однако в целом в изучении словосложения, как и в случае со слоном, такие усилия могут способствовать созданию достаточно полной картины.

В наши задачи входит описание простейших моделей словосложения, к которым можно отнести так называемые парные слова, или сложные слова сочинительного типа – обозначения объекта парой наименований, сливающихся в одно целое формально и соответствующих единому референту. Это такие русские примеры, как *хлеб-соль*, *гуси-лебеди*, *банки-склянки*. Подобные образования выделяются в различных языках; их описывают как коррелятивные, или координативные, сложные слова, отграничивая от подчинительных – субординативных – и атрибутивных моделей (см., в частности [Scalise, Bisetto 2009], [Lieber 2009]). Проблема в описании парных слов заключается в том, что они не всегда фиксируются в словарях, во-первых, в силу своего промежуточного положения между лексическими, фразеологическими и синтаксическими образованиями, во-вторых – из-за распространенности в ограниченных сферах народно-поэтической и детской речи, и отчасти в эмоциональной разговорной речи. Однако собранный материал описан как по отдельным языкам (в русском [Минлос 2004], в финно-угорских [Шибасова 2006]), так и в обобщающей работе Вэлхли [Wälchli 2003]. Тем не менее проблемы остаются – в частности, проблема статуса, отграничения парных слов от пограничных случаев, и проблема

¹Universals ad Typology in Word-Formation, Košice, Slovakia. August 2009.

формальных средств, используемых в данной модели в зависимости от структуры языка. На этих вопросах и будет сосредоточен анализ.

Парные образования, с одной стороны, могут рассматриваться как застывшие реликты протоязыка – т. е. «дограмматические» образования, с другой стороны, очевидно, что они продолжают формироваться в развитых языках на основе сочинительных словосочетаний (ср. *честь-хвала* vs *честь и хвала*, *овоци-фрукты* vs *овоци и фрукты*). Тогда встает проблема формального разграничения словосочетаний и сложных слов.

При определении границ между словосочетаниями и парными словами Н. Л. Шибасова, исследовавшая парные слова в ряде финно-угорских языков, использует ряд критериев; важнейшие из них следующие:

- «бинарная структура – из рассмотрения исключаются состоящие из трех и более компонентов цепочечные конструкции (нанизывания);
- просодическая целостность, а следовательно, и контактность расположения компонентов;
- отсутствие морфологически выраженной направленной (подчинительной) связи между компонентами бинарного образования;
- определенное соотношение значения бинарного образования со значениями его компонентов, а именно: множество или сложно организованный объект обозначается через указание на простые объекты, входящие в состав этого множества или сложного объекта» [Шибасова 2006: 31].

Таким образом, парные слова отграничиваются от подчинительных словосочетаний, но не достаточно четко дифференцируются с сочинительными словосочетаниями. Представляется интересным проследить переход от словосочетаний к парным словам по разной степени спаянности компонентов.

Формальные модели объединения

Можно отметить 4 стадии формальной интеграции компонентов в бинарных структурах:

- 1) словосочетания с сочинительными союзами;
- 2) бессоюзное соположение слов;
- 3) объединение основ общим грамматическим формантом или отсутствием формантов у составных частей;
- 4) взаимопроникновение, слияние частей основ в одно слово.

Если на первой стадии можно говорить о словосочетании, то на четвертой – о слове; промежуточные стадии обычно квалифицируются как сложные слова. Внешним критерием обычно служит написание – раздельное или слитное, и как промежуточный вариант дефисное. Однако это разделение относительно, и не все языки его единообразно

используют, ориентируясь на собственные грамматические возможности и традиции написания. Кроме того, фактор идиоматичности может способствовать формальному объединению даже при сохранении традиционных раздельных написаний. Парные слова – не достаточно четко определенная категория между словом и словосочетанием. Вэлхли считает, что необходимо выделить ее в особый лексический класс: парные слова вовсе не всегда попадают в словари, но и не являются свободными словосочетаниями; с другой стороны, во фразеологические словари их тоже обычно не включают, хотя они, как правило, специфичны для языка, особенно для определенных сфер – разговорной, народно-поэтической, детской речи.

Остановимся подробнее на примерах, характеризующих эти стадии.

1) *Бинарные словосочетания с сочинительными союзами*

Часто они представляют устойчивые сочетания в языке: *братья и сестры, отцы и дети, brothers and sisters, ladies and gentlemen, spring and fall*. Степень связности может иногда позволять перестановку компонентов: *дети и взрослые – взрослые и дети; мама и папа – папа и мама; зима и лето – лето и зима; земля и небо – небо и земля*; но закрепленные сочетания, особенно в косвенных формах, обычно не поддаются инверсии: *днем и ночью, зимой и летом (одним цветом)*. Возможность перестановки подчеркивает составной характер словосочетания и значимость его частей, в то время как привычный порядок передает его цельность, идиоматичность. Устойчивые пары образуются и с другими сочинительными союзами: *вокруг да около, кожа да кости, ни днем ни ночью, ни рыба ни мясо, ни пуха ни пера* (характерное отсутствие запятой при разделительных союзах подчеркивает семантическую и синтаксическую слитность сочетаний).

Подобные пары принято относить к словосочетаниям, формальным показателем связи и в то же время раздельности компонентов служит союз (особенно повторяющийся), т. е. они остаются синтаксически членимыми, хотя обобщение значения приводит к закреплению многих из них как идиоматических сочетаний. Однако непреходимой границы между этой и следующей ступенью интеграции нет: в разговорной речи союз иногда может утрачиваться: *служил верой и правдой => служил верой-правдой, все живы и здоровы => все живы-здоровы*; и новое образование приобретает обобщающее значение (*хлеб да соль => хлеб-соль; собирала грибы и ягоды => собирала грибы-ягоды; братья и сестры есть? => братья-сестры есть?*).

2) *Бессоюзная связь в бинарном словосочетании*

Если сочинительное словосочетание теряет союз, то, очевидно, приобретает большую спаянность; однако некоторые языки нормально

обходятся и без союзов, объединяя слова уже простым соположением в бинарные сочетания – «биномы». Двухсловные устойчивые сочетания характерны для языков разной структуры: с одной стороны, для китайского, где они в основном относятся к сложным словам, с другой – для классического ацтекского, наuatля, где функционируют скорее как словосочетания.

В русском языке объединение при соположении оформляется дефисом, отмечающим связность, «однословность»; однако при сохранении просодической и морфологической оформленности компонентов они еще могут ощущаться как самостоятельные, хотя и объединенные в общую конструкцию: *жив-здоров, хлеб-соль, конфетки-бараночки, печки-лавочки*. Однако перестановки в них невозможны. Сюда же надо отнести и названия одного объекта двойным именованием типа: *диван-кровать, платье-костюм, школа-интернат*. Они характеризуют цельные объекты, которые могут быть названы каждым из этих имен и их объединением (школа-интернат – это и школа, и интернат, школа и интернат сразу).

Отметим попутно, что дефис не является исключительным маркером сочинительной связи; он используется также в однословных приложениях, тем самым образуя формально сложные слова с определительной (апозитивной) связью (*царевна-лягушка, Иван-царевич, мышка-норушка*).

Все же парные слова этого класса отличаются определенной свободой объединения, сохраняющей следы окказиональности, вольного построения в речи. Важным (морфологическим) показателем двучленности, не-однословности этого класса парных слов является морфологическая изменяемость каждой из частей: *живы-здоровы, с хлебом-солью, по стежкам-дорожкам, полно всяких букашек-таракашек*. Правда, этому критерию не удовлетворяют сочетания в застывшей косвенной (или неисходной) форме: *подобру-поздорову, пошли-поехали*; финские примеры: *kynsin hamrain* ‘ногтями-зубами’ = ‘руками и ногами’, *ruuta heinä* ‘дерева-травы’ (партитив) = ‘вздор, чушь’, но и для них характерно парное оформление. Тем самым они обнаруживают большую спаянность даже в случае традиционного раздельного написания.

Парное оформление имеют и биномы классического ацтекского. Обычный способ парного оформления биннома – использование артикля при каждом члене, хотя это и необязательно: ср. *in mitl in chimalli* ‘эти стрелы – этот щит’, также *mitl chimalli* ‘стрелы-щит’², оба в значении ‘оружие’; в обоих случаях при этом сохраняется абсолютный суффикс существительного при каждом компоненте. Более частый случай параллельного оформления – использование показателей принадлежности в структуре фразы; так, бином *in tetā in tenan* ‘чей-то отец –

²Грамматическое число для неодушевленных существительных не выражено.

чья-то мать' может выступать в possessивной форме и даже распадаться на две параллельные предикативные структуры с инкорпорацией субъекта: «*Nimota, nimonan*» – 'Я твой отец, я твоя мать' (в обращении отца к сыну); тем самым, здесь уже параллелизм не слов, а предложений, хотя вся риторическая структура соотносится с ядерным биномом.

Другой значимый (лексический) показатель двучленности – это возможность самостоятельного свободного употребления каждого из компонентов, характеризующая большую часть парных образований (ср. *диван-кровать, гуси-лебеди*, но *гоголь-моголь*). Однако также встречаются варианты ограниченной сочетаемости: объединение устаревшего слова (часто слова народно-поэтической лексики) с активным: *стежки-дорожки*, сочетание полнозначного слова с семантически несамостоятельным, окказиональным псевдословом: *кудри-мудри, танцы-шманцы, шашлык-машлык*. Псевдослово может отличаться либо начальным согласным, видоизменяющим первую основу, либо конечным оформлением иной основы, повторяющим рифму, но не соотносимым с каким-то аффиксом (*танцы-прижиманцы, страсти-мордасти*).

Сюда же примыкают так называемые гибридные сочетания, образованные парой иноязычного и родного слова: например, в коми-зырянском с включением русского синонима: *sjorny-basni* 'разговоры, слухи – басни, сплетни' (Шибасова); много таких примеров в корейском на основе китайской (так называемой ханмунной) лексики: *si-ôtnî* 'сверковь', *tang-nakvi* 'осел' [*Ли Иксон, Ли Санок, Чхе Ван* 2005: 192].

В то же время выражением творческой, речевой природы объединения является создание созвучных, рифмованных сочетаний (*охи-вздохи, банки-склянки, букашки-таракашки, плюшки-ватрушки*); именно для этого порой идут в ход разные «пустые» образования, усиливающие экспрессию, если не хватает удачных пар в языке. Этот прием используется повсеместно: *volens-nolens* (лат.), *yogi-chogi* 'туда-сюда' (кор.), *korys'-vogys'* ('прося-собирая' = 'нищий', коми-зыр.); наши (заимствованные) *шурь-мурь, гоголь-моголь*. По наблюдениям Вяч. Вс. Иванова, способность образовывать парные сочетания со вторым незначимым элементом – повтором с добавлением губных согласных – отмечается в совершенно разных типологически языках [*Иванов* 2004: 142–143].

Для китайского языка объединение основ-корнеслов является основным способом словосложения. При этом, по сведениям Чекканьо и Бошано [*Seccagno, Basciano* 2009], отсылающих к китайским источникам [*Xing*, 2006: 117], в современном китайском языке сложные слова составляют около 80% лексики. Наряду с подчинительными и атрибутивными композитами в китайском выделяются и коррелятивные, т. е. парные, сложные слова, например: *shūguǒ* 'овощи-фрукты',

сānyūn ‘еда-питье’. Здесь возможность самостоятельного употребления компонентов выступает главным различием окказиональных биномов (*shān-shuǐ* ‘гора-вода’ = ‘пейзаж’) и композитов, спаянных в одно целое: *fū-mū* ‘отец-мать’ = ‘родители’ (каждая из составляющих может употребляться в составе других сложных слов, но для значений ‘мама/мать’, ‘папа/отец’ употребляются другие иероглифы; примеры из [Anderson: 50–51], комментарии – от информантов). Если окказиональные двучленные сочетания нормально отнести к парным словам, то примеры тесного объединения типа *fū-mū* ‘родители’ можно условно отнести уже к следующей группе.

3. Объединение основ общим грамматическим формантом или отсутствием формантов у составных частей

Сочетание двух компонентов в одной основе с общим грамматическим оформлением нормально характеризует сложные слова непарного типа, поэтому само использование такой формальной модели уже является указанием на подчинительные или атрибутивные отношения компонентов. Однако встречаются и примеры сочинительной связи основ в сложных именованных; они оформляются общим суффиксом или/и общей флексией и просодически строятся как одно слово. Например: корейское (ханмун) *chon-go-gu* – ‘уважаемый’ + (‘свекр-свекровь’); корейское гибридное *pi-mô-nim* (‘отец-мать’) + ‘уважаемый’; армянские *hetzaniv* ‘седло-колесо’ = ‘велосипед’, экзотическое *arevtur* ‘бери-давай’ = ‘рынок’. В науатле единственным примером сочинительной связи внутри общей основы является слово *alteretl* ‘поселение, город’, образованное из слов *a-tl* ‘вода’ и *tepe-tl* ‘холм, гора’ (-tl – суффикс абсолютива). Эти же слова образуют бином *in atl in tepetl* с параллельным оформлением и тем же значением. При сложении произошли фонетические изменения в первой основе *atl* => *al / _t*. Тем самым парное сложение сохранило отличие от морфологического сложения *ateretl* ‘водяная гора’. Фонетическое слияние основ приближает этот пример к следующему типу.

В русском языке сюда можно отнести ограниченный класс сложных существительных: *северо-запад, северо-восток, юго-запад, юго-восток* (в финском языке таких наименований промежуточных направлений больше, поскольку вышеназванные направления обозначаются простыми словами, отмечая восемь основных направлений, а не привычные четыре). Сюда же примыкают составные гибридные или заимствованные образования с неизменяемой первой частью: *план-перспектив, пресс-центр, блок-схема, генерал-майор*, даже при том что первая основа существует как самостоятельное слово.

Однако этот класс широко представлен сложными прилагательными. Это структуры с равноправными компонентами типа [Adj+Adj]_{Adj}:

черно-белый, сине-красный, историко-филологический, механико-математический, строительно-ремонтный, русско-французский, китайско-русский, предполагающие наличие объектов как с одним, так и с другим качеством (ср. также кит. liànglì 'яркий-красивый' = 'яркий и красивый' [Adj+Adj]_{Adj}, chang-duan 'длинный-короткий' = 'длина' [Adj+Adj]_N с обобщением значения). В прилагательных, образованных суффиксальным способом от сложных существительных или сложно-суффиксальным от именных словосочетаний (по модели [N+N]+Suf_{Adj}), первый компонент сохраняет основу существительного (например, юго-западный, северо-восточный, Петропавловский собор; территориальные объединения: Байкало-Амурская магистраль, Волго-балтийский канал, Волго-Камский Банк). Общая основа в русском сложном прилагательном оформляется с помощью интерфикса, что характерно для образований подчинительного типа, однако отношение равноправности, парности передается дефисом.

Среди существительных, кроме уже отмеченных, в русском языке имеются лексикализованные идиоматичные сложения, сохранившие сочинительный союз: иван-да-марья, мать-и-мачеха – здесь изменяться может только вторая основа.

Возможны также искусственные образования типа *Волгодон*, *Волго-Балт*, *Пивораки* (персонаж Лагина), *Петропавел* (персонаж Клюева); они могут представляться вторичными (реверсивными) образованиями от сложных прилагательных (*Петропавловский*, *Волгобалтийский*, *Волгодонской*) либо результатом лексикализации сложного наименования («Пиво – раки»). Сюда же примыкает *Будапешт*, исторически сложившийся в венгерском как объединение названий двух городов Буды и Пешта по обеим сторонам Дуная. Хотя прямое сложение равноправных основ существительных в общую основу с сочинительным значением невозможно, поскольку эта модель используется для подчинительных сложных слов, встречаются окказиональные образования: *Клювокрыл* (имя дракона в переводе Роулинг), *чаекомпот* – с не вполне ясным отношением компонентов: 'компот наподобие чая' или 'то ли чай, то ли компот', *слонопотам* [слон+(гиппо)потам]. Пример *овцебык* скорее может трактоваться на основе подчинительной связи 'бык наподобие овцы', 'овцеподобный бык'; экзоцентрические *утконос* и *лирохвост* также предполагают отношение уподобления. Но есть отглагольные (также переводные) имена с равноправными основами *Тяни-Толкай*, *Шалтай-Болтай*.

Вообще экзоцентрические образования на базе глаголов [V+V]_N или [V+V]_{Adv} встречаются в разных языках; к армянскому *arevtur* ('бери-давай' = 'рынок') можно добавить греческие: το πηγαίν(ο)έλα / πήγαίνε έλα 'хождение взад и вперед, езда туда и обратно' (πηγαίνω 'иду' + έλα императив от έρχομαι 'приходить'); σούρτα-φέρτα / σούρτα φέρτα 'туда-сюда' (σούρω 'тяну, тащу, вытаскиваю' + φέρνω 'несу'), которое может переходить в существительное: *σούρτα-φέρτα των τιμών* – 'взлеты

и падения цен'. Естественно, эндоцентрические образования так же возможны: ανοιγοκλείνω 'мигаю, моргаю' (ανοίγω 'открываю' + κλείνω 'закрываю'); παιζογελάω 'веселюсь, радуюсь; подшучиваю' (παιζώ 'играю' + γελάω 'смеюсь'); τρεμοσβήνω 'мигаю; угасаю' (τρέμω 'дрожу, трепещу' + σβήνω 'тушу; гасну') [Дергачева 2008].

В русском языке к модели [V+V]_{Adv} возможно отнести наречия и предикативы, образованные из глагольных основ без формантов прыг-скок, круть-верть, тяп-ляп; синонимичные глагольные основы передают способ действия. В данном случае отсутствие общего форманта играет примерно ту же формообразующую роль, что и общий словоизменительный аффикс.

Интересные параллели вторичных образований в китайском приводят Чекканьо и Бошано: wèishì 'спутниковое телевидение' из wèixīng 'спутник' и diànshì 'телевидение', при этом каждое из составляющих является в свою очередь сложным словом: wèixīng из wèi 'защищать' и xīng 'звезда', diànshì из diàn 'электричество' и shì 'смотреть'. На втором этапе сложения wèixīng + diànshì = wèixīng утратились срединные основы, так что оставшиеся компоненты ('защищать' и 'смотреть') не образуют смыслового целого. Подобные случаи авторы характеризуют как «мета-словосложение» (metacompounding); они уже более характерны для образований следующего типа.

4) Взаимопроникновение, фонетическое слияние частей основ в одно слово

С формальной точки зрения в этом классе объединены несколько моделей (blending, clipping, abbreviation, в русском – сложносокращенные слова разных моделей и аббревиатуры). Среди сложносокращенных есть как подчинительные, так и сочинительные структуры, эта модель сейчас популярна: например, «международные» образования этого типа – *Евразия* и относительно новое игровое *Азиопа*. При слиянии могут утрачиваться как начальные, так и конечные части основ (одной или двух) – так чтобы образовалось фонетически устойчивое целое. При этом опора делается скорее на слоговое членение, чем на морфемное; но морфемы обычно сохраняют узнаваемость (в китайском, где слог равен морфеме, нет и проблемы).

В английском существует ряд примеров новообразований подобно рода; интересно, что они складываются не только на базе существительных, но и прилагательных, глаголов и их форм:

CHRISTMAKKUH = *Christmas* + *Chanukah*; AUTOMAGICALLY = (*automatic* + *magic*) + *ally*; BEAULICIOUS = *beautiful* + *delicious*; BURNINATE = *burn* + *terminate*; CONFUZZLED = *confused* + *puzzled*, также CONFUZZLING; EDUTAINMENT = *education* + *entertainment*; FANTABULOUS = *fantastic* + *fabulous*; GINORMOUS = *gigantic* + *enormous*.

В корейском для создания аббревиатур из словосочетаний используются китайские иероглифы; таким образом, из *тэхан минкук* «Республика Корея» получается *Ханкук*, из *корид тэхаггё* 'Университет Корё' получается *Котэ* [Ли Иксон, Ли Санок, Чхе Ван 2005: 190–191].

Примеры сложносокращенных структур были характерны для новообразований русского языка первой половины XX столетия, однако это преимущественно подчинительные, а не парные структуры. Современные наименования широко используют модель без интерфикса, а в именах собственных даже и графического объединения с сохранением заглавных букв внутри слова-названия: УралСиб. Слияние парных основ обнаруживается во вторичных образованиях-универбатах $[A+A]_N$: *механико-математический* факультет => *мехмат*, *историко-филологический* факультет => *истфил*, *Физико-технический* институт => *Физтех*. Подобные образования характерны для студенческого слэнга. В сложных аббревиатурах, включающих однородные прилагательные, может сохраняться союз «и»: *ОТиПЛ*, упрощающий слоговую структуру слова-аббревиатуры.

Вообще в образованиях этого рода, которые мы относим к условно-фонетическим, обычно выдерживается принцип благозвучия или хотя бы фонетического подобия слову; непрочитываемые «в лоб» аббревиатуры читаются по слоговому принципу либо по русским названиям букв (смс /эсэмэс/), либо по названиям языка-источника (пиар), приобретая разные варианты написаний). Роль фонетического принципа в образовании целого прослеживается и в других типах парных слов, прежде всего в рифмованных образованиях с «пустым» вторым элементом. Можно усмотреть также и стремление к ритмически устойчивым образованиям при выборе первого (обычно более короткого) компонента в паре; на ритмическую структуру известного слова ориентируются и новообразования (*слонопотам* по типу *гиппотам*, причем опущение первой части слова – не морфемного, а фонетического характера). Особенно важна двучленность ритмической структуры в устойчивых образованиях китайского языка; там наряду с биномами широко используются четырехкомпонентные модели, причем при их сложении может отсекается лишний корнеслог. Н. А. Спешнев приводит пример параллельных устойчивых сочетаний: «б্যাоши мань» 'выражать удовольствие' и «б্যাоши бумань» 'выражать неудовольствие'; во втором примере отрицание «бу» вытеснило двуслог «мань» и заменило его на однослог «мань», сохранив ритмическую конструкцию. «Важно отметить, что в китайском языке автор текста волен придумывать свои собственные двусложные и четырехсложные сочетания, являясь таким образом и творцом языка», – замечает Спешнев [Спешнев 2008: 153].

Итак, рассмотренные способы формального объединения могут быть обобщенно названы: 1) синтаксическое сочинение, 2) синтаксическое соположение, 3) морфологическое сложение, 4) фонетические

слияния. Именно второй тип обычно относят к категории «парных слов», которые в отечественной традиции еще называют сложносоставными словами. В корейской лингвистической традиции первые два типа называют «открытым словосложением», а последние два типа – «закрытым словосложением» (**overt compounding – covert compounding** [Ли Иксон, Ли Санок, Чхе Ван 2005: 155]). Мы видим, однако, что парные образования возможны в разных классах, так что формальные их границы не достаточно четки.

Свободные парные объединения на базе синтаксического сочинения могут переходить в устойчивые сочетания при потере соединительного союза; с другой стороны, новые парные слова легко складываются соположением основ. Цельноформленное самостоятельное слово-именование на базе парного сочетания возникает лишь вторично, как результат сложных дополнительных операций, поскольку сфера морфологического сложения обслуживает подчинительные сложные слова; зато среди прилагательных такие образования типичны и продуктивны. В тех языках, где морфологическое сложение вовсе отсутствует, единственным способом остается синтаксическое соположение, внутри которого выделяются собственные градации по степени связности компонентов.

Вовсе не все рассмотренные модели можно считать прототипическими элементарными структурами. Внутри одного языка способы формального объединения определяются морфологическими возможностями (китайский, науталь). Но их отличает цельность значения, которая, однако, тоже относительна. Интересно посмотреть, какие же приемы создания общего значения присутствуют в разных классах парных слов.

Семантические отношения между компонентами и значение целого

Хотя семантическая цельность и связана с формальным объединением компонентов, однако напрямую от нее не зависит.

Основные способы образования смысла целого – это прямые элементарные операции со значениями компонентов и вторичные операции обобщения и переноса значения.

Рассмотрим примеры, используя следующие обозначения: А и В для значений компонентов А* и В*, Х или Y – для значения целого.

1) Объединение, суммирование значений

Это самый простой случай: **X = A + B, или A&B**. Такие образования называются еще аддитивными сложными словами; к ним относятся разные формальные структуры. Например, корейские *ôbôî* ‘отец и мать’, *ôbittal* ‘отец и дочь’, *ôbiatu* ‘отец и сын’, *naməjə* ‘мужчины и женщины’, *jəatta* ‘открывать и закрывать дверь’ – фонетическое слияние с усечением основ; *ron-mal* ‘начало-конец’ = ‘начало и конец’ (кор.-

ханмун) – синтаксическое соположение. Значение целого представляет собой и единство, и полноценную пару, в которой каждый компонент сохраняет свое конкретное значение (даже при слиянии).

Биномы со значением «отец-мать» широко распространены в разных языках, в частности в финно-угорских; в русском такое парное употребление также нормально (*Отец-мать живы?*). Другие примеры суммирования значений обычно основываются на естественных парах (*жених-невеста, брат-сестра, муж-жена, жена-дети*), парных объектах (комплекты одежды, посуды, инструментов), и действиях (*пить-есть*).

2) Пересечение и интенсификация значений

Значение целого образуется как общая часть, пересечение значений компонентов: $X = A \cap B$ (или $A \wedge B$).

Наиболее четко этот случай иллюстрируют примеры *юго-запад, северо-восток* и под., в пространственном представлении которых происходит пересечение двух полуокружностей по 180° (*юг* в оппозиции *север: юг* и *запад* в оппозиции *восток: запад*) на секторе в 90° . Однако в случае предметной референции компонентов А и В значение целого описывается как 'объект, обладающий признаками как А*, так и В*', т. е., по сути, не являющийся ни А*, ни В* (*ни то ни се, ни рыба ни мясо*). Примеры окказиональны: *юбка-брюки, слонопотам, возможно чаекомпот* и новое *кофечай* («Кофечай или Гышр. Гышр – скорее, чай, чем кофе. Этот напиток со своеобразным фруктово-травяным вкусом, готовят из шелухи кофейных вишен с небольшим содержанием зеленых кофейных зерен...») <http://blogs.mk.ru/users/3344739/post163133956/>.

Однако чаще это близкие по смыслу слова, контекстные синонимы; в паре они могут передавать более узкое значение, чем по отдельности: *честь-слава, честь-хвала, грусть-тоска, друзья-приятели, худо-бедно, любо-дорого, молодо-зелено*; но нередко происходит просто синонимическое дублирование или экспрессивная интенсификация значения: *путь-дорога, ум-разум, иду-бреду*. Также финское: *alun perin* 'начала-края (генетив)' = 'первоначально', корейское (ханмун) *rap-hjan* 'сторона-направление'.

Сюда же относятся гибридные образования, в которых присутствует межъязыковая синонимия (кроме вышеназванных, корейские слова: *more-sachzhan* 'песок+(песок-место)' = 'песчаное место' из корейского и китайского компонентов; *mochchi-ttok* 'плоский пирожок, печенье' из японского *moti* 'рисовое печенье' и корейского *ttok* 'пирожок, печенье', *phul-chang* 'бассейн', на основе английского *pool*, дублированно-го корейским [Ли Иксон, Ли Санок, Чхе Ван 2005: 192]. Это закрепленные в языке дублетные образования, в их основе вовсе не всегда лежит «объяснительная модель» (иностранный перевод), поскольку порядок компонентов может быть разным; скорее, это устоявшаяся конструкция дублетов-синонимов с освоенным заимствованием.

Межъязыковая синонимия оправданно возникает в ситуациях языковых контактов, как в ацтекской формуле обращения к Филиппу II в письме на науатле, причем в начальной позиции здесь родное слово, за ним морфологически оформленное на науатле испанское: *in titlatocatzin, in titoprincipe* ‘наш почтенный правитель, наш принц’ (*principe* – испанское заимствование ‘принц’), или в формуле почтения *totlatol, totlatocajugamiento* ‘наше обещание, наше обещание-клятва’ (*jugamiento* – испанское заимствование) в том же письме. Здесь это стилистический прием, использующий традиционную синтаксическую модель бинорма. Переход от свободной синтаксической конструкции к устойчивому бинорму в ацтекском постепенен, закрепляется в узусе. Однако смысловые отношения внутри бинорма – в основном те же, что и в парных словах в других языках.

3) Альтернативный выбор значения

Значение целого образуется на основе попеременного выбора: $X = A V B$. Сюда можно отнести примеры *вопрос-ответ, там-сям, туда-сюда*, аналогичное в корейском *yogi-chogi* ‘здесь-там’. Альтернативные попеременные действия предполагает и сказочный двуглавый персонаж *Тяни-Толкай*. По-видимому, поиск номинации отражает сказочное *гуси-лебеди* – это все же не дикие мутанты типа «клювкрылов» или «ни гуси – ни лебеди»; скорее, в ситуации сказки летящие стаей птицы достоверно не узнаны, а представляются похожими то ли на гусей, то ли на лебедей – в общем, некое вполне земное НЛЮ.

Ацтекский пример *in moztla in huiptla* ‘завтра-послезавтра’ = ‘или завтра, или послезавтра’ имеет уже обобщенное значение – ‘на днях, скоро’ (ср. *не сегодня-завтра*) и может быть отнесен уже к следующему типу.

Эти три случая являются прямыми значениями целого, естественно возникающими при соположении слов. Однако на их основе возможен перенос значения, семантический сдвиг, способствующий идиоматизации целого.

4) Обобщение однородного ряда

Нередко название множества однородных объектов строится на основе двух самых выделяющихся или крайних членов ряда; итоговое значение Y выступает результатом операции обобщения значений: $Y = G(X)$, $X = A \& B \& C \& \dots \& N$ или $X = A V B \& (C V D V \dots V N)$.

Примеры: коми-зырянское *katsha-raka* ‘сороки-вороны’, аналогично корейское *kkamak-kkakchi* ‘вороны-сороки’ – говорится о стаях кричащих птиц, без разбору. В русской разговорной речи: *букашки-таракашки* говорят о всяких мелких ползающих насекомых (слово скорее характерное для детской речи), *банки-склянки* – про всякие стеклянные сосуды, *ложки-плошки* – про столовую посуду. Эти парные слова еще называют «коллективными». Разговорные коннотации обычно шутиливо-сниженные. Выбор пары может быть подсказан сходством фонетического

облика; так, появляются *фиги-финики*, *плюшки-ватрушки*, а также расширения ряда экспрессивным псевдословом *страсти-мордасти*.

5) Спецификация

Это семантический переход от обозначения множества к именованию частного объекта, каким-либо образом характеризуемого через это множество: $Y = Sp(X)$, $X = A\&B$. Такковы названия магазинов и киосков на основе аддитивных значений: «Овощи-фрукты», «Газеты-журналы», а также «Чай-кофе» на Мясницкой и «КофеЧай» на Маросейке; отметим попутно новый графический способ выделить равноправие компонентов: использование заглавной буквы внутри слова без дефиса. Сюда же относятся названия игр на основе альтернативных или аддитивных значений: *кошки-мышки*, *дочки-матери*, *казаки-разбойники* (альтернативные значения, если учитывать выбор команды). Возможно в качестве основы и «коллективное» значение, как в корейском: *hva-cho* ‘цветы-птицы’ (ханмунная лексика) – «цветы и птицы», название традиционного жанра живописи, который предполагает изображение не только цветов и птиц, но и веток, бабочек, стрекоз.

6) Абсолютизация

Специальным случаем обобщения является абсолютизация, когда итоговое значение выводится на основе смысла всеобщности в сфере, заданной парными значениями: $Y = Abs(X)$, $X = A\&B$. Примерами могут быть корейское *ram-nach* ‘день-ночь’ = ‘день и ночь, все время’, аналогично финское *uõtä räivää* ‘дня-ночи (партитив)’ с тем же значением.

7) Категоризация

Интересный случай представляет обобщение значений альтернативных парных слов, дающее в итоге категориальные обозначения. Вэлхли называет такие образования «скалярными»: $Y = Cat(X)$, $X = A\ \vee\ B$. Сюда относятся китайские примеры: *cháng-duǎn* ‘длинный-короткий’ = ‘длина’; *dūo-shao* ‘много-мало’ = ‘сколько?’, также корейское *te-so* (ханмун) ‘большой-маленький’ = ‘относительный размер’.

8) Синекдоха, метонимия

Один из наиболее распространенных семантических сдвигов – перенос названия части на обозначение целого, синекдоха – используется и в парных словах. Здесь по двум наиболее выдающимся компонентам может быть названо целое, но это не однородное обобщение, поскольку компоненты не выстраиваются в ряд естественным образом. Отношение синекдохи – частный случай метонимии; значение парного слова описывается формулой: $Y = M(X)$, $X = A\&B$. Примеры представлены в наименованиях лица в финно-угорских языках: хантыйское *not-sēt* ‘нос-глаза’, удмуртское *yt-nyr* ‘рот-нос’, коми-зырянское *nyr-vot* ‘нос-рот’ [Шибасова 2006: 212]. В обозначении птицы в удмуртском используется парный комитатив: *tyloburdo* ‘с перьями – с крыльями’. Сюда же можно отнести ацтекское ‘поселение, город’ *alterpetl* букв.

‘вода-гора’, где семантическая деривация глубже, чем в аналогичном китайском *shān-shuǐ* ‘гора-вода’ или ‘горы-воды’ для понятия ‘пейзаж, который образуют горы и воды’. Интересно и ацтекское обозначение женщины биномом *in cueitl, in huipilli* ‘юбка-рубашка’.

Пара (*in*) *mitl* (*in*) *chimalli* ‘стрелы, щит’ может обобщенно обозначать вооружение, оружие, но чаще метонимически означает ‘война’; *itlatol, iihiuo* ‘ваша/его слово – ваше/его дыхание’ используется для понятия ‘ваша/его речь’. Интересно, что оба эти ацтекские бинома отражены графическими эмблемами в пиктографических кодексах (голубой – «воздушный» – завиток изо рта персонажа обозначает речь). Другой интересный пример метонимии – *topco, petlacalco* ‘в сундуке, в корзине’ или же в абсолютиве *toptli, petlacalli* ‘сундук, корзина’ со значением ‘тайна, секрет’, т. е. «то, что спрятано в сундуке, корзине» (этот же бином может быть употреблен по отношению к человеку, который умеет хранить тайну [Сулливан 1983: 350]). Еще один бином с близким значением – *mixtitlan ayauhtitlan* ‘в облаках, в тумане’ – ‘тайно, таинственно’. Подобные случаи уже могут расцениваться и как примеры метафоры.

9) Метафора и олицетворение

Это наиболее интересный тип семантического перехода, сюда относятся как метафоры, так и более сложные случаи с метонимическими и метафорическими отношениями между значением компонентов и целого: $Y = Mph(X)$, $X = A\&B$ или $Y = Mph(X)$, $X = M(A\&B)$. При отнесении метафоры к лицу происходит и олицетворение, персонификация обозначенных в биноме неодушевленных объектов.

Интересны примеры персонификации: в корейской ханмунной лексике: *kōn-ma* ‘собака-лошадь’ = ‘преданный слуга’, *su-ch’ok* ‘руки-ноги’ = ‘слуга, починенный’; в ацтекском *cuītlapilli, ahtlapalli* ‘хвосты, крылья (орла)’ = ‘подчиненные, народ’.

В русском языке примеры метафорических переносов не часты. Пара *роза-мимоза* существует в детской считалке в ряду других цветов («Роза – мимоза – мак – василек – ландыш – фиалка – душистый цветок»), при спецификации в названиях цветочных магазинов и салонов «Роза-мимоза» используется как первоначальное обобщение, но в дразнилке к имени Роза (и вообще в отношении девушки) вся пара уже имеет образное значение ‘недотрога’. *Печки-лавочки* говорят об особенных «свойских» отношениях (*У них там свои печки-лавочки*, пример Шведовой); *шуры-муры* – о любовных похождениях. *Сено-солома* говорят о недалеком, нерасторопном человеке; здесь целая цепь переходов: в старой армии привязывали новобранцам из крестьян к правой ноге пучок сена, к левой – пучок соломы, чтобы они учились маршировать «с той ноги»; цитатное (метонимическое) использование этой пары и закрепилось как прозвище.

В языках с развитой традицией биномов имеется множество примеров метафоризации. Интересно, что одни и те же объекты могут в разных

культурных традициях оцениваться по разным качествам и давать разные основания для метафорических переносов. «Растительные» метафоры особенно богаты. Та же пара в ацтекском *poloctli, zacacualli* ‘сено-солома’ означает ‘ложь’ как нечто сделанное из непрочного, негодного материала, на основе метафоры качества. (Другая метафора лжи в ацтекском использует синонимичную пару *in iztlactli, in tēncualactli* ‘слюна, слизь – слюна, слизь’, тоже с очевидной качественной метафорой.) В финском пара *ruuta heinä* ‘дерева-травы (партитив)’ имеет смысл ‘вздор, чушь’. В корейской ханмунной лексике *mok-sok* ‘камень-дерево’ означает ‘человек с каменным сердцем’. В ацтекском *in ahuehuētl in pochotl* ‘кипарис, сейба’ говорят о родителях или правителях, подразумевая защиту, тень, которую дают эти могучие деревья, или близость к небесам, богам. (Другая метафора правителей или родителей – *in petlatl in icpalli* ‘циновка, трон’ – акцентирует высокое положение, статус.)

Особенно изысканны метафоры ценности. Именно ценность и красоту подчеркивает бином *in cōzcatl, in quetzalli* ‘ожерелье, перо кецаля’, самые изысканные украшения для ацтеков, – так традиционно называли ребенка (другой бином со значением ‘дети, потомки’ использует метафору роста: *tzontli, itztitl* ‘волосы, ногти’). Ценность иного сорта – какао, для которого существовал бином *yolohtli, eztli* ‘сердце, кровь’ (сердце мыслилось как источник интеллекта и творчества); какао был исключительно дорогим напитком и привилегией богатых. Ацтеки известны любовью к поэзии, словесному искусству; ее обозначали биномом *in xōchitl, in cuīcatl* ‘цветок, песня’ (помещение для поэтических состязаний называлось *xōchicalli* ‘дом цветов’). Таким образом, в биномах использовались устойчивые образы, традиционно закрепленные в культуре (подробнее о метафорах в ацтекских биномах – [Fedorova 2009]).

Перечисленные способы образования значения целого на основе значений компонентов показывают, что парные образования обладают разной степенью семантической спаянности, которая часто не сводится к простому суммированию значений компонентов, как это могло бы быть при соположении самостоятельных слов. Смысл целого часто является результатом обобщения и семантического сдвига. Парные компоненты стремятся и по форме, и по смыслу к образованию сложного композиционного целого. При том что центральным способом образования парных слов является соположение самостоятельных основ или основ с парным оформлением, используются дополнительные приемы внешнего объединения: ритмическая организация, рифма, построение псевдослов – основ с измененными согласными в начале или с рифмованными концовками (*танцы-шманцы, крендель-мендель, страсти-мордасти*). Графически равноправие компонентов проявляется в использовании дефиса, но в последнее время встречается и прописная буква внутри сложного написания без пробела. Эти игровые и поэтические приемы стоят за пределами грамматики, и в этом смысле

можно говорить о парных словах как об особых дограмматических образованиях. Сложное композиционное целое, каким представляется парное слово, приобретает тем самым характер своего рода эмблемы, где бинарность, парность является носителем добавочного смысла.

Литература

- Дергачева А. А.* 2008. Семантический анализ сложных слов с глагольным компонентом в новогреческом языке. Дипломная работа студентки ИЛ РГГУ (науч. рук. Л. Л. Федорова). М. (рукопись).
- Иванов Вяч. Вс.* 2004. Парные слова с начальным губным носовым // Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия. М. С. 142–143.
- Ли Иксон, Ли Санок, Чхе Ван* 2005. Корейский язык. История и современное состояние. Пер. с корейского В. Аткинина. М.: ООО «Первое марта».
- Минлос Ф. Р.* 2004. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Дисс. канд. филол. наук. М. (рукопись)
- Спешнев Н. А.* 2006. К вопросу о стилистических особенностях китайского художественного текста // Н. А. Спешнев. Китайская филология. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 149–157.
- Шибасова Н. Л.* 2006. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков). Дисс. канд. филол. наук. М. (рукопись).
- Anderson, S. R.* 1985. Typological distinction in word formation / Shopen, T. (ed.). *Language typology and syntactic description*, III, Cambridge, Cambridge University Press. P. 3–56.
- Ceccagno, Bosciano* 2009 – Ceccagno, A. and B. Bosciano. Sino-Tibetan: Mandarin Chinese // Lieber, R. and P. Stekauer (eds.). *Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 26. P. 454–470.
- Fedorova, L.* 2010 – Notes on co-compounds and paired words // *Contemporary Korean Linguistics: International perspectives*. Ed. by R.J. Fouser. Thaeaksa, Korea, 2010. P. 63–80.
- Jackendoff, R.* 1997. *The Architecture of the Language Faculty*. Cambridge, MIT Press;
- Jackendoff, R.* 2009. Compounding in the Parallel Architecture and Conceptual Semantics // Lieber, R. and P. Stekauer (eds.). *Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 6. P. 107–135.
- Lieber, R.* 2009. A lexical semantic approach to compounding // *Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 5. P. 78–106.
- Scalise, S. and A. Bisetto* 2009. The Classification of compounds // *Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 3. P. 34–47.
- Sullivan, T.* 1983. *Compendio de la Gramática Náhuatl*. Universidad nacional autónoma de México. México.
- Wälchli, B.* 2003. Co-compounds and Natural Coordination. Department of Linguistics, Stockholm University.

Т. Ю. Кобзарева (Москва)

Свойства рекурсивности и синтаксической суверенности (фрагмент грамматики поверхностно- синтаксического анализа русского предложения)

В работе рассматриваются свойства синтаксической организации русского предложения, важные для понимания его знаковой структуры. Эти свойства лежат в основе грамматики системы автоматического поверхностно-синтаксического анализа MARS, **разрабатываемой автором**¹. Моделированию синтаксической структуры отдельных ситуаций, составляющих предложение, впервые предшествует систематический поиск зон линейной структуры, в которых локализуются эти ситуации.

1. Рекурсия и синтаксическая суверенность

Введем несколько понятий, необходимых для дальнейшего изложения.

Сегмент. В чрезвычайно семантикализированных правилах русской пунктуации предусмотрено обособление – фиксация внутри предложения левых и правых границ – некоторых частей предложения при помощи знаков препинания. Выделять запятыми, например, (хотя границами могут быть не только запятые) подлежат придаточные предложения, деепричастные и различные определительные, вводные и уточняющие обороты. Не обсуждая содержательной стороны этих правил, будем называть *сегментом* любой фрагмент предложения, который подлежит обособлению по правилам пунктуации. Введение понятия *сегмент* нам будет нужно для операциональной унификации представления предложений разной структуры: сложносочиненных, сложноподчиненных, предложений с разного рода оборотами и многосоставных предложений смешанных типов.

Многосегментное предложение. Любое предложение, в котором есть более одного сегмента, будем называть *многосегментным предложением*.

Атрибутивная именная группа. Из всего множества возможных именных групп выделим структуру, где определение существительного выражено подчиненной этому существительному необособленной группой с вершиной – полным причастием, полным прилагательным, местоименным прилагательным или порядковым числительным. Эта вершина чаще всего согласуется с определяемым существительным по роду, числу, падежу, хотя существуют ситуации, когда при явном ее подчинении существительному буквальное согласования нет, что необходимо учитывать в грамматическом описании этой группы синтаксических структур.

¹ Система автоматического поверхностно-синтаксического анализа русского предложения MARS (modular analysis of Russian sentence) разрабатывается автором в РГГУ при частичной поддержке РФФИ – грант № 09-06-00275-а.

Все подобные структуры с вершиной – существительным будем называть *атрибутивными именными группами*.

2. Немного о рекурсии

Понятие рекурсии, появившись как одно из важных и продуктивных понятий современной математики и программирования, оказалось удобным для моделирования объектов, изучаемых самыми разными науками.

В теории рекурсивных функций рекурсия определяется как «такой способ задания функции, при котором значения ее для произвольных значений аргументов выражаются через значения этой функции для меньших аргументов» [Мальцев 1986]. То есть рекурсия – это многократный вызов функции из самой себя. При этом текущее состояние системы вычисляется через предыдущие состояния.

Метод рекурсии позволяет существенно упрощать моделирование сложных объектов, сводя его к моделированию их простых составляющих. При этом задается набор (словарь) базовых составляющих, правила их построения и процедура моделирования объекта в целом на основе базисных составляющих.

Применительно к естественному языку о таких явлениях писал Н. Хомский. В [Хомский 1972] выделяются несколько типов подобной организации линейных структур в английском языке. 1-ый тип – гнездование: две составляющие А и В образуют конструкцию с гнездованием, когда справа и слева от А расположены непустые элементы составляющей В (*called the man who wrote the book that you told me about up*). 2-ой тип – самовставление, когда А гнездовано в В и, кроме того, А – составляющая того же типа, что и В (*who the boy who the students recognized pointed out*).

В русском языке примером самовставления могут служить, например, структуры типа *который своего брата, который его очень любит, хочет обязательно увидеть*, где составляющая А = *который его очень любит* вложена (гнездована), а В = *который своего брата хочет обязательно увидеть*. Гнездование можно представлять, используя скобочную запись: [*который своего брата [который его очень любит] хочет обязательно увидеть*], в этом примере А и В – составляющие одного типа.

В подобных структурах Хомский различает конструкции с многочленным левосторонним и правосторонним ветвлением. Примером левостороннего ветвления служат цепочки [[[John']s brother']s father']s uncle], а примером правостороннего ветвления – структуры типа [this is 'the cat that caught [the rat that stole the cheese]]]. Заметим, что в русском языке линейной представлением не только второй, но и первой структуры будет иметь правостороннее ветвление [дядя[отца[брата[Джона]]]], так как для русского характерна постпозиция цепочки определительных именных групп в Род.п.

В русском языке возможна, хоть и гораздо менее вероятна, и препозиция цепочки Род.², при которой возникает совмещение направлений ветвления: в самой цепочке существительных в Род.п. будет правостороннее ветвление, а цепочка в целом по отношению к определяемому представляет левостороннее ветвление – [[отца[брата[Джона]]]дядя]. Препозиция Род.п. характерна, в частности, для старинной русской поэтической речи, например, *Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.* (Г.Р.Державин); *Иль рдяных кристалей громады, \ Иль волн златых кипящий сонм...* (Г.Р.Державин); *Царей и царств земных отрада...* (М.В.Ломоносов); *И земледельца он надежду оживил* (И.А.Крылов) и др. Встречается такой порядок слов и у поэтов XX века: *...на веков верхи став,*... (В.В.Маяковский); *...Никак не уляжется крови сухая возня* (О.Э.Мандельштам).

В цепочках придаточных определительных и в русском, и в английском используется правостороннее ветвление, всем известный пример такой структуры – в английском детском стихотворении и его русском переводе, где самая длинная цепочка насчитывает девять уровней вложений:

*Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую, и т. д.*

Хомский обращает наше внимание на то, что структуры с повторяющимся гнездованием и самовставлением имплицитно указывают на рост недопустимости в языке. То, что они громоздки, приводит к тому, что их труднее понимать, а потому они менее вероятны. Однако степень недопустимости и степень грамматической правильности не коррелируют, так как недопустимость связана с ограниченными возможностями нашей оперативной памяти, грамматичность же с экстралингвистическими проблемами восприятия не соотносится.

Хомский отмечает, что «в каждом известном языке ограничения на порядок весьма сильны, а в силу этого правила реализации абстрактных структур являются необходимыми».

Далее я покажу, какую роль играет рекурсивность в структуре русского предложения и какое значение свойство рекурсивности структуры имеет для синтаксического анализа.

2.1. Что представляет собою синтаксический код знаковой структуры предложения?

В 1947 году Уоррен Уивер писал Норберту Винеру: *«Передо мною текст, написанный по-русски, но я собираюсь сделать вид, что на самом деле он написан по-английски и закодирован при помощи каких-то странных символов. Все, что мне нужно сделать – это взломать код, чтобы извлечь информацию, которую содержит текст».*

²Препозиция Род.п. по отношению к определяемому слову часто встречается в русской поэтической речи.

Синтаксический анализ – обязательный промежуточный этап машинного перевода, на котором строится синтаксическая структура предложения. В системах синтаксического анализа построение синтаксической структуры является конечной задачей. В системе MARS конечной задачей является построение графа поверхностно-синтаксических связей слов предложения.

Означающее предложения в тексте представляет собою цепочку слов и знаков препинания. Синтаксическое значение предложения – это граф связей его слов. При синтаксическом анализе для каждой такой цепочки, возможной в русском языке, нам нужно уметь определить ее синтаксическое значение, то есть построить граф, который на этом этапе анализа будет ее синтаксическим означаемым.

Применительно к задаче поверхностно-синтаксического анализа мы будем исходить из представления, что мы имеем дело с сообщениями на языке синтаксических структур (в нашем случае представляемых в виде графов связей слов в предложении). Будем, подобно Уиверу, считать, что эти структуры закодированы цепочками слов и знаков препинания. Таким образом, перед нами встает задача «взломать код, чтобы извлечь информацию» – информацию о поверхностно-синтаксической структуре.

Список дешифруемых означающих, то есть комбинаций слов и знаков препинания, бесконечен, что означает, что простым перебором комбинаций, даже если бы мы отважились начать строить словарь таких комбинаций, мы многого не добьемся. Для успеха нашего предприятия нам надо именно «взломать синтаксический код». Отчасти этот код описывает обычная грамматика. Компьютерное «понимание» предложения, включает в свой базис то, что описывают обычные грамматики, но ими не может ограничиться в силу их недостаточной для компьютерных реализаций полноты и формализованности.

2.2. О свойстве синтаксической суверенности рекурсивных вложений

Понятия «денотация» и «коннотация» были перенесены из логики в лингвистику датским лингвистом Луи Ельмслевым. Он ввел понятия денотативной и коннотативной семиотик [Ельмслев 1960]. Коннотативная семиотика по Ельмслеву – это семиотика, план выражения которой является семиотикой.

«Выдвинутый Л. Ельмслевом критерий коннотации может быть назван формальным: коннотация имеет место во всех случаях, когда означающим выступает знак» [Ревзина 2001]. О. Г. Ревзина отмечает, что до сих пор «вопрос о месте коннотативных смыслов в структуре языкового знака остается открытым в теоретическом языкознании».

Коннотативное означаемое появляется во всех случаях, когда весь знак с его означающим и означаемым, связанными отношением денотации, становится означающим другого знака. При этом у него как единого целого появляется **новое** означаемое. Соответственно знак, выступающий в роли означающего, связан с новым означаемым новой коннотативной связью, которую следует отличать от первой, денотативной.

Спектр областей применения этих понятий становится с середины 20 века все шире. Понятие коннотации широко используют и лингвисты, и литературоведы, и лингвисты обычно при описании вторичных значений языкового знака, внесенных в культуру – оценочных, эмоциональных и других.

При этом понятие коннотации никогда, насколько мне известно, не использовалось применительно к синтаксису. Однако при рассмотрении идеальной синтаксической структуры многосегментного предложения мы сталкиваемся с некоторыми знаковыми явлениями, для описания которых удобно использовать Ельмслевское понимание коннотации, то есть транспонировать понятие коннотации в область синтаксических знаков.

Попробуем представить себе, что может означать коннотация при моделировании синтаксических структур.

На первом шаге уточним, как применительно к именно синтаксису мы будем понимать знаковость предложения.

Пусть цепочка слов и знаков препинания простого предложения – означающее простого предложения. Под означаемым (значением) простого предложения естественно понимать экстралингвистическую ситуацию, которую описывает это предложение. Обнаружение и описание этой ситуации и является конечной задачей анализа. При этом синтаксический анализ нужен нам, чтобы – после морфологического анализа – сделать в процессе моделирования первый шаг, необходимый для построения искомой ситуации. Синтаксическое представление служит мостиком от линейного представления предложения к ситуации. На этом шаге мы строим синтаксическое означаемое, которое может быть фундаментом для следующего шага – построения глубинно-синтаксической или семантической интерпретации предложения.

При поверхностно-синтаксической интерпретации сегмента его означающему, то есть его линейному представлению, будет соответствовать его поверхностно-синтаксическое означаемое – его синтаксическая структура (или, как часто говорят – его синтаксическое представление), например, граф связей его компонент.

Будем исходить из тезиса, что «коннотация имеет место во всех случаях, когда означающим выступает знак» [Ревзина 2001].

В качестве примера рассмотрим обычную ситуацию, когда некотором сегменте S1 прямое дополнение выражено придаточным предложением S2, то есть в линейное представление сегмента S1 вложен сегмент S2. При

этом узел графа сегмента **S1** – простого главного предложения или трансформы простого предложения, например, придаточного предложения, деепричастного или причастного оборота — представлен целым сегментом **S2**. Сегмент **S2** имеет свое означающее и соответствующее ему синтаксическое означаемое. При этом денотативным синтаксическим означающим **S2** является цепочка его слов и знаков препинания, а его денотативным синтаксическим означаемым – синтаксическая структура этой цепочки.

Строя синтаксическое представление подобной рекурсивной сегментной структуры, мы имеем дело с вложением сегмента в сегмент, где вложенный сегмент **S2** как знак со своим линейным означающим и своим означаемым – своей синтаксической структурой – имеет в сложном синтаксическом знаке сегмента **S1**, где он выступает в роли прямого дополнения, новое синтаксическое означаемое.

При этом структура денотативного синтаксического означаемого вложенного сегмента **S2**, в нашем случае – придаточного – существует независимо от структуры синтаксического означаемого знака **S1**. То есть весь вложенный синтаксический знак в целом – цепочка слов и знаков препинания сегмента, связанная денотативной связью с ее синтаксическим означаемым (представленная, например, графом связей его слов), становится означающим другого знака, имеющего собственное синтаксическое означаемое, в котором вложенный знак выступает как единый синтаксический узел наравне со словами и получает в синтаксической структуре сегмента **S1** означаемое, которое по определению Л. Ельмслева является коннотативным.

В любой сегмент – цепочку слов и знаков препинания – означающее придаточного – может быть вложено как минимум еще одно придаточное. В это вложенное придаточное может быть вложено еще одно придаточное и так далее. Возникает иерархия вложений.

Сегменты бывают разными, но потенциально возможные синтаксические структуры множества вложенных сегментов подобны потенциальным синтаксическим структурам множества сегментов, в которые они вложены, так как это или простые предложения (или их фрагменты) или их трансформы.

Самоподобный объект в математике – это объект, совпадающий с частью себя самого, то есть часть объекта подобна объекту в целом. Из этого определения и рассмотренной знаковой структуры много-сегментного предложения следует, что многосегментное предложение строится из самоподобных объектов.

При этом применительно к рекурсивной синтаксической структуре такого многоярусного конструкта понятие денотации и коннотации Ельмслева описывает знаковое соотношение синтаксических структур двух смежных уровней рекурсивно организованной структуры многосег-

ментного предложения, то есть структуры, представляющей собою потенциально многоярусную структуру вложений сегментов в сегменты.

Таким образом, применительно к синтаксической структуре введенное Ельмслевым в лингвистику понятие коннотации предложения дает возможность уточнить понимание закономерностей рекурсивной организации многосегментного предложения.

Подобно тому, как страны, вступая в союзы или образуя коалиции, сохраняют независимость своей внутренней политической и экономической структуры, то есть остаются суверенными государствами, синтаксические представления ситуаций, соответствующие цепочкам слов и знаков препинания и имеющие определенную собственную синтаксическую структуру, остаются **синтаксически суверенными** при их вхождении в многосегментное предложение, способное объединять потенциально неограниченное множество **синтаксически суверенных знаков отдельных ситуаций**.

Низший ярус в рекурсивной иерархии многосегментного предложения представлен простыми предложениями. Если этот ярус включает в себя более одного простого предложения, принято такое многосегментное предложение называть сложносочиненным.

Рассматривая знаки, составляющие простое предложение, а именно – его линейное представление на уровне составляющих его слов, мы и здесь сталкиваемся с явлением **синтаксической суверенности вложений** – в ситуации, когда некоторое сочетание слов выступает как единое целое.

Например, при вложении в структуру простого предложения имен собственных в кавычках, внутренние связи сочетаний слов внутри кавычек оказываются нерелевантными при анализе структуры простого предложения. То есть имена в кавычках со своей внутренней денотативной синтаксической структурой, выступая в роли единиц линейной структуры простого предложения наравне с простыми словами, получают новое означаемое, которое можно рассматривать как коннотативное синтаксическое означаемое таких единиц.

Важным отличием синтаксических вложений сочетаний слов, функционирующих в его структуре как слово, в линейную структуру простого предложения от сегментных вложений является то, что отдельные слова такого словосочетания не допускают дальнейшей (очередной) рекурсивной замены на сегмент.

Синтаксическая суверенность сегментов практически никогда не нарушается. Синтаксическая же суверенность внутрисегментных вложений – сочетаний слов, имеющих внутри сегмента некоторое синтаксическое значение, не зависящее от внутренней синтаксической структуры (подобно словосочетанию в кавычках), в некоторых ситуациях может нарушаться. Такое нарушение, рассмотрено, в частности, в раз-

деле 2.3 в [Апресян и др. 2010], где оно интерпретируется как наличие двух синтаксических начал в одном простом предложении.

Объектом нашего внимания будут особенности рекурсивной организации линейной структуры русского предложения и их использование при решении задач автоматического поверхностно-синтаксического анализа русского предложения.

2.3. Что важно для дешифровки синтаксического кода

На что мы можем опереться, что используется при синтаксическом анализе, какие общие представления и соображения могут быть полезны при реконструкции синтаксического кода?

В предыдущем разделе говорилось о иерархии вложений многосегментного предложения и о свойстве синтаксической суверенности – соотношении внутренних структур сегментов, составляющих эту иерархию, а именно – о том, что структура объемлющего сегмента не предопределяет структуры вложенного и наоборот. Соответственно, помимо проблемы рекурсивной иерархической организации синтаксической структуры многосегментного предложения, представляющего множество ситуаций, на первый план выступает проблема знаковой синтаксической организации сегмента, которую удобно рассматривать на примере простого предложения.

Люсьен Теньер писал про простое предложение: «Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков, выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [Теньер 1988].

В словарных описаниях значений отдельных слов – их семантики или их синтаксических возможностей, какая бы система описания синтаксических возможностей слов ни была избрана – учитываются и моделируются возможности участия слова в синтаксическом и семантическом представлении структуры связей одного предиката. Словарное описание слова ориентировано на описание отдельных предикативных ситуаций, то есть на описание индивидуальных способностей слов входить в структуры отдельных «маленьких драм» Теньера.

При синтаксическом моделировании нас занимает внутренняя синтаксическая структура отдельных ситуаций, которая является денотативным синтаксическим означаемым знаковой структуры предложения. При этом определение кода предложения не исчерпывается описанием денотативных означаемых. Важно определить, какое место занимают эти денотативные синтаксические структуры в многоуровневой рекурсивной структуре текста, в нашем случае – русского предложения.

Идеальное предложение соединяет в себе множество предикативных ситуаций. При этом, как говорил Ф.де Соссюр, «означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия.

Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. <...> От него зависит весь механизм языка» [Соссюр 1977].

Как именно означающие многочисленных маленьких драм, денотативными значениями которых мы занимаемся при составлении словарных статей машинного словаря для автоматического анализа, объединяются в идеальную линейную структуру означающего простого предложения, а означающие простых предложений – в идеальную линейную структуру многосегментного предложения?

По линейной структуре предложения нам нужно, во-первых, реконструировать синтаксическую структуру каждой из «маленьких драм» и, во-вторых, связи между ними в общей структуре предложения.

Мы обсуждали рекурсивную структуру предложения с точки зрения знаковой структуры многосегментного предложения, где составляющие его сегменты выступают единицами его структуры. При этом для каждой ситуации вложения, когда сегмент как единый знак со своим линейным означающим и синтаксическим означаемым с определенной внутренней синтаксической структурой вложен в другой сегмент, можно говорить о денотативной связи означающего вложенного сегмента с его синтаксической структурой и коннотативном означаемом этого сегмента как единого целого в структуре сегмента, в который он вложен.

Вся сложно организованная структура взаимосвязанных ситуаций, которые мы соединяем в одном предложении, проецируется на одномерное его пространство, образуя одномерное означающее его сложно организованной рекурсивной структуры.

Например, в линейном представлении предложения

Странно, что в те годы, когда словесность в России пришла в упадок, русский режиссер, несмотря на все искажения, создал сценический вариант, который в какой-то мере передавал подлинного Гоголя (В.В. Набоков, далее Н) основой является сегмент – простое-главное **Странно**, в которое вложено придаточное **что в те годы ...**, в которое, в свою очередь, вложены обособленный предложный оборот и еще одно придаточное. Для наглядности изобразим это предложение в виде – многоярусной структуры соответствующей иерархии вложений сегментов в сегменты.

Рис. 1.

Возможность соединять много предикативных ситуаций в одномерном целом дополняется тем, что язык не терпит однообразия и, дабы избежать синтаксической и лексической монотонности, предлагает нам множество разных синтаксических способов представления и комбинирования предикативных ситуаций, соединяемых в предложении в единое целое.

Если до моделирования структуры отдельных предикативных ситуаций определить линейные зоны предложения, в которых находятся компоненты этих ситуаций, то мы значительно упростим задачу моделирования, во-первых, структуры каждой простой ситуации и, во-вторых, рекурсивной структуры предложения в целом, где означающее каждой «маленькой драмы» является единицей некоторого уровня иерархии рекурсивной синтаксической структуры предложения.

Для реализации такой стратегии анализа необходимым дополнением словарного описания отдельных лексем является описание способов представления и рекурсивного комбинирования множества «маленьких драм» в линейном пространстве вмещающих их предложений.

Мы начали с рассмотрения рекурсивной структуры многосегментного предложения. Рассмотрим теперь синтаксическую структуру сегмента, а именно – простого предложения, и некоторые регулярные особенности рекурсивности его структуры.

3. Проективность и рекурсивность подчинительных связей в сегменте

3.1. Дерево Л. Теньера и проективность

Граф – схема, изображающая связи внутри некоторого множества элементов. Связный граф – это такой граф, каждая вершина которого может быть соединена некоторой цепью с любой другой его вершиной.

В теории графов дерево – это «связный граф, не содержащий циклов». Из этого определения следует, что для каждой пары вершин существует единственная соединяющая их цепь [Оре 1965].

Л. Теньер предложил для изображения связей слов в предложении особый граф – дерево, узлы которого слова. В этом графе по горизонтали сохраняется порядок следования слов в предложении, а по вертикали его узлы располагаются на разных уровнях соответственно иерархии подчинительных связей [Теньер 1988].

Предложив изображать связи слов простого предложения в виде такого особого графа связей слов в предложении – дерева, отображающего линейный порядок слов, Л. Теньер обнаружил свойство проецивности и постулировал, что свойство проецивности этого дерева можно использовать в качестве критерия правильности синтаксической структуры: для правильных синтаксических структур, изображенных в виде дерева, перпендикуляры, опущенные из узлов дерева, не пересекают его ветвей. Например, дерево связей слов по Теньеру для предложения *Книга написана известным ученым* проецивно, и, соответственно, удовлетворяет условию правильности.

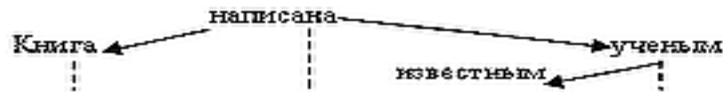

Рис. 2.

Условие проецивности графа по Теньеру как критерий правильности структуры соответствует – в стрелочном изображении графа связей над линейной структурой – требованиям непересечения и необрамления стрелок [Иорданская 1967].

Следовательно, не должно быть ситуаций вида (L_i – слово):

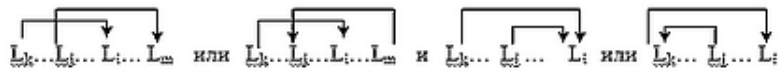

Рис. 3.

«Поскольку свойство проецивности было открыто сравнительно недавно, наука пока не накопила достоверных данных, характеризующих языки с этой точки зрения; немногие имеющиеся сведения как будто подтверждают предположение о безусловном преобладании проецивных структур в большинстве языков. <...> В специальных исследованиях, посвященных русскому языку, на 30 000 фраз научного текста было найдено только две непроецивные» [Апресян 1966].

При автоматической интерпретации текста мы сталкиваемся со множеством неоднозначностей. Мы вынуждены искать критерии выбора правильных интерпретаций для оценки многочисленных синтаксических гипотез, которые порождаются при анализе, опирающемся на словарную информацию. Одним из самых удобных критериев правильности синтаксической структуры является свойство проецивности. Оно используется во многих системах синтаксического анализа.

Древовидная структура – это частный случай рекурсивной структуры. Каждый узел дерева является одновременно корнем ветки, которую можно рассматривать как дерево меньшего размера. Важно понять, насколько линейная структура предложения древовидна и рекурсивна и, соответственно, в какой мере рекурсивные методы моделирования применимы к синтаксическому коду предложения.

3.2. Понятие проективного фрагмента

Как только что обсуждалось, проективность подчинительных связей – свойство, определяемое порядком слов.

Будем говорить, что **структура некоторой части предложения – сегмента или фрагмента (части сегмента) проективна, если граф синтаксических связей ее слов проективен.**

Соответственно, если границами некоторого фрагмента – части линейной структуры сегмента – являются два слова L_k и L_i , связанные отношениями подчинения, и (1) в линейной структуре этого фрагмента только L_k и L_i – слова-границы этого фрагмента – имеют связи со словами, находящимися вне этого отрезка (выполнено условие непересечения), и (2) никакое слово внутри фрагмента не является хозяином слова-границы (выполнено условие необрамления), то фрагмент, удовлетворяющий этим условиям, будем называть **проективным фрагментом**.

Внутри проективного фрагмента не должно быть слов, не являющихся непосредственными или опосредованными слугами слова-границы, так как при этом в силу связности графа такое слово 1) будет иметь хозяина или слугу вне проективного фрагмента, что породит пересечение, или 2) будет хозяином одного из слов-границ, т. е. возникнет обрамление. Соответственно, если линейная структура некоторого фрагмента проективна, то все слова внутри него являются узлами ветки графа с вершиною – одной из границ этого проективного фрагмента.

3.3. Рекурсивность подчинительных отношений и иерархия предикативных ситуаций в простом предложении

Вершиной идеальной структуры графа связей слов сегмента является его предикативная вершина, и каждый ее актанта и\или сирконстант, выраженный чаще всего существительным, может иметь согласованное определение (А): причастие, прилагательное или их синтаксический эквивалент.

Появление А вводит в линейную структуру очередную «маленькую драму». Таким образом, граф сегмента потенциально состоит из некоторой иерархии веток графа, которая в линейной структуре будет представлена рекурсивной линейной структурой – вложенными друг в друга проективными фрагментами, каждый из которых представляет некоторый предикат со своими актантами и сирконстантами, то есть свою «маленькую драму» по Теньеру.

3.4. Синтаксические роли компонент предложения, представленных в линейной структуре предложения проективными фрагментами именных и предложных групп

В линейной структуре сегмента вершины чаще всего – предикаты, а имена их актанта и сирконстанта представлены чаще всего

существительными (N), которые могут иметь зависимые слова, т. е. именными или предложными группами. В сложные имена актантов и сирконстантов могут в свою очередь входить предикативные слова со своими актантами и сирконстантами и т. д.: предикативные слова со своими актантами и сирконстантами могут появляться в структуре графа простого предложения на разных уровнях.

При этом актанты и сирконстанты вершин сегментов – сказуемых, деепричастий, причастий и т. д. – это первый уровень в иерархии предикативных ситуаций сегмента и чаще всего, в силу проективности, редко нарушаемой в русской прозе, они бывают представлены проективными фрагментами именных и предложных групп. Если при этом непосредственные или опосредованные слуги существительных – вершин именных групп или слуг предлогов в предложных группах оказываются предикативными словами с собственными слугами, проективные фрагменты их актантов и сирконстантов будут в норме вложены в объемлющие их проективные фрагменты (в противном случае структура будет непроективна).

Рис. 4. Из прозы О.Э.Мандельштама (далее М).

В примере (1) на Рис.4 самая длинная стрелка связи – связь *ветка* R *замороженная* – задает проективный фрагмент субъекта предиката *проплыла*. В него вложен проективный фрагмент обстоятельства места *замороженная*, заданный связью в R *стакане*.

В (2)...*раздутая* *трюизмами и арифметическими выкладками болтовня* о *гармонической личности лезла* отовсюду, как *сорная трава*. (М) проективный фрагмент субъекта вершины *лезла* с границами определен связью *болтовня* R *раздутая*.

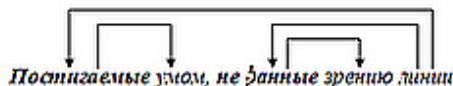

Рис. 5.

В примере(3)*Постигаемые умом, неданные зрению линии*(П.А.Флоренский, далее Ф) Самая «длинная» связь *линии* R *постигаемые* (см. Рис.6) задает проективный фрагмент с двумя бсоподчиненными предикатными вершинами.

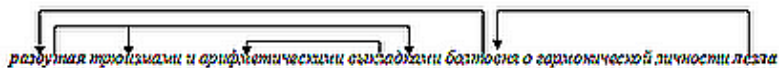

Рис. 6.

Примеры (1) – (3) иллюстрируют рекурсивность проективных фрагментов атрибутивных именных групп.

Так как в прозаических текстах, не являющихся записью или имитацией устной речи, в подавляющем большинстве случаев проективность таких фрагментов не нарушается, то, построив связи, ограничивающие проективные фрагменты именных групп, мы далее можем исходить из того, что слова внутри этих фрагментов являются непосредственными или опосредованными слугами слов-границ. При этом, например, в (4) *Это была могучая по силе интеллектуального характера семья* (М)³ (Рис.7) можно выделить две зоны анализа: внутри проективного фрагмента, определяемого связью *семья R могучая* и вне проективного фрагмента. При построении связей вне этого проективного фрагмента он рассматривается как единое целое, а при сегментации этот сегмент оказывается состоящим из трех компонент – *это, была*, и фрагмента, ограниченного связью *семья R могучая*.

Рис. 7. Результат программной реализации построения проективных фрагментов именных и предложных групп.

Таким образом, при анализе надо учитывать, что А – слуга в именной группе в препозиции к N – может иметь слуг, а появление любого очередного слуги может инициировать появление слуг следующего уровня вложений, в частности, инфинитива и управляемых существительными существительных и предложных групп.

В каждом очередном вложении именной группы с А-слугою потенциально содержится отпредикативная ветка графа, то есть в линейной структуре могут появляться все новые и новые вложения именных и предложных групп: (5) *Близкое присутствие моря за окном томил его, словно это огромное, липко-блестящее, лунной перепонкой стянутое пространство, которое он угадывал ...* (Н)

(6) *Он вносит посторонние, чуждые этому духовному началу, черты.* (Ф)

Так, в предложении (7) *Лежащий на ложе в грозном полумраке прокуратор сам наливал себе вино в чашу* (М. А. Булгаков, далее Б) в проективном фрагменте, ограниченном связью *прокуратор R лежащий*, вложены проективные фрагменты двух предложных групп.

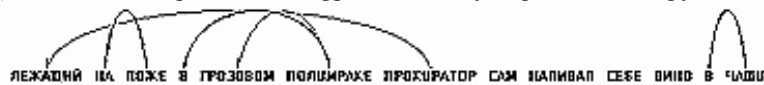

Рис. 8.

При определении сегментной структуры многосегментного предложения важны функции знаков препинания и сочинительных союзов

³ Далее приводятся в графическом виде примеры результатов работы парсеров: 1) с круглыми стрелками – связей – программная реализация И. М. Ножова [Ножов 2003], с квадратными ломаными стрелками – дипломная работа студента ф-та Прикладной математики МАИ П.В.Пашковского.

[Кобзарева 2004, Кобзарева 2005]. Они не являются границами сегмента, если сочиняют слова – не вершины сегментов [Кобзарева 2006]. Анализ сочинения является одной из опорных составляющих процедуры моделирования сегментной структуры предложения. Так как сочинены часто актанты и сирконстанты предикативных вершин, то возможности его реализации существенно облегчаются, если построены проективные фрагменты актантов и сирконстантов.

Построение проективных фрагментов именных и предложных групп существенно упрощает при сегментации линейную структуру: элиминируются знаки препинания, сочинительные союзы, предикативные слова и номинативы, которые находятся внутри проективных фрагментов и не могут претендовать на роль подлежащих и сказуемых, отчасти разрешается падежная омонимия и омонимия управления предлогов. Например, в (9) внутри проективных фрагментов оказываются 4 запятые.

(9) *И хотя профессора он знал довольно близко, и хотя он старался прямо и твердо перед глазами держать на этом жарком, счастливом, июльском ветру уже зыблющийся, и заворачивающийся, и реущийся из рук добрый образ покойного, но мысль все соскальзывала...*(Н)

3.6. Рекурсивная процедура анализа рекурсивных структур (на примере построения проективных фрагментов именных и предложных групп)

Важную роль в предлагаемом подходе играет то, что для анализа рекурсивных линейных структур могут быть использованы рекурсивные процедуры анализа.

Рекурсивные алгоритмы существенно упрощают грамматику явлений: для анализа каждой очередной вложенной структуры можно использовать универсальное грамматическое описание.

В ситуациях, когда мы моделируем рекурсивную линейную структуру – «матрешку», где однотипные линейные структуры вложены друг в друга и отправной точкой построения каждой структуры является ее минимальная левая составляющая, анализ удобно вести **справа налево** [Кобзарева 2004, Кобзарева 2007]. При этом анализ каждой матрешки начинается с самого глубокого вложения и, построив очередную вложенную структуру, мы элиминируем ее из зоны анализа и возвращаемся в исходную точку анализа, то есть используем все время один и тот же универсальный набор линейных конфигураций для анализа любых комбинаторных линейных соединений структур.

Опорными элементами построения проективных фрагментов именных и предложных групп служат А и предлоги (р). Необособленные согласованные А чаще всего находятся слева от N-хозяина, предлог обычно стоит тоже слева от его слуги N⁴ (в постпозиции может по-

⁴Он может иметь слугу, общего с сочиненным с ним предлогом (до и после работы), или - при эллипсисе - не иметь слуги справа (Вам с сиропом или без?).

явиться предлог *ради: Бога ради*). Поэтому анализ каждой именной и предложной группы удобно начинать с **левой** (по порядку следования в S) составляющей – А и Р (предлог). Двигаясь справа налево по тексту, для каждого очередного А или Р алгоритм определяет соответственно хозяина или слугу.

Для наглядности представления последовательности процедур анализа удобно использовать условные схемы, иллюстрирующие его ход. На Рис.9 – условная схема порядка построения проективного фрагмента примера (10).

(10) Олицетворение **пассивной и обреченной** на всяческую пассивность **мысли**, подглядывающей мир, неподвижной, неспособной охватить движение. (Ф)

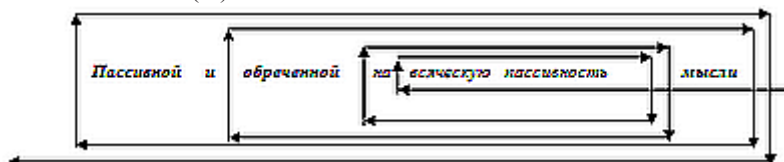

Рис. 9.

Шаги анализа: 1. поиск хозяина А=*всяческую* 2. поиск слуги Р=*на*; 3. поиск хозяина А=*обреченной*; 4. поиск хозяина А=*пассивной*.

(11) Воздух, укус и солнце уминались с зелеными тряпками **в горящий** солью, трельяжами, серыми листьями, жаворонками и стрекозами, **гремящий** тарелками **барбизонский полдень** (М)

В (11) связь *в* R *полдень* определяет проективный фрагмент пяти сочиненных именных групп, а связи *полдень* R *горящий* и *полдень* R *гремящий* однозначно разграничивают зоны поиска хозяев именительных групп в Твор.п. – цепочки из пяти сочиненных именных групп и тарелками (Рис.10) в ситуации, когда *горящий* и *гремящий* оба могут управлять Твор.п.

Рис. 10.

Все приводимые примеры построения проективных фрагментов именных и предложных групп работают на основе описанных принципов и демонстрируют продуктивность предлагаемого подхода.

Некоторые проблемы анализа именных групп иллюстрирует пример (12) Перед ним был дуб, почти засохший этим летом, усыпанный **изъеденными гусеницами** молодыми **побегами** куст сирени, старая, завалившаяся кое-где и поломанная зимними ветрами изгородь, поросшая мхом. (Л. Толстой)

В проективный фрагмент *усыпанный изъеденными гусеницами молодыми побегами куст* вложена «матрешка» *изъеденными гусеницами молодыми побегами* (Рис.11), где *гусеницами* подходит и на роль слуги, и на роль хозяина *изъеденными*, и только наличие второго Тв.п. – *побегами* – позволяет принять решение, что первый претендент на роль хозяина на самом деле не хозяин, а слуга⁵.

Рис. 11.

Это предложение интересно еще и классическим случаем неоднозначности при интерпретации интерпозиции обособленного оборота *почти засохший этим летом*, стоящего перед довольно длинным проективным фрагментом именной группы. Его можно интерпретировать и как обособленное определение к *дуб* (R *засохший*), и как необособленное или обособленное (запятая после *летом* может быть проинтерпретирована и как правая граница обособленного определительного оборота, и как оператор сочинения *засохший* и *усыпанный*) распространенное определение в препозиции к *куст* (R *засохший*). В последнем случае запятая после *дуб* сочиняет *дуб* и *куст* и, если считать, что определение *почти засохший этим летом* обособлено, является еще и левой его границей.

4. Заключение

Рассмотрены свойства потенциальной рекурсивности многосегментного предложения и синтаксической суверенности компонент его сегментной структуры и потенциальная рекурсивность отдельно взятого сегмента. Эти свойства позволяют говорить о существовании потенциально неограниченной знаковой иерархии рекурсивно организованных самоподобных структур, составляющих русское предложение.

Рассмотрение свойств рекурсивности и синтаксической суверенности синтаксической структуры доказывает целесообразность введения в процедуры автоматического анализа этапа сегментации, в ходе которого определяется локализация моделируемых ситуаций и который предшествует моделированию отдельных ситуаций, составляющих предложение.

Свойства рекурсивности структуры отдельно взятого сегмента в совокупности с рекурсивностью сегментной структуры предложения в целом позволяют обосновать порядок этапов синтаксического анализа, где построение проективных фрагментов именных (атрибутивных) и предложных групп предшествует сегментации, а сегментация предшествует моделированию синтаксической структуры отдельных си-

⁵ Спасти в таких ситуациях не может и семантика, так как нельзя утверждать, что невозможен контекст, где гусеницы могли бы быть изъеденными.

туаций, компоненты которых локализуются в определяемых предсегментацией и сегментацией зонах линейной структуры предложения.

Именно эти свойства дают возможность использовать для синтаксического анализа компактные и лингвистически экономичные рекурсивные процедуры анализа рекурсивных структур, и позволяют оптимизировать использование словарной информации о синтаксических возможностях слов.

Литература

- [Апресян 1966] – *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики – М.: Изд. «Просвещение», 1966.
- [Апресян и др. 2010] – *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Д. Л., Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря – М.: Языки славянских культур, 2010.
- [Баталина и др. 2006] – *Баталина А. М., Епифанов М. Е., Кобзарева Т. Ю., Кушнарёва Е. В., Лахути Д. Г.* Опыт экспериментальной реализации алгоритмов поверхностно-синтаксического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог 2006. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 51–56.
- [Иорданская 1967] – *Иорданская Л. Н.* Автоматический синтаксический анализ. Т.2. Межсегментный синтаксический анализ. – Новосибирск: Наука, 1967.
- [Кобзарева 2004] – *Кобзарева Т. Ю.* Принципы сегментационного анализа русского предложения // Московский лингвистический журнал. – М.: Изд-во РГГУ, 2004. – Т. 8. – №1. – С.31–80.
- [Кобзарева 2005] – *Кобзарева Т. Ю.* Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2005. – М.: Наука, 2005. – С. 233 – 237.
- [Кобзарева 2007] – *Кобзарева Т. Ю.* Иерархия задач поверхностно-синтаксического анализа русского предложения // НТИ, Сер.2. 2007, № 1. С 23–35.
- [Мальцев 1986] – *Мальцев А. И.* Алгоритмы и рекурсивные функции – М.: Наука 1986.
- [Ножов 2003] – *Ножов И. М.* Процессор синтаксической сегментации русского предложения // НТИ. Сер. 2. – 2003. – № 11. – С. 26–37.
- [Оре 1965] – *Оре О.* Графы и их применение – М., Изд. «Мир», 1965.
- [Ревзина 2001] – *Ревзина О. Г.* О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сб. научных статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 436–446.
- [Соссюр 1977] – *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр Труды по языкознанию – М.: Прогресс 1977, С. 31–274.
- [Теньер 1988] – *Теньер Люсьен,* Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
- [Хомский 1972] – *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса – М.: Изд. Моск. Ун-та, 1972.

В. А. Плунгян (Москва)

**«Нарративный инфинитив» в русском языке:
к классификации контекстов**

*Дорогой Ариадне Ивановне – с признательностью,
восхищением и унаследованной от далеких
студенческих времен почтительной робостью.*

Хорошо известно, что инфинитив – одна из самых загадочных глагольных форм. Эта проблема существует и в типологическом плане – прежде всего, как проблема межъязыкового отождествления инфинитива (ср., например, [Ильевская, Калинина 2002]), но для русистики она имеет особую остроту. В русском языке функции инфинитива и типы контекстов, в которых он встречается, настолько многообразны, что выделение какого-то общего (или хотя бы центрального) значения у инфинитива представляет значительную трудность. Принято считать, что для русского языка наиболее существенны различия между так называемым зависимым и независимым инфинитивом. В первом случае инфинитив является синтаксическим (актантным либо сирконстантным) аргументом некоторой лексемы: глагола (*решил уехать, забыл позавтракать*), предикатива (*рад сообщить, здоров спать*) или существительного (*решение уехать, любитель выпить*). Во втором случае инфинитив занимает – по крайней мере с формальной точки зрения – позицию предикативной вершины, т. е. сказуемого¹.

Хотя контексты, в которых встречается зависимый инфинитив, сами по себе достаточно разнообразны, они в целом не выглядят типологически необычными и не представляют непреодолимой трудности для описания. Иначе обстоит дело с независимыми употреблениями инфинитива. Если определять инфинитив, как это обычно делается, в терминах синтаксической подчиненности, т. е. видеть в нем прототипически зависимую глагольную форму, то указанные употребления явным образом выходят за рамки такого определения: ведь предикативная позиция в нормальном случае должна заполняться именно финитной формой глагола. Само сочетание «финитный инфинитив» является терминологическим оксюмороном: буквально оно означает нечто вроде «финитное употребление формы, не способной употребляться финитно».

¹ В традиционной русистике независимым («неприсловным») считается также инфинитив в позиции подлежащего, представленный, согласно Академической грамматике, в примерах типа сломать дерево – не шалость, остановиться значит отстать и др. (ср. [Шведова 1980, т. II, § 2745]). При вербоцентрическом подходе такие употребления также описываются как актантные.

Тем не менее, в современном русском языке класс независимых предикативных употреблений инфинитива весьма обширен. Ядро его, как справедливо указывается, в частности, в Академической грамматике, составляют **модальные** контексты, выражающие, главным образом, динамическую необходимость (*нам выходить*), а также побуждение (*всем встать!*) и динамическую невозможность (*тут не пройти*) – как можно видеть, все они в основном связаны с деонтической сферой. Встречается также выражение желания (*стать бы снова приморской девочкой*), эпистемической возможности (*обладеть!*) или необходимости (*быть беде*) и ряда других более периферийных модальных значений (подробнее см., в частности, [Шведова 1974], [Гехтляр 1986], [Эслоп 1989], [Брицын 1990] и другие специальные исследования, достаточно многочисленные в современной русистике). Модальные инфинитивные контексты имеют яркий общий структурный признак – это возможность выражения в подавляющем большинстве случаев дативного субъекта модальной ситуации (в связи с чем они часто называются «дативно-инфинитивной конструкцией», ср. [Fortuin 2005]).

Наряду с дативно-инфинитивной и близкими к ней конструкциями встречаются, однако, и более парадоксальные контексты, в которых инфинитив имеет подлежащее в номинативе и функционирует уже не как модальная, а как индикативная финитная форма. Это примеры типа *а царица хохотать*, хорошо известные в русистике (их упоминают практически все грамматик и многие специальные работы), однако, как представляется, описанные с далеко не достаточной степенью подробности. Именно этот тип контекстов может быть условно назван «конструкциями с нарративным инфинитивом» (ср. Kor Chahine & Torterat 2006, где обсуждается тесная связь данных конструкций с нарративным дискурсом), и рассуждения о семантике этих конструкций будут составлять основную часть настоящих заметок.

Однако прежде чем перейти к этим – немодальным – употреблением независимого инфинитива, отметим одну общую проблему, связанную с описанием независимого инфинитива в целом. Как представляется, главной коллизией, возникающей при анализе таких конструкций, является эффективное разграничение собственно независимого инфинитива и эллиптических употреблений с опущенным вершинным предикатом, внешне похожих (и иногда с трудом отличимых) от конструкций, в которых вершинным предикатом следует – или по крайней мере возможно – считать инфинитив. В массиве эллиптических употреблений выделяются случаи, анализ которых достаточно ясен, однако имеется и немало таких, которые имеют сложную природу. Сложность эта – как и в других случаях эллипсиса или псевдо-эллипсиса – связана

с тем, что, с одной стороны, в структурном отношении конструкция явно похожа на эллиптическую, а, с другой стороны, опущенный материальный фрагмент этой конструкции (если он постулируется) не может быть однозначно восстановлен. Тем самым, контексты «с независимым инфинитивом» примыкают к разнообразному множеству конструкций «с нулевым предикатом» типа *я сейчас домой* или *а он его кулаком*, описанных во многих исследованиях и справедливо считающихся яркой типологической особенностью русского синтаксиса (ср. [Weiss 1993], [Wiemer 1996] и др.).

В отношении инфинитивных конструкций этот тезис может быть проиллюстрирован примерами (1)–(5)², демонстрирующими разную степень восстановимости финитного вершинного предиката.

(1) Рената остановила мою речь и сказала мне голосом тихим, но отчётливым и решительным: – Рупрехт, это я **должна говорить** сейчас, а **ты слушать**. [В. Я. Брюсов. Огненный ангел (1908)]

(2) После обеда он ушёл к себе, а дети побежали на улицу, Андрей и Марфа остались вдвоём и **стали мыть** посуду – **она мыть**, **он вытирать**, тоже как всегда. [Анатолий Найман. Все и каждый (2003)]

(3) Они с Матильдой в один год начинали своё дело, **она – рожать**, а **он – заведовать** акушерским отделением, и всех её детей он принимал сам. [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]

(4) – Пойдём, пожалуй... – Только, чур, я первая **говорить буду**. А ты опять раз-раз – и всё испортишь. – **Ты – говорить**, а **я – пеньком стоять!** – обиделся Санька. – Ну, где надо, головой кивнёшь, словечко вставишь... – Ладно... там видно будет, – согласился Санька. [А. И. Мусатов. Стожары (1948)]

(5) Я тут же на неё кинулась, меня **стали держать**, **она драться**, меня держат, ну хоть посмотреть, кто у неё в сарае, можно ведь, хоть посмотреть, а они меня в больницу отправили в буйную. Вы представляете? [Людмила Петрушевская. стакан воды (1980–1990)]

Как легко убедиться из приведенных примеров, конструкция, выглядящая как сочетание номинативного подлежащего с инфинитивным сказуемым, может, вообще говоря, анализироваться двояко: либо как заведомо эллиптическая, либо как неэллиптическая и, следовательно, содержащая предикативный инфинитив. В разных случаях степень предпочтительности одного из этих двух вариантов анализа разная.

²Все примеры, не снабженные специальными указаниями, взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Как правило, номинативное подлежащее в примерах для наглядности выделяется подчеркиванием, инфинитивное сказуемое – полужирным (в конструкциях с эллипсисом полужирным выделяется и вершинный предикат в предшествующем контексте).

Напомним, что анализ, признающий эллипсис, всегда имеет то преимущество, что не требует выделения такой экзотической сущности, как вершинный инфинитив (имеющийся в предложении инфинитив в любом случае трактуется как зависимый) – и всегда имеет тот недостаток, что обязывает указать, какой именно элемент является опущенной предикативной вершиной. Чем труднее это сделать, тем больше шансов получает альтернативный анализ, приписывающий инфинитиву предикативную функцию.

Так, в примере (1) эллиптический анализ явным образом предпочтителен, поскольку в этом контексте однозначно восстанавливается предикат *должен*, и понимание последовательности [*ты слушать*] как *ты должен слушать* (единственно возможное с точки зрения носителя языка), очевидно, никаким другим способом, кроме постулирования эллиптической структуры, не достигается. В принципе, аналогичные рассуждения верны и для примера (2): анализ этой структуры как содержащей эллипсис форм прошедшего времени глагола *стать* также кажется наиболее предпочтительным.

Однако при переходе от примера (3) к примеру (5) можно наблюдать, как степень очевидности эллиптического анализа постепенно уменьшается. В примере (3) формы прошедшего времени глагола *начать* являются всё еще вполне подходящим кандидатом, однако в этом примере, в отличие от предыдущих, в предшествующем контексте нет ни зависимого инфинитива, ни самого глагола *начать*: имеется лишь сочетание *начинали свое дело*, с глаголом в форме несовершенного вида и с зависимым именем. Эквивалентность между полным и эллиптическим фрагментом в этом случае уже имеет скорее семантическую, а не формально-синтаксическую природу (что, впрочем, далеко не редкость для эллиптических конструкций).

С другой стороны, в примере (4) оба анализа кажутся равно возможными: фрагмент [*ты говорить*] легко интерпретируется и как содержащий эллипсис формы *будешь*, и как конструкция с независимым предикативным инфинитивом (в пользу последней интерпретации свидетельствует, в частности, довольно значительное расстояние, отделяющее эту конструкцию от предполагаемого полного фрагмента).

Наконец, пример (5) скорее демонстрирует предпочтительность анализа фрагмента [*она драться*] как классической конструкции с независимым «нарративным инфинитивом» (в пользу чего в первую очередь свидетельствует его семантика, см. подробнее ниже), однако предшествующий контекст, в принципе не обязательный для семантической интерпретации самой конструкции, тем не менее, не исключает и эллиптический анализ ('меня стали держать, она стала драться').

Ср. аналогичный по смыслу пример (6), где соответствующего полного фрагмента в предшествующем контексте не наблюдается, и анализ с независимым инфинитивом оказывается практически безальтернативным:

(6) Он лезет ко мне в ягдташ. Я отстраняю его руку. Он говорит: «А, ты драться, ты верно буржуй, не рабочий». [М. М. Пришвин. Дневники (1927)]

Таким образом, примеры с «нарративным инфинитивом» типа (6) являются, вообще говоря, несколько искусственно выделенным множеством контекстов из более крупного массива эллиптических конструкций; граница между теми и другими далеко не всегда представляется четкой – скорее речь должна идти о континууме с плавными переходами и большим количеством промежуточных случаев. Собственно, это наглядно демонстрируют уже и те немногие примеры из Академической грамматики, где рассматриваются контексты, относимые Н. Ю. Шведовой к независимым употреблением инфинитива («в позиции сказуемого»): *Она хохотать*; *Так ты кусаться?*; *Мы пахать, а вы руками махать* (посл.); *Мы рыбу ловить, а вы – ягоды собирать* (Шведова 1980, т. II, § 2745). Поскольку примеры эти носят искусственный характер и приводятся вне контекста, инфинитив в их составе кажется более предпочтительным интерпретировать как независимый; однако при более внимательном взгляде на эти примеры нетрудно «достроить» и такие контексты, в которых предпочтительной окажется эллиптическая интерпретация.

Другая проблема, связанная с примерами Н. Ю. Шведовой, заключается в том, что в семантическом отношении они не являются однородными. Первые два выражают, упрощенно говоря, идею «внезапного начала» действия (сходным образом интерпретируются и наши примеры (5) и (6) выше), тогда как последние два выражают скорее идею потенциального действия (ср. с нашим примером (4), где наблюдается близкий эффект). Наличие различных семантических групп у конструкций с «нарративным инфинитивом» само по себе интересно, но не менее важен и другой вопрос: где источник этой семантической дифференциации?

И здесь мы возвращаемся к описательной дилемме «эллиптическая vs. предикативная интерпретация», которую мы рассматривали только что. Легко видеть, что семантическая неоднородность инфинитивных конструкций оказывается очень весомым аргументом в пользу эллиптической трактовки, причем во всех случаях: ведь тогда за семантическое различие конструкций будет отвечать восстанавливаемый вершинный предикативный элемент. Так, для одной группы конструкций естественно постулировать вершинный предикат с инхоативным зна-

чением (типа 'начать', 'стать', 'приняться' и т. п.), для другой группы – предикат с интенциональным значением (типа 'собираться', 'намереваться' и т. п.). Проблема состоит в том, что не всегда желательному смыслу можно найти точный лексический эквивалент, но эта проблема является общей для всех типов русских «неполных предложений», и в этом отношении, как уже было сказано, принципиальной разницы между конструкциями типа *так ты кусаться?* и типа *я сначала на автобусе, а потом пешком* нет.

Таким образом, для русского независимого инфинитива – практически во всех его употреблениях – существует параллельная возможность его описания как подчиненного некоему опущенному предикативному элементу; в соответствии с семантикой этого элемента, можно выделить различные модальные ('нужно', 'можно' и т. п.) и немодальные конструкции с инфинитивом. Заметим, что и появление дательного падежа в дативно-инфинитивной конструкции при такой трактовке окажется гораздо менее загадочным (во многих синтаксических теориях здесь усматривают особый, неканонический случай управления – при котором управляющим элементом оказывается граммема, а не лексема – или особый случай «конструкционно обусловленного» падежного употребления): это вполне обычный для русского языка тип кодировки субъекта модальных предикатов (как в *мне нужно* или *мне можно*). Возможность такой трактовки ограничивается только одним обстоятельством – неопределенностью семантики гипотетического вершинного предиката в целом ряде контекстов³.

Впрочем, в трудных случаях есть и другой способ обойти проблему «эллипсис vs. самостоятельное предикативное употребление»: можно говорить, что мы имеем дело с «конструкцией» (в том смысле, который в этот термин вкладывает современная «грамматика конструкций»), значение которой не является простой суммой значений составляющих конструкцию элементов. Заметим, что и эта трактовка, вообще говоря, в каком-то смысле ближе к «эллиптической»: ведь отсутствующий в тексте (но семантически восстанавливаемый) опущенный предикат и оказывается тем самым дополнительным звеном, которое превращает

³ По-видимому, эта неопределенность достигает максимума в таком типе текста, который состоит из одних независимых инфинитивов: в художественной литературе этот прием известен, в частности, в так называемой «инфинитивной поэзии» (Февраль. Достать чернил и плакать! и под.), о которой см. [Жолковский 2007] (и другие публикации того же автора). Эффект такого текста заключается именно в том, что неоднозначность, для независимого инфинитива, вообще говоря, возможная, но далеко не всегда реализующаяся, здесь намеренно сгущается: читателю предлагается иметь дело как бы со всеми возможными интерпретациями сразу.

более или менее аддитивную синтаксическую структуру в конструкции, давая смысловое приращение, не содержащееся ни в каком другом элементе конструкции.

Возвращаясь к немодальному («нарративному») инфинитиву, заметим, что его употребления семантически распадаются на два относительно хорошо противопоставленных класса: **интенциональные** контексты, в которых выражается намерение субъекта совершить действие (как правило, в ближайшее время), и **адмиративные** контексты, в которых выражается достаточно сложное значение, в первом приближении сводящееся к неожиданному для говорящему началу действия. Как уже было сказано, при «эллиптической» трактовке такие контексты могут рассматриваться как содержащие нулевой вершинный предикат с семантикой типа ‘собираться’ и типа ‘<неожиданно> начать’, соответственно. Позиция Академической грамматики в этом отношении несколько противоречива: с одной стороны, Н. Ю. Шведова считает возможным говорить о «неприсловном» инфинитиве в позиции сказуемого (§ 2745), о самостоятельной «структурной схеме Inf^f» инфинитивного предложения (§ 2560), но с другой стороны, рассматривает по крайней мере часть предложений с независимым инфинитивом как «экспрессивно окрашенный вариант» финитной конструкции (§ 2252), где инфинитив «замещает место спрягаемой формы глагола» (§ 2563). К последним как раз относится конструкция с «нарративным инфинитивом», но при этом почему-то в основном те, которым приписывается инхотативное значение (по Шведовой, «быстрое и энергичное начало действия в прошлом»). Интенциональные конструкции в этом ряду не упоминаются, а для дативно-инфинитивных конструкций, по-видимому, такая трактовка не кажется Н. Ю. Шведовой предпочтительной. Между тем, ни с семантической, ни со структурной точки зрения заметных различий между «модальными» и «нарративными» употреблениями не прослеживается: основания для эллиптической (или противоположной ей) трактовки в обоих типах, как будто бы, примерно одинаковые.

Существенно, в частности, то, что семантика адмиративных употреблений нарративного инфинитива, вообще говоря, гораздо богаче смысла ‘начать’, и простыми вариантами конструкций с фазовыми глаголами эти контексты считать нельзя. Скорее, более точное семантическое описание этих конструкций должно выделить в них по крайней мере компонент ‘неожиданность для говорящего’: нарративный инфинитив в подавляющем большинстве употреблений указывает не столько на то, что действие «быстро и энергично началось», сколько на то, что говорящий неожиданно для себя обнаруживает, что соответствующее действие имело – или начало иметь – место (и, как правило, выражает какие-то свои эмоции по этому поводу). С точки зрения универсальной грамматической номенклатуры такое значение обычно называют адмиративным, и во многих языках оно примыкает к значе-

ниям эвиденциальной группы. Это значение «спонтанной реакции» на происходящее. Ср. примеры (5) и (6), а также следующие:

(7) – Мы не бродяги, политические преступники. – Ка-а-к! **Ты грубить? грубить!** – заревел майор. – В кордегардию! [*Ф. М. Достоевский. Записки из мёртвого дома (1862)*]

(8) – Я знал, что ты пьяница, Сизый Нос, – сказал Карло, – а ты ещё и лгун. – Ах, **ты ругаться!** – крикнул Джузеппе. – Ну-ка, подойди ближе!.. – Сам подойди ближе, я тебя схвачу за нос!.. [*А. Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино (1936)*]

(9) Я считаю, жить надо нормально. Один раз пришёл поздно – **она царапаться!** Предупредил: буду всё время поздно приходить. [*Александр Володин. С любимыми не расставайтесь (1979)*]

(10) А ночью выпить захотелось. И ничего нет! И я выпил все её французские духи. Ну, **она базарить** – и ушла к матери. [*Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990)*]

Так например, в предложении (8) сообщается явным образом не о том, что адресат **начал** ругаться (или что он начал ругаться «быстро и энергично»), а о том, что для говорящего такая реакция адресата является неожиданной и вызывает его возмущение. Именно этот «реактивный» оценочный компонент доминирует в большинстве употреблений «нарративного инфинитива».

Интересно, однако (особенно в плане сближения инфинитивных конструкций с показателями из эвиденциальной семантической зоны), что в небольшом числе употреблений «нарративный инфинитив» имеет совсем другое значение: это уже вполне чистое эвиденциальное значение цитативного типа. Конструкция вида *a X P_{INF}* означает в этом случае нечто вроде ‘X утверждает, что P’ – как правило, с дополнительным компонентом, сводящимся к тому, что говорящий не согласен с таким утверждением и/или не одобряет его. Яркими примерами цитативных конструкций с инфинитивом могут служить следующие:

(11) – Повесить?! – с укором проговорил тот, и при этом чувство страха и отвращения исказило его черты. Он остановился на секунду и продолжал: – Ударить матроса и то... отвратительно, а **ты: «повесить»!** – А если у тебя на судне бунт? – вдруг задал вопрос Юлка. [*К. М. Станюкович. Василий Иванович (1866)*]

(12) – Взять и зарыть?! Ты с ума сошла, Пашута! Ведь она у тебя русского жителя была человек. А **ты – зарыть!** [*Валентин Распутин. В ту же землю... (1995)*]

(13) Лёнька изумленно вскидывает брови и пугается: – Ну, ты, знаешь, не путайся... Женихов приманывают, а **она – гнать!** Да тебе мать так за это поддаст, что ты сроду свою спину не вылечишь! Берёт он вашу Катю, ну и пусть берёт! Ты-то чего не в своё дело лезешь? [*Валентина Осеева. Динка (1959)*]

Как можно видеть, авторская пунктуация в таких примерах в ряде случаев имеет ряд отличий: например, инфинитив может заключаться в кавычки, подчеркивающие цитатный характер высказывания, вос-

производящего чужую речь, однако это не является обязательным правилом. Тем не менее, в целом такие примеры достаточно хорошо выделяются в общем массиве конструкций с нарративным инфинитивом.

Таким образом, мы показали, что в современном русском языке существует достаточно обширный и самостоятельный класс «номинативно-инфинитивных» конструкций, или конструкций с «нарративным инфинитивом». В отличие от основной массы конструкций с независимым инфинитивом (дативно-инфинитивных), эти конструкции специализируются не на выражении модальных значений, близких к деонтической сфере, а на выражении интенциональных значений и значений, связанных с адмиративной и цитативной зоной (инхоативный компонент, также присутствующий в некоторых употреблениях, характерен для семантики этих конструкций в меньшей степени); тем самым, достаточно неожиданно, в русском языке обнаруживается область слабо грамматикализованных эвиденциальных значений с сопутствующим модальным компонентом.

Литература

- Брицын, В. М. 1990. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Наукова думка.
- Гехтляр, С. Я. 1986. Природа и функционирование русского инфинитива. Смоленск: СГПИ.
- Жолковский, А. К. 2007. Из записок об инфинитивной поэзии: проблемы описания и образцы комментариев // М. В. Ляпон (ред.). Язык как материя смысла: Сб. статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 476–487.
- Ильевская, А. А.; Калинина, Е. Ю. 2002. Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // А. Е. Кибрик (ред.). Лингвистический беспредел: Сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: МГУ, 241–261.
- Шведова, Н. Ю. 1974. О долженствовательном наклонении // Г. А. Золотова (ред.). Синтаксис и норма. М.: Наука, 107–121.
- Шведова, Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т. I–II.
- Эслоп, П. А. 1989. Модальные функции независимого инфинитива // А. Я. Баудер (ред.). Функционирование языковых единиц и категорий в тексте. Таллин: ТПУ, 41–54.
- Fortuin, E. 2005. From possibility to necessity: the semantic spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages: New perspectives. München: Sagner, 39–60.
- Kor Chahine I., Törterat F. 2006. Infinitif et impératif de narration en français et en russe // L'Information Grammaticale (Paris), n° 109, 45-51.
- Weiss, D. 1993. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie LIII, 48–82.
- Wiemer, B. 1996. Классификация нулевых сказуемых в русском языке по их лексическим и референциальным характеристикам // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 33, 247–273.

Юбилей в словарях и в узусе: социолингвистический урок

Над словом *юбилей* я очень долго профессионально не задумывался: *юбилей, он и в Африке юбилей*, как пишут, например, на портале «Новости Мордовии»¹ об ожидаемом в 2012 «тысячелетии единения мордовского народа с народами Российского государства»².

К размышлениям о семантике этого слова я впервые пришел при чтении Ф. И. Буслаева. А Буслаевым заинтересовался как образцовым носителем московской нормы середины теперь уже позапрошлого века, не подозревавшим, что в Петербурге говорят иначе³. В лексике Ф. И. Буслаева ничего примечательного в региональном отношении я не заметил, но узус того времени, конечно, архаичен. Во вступительной статье к мемуарам Буслаева В. Г. Фон-Бооль сообщает: *Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 г. <...> [в связи с прогрессирующей слепотой его научные занятия] прекратились вместе с празднованием его пятидесятилетнего юбилея в 1888 г.* У современного читателя возникает недоумение: в 1888 г. Буслаеву было 70 лет, юбилей же – пятидесятилетний. Интерпретация проста – речь идет не о возрасте, а о юбилее научной деятельности.

Сам Буслаев иногда употребляет это слово довольно загадочно: *Осадное положение нашего университета под грозною опалой тянулось до годовщины его столетнего юбилея⁴ 12 января 1855 года. В этот незабвенный день император Николай Павлович <...> повелел немедленно <...> привести университетские порядки и льготы в прежнее их положение.* Контекст ясно показывает, что речь идет в точности о дате, знаменующей юлианское столетие со дня подписания Елисаветой Петровной указа о создании университета; о годовщине столетия речь могла бы идти через год, в 1856 г.⁵, но вряд ли словоупотребление Буслаева можно считать бессмысленным плеоназмом. Значит, было что-то в семантике юбилея, допускавшее такое словоупотребление. Может быть, день годовщины противопоставлен юбилею

¹ <http://113rus.ru/news/2469>.

² Формулировка – по указу Президента РФ № 46 от 11.01.2009.

³ М. В. Панов писал: «Утверждение петербуржца Г. П. Павского (1850 г.), что его современники слова *голубь* и *червь* произносят как *голупь* и *червь*, вызвало искреннее недоумение рецензента-москвича: „Где же так говорят?“ – удивляется Ф. И. Буслаев. Да в Петербурге!» [Панов 1990: 245].

⁴ Разрядка в цитатах везде моя – В. Б.

⁵ Именно так писал И. А. Гончаров, посылая 31.12.1883 г. первый том своего собрания сочинений А. Ф. Кони *в годовщину юбилея, 31 Дек<абря> прошлого года.* (Юбилеем здесь названо празднование полувековой литературной деятельности Гончарова, отмечавшееся 31 декабря 1882 г.)

как официальному трехдневному торжеству? (12 января 1855 г. днем была обедня, затем торжественное собрание с речами, на следующий день – парадный обед для профессуры и гостей из Петербурга и других городов, 14-го – «студентский» обед.) В любом случае сейчас так не говорят. Вышла из употребления и обычная для Буслаева формулировка *юбилей дня рождения (Данта, Карамзина)*.

Слово *юбилей* явно не из самых простых для понимания. Существует расхожее мнение, что оно имеет библейское происхождение, но это справедливо лишь отчасти. Казалось бы, есть очевидное подтверждение: в кн. Левит в синодальном переводе читаем: *И освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей* (25:10). Но этот текст для православных значительно уступает по харизматичности церковнославянскому *И освятите лето, пятьдесятое лето, и разгласите оставление на земли всем живущим на ней: лето оставления знамение сие будет вам*⁶, что вполне соответствует греческой Септуагинте, где на месте *лета оставления* сказано *ἐνιαυτὸς ἀφέσεως*, ‘год освобождения/отпущения’. В авторитетной для западного мира Вульгате этот стих читается *Sanctificabisque annum quinquagesimum, et vocabis remissionem cunctis habitatoribus terrae tuae: ipse est enim jubilaeus*. Начиная с позднего средневековья, *annus jubileus* в католическом мире стало обозначать специально провозглашаемый год, когда посетившим Рим паломникам гарантировалось искупления грехов. Периодичность юбилейного года зависела от воли римских пап, с середины XV в. «штатные» юбилеи назначались в года, кратные 25, но некоторые по политическим обстоятельствам не могли состояться (1800, 1850); бывали и внеочередные юбилеи (напр., в 1933 и 1983 гг.). Из латыни слово *jubilaeus*⁷ попало во многие языки, однако далеко не сразу вошло в светский обиход. Не удивительно, что в первых протестантских переводах Библии оно не используется: у Лютера (1545) на месте *jubilaeus* стоит *Halljahr*⁸, в кальвинистском польском переводе (Брестская, она же Радзивилловская Библия, 1563) – *rok wolności*.

Слово *юбилей* в ветхозаветном значении не могло быть широко известно православным до 1868 г., когда появился русский перевод

⁶ В дониконианском тексте чуть иначе, но «юбилей» выглядит так же: *⟨...⟩ и да прославите оставление всем живущим на ней, лето оставления, знамение сие будет вам* (Острожская Библия).

⁷ В качестве этимона лат. *jubilaeus* обычно указывается др.-евр. *uḇḇhēl* (иногда с греческим посредником *ιοβηλαϊος*), но, как справедливо указывает, например, Collins English Dictionary, латинский библеизм «influenced by Latin *jūbilāre* to shout for joy».

⁸ В немецко-русских словарях – только ‘юбилейный год’ с пометой *библ.*; не знаю, что пишут немецкие этимологи, но думаю, не без воздействия лат. *jūbilāre* был использован корень нем. *hallig* ‘звонкий’, *Hallo* ‘шум, крик, галдёж, суматоха’, *halloen* ‘аукать; шуметь, кричать’ (внешнее сходство с шумным мероприятием Halloween, конечно, случайно).

Пятикнижия⁹, а католический юбилей инославные русские подданные называли скорее *rok jubileuszowy* или иным подходящим способом на родном языке. Разумеется, в текстах, касавшихся католицизма, и в переводной художественной литературе¹⁰ слово *юбилей* в этом значении использовалось, но для основной массы говорящих по-русски оставалось экзотизмом. Косвенным тому подтверждением служит игнорирование таких значений в толковых словарях¹¹ (в энциклопедических изданиях соответствующие статьи есть).

Использование этого слова в современном православном дискурсе, по-видимому, особой спецификой не обладает и следует за светским узусом, ср. в докладе Патриарха Алексия II на Архиерейском соборе РПЦ 2004 г.: *Нынешний, 2004 год, по милости Божией отмечен еще двумя значимыми юбилеями: 250-летием со дня рождения преподобного Серафима Саровского и 140-летием со дня рождения святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы*¹² «...» *Бог сподобил меня отметить за прошедший период два личных юбилея: в 2001 году – 40-летие служения в архиерейском сане, а в 2004-м – 75-летие со дня рождения. Именованное 2000-го года Юбилейным годом, годом Юбилея, просто Юбилеем (ср.: Сотрудничество между епархиями Русской Православной Церкви и руководством субъектов федерации получило новый импульс в связи с Юбилеем, который становится подлинно всенародным, общенациональным праздником – Алексий II),*

⁹ В профессиональном языке клириков слово было известно ранее в рейхлиновом чтении: «ИОВИЛЁЙ, Требн. лист. 305, лето оставления, уставленное по повелению Божию в Еврейском народе» [Алексеев 1815: 146]. Ср. также укр. *ювілей*.

¹⁰ Ср.: *Так Римляне, в огромный сонм столпясь, / Идут чрез мост, в год славный юбилея* (Данте, «Ад», XVIII, Пер. Д. Е. Мина, 1855). То же в более позднем переводе М. Лозинского: *Так римляне, чтобы наплыв толпы, / В год юбилея, не привел к затору, / Разгородили мост на две тропы.*

¹¹ Не совсем ясно, почему Бодуэн в 3 изд. словаря Даля не стал дополнять статью *юбилей* католическим значением слова, – в существующее толкование оно явно не укладывается. Счел его слишком периферийным? Христианином он был довольно формальным (в 1927 г. объявил о своем отходе от католицизма без перехода в какую-либо иную деноминацию), но лексикографом аккуратным.

¹² Память Серафима Саровского празднуется в день его преставления – 2 января ст. ст. (15.01 нов. ст., хотя по новому стилю скончался он 14 января 1833) и в день открытия мощей 19 июля ст. ст. (1903, то есть 1.08 нов. ст.). Родился он также 19 июля ст. ст., но по новому стилю – 30 июля. В этот день и надлежало праздновать 250 лет со дня рождения П. И. Мошнина, будущего Серафима Саровского. Подлинно круглую церковную дату, столетие со дня открытия его мощей, РПЦ пропустила годом ранее, поэтому изворотливо решила отпраздновать юбилей рождения секулярного лица в день его памяти как святого, 1 августа 2004 г. Память преподобномученицы Елисаветы РПЦ празднует в день ее кончины – 5 июля ст. ст. (1918, то есть 18.07 нов. ст.); а 1 ноября 1864 г. родилась Prinzessin Elisabeth Alexandra Luise Alice von Hessen-Darmstadt und bei Rhein.

проведение в августе 2000 г. *Юбилейного* Архиерейского собора – также обычное следствие применения светского слова *юбилей* к 2000-й годовщине христианского летоисчисления¹³. Как кажется, после 2000 г. участились случаи именованья церковью *юбилейными годами* и тех календарных лет, когда отмечались круглые церковные даты (700-летия преставления св. Даниила Московского в 2003, 600-летия преставления св. Саввы Сторожевского в 2007 и др.), так же именуются и годы юбилеев светских частных лиц, организаций и т. п.¹⁴

Далее речь пойдет о светском юбилее. Вот несколько словарных толкований:

Даль, 3 изд. (в квадратных скобках дополнения Бодуэна-де-Куртенэ): Торжество, празднество, по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия [тоже *юбилей* известного лица, для чествованья исполнившегося известного срока его ученой, артистической, преподавательской, общественной и вообще всякой другой деятельности, или же в память истекшего определенного срока со дня получения им известного отличия, напр. ученой степени].

Ушаков:

Празднование годовщины (выражающейся в круглых и крупных цифрах) деятельности какого-н. лица или учреждения. <...> || Торжественное заседание, банкет и т. п., посвященные такому празднованию.

Ожегов, 1 изд. (1949):

1. Годовщина деятельности лица или учреждения <...> 2. Празднование по этому случаю.

Шведова¹⁵

1. Годовщина чьей-н. жизни, деятельности, существования кого-чего-н. (обычно о круглой дате). <...> 2. Празднование по этому случаю.

ССРЛЯ:

Годовщина (обычно исчисляемая в круглых и крупных числах) какого-либо знаменательного события, жизни или деятельности какого-либо лица, существования какого-либо учреждения, города и т. п. <...> || Торжество, празднество по этому поводу.

МАС, 2 изд.:

Годовщина какого-л. события или жизни, деятельности какого-л. лица, существования учреждения, города (обычно исчисляемая десятилетиями, столетиями и т. п.). <...> || Торжество, празднество по этому случаю.

¹³ Ранее в связи с круглыми церковными датами номинация *юбилейный год* широко применялась к году тысячелетия крещения Руси. Разумеется, клир вместе со всей страной именовал юбилейными 1967, 1970, 1972 и другие годы советских юбилеев.

¹⁴ Все цитаты абзаца – с сайта Отдел внешних церковных связей РПЦ (mospat.ru).

¹⁵ От поздних вариантов словаря Ожегова толкование в словаре Шведовой отличается лишь формулировкой, уточняющей размерность, было: «(обычно десяти-, двадцатилетие и т. д.)».

БТС (1998/2009):

Годовщина чьей-л. жизни, деятельности, существования кого-, чего-л. (обычно о круглой дате) <...> || Торжество, празднество по этому случаю.

Словарь Ожегова, задуманный как сокращенная версия четырехтомника под ред. Д. Н. Ушакова, в поздних изданиях готовился Н. Ю. Шведовой, затем выходил под двумя фамилиями; закономерным итогом этой лексикографической линии стал словарь Шведовой, где на обороте титула она вполне заслуженно названа «автором всего корпуса словаря».

ССРЛЯ начал выходить не только позже словаря Ушакова, но и после выхода первого издания Ожегова. В основе своей он абсолютно независим, хотя все предшествующие словари учитывались (в частности, указывается первая лексикографическая фиксация слов в ранее вышедших изданиях). МАС, выпущенный первым изданием параллельно с тт. 6–12 ССРЛЯ, делался во многом тем же авторским коллективом¹⁶. О БТС его главный редактор пишет: «тексты МАС и БАС [то есть ССРЛЯ] <...> были широко использованы при подготовке к изданию БТС» [БТС: 4].

В словаре Даля речь идет о протекшем периоде / исполнившимся сроке, во всех последующих словарях центром толкования становится слово *годовщина*, если с уточнением, то либо неточным¹⁷, либо способным ввести в заблуждение¹⁸. Само слово *годовщина* во всех словарях разъясняется похоже: это календарная дата, отмечающая, что со времени определенного события прошел очередной год. Различие между двумя типами толкований вполне очевидно: в одном случае отмечается измеряемый годами протяженный промежуток, в другом – точное событие, произошедшее на определенное количество лет ранее.

¹⁶ Автор статьи **юбилей** в МАСе – В. П. Петушков, исправления и дополнения в букву Ю во 2-м изд. МАС вносила С. Л. Баженова; в последнем томе ССРЛЯ им принадлежат, соответственно, статьи **я–явь** и **энергетизм–эпигонство, язык–язычок** (статья **ю–ююба** готовила К. А. Логинова).

¹⁷ У Шведовой и в БТС – «обычно о круглой дате», при том что *круглая дата* согласно этим словарям кратна десяти. В МАСе – то же но более определенно. Между тем четвертьвековым юбилеям у католиков более 500 лет, в России они известны с Екатерининских времен, а речение *семидесятипятiletний юбилей* иллюстрирует в МАСе соответствующее прилагательное.

¹⁸ В словаре Ушакова упоминаются «круглые и крупные цифры», в 17-томном словаре – такие же *числа*. Следует иметь в виду, что согласно этим словарям круглые цифры получают «отбрасыванием дробных единиц счёта», в других словарях практически так же: «считаемый <...> без дробных, мелких единиц счёта» (Шведова, БТС). Исключением стал новый БАС, где *круглые цифры* толкуются как «количественные показатели без мелких дробных единиц» [т. 8: 688]. То есть крупным является не только всякое целое число, но и – наверняка – 2,5, поскольку половина – не самая мелкая из возможных дробных частей. К числу «круглых и крупных цифр» относится 4: в статье **четырёхлетний** словаря Ушакова приведено речение *четырёхлетний юбилей*.

При первом понимании наступление *первого юбилея* зависит от размерности: один так обозначит 10-ю годовщину, другой – 25-ю или 50-ю. С последующими пронумерованными юбилеями – сложности: для одного носителя языка действует шкала 25–50–75–100..., для другого – 25–30–35–40–45..., для третьего – 25–50–60–70–75...

Если же *юбилей* – это *годовщины*, то особых сложностей с их исчислением нет: уже по ушаковскому толкованию высказывание *Двадцатый юбилей завершения первого издания (1961) МАС отметил началом выпуска второго (1981)* почти безупречно: немногие будут оспаривать утверждение, что 20 – цифра круглая и достаточно крупная. Произведенное же в МАСе уточнение (*годовщина обычно исчисляемая...*) делает вполне допустимой и фразу *23-й юбилей МАСа ознаменовался завершением его переиздания (1984)*. На мой взгляд, кодификаторы тут несколько опередили норму, для середины прошлого века такое понимание юбилея было редким. И сейчас многие носители литературной нормы выражения типа *23-й юбилей* в значении ‘23-летие’ воспринимают как что-то вроде просторечия.

Две детали роднят словарь Ушакова с предшествующим: на первый план выносятся *п р а з д н о в а н и е*, но празднование определенного *в о з р а с т а ч е л о в е к а* («годовщина жизни») не упоминается.

Только что перечисленные различия в толкованиях отражают динамику узуса. Но кое в чем словари узусу заведомо противоречат.

Неполная адекватность толкований фактам языка – увы – неизбежна; чем раньше составлен словарь, тем менее обоснованы претензии к нему. Но более поздние словари положено готовить с учетом уже известного, поэтому статью из словаря Шведовой – самого позднего из изданных полиграфически – трудно не считать итоговым взглядом лексикографов XXI века на слово *юбилей*, особенно имея в виду, что в электронной версии другого современного словаря, БТС, толкование содержательно не отличается¹⁹.

Между толкованием ССРЛЯ и последующих словарей имеется существенная разница, очевидная всякому, пережившему известный юбилей 1967 г. Поскольку в ССРЛЯ *юбилей* и годовщина *с о б ы т и я*, и годовщина *с у щ е с т в о в а н и я* чего угодно («и т. п.»), этот словарь обслуживает обе ипостаси упомянутого юбилея: *50-летие Великого Октября* (годовщина события) и *50-летие Советской Власти* (годовщина существования институции).

Создатели МАСа сняли «и т. п.», выведя за пределы нормы *юбилей Советской Власти* (советская власть – не учреждение и не город). Н. Ю. Шведова проигнорировала появившееся в ССРЛЯ и МАСе сло-

¹⁹ Словник версии БТС, размещенной на Грамоте.Ру (2009), в сравнении с бумажным прототипом расширен, в толкования вносились уточнения. Статья *юбилей* осталась неизменной, то есть ее можно рассматривать как интерпретацию этого слова на 2009 г.

во *событие*, по сути, наложив запрет на *юбилей Великого Октября* (*юбилей Победы* и т. п.). Моему чувству языка это противоречит (как и констатация МАСом и поздним Ожеговым обычности юбилеев, кратных 10 годам, в сравнении, например, с 25-летними: по-моему, второй не менее обычен).

Позиция Шведовой может получить некоторое оправдание: в ожеговской линии словарей годовщины *событий* и раньше не упоминались, а недоучет сделанный коллегами, пусть и маститыми, – недостаток по-человечески понятный, особенно при профессиональной ревности. Иное дело – БТС, «порвавший» в статье *юбилей* с непосредственными предшественниками.

Интерпретировать инновации (или их отсутствие) в словарных кодификациях последних десятилетий можно по-разному.

Сомневаться в профессионализме академических лексикографов не дерзну, в их функциональной грамотности (способности понимать чужой текст и аккуратно вербализовать собственную мысль) – тем более. Поэтому предпочитаю мягкую интерпретацию: словарные толкования расходятся или могут вызывать недоумение заведомо грамотного читателя-современника по простой причине – различаются индивидуальные нормы лексикографов²⁰ и/или пользователей словаря. Принято считать, что авторитетные лингвистические издания кодифицируют объективно сложившуюся норму. В отношении морфологии или орфографии это, за исключением мелких волонтаристских решений, справедливо, в отношении лексики – сомнительно. «Имплицитно норма выступает в виде образца или, точнее, текстов, считаемых образцовыми» [Ицкович 1982: 11], но лексикографы часто подменяют анализ узуса интроспекцией, в результате словари нередко фиксируют словоупотребление своих создателей [см. *Беликов* 2009].

Узус, который по социолингвистическим параметрам приходится признавать нормативным, иногда оказывается настолько противоречив, что устраивающая всех кодификация попросту невозможна.

²⁰Норма одних коллег может порождать гневные филиппики лексикографов: «ни в одном авторском, ответственном словаре мы не найдем таких ошибок и непоследовательностей, которые нам в изобилии предлагает компилятор. Примеры такого „составления“ в изобилии рассыпаны в „Большом толковом словаре русского языка“» [Шведова 2001: 16]. Норма других вполне заслуживает уважения: «Словарь как научное произведение может быть или собственн авторским, или коллективным трудом», в качестве примера последнего указывается ССРЛЯ, где «работал коллектив высококвалифицированных специалистов, присутствовала ответственная редакция» [Там же: 15]. Тем не менее, в обсуждаемой статье новшество, введенное в ССРЛЯ (и, на мой взгляд, соответствующее нормативному узусу) было проигнорировано. Интерпретирую мягко: игнорирование сознательное и отражает позицию автора словаря. Составители ССРЛЯ продемонстрировали свой взгляд на норму, Н. Ю. Шведова – свой. У меня свой, в данном случае близкий к ССРЛЯ.

Орфоэписты, пусть и не совсем явно, но давно признали сосуществование старшей и младшей возрастных норм, а также двух региональных – московской и ленинградско-петербургской. Сходные решения по части лексики обычно встречаются у специалистов отторжение: всё «чужое» оценивается как «так никто не говорит»; но факты в этих случаях постоянно напоминают об анекдоте, заканчивающемся фразой *Всю Одессу она удовлетворяет, а его не удовлетворяет*.

Трехвековая история слова *юбилей* в русском языке не обошлась без серьезных изменений в его использовании. Менялись поводы к юбилею, характер его проведения и размерность. Ограниченный объем не позволяет в полной мере охарактеризовать все параметры, остановлюсь в основном на размерности, в частности, потому, что здесь современная норма явно не единообразна, при этом корреляции различий с территориальной или возрастной стратификацией языка не усматривается.

Согласно М. Фасмеру в русском языке *юбилей* появляется «начиная с Петра I», но как именно слово употреблялось в XVIII веке за скудостью доступного материала судить трудно. Вот два отчасти противоречащих друг другу ранних примера.

М. М. Херасков к 25-летию царствования Екатерины II (1787) сочинил пролог с хорами «Счастливая Россия, или Двадцатипятилетний юбилей». Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» пишет о Петербурге 1800 г. *молодой город, который тогда не праздновал еще и первого своего юбилея*, явно имея в виду, что первый юбилей ожидался в 1803 г.; возможно, достойной размерностью для города считалось лишь столетие, ср. в современном тексте: *Первые юбилеи Петербурга пришлись на 1803 и 1903 годы* (М. Л. Гаспаров, О. Ронен. Похороны солнца в Петербурге. О двух театральных стихотворениях Мандельштама)²¹.

В следующем примере неясна не только размерность, но и повод; о них можно лишь гадать, основываясь на характере юбилейного торжества. 19 февраля 1832 г. известный издатель и книготорговец А. Ф. Смирдин устроил обед в честь открытия нового магазина на Невском проспекте, куда были приглашены литераторы разных направлений (Жуковский, Крылов, Пушкин, Греч, Булгарин и мн. др.). Д. И. Хвостов приветствовал хозяина стихотворным тостом:

*Угодник русских муз, свой празднуй юбилей,
Гостям шампанское для новоселья лей <...>*

²¹ В применении к лицам и иным сущностям размерность юбилея у этих авторов меняется: М. Л. Гаспаров писал о Г. Шенгели в 1997 г.: *родился в 1894 и умер в 1956 г. Его юбилеи были не шумные* («Георгий Шенгели, ученый поэт» – столетним тут мог быть лишь один юбилей), упоминал *80-летний юбилей* книги Жирмунского «Байрон и Пушкин» («Как писать историю литературы»). О. Ронен называет юбилеем 70-летие А. Е. Парниса («Поединки») и 80-летие Вяч. Вс. Иванова («Цветущая плодоносность»).

Один из участников праздника, литератор М. Е. Лобанов, позднее писал: «стихи, к удивлению, недурны, приличны случаю, и нет в них ни одной глупости»²². Однако что за юбилей имелся в виду? Смирдину незадолго до этого исполнилось 37 лет, мальчиком в книжной лавке он служил с 8 лет, его собственная издательско-книготорговая деятельность началась в 1823 г. Других отзывают об этом симпозиуме (в исконном античном смысле) как о юбилее найти не удалось.

Рискну предположить, что автор и согласившийся с ним Лобанов (*стихи <...> приличны случаю*) юбилееобразующим поводом считали открытие магазина, тогда юбилей здесь – всего лишь ‘празднование с пиршеством’. На сходное понимание юбилея указывают другие примеры, где повод празднования очевиден, а размерность неожиданная. П. В. Анненков писал о банкете 29 ноября 1847 г., в день 17-й годовщины польского восстания («Замечательное десятилетие»): *Б[акунин] произнес на юбилее <...> свою известную речь, в которой остерегал поляков от попыток примирения с врагами*. Н. М. Минский, встретив 91 годовщину взятия Бастилии в Париже, оформил свои впечатления словами: *Я видел праздник на чужбине, / Свободы славный юбилей* («На чужом пиру», под стихотворением дата: 14 июля 1880). Для этих примеров либо придется постулировать любую размерность (что серьезно противоречит многим сотням других примеров вплоть до первых десятилетий XX века), либо считать что размерность тут нерелевантна. Вероятно, так же следует рассматривать юбилей в историко-фантастическом романе А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835): *Эрик <...> просил [Владимира] пробыть у него в Упсале юбилей в честь Инге-Фрея. <...> Это празднество совершалось чрез каждые семь лет в воспоминание Инге-Фрея, внука Одинова*. Хотя есть прямое указание на периодичность, дело не столько в семилетии, сколько в воспоминании. Юбилеем могло именоваться и торжественное празднование, для которого трудно усмотреть временной антецедент. Свидетели событий, связанных с открытием памятника Пушкину в Москве, и их младшие современники нередко писали о *пушкинском юбилее 1880 г.*²³; здесь юбилееобразующим поводом было не конкретное событие, а личность Пушкина.

Такого рода мемориальные юбилеи, не имеющие календарной размерности, в XIX веке были редкостью²⁴, нормой было празднование

²² См. издание «Пушкин и его современники», вып. XXXI–XXXII. Л., 1927, с. 114.

²³ Ср. у М. О. Меньшикова (1859–1918): *Юбилей Пушкина совсем нечаянно обратился как бы в коронацию Достоевского* (Памяти Ф. М. Достоевского, 1911) и у Н. К. Пиксанова (1878–1965): *Накануне пушкинского юбилея 1880 года <...> Гончаров писал: «... Пушкин – отец, родоначальник русского искусства, как Ломоносов – отец науки в России»* (Гончаров, в кн. История русской литературы, Т. VIII. Ч. 1, 1956).

²⁴ В XX веке они сошли на нет. Позднейшим аналогом могут служить юбилейные торжества с условной размерностью. С конца 1930-х гг. начали праздновать юбилеи

измеряемых юбилеев, а стандартной размерностью долго служило пятидесятилетие. Исследователь государственных юбилеев считает, что «отход от традиционной трактовки термина “юбилей” как числа, кратного 50-ти (в исключительных случаях – 25) годам» произошел перед Первой мировой войной [Цимбаев 2005: 42], но в действительности этот процесс начался лет на 30–40 ранее²⁵. Понятие *юбилей* перестало быть однозначным. Как результат А. Н. Майков в заголовках традиционных поздравительных стихотворений уточняет его размерность: «Я. П. Полонскому. Читано на его пятидесятилетнем юбилее 10 апреля 1887 г.», А. А. Фету. В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.; 20 годами ранее Тютчеву этого не требовалось, ср.: «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», 1861; «На юбилей князя А. М. Горчакова», 1867.

В начале XX века для государственных юбилеев по-прежнему характерна размерность в сто и пятьдесят лет, но для индивидуальных и корпоративных юбилеев (отмечающих дату создания предприятий и т. п.) стандартной становится иная шкала: десятилетие и все последующие даты, кратные пяти. Ср. в воспоминаниях Вас. И. Немировича-Данченко о Ф. Ф. Фидлере: *Мне в большой минус он ставил, что, проработав (до его смерти) пятьдесят три года – я ни разу не отпраздновал своего юбилея. – Подумай... ты мог бы уже сколько, постой: 10-летний, 15-летний, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50. Девять юбилеев. Ты понимаешь, девять юбилеев справить! Девять юбилеев! Все справляют, а ты что за цаца?* («Памятка о неугасимой лампаде», 1921).

С начала XX века в использовании слова *юбилей* проявилось две инновации: во-первых, именовать юбилеями даты, не предполагавшие радостных торжеств²⁶, во-вторых, вольно корректировать размерность эпоса: для «Витязя в тигровой шкуре» и «Слова о полку Игореве» даты были условны, но правдоподобны. Для остальных о правдоподобии и речи нет. Показателен намечавшийся на 1942 г. юбилей бурят-монгольского эпоса «Гэсэр»: Г. Д. Санжеев был сторонником 500-летия, Н. Н. Поппе – 1200-летия. Тысячелетие «Гэсэра» был отмечено лишь в 1995 г. Условны и юбилеи типа упомянутого вначале надвигающегося торжества в Мордовии: Лаврентьевская и Ипатьевская летописи под 6519 г. (1011/1012 г. от Р. Х.) сообщают лишь о кончине супруги кн. Владимира Анны, события следующего 1011/1012 г. летописцами не упоминались. В 1985 г. отмечалось 500-летие добровольного вхождения мордвы в состав Русского государства, но единственное заметное событие 1485 г. – захват Москвой Великого княжества Тверского.

²⁵ В 1873 г. чествовались, например, такие разные десятилетние юбилеи, как граф Ф. Ф. фон Берг (в должности наместника Царства Польского) и А. А. Краевский (как редактор-основатель газеты «Голос»). В артистической среде процесс празднования «нестандартных» юбилеев начался ранее (ср. двадцатилетие работы Прова Садовского в Малом театре, 1859 г.).

²⁶ Ср. недавние газетные заголовки «Скорбный юбилей»: «Новые Известия», 19.05.2004; «АиФ-Самара», 18.10.2007; «Вечерний Петербург», 20.11.2008, «Курская правда», 28.04.2011.

юбилея. Обе хорошо иллюстрирует поэма А. В. Луначарского «К юбилею 9 января», опубликованная в газете «Пролетарий» 9.08.1905. Семимесячные юбилеи, как у Луначарского, не прижились, но признание юбилейного характера за совсем некруглыми датами постепенно входило в обиход. В. И. Ленин в 1914 г. писал: *День 2-летнего юбилея газеты «Правда» сделался днем подсчета марксистских сил* («К итогам дня рабочей печати»). Маяковский в сентябре–декабре 1921 г. в Москве, затем в Харькове отмечает «Дювлам» («Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского»). В первом номере журнала «Смена» (1924) публикуется статья о выходящей четыре года газете: «Юбилей „Юношеской правды“». Упомянувшееся речение *четырёхлетний юбилей* в словаре Ушакова косвенно кодифицировало такой узус.

Такая практика привела к именованию юбилеем любых годовщин. В 1939 г. «Смена» публикует заметку «Театр станицы Вешенской», где вторая годовщина театра *четырежды* названа юбилеем; показательна и такая фраза из этой статьи: *Вот Малому за сто – это юбилей! Сто лет – безусловный юбилей, но «за сто» в то время сочли бы юбилеем далеко не все носители литературной нормы*²⁷.

К XXI веку использование слова *юбилей* как полного синонима годовщины многими оценивается как ненормативное. Когда я привел несколько такого рода примеров из электронных СМИ на конференции «Юбилей в культуре» (РГГУ, апрель 2011 г.), – *не за горами 400-й юбилей династии Романовых* (М. Пешкова, «Эхо Москвы», 02.09.2007) и т. п., коллеги проинтерпретировали эти слова в прямом эфире как свойственный устной речи «небрежный эллипсис»: *четырёхсотый* вм. *четырёхсотлетний*, подразумевая, что в подготовленном тексте такого быть не должно.

Но «не должно» – это оценка, узус же поставляет подобные примеры в огромном количестве. На той же радиостанции в заведомо подготовленном тексте поминался *53-й юбилей горнолыжника* («Радиодетали», «Эхо Москвы», 8.10.2005); мне тут не кажется нормативным ни *53-й*, ни *юбилей*. Поскольку чествовавшийся радиостанцией юбиляр (В. В. Путин) более известен как дзюдоист, и *горнолыжника*, и *53-й*, и *юбилей* можно отнести к юмору, но юбилеи регулярно измеряются числом лет и там, где эллипсиса или юмора не усмотришь.

Один автор удивляется факту празднования неровной даты, но сам называет ее юбилеем: *Вдвоем они были в тот год летом в Питере* (Хрущев и Булганин в 1956 г.), *отметив странно некруглый 153-й юбилей основания города и прокатившись по его проспектам в открытой машине* (Д. Бобышев. Я здесь // «Октябрь» 2001, №4). Другой, похоже, так именует каждую годовщину начала своей политической биографии: *Это было 3 декабря 2008 года – в сорок третий юбилей моего*

²⁷ На момент публикации статьи (май 1939) Малому театру было 114 лет.

выступления с речью против решения «признать заслуги Сталина» (Григорий Померанц. Черная харизма // «Континент» 2009, №139)²⁸.

Всеобщего признания ни «неровные», ни «многогодовые» юбилеи не получили, но тенденция именовать юбилеем самые разные годовщины распространилась очень широко. Просмотр текстов, где упоминается «первый юбилей», показывает, что таковым может быть, год, три, пять, десять и т. п.²⁹.

В артистической среде уже более ста лет обычны **некалендарные юбилеи**. О. Л. Книппер пишет Чехову о сотом спектакле «Царь Федор Иоаннович»: *Санину* [один из актеров] *за юбилей преподносят целую библиотеку* (26.01.1901). Характерен предлог: не *на юбилей*, а *за юбилей* – это «юбилей продукции». Словари такого значения игнорируют, хотя во второй половине XX в. сходные юбилеи отмечаются в самых разных сферах: юбилейные матчи и шайбы в спорте, юбилейные плавки у металлургов (здесь исчисляемой единицей становятся миллионы тонн металла), 30-й юбилейный роман Доценко, 100-й юбилейный роман Донцовой и т. п.³⁰.

По крайней мере с 1920-х гг. журналисты стали *отмечать* (в смысле ‘указывать на что-либо’) юбилеи, которые, если и праздновались, то только с их же подачи; такой тип юбилея жив и по сию пору³¹. Вероятно, это стало одним из источников обычая, в отсутствие иных поводов для застолья, отмечать юбилеи граненого стакана и русской балалайки³².

По-видимому, лишь с середины XX века юбилеями начинают называть общественно незначительные годовщины (и не только годовщи-

²⁸ Имеется в виду широко распространившийся в самиздате доклад «О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива», прочитанный в Институте философии 3.12.1965.

²⁹ Первый юбилей может также высчитываться в месяцах или днях: 1 ноября ОАО «Свердловэнергобыт» отметил первый юбилей работы на оптовом рынке электроэнергетики и мощности («Новый Регион – Екатеринбург» за 2.11.2005; речь о 6 месяцах); В конце марта Московская городская дума IV созыва (...) отметила первый юбилей – 100 дней работы в новом составе (Известия, 20.04.2006).

³⁰ В повседневном бытовом узусе юбилейными называют пятого (десятого) внука, пятую (десятую) турпоездку и т. п.

³¹ Ср. заголовки: Юбилей свечи (Смена, № 48, февраль 1926; о столетии стеариновых свечей); Славный юбилей незаметного события (Техника-молодежи, 2001, № 12, о столетии производства мотоциклов в России).

³² Другим источником этих торжеств, вероятно, послужила память о праздновании юбилея дома Романовых, не случайно стандартной размерностью выступает 300 лет, ср.: *И целый народ за редким исключением предпочел справить трехсотлетие граненого стакана* (Сергей Гандлевский. Трепанация черепа); *Че, блин, 300 лет русской балалайке? Я тоже хочу выпить* (Ариадна Корнилова. Могу не приезжать... // Урал» 2000, №10).

ны) индивидуальных и семейных событий³³. Поводы для таких юбилеев столь же разнообразны, как и размерность, ср. запись в Твиттере:

Сегодня у меня юбилей – 3 недели как бросил курить. Если учесть, что этот раз тоже третий, то сегодня юбилей в квадрате.

Родители празднуют юбилей ребенка и в десять, и в пять лет, и в один год. Но юбилейный срок может быть существенно короче, вот записи из блогов:

В субботу Ванька отметил свой первый ЮБИЛЕЙ в полном смысле этого слова – 10 мес.

Малышке сегодня уже 20 дней, скоро будем праздновать самый первый юбилей в ее жизни – первый месяц:)

У сына первый юбилей – 10 дней!

Нам 25 ... неделек (первый юбилей?) [подпись под фотографией беременной]

То же и с заключением брака: одни празднуют его юбилей в два месяца, другие – два юбилея в месяц:

а еще у нас сегодня юбилей: два месяца со дня свадьбы, будем праздновать в узком семейном кругу.

Так что юбилея у нас каждый месяц два: обычная свадьба и настоящая свадьба (венчание).

Но мнения взрослых о том, что можно называть собственным юбилеем расходятся, ср. такой диалог в ЖЖ относительно тридцатилетия:

viper1980: *По многочисленным просьбам трудящихся и тунедяцев – отдельный поцст по поводу моего ДР. Ну типо мне плешь проели, дескать, первый юбилей в жизни.*

max1976: *А первый юбилей – это разве не десять лет?:)*

viper1980: *Ну в десять лет – какой же это юбилей без водки????????:))))*

max1976: *А 20 лет? Тоже юбилей, и вотку уже вполне можно квасить)*

³³ До широкого развития блогосферы доступа к текстам личного характера по существу не было, публикации переписки и дневников известных людей немногочисленны и зачастую фрагментарны, поэтому судить о реальном повседневном узусе прошлых десятилетий достаточно сложно. Но домашние месячные юбилеи существуют достаточно давно. Лев Мочалов в предисловии к подборке стихов покойной жены вспоминает, как 1 августа 1960 года она преподнесла ему папку со своими стихами и надписью «...» *Сегодня у нас опять юбилей – 7 месяцев* «...» (Нонна Слепакова. Стихи // «Нева» 2006, №2).

viper1980: *А вот в 20 как раз квасили, но это еще не юбилей, так, молокосос еще...*

* * *

Подводя итог, можно констатировать, что единственное, что объединяет все способы использования слова *юбилей* – некоторый элемент натурального ряда. Если он не обозначает временной отрезок, то юбилейное число должно быть кратным пяти. Для минимальных временных отрезков – дней – число кратно 10. При исчислении годами размерность юбилея может выражаться любым целым числом, редко в качестве юбилея фигурирует полтора года. Для месячных юбилеев до года несколько чаще остальных упоминаются 1, 2, 5, 6 и 10 месяцев, «последоводные» месячные юбилеи редки (обычно 15, 20 и 25 месяцев), как и недельные. Юбилеи обычно отмечаются, но не обязательно в значении ‘устроить празднество’, иногда же они остаются незамеченными³⁴.

Это широкое понимание юбилеев. Многие индивидуальные нормы словоупотребления существенно уже, довольно часто именование чего-то юбилеем подвергается критике типа «это не юбилей», но не удается наложить ограничения на семантику рассматриваемого слова и способы его использования так, чтобы это соответствовало узусу всех носителей литературной нормы или их явного большинства. Возможно, существуют какие-то социальные ограничения, но пока их трудно сформулировать.

Литература

Алексеев П. Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах <...> Ч. 2: От Е до Н. Москва: В Синодальной Типографии, 1815.

Беликов В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М.: РГГУ, 2009.

БТС: Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 1998.

Даль: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. – СПб –М.: Т-во Вольф. – Тт. 1–4, 1903–1909.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

³⁴ Ср. заголовки статей, посвященных совсем разным юбилеям: И. Н. Григович. *Незамеченный юбилей (к 80-летию статьи С. П. Федорова «Хирургия на распутье»* (Вестник хирургии, 2007, № 5); *Незамеченный Юбилей* (сайт «Школа эффективных лидеров», 19.12.2008 о 97-летию Л. И. Брежнева).

- Новый БАС: Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М. –СПб: Наука. Т. 8. Каюта –Кюрины, 2007.
- Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII –XX вв. – М.: Наука, 1990.
- ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 –1965. – Тт. 1 –17.
- Ушаков: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: СЭ; ОГИЗ, 1935 –1940.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.
- Цимбаев К. Н.* Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история, 2005, № 6.
- Шведова 2007: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Ин-т рус. яз. РАН. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007.
- Шведова Н. Ю.* Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа.) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию С. И. Ожегова. М: Индрик, 2001.

Раздел 4. «Площадка молодняка»

Н. А. Муравьев (Москва)

О семантической мотивированности противопоставления «временной контекст – сопровождающее обстоятельство» в деепричастиях финно-пермских языков

Введение

Финно-пермские, как и многие другие финно-угорские языки, обладают развитой системой деепричастий, состоящей из четырех и более деепричастных форм, однако, как справедливо отмечают Е. А. Цыпанов и Л. А. Андреева, «их статус и связанные с этим проблемы как терминологического, так и интерпретационного характера далеки от ясности и однозначности восприятия» [Цыпанов, Андреева, 2010: 102]. Обилие таких форм в финно-пермских языках объясняется их происхождением от отглагольных имен (большинство из которых в настоящее время утратились), употребляющихся, кроме того, в различных падежах, выражающих временное значение. Развитое словообразование и словоизменение в этих языках позволило перешедшим в разряд деепричастий формам не только выражать различные таксисные отношения, такие как одновременность, предшествование и следование, но и по-разному характеризовать основное действие, выражаемое финитным глаголом.

Существует целый ряд таких характеристик, и некоторые из них перечислены в работах [Nedjalkov, 1995: 107] и [König, 1995: 64]. К таковым относятся место, время, образ действия, сравнение, инструмент, причина, цель, условие, сопровождающее обстоятельство, замещающее действие, уступка, и прочие. Если говорить о финно-пермских языках, то в них из всего этого многообразия отдельными формами выражаются характеристики времени, сопровождающего обстоятельства, а также не упомянутые в списке характеристики так называемого внешнего или прагматического следствия, близкие по значению дее-

причастиям следования, и отсутствующего действия с характерным для финно-угорских языков показателем каритива. Кроме того, в удмуртском языке отдельной формой выражается характеристика причины, а в коми-зырянском – характеристики сопровождающего положения и состояния, о которых будет сказано ниже.

Время и сопровождающее обстоятельство

Применительно к финно-пермским языкам, из всех перечисленных характеристик наибольший интерес представляют собой первые две достаточно близкие характеристики времени и сопровождающего обстоятельства, которые лежат в основе противопоставления деепричастий одновременности. Близость их, если брать только эти формы, состоит в том, что деепричастия и с той и с другой характеристикой выражают второстепенное действие, совершаемое одновременно с главным действием, и во многих языках, не входящих в финно-угорскую семью (в частности, в русском, ср. примеры 1–3 и 4–5) эти характеристики выражаются одной и той же формой. По классификации В. П. Недеялкова [Nedjalkov, 1995], деепричастия с характеристикой времени относятся к классу *temporal* ‘временные’, а деепричастия с характеристикой сопровождающего обстоятельства – к классу *nontemporal* ‘невременные’. При этом, хотя способность выражать различные таксисные отношения приписывается только первым, материал финно-пермских языков позволяет говорить о таковой и в отношении вторых. Объяснение различий временных и невременных форм имеется в работе [Храковский 2009: 61–70, 101–104].

Деепричастия временного контекста

Значение деепричастия времени, выражающего одновременное действие, состоит в том, что оно представляет зависимое действие в виде временного промежутка, в пределах которого совершается главное действие или, иными словами, задает временной контекст главного действия. Деепричастный оборот в таких случаях может быть заменен придаточным предложением с союзом *когда*, *пока*, *всякий раз как* или отглагольного имени с предлогом (с его приходом, в течение нашего разговора). Однако название «деепричастия времени» как таковое не совсем точно, и в дальнейшем такие деепричастные формы мы будем называть формами временного контекста, а не просто времени, так как время совершения главного действия зачастую не совпадает полностью со временем совершения второстепенного действия. В финно-пермских языках деепричастные формы временного контекста представлены коми-зырянской формой с суффиксом *-иг/-ыг-* (см.

пример 1 ниже), коми-пермяцкой формой с суффиксом -ик- (пример 2) и удмуртской формой с суффиксом -ку- (пример 3), которые, согласно предположению, высказанному в работе [Серебренников, 1963: 301–302], имеют общее происхождение.

к-зыр. (иж.)

- (1) обет-сэ пу-ыг-ен сыа сёрнит-іс
 обед-ACC.POSS3SG варить-CONV-INSTR он говорить-PST.3SG
 ёргъ-яс-кед
 друг-PL-COMIT
Готовя обед, он говорил с друзьями.

к-перм.

- (2) ай-ө ограда-от ветлөт-ік-ө кин-өс-кө видзчис-ис
 отец-POSS1SG двор-PROL ходить-CONV-ILL кто-ACC-INDEF ждать-PST.3SG
Отец, расхаживая по двору, кого-то ждал.

удм.

- (3) мон кылыл-й со мар-ке вер-аз
 я слышать-PST.1SG он что-INDEF сказать-PST.3SG
 дор-тй-мы ортчы-ку
 край-PROL-POSS1PL проходить-CONV
Я слышал, как он что-то сказал, проходя мимо нас.

Деепричастия сопровождающего обстоятельства

Деепричастие сопровождающего обстоятельства представляет собой в некотором роде противоположную форму, поскольку не задает собственного временного контекста, а само помещается во временной контекст, задаваемый главным действием. Значение такой формы состоит в том, что она представляет зависимое действие как некоторое прагматическое дополнение к основному действию. Деепричастный оборот с формой сопровождающего обстоятельства обычно заменяется на сочиненную клаузу с союзом *и* или его более точным эквивалентом для данного случая *и при этом*. В финно-пермских языках для выражения такого значения используется общая для коми языков форма на -ömön (пример 4, коми-зырянский) и удмуртская форма на -са (пример 5).

к-зыр. (печ.)

- (4) сотт-ой йөл векöтарö гудрал-öm-өн
 добавить-IMP.2PL молоко постоянно помешивать-NMN-INSTR
Добавьте молоко, постоянно помешивая.

удм.

- (5) со ярдур-ын пук-из ву-э кӧльы-ос-ты куя-са
он берег-ESS сидеть-PST.3SG вода-ILL галька-PL-ACC бросать-CONV
Он сидел на берегу, бросая камни в воду.

Критерии выбора одной из двух деепричастных форм

На первый взгляд кажется, что любое второстепенное действие в зависимости от выбора говорящего, основанного на прагматическом контексте двух описываемых ситуаций, может быть проинтерпретировано по отношению к главному действию либо как временной контекст, либо как сопровождающее обстоятельство. И действительно в некоторых случаях возможно вариативное употребление обеих форм, как, например, в примере (6) из коми-зырянского языка. Пример (6) приведен из говора села Мужы коми-зырянского языка, где для обозначения сопровождающего обстоятельства вместо формы на -ӧмӧн употребляются формы на -ыгмоз и -ыгтыр, различающиеся по степени интенсивности действия.

к-зыр. (иж.)

- (6) ай-ис ме выл-ам видед-ыг-ас / -ыг-моз / ?-ыг-тыр
отец-POSS3SG я верх-ILL.POSS1SG смотреть-CONV-ESS.POSS3SG / -CONV-ATT / -CONV-INT
люмъял-ic
улыбаться-PST.3SG
Отец, глядя на меня, улыбался.

Однако в большинстве случаев оказывается, что у говорящего нет свободного выбора, и в каждом сочетании двух действий для выражения второстепенного действия при помощи деепричастия может использоваться только одна из двух форм. На этом основании логично предположить, что выбор деепричастной формы мотивирован не столько прагматическим контекстом сочетания двух ситуаций, сколько семантикой предикатов. Но тогда неизбежно возникает вопрос, какие именно семантические свойства глаголов влияют на выбор деепричастных форм.

Включение действий

Если начать с наиболее простого и очевидного, то часто бывает так, что одно действие не просто не совпадает по длительности с другим действием, а является моментальным или существенно меньшим по длительности, чем другое и, тем самым, полностью включается во временной промежуток, задаваемый другим действием. Из сказанного выше уже следует, что действие, задающее временной промежуток, будет выражено деепричастием временного контекста. Обратная же

ситуация, когда деепричастием выражается включаемое действие, невозможна (ср. примеры 7 и 8 из удмуртского языка).

удм.

- (7) кошк-ык-уз выны ас уж-зэ йылпумъя-ны
уезжать-CONV-POSS3SG брат свой работа-ACC.POSS3SG закончить-INF
кур-из.
просить-PST.3SG
Уезжая, брат попросил меня доделать его работу.
- (8) *выны кошк-ык-уз ас уж-зэ йылпумъя-ны
брат уезжать-PST.3SG свой работа -ACC.POSS3SG закончить-INF
кур-ик-уз
просить-CONV-POSS3SG

Однако этот случай не столь очевиден, и есть отклонения от закономерности, причем в удмуртском и в коми эти отклонения носят разный характер. В удмуртском языке формы со значением причины, условия, уступки и прочих невременных обстоятельственных значений выражаются деепричастной формой сопровождающего обстоятельства. Поэтому даже если между действиями имеется отношение включения, предполагающее употребление деепричастия временного контекста на -ку, при наличии между ними какого-либо другого невременного отношения выбор делается в пользу формы сопровождающего обстоятельства на -са (ср. примеры 7 и 9).

удм.

- (9) сопал-а мыны-са мы йыром-омы
та.сторона-ILL идти-CONV мы заблудиться-PRS.1PL
Идя дальше в ту сторону, мы заблудимся.

В коми-зырянском и коми-пермяцком языках, такой проблемы не возникает, поскольку любое невременное обстоятельственное значение выражается формой временного контекста. Однако если в этих языках второстепенное действие выражается при помощи глаголов со значением состояния или положения субъекта, принадлежащих, по Вендлеру, к акциональному классу глаголов состояния [Vendler, 1967], то вместо ожидаемого деепричастия временного контекста на -икö/-ыген может быть употреблено деепричастие сопровождающего обстоятельства на -öмön. Деепричастия в таком употреблении мы назовем деепричастиями сопровождающего положения/состояния. В литературном коми-зырянском языке для таких случаев существуют особые формы (см. пример 11). Необходимо также отметить, что деепричастия сопровождающего положения/состояния, в действительности, описывают не включение главного действия в зависимое, а ско-

рее характеристику субъекта непосредственно в момент совершения главного действия (см. ниже пример 10 из коми-пермяцкого языка и 11 из коми-зырянского языка).

к-перм.

- (10)төн кага-ыс ланьт-іс вод-өм-өн/*-ік-ө
 вчера ребенок-POSS.3SG уснуть-PST.3SG лежать-NMN-INSTR/-CONV-ILL
Вчера ребенок уснул лежа.

к-зыр. (лит.)

- (11)лӧөн-яс, – эскӧд-ана-ӧн вочавидз-іс сек Степан
 успокаиваться-FUT.3SG уверять-CONV-INSTR ответить-PST.3SG тогда Степан
«Успокоится», – уверяюще ответил тогда Степан [Бубрих, 1949: 137].

Прерывность/непрерывность действия

Более сложный случай возникает, когда между ситуациями нет отношения включения, то есть когда временные промежутки двух действий в той или иной степени совпадают. Для решения данной проблемы рассмотрим два коми-пермяцких примера: (12) и (13).

к-перм.

- (12)уджал-ік-ө/*-өм-өн сія отвечайт-іс гижӧт-тэз выл-ӧ
 работать-CONV-ILL/-NMN-INSTR он отвечать-PST.3SG письмо-PL верх-ILL
Работая, он отвечал на письма.

- (13)ме ладор-ӧ видзӧт-ӧм-өн/*-ік-ӧ ёрт-тэз мый-кӧ
 я.GEN сторона-ILL смотреть-NMN-INSTR/-CONV-ILL друг-PL что-INDEF
 йылись баит-ісӧ
 о говорить-PST.3PL

Друзья о чем-то говорили, поглядывая в мою сторону.

Глаголы *работать* и *говорить* в данных примерах, очевидным образом, выражают непрерывное действие в отличие от глаголов *отвечать* (на письма) и *поглядывать*, которые обозначают прерывное действие и выражают определенное значение количественной аспектуальности, в данном случае – значение итератива [Храковский, 1989]. Эти действия состоят из некоторого количества однократных повторяющихся действий, таких как *ответить на письмо* и *посмотреть*. Тем самым, по примерам (12) и (13) видно, что в силу своей прерывистости и непостоянности прерывное действие не может задавать временной отрезок, на протяжении которого осуществляется другое действие, поэтому оформляется только показателем деепричастия сопровождающего обстоятельства. Непрерывное действие же такой способностью обладает, поэтому оформляется показателем деепричастия временного

контекста. Таким образом, непрерывное второстепенное действие по отношению к прерывному главному всегда является временным контекстом, а прерывное второстепенное действие по отношению к непрерывному главному – сопровождающим обстоятельством.

В еще одном возможном случае, представляющем собой сочетание двух прерывных действий, в качестве деепричастной формы в подавляющем большинстве случаев по тем же причинам выбирается форма сопровождающего обстоятельства, и отсюда можно сделать вывод, что любое прерывное второстепенное действие, вне зависимости от непрерывности/прерывности главного, будет выражено деепричастием сопровождающего обстоятельства.

удм.

- (14) Гурезь йыл-ысь изь-ёс усьы-йзы, тэтчы-са,
гора верх-EL камень-PL падап-пек-пст.3PL прыгать-CONV
бадзым куара потт-йзы
большой звук производить-пст.3PL

С горы сыпались камни и, подскакивая, громко стучали.

Но в некоторых редких случаях, как в коми-пермяцком примере (15) сочетания прерывных действий могут использоваться обе формы. В случае употребления в таких предложениях формы временного контекста, вероятно, мы имеем дело либо с наличием интерпретации, в которой действия поквантово совпадают, либо с двойкой интерпретацией действия, исходно принимаемого нами за прерывное.

к-перм.

- (15) зоночка серал-ом-он/-ик-ö шовкöt-ic ки-эз-нас
мальчик смеяться-NMN-INSTR/-CONV-ILL хлопать-пст.3SG руки-PL-INSTR.POSS3SG
Мальчик, смеясь, хлопал в ладоши.

Критерии выбора для сочетания двух непрерывных действий

Последний, наименее очевидный случай представляет собой сочетание двух непрерывных действий, так как часто, с точки зрения носителей, либо обе формы оказываются возможными, как в (6), либо выбирается какая-то одна из них, но выбор той или иной формы, как правило, не поддается объяснению через семантику глаголов, а является следствием каких-то прагматических факторов. В таком случае в имеющихся «необъяснимых» примерах более частотным оказывается выбор формы временного контекста. И все же в настоящий момент на материале финно-пермских языков найдено уже три закономерности, позволяющие объяснить больше половины примеров сочетания двух цельных действий. Первая из них состоит в наличии в предложении

глагола движения. При этом если данный глагол обозначает второстепенное действие и стоит в форме деепричастия, то в качестве деепричастной формы выбирается форма временного контекста (пример 16 из коми-зырянского языка). Если же глагол движения обозначает главное действие, то для второстепенного действия выбирается деепричастная форма сопровождающего обстоятельства (пример 17, коми-зыр. яз.). Причина таких ограничений состоит, по-видимому, в том, что глаголы движения представляют собой длительные и всегда непрерывные динамические процессы.

к-зыр. (иж.)

(16) войл-іг-ен /*-іг-моз / -іг-тыр керка-ысь керка-а сыа мыд-и
 бегать-CONV-INSTR / -CONV-ATT / -CONV-INT дом-EL дом-ILL он устать-PS3SG
Бегая из дома в дом, он уставал.

(17) другъ-яс мун-іныс туй кузя гажа
 друг-PL идти-PS3PL дорога по весело
 сьыл-іг-моз / -іг-тыр /*-іг-ен
 петь-CONV-ATT / -CONV-INT / -CONV-INSTR
Друзья шли по дороге, весело напевая.

Аналогичная закономерность соблюдается и в случаях, если в предложении имеется глагол, обозначающий местоположение, например, *стоять у дороги* или *сидеть на стуле* (см. примеры 18 и 19). Глаголы с такой семантикой представляют собой всегда непрерывные состояния и являются основными характеристиками любого действия, помещая его одновременно в локативный и во временной контекст.

к-перм.

(18) ус-ис лым и туй дор-ын сулал-ік-ō ме
 падать-PS3SG снег и дорога край-ESS стоять-CONV-ILL я
 кынм-и
 замерзать-PS1SG
Шел снег, и, стоя у дороги, я замерзал.

удм.

(19) корка-сь вазиськем-ез витыг-са /*-ку сыл-э пичи пи
 дом-EL оклик-ACC ждать-CONV стоять-PRS3SG маленький мальчик
 укно ул-ын
 окно под-ESS
Ожидая оклика из избы, стоит мальчик под окном [Грамм. совр. удм. яз., 1962: 276].

Третья закономерность действует при наличии в предложении глагола положения или состояния. Эта закономерность является продолжением того, что уже было сказано выше про случаи включения действий. Отличие состоит в том, что в данном случае такой глагол описывает положение/состояние субъекта в момент совершения более длительного дей-

ствия. Данная закономерность, в отличие от второй, действует, наоборот, когда глагол положения/состояния обозначает второстепенное действие, и в качестве соответствующей деепричастной формы выбирается форма сопровождающего обстоятельства. Ниже приведены примеры с глаголом положения (20, удм. яз.) и состояния (21, коми-перм. яз.).

удм.

- (20) Мынам выны выды-са / *-ку газет лыдӓ-е вал
 я-GEN брат лежать-CONV газета читать-3SG быть.PST
Мой брат лежа читал газету.

к-перм.

- (21) тӧрмась-ӧм-ӧн сӥйтышт-ісӧ-кер-ісӧ да пет-ісӧ
 торопиться-NMN-INSTR есть-PST.3PL-делать-PST.3PL да выйти-PST.3PL
 доддыв-ны вӧв-вез
 запрягать-INF лошадь-PL
Торопясь, покушали и вышли запрягать лошадей [Коми-перм. яз., 1962]

Алгоритм выбора формы

Итак, используя найденные закономерности и суммируя вышесказанное, мы можем описать итоговый условный алгоритм семантически мотивированного выбора деепричастной формы, который будет выглядеть следующим образом:

1. Если главный глагол выражает такое действие, которое включено в более длительное, то для обозначения второстепенного действия выбирается форма временного контекста.
Исключение: невременные обстоятельственные значения в удмуртском (форма сопровождающего обстоятельства), положение/состояние в коми (форма сопровождающего обстоятельства или обе формы).
2. Если действия примерно совпадают по длительности, то определяющей характеристикой является их цельность/прерывность.
 - 2.1. Если второстепенное действие прерывное, для его обозначения выбирается форма сопровождающего обстоятельства.
Исключение: если оба действия прерывные, иногда могут быть возможны обе формы.
 - 2.2. Если второстепенное действие цельное, то выбор формы зависит от цельности/прерывности главного действия.
 - 2.2.1. Если главное действие прерывное, выбирается форма временного контекста.
 - 2.2.2. Если же главное действие цельное, вступают в силу правила из пункта 3.
3. При цельности обоих действий для обозначения второстепенного действия используется форма сопровождающего обстоятельства в одном из двух случаев:

- 3.1. Глагол, выражающий это действие, является глаголом положения или состояния
- 3.2. В предложении в качестве главного глагола присутствует глагол движения или местоположения. Форма временного контекста же используется для обозначения второстепенного действия, если глагол, выражающий это действие, является глаголом движения.
4. Если же ни одно из условий пункта 3 не соблюдается, то выбор формы, как правило, не поддается предсказанию и зависит, вероятно, только от прагматического контекста. Нейтральным указанием на одновременность двух действий в таких случаях следует признать употребление деепричастия сопровождающего обстоятельства как более частотной формы.

Литература

- Бубрих, Д. В.* Грамматика литературного коми языка. СПб, 1949.
Грамматика современного удмуртского языка, фонетика и морфология, под ред. П. Н. Перевощикова. Ижевск, 1962
Коми-пермяцкий язык, под. ред. В. И. Лыткина. Кудымкар, 1962.
Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков, М, 1963.
Храковский В. С. Типология итеративных конструкций. Л. «Наука», 1989.
Храковский В. С. Типология таксисных конструкций. М. «Знак», 2009.
Цытанов, Е., Андреева, Л. О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // *Linguistica Uralica*, XLVI, 2010, 2
König, Ekkehard. The meaning of converb constructions // *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*, ed. *Martin Haspelmath, Ekkehard König.* Berlin: Mouton de Gruyter, 1995
Nedjalkov, V. P. The meaning of converb constructions // *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*, ed. *Martin Haspelmath, Ekkehard König.* Berlin: Mouton de Gruyter, 1995
Vendler, Z. Verbs and times // *Linguistics in philosophy.* Ithaca: Cornell Univ. Press, 1967

Сокращения

иж. – ижемский диалект, к-зыр. – коми-зырянский язык, к-перм. – коми-пермяцкий язык, печ – печорский диалект, удм. – удмуртский язык, ACC – аккумулятив, ATT – аттенуатив, COMIT – комитатив, CONV – деепричастие, EL – элатив, ESS – эссив, FUT – будущее время, GEN – генитив, ILL – иллатив, IMP – императив, INF – инфинитив, INSTR – инструменталис, INDEF – неопределенность, INT – интенсив, ITER – итератив, NMN – номинализация, PL – множественное число, POSS – посессивность, PROL – пролатив, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, SG – единственное число, 1, 2, 3 – лицо

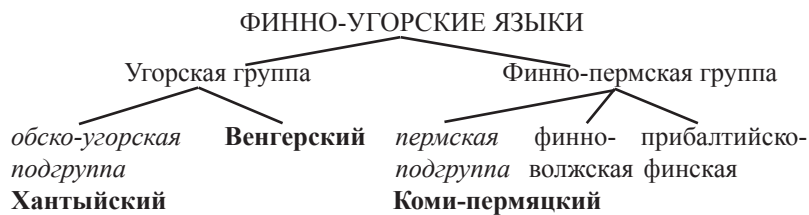
Дзирыт, teleg или х? Системы температурных прилагательных в венгерском, коми-пермяцком и хантыйском языках

Данная работа посвящена анализу семантики температурных прилагательных хантыйского¹ (тегинский говор), коми-пермяцкого и венгерского языков. Чем обусловлен выбор этих языков?

Во-первых, одной из задач исследования было выяснить, имеются ли в близкородственных языках температурные прилагательные-когнаты² и одинакова ли их семантика. Именно поэтому был собран материал хантыйского и венгерского языков, относящихся к угорской группе финно-угорских языков (см. Схема 1). Народы, говорящие на этих двух языках, уже долгое время живут изолированно друг от друга, претерпевают влияние разных культур. Другими словами, хантыйский и венгерский являются неконтактными родственными языками, поэтому интересно было выяснить, сохранились ли в них когнатные температурные термины, чтобы получить эмпирические данные о диахронической устойчивости лексики этого поля.

Во-вторых, для сравнения был выбран язык, не относящийся к угорской подветви, а именно – коми-пермяцкий язык. Интересно сравнить материал этих языков, выявить сходства и различия между системами температурных прилагательных, соотнести полученные данные со степенью родства рассматриваемых языков.

Схема 1. Место хантыйского, коми-пермяцкого и венгерского языков в классификации финно-угорских языков (упрощённый вид)

¹ Материал собран в ходе лингвистической экспедиции, исследование поддержано грантом РГНФ № 10-04-18022e[0].

² Когнаты – это этимологически родственные слова в близких языках, сохранившие фонетическое сходство. Семантические параметры, определяющие употребление этих слов, могут быть как во многом одинаковыми, так и существенно различаться. Семантические соответствия между когнатами – тема, которая активно разрабатывается лексическими типологами [Рахилина, Прокофьева 2004 : 61]

Введение в проблематику

Первые исследования, посвященные системному описанию семантики температурных прилагательных были созданы Е. В. Рахилиной и М. Копчевской-Тамм [*Koptjevskaja-Tamm* 2007], [*Koptjevskaja Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina* 2006], [*Рахилина* 2008]. В этих работах были выделены различные параметры семантики этих прилагательных. Речь о них пойдёт ниже.

Человек характеризует температуру некоторого объекта, в первую очередь исходя из собственных ощущений, наблюдений. Можно говорить о существовании «субъективной» температурной шкалы, где нулевым значением является температура человеческого тела. Значения, выше или ниже этого «нуля» маркированы, именно они концептуализированы в языках мира в первую очередь. Также выделяется промежуточная температурная зона, в которую входят значения, близкие к температуре тела человека. Но данная область выражается в языках не всегда – например, в языке хауса имеется только 2 температурных прилагательных – ‘горячий’ vs ‘холодный’ [*Koptjevskaja-Tamm* 2010: 190].

Помимо этого, температурные выражения зачастую обладают некоторыми особенностями в лексической сочетаемости. Так, например, в русском языке прилагательное «горячий» употребляется для характеристики жидкостей (*горячее молоко*), предметов (*горячая кастрюля*) и т. д., но использовать это слово, говоря о погоде, нельзя. Таким образом, одним из критериев, влияющих на употребление прилагательного, является тип описываемого объекта.

Мария Копчевская-Тамм выделяет три класса фреймов [*Koptjevskaja-Tamm* 2007, *Koptjevskaja-Tamm* 2010]:

1) Тактильная температура – в данную группу включены жидкости, поверхности, предметы, температура которых определяется при непосредственном контакте с ними (напр., *холодное молоко, горячие батареи*)

2) Нетактильная температура – прилагательные, характеризующие объекты этого класса, в первую очередь, описывают температуру окружающей среды, помещений, а также указывают на согревающую характеристику одежды (напр., *тёплые носки*)

3) «Личная» температура – состояние человека (напр., *Мне очень жарко*).

Таким образом, основными параметрами употребления температурных прилагательных являются:

- а) тип объекта
- б) его температура

Возможно выделение дополнительных критериев, речь о которых пойдёт ниже.

2. Анализ материала³

Перейдём к рассмотрению систем температурных прилагательных в коми-пермяцком, венгерском языке и в тегинском говоре хантыйского языка.

³Материал был собран при опросе информантов с помощью фреймовых анкет, составленных на базе работ Е.В. Рахилиной, М.Копчевской-Тамм

2.1 Коми-пермяцкий язык

Материал коми-пермяцкого языка был собран при опросе студентов и преподавателей коми-пермяцкого отделения Пермского государственного педагогического университета, а также учителей коми-пермяцкого языка. Информанты являются носителями северных и южных диалектов коми-пермяцкого языка.

2.1.1 Тактильная температур

Любопытно, что в коми-пермяцком прилагательное ‘горячий’ варьируется по диалектам – в северных районах употребляется слово **пым**, в то время как на юге используется слово **дзырыт**. Согласно этимологическому словарю [Лыткин, Гуляев 1970] прилагательное *пым* родственно угорским прилагательным: манс. *rot, rat*⁴ ‘пар в бане’. Этимология данного слова неясна, возможно, прилагательное *пым* было заимствовано в результате контактов с угорскими народами [Основы финно-угорского языкознания 1976: 99]. Слово *дзырыт*, в свою очередь, образовано от общеперм. **dž'erit* ‘сияющий’ (аналогия: удмурт. *зырыт* ‘горячий, пламенный, кипучий’) [Лыткин, Гуляев 1970].

- (1) Мам-*ö* кись-*ö* дзырыт/пым суп
мама-1SG разливать-PRS.3SG горячий суп
Мама разливает горячий суп
- (2) Меным сосед-*ö* радейт-*ö* дзырыт/пым каша
я.DAT сосед-1SG любить -PRS.3SG горячий каша
Мой сосед любит горячую кашу.

В горячей зоне выделяется ещё оно прилагательное – **шоньт** ‘тёплый’, родственное коми-зырянскому *шоньт*. Вероятно, тот же корень имеется и в слове *шонді* – ‘солнце’ [Лыткин, Гуляев 1970].

- (3) Бая-ын дждж-ыс шоньт
баня-LOC пол-3SG тёплый
В бане пол тёплый

Кроме того, выделяется промежуточная температурная зона, в которую включено два прилагательных – **рушыт** ‘тепловатый’ и **сайкыт**

[Кортjevskaja-Tamm 2007], [Рахилина 2008]

Автор выражает глубокую благодарность информантам, принявшим участие в исследовании: Нечаевой Валентине, Гуляевой Наталье, Кетовой Марине, Семиной Алине, Тиуновой Марине, Утевой Любовь Валерьевне (ПГПУ); Кучевой Октябре Павловне, Федосеевой Валентине Васильевне; Неттину Николаю Афанасьевичу, Новьоховой Наталье Алексеевне, Неттину Константину Тихоновичу, Хандыбиной Олеся Вячеславовне; Zsófia Fabók, Réka Simon, Eszter Kaizer, Panni Sturcz и др.

⁴ Латинский алфавит.

‘прохладный’. У прилагательного **рушыт** имеется несколько вариантов – *руш, руша, рушытик* (с суффиксом диминутива). Первоначально слово *руш* употребляется в значении ‘вялый (об овощах), дряблый’ [Лыткин, Гуляев 1970], [Баталова, Кривощёкова-Гантман 2006]. Напр.: *руш сёртни* – ‘вялая репа’. Затем прилагательное «приобрело» температурное значение.

- (4) Бая-ас ва-ыс только **рушыт-ик**, сійё эшö
 бая-LOC.3SG вода-3SG только тепловатый-DIM он.ACC ещё
 колö шонтісь-ышт-лы-ны
 надо греть-ATT-PERF-INF

В баяне вода чуть тёплая, надо её ещё немного погреть.

Прилагательное **сайкыт** характеризует объекты, температура которых чуть ниже комфортной температуры для человека. Например, переводя предложение «В жару я пью прохладную воду», информант употребит это слово.

Также имеется прилагательное **көдзыт** ‘холодный’, образованное от общепермского корня ‘холод’ [Лыткин, Гуляев 1970]. Оно выражает низкие температурные значения.

- (5) Ю-ас ва-ыс **көдзыт**
 река-LOC.3SG вода-3SG холодный
В реке вода холодная

Итак, шкала прилагательных, характеризующих объекты тактильной температуры, выглядит следующим образом:

↑	дзырыт (Ю), пым (С)	<i>горячий</i> (в зависимости от диалекта)
	шоныт	<i>тёплый</i>
	рушыт	<i>тепловатый</i>
	сайкыт	<i>прохладный</i>
↓	көдзыт	<i>холодный</i>

2.1.2. Нетактильная температура

Для характеристики высоких и низких температурных значений в нетактильной зоне используются не только исконные прилагательные, но и заимствованные. При этом заимствование **жар** ‘жаркий’ не имеет собственно коми-пермяцких синонимов, в то время как слово **мороз** ‘холодный, морозный’ конкурирует с исконным коми-пермяцким прилагательным **көдзыт**.

- (6) Рыт-тэз-нас **көдзыт**
 вечер-PL-INSTR.3SG холодный
Вечерами холодно.

- (7) Төв-нас **мороз**
 зима-INSTR.3SG морозный
Зимой морозно

Помимо прилагательного **жар**, к словам «горячей» зоны относится прилагательное **шоныйт** ‘тёплый’.

- (8) Горт-ын **шоныйт**
 дом-LOC тёплый
В доме тепло.

Чтобы обозначить промежуточные положения на температурной шкале, используется несколько прилагательных: рассмотренное выше **рушыт** ‘тепловатый’, а также **сайкыт** и **ыркыт** ‘прохладный’.

- (9) Вы дын-ас ру-ыс **рушыт**
 река около-LOC.3SG воздух-3SG тёплый
У реки воздух прохладный (но приятный, не вызывающий дискомфорта)

Некоторые информанты употребляют прилагательные **сайкыт** и **ыркыт** в разных контекстах. Например, предложение «В жару подул прохладный ветерок, и мне стало легче дышать» информанты переводят, используя прилагательное *ыркыт*, а при описании ситуации, когда дует холодный ветер, скорее всего, носитель скажет *сайкыт*. Но вполне вероятно, что употребление данных прилагательных связано с диалектными различиями (*сайкыт* распространено в южных диалектах, *ыркыт* – в северных). Параметры семантики данных прилагательных требуют уточнения.

- (10) Көр өддён жар ме мун-ө садё сэтчин **ыркыт**/
 когда очень жаркий я идти-1SG сад-ALL там прохладный/
 өддён сайкыт
 очень прохладный

Когда очень жарко, я иду в сад – там прохладно.

↑	жар	<i>жаркий</i>
	шоныйт	<i>тёплый</i>
	рушыт	<i>тепловатый</i>
	сайкыт (Ю)	<i>прохладный</i>
	ыркыт (С)	<i>прохладный</i>
	көдзыт	<i>холодный</i>
	мороз	<i>морозный</i>

2.1.2.2 Характеристика одежды

Прилагательные **шоныйт** ‘тёплый’ и **көдзыт** ‘холодный’ употребляются также по отношению к предметам одежды. В отличие от

венгерского и хантыйского, в коми-пермяцком возможно вынесение негативной оценки согревающим свойствам одежды с помощью прилагательного **кӧдзыт**.

(11) Баб-ӧ гӧрдзь-ӧ **шоньт** кофта
бабушка-1SG вязать-PRS.3SG тёплый кофта
Бабушка вяжет тёплую кофту

(12) Пальто-ыс **кӧдзыт**, шуч нӧбӧт-ӧ
пальто-3SG холодный везде дуть-PRS.3SG
Пальто холодное, везде продувает.

2.1.3. Личная температура

Как правило, прилагательные нетактильной температуры используются и для описания состояния человека. В классе личной температуры выделяются следующие прилагательные:

↑	жар	<i>жаркий</i>
	шоньт	<i>тёплый</i>
	ыркыт/сайкыт	<i>прохладный</i>
	кӧдзыт	<i>холодный</i>

(13) Меным **жар**, ось ӧшын-ӧс
я.DAT жаркий открыть-IMP.2SG окно-ACC.SG
Мне жарко, открой окно

(14) Муйкӧ меным кӧдзыт/сайкыт/ыркыт вай пожалуйста
что-то я.DAT холодный/прохладный принести-IMP пожалуйста
меным шоньт кофта
я.DAT тёплый кофта
Что-то мне холодно, принеси, пожалуйста, мне тёплую кофту.

2.2 Хантыйский язык (тегинский говор)

Носители тегинского говора проживают в посёлке Теги Берёзовского района Ханты-Мансийского АО. Данный говор близок казымскому диалекту хантыйского языка, однако имеет существенные отличия, прежде всего фонетические и лексические.

Материал был собран в ходе лингвистической экспедиции ОТиПЛ МГУ им. М. В. Ломоносова (грант РГНФ № 10–04–18022е).

2.2.1. Тактильная температура.

Для категоризации объектов из этой температурной зоны используются прилагательные **kavrəm** ‘горячий’, **xəʒəm** ‘тёплый’, **lʹuntʂʹi** ‘тёплый’, **pətəm** ‘холодный’.

Прилагательное **kavrəm** характеризует объекты с достаточно высокой температурой, но при контакте с ними не возникает болевых ощущений.

- (15) ma mān-l-əm kavrəm sej ity
я идти-PRS-1SG горячий песок по поверхности
Я иду по горячему песку

Рассмотрим, в чём различается употребление прилагательных **хэ́шэм** и **l'unt'š'i**. Второе прилагательное характеризует, как правило, жидкости, пищу с невысокой температурой, в то время как прилагательное **хэ́шэм** используется применительно к тем же самым объектам, но с более высокой температурой. Например, *l'unt'š'i* можно употребить, говоря об остывшей еде, а **хэ́шэм** – о тёплой или даже чуть-чуть горячей пище.

Низкие температуры поверхностей, жидкостей характеризует прилагательное **рэтэм**.

- (16) kät'-əm n'uł-eł pətəm
кошка-1SG нос-3SG холодный
У кошки нос холодный

Для обозначения очень высокой или очень низкой температуры используются сочетания прилагательных с наречиями меры и степени (*šejk, šek* – ‘очень’ и др.).

- (17) ał łew-a n'an'-ət, šek kavrem-ət
NEG есть-INF хлеб-PL очень горячий-PL
Не ешь пирожки, (они) очень горячие.

↑	kavrəm	<i>горячий</i>
↕	хэ́шэм	<i>тёплый</i>
•	l'unt'š'i	<i>тепловатый</i>
↓	рэтэм	<i>холодный</i>

2.2.2 Нетактильная температура.

К этому классу относятся два прилагательных, указывающих на крайние положения температурной шкалы (**ruvəŋ** ‘жаркий’, **išk'i** ‘холодный’) и два прилагательных, описывающих «промежуточные» значения температуры (**m'elək** ‘тёплый’, **jɔlx** ‘прохладный’), а также прилагательное **хэ́шэм** горячей зоны.

Прилагательное **ruvəŋ** описывает состояние окружающей среды, а также сочетается с названиями помещений, и в этих контекстах его можно перевести как ‘душный’

- (18) tāmχātł ma tālaŋ χātł kor-əm ałli-s-əm χət-əm-ən ruvəŋ
сегодня я целый день печка-1SG топить-PRST-1SG дом-1SG-LOC жаркий
Сегодня я весь день топил печку, (сейчас) дома жарко, душно.

- (19) luŋ-əŋ šek ruvəŋ ɔxəl jernas l'omət-ty
лето-LOC очень жаркий тонкий рубашка надеть-INF
Летом очень жарко, нужно надевать тонкую рубашку.

Что касается прилагательных **m'elək** и **xəḥəm**, хотя эти слова характеризуют примерно одинаковые температурные значения, они употребляются в разных контекстах: **m'elək** используется при описании погоды, временных периодов, а **xəḥəm** указывает на температуру внутри помещений.

(20) sus-ən **m'elək** /*xəḥəm a jetna-j-a
осень-LOC тёплый а вечер-OBL-DAT

ji-ł **jɔlx**
статья-NPST.3SG прохладный

Осенью днём тепло, а вечером стало холодно (не ниже -10)

(21) sɔra jɔxi mǎn-ł-uv šata **xəḥəm**/*m'elək
скоро домой идти-NPST-1PL там тёплый

Скорее пойдём домой! Там тепло! (разговор на улице зимой)

Прилагательное **jɔlx** 'прохладный' используется как для характеристики погоды (см. пример 19), так и для температуры помещений:

(22) nauska-j-ən **jɔlx** šata xuł taj-ł-əm
чердак-OBL-LOC прохладный там рыба хранить-NPST-1SG

На чердаке прохладно, я там рыбу храню.

Низкие значения на температурной шкале выражаются прилагательным **išk'i** – 'холодный'. Как и прилагательное **jɔlx**, прилагательным **išk'i** можно описать состояние погоды или температуру внутри помещений.

(23) ipuš toveł vǔ-s šeŋk **išk'i**
однажды весна быть-PST.3SG очень холодный

Однажды весна была очень холодной.

(24) nǔmǎn (šik'em) **išk'i**
наверху очень холодный

На чердаке холодно

2.2.3. Личная температура

Класс личной температуры включает вышеуказанные прилагательные **ruveŋ**, **jɔlx**, **išk'i** и **xəḥəm**. Таким образом, зоны нетактильной и личной температуры пересекаются.

(25) ɔv-ən nǔx puš-a man-əm šek šikemsi **ruveŋ**
дверь-2SG совсем открыть-IMP.2SG я.OBL-1SG очень очень жарко

Открой дверь, мне очень жарко

(26) pɔx-a **xəḥəm**
мальчик-DAT тёплый

Мальчику тепло.

Поскольку объекты нетактильной и личной температуры характеризуются одними и теми же прилагательными, в некоторых случаях возникают трудности, связанные с разграничением примеров по этим 2 классам.

(27) ruveŋ-ən ma mǎn-l-əm ɫox-a śata jɔlx
 жаркий-LOC.SG я идти-NPST-1SG протока-ILL там прохладный
В жару я иду к протоке – там прохладно

С одной стороны, прилагательное **jɔlx** в данном контексте характеризует место действия, а с другой – то температурное ощущение, которое человек желает получить, придя туда.

Хочется отметить, что температурные прилагательные могут выступать в функции существительных.

(28) kamən iški-in isa pɔt-s-aj-əm
 снаружи холод-LOC совсем замерзать-PST-PASS-1SG
На улице на холоде я совсем замёрз.

2.2.4. Особенности прилагательного хəšəm

Прилагательное **хəšəm** с одной стороны, употребляется для категоризации личной температуры. С другой, это слово может характеризовать как объекты тактильной (например, жидкости: **хəšəm** šaj – *тёплый чай*), так и нетактильной (одежда, помещения) температуры. Синонимичные прилагательные **l'untš'i** и **m'elək** не могут выступать в тех же контекстах, что и слово **хəšəm** (см. пример 21, 29):

(29) ul'ty ɫɔt-ən šeŋk xəšem/m'elək
 спать-NPST.PART место-LOC очень тёплый
Диван очень тёплый (букв. в спальном месте очень тепло).

По-видимому, данное прилагательное сочетается с объектами, которые могут **согреть** человека. Например, к числу объектов, с которыми оно употребляется, относятся предметы одежды, постельные принадлежности, жидкости (чай, молоко и др.), помещения (комната, дом) и т. д. (см. [Ладыгина 2010]) Кроме того, значение «согревающий»⁵ выводится для этого прилагательного при сопоставлении его с однокоренными словами [Соловар 2006]:

хəšəmty – согреться, нагреться;
хəšmijlty – нагреваться;
хəšməltty – греть, согреть.

Таким образом, **одним из семантических параметров**, от которых зависит употребление температурного прилагательного, **является наличие у объекта согревающей функции**.

2.3 Венгерский язык

Венгерский язык является одним из наиболее крупных финно-угорских языков, и самым распространённым среди угорских. На про-

⁵ Исходя из такого толкования прилагательного хəšəm, можно интерпретировать употребление этого слова для категоризации личной температуры следующим образом (см. пример (26): «мальчику тепло» – «мальчик согрет».

тяжении своего развития язык претерпевал влияние славянских, тюркских и др. языков. Поэтому любопытно было выяснить, сохранились ли в венгерском языке прилагательные, этимологически близкие хантыйским, или исконные угорские слова вытеснены заимствованиями

2.3.1 Тактильная температура

Жидкости, поверхности и др. объекты данного класса в венгерском языке характеризуются 4 прилагательными: горячая зона – **forró** ‘горячий’, **meleg** ‘тёплый’; зона промежуточных значений – **langyos** ‘тепловатый’; **hideg** ‘холодный’.

Прилагательное **forró** обозначает более высокие температурные значения, чем **meleg**, объекты, характеризующиеся первым прилагательным, могут вызывать болевые ощущения при контакте с ними.

- (30) Apa csak **forró** te-át iszik ha sak **meleg**
 папа только горячий чай-ACC.SG вкусный если чуть тёплый
 az már nem ízlik neki
 то уже NEG вкусный он.DAT
Папа пьёт только горячий чай, а тёплый ему не нравится (букв. не вкусно ему)

- (31) A csap-ból **forró** víz folyik.
 DEF кран-EL горячий вода течь.PRS.3SG
Из крана течёт горячая вода (настолько горячая, что рука еле терпит)

Слово **langyos** употребляется, когда говорят об остывшей еде, напитках и т. д. В примере (32) данное прилагательное указывает на объект, который не понизил свою температуру, а, наоборот, повысил. Почему данное прилагательное указывает на изменение температуры в разных «направлениях»? По-видимому, слово **langyos** описывает комнатную температуру (аналогично *luke* в шведском языке [*Koptjevszkaja-Tamm, Rakhilina* 2006]). Таким образом, в сочетании с названиями горячих блюд **langyos** указывает на то, что они имеют недостаточно высокую температуру, а при прототипически холодных объектах (напр., *пиво, газированная вода* и пр.) указывает, что их температура выше нормы.

- (32) A barát-om nem szereti a **langyos** sör-t.
 DEF друг-1SG NEG любить.PRS.3SG DEF тепловатый пиво-ACC.SG
Мой друг не любит тёплое пиво.

В некоторых случаях **langyos** и **hideg** могут выступать в одних и тех же контекстах:

- (33) A forró levest rögtön szétosztják tányér-ok-ba
 DEF горячий суп сразу раздать.PRS.3SG тарелка-PL-ILL
 hogy ne hül-jön ki a **hideg/langyos** levest senki sem szereti
 чтобы NEG остыть-IMP.3SG DEF холодный суп никто NEG любить
Горячий суп сразу разливают по тарелкам, чтобы он не успел

остыть – холодный суп никому не нравится.

Наконец, прилагательное **hideg** сочетается с объектами низкой температуры:

- (34) A pincé-ben **hideg** a padló.
DEF подвал-INSV.SG холодный DEF пол
В подвале пол холодный

2.3.2 Нетактильная температура

В данном классе выделяется наибольшее число венгерских температурных прилагательных. Два из них (**hideg** ‘холодный’, **fagyos** ‘морозный’) характеризуют самые низкие положения на температурной шкале, два других (**forró** ‘жаркий’, **meleg** ‘тёплый’) относятся к горячей зоне, а также имеется одно прилагательное (**hűvös** ‘прохладный’), указывающее на промежуточные температурные значения.

Прилагательное **fagyos** обозначает очень низкие температуры, поэтому оно употребляется только для описания погоды:

- (35) Tél-en Oroszország **fagyos**.
зима -SUPRS.SG Россия морозный
Зимой в России морозно

Прилагательные **hideg** и **hűvös** восходят к одному и тому же корню **hű** и указывают на низкие температуры [A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára 1967–1984]. **Hűvös** обозначает температурную область, чуть ниже «нуля», а **hideg** выражает более низкие температурные значения.

- (36) Június-ban éjjel **hűvös** van, lehet dzseki nélkül
июнь-INSV.SG ночью прохладный быть.PRS.3SG можно куртка без
jár-ni, de őszel **hideg** van, **melegyen** kell
ходить-INF но осенью холодный быть.PRS.3SG тепло надо
öltözköd-ni
одеваться -INF

Ночью в июне прохладно, можно ходить без куртки, а осенью – холодно, нужно тепло одеваться.

В горячей зоне прилагательные **meleg** и **forró** иногда выступают в одних и тех же контекстах. Но в их семантике наблюдаются различия: прилагательное **forró** обозначает очень высокую температуру, которая может доставлять дискомфорт, а **meleg** имеет значение ‘тёплый’

- (37) Július a **leg-forró-bb** hónap.
июль DEF SUPER-жаркий-COMP месяц
Июль – самый жаркий месяц.

- (38) Nyár-on **meleg** a levegő
лето-SUPRS тёплый DEF воздух
Летом воздух жаркий

В отличие от **forró**, лексическая сочетаемость прилагательного **meleg** намного шире, поскольку это слово не только описывает погоду, но и сочетается с предметами одежды, названиями помещений:

(39) A ház-ban **meleg** van, a pincé-ben hűvös
DEF дом-INSV.SG тёплый быть.PRS.3SG а подвал-INSV.SG прохладный
В доме тепло, а в подвале – прохладно.

(40) Tél-en anya **meleg** kabát-ban jár
зима-SUPRS.SG мама тёплый пальто-INSV.SG ходить.PRS.3SG
Зимой мама ходит в тёплом пальто.

2.3.3. «Личная» температура

Чтобы выразить состояние человека, в венгерском применяются специальные посессивные конструкции, в которых к прилагательному присоединяется показатель посессива (согласуется по лицу и числу экспериенцера), а также имеется связка – 3 лицо ед.ч. глагола **van** ‘быть’. Однако эта конструкция не распространяется на «холодную» зону – для этого используется только глагол ‘мёрзнуть’, сочетания с прилагательным **hideg** в данном контексте неприемлемы.

(41) Nem **fáz-ol**?
NEG мёрзнуть-PRS.2SG
Тебе не холодно? (букв. Ты не мерзнёшь?)

(42) Pulóver-t vett-em fel és **meleg-em** lett.
пуловер-ACC носить.PST-1SG PERF я.DAT тёплый-1SG стать.PST.3SG
Я надела свитер, и мне стало тепло.

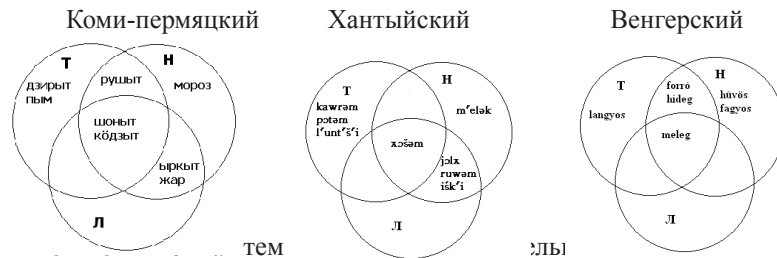
*Венгерское **meleg** и хантыйское **m'elək**:
различия в сочетаемости*

Обратим внимание, что венгерское прилагательное **meleg** родственно хантыйскому слову **m'elək**, однако они употребляются в разных контекстах. Хантыйское прилагательное имеет достаточно узкую семантику – оно используется только для описания погоды, в то время как венгерское характеризует объекты всех трёх классов – тактильной, нетактильной и личной температуры.

Таким образом, это ещё раз подтверждает, что когнаты могут иметь различия в лексической сочетаемости и в семантике.

3. Сопоставление систем прилагательных⁶

Как видим, в исследуемых языках все температурные классы совмещаются. В венгерском и хантыйском все 3 области связаны посредством прилагательного ‘тёплый’, а в коми-пермяцком – за счёт двух прилагательных ‘тёплый’ и ‘холодный’. В области тактильной и нетактильной температуры во всех трёх языках есть прилагательные, специфичные для этих зон, в то время как класс личной температуры в хантыйском, коми-пермяцком и венгерском является подклассом нетактильной температуры. В венгерском языке имеются некоторые различия, поскольку в холодной зоне личной температуры используется не прилагательное, а глагол.

носные значения. Хантыйский и коми-пермяцкий бедны в плане метафор: большинство найденных примеров – как правило, кальки с русских выражений. Стоит отметить, что в этих двух языках в переносном смысле употребляются преимущественно прилагательные горячей зоны (в хантыйском не найдено примеров метафор с прилагательными холодной зоны, а в коми-пермяцком имеется только 1 выражение).

Хантыйский (43) хӧпхуо сем-ӧ хэӧэм
 человек глаз-3SG тёплый
Тёплый взгляд

Коми-пермяцкий (44) Шоныт/пым паталӧм
 тёплый приветствие
Тёплое/горячее приветствие

(45) Кӧдзыт син-нэз
 холодный глаз-PL
Холодные глаза

В венгерском, напротив, существует множество температурных метафор. Многие из них строятся по метафорическим моделям, характерным и для русских прилагательных [5]:

⁶ Условные обозначения: Т – тактильная температура, Н – нетактильная, Л – личная.

Тёплый => положительная оценка

(46) meleg szaval добрые слова

Данная модель настолько продуктивна, что отражается и в словообразовании. Например, венгерском языке имеется прилагательное **melegszívű** 'добрый, добросердечный', которое образовано сложением 2 корней: **meleg** 'тёплый'+**szív** 'сердце'.

Горячий, жаркий => интенсивный

(47) melegen ajánlom настоятельно рекомендую

(48) forró csól жаркий, страстный поцелуй

Горячий => интенсивный => быстрый

(49) forró syern горячий след

Холодный => негативная оценка

(50) hideg/hűvös tekintet презрительный взгляд

(51) hűvös válasz равнодушный ответ

Кроме того, в венгерском температурные прилагательные выступают в составе оригинальных метафор, которых нет в русском:

(52) langyos ember

прохладный человек

мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации

5. Выводы

Итак, в рамках данной работы были рассмотрены коми-пермяцкие, венгерские и хантыйские прилагательные, обозначающие температуру, с точки зрения их семантики. В данных языках наблюдается пересечение классов тактильной, нетактильной и личной температуры в одном или двух прилагательных, при этом одно из них непременно относится к горячей зоне.

Что касается когнатов, была найдена лишь одна пара – венгерское **meleg** и хантыйское **m'elək**, которые употребляются в разных контекстах: первое прилагательное обладает широкой лексической сочетаемостью, употребляется с любыми объектами соответствующей температуры, активно используется в метафорах, в то время как второе имеет очень узкую сочетаемость – оно характеризует только состояния погоды. Таким образом, когнаты данного семантического поля различаются в употреблении.

Кроме того, были отмечены диалектные различия в коми-пермяцком: так, носители северных диалектов используют прилагательные **пым** и **ыркыт**, а жители юга – **дзирыт** и **сайкыт** в тех же контекстах.

Возможно выделение особого семантического параметра, определяющего употребление температурных прилагательных – согревающая функция объекта. Данный параметр релевантен для хантыйского

языка, в котором имеется прилагательное **хэ́эм**, которое характеризует объекты (чай, названия одежды, помещений), которые могут согреть человека.

Наибольшее количество метафорических выражений было найдено в венгерском. Возможно, этот факт связан с тем, что данный язык имеет богатую литературную традицию. В коми-пермяцком и хантыйском нет исконных температурных метафор – они калькированы с русских выражений, что подтверждает и интуиция носителей.

Системы температурных прилагательных данных языков во многом различны, что подтверждает тот факт, что степень родства языков не всегда коррелирует с семантическими параметрами, определяющими употребление слов той или иной семантической области.

Глоссы

SG – единственное число, PL – множественное число, DEF – определённый артикль, OBL – косвенная основа, ACC – аккузатив, DAT – датив, ILL – иллатив, LOC – локатив, INSTR – инструменталис, INSV – инессив, DIM – диминутив, SUPER – суперлатив, COMP – компаратив, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, NEG – отрицание, IMP – императив, INF – инфинитив, PERF – перфектив, ATT – аттенуатив

Литература

- Баталова Р. М., Кривощёкова-Гантман А. С. 1985. Коми-пермяцко-русский словарь. М.
- Ладыгина А. А. 2010. Категоризация температуры в тегинском говоре хантыйского языка// Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. 4–6 ноября 2010. СПб. С. 94–101
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1970. Краткий этимологический словарь коми языка. М. Основы финно-угорского языкознания. Марийские, пермские и угорские языки 1976. М.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. 2004. Родственные языки как объект лексической типологии// ВЯ. 2004, №1. С. 60–78
- Рахилина Е. В. 2008. «Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость» – М.
- Соловар В. Н. 2006. Хантыйско-русский словарь. СПб.
- Хадрович Л., Гальди Л. 1986. Венгерско-русский словарь Изд-е седьмое. Будапешт. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–IV. 1967–1984. Budapest.
- Коптjevская-Тамм, М. 2007. Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts: Version 1 (temperature.ling.su.se/images/b/b0/Guidelines.doc)
- Коптjevская-Тамм, М.; Рахилина, Е. 2006. "Some like it hot": on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish// STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective, ed. by Leuschner, Torsten & Giannoula Giannouloupoulou
- Коптjevская-Тамм, М. 2010. Linguistics of temperature and lexical typology// Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб. С. 189–192

М. М. Шапиро (Москва)

Семантика глаголов колебательного движения в финском языке

Введение

Предметом исследования во многих работах А. И. Кузнецовой становилась лексико-семантическая система языка, и в частности глаголы движения. Этой семантической группе была посвящена ее кандидатская диссертация [Кузнецова 1963], описываются глаголы движения и в монографии «Очерки по селькупскому языку», где выделены следующие семантические составляющие этой группы: «среда, в которой происходит движение, направление движения, способ передвижения, характер движения, его скорость и другие» [Кузнецова, Хелимский, Грушклина 1980: 77]. В настоящей статье на материале финского языка будет рассмотрен особый подкласс – глаголы колебательного движения, описывающие определенный способ передвижения объекта. Правда, в приведенном здесь понимании к глаголам движения можно отнести лишь те глаголы колебания, которые способны обозначать поступательное движение, т. е. одновременно перемещение из одной точки в другую и колебание в той или иной плоскости; однако, рассматриваемое семантическое поле включает и глаголы, объект которых может колебаться, не совершая при этом никакого линейного передвижения.

Группа глаголов колебательного движения в типологическом ключе была впервые исследована в статье [Рахилина, Прокофьева 2005], где производился ее сопоставительный анализ в русском и польском языках. В качестве значимых параметров для русского языка были выявлены мягкость/жесткость объекта, наличие точки отсчета при колебании (т. е. нейтрального положения, в которое объект возвращается в процессе движения – например, у пламени свечи или поверхности болота), а также параметр неустойчивости по причине деформации для глагола *шататься* (ср. *зуб шатается, забор шатается*); для польского – амплитуда колебаний, параметр неустойчивости и топологический тип колебательной ситуации (горизонтальный/ вертикальный объект, движение маятника, колебание на опорной поверхности, мелкие колебания всех частей объекта и т. д.). Эта работа была продолжена Т. В. Велейшиковой, которая в статье [Велейшикова 2010] исследовала глаголы колебания в английском и немецком языках. Материал для настоящей работы был собран в ходе работы с информантами по типологической анкете, предварительно составленной на основе двух названных выше статей, а затем уточнявшейся в ходе работы с фин-

ским материалом. Использовались при составлении анкеты и данные хантыйского языка, описанные в [Шапиро 2010]. Кроме того, мы пользовались примерами, встреченными в художественных, новостных и публицистических текстах, а также в обсуждениях на различных Интернет-форумах.

В данной статье мы рассматриваем лишь наиболее «ядерную» часть семантического поля, переходя от глаголов с самой широкой сочетаемостью к более специализированным, особо выделяющим некоторые области поля. За рамками осталась, в частности, группа глаголов дрожания, описывающих колебания с очень маленькой амплитудой и большой частотой.

1. Глагол *heilua*

Глагол *heilua* обладает самой широкой сочетаемостью, охватывая большинство ситуаций колебания в финском языке. Он используется при описании как компактных объектов, закрепленных сверху (примеры 1–2), снизу (пример 3) или сбоку (пример 4), так и мягких поверхностей (примеры 5–7):

- (1) Herä-si-n keske-llä yö-tä sii-hen ettälamppu
 проснуться-PST-1SG посреди-ADE ночь-PART то-ILL чтолюстра
heilui vimmatusti ja keittiö-n kaape-i-sta putoil-i
 качаться-PST.3SG неистово и кухня-GEN шкаф-PL-ELA падать-PST.3SG
 lase-j-a ja kuppe-j-a.
 стакан-PL-PART и чашка-PL-PART

Я проснулась среди ночи от того, что люстра неистово раскачивалась, и из кухонных шкафчиков выпали чашки и стаканы.

- (2) Hän kävele-e vanha-n puu-hun köyte-ty-n
 он шагать-3SG старый-GEN дерево-ILL привязывать-PT.PASS.PST-GEN
pyörä-n-rengas-kiiku-n ohi, joka **heilui**
 велосипед-GEN-шина-качели-GEN мимо который качаться-3SG
 hitaa-sti tuule-ssa
 медленный-ADV ветер-INE

Он идет мимо привязанных к старому дереву качелей из велосипедной шины, которые медленно покачиваются на ветру.

Из примеров (1) и (2) видно, что данный глагол может описывать колебания с разной амплитудой. Кроме того, подвес может быть как мягким (веревка в примере 2), так и жестким, когда речь идет о закрепленных сверху железных качелях.

- (3) Jos tuule-e, **puu-t heilu-vat.**
 если ветер.дуть-3SG дерево-PL качаться-3PL
Когда дует ветер, деревья качаются.
- (4) Äiti-ni herä-si yö-llä sii-hen, että **ikkuna**
 мать-1SG проснуться-PST.3SG ночь-ADE TO-ILL что окно
heilu-i tuule-ssa.
 качаться-PST.3SG ветер-INE
Ночью моя мать проснулась от того, что окно хлопало
[=раскачивалось] от ветра.
- (5) Ajatukse-ni keskeytti kivi, joka lens-i
 мысли-1SG прервать-PST.3SG камень который лететь-PST.3SG
 ikkuna-sta läpi niin, että **verho-t heilu-i-vat.**
 окно-ELA через так что занавеска-PL качаться-PST-3PL
Мои мысли прервал камень, который пролетел через окно так,
что занавески всколыхнулись.
- (6) Myös maisema-elementte-j-ä on animoi-tu
 также пейзаж-элемент-PL-PART быть-3SG оживлять-PT.PASS.PST
 laadukkaa-sti lipu-t liehu-vat, **vilja heilu-u**
 качественный-ADV флаг-PL развеваться-3PL луг качаться-3SG
 tuule-ssa ja tuuli-myllyt pyöri-vät.¹
 ветер-INE и ветер-мельница-PL вертеться-3PL

Элементы пейзажа тоже пришли в движение: флаги

развеваются, луг колыхается на ветру, ветряные мельницы вертятся.

Примеры (5–6) демонстрируют, что мягкие объекты, описываемые глаголом *heilua*, также могут быть закреплены верхним концом, как занавески, белье на веревке или волосы, снизу, как трава на лугу (кроме того, объект может быть закреплен и сбоку, как флаг). Отметим, что во всех этих случаях речь идет, вероятнее всего, о вертикальных мягких объектах; колебания воды как горизонтальной мягкой поверхности не могут быть описаны глаголом *heilua*, в этой ситуации используются специальные глаголы *aaltoilla* и *lainehtia* (см. раздел 5). Из отмеченной особенности глагола *heilua* следует, что луг в примере (6) тоже описывается как вертикальная поверхность, т. е. акцентируются колебания закрепленных снизу объектов – отдельных травинки; вообще же луг может восприниматься и как горизонтальная поверхность, когда наблюдатель в некоторой степени уподобляет все поле в целом неспокойному морю. Поскольку со словом ‘луг’ в финском сочетаются

¹В этом примере встречается еще один глагол колебательного движения, *liehua*, сочетающийся с мягкими вертикальными поверхностями (в данном случае – флагом). Подробнее об этом глаголе см. в разделе 6.

также «водные» глаголы *aaltoilla* и *lainehtia*, можно предположить, что в этом контексте глаголы противопоставляются именно по параметру вертикальности-горизонтальности, т. е. употребление глаголов *aaltoilla* и *lainehtia*, встречающееся в художественных текстах, акцентирует внимание на сходстве колышущейся травы с волнами.

Глагол *heilua* охватывает и ситуации колебания объектов, неустойчивых по причине деформации (примеры 7–9):

- (7) On pakko mennä hammaslääkäriin jos pysyvä
 быть.3SG необходимость инфинитив зуб-врач-илл если постоянный
hammas heilu-u tai on siirty-nyt
 зуб качаться-3SG или быть.3SG передвинуться-пр.акт.пст
 paika-lta-an.
 место-абл-3SG

Надо идти к врачу, если постоянный зуб шатается или сместился.

- (8) Takapyörän laakeri on niin väljä että pyörä heilu-u.
 задний-колесо-сеп подшипник быть-3SG так широкий что колесо качаться-3SG
Подшипник на заднем колесе такой широкий, что колесо болтается.

- (9) Tämä koe-tiin Volgogradissa, jossa uusi 7-kilometri-nen
 это испытывал-мнрксст Волгоград-ине который-ине новый 7-километр-адл
silta alko-i torstai-ilta-na heilu-a ylös ja alas
 мост начать-пст.3sg четверг-вечер-есс качаться-инф вверх и вниз
 jora 1–1,5 metri-ä.
 даже 1–1,5 метр-парт

Это испытали в Волгограде, где новый семикилометровый мост в четверг вечером начал раскачиваться вверх-вниз на метр-полтора.

В примере (9) речь идет о знаменитом «танцующем» мосте в Волгограде, закрытом в мае 2010 года из-за волновых колебаний большой амплитуды. Причиной колебаний чаще всего называют ветровой резонанс, однако, на наш взгляд, для данной ситуации важен недостаток конструкции моста, допускающий резонансный эффект: поскольку мост не навесной, ситуация колебания от ветра не является для него нормальной и ожидаемой, это и передается глаголом *heilua*, содержащим в данном примере идею деформации. Очевидно, что этот новостной текст описывает только наблюдаемую очевидцами ситуацию, а подлинная причина колебаний автору текста неизвестна и потому для данного употребления не важна.

К этому же классу употреблений глагола *heilua* относятся колебания старого расшатанного забора, гнилой скамьи или стула. Интересно, что на основе данного значения глагол развивает метафору о неустойчивости положения того или иного политика.

- (10) Vanhase-n **tuoli heilu-u,** tule-e-ko
 Ванханен-GEN стул качаться-3SG приходить-3SG-INTRG
 его jo ennen syksy-ä?
 отставка уже до осень-PART

Позиция Ванханена неустойчива, выйдет ли он в отставку еще до осени?

Очевидно, что слово *tuoli* ‘стул’ (то же касается слова *palli* ‘табуретка’), как и русское слово *кресло*, используются для обозначения мест в парламенте (в последующем контексте более подробно говорится об *ero puheenjohtajan pallilta*, буквально «отставке с табуретки председателя»), причем метафора существует только в сочетании именно с этими словами.

Еще один класс употреблений глагола *heilua* – в сочетании с названиями объектов на опоре.

- (11) E-n suosittelen juna-a jos ole-t huono
 NEG-1SG советовать.CN поезд-PART если быть-2SG плохой
 nukku-ma-an: **juna** keinu-i ja **heilui**...
 спать-SUP-ILL поезд качаться-PST.3SG и качаться-PST.3SG

*Я не рекомендую поезд, если вы плохо засыпаете: поезд качается и шатается...*²

- (12) Se tuntu-i kuin ol-isi istu-nut nopea-sti
 это казаться-PST.3SG как быть-COND.3SG сидеть-PT.ACT.PST быстро-ADV
 soude-tta-va-ssa **venee-ssä, joka heilu-u** ja vaappu-u.³
 грести-PT.PASS-PRS-INE лодка-INE который качаться-3SG и качаться-3SG
Казалось, как будто сидишь в быстро движущейся лодке,

которая раскачивается и шатается.

В примерах (11) и (12) колеблются движущиеся объекты на неподвижной опоре: вода, по которой плывет лодка, в этом контексте ничем не отличается от рельсов, по которым идет поезд, поскольку колебания обоих объектов происходят, по-видимому, за счет движения вперед, и поверхность никакого влияния на объекты не оказывает. Однако очень часто встречаются примеры, где причиной колебания объектов является именно колебание опорной поверхности.

- (13) **Vene heilu-i** ja huoju-i⁴, vesi-massa-t suhis-i-vat,
 лодка качаться-PST.3SG и качаться-PST.3SG вода-масса-PL гудеть-PST-3PL
 sihis-i-vät ja kohis-i-vat rungo-n ulko-puole-lla.
 шипеть-PST-3PL и бурлить-PST-3PL корпус-GEN внешний-сторона-ADE

²В примере использован еще один глагол колебательного движения *keinua*. См. о нем в разделе 3, где также более подробно анализируется пример (11).

³О глаголе *vaappua* см. раздел 4.

⁴О глаголе *huojuua* см. раздел 2.

Лодка раскачивалась, водная масса гудела, шипела и бурлила по ту сторону корпуса.

(14) Hei-llä **ol-i** **talo heilu-nut** niin paljon, että isä
они-ADE быть-PST.3SG дом качаться-PT.ACT.PST так много что отец
ja poika ol-i-vat lähte-nee-t juokse-ma-an
и сын быть-PST.3PL уйти-PT.ACT.PST-PL бежать-SUP-ILL
järistys-t-en väli-ssä pih-alle.
землетрясение-PL-GEN между-INE двор-ALL

Их дом так шатался, что отец и сын выбежали во двор между толчками.

Интересно, что глагол *heilua* не может сочетаться с названиями предметов на колеблющейся опоре иного типа, т. е. не представляющей собой горизонтальную поверхность; для описания того, как качаются на качелях, в люльке или кресле-качалке, используются другие глаголы. Различие между этими двумя группами состоит в том, что функция качелей и колыбели заключается именно в колебании, а земля прототипически неподвижна; в некотором смысле то же можно сказать и о воде, если она воспринимается в качестве опоры для кораблей и лодок: предпочтительно, чтобы она была неподвижна, по крайней мере, настолько, чтобы не оказывать влияния на ход транспортного средства. Таким образом, глагол *heilua* описывает не контролируемые человеком колебания, вызванные естественными причинами.

Этот компонент значения проявляется также в случаях, когда данный глагол сочетается с названием одушевленного субъекта: если речь идет о живом человеке (исключая из рассмотрения подвешенное тело), это значит, что сам он утратил контроль над ситуацией, например, находится в состоянии алкогольного опьянения. Из обозначения буквального «шатания» пьяного человека, неспособности стоять прямо, развивается переносное значение.

(15) Jos lapsi tietä-ä että äiti **känni-ssä**
если ребенок знать-3SG что мать опьянение-INE
heilu-u jo-ssa-in baari-ssa, niin varmaan ahdistu-u,
качаться-3SG который-INE-INDEF бар-INE так наверное мучаться-3SG
e-i sellais-ta tarvi-tse kerto-a!
NEG-3SG такой-PART быть.нужным-CN рассказывать-INF

Если ребенок узнает, что мать где-то шатается по барам, он наверняка будет страдать, не нужно такого рассказывать!

Здесь глагол обозначает уже не колебательное движение, а беспорядочное перемещение, не контролируемое человеком. Примеры похожего употребления часто встречаются в новостных текстах.

- (16) **Mies heilu-i hauliko-n kanssa ja**
 мужчина качаться-PST.3SG дробовик-GEN с и
ammu-skel-i koti-piha-lla-an.
 стрелять-FREQ-PST.3SG дом-двор-ADE-3SG

Мужчина бродил по своему двору с дробовиком и постреливал.

В примерах такого типа вполне возможно, что сам субъект вполне контролирует свои действия, но представляет угрозу для общества (не случайно в большинстве случаев подобного употребления человек «бродит» с тем или иным оружием). Информанты отмечают, что употребление данного глагола сигнализирует о ненормальности ситуации, т. е. что такой человек обществом воспринимается почти как природный фактор, неконтролируемый и потому опасный (этот компонент, к сожалению, никак не отражается в русском переводе).

2. Глагол *huojua*

Основная область употребления данного глагола – закрепленные снизу вытянутые объекты. Как и *heilua*, глагол *huojua* не различает колебания со слабой и сильной амплитудой.

- (17) **Metsä-ssä puu-t huaju-i-vat hilja-a.**
 лес-INE дерево-PL качаться-PST-3PL тихий-PART
Деревья тихо покачивались в лесу.

- (18) **Tuuli käv-i selä-ltä päin ja ranna-n**
 ветер ходить-PST.3SG плес-ABL по.направлению и берег-GEN
koivu-t huaju-i-vat kova-sti.
 береза-PL качаться-PST-3PL сильный-ADV

С плеса дул ветер, и березы на берегу сильно раскачивались.

Несмотря на то, что качающиеся деревья могут описываться и при помощи глагола *heilua*, информанты иногда отмечают, что *huojua* подходит лучше, потому что обозначает именно «что-то высокое» и вертикальное, закрепленное снизу, в то время как *heilua* не специализируется в одной области, охватывая большинство колебательных ситуаций.

В зону глагола *huojua* попадают и закрепленные снизу объекты, неустойчивые по причине деформации.

- (19) **Järistys ol-i niin voima-kas, että korkea-t rakennukse-t**
 землетрясение быть-PST.3SG так сила-ADJ что высокий-PL здание-PL
huaju-i-vat vielä puoli tunti-a se-n jälkeen.
 качаться-PST-3PL еще половина час-PART это-GEN после

Землетрясение было таким сильным, что высокие дома шатались еще полчаса после этого.

В результате семантического сдвига среди таких объектов оказывается и человек, утративший способность контролировать свои движения, т. е. тоже в некотором смысле «деформированный».

- (20) **Toise-t kävele-vät huoju-e-n,** kuin ol-isi-vat
 другой-PL идти-3PL качаться-CVB-INSTR как быть-COND-3PL
humala-ssa.
 хмель-INE

Другие шли, шатаясь, как будто пьяные.

Однако в область употреблений глагола *huojuu* включаются и другие объекты, кроме вытянутых и закрепленных снизу. Так, достаточно хорошо он сочетается с названиями объектов на неподвижной опоре.

- (21) **Juna huoju-u** eteen-päin, etelä-än.
 поезд качаться-3SG вперед-по.направлению юг-ILL

Поезд, качиваясь, едет вперед, на юг.

Большинство примеров этого типа описывают колебания транспортных средств, едущих по земле или плывущих по воде (хотя сочетание *vene huojuu* ‘лодка качается’ и в текстах встречается реже, и информантами признается менее охотно). Интересна возможность употребления глагола в данном контексте для описания поступательного движения: в примере (21) он обозначает одновременно колебательное движение и продвижение вперед. С названиями объектов, находящихся на прототипически колеблющейся опоре (на качелях, в колыбели), как и *heilua*, данный глагол не сочетается.

В некоторых других колебательных ситуациях употребление глагола *huojuu* также не исключается. Встречаются примеры в сочетании с названиями горизонтальных поверхностей, мятникообразных объектов и даже мягких вертикальных поверхностей.

- (22) **Jos lattia huoju-u,** niin perustuks-i-ssa on varmaan
 если пол качаться-3SG так основа-PL-INE быть.3SG вероятно
 jo-ta-in vika-a?
 который-PART-INDEF неисправность-PART

Если пол ходит ходуном, наверное, какая-то неисправность в фундаменте?

- (23) **Keinu huoju-u** tuule-ssa, puro virta-a oja-ssa, mutta minä
 качели качаться-3SG ветер-INE ручей течь-3SG канава-INE но я
 vain istu-n...
 лишь сидеть-1SG

Качели качаются на ветру, ручей течет в канаве, но я лишь сижу...

- (24) **Naurea-t verho-t huoju-vat** tuule-ssa, kuin
 хрупкий-PL занавеска-PL качаться-3PL ветер-INE как

aaltoile-va meri.
колыхаться-PT.ACT.PRS море

Хрупкие занавески качаются на ветру, как колышущееся море.

Нужно отметить, однако, что подобные примеры достаточно редки, причем примеры (23) и (24) взяты из стихотворных текстов, очевидно, стилистически маркированных, что может сказываться на словоупотреблении. Так или иначе, глагол *huojuu*, который находится в ядре исследуемого семантического поля, пополняет свою основную зону употребления некоторыми «периферийными» классами объектов.

Интересно, что при сочетании с обозначением одушевленного субъекта, в отличие от глагола *heilua*, данный глагол не обязательно содержит компонент неконтролируемости колебательного движения.

(25) **Isä seiso-o ove-lla huoju-e-n jala-lta toise-lle.**
отец стоять-3SG дверь-ADE качаться-CVB-INSTR нога-AVL другой-ALL
Отец стоял в дверях, переминаясь (букв. качаясь) с ноги на ногу.

3. Глагол *keinua*

Наиболее характерный класс употреблений этого глагола – контролируемые колебания одушевленных субъектов на опоре.

(26) **Mi-tä ajattele-t aikuise-sta, joka**
что-PART думать-2SG взрослый-ELA который
kein-u leikki-puisto-n keinu-ssa?
качаться-3SG игра-парк-GEN качели-INE
Что ты думаешь о взрослых, которые качаются на качелях на детской площадке?

Keinua – единственный глагол, допускающий подобные употребления. Кроме того, он, наряду с глаголами *huojuu* и *heilua*, может описывать колебания предметов на неподвижной опоре, т. е., колыбели или кресла-качалки, лодки на воде, поезда на рельсах⁵.

(27) **Yhtäkkiä keinu-tuoli alko-i keinu-a itse-kse-en.**
вдруг качаться-стул начать-PST-3SG качаться-INF сам-TRANSL-3SG
Вдруг кресло-качалка начало качаться само по себе.

(28=11) **E-n suosittelen juna-a jos ole-t huono**
NEG-1SG советовать.CN поезд-PART если быть-2SG плохой
nukku-ma-an: juna keinu-i ja heilu-i...
спать-SUP-ILL поезд качаться-PST.3SG и качаться- PST.3SG
Я не рекомендую поезд, если вы плохо засыпаете: поезд качался и шатался...

⁵ С объектами на подвесе глагол *keinua* сочетается плохо, хотя отдельные примеры встречаются и иногда признаются информантами.

Пример (28), уже приводившийся выше, интересен тем, что в нем сочетаются два глагола колебательного движения. Можно предположить, что они различаются по параметру направления движения: из самого специфичного употребления глагол *keinua*, отличающем его от всех других глаголов колебания, очевидно, что он обозначает движение вперед-назад (см. направление колебания, совершаемого человеком на качелях и в кресле-качалке). Следовательно, пример (28) можно было бы понять таким образом: поезд качается одновременно из стороны в сторону и взад-вперед, совершая толчки по направлению движения поезда.

4. Глагол *vaappua*

Этот глагол описывает равномерные колебания из стороны в сторону. Очень часто он употребляется при описании походки человека, переваливающегося при ходьбе из стороны в сторону, или утки. Отметим способность этого глагола также употребляться для обозначения поступательного движения.

(29) *Tasan kello kahde-lta kaupa-n ovi aukea-a ja*
 ровно часы два-ABL магазин-GEN дверь открываться-3SG и
sisä-än vaappu-u ankka.
 внутри-ILL качаться-3SG утка

Ровно в два часа открывается дверь магазина и внутрь, переваливаясь, заходит утка.

Информанты особенно подчеркивают сбалансированность, равномерность колебательного движения: в отличие от глагола *heilua*, который в сочетании с одушевленным субъектом чаще всего обозначает нетвердую походку пьяного, *vaappua* описывает, например, походку очень полного человека, именно переваливающегося, как утка.

Отдельного внимания заслуживает пример (30), к которому мы получили от одного из информантов интересное пояснение: по мнению этого носителя, здесь описана определенная женская походка на каблуках, при которой покачивают бедрами из стороны в сторону; таким образом, глагол относится не ко всему корпусу, поскольку на каблуках не переваливаются всем телом, а именно к той части, которая совершает равномерные колебания.

(30) *Naise-t vaappu-vat 13,5 senttimetri-n korko-keng-i-llä.*
 женщина-PL ковылять-3PL 13,5 сантиметр-GEN каблук-сапог-PL-ADE
Женщины покачиваются на каблуках 13, 5 см.

Сочетаясь с неодушевленными объектами, например, с лодкой на воде, глагол *vaappua* описывает такое же равномерное колебание из

стороны в сторону, на месте, когда лодка привязана к берегу, или во время движения (см. выше пример 12).

5. Глаголы *lainehtia/aaltoilla*

Эти два глагола, по-видимому, полностью аналогичны другу: они образованы от слов *laine* и *aalto* ‘волна’, возможно, пришедших в литературный язык из разных источников. Этимологический словарь финского языка для слова *laine* указывает только германский источник **hlainiz*, давший в различных германских диалектах слова со значением ‘холм’, а *aalto* возводится к некоторому праскандинавскому корню со значением ‘*iso laine*’, т. е. ‘большая волна’ [SSA-1: 46; SSA-2: 37]. Однако, если когда-то эти слова, вероятно, противопоставлялись по амплитуде, размеру волны, на настоящий момент никакого семантического различия ни между существительными, ни между соответствующими глаголами не обнаружено.

Lainehtia и *aaltoilla* – единственные глаголы, описывающие колебания воды.

(31) **Vesi aaltoil-i** raju-sti myrsky-sää-llä.
вода колышаться-PST.3SG сильный-ADV гроза-погода-ADE
Вода очень сильно волновалась во время грозы.

Метафорически они описывают также луг, воспринимаемый как горизонтальная поверхность.

(32) **Mi-ssä vielä 60-luvu-lla** **lainehti** **vilja**
где-INE еще 60-число-ADE колышаться.PST.3SG луг
lainehti-i nyt vesi.
колышаться-3SG теперь вода

Там, где еще в 60-х годах колыхался луг, колышется теперь вода.

В художественных текстах оба глагола также могут употребляться в сочетании с названиями вертикальных мягких поверхностей, хоть и значительно более редко, чем другие глаголы⁶ (см. ниже). Кроме того, у них есть переносное значение ‘быть волнистым’ (о волосах), ‘быть холмистым’ (о местности): идея колебательного движения уходит, остается как бы застывший рисунок колебания.

⁶ Подобные примеры вызывают недоумение большинства информантов. Некоторые предполагают, что значение глагола в них другое: что-то вроде ‘свисать, образуя волны’.

6. Глаголы *liehua* и *hulmuta*

Отличий в сочетаемости этих двух глаголов также не обнаружено. Оба они используются для описания колебаний мягких вертикальных поверхностей (флагов, занавесок, волос, белья на веревке).

- (33) Suome-n **lippu liehu-u** tuule-ssa.
Финляндия-GEN флаг развеваться-3SG ветер-INE
Флаг Финляндии развевается на ветру.

- (34) Jeani-n **hiukse-t hulmu-si-vat** kevye-sti tuule-ssa.
Жанна-GEN волос-PL развеваться-PST-3PL легкий-ADV ветер-INE
Волосы Жанны легонько развевались на ветру.

Этимологический словарь финского языка, ссылаясь на финско-шведский словарь Э. Лённрота 1874 года, в числе синонимов для глагола *hulmuta* приводит глагол *velloa* ‘бурлить, плескаться’, а в статье для глагола *liehua* указывает производное от него слово *liehu* ‘вязкая земля’, встречающееся в некоторых диалектах [SSA-1: 182; SSA-2: 68–69], однако в настоящий момент, насколько удалось выяснить, ни один из глаголов в литературном языке не сочетается с названиями мягких горизонтальных поверхностей.

Интересно, что глаголы, этимологически связанные с *liehua*, в разных диалектах имеют значение *loimuta* ‘пылать’ [SSA-2: 68–69], т. е. их прототипическим субъектом является огонь. В литературном финском оба глагола сочетаются с этим субъектом.

- (35) **Lieki-t hulmu-si-vat** jo kato-n raja-lla, ja
пламя-PL развеваться-PST-3PL уже крыша-GEN граница-ADE и
seinä-n taka-a kuulu-i tule-n räiske.
стена-GEN за-ELA слышаться-PST.3SG огонь-GEN треск
Языки пламени плясали уже на крыше, и из-за стены доносился треск огня.

- (36) Katsese-n kuinka **lieki-t liehu-vat** ympäri-llä-si.
смотреть-1SG как пламя-PL развеваться-3PL вокруг-ADE-2SG
Я смотрю, как огонь полыхает вокруг тебя.

В данный момент этот класс употребления сдвинут на периферию и даже осознается не всеми носителями, однако очевидно, что он сыграл важную роль в развитии значения данных глаголов. Идея огня как прототипической вертикальной мягкой поверхности представляется очень интересной с точки зрения языковой картины мира.

Заключение

При изучении лексической системы финского языка исследователь сталкивается с большой вариативностью: литературный язык богат словарными единицами, пришедшими из разных диалектов, долгое время существовавших практически изолированно друг от друга и потому значительно различающихся по лексическому составу. Эту особенность хорошо отражает структура исследованного в настоящей статье семантического поля: большинство рассмотренных нами глаголов имеют некоторый центральный компонент значения и класс употреблений, ощущаемый носителями как основой для данной словарной единицы, но при этом, чем ближе тот или иной глагол находится к ядру поля, тем больше других колебательных ситуаций он включает в свою зону. В результате подобной экспансии языковая норма *колеблется*, так что редко можно говорить об абсолютных запретах, однако это не мешает выделить основные компоненты значений глаголов и значимые для системы параметры.

Для финского языка релевантны параметры горизонтальности/вертикальности объекта (см. «горизонтальные» глаголы *aaltoilla, lainehtia* vs. «вертикальные» *liehua, hulmuta*, в значительной степени *heilua* и *huojua*), направления колебания (см. *vaappua, keinua*), равномерности (*vaappua*); существуют специальные глаголы для описания колебания мягких поверхностей (*aaltoilla, lainehtia, liehua, hulmuta*). Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает параметр контролируемости колебательной ситуации человеком (*heilua* vs. *keinua*). Данные о сочетаемости рассмотренных глаголов представлены в Таблице 1.

Мы надеемся, что объединение результатов нашей работы с существующими исследованиями по другим языкам поможет поднять новые вопросы, релевантные для данного семантического поля в типологической перспективе. Автор статьи благодарит информантов за непоколебимое спокойствие, терпение и помощь.

Таблица 1.

	heilua	huojua	keinua	vaappua	aaltoilla	lainehtia	hulmuta	liehua
Закрепленные снизу объекты (дерево)	+	+	+					
Объекты на подвесе (качели, люстра)	+	?	?					
Вертикальные мягкие объекты (занавеска, флаг)	+	?			?	?	+	+
Горизонтальные мягкие объекты (вода)					+	+		
Колебания на подвижной опоре (контролируемые: на качелях, в кресле-качалке)			+					

Колебания на неподвижной опоре (неконтролируемые: лодка на воде, поезд на рельсах)	+	+	+	+					
Деформация (старый мост)	+	+							
Человек	+	+		+					

Список глосс

ABL – аблатив; ADE – адессив; ADJ – адъективизатор; ADV – адвербиализатор; ALL – аллатив; CN – коннегатив; CVB – конверб; ELA – элатив; ESS – эссив; FREQ – фреквентатив; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMPERS – имперсонал; INDEF – неопределенность; INE – инессив; INF – инфинитив; INSTR – инструмент; INTRG – вопросительная частица; NEG – отрицательный глагол; PART – партитив; PL – множественное число; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PT.ACT – действительное причастие; PT.PASS – страдательное причастие; SG – единственное число; SUP – супин; TRANSL – транслатив.

Литература

- Велейшикова, Т. В.* Глаголы колебания: семантика и типология: (на материале германских и славянских языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2010, № 7 (97), 55–60.
- Кузнецова А. И.* Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX вв.). М., 1963.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкіна Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. / Ред. В. Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005, 304–314.
- Шапиро М. М.* Семантика глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка // Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3). СПб.: Изд-во «Наука», 2010, 176–180.
- SSA-1 – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 1, A–K. Päätoimittaja Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992 (2. painos 2001).
- SSA-2 – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 2, L–P. Päätoimittaja Ulla-Maija Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1995 (2. painos 2001).

Раздел 4. Воспоминания

Р. И. Канюкова (Нарьян-мар)

Искренне предана своему делу

В 2006 году мне, практику-методисту, судьба сделала подарок – стать участницей «Первой международной конференции по самодистике», научного форума, проходившего в столице Венгрии, в Будапеште, оставившего много впечатлений.

В первый же день привлекла мое внимание скромная обаятельная интеллигентная женщина, с которой нас поместили в смежных комнатах одного номера гостиницы. Это была Ариадна Ивановна Кузнецова. Удивила она меня своим мудрым спокойствием, добросердечностью.

С самого начала работы конференции в лице А. И. Кузнецовой вырисовывался образ лидера, ответственного и требовательного руководителя, обладающего большими организаторскими способностями. В моем воображении предстала «Великая могучая кучка XIX века», сильная сплоченная группа московских ученых во главе с уважаемой и авторитетной личностью А. И. Кузнецовой, чья муза, чьи этнолингвистические исследования и публикации посвящены языкам малочисленных народов Крайнего Севера и Сибири, с огромным опытом научно-исследовательской работы в полевых условиях.

Все выступающие московской группы в своих выступлениях опирались на научные статьи своего наставника, главного ученого группы. Чувствуется, что ее ученики идут к ней за советом, в течение конференции консультируются, а она в свою очередь не упускает из виду ни одного члена «своей могучей кучки», никто не ускользал от ее внимательных глаз.

Чувствуется в московской группе живой и работоспособный коллектив, внесший огромный вклад в науку. Ученики относятся к своей замечательной наставнице и помощнице с благодарностью и ответной заботой, преданы, как и она работе, которую по-настоящему любят. Все работают увлеченно с большим интересом.

И сейчас перед моими глазами стоит образ Ариадны Ивановны, образ высокопрофессионального специалиста, ученого с огромной работоспособностью, жизнерадостную, компетентную во всех сферах лингвистики, проявившей организаторские способности, пользующейся заслуженным авторитетом в обществе, женщина, связавшая свою судьбу с научной деятельностью. Ученый, передающий мастерство своей профессии, множеству учеников и последователей.

В течение всей конференции рядом со мной сидели ученики Ариадны Ивановны, Андрей и Олеся, которые побывали в Нельмин-Носе. Удивительно, в Будапеште шел разговор о поселке моего детства и о его людях.

А. И. Кузнецова, словно Петр Великий, всегда шла впереди нас, вела нас, россиян-участников международной конференции, призывая к серьезной работе, готовая прийти на помощь к любому, кто обратится к ней.

Каждая встреча с умными и добрыми людьми оставляет теплые воспоминания и настраивает на добрые дела. В последние годы, находясь на заслуженном отдыхе, сравнив свой возраст с возрастом Ариадны Ивановны, сделала вывод, что я тоже могу сделать добро для своего народа. В апреле 2008 года в Санкт-Петербургский филиал издательства «Просвещение» сдала методические разработки к действующему букварю на ненецком языке с программой, тематическим планированием и орфоэпическим словарем, а в настоящее время завершаю работу над учебно-методическим комплектом по изучению ненецкого языка учащихся, не владеющих этническим языком.

Примером для такой работы послужила неиссякаемая энергия и жизнелюбие А. И. Кузнецовой.

Документальные материалы

curriculum vitae (из архивов)

А. И. Кузнецова работает на филологическом факультете МГУ с 1957 г., сначала на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, а после открытия ОСиПЛ (отделение структурной и прикладной лингвистики, ныне переименовано в ОТИПЛ – отделение теоретической и прикладной лингвистики) – на кафедре при данном отделении. В 1990–1997 гг. заведовала кафедрой финно-угорской филологии, после расформирования которой снова продолжила работу на кафедре ОтиПЛ. К. ф. н. с 1963 (научный руководитель – В. А. Звегинцев, тема диссертации «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка с XI в. по XX в.»); д. ф. н. с 1989 (тема диссертации «Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики, на материале русского языка»); профессор – с 1991.

За годы работы в МГУ подготовила и прочитала более 30 общих и специальных лекционных курсов, в том числе по морфологии (общей теоретической и русской), по семантике, по истории лингвистических учений, по этно- и социолингвистике, по старославянскому и древнерусскому языкам, по введению в финно-угроведение, по типологии уральских языков, по самодистике и др.

Под ее руководством защищено 18 кандидатских диссертаций и более 100 дипломных работ.

В 1967 г. А. И. Кузнецова участвовала в первой научно-учебной лингвистической экспедиции по изучению неизвестного языка (лакского). В 1968–1977 гг. и 1998–1999 гг. она неоднократно была организатором и участником лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян и самодийцев (ненцев, энцев, селькупов), с 2000 г. руководит студенческой практикой по полевому изучению финно-угорских языков (марийского, коми-зырянского, удмуртского, эрзя-мордовского, хантыйского). В 1998, 1999, 2002 и 2003 гг. вместе с О. А. Казакевич и О. С. Парфеновой ездила в экспедиции к туруханским селькупам. По проекту «Экспедиции по маршруту путешествий М. А. Кастрена»

вместе с Т. Б. Агранат в 2006 г. ездила на Кольский п-ов, а 2007 г. – в Архангельскую обл.

А. И. Кузнецова опубликовала более 150 научных работ, в том числе «Понятие семантической системы языка и методы ее исследования» (1963); «Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект» (в двух томах: т. 1 – 1980, т. 2 – учебное пособие – 1993), написанные в соавторстве с бывшими учениками, участниками лингвистических экспедиций в районы Крайнего Севера РФ; «Словарь морфем русского языка» (в соавторстве с Т. Ф. Ефремовой), «Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения)», 2007. и др. Все работы привлекали внимание научной общественности, что нашло отражение в многочисленных рецензиях как за рубежом (рецензии У. Вейнрейха (Германия); А. Кюннапа (Эстония), Ю. Янхунена (Финляндия) и др.), так и в России (А. С. Герда, С. И. Богданова и др.).

А. И. Кузнецова принимает активное участие в работе конференций в России и за рубежом. Она является иностранным членом Научного финно-угорского общества (Хельсинки, 1991). Член специализированных советов при МГУ (с 1990), Институте языкознания РАН (с 1992), при Марийском государственном университете (с 1993), член экспертных советов ВАК и Минобраз по учебникам для национальных школ.

Список опубликованных работ А. И. Кузнецовой

1957

Рец. на кн.: *Hulbert J. R. Dictionaries British American. 1955* // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 145–146.

Рец. на кн.: *Carlsen I. M., Edwards P. M. H. A numericon of Russian inflection. 1955* // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 121.

1959

Рец. на кн.: *Els Oksaar. Semantische Studien in Sinnbereich der Schnelligkeit. 1958* // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 127–128.

1958–1960

Рец. на кн.: Иностранные словари 1955–1956 гг. издания // Лексикографический сборник. Вып. III, IV. М., 1958; 1960.

1960

Некоторые закономерности изменения значений слова (на материалах глаголов движения русского языка) // Русский язык в школе. 1960. С. 22–26.

Принципы семантики Стефана Ульмана // Тезисы доклада на VI пленарном заседании лексикологической комиссии 19–21 октября 1960 г. М., 1960.

1961

О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке // Вестник МГУ. Сер. VII. Филол. 1961. № 5. С. 34–48.

Основные принципы фонематического анализа в дескриптивной лингвистике и их приложение к материалу русского языка // Русский язык в национальной школе. 1961. № 5. С. 66–71 (совместно с В. П. Мурат).

1962

Из истории семантического развития глаголов движения русского языка // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II. М., 1962. С. 159–171.

Рец. на кн.: *Duchacek. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960* // Вестник МГУ. Сер. VII. Филол. 1962. № 1. С. 89–92. (совместно с В. А. Звегинцевым).

1963

Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX вв.). Автореф. дис. канд. фил. наук. М., 1963. 24 с.

Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (из истории разработки данной проблемы в зарубежном языкознании). М., 1963. 58 с.

1964

Рец. на кн.: *Wolkonsky C., Poltoratzky M. Handbook of Russian roots.* N. Y., 1961 // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 139–141.

1966

Специфика исторических изменений на семантическом уровне // Основные проблемы эволюции языка. Самарканд, 1966.

1967

Структурные методы анализа языка на семантическом уровне // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967.

1968

Заметки о структурных связях в пределах системы согласных фонем (на материале языка ганда) // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.

1970

Существуют ли в русском языке корневые морфемы, специфичные для имени или для глагола? // Язык и человек. 1970. С. 157–163.

Экспедиции в Коми АССР и Ненецкий национальный округ // Вестник МГУ. Филол. 1970. № 4. С. 89–90.

1971

Экспедиция к тазовским селькупам // Вестник МГУ. Филол. 1971. № 3. С. 75–77.

Характер интерференции коми и русского языков на различных языковых уровнях // Вестник МГУ. Филол. 1971. № 5. С. 56–67.

1972

Роль семантического фактора при морфологическом членении слов русского языка и составлении словаря морфем // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972. С. 254–258.

1973

Количественная оценка билингвизма в Коми АССР и зависимость ее от социальных факторов // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. С. 134–144.

Словообразовательный круг // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. С. 141–151.

Рец.: *Wotjak. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung.* Berlin, 1971 // Вестник МГУ. Сер. VII. Филол. 1973. № 4. С. 66–69. (совместно с О. А. Казакевич).

1974

О корневых словах современного русского языка // Оптимальные методы преподавания и теория русского языка. Ч. II. М., 1974. С. 1–5.

1975

О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975. С. 83–99. (совместно с О. А. Лавреновой).

Рец. на кн.: *Gribbble Ch. E. Russian Root List. With a Scetch of Word formation.* Cambridge, 1973 // Филол. науки. 1975. № 5. С. 107–108.

1976

Структура и распределение слов-одиночек в болгарском и русском языках // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. София, 1976. С. 295–298. (совместно с Д. А. Райновой).

Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 45–49.

1977

Морфемный анализ и проблемы диахронии // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977. С. 55–63.

Периферийные явления в морфологии русского языка (Слова-одиночки. Корневые слова) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 210–223.

1978

Специфика построения словаря морфем (основы слов) // Проблемы общей и терминологической лексикографии. Баку, 1978. С. 50–52.

Рец. на кн.: *Бардовіч А. М., Шахун М. Л. Марфемны слоўнік беларускай мовы.* Мінск, 1975 // Беларуская лінгвістыка. 1978. № 13. С. 76–77.

1980

Очерки по селькупскому языку. М., 1980. 407 с. (совместно с Е. В. Грушкиной, Е. А. Хелимским).

Периферийные явления в морфологии русского языка (Поликорневые слова. Бессуфиксальные слова) // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980. С. 128–141.

1981

Соотношение центра и периферии в области морфемики русского языка // Тезисы докладов конференции «Проблемы дериватологии». Вып. II. Пермь, 1981. С. 153–156.

1985

О необходимости учета диалектных данных при синхронном изучении словообразовательных явлений // Деривация и история языка. Пермь, 1985. С. 164–165.

Количественные критерии выделения центра и периферии при многомерном признаковом подходе к описанию языка // Съпоставительно езигознание. 1985. № 6. С. 16–25.

1986

Словарь морфем русского языка. М., 1986. 1134 с. (совместно с Т. Ф. Ефремовой). Рец.: С. И. Богданов, А. В. Голубева // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 140–144.

Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем (Предисловие к: А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка). М., 1986. С. 3–19.

Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов // Дери́вация и семантика: Слово – предложение – текст. Пермь, 1986. С. 43–50.

1987

Морфемные блоки и их роль в словообразовательной структуре русского языка // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 97–106.

Реликты исчезнувших словообразовательных моделей в морфемной структуре русского языка // Дери́вация и история языка. Пермь, 1987. С. 37–47.

Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Самодийские и енисейские языки. Томск, 1987. С. 31–39.

Рец. на кн.: Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Изд-во ЛГУ, 1985. С. 87–89.

1988

Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка). Автореф. докт. фил. наук. М., 1988. 38 с.

Структурно-семантические особенности образования слов на *-никъ* и *-цикъ/ -чикъ* в древнерусском языке // Проблемы деривации и номинации в русском языке. Омск, 1988. С. 26–29.

Морфемная глубина слова в русском языке (слова малой и большой глубины как периферийное явление русского языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 52–66.

1989

Лингвистическое наследие Л. А. Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. № 2. С. 51–53. (совместно с Е. А. Хелимским).

Особенности морфем и морфемной структуры слова в тексте // Прикладные аспекты лингвистики. М., 1989. С. 109–117.

Нормативные возможности словаря морфем // Дери́вация и деривационная лексикография. Владивосток, 1989. С. 147–159.

1991

Проблемы комплексного изучения языковых контактов (на материале языков народов Крайнего Севера) // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Л., 1991. С. 98–100.

Принципы деривации в восточнославянской лексикографической практике XVII в. // Принципы деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Пермь, 1991. С. 25–27.

1992

Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992. С. 92–101. (совместно с О. А. Казакевич).

1993

Является ли необратимым разрушение языка и фольклора тазовских селькупов? // Языки, культура и будущее народов Арктики (тезисы докладов конференции). Якутск, 1993. С. 35–36.

Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Тексты. Словарь. М., 1993. 198 с. (совместно с Л. Ю. Иоффе, О. А. Казакевич, Е. А. Хелимским).

Проблема декодирования слова на основе префиксальных биморфов // Морфемология и морфемография. Владивосток, 1993. С. 55–66.

Механизмы разрушения языка (на примере самодийских языков) // *Najdъ Péter 70 éves. Budapest, 1993. 231–236. old.*

Рец. на кн.: *Jelitte H. Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen; ein Beitrag zur altrussischen Wortbildung und Wortorsungen. Teil 1, 2. Frankfurt a. M. // Kritikon Litterarum 20. Slavjanska Filologija. 1993. S. 135–142.*

1994

Малочисленные народы и политика, направленная на их сохранение // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 130–135.

Необратимость разрушения языка и фольклора тазовских селькупов (к вопросу о трансформации духовной культуры) // Языки, культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1994. С. 80–82.

Миропонимание тазовских селькупов в древности (реконструкция на основе народных сказок) // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири (тезисы конференции). Тюмень, 1994. С. 176–178.

Функциональная эквивалентность структурно различных языковых единиц (о возможности корреляции функций падежных показателей и послелогов в некоторых языках уральской языковой семьи) // Принципы функционального описания языка. Тезисы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 1994. С. 99–100.

Рец.: *Мартынова Е. И.* Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Диссертация на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Новосибирск, 1993. 152 с. *Гальцова Н. П.* Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского

диалекта). Диссертация на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Новосибирск, 1993. 168 с. // *Linguistica uralica*. 1994. № 4. 69–74.

Штрихи к портрету // Еще волнуются живые голоса. Пермь, 1994. С. 19–24.

1995

Рец. на кн.: *Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Budapest // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 142–144.

Размышления о «Размышлениях...» В. В. Напольских // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 124–137.

Малые языки и их изучение на исходе XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы (Тезисы докладов международной конференции). М., 1995. С. 283–285.

О возможностях исторического изучения младописьменных языков // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков. Т. 1 (тезисы конференции). Новосибирск, 1995. С. 175–178.

Уралистика в «Красной книге народов России» // *Linguistica Uralica*. 1995. № 2. Р. 135–137.

Исследователи северного диалекта селькупского языка 1-й половины XX в. и их роль в истории создания современной самодистики // Субъекты РФ в условиях реформ (тезисы конференции). Томск, 1995. С. 85.

Polyfunctionality of the linguistic unit NA in the Tas-Turukhan dialect of Northern Selcup // *FU 8. Pars II. Jyväskylä*, 1995. P. 6–66.

Взаимосвязь компонентов в структуре самосознания социума // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 85–87.

Рец.: *Братчикова Н. С.* Видовременные формы индикатива, их типология и специфика в финском и русском языках // *Linguistica Uralica*. 1995. № 3. Р. 232–234.

1996

Некоторые проблемы социолингвистики в историческом рассмотрении (по данным обско-угорских и самодийских языков) // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 259–262.

Международные конгрессы как зеркало лингвистической жизни // Филология на рубеже XX–XXI вв. Тезисы. Пермь, 1996. С. 3–4.

Лексико-семантический анализ рефлексов ностратических корней в современных волжско-финских языках // Тезисы докладов международной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 51–56.

Забывшие письменности: их функции и причины исчезновения // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 138–143.

Рец.: *Кузнецова Н. Г.* Асимметричные явления и развитие селькупской глагольной парадигмы. Диссертация на соискание уч. ст. доктора фил. наук. Новосибирск, 1996 // *Linguistica Uralica*. 1996. № 3. Р. 231–236.

Обзор докладов по уралистике на международной конференции «Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур» // *Linguistica Uralica*. 1996. № 2. P. 153–155.

1997

Рец.: *Быкова В. В.* Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание уч. ст. доктора фил. наук. Новосибирск, 1996 // *Linguistica Uralica*. 1997. № 1. P. 64–68.

Типологическое изучение финно-угорских и самодийских языков в рамках одной семьи как одно из перспективных направлений современной уралистики // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении (тезисы конференции). М., 1997. С. 48–51.

Единицы хранения морфемной базы данных в МФ РЯ // Сборник СПбГУ. СПб., 1997.

Взаимосвязь экономии и избыточности в языке (В области русской морфемики) // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. СПб., 1997. С. 88–95.

Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 44–63.

Сохранение языка – путь к возрождению культуры народа и выживанию самого народа // Ханты-Мансийский автономный округ: историко-культурная и социально-экономическая характеристика в аспекте создания региональной энциклопедии (тезисы конференции). Тюмень, 1997. С. 125–126.

1998

Типология категории числа в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 340–347.

О двух ключевых моментах в изучении прибалтийско-финских языков // *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii*. 16.V.1998. S. 257–264.

A magyar finnugrisztika kapcsolatai az oroszországi uralisztikával // 125 éves a Budapesti finnugor tanszék. Jubileumi kötet. Budapest, 1998. 27–32. old.

Древние представления селькупов о болезни, смерти и сне (по материалам шаманских текстов и сказок) // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 231–241.

1999

Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999. С. 88–98.

Типологически уникальные черты в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Таруса, 1999. С. 151–155.

Особенности употребления рода в русской речи билингвов-селькупов в процессе коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация. Материалы первой международной конференции. М., 1999. С. 60–61.

Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии самодийских языков (на примере селькупского и ненецкого языков) // *Diachronie in der synchronen Sprachbeschreibung. Materialien zum internationalen uralistischen Symposium*. Hamburg, 1999. S. 69–74.

Типология внутренней формы слова в уральских языках // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Материалы международной конференции «21-е Дульзоновские чтения» (Ч. I). Уфа; Томск, 1999. С. 125–130.

Рец.: *Болсуновская Л. М.* Способы выражения действия в селькупском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 1998 // *Linguistica Uralica*. 1999. XXXV. № 3. P. 233–235.

2000

Старые социолингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социолингвистике) // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 18–33.

Идиоматические единицы с зоо-компонентами в уральских языках: поиски новых путей анализа // Труды Международного семинара Диалог²2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Протвино, 2000. С. 167–174.

Изменения в глагольном управлении в селькупском языке: спустя 65 лет после работы Г. Н. Прокофьева у туруханских селькупов // Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. С. 107–113.

Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars I. Tartu, 2000. P. 93–107.

Социолингвистика в начале III тысячелетия: основные задачи и трудности их разрешения (на материале уральских языков России) // Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ. СПб., 2000. С. 105–111.

Типология фразеологических единиц с соматическим компонентом в уральских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Саранск, 2000. С. 179–182.

Уральские заимствования в русских диалектах Сибири // Ежегодные Международные чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого. Евразия на перекрестке языков и культур. М., 2000. С. 50–52.

Финно-угорское языкознание в начале III тысячелетия: какие направления финно-угроведения будут приоритетными? // Финно-угорский вестник. 2000. № 3 (19). С. 21–24.

К вопросу о супине как самостоятельной инфинитивной форме в селькупском языке: инфинитив с целевым значением // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-ugristarum*. Pars II. Tartu, 2000. P. 141–142.

Рец.: *Ким А. А.* Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира // *Linguistica Uralica*. 2000. XXXVI. № 1. P. 74–78.

Рец.: Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Под ред. Л. П. Крысина. М., 2000. // *Вопросы филологии*. М., 2000. С. 107–109.

2001

Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примерах типологически разных языков – русского и селькупского) // *Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1. Аксаково, 2001. С. 132–140.

Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Bd. 23. Hamburg, 2001. S. 99–103.

Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации. М., 2001. 72 с. (совместно с М. Н. Кузьминым, О. И. Артеменко и др.).

Грамматические способы выражения дейксиса в уральских языках // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии*. Тезисы. Ижевск, 2001. С. 114–116.

Старый Торъял на распутье: к чему ведет смешение в одном селе разных марийских диалектов, литературного марийского и русского языков // *Volgan al-ueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья*. Turku / Турку – 16–18.8.2001. Tivistelmät – Тезисы докладов. Turku, 2001. С. 38–39.

Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре (по селькупским и ненецким материалам) // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Материалы XII *Западно-Сибирско археолого-этнографической конференции*. Томск, 2001. С. 276–279.

Проблема престижности русского литературного языка: два аспекта // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Труды и материалы. М., 2001. С. 309–310.

Языковая ситуация в марийском селе Старый Торъял // *Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы*. Тезисы докладов международной конференции. М., 2001. С. 114–117. (совместно с А. Н. Судобиной).

«Нанизывание» в уральских языках: сложная определительная конструкция по принадлежности // *Лингвокультурологические проблемы толерантности*. Тезисы докладов международной конференции. Екатеринбург, 2001. С. 355–358.

‘Гендер’ как категория социолнгвистики (по обско-угорским и самодийским материалам) // *Доклады Первой международной конференции «Гендер, язык, культура, коммуникация»*. М., 2001. С. 221–233.

Эволюция категории двойственного числа в баишенском говоре туруханских селькупов // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001.

2002

Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3. Под ред. А. И. Кузнецовой. М., 2002. (совместно с О. А. Казакевич и Е. А. Хелимским).

Старославянский язык // «Программы и учебный план отделения теоретической и прикладной лингвистики». М., 2002. С. 59–61.

Морфологическое описание языка и глоссирование текста: задачи лингвиста и автоматизированной системы (на материале селькупского языка) // Диалог'2002. Труды Международного семинара Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Т. 2. Прикладные проблемы. М., 2002. (совместно с А. А. Егорушкиным).

Корреляция между деривационными возможностями слов и их семантикой (на материале васюганского диалекта хантыйского языка) // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 57. Wiesbaden, 2002.

Признаки нестабильности категории императива в языке северных селькупов на протяжении XX века // XXIII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. 1. Томск, 2002. С. 268–273.

Специфика преподавания финно-угорских языков как иностранных в зависимости от целей обучения (на материале языков малочисленных народов РФ) // Научные издания Венгерского колледжа. II/2. М. 2002.

Категории неочевидности и возможности передачи ее в марийском и удмуртском языках // Пермистика-9: вопросы пермской и финно-угорской филологии. К 60-летию В. К. Кельмакова. Ижевск, 2002. С. 261–271.

Сферы взаимообогащения национальных культур при наличии межэтнических контактов (на примере общения селькупов с другими народами) // Славянские духовные традиции в Сибири. Тюмень, 2002.

Отражение традиционных культур и условий реальной жизни в образе женщины-матери (по материалам селькупского фольклора) // Образ женщины в традиционных культурах. М., 2002.

Вариативность средств выражения грамматических категорий в селькупском языке как свидетельство изменения языковой системы // Языки мира. Типология. Уралистика (Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания). М., 2002. С. 512–522.

Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений. / Под ред. А. И. Кузнецовой. СПб, 2002. 395 с. (совместно с О. А. Казакевич, Е. В. Грушкиной, Е. А. Хелимским).

Рец.: Байдак А. В. Глагольное управление в селькупском языке. Томск, 2001. 135 с. Зырянова Е. В. Структура селькупского глагольного слова в синхронии и диахронии. Томск, 2001. 154 с. // Lingvistica Uralica, 2002, № 3. С. 234–239.

2003

Неочевидность как шкала переходности: время или наклонение? (на примере селькупского и коми языков) // *Unnepi koetet Honti Laszlo tisztelete*. Eds/ Marianne Bakro-Nagy, Karoly Redei. Budapest: MTA Nyelvtudomanyi Intezete, 2003. S. 259–267.

Изучение языка в полевых условиях: на границе между этнографией и лингвистикой // I Международный симпозиум по полевой лингвистике. М., 2003.

2004

Мифология селькупов. Томск, 2004. (совместно с С. В. Глушковой, А. А. Ким-Малони, О. А. Казакевич, Н. А. Тучковой).

Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? (к постановке вопроса) // Исследования по теории грамматики. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 88–106.

Русский язык нерусскоязычного населения России на рубеже тысячелетий (на примере селькупов) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2004.

Предикатно-аргументные структуры в северных диалектах селькупского языка // Международный симпозиум: Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Казань, 2004.

Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и северной и центральной Азии. Ижевск-Лейпциг, 2003/2004. С. 249–259.

Языковые параллели: о чем могут рассказать сходства и различия языков, генетически и типологически разных? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2004. М., 2004.

Реконструкция традиционного сознания селькупов как междисциплинарная задача // Вестник РГНФ, 2004, № 3 (36). С. 218–224.

Синкретизм значений и грамматические особенности терминов родства и свойства в некоторых уральских языках // Сравнительно-историческое и общее языкознание (сборник статей в честь 80-летия В. А. Кочергиной). М., 2004. С. 143–156.

Взгляд лингвиста на проблему реконструкции традиционного сознания у самодийских и обско-угорских народов // Традиционное сознание сквозь времена: универсалии, динамика, рефлексия. Томск, 2004. С. 47–59.

Что, кому, зачем и как преподавать? (вопросы, связанные с преподаванием уральских языков Сибири в высших учебных заведениях) // Создание нового поколения учебников для высших учебных заведений по языкам коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. С. 58–70.

Рец.: *Керт Г. М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). – Петрозаводск, 2002, 187 с.; *Керт Г. М.* Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. – Петрозаводск, 2002,

111 с.; Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керга. – Петрозаводск, 2003, 221 с. // Вопросы языкознания, № 5, 2004. С. 118–121.

2005

Зоны синкретизма, создающие континуум лексической системы языка // Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005. М., 2005.

О степенях соответствия глагольного управления в уральских языках (на примере марийского и селькупского) // Актуальные проблемы финно-угорской филологии. Йошкар-Ола, 2005.

Явление синкретизма в системе частей речи в уральских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005.

Причины сходств и отклонений от них в традиционном мировоззрении народов западной Сибири (по материалам фольклора) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. К 100-летию В. Н. Чернецова. Томск, 2005.

Представления о судьбе в традиционных культурах Сибири: женские образы, олицетворяющие судьбу (на примере обско-угорских и самодийских культур) // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 248–269.

Проблемы множественной номинации в ономастическом пространстве (на материале уральских языков) // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005.

Роль языка при типологическом изучении культур (к постановке вопроса) // XXIV Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2005.

Что сказал бы Шварц о пунктуации в селькупском языке? // Сборник памяти Б. С. Шварцкопфа. М., 2005. С. 273–283.

Термины родства и свойства в языке бесермян: опыт использования комплексных методов работы в полевых условиях // Материалы I Международного симпозиума по полевой лингвистике. Махачкала, 2005.

Проблемы, связанные с родством культур уральских народов в различных регионах Евразии // Тезисы конференции «Языковые союзы Евразии». М., 2005.

Дефектные парадигмы в некоторых уральских языках // X Международный конгресс финно-угроведов. Pars II. Linguistica. Joshkar-Ola, 2005.

2006

Формы проявления самосознания у представителей малочисленных этносов уральских народов Сибири // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. II. Этнизация. М., 2006.

Какие факторы влияют на структуру дискурса (по материалам переводов иноязычных текстов на русский язык)? // Н.И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 308–312.

Забытое слово селькупского языка: что за ним скрывается? // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006.

Традиции и новации в полевых исследованиях (взаимозависимость результатов исследования и методик сбора и документации языкового материала) // II Международный симпозиум по полевой лингвистике. М., 2006.

Функциональные и грамматические виды связи предложений в селькупском языке // Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Томск, 2006.

Рец.: *Вахтин Н. Б., Головки Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2004, 236 с. // Вопросы языкознания, 2006, №1. С. 123–128.

2007

Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социоллингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007. – 114 с.

«Нанизывание» родительного падежа как норма и как стилистическая неадекватность (по материалам русского и финно-угорских языков) // III международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007. С. 441–442.

Вариативность как один из факторов расшатывания языковой системы в процессе языкового сдвига (на примере селькупского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб, 2007.

Термины родства и свойства в языке бесермян: опыт использования комплексных методов работы в полевых условиях // Полевая лингвистика. М., 2007.

В чем заключается влияние глобализации на изменения в диалектах? (на примере шокшинского диалекта эрзянского языка) // VII конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 2007. С. 83–84. (совместно с Е. В. Кашкиным, М. С. Шматовой).

Категория вербальной репрезентации в уральских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. – Москва 12–16 ноября 2007. М., 2007. С. 120–126.

Причины и характер изменений в языке жителей с. Шокша за прошедшее столетие // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. М., 2007. С. 96–100. (совместно с Е. В. Кашкиным, М. С. Шматовой).

Рец.: *Наумова М. В.* Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск 2006. 208 с. // *Linguistica Uralica*, XLIII, 2007, №3. С. 218–221.

Селькупский язык: новые требования к решению старых и новых задач // Научный вестник ЯН АО. Вып. 7 (51). Салехард, 2007.

2008

Фонетическая мозаика: задачки для Сандро Васильевича // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008. С. 215–225.

‘Know-how’ Надежды Васильевны Лукиной как исходная точка для сравнения языков и культур разных народов // Археология и этнография Приобья:

материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этимологии. Вып 2. К 70-летию Н. В. Лукиной. Томск, 2008.

Синкретизм частей речи в русском и уральских языках (к вопросу о специфике составления двуязычных словарей разных типов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып.7 (14). По материалам международной конференции «Диалог-2008». М., 2008. С. 292–296.

Два аспекта рассмотрения предикатно-аргументных структур в селькупском языке: семантические особенности глагола и специфика модели глагольного управления в двупредикатных конструкциях // **LENCA-2. Типология аргументной структуры и синтаксических отношений.** Казань, 2008.

Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. Сборник статей. М., 2008. С. 103–113.

Прямая и косвенная речь в селькупском языке // Материалы 2-ой международной конференции по самодистике. Сб. к 100-летию Н. М. Терещенко. СПб, 2008. С. 143–152.

2009

С чего начинается полевая работа и какова ее роль в лингвистических исследованиях (на примере коми языка) // III Международная конференция по полевой лингвистике: тезисы и материалы. М., 2009. С. 104–107.

Изменение границ этноязыковых процессов у уральских народов за последние полтора века от Лапландии до Западной Сибири // VIII Конгресс Этнографов и антропологов России, Оренбург, 2009 (совместно с Т. Б. Агранат).

2010

Динамика русских глаголов движения с XI по XX в. Воронеж, 2010.

Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Под общей редакцией А. И. Кузнецовой. Екатеринбург, 2010 (совместно с О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкиным, М. Н. Усачёвой).

Слово о В. А. Звегинцеве // Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития. М., 2010. С. 3–4.

«Карнавал животных» и проблемы ретрогностики (на материале уральских языков) // Проблемы компьютерной лингвистики. Вып.4. Воронеж, 2010. С.126–133.

О чем могут рассказать маргиналии в полевых тетрадях Л. А. Варковицкой // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen.* Bd 32/33 – Hamburg. S. 362–373.

Явления энантиосемии в уральских языках (на примере коми, ненецкого, селькупского языков) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике. Посвящается 100-летию Г. Д. Вербова и 75-летию Я. Н. Поповой. Новосибирск, 2010. С. 135–143.

Оглавление

От авторов и составителей.....	5
Раздел 1. Уралистика: Самоедология.....	6
<i>А. В. Дыбо (Москва)</i> . Пратюркский и прасамодийский – контактная лексика.....	6
<i>И. П. Сорокина (С-Петербург)</i> . Сложные лексические единицы в самодийских языках.....	27
<i>Л. А. Ильина (Новосибирск)</i> . Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках.....	32
<i>С. И. Буркова (Новосибирск)</i> . К вопросу о «вопросительной» форме <i>-sǎ</i> в ненецком языке.....	48
<i>В. Ю. Гусев (Москва)</i> . Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии.....	69
<i>О. В. Ханина (Лейпциг)</i> , <i>А. Б. Шлуинский (Москва)</i> . Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания.....	76
<i>В. Wagner-Nagy (Hamburg)</i> . Possessive Constructions in Nganasan.....	95
<i>А. Ю. Урманчиева (Москва)</i> . Следы говорки на Таймыре: образец фольклорного текста.....	103
<i>О. А. Казакевич (Москва)</i> . Селькупский богатырский эпос: современная запись.....	116
<i>М. Д. Люблинская (С-Петербург)</i> . Параллели «сельских поэм» Вергилия в ненецкой литературе.....	121
<i>А. А. Кретов (Воронеж)</i> . Параметрические особенности ненецкого словаря.....	131
<i>Г. А. Аксянова (Москва)</i> . Угорские и самодийские народы: сравнительная антропологическая характеристика.....	149
Раздел 2. Уралистика: Финно-угристика.....	166
<i>С. Ю. Толдова (Москва)</i> , <i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> . Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект).....	166
<i>Е. А. Цыпанов (Сыктывкар)</i> . О малоизвестных деепричастиях в коми диалектах.....	178
<i>Е. В. Кашкин (Москва)</i> . О роли целостного рассмотрения языковой системы в лексической типологии (опыт исследования коми- зырянских и хантыйских глаголов со значением ‘ломать’).....	184
<i>Н. Л. Шибасова (Москва)</i> . Цельно- и раздельнооформленные парные прилагательные обладания объектом vs отсутствия объекта в волжских и пермских языках.....	201
<i>Т. Б. Агранат (Москва)</i> . Сохранность полипредикативного синтаксиса и социолингвистический статус прибалтийско-финских языков.....	212

Ф. И. Рожанский (Москва, Тарту), Е. Б. Маркус (Москва, Тарту). О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов	219
М. Пиккарайнен, Е. Протасова, А. Репонен, И. Саммалкорпи (Хельсинки). Актуальные вопросы русско-финских языковых контактов.....	233
Ахти Никунласси (Хельсинки). Болевые предикаты в финском языке	255
Н. Н. Колпакова (Санкт-Петербург). Паронимы и паронимия (на материале венгерского языка).....	274
Раздел 3. Miscellanea	282
Ж. Ж. Варбот (Москва). О двух потенциальных полонизмах в русском языке.....	282
С. П. Виноградова (Москва). Что «читал» Заратуштра?	286
А. Е. Аникин (Новосибирск). Образы деторождения и детства в языке и фольклоре народов Сибири: несколько наблюдений.....	289
О. В. Федорова, Е. А. Деликишикина (Москва). Игнат и его друзья: десять лет спустя (экспериментальный анализ детского дискурса).....	300
Л. Л. Федорова (Москва). Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах	318
Т. Ю. Кобзарева (Москва). Свойства рекурсивности и синтаксической суверенности (фрагмент грамматики поверхностно- синтаксического анализа русского предложения).....	334
В. А. Плунгян (Москва). «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов	352
В. И. Беликов (Москва). Юбилей в словарях и в узусе: социолингвистический урок	361
Раздел 4. «Площадка молодняка»	376
Н. А. Муравьев (Москва). О семантической мотивированности противопоставления «временной контекст – сопровождающее обстоятельство» в деепричастиях финно-пермских языков	376
А. А. Ладыгина (Москва). Дзирыт, meleg или х? Системы температурных прилагательных в венгерском, коми-пермяцком и хантыйском языках.....	386
М. М. Шапиро (Москва). Семантика глаголов колебательного движения в финском языке.....	401
Раздел 4. Воспоминания.....	415
Р. И. Кашокова (Нарьян-мар). Искренне предана своему делу.....	415
Документальные материалы.....	417
Curriculum vitae (из архивов).....	417
Список опубликованных работ А. И. Кузнецовой	419